УДК 88-94
ББК 63.3(2)
Я47

Яковлев А. Н.

Я47 Сумерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. — М.: Материк, 2005. — 672 с.

ISBN 5-85646-147-9

Академик А. Н. Яковлев — известный общественный и политический деятель, историк и дипломат. В эпоху Перестройки (1985—1991) он стал одним из лидеров процесса реформирования страны на демократической основе.

Его книга — не просто воспоминания о прожитом, это — глубокое исследование советского социально-политического строя и его эволюции, анализ преступных методов правления страной руководством КПСС, приведших к политическому и экономическому краху страны. Размышления А. Н. Яковлева подкрепляются документами, еще недавно носившими гриф секретности.

УДК 88-94
ББК 63.3(2)

ISBN 5-85646-147-9

ПРЕДВАРЯЮЩИЕ ЗАМЕТКИ

«Вчерашний раб, уставший от свободы, возропщет, требуя цепей», — эти строки Максимилиана Волошина достаточно точно отражают и сегодняшнее состояние российского общества.

Автор

Этой книгой я приглашаю читателей поразмышлять о судьбе России и ее народов в прошлом столетии и начале нынешнего, о том, почему Россия увязла в смутах, революциях и контрреволюциях, войнах и конфликтах, в кровавых репрессиях, ленинско-сталинской деспотии и людской нетерпимости. Почему сегодня чиновничий авторитаризм грозовой тучей повис над страной.

Свои рассуждения о прошлом я рассматриваю через призму событий Мартовско-апрельской демократической революции 1985 года, ее истоков и причин, равно как и последствий Реформации России. Сегодня собралась многочисленная толпа критиков *Перестройки*. Конечно, нас, реформаторов первой волны, есть за что критиковать. Я и сам это делаю, не щадя ни себя, ни других. Но сейчас считаю уместным ответить тем критикам, которые назойливо утверждают, что преобразования в 1985 году начались без всякого плана и даже без идей.

Что касается плана, то его и не могло быть. Крутые общественные перемены, связанные со сменой общественного строя, не могут иметь точно обозначенных программ, тем более расписаний действий. Очень часто многое складывается из случайностей, неожиданностей характеров и капризов людей, особенно лидеров или главарей, их трусости и смелости, коварства и мягкосердечия. Трудно, скажем, поверить в закономерность термидорианского переворота во Франции в 1794 году или октябрьского контрреволюционного переворота в России в 1917 году. То и другое произошло вопреки «законам истории», на которых строится философско-историческая концепция марксизма. В этой связи следует согласиться с утверждением Бокля, что революция — это «варварская форма прогресса».

В конкретных условиях 1985 года было бы политическим мальчишеством, губительным авантюризмом предложить правящей номенклатуре некий «план» коренной реформации общественного строя, включавшей в себя ликвидацию моно-

власти, моноидеологии и монособственности. Кто бы принял его? Кто? Аппарат партии и государства? КГБ? Генералитет? Речь-то шла о смене жизненного уклада, а не только о санитарной обработке грязного белья.

Что касается конкретных предложений, то их было в достатке. И не только у людей, которые осознанно встали на путь реформ. Уже в первые месяцы Перестройки на Политбюро говорилось о том, что необходимо вести дело к прекращению «холодной войны» и ядерного противостояния, афганской войны, о децентрализации экономики. Активно обсуждались проблемы демократизации общественной жизни. Подчеркивалось, чтобы все политические шаги носили эволюционный характер, исключали насилие.

Что касается моих личных представлений о будущем страны, то они были достаточно определенными. В этой связи позволю себе упомянуть два моих документа, относящихся к декабрю 1985 года, то есть первого года Перестройки. Один — из моего архива, другой — из архива М. Горбачева. Публикую их с некоторыми сокращениями.

Многие из этих соображений нашли отражение в моих более поздних выступлениях и статьях. Но не только. Сегодня данные документы могут представлять интерес как временем их создания, так и тем, что они помогают понять, как это все начиналось, поскольку значительная часть того, о чем будет сказано ниже, постепенно входила в жизнь.

Заметки из моего архива:

«1. О теории. Догматическая интерпретация марксизма-ленинизма настолько антисанитарна, что в ней гибнут любые творческие и даже классические мысли. Люцифер, он и есть Люцифер: его дьявольское копыто до сих пор вытаптывает побеги новых мыслей. Сталинские догмы чертополошат, и с этим, видимо, долго придется жить.

Общественная мысль, развиваясь от утопии к науке, осталась во многом утопической. Утопической, ибо механически виделись представления о строительстве социализма, быстром перескоке в коммунизм, об обреченности капитализма и т. д. Слишком жидкими были информационные поля, которые обрабатывались предшественниками. В нашей практике марксизм представляет собой не что иное, как неорелигию, подчиненную интересам и капризам абсолютной власти, которая десятки раз возносила, а потом втаптывала в грязь своих собственных богов, пророков и апостолов.

Но коль скоро речь идет, прежде всего, о самих себе, то необходимо хотя бы попытаться понять, как мы, стремясь ввысь, к вершинам благоденствия материального и совершенства нравственного, отстали.

Политические выводы марксизма неприемлемы для складывающейся цивилизации, ищущей путь к смягчению исходных конфликтов и противоречий бытия. Мы уже не имеем права не считаться с последствиями догматического упрямства, бесконечных заклинаний в верности теоретическому наследию марксизма, как не можем забыть и о жертвоприношениях на его алтарь.

Столь назревшие прорывы в теории способны обуздать авторитарность, пренебрежение к свободе и творчеству, покончить с моноидеологией.

2. О социализме и социалистичности. Хрущевский коммунизм был разжалован в брежневский «развитой социализм», но от этого наши представления о социализме не стали убедительнее — это мягко говоря.

Почему так? На мой взгляд, потому, что все представления о социализме строятся на принципе отрицания. Буржуазность введена в сан Дьявола. С рвением более лютым, чем святоинквизиторы, ищут чертей и ведьм в каждой живой душе. Ложью отравлена общественная жизнь. «Руководством к действию» сделали презумпцию виновности человека. Двести тысяч подзаконных инструкций указывают человеку, что он потенциальный злоумышленник. Указано, какие песни петь, какие книги читать, что говорить. Свою порядочность нужно доказывать характеристиками и справками, а конформистское мышление выступает как свидетельство благонадежности.

Умертвив опыт катком извращенной классовости (Сталин даже в нищей стране «находил» постоянно рождающихся капиталистов), социализм тем самым отрезал себе путь в будущее — в вакуум дороги нет. И пошли назад в феодализм, а в Магадане и в иных «местах, не столь отдаленных», опустились до рабства.

Монособственность и моновласть — не социализм. Они были еще в Древнем Египте. К действительному социализму, на мой взгляд, нужно идти, опираясь на рыночную экономику, налаживая свободное, бесцензурное передвижение информационных потоков, создавая нормальную систему обратных связей.

Тысячу лет нами правили и продолжают править люди, а не законы. Надо преодолеть эту парадигму, перейти к новой — правовой.

Речь, таким образом, идет не только о демонтаже сталинизма, а о замене тысячелетней модели государственности.

3. Об экономике. Как мы умудряемся в потенциально самой богатой стране мира десятилетиями жить впроголодь и дефицитно?

Два невиданных ограбления — природы и человека — основной экономический закон сталинизма. Действием этих законов, и только им, объясняются «грандиозные, фантастические, невероятные» и прочие успехи страны...

В ранг закона введено абсурдное положение: «невозможно обеспечить непрерывный рост народного хозяйства без преимущественного развития производства средств производства». В итоге создана «экономика для экономики», развивающаяся уже независимо от Госплана. Несколько пятилеток подряд съезды партии и пленумы ЦК принимают решения об ускоренном развитии группы Б, но происходит все наоборот. Самоедство экономики разрушительно.

Смелее надо оперировать такими понятиями, как экологоемкость экономики, мегасинтез товара, времяемкость, качество как непознанное количество, информационное облагораживание товара (то, что в приближении именуется наукоемкой продукцией). Еще нет понимания, почему информация должна стать главным товаром мировой торговли, почему производство средств информатики — это локомотив экономики.

Демократическое общество может быть создано только тогда, когда все его руководители и народ поймут, осознают, что:

а) нормальный обмен трудовыми эквивалентами возможен исключительно на рынке: другого люди не придумали. Безрыночный социализм — утопия, причем кровавая;

б) нормальной экономике нужен собственник, без него нет и свободного общества. Уйдет страх, и старое общество развалится, ибо появится экономический интерес.

Человек — биосоциальное существо, движимое интересами. Есть интерес — горы свернет, нет интереса — спокойно проходит мимо своих годовых зарплат, валяющихся в металле или бетоне.

Отчуждение человека от собственности и власти — ген наших пороков. Преодолеть это отчуждение — императив Перестройки;

в) обществу, как воздух, нужен нормальный обмен информацией. Он возможен только в условиях демократии и гласности. Нормальная система обратных связей — это вестибулярный аппарат общества.

Итак, основные слагаемые Перестройки:

а) рыночная экономика с ее оплатой по труду;

б) собственник как субъект свободы;

в) демократия и гласность с их общедоступной информацией;

г) система обратных связей.

4. Управление. Оно архаично, гениальным образом связывает человека по рукам и ногам.

Будущее — в самостоятельных фирмах, межотраслевых объединениях и т. д. Предприятие, фирма, объединение должны иметь дело только с банком: финансово-кредитная система — вершина управленческой пирамиды. А Госплан должен составлять государственные и общественные программы, конкурсно распределяя ресурсы и капитальные вложения. А для этого нужен нормальный рынок всего и вся, но прежде всего рынок капитала.

Отраслевые министерства — это монстры сталинизма, станина механизма торможения экономических реформ, это супермонополии, где словно в «черной дыре» гасится научно-технический прогресс. Министерства могут только гнить. У нас практически нет государственной экономики. Есть отраслевая, мафиозная... Переложение затрат на потребителя и на природу, инфляционно-дефицитный способ хозяйствования — императив в отраслевой боярщине. Хрущев, разогнав министерства, был абсолютно прав. Но, к сожалению, сделал это, как и многое другое, в кавалерийском стиле.

5. О партии. Практика, когда партия в мирное время руководит всем и вся, весьма зыбкая. Соревновательность в экономике, личная свобода и свобода выбора на деле неизбежно придут в противоречие с моновластью. Но власть есть власть. От нее добровольно отказываются редко. Так и КПСС, особенно учитывая ее «орденомеченосный» характер. Надо упредить события. Возможно, было бы разумным разделить партию на две части, дав организационный выход существующим разногласиям. Но это особая тема для тщательного и взвешенного обдумывания».

Эти тезисы вызревали у меня давно, но их доработку я закончил к началу декабря 1985 года. Дату поставил 2 декабря — день моего рождения. Тогда я не показал их Горбачеву. Возможно, побоялся, особенно из-за того, что там присутствовали тезисы о рыночной экономике и разделении партии. В то время я еще не был в составе высшего эшелона власти. Мог перепугать всех до смерти, а возможно, и навредить делу. Но через три недели, в конце декабря 1985 года, пользуясь тем, что с Михаилом Сергеевичем доверительные отношения развивались по восходящей, я все же решил превратить эти заметки в неофициальную записку Горбачеву. Озаглавил ее «Императивы политического развития».

«Апрель 1985 года лишь положил начало надеждам, но уже само его настроение отразило тревогу за происходящее. Жизнь втягивает общество в эпоху неизбежных перемен. Всякое торможение, пусть и неосознанное, губительно. Кроме прочего, политическая струна настолько натянута, что при срыве может ударить очень больно...

Цель всех грядущих преобразований — человек во всех его взаимосвязях и проявлениях — производство, общество, политика, культура, быт, интересы, психология, здоровье и т. д.

Сегодня вопрос упирается не только в экономику — это материальная основа процесса. Гвоздь — в политической системе, а вернее — в ее работе, движении, ее нацеленности на человека, в степени ее служебной роли. Отсюда необходимость:

1. Уничтожения разрыва между словом и делом, все более тесного слияния интересов личности, групп, общества в целом.

2. Последовательного и полного (в соответствии с конкретно-историческими возможностями на каждом этапе) демократизма.

3. Развития личности как самостоятельной и творческой.

4. Реального вовлечения всех и каждого в совершенствование жизни на местах и в государстве в целом. Это — главный пункт, от которого зависит решение и первых трех. Здесь же — основа ликвидации социальной неудовлетворенности, так как, во-первых, люди будут сами отмечать положительные сдвиги, темп которых значительно ускорится; во-вторых, они, приобретая вместе с правами и ответственность, сами будут видеть, что сегодня реально, а что — нет; в-третьих, не кто-то «сверху», а сами они, массы, будут ответчиками за все происходящее, в том числе и за все несделанное и упущенное.

Об основных принципах Перестройки.

1. Демократия — это, прежде всего, свобода выбора. У нас же — отсутствие альтернативы, централизация. Мы как бы зажали диалектику противоречий и хотим развиваться лишь на одной их стороне. Отсутствие выбора во всех сферах и на всех ступенях (азиатское прошлое, история страны вообще, враждебное окружение и т. д.). Сейчас мы еще не понимаем сути уже идущего и исторически неизбежного перехода от времени, когда не было выбора или он был исторически невозможен, ко времени, когда без демократического выбора, в котором участвовал бы каждый человек, успешно развиваться нельзя.

2. Комплексность реформирования всех сторон жизни — от экономики до «формальных», внешних признаков демократизма.

3. Одновременность или даже опережающими темпами в ключевых сферах (прежде всего, в партии).

4. Решительность, ограниченная лишь реальными возможностями, с учетом процесса постепенного — пусть и в перспективе — отмирания ряда государственных функций. Возможно, будет нужен и эксперимент локального (в пространстве и времени) значения.

5. Привлечение сил науки к разработке и проведению процесса экономической и политической демократизации и контроля за ее промежуточными результатами.

О выборах. Выборы должны быть не избранием, а выбором, причем выбором лучшего. Можно ограничить число выдвигаемых кандидатов (но не менее двух). Депутат должен зависеть от избирателей, действительно выражать их мнения своими устами, а не свое мнение от их имени. Подотчетность и сменяемость депутатов. Реальный отзыв депутатов — с публикацией, объяснениями.

О гласности. Всесторонняя гласность, исчерпывающая и оперативная информация — непременное условие дальнейшей демократизации общественной жизни.

О судебной власти. Реальная независимость судебной власти от всех других ее видов... Независимость судьи, реальные гарантии независимости — в принципах судоустройства, порядке отзыва и так далее... Судебная деятельность должна быть профессией. Сейчас желающих вмешиваться в отправление правосудия хоть отбавляй. Надо рассматривать такое вмешательство как преступление, караемое по закону.

Уголовный кодекс — твердость, стабильность. Неотвратимость и жесткость наказания для антиобщественных элементов, особенно для воров, беспощадность — для убийц.

О правах человека. Должен быть закон о правах человека и их гарантиях, закон о неприкосновенности личности, имущества и жилища, о тайне переписки, телефонных разговоров, личной жизни. Осуществление права на демонстрации, свободу слова, совести, печати, собраний, права на свободное перемещение. Мы хотим, чтобы у каждого были великие гражданские обязанности, но это возможно лишь в том случае, если будут великие гражданские права. Широчайшая судебная защита прав личности по любому вопросу, вплоть до обжалования действий государственных органов. Гражданин должен иметь право предъявить иск должностному лицу и

любой организации. Нужны административные суды. Надо конституционно зафиксировать обязанности государства по отношению к гражданину.

Закон и подзаконные, нормативные акты. Закон должен иметь императивный характер... Прокуратура, призванная в принципе следить за исполнением закона, бездействует по существу. Даже министры, не говоря уже о Совете Министров, нарушают большинство законов своими предписаниями и указаниями.

Человек должен иметь уверенность в лояльном и оперативном рассмотрении его нужд, жалоб компетентными людьми и организациями. Сейчас за незаконный отказ никогда и никого не наказывают. А вот за законное разрешение наказывают. Поэтому привилась система: сначала отказать, потом, может быть, положительно решить...

Экономические вопросы. Создание единой саморазвивающейся основы, обеспечивающей органическое единство интересов человека, коллектива и общества.

Право на хозяйственную инициативу не только у коллективов, но и у личности. Концерны и тресты на полном хозяйственном расчете. Возможно, подумать о том, чтобы вся система обслуживания и торговли была построена на кооперативных началах. Нужен кодекс хозяйственного права, но лишь при самостоятельности контрагентов. Нужен современный КЗоТ — у нас допотопный.

Обуздать Министерство финансов, которое в погоне за сегодняшней копейкой лишает общество сотен и тысяч рублей завтра. Ликвидировать финансовый произвол.

Трансформация монополии внешней торговли, решительная интеграция с восточноевропейскими странами (как первый этап), а затем — и с Западом...

Это будет революционной перестройкой исторического характера. Пресс требований времени будет ослаблен. Такие вопросы, как активность личности, смена людей, борьба с инерцией и т. д., будут решаться без особых издержек. Политическая культура общества будет расти, а значит, и реальная стабильность».

Итак, холодный декабрь 1985 года, а для моего душевного мира наступала весна. Я как бы помирился с совестью, когда изложил свое личное представление о характере и путях общественных преобразований, как я их понимал к тому времени. Реформация еще только проклевывалась, как птенец из яйца. Власть КПСС еще казалась незыблемой. В преамбуле к этой записке я, конечно, писал, что предлагаемые меры

приведут к укреплению социализма и партии, хотя понимал, что радикальные изменения в структуре общественных отношений приобретут собственную логику развития, предсказать которую невозможно, но в любом случае одновластию партии и сталинскому социализму там места не останется.

Читатель, прочитав эти давние соображения сегодня, надеюсь, поймет причины моей душевной оторопи от дней сегодняшних. Конечно же я знаю, что ожидания редко совпадают с реальностью, что надежды всегда окрашены в романтические цвета, а жизнь швыряет их на жесткую, а порой и грязную землю. Понимаю и то, что Россия сделала огромный шажище вперед — к демократии и свободе и только квартиранты номенклатурных пещер не хотят этого признавать. И тем больнее видеть властные усилия по реставрации прошлого под флагом стабилизации, по ограничению свободы слова, военизации сознания под флагом патриотизма. Сформировалась ложная концепция, гласящая, что экономические реформы возможны только в условиях авторитарной власти, поскольку, мол, характер нации пронизан своеволием, анархизмом, разгильдяйством. Каков народ, таковы и песни. Цинизм без границ.

Россия тысячу лет страдала от нищенства и бесправия. Если нынешняя чиновничья номенклатура, олицетворяющая социалистическую реакцию, не задушит уже осуществленные, равно как и объявленные реформы, то Россия спасена, и никто не остановит ее движение к свободе и процветанию. Но пока что продолжается медленное течение странного времени — времени выживания и надежды. А еще — времени равнодушия к бесправию и произволу. И гадания, как на лепестках ромашки, — «задушит чиновник — не задушит».

Господствующая и торжествующая продажная номенклатура, будучи авторитарной по определению, упорно формирует мнение о необходимости авторитарного режима, ловко использует их в целях усиления собственной власти. Набирающее силу отмывание прошлого, особенно злодеяний Ленина и Сталина, навязчивая пропаганда «славных подвигов» спецслужб, как грязных денег, — очевидное тому доказательство. Ползучая реставрация нарядилась в одежды стабилизации. Разрыв между словами и делами снова стал повседневным занятием политиков. Иными словами, непереносимо, когда рушится здание, в фундаменте которого есть и твои кирпичи. Даже в страшном сне не могло присниться, что по стране зашагают отряды мерзавцев, а не созидателей, готовых отстаивать свободу человека.

Не везет России с реформами. Давно не везет. Точнее и тоньше всех высмеял наши реформы, начиная с петровских, Николай Гоголь. Во 2-й части «Мертвых душ», которые превращены гением писателя из мертвых в «вечно живые», направил он незабвенного «вечно русского» — старого и нового — Павла Ивановича Чичикова к неистовому реформатору полковнику Кошкареву, истинному птенцу «гнезда Петрова», безгранично верившему в бюрократические начала реформ.

«Вся деревня была вразброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревен по всем улицам. Выстроены были какие-то домы, вроде каких-то присутственных мест. На одном было написано золотыми буквами: «Депо земледельческих орудий»; на другом: «Главная счетная экспедиция»; далее: «Комитет сельских дел», «Школа нормального просвещения поселян». Словом, черт знает чего не было!

...Полковник принял Чичикова отменно ласково. По виду, он был предобрейший, преобходительный человек: стал ему рассказывать о том, скольких трудов ему стоило возвести имение до нынешнего благосостояния; с соболезнованием жаловался, как трудно дать понять мужику, что есть высшие побуждения, которые доставляет человеку просвещенная роскошь, искусство и художество; что баб он до сих <пор> не мог заставить ходить в корсете, тогда как в Германии, где он стоял с полком в четырнадцатом году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано; что, однако же, несмотря на все упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Виргилиевы «Георгики», или «Химическое исследование почв»...

Много еще говорил полковник о том, как привести людей к благополучию... Он ручался головой, что, если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны, — науки возвысятся, торговля подымется и золотой век настанет в России».

Когда Чичиков объявил о своих надобностях в неких душах, полковник попросил его изложить просьбу письменно, поскольку «без бумажного производства» никак нельзя, а Чичикову поможет специально отряженный комиссионер.

— Секретарь! Позвать ко мне комиссионера! — Предстал комиссионер, какой-то не то мужик, не то чиновник. — Вот он вас проводит <по> нужнейшим местам.

Чичиков решился, из любопытства, пойти с комиссионером смотреть все эти самонужнейшие места. Контора подачи рапортов существовала только на вывеске, и двери были заперты. Правитель дел ее Хрулев был переведен во вновь образовавшийся комитет сельских построек. Место его заступил камердинер Березовский; но он тоже был куда-то откомандирован комиссией построения. Толкнулись они в департамент сельских дел — там переделка; разбудили какого-то пьяного, но не добрались от него никакого толку. «У нас бестолковщина, — сказал, наконец, Чичикову комиссионер. — Барина за нос водят...» Далее Чичиков не хотел и смотреть, но, пришедши, рассказал полковнику, что так и так, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссии подачи рапортов и вовсе нет».

Кошкареву «вследствие этого события пришла ... счастливая мысль — устроить новую комиссию».

Выписал Гоголь и истинного реформатора — Константина Федоровича Костанжогло. Россиянина, но не русского. Ставшего русским. И вовсе не случайно дал Гоголь потному разумом и телом человеку нерусскую фамилию. Русский человек... он того, он, как Петрушка, в основном пьяный, а когда денег нет — просвещается. Петрушка... *«имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть к чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он все читал с равным вниманием... Это чтение совершалось более в лежачем положении в передней, на кровати и на тюфяке, сделавшимся от такого обстоятельства убитым и тоненьким, как лепешка...*

У Костанжогло, избы всё крепкие, улицы торные; стояла ли где телега — телега была крепкая и новешенькая; мужик попадался с каким-то умным выражением лица; рогатый скот на отбор; даже крестьянская свинья глядела дворянином». И еще: «Когда вокруг засуха, у него нет засухи; когда вокруг неурожай, у него нет неурожая».

Костанжогло говорит:

«Думают, как просветить мужика! Да ты сделай его прежде богатым да хорошим хозяином, а там он сам выучится.

...Если плотник хорошо владеет топором, я два часа готов перед ним простоять: так веселит меня работа... И не потому, что растут деньги, — деньги деньгами, — но потому, что все это дело рук твоих; потому что видишь, как ты

всему причина, ты творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро...»

Ну, как сегодня пройти мимо Гоголя, этого мыслителя-провидца, если у него чуть не каждая сцена — это Россия сегодня. Что ни чиновник, то Кошкарев. Ну, скажите мне, у кого из нынешних писателей можно найти столь глубокое и точное описание характера русского человека, его доброты и подлости, его таланта и тупости, его пьяной удали и беспросветной лени, его жертвенности и равнодушия!

Вернемся, однако, к дням сегодняшним.

Уверен, что без осмысления духовного, экономического и политического наследия, определившего столь тяжкую судьбу России, ее боль, грехи и великие прозрения, невозможно понять ни истоки социальной болезни России, ни сегодняшние причуды жизни, так или иначе связанные с новым социальным выбором страны.

От прошлого ложью не скроешься... Мертвые все равно догонят живых и жестко потребуют нравственного покаяния. Да, от прошлого не спрячешься, от самих себя — тоже. Нам не обойтись без нового прочтения многих исторических явлений и событий, многотрудных и противоречивых процессов, имена которым — революция, контрреволюция и эволюция, свобода и анархия, власть и насилие, совесть и равнодушие. Их разнообразные переплетения с особой остротой обнажают извечные проблемы общественного бытия: соотношение целей и средств; принуждение и убеждение; разрушение и созидание; идеалы и действительность; сравнительная цена революций и эволюции; взаимоотношения народа и власти; иерархия классовой и общечеловеческой ценностной мотивации.

Для себя я считаю каждую страницу о падении и разложении человека в ленинско-сталинскую эпоху моим письмом к потомкам, которых, наверное, будут терзать сомнения, ибо то, что здесь дальше написано, быть не могло в обществе людей. Мне и самому не хочется в это верить, но, увы, все это было.

Исповедь — тяжкое дело, если говорить и писать правду. И неблагодарное. Особенно, когда пишешь о бедах России и ее народов с чувством любви и душевной тревоги за будущее детей своей страны, о России, необъяснимо странной, вековечно страдающей, мучительно мятущейся, ищущей свое счастье в этом мире.

Глава первая

О НЕМЫСЛИМОМ

Зачем раздражать народ, вспоминать то, что уже прошло? Прошло? Что прошло? Разве может пройти то, чего мы не только не пытались искоренять и лечить, но то, что боимся назвать и по имени... Оно и не проходит, и не пройдет никогда, и не может пройти, пока мы не признаем себя больными... А этого-то мы и не делаем.

Лев Толстой

Мы больны. Страшные слова русского гения. Безысходные. Мы, в России, не хотим понять и признать, что нравственный долг перед жертвами палаческой власти Ульянова (Ленина) и Джугашвили (Сталина) мучительно тяжел, но вечен. Это *наш долг, каждого из нас.* И не будет прощения ни нам, ни нашим потомкам за содеянные злодеяния, если мы не очистим правдой нашу израненную память, не откроем наши души для покаяния.

Неужто и впрямь для русского человека рабом стать легче, чем свободным?

Тому, о чем я собираюсь писать, названия нет. Невообразимые преступления, совершенные правителями страны под громкие аплодисменты толпы, неистово мечутся в душе. Хочется верить, что хотя бы в уголочках сознания людей еще живет придушенная совесть, противоречивая и с трудом открывающая глаза, еще коллективизированная и так трудно расстающаяся с рабством.

...Дети-заложники. Закон о расстрелах детей с двенадцати лет, а на практике — и грудных. Система концентрационных лагерей, населенных миллионами человеческих тел. Расстрелы без суда и следствия. Социалистические соревнования в ОГПУ — НКВД — КГБ по «истреблению врагов народа». Приговоры по телеграфу. «Великие стройки коммунизма» на костях заключенных. Каторга. Пыточные в Лефортове и на Лубянке, официально введенные по решению безумного руководства страны. Массовые репрессии как средство удержания власти. Бесконечные войны — гражданская, мировая и «холодная». Десятки малых войн — с Финляндией, Японией, Китаем, Польшей, Украиной, в Закавказье и Средней Азии, с Венгрией, Чехословакией, Афганистаном, а теперь в Чечне. Всеобщее обнищание и позорная отсталость. Моральная деградация и бесконечная усталость человека.

Через организованную Лениным гражданскую войну уничтожена армия России, лучшие умы государства высланы

за рубеж пароходами, которые не без грустного юмора назвали «философскими», через возвращение в деревню крепостного права ликвидировано крестьянство, через индустриализацию создана безропотная масса полуголодных обитателей коммунальных квартир с вылущенной моралью, поскольку, согласно бредням Ленина, мораль является буржуазным предрассудком, если не служит делу революции. Разграбленная церковь. Вурдалаки топили в прорубях священников, делали из них ледяные столбы — так, для забавы. Многие великие книги сожжены. Списки по сожжению утверждала сама Крупская, которая приходилась женой Ленину. Последний унаследовал российскую империю, убив на всякий случай царя Николая и всех его домочадцев, включая детей. Заявив о создании «подлинной демократии», которую большевики назвали социалистической, они первым делом уничтожили все партии — крестьянские, социалистические, буржуазные, демократические, центристские, равно как и всю оппозиционную печать.

Вспоминаю старую притчу: пессимисты все время ищут в мусоре времени трагедию, а оптимисты — комедию. Нет, не для нас эта притча. Нет! Нашему народу, оказавшемуся в глубокой пропасти, еще долго придется выползать на свет Божий, чтобы земная твердь смилостивилась над нами, а покаяние за греховную нетерпимость усмирило нас и принесло успокоение в наши дуроломно-мятежные души. Не собираюсь углубляться и в горькую тему: «Кто виноват?». Для меня этот вопрос после прочтения тысяч и тысяч документов по убиению людей в принципе раздет до его страшной прокаженной наготы.

Не надо прятать голову в песок — это мы беспощадно, позабыв о чести и совести, ожесточенно боремся, не жалея ни желчи, ни чернил, ни ярлыков, ни оскорблений, не страшась ни Бога, ни черта, лишь бы растоптать ближнего, размазать его по земле, как грязь, а еще лучше — убить. Это мы травили и расстреливали себе подобных, доносили на соседей и сослуживцев, разоблачали идеологических «нечестивцев» на партийных и прочих собраниях, в газетах и журналах, в фильмах и на подмостках театров. И разве не нас ставили на колени на разных собраниях для клятв верности и раскаяния, что называлось критикой и самокритикой, то есть всеобщим и организованным доносительством.

Виноваты сами! Но ощущаю вокруг себя ошеломляющее равнодушие к тому, что произошло в России. Возможно, несознанный стыд за сотворенное и страх перед ответственностью за содеянное понуждают людей сооружать из себя чучела презренной гордыни. Одним словом, тяжелые и мрачные сумерки окутали Россию на многие десятилетия.

Слава богу, еще живы многие мои соратники-современники, которые швырнули свое сердце и душу на гранитную стену деспотии. И сказали они тем молодым, что пошли за ними: дышите свободой и поклянитесь именем уничтоженных нами же предков, что свобода — это навсегда, не творите себе кумиров, не лезьте под грязные сапоги сталинократии.

Но, увы, оскудели мы совестью. Уже нет с нами великих провозвестников свободы, мужества и честности — Александра Адамовича, Виктора Астафьева, Артема Боровика, Дмитрия Волкогонова, Виталия Гольданского, Олега Ефремова, Льва Копелева, Дмитрия Лихачева, Юрия Никулина, Булата Окуджавы, Льва Разгона, Владимира Савельева, Андрея Сахарова, Иннокентия Смоктуновского, Анатолия Собчака, Галины Старовойтовой, Святослава Федорова, Станислава Шаталина, Юрия Щекочихина, Сергея Юшенкова.

Святые имена!

И знали ли эти романтики — дети XX съезда 1956 года и Мартовско-апрельской демократической революции 1985 года, что не так уж малое число их бывших сподвижников быстрехонько рассядутся за кабинетными столами и будут всеми ногтями и когтями цепляться за вожделенные кресла, дабы не сползти с них под хмурым взглядом Вечного Начальника.

Вспоминая перестроечные дела и события, я спрашиваю себя: зачем тебе все это было нужно? Ты член Политбюро, секретарь ЦК, власти — хоть отбавляй, всюду красуются твои портреты, их даже носят по улицам и площадям во время праздников. Я даже не помню, что чувствовал, когда с трибуны Мавзолея смотрел на колонны людей, на лозунги и плакаты, зовущие на труд и подвиги во имя «родной партии» и ее ленинского Политбюро. Сказать, что торжествовал или радовался, пожалуй, не могу. Но и резкого нравственного отторжения не было. Однако смутные чувства двусмысленности, неправды бродили по уголкам сознания. Любоваться с трибуны на собственный портрет было как-то неловко, но то, что на тебя смотрят тысячи людей, предположительно, добрыми глазами, вызывало чувства горделивого удовлетворения. Слаб человек. Кстати, я не один раз пытался как-то сформулировать свои трибунные чувства, но ничего путного, хотя бы для себя, не получалось.

В борьбе за химеры, не знавшей пощады, потеряли мы правду и достоинство, способность к пониманию сущего,

они утонули в крови. Шаг за шагом подобная аморальность прочно вошла в образ жизни, лицемерие стало своего рода нормой мышления и поведения. А это значит, что многие годы мы предавали самих себя. Сомневались и возмущались про себя, выискивая всяческие оправдания происходящему вокруг, чтобы как-то обмануть по ночам ворчливую, но днем податливую совесть, то есть «бунтовали на коленях». Вползаем в трясину лжи и сегодня.

Я рад тому, что смог преодолеть, пусть и не полностью, все эти мерзости. Переплыл мутную реку соблазнов власти и выбрался на спасительный берег свободы. Не дал оглушить себя медными трубами восторгов. Презрел вонючие плевки политической шпаны. Я не хотел дальше пилить опилки и жевать слова, ставшие вязкими и прилипчивыми, как смола, или пустыми и трескучими, как гнилые орехи. Непонятным образом вернулась романтика, утихомирив пучину душевных страстей. Из-под карьерных завалов потихоньку выбирались на свет Божий мучительные раздумья о порядочности, справедливости, совести, наконец. Не хотел я дальше обманывать самого себя, лгать самому себе. Я добровольно ушел от власти, не променяв ее на собственность или доходное место.

Задаю себе и другой вопрос: а повторил бы ты все это? Не знаю. Наверное, да. Скорее, да!

Совсем недавно я с писателем Анатолием Приставкиным после Парада Победы шел по Красной площади. Мы говорили о той страшной войне, о 30 миллионах наших соотечественников, не вернувшихся к родным очагам, и тех миллионах, которые погибли в гитлеровских и сталинских лагерях. Говорили и о том, что праздничные парады — это горькое и бесполезное лечение от незаживающих ран.

Из толпы вынырнула девица. Обращаясь ко мне, изрекла, сверля глазками:

— А вы разве еще не в тюрьме?

И юркнула обратно.

Как-то к зданию Международного фонда «Демократия» подошел небольшого росточка человечек и спросил:

— Правда, что здесь Яковлев командует?

— Да, он президент Фонда.

— А разве его еще не повесили?

У дверей своей квартиры я трижды обнаруживал похоронные венки. В сына стреляли, у дочери сожгли машину, а документы об этом исчезли. Я уже не говорю о сотнях угроз по телефону и в письмах.

Христолюбивый народец, однако. И все же в который раз говорю себе: «Несмотря на все сомнения и огорчения,

ты выбрал верный путь покаяния — борьбу за свободу человека».

Да, я тот самый Яковлев, о котором столько сказок сочинено, что и самому перечесть в тягость. И физически, и нравственно. Тот самый, о котором сталинисты, а также некоторые бывшие номенклатурные «вожди» говорят и пишут, что именно я чуть ли не главный виновник распада Советского Союза, коммунистической партии, КГБ, армии, мирового коммунистического движения, социалистического лагеря и всего остального. Пишут, что я, будучи демоном Горбачева, гипнотическим путем внушил ему франкмасонские идеи и ценности. Даже врагу своему не пожелал бы испытать чувства, когда тебя грозятся расстрелять, повесить, посадить в тюрьму, объявляют «врагом народа» и агентом западных спецслужб, поливают грязью в газетах и журналах.

Нет, не страх угнетал меня, нет, далеко не это дьявольское наваждение. Свою норму по страху я почти исчерпал еще во время войны 1941—1945 годов прошлого столетия. Я опасался другого: чтобы грязная волна злобы, клеветы, оскорблений не придавила меня, не опустошила душу. Я хорошо знал, что русская дубина размашиста, безжалостна, безрассудна. Бьет больно, покряхтывая от удовольствия. Как же медленно свобода счищает наросты на наших душах! Нетерпимость — эта леденящая пурга — до сих пор заметает дороги к разуму.

Слава богу, было и такое, что спасало меня в самые тяжелые минуты. Это поддержка моих соратников. Некоторые их письма я публикую в этой книге. От моих друзей пошли комплиментарные определения — «идеолог Перестройки», «отец гласности», да еще «белая ворона». И «кукловодом Горбачева» называли. А Вячеслав Костиков в своей книге по-дружески нарек меня «русским Дэн Сяопином». Однажды получил коллективное письмо с Урала, в котором авторы предлагают мне статус «отца-основателя» свободной России. А газета «Версты» назвала меня «апостолом совести».

Не буду оправдываться за броские эпитеты моих единомышленников. Они как бы компенсировали ярлыки в мой адрес другого рода — «жидомасон», «предатель», «перевертыш», «преступник» и прочие.

Моих судей — хоть отбавляй. Всяких и разных. Злых и корыстных, позеров и хитрецов, безнравственных и блаженных, политических спекулянтов и карьеристов. А главное — людей, потерявших власть. В этом вся суть. Особей, которым неведомо чувство пристойности, всегда было у нас в избытке, да еще скоморохов, забавляющихся судьбами народа. Одним словом, политических пошляков.

Это не жалоба. Отнюдь нет. Видимо, судьба. В России путь реформ никогда не был в почете. Нам подавай бунт, революцию да врагов побольше, чтоб кровавой потехи было вдоволь. А вот реформа — дело нудное, неблагодарное, требует терпения, думать надо. Славы никакой. Другое дело — все разрушить до основания под разбойничий свист и улюлюканье толпы, а потом строить заново, плача, надрываясь и... содрогаясь от содеянного.

И стоит ли удивляться, что прошлое продолжает терроризировать нашу жизнь сегодня. Это мерзопакостное явление, хотя для России и не новое. Россия пережила более десятка разных перестроек и попыток реформ, но все они кончались кровью и новым мракобесием. И сегодня приходится вести борьбу, по крайней мере, на три фронта — с наследием тоталитаризма, с нынешней диктатурой чиновничества и с собственным раболепием.

И все же, размышляя о Реформации России, практическое начало которой положил 1985 год, спрашиваю себя: а что все-таки произошло по большому счету и кто были те люди, что взяли на свои плечи тяжкое бремя реформ? Демонстрация свободы социального выбора или злоумышленный развал соцсистемы и Советского Союза? Смелое реформаторство или катастрофически провальный эксперимент? Подвижники, а возможно, и жертвы сорвавшихся с цепи общественных процессов или предатели, обманувшие партию, страну, народ, даже сознательные «агенты влияния» ЦРУ, «Моссада» и Бог знает кого еще? Нерешительные политики, щепки, которые понесла стихия по горной реке реформ, честолюбцы без воли и цели или Макиавелли перемен, политические стратеги, поскользнувшиеся на «арбузных корочках» исторического коварства?

Я начинаю свои размышления со столыпинских времен. Почему? Тогда, в первые годы XX столетия, в России забрезжил свет надежды. Зашумела Россия машинами, тучными полями, словом свободным. Перед страной открылась реальная перспектива совершить мощный бросок к процветанию. Эта возможность была связана, в основном, с именами премьер-министров царской России Сергея Витте и Петра Столыпина. Полезно вспомнить размышления Столыпина о необходимости российской *Перестройки* на государственном уровне. В своих речах он активно оперировал такими либеральными понятиями, как «правовое государство», «гражданские свободы», «неприкосновенность личности», «самоуправление», и многими другими.

Увы, очередная попытка догнать время провалилась. Русская община погубила реформы. Страна вновь увязла в нерешенных проблемах. Они легли на плечи Февральской демократической революции. И снова неудача. Размышляя об этой революции, я пытаюсь ответить на вопросы, почему ее демократический порыв оказался столь кратковременным, почему демократический потенциал революции мало кто увидел и оценил, а всерьез никто и не защищал? Может быть, не хватило ума и опыта у демократов времен Февраля? Или же демократия пала под напором люмпенства? Или же просто не было объективной основы для демократии?

В своих размышлениях я высказываю свою точку зрения на события октября 1917 года и характер советского государства. Уже второй десяток лет я председательствую в общественной Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Прочитал тысячи документов и свидетельств, пропустив через свой разум и чувства тысячи и тысячи человеческих судеб. Я узнал о трагедии моего народа, может быть, столько, сколько не знает никто. А потому считаю своим долгом проинформировать об этом российское общество.

После смерти Сталина птенцы его гнезда явно задергались. Они понимали, что повторить злодеяния, которые творил диктатор, для них дело непосильное. А потому поставили себе задачу отгородиться от сталинских репрессий, которые как бы ушли в могилу вместе с тираном. В 1954 году начали работу Центральная и республиканские комиссии по пересмотру дел осужденных «за политические преступления». Были выпущены на волю некоторые заключенные, в основном родственники и близкие знакомые руководителей партии и правительства. Но принципиальное отношение к массовым репрессиям не изменилось. Даже в тех случаях, когда принимались положительные решения, речь шла не о реабилитации, а только об амнистии. Разного рода разъяснения на этот счет носили блудливый характер. Широкое распространение получила практика переквалификации политических статей в хозяйственные, должностные, бытовые. Соответствующим комиссиям по пересмотру дел было велено закончить эту работу к 1 октября 1956 года. Попроще да побыстрее, а работе этой и до сих пор не видно конца.

Одно время комиссию по реабилитации возглавлял Молотов. Более кощунственного решения не придумаешь. Он лично подписал при Сталине десятки расстрельных списков.

Принципиальным вопросом для политики того времени было решение не пересматривать приговоры по делам Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других лиц из высшего эшелона власти.

После XX съезда реабилитация пошла активнее, но и тогда партийная номенклатура продолжала гнуть свою линию. В начале 60-х годов, после прихода к власти Брежнева, реабилитация свертывается, а при Андропове и вовсе прекращается. Она возобновилась только во время Перестройки. В 1987 году, 28 сентября, состоялось решение Политбюро «Об образовании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов» в составе Соломенцева М. С. (председатель), Чебрикова В. М., Яковлева А. Н., Демичева П. Н., Лукьянова А. И., Разумовского Г. П., Болдина В. И., Смирнова Г. Л. Через год, 11 октября 1988 года, состоялось решение Политбюро об изменениях в составе Комиссии. Я был утвержден ее председателем. Дополнительно в состав Комиссии включили Медведева В. А. — члена Политбюро, Пуго Б. К. — Председателя КПК при ЦК КПСС, Крючкова В. А. — нового председателя КГБ СССР. Как видит читатель из названия постановления, даже в 1987 году, когда политическая обстановка менялась к лучшему, Политбюро не захотело трогать ленинский период репрессий.

С 1987 по 1991 год удалось вернуть честное имя всем, кто проходил по делам: «Союз марксистов-ленинцев», «Московский центр», «Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский центр», «Параллельный антисоветский троцкистский центр», «Антисоветский правотроцкистский блок», «Антисоветская правотроцкистская организация» в Красной Армии, «Ленинградское дело», «Еврейский антифашистский комитет», «Султан-галиевская контрреволюционная организация», «Всесоюзный троцкистский центр», «Союзное бюро ЦК РСДРП(м)», «Ленинградская контрреволюционная зиновьевская группа», «Ленинградский центр», «Бухаринская школа», «Рыковская школа». И многим другим.

Заседания Комиссии далеко не всегда были безоблачными. Нередко возникали острые споры. Особенно бдительными в оценках деятельности собственного ведомства были работники КГБ. И все же атмосфера времени благоприятствовала принципиальным решениям. Но случались и непримиримые разногласия, например в отношении убийства Кирова. Записка по этому вопросу обсуждалась на Комиссии несколько раз, но согласие так и не было достигнуто. Я как председатель Комиссии отказался подписать подготовленный текст, с которым были согласны другие члены Комиссии. История с убийством Кирова требует дополнительного расследования. Свою точку зрения я подробно изложил в статье в газете «Правда» от 28 января 1991 года.

Августовский мятеж 1991 года и последовавшее за ним образование 15 независимых государств прервали процесс реабилитации. Осенью 1992 года я обратился к Президенту Ельцину с предложением о возобновлении реабилитации жертв политических репрессий — теперь уже в России. Просьба была поддержана. 2 декабря 1992 года президент издал Указ «Об образовании Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий». Наконец-то Комиссия получила свободу действий на весь период советской власти. Надо сказать, что Борис Николаевич последовательно и постоянно поддерживал работу Комиссии, хорошо понимал эту проблему для российского общества.

Своим Указом Б. Ельцин возложил на Комиссию следующие задачи: координация деятельности федеральных органов исполнительной власти по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»; изучение, анализ и оценка масштабов и механизмов репрессий; подготовка и представление соответствующих материалов и предложений по вопросам реабилитации Президенту Российской Федерации; информирование общественности о масштабах и характере репрессий. Одновременно в целях всестороннего изучения истории массовых политических репрессий Президентом России был подписан Указ от 23 июня 1992 года № 658 «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека».

Иными словами, Комиссия получила широкое пространство для своей деятельности. В результате были изданы следующие Указы: «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года», восстановивший справедливость в отношении почти 20 тысяч невинных людей — жертв произвола и насилия власти еще при Ленине; «О восстановлении справедливости в отношении репрессированных в 20—30-е годы представителей якутского народа»; «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»; «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий»; «О крестьянских вос-

станиях 1918—1922 годов»; «О дополнительных мерах по реабилитации лиц, репрессированных в связи с участием в событиях в г. Новочеркасске в июне 1962 г.».

Комиссия проанализировала содержание и механизм репрессивной политики по отношению к представителям социалистических партий и анархистских организаций, проводившейся властью в целях утверждения и сохранения однопартийной системы в стране. Были исследованы проблемы, связанные с политическими репрессиями в период с 1917 по 1953 годы в отношении интеллектуальной элиты общества — творческой интеллигенции. Специалисты Комиссии изучили обстоятельства так называемого «дела» маршала Г.К. Жукова и пришли к заключению о полной несостоятельности обвинений, выдвинутых в 1957 году против полководца.

В канун 50-летия Победы над фашизмом, учитывая появившиеся тогда в зарубежной и отечественной прессе утверждения о якобы готовившемся нападении СССР на Германию, распоряжением Президента России от 28 февраля 1995 г. № Пр-319 Комиссии было поручено подготовить сборник, который позволил бы на основе документов, ранее недоступных исследователям, воссоздать объективную картину событий 1941 года. Итогом проделанной работы стал сборник в 2-х томах «1941 год», документы которого раскрывают преступную неготовность страны к отражению агрессии.

По поручению Президента России Б. Н. Ельцина от 3 марта 1998 г. № Пр-432 Комиссией изданы некоторые документы из архива Сталина, раскрывающие его роль в организации массовых репрессий в стране. Были тщательно изучены материалы, связанные с расстрелом шведского дипломата Валленберга и маршала авиации Новикова. Оба реабилитированы.

Летом 2003 года я направил Президенту России предложение о реабилитации царя Николая II, его супруги и детей. Прошло уже много времени. Я понимаю сложность такого шага, но полагаю, что справедливость выше политических соображений. Видимо, нынешнему руководству России не под силу решиться на отказ от исторических мифов и политических спекуляций и пойти на безусловное признание правды истории, к ее фактической достоверности.

Реабилитация жертв политических репрессий стала главным делом моей жизни. Когда спускаешься шаг за шагом в подземелье по кровавой лестнице длиною в семьдесят лет, то вся труха из веры в коммунистическое всеобщее счастье

улетучивается, как дым на ветру. Обнажаются догола вся подлость, трусость и злобность людская, беспредельная преступность режима и садизм ее вождей.

И пришел к глубокому убеждению, что октябрьский переворот является контрреволюцией, положившей начало созданию уголовного деспотического государства российско-азиатского типа.

Дать точное определение характера российской государственности, сложившейся после октябрьского переворота, очень трудно. Исторически власть впитала в себя психологию княжеских уделов и дворянских гнезд, тяготение к Европе и азиатское влияние, военизированное сознание и крепостничество — всего понемногу. Общественной мысли еще долго придется изучать весь комплекс образующих факторов — политических, экономических, нравственных, пространственных, которые имели решающее или опосредованное влияние на характер власти и народа, на его обычаи, привычки и общую культуру, на его свободомыслие, равно как и на истоки рабской психологии.

Радикальные представители интеллигенции не возлагали особых надежд на революционные действия масс по причине их, как они говорили, извечной покорности. Но эта же посылка подвигла российских радикалов к идее об использовании «покорного равнодушия» народа для переворота через индивидуальный террор. Надо уничтожить верхушку правителей, и массы спокойно примут новую власть. Так рассуждал российский якобинец Ткачев в своем журнале «Набат». Другой предшественник большевиков Нечаев создал тайное общество «Народная расправа». В книжке «Катехизис революционера» он призывал к «повсеместному разрушению» и разрыву с устоями цивилизованного мира. Разбойничий мир в России он считал единственной революционной силой.

В эти же годы в Россию импортировали марксизм с его идеями насилия, насильственных революций, диктатуры пролетариата, классовой борьбы, агрессивного атеизма, отрицания гражданского общества и частной собственности. Русские социалисты-радикалы, воспитанные на идеях Ткачева, Нечаева, Бакунина и народовольцев, соединили идею индивидуального террора с марксистскими проповедями насилия как условия победы пролетарской революции. Корень беды в том, что помощнику присяжного поверенного Ульянову, получившему известность под кличкой Ленин, удалось создать профессиональную группу боевиков, «партию баррикады», «захвата власти». Он ловко использовал модные

идеи конца XIX века — идеи революционаризма Каляева, Ткачева, народовольцев, анархистов, сумел приспособить их к своим целям. Ленинская экстремистская группировка, на словах осудив индивидуальный террор, взяла на вооружение политику «массовидности террора» — так ее сформулировал Ленин.

Инструкции Ленина по террористической деятельности весьма обстоятельны и определенны. Вот одна из них, относящаяся к осени 1905 года.

«Отряды, — писал он, — *должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т. д.)... Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания...»*

Меня часто спрашивают, когда произошел ощутимый перелом в моем сознании, когда я начал пересматривать свои взгляды на марксизм-ленинизм и советскую практику? Это сложный процесс, мучительный процесс. Я не верю в одномоментные прозрения. Я постоянно метался между эмоциями и разумом. Да и трудно расставаться с тем, во что ты верил. Я еще вернусь к этой проблеме.

Первые тревожные колокольчики зазвенели еще в войну, которую я ненавижу всей душой и всем моим сознанием, ибо она убила миллионы мальчишек — моих сверстников, а я остался до конца дней своих инвалидом.

Но сомнения — лишь одна часть формирования оценок. Только проштудировав заново первоисточники «вероучителей», я понял (в основных измерениях) всю пустоту и нежизненность марксизма-ленинизма, его корневую противоречивость и демагогичность, его античеловечность. Это дьявольская ложь, обманувшая миллионы людей. Вот что пишет А. Богданов о марксизме: «*Скажите, наконец, прямо, что такое ваш марксизм, наука или религия? Если он наука, то каким же образом, когда все другие науки за эти десятилетия пережили огромные перевороты, он один остался неизменным? Если религия, то неизменность понятна; тогда так и скажите, а не лицемерьте и не протестуйте против тех, кто остатки былой религиозности честно одевает в религиозную терминологию. Если марксизм истина, то за эти годы он должен был дать поколение новых истин. Если, как вы думаете, он не способен к этому, то он — уже ложь*».

Я согласен с этим. Мы привыкли к объединенной формуле «марксизм-ленинизм». Но в ней нет единого содержания. Такого единого учения нет, хотя лексика порой схожа. Марксизм — одна из многих западных культурологических концепций позапрошлого века. Ленинизм — политическая платформа, сконструированная из разных концепций, как возникших в России, так и импортированных из-за рубежа. На основе этой мешанины возникло новое учение — большевизм — идеологическое, политическое и практическое орудие власти экстремистского толка.

Российский большевизм по многим своим идеям и проявлениям явился прародителем европейского фашизма. Я обращаю на это внимание только потому, что мои первые сомнения и душевные ознобы были связаны вовсе не с марксизмом-ленинизмом, которого я толком еще не знал, а с советской практикой общественного устройства. И большевизм, и фашизм руководствовались одним и тем же принципом управления государством — принципом массового насилия — физического, политического, экономического, духовного. Большевистская система показала свою некомпетентность и античеловечность во всех областях жизни. В результате Россия во многом потеряла XX век.

Как я уже упомянул, с самого начала Ленин замышлял партию как своеобразную секту с железной дисциплиной «бойцов». Главная ее особенность — это жесточайшая централизация. Образовалась секта Вождя. Ее политические цели на самом деле были целями Вождя. Уже при подготовке II съезда партии (1903) организационный комитет, состоявший в основном из сторонников Ленина, проводил жесткую селекцию представителей местных организаций. Сохранилось много документов на этот счет. Тех, кто проявлял хоть малейшую самостоятельность, на съезд не допускали. Так случилось, например, с Воронежским комитетом РСДРП, который осмелился заявить, что оргкомитет съезда работает по принципу «кумовства», взял на себя роль «искоренителя ересей», «опричника социал-демократии». В заявлении воронежцев говорилось, что охота за ересью привела «Искру» (газета Ленина) к применению излюбленного средства всех охранителей — к плетке. Правда, не ременной, а моральной, вместо проволочных наконечников на ней привешены ярлыки — экономизм, эклектизм, оппортунизм. В заявлении подчеркивалось, что подобная деятельность ведет к олигархическому управлению партией.

Воронежцы оказались провидцами.

Вскоре после октябрьской контрреволюции Ленин переименовал социал-демократическую партию в коммунистическую и ликвидировал все партии социалистического направления вместе с их газетами и журналами. Ничего неожиданного в этом нет. Еще 23 июля 1914 года Ленин открыто заявил: «С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом». С тех пор и началась активная коммунизация партии, а потом и советского общества. Сталин назвал РКП(б) «*орденом меченосцев*». Гитлер назвал НСДАП «*рыцарским орденом*». Но еще в 1919 году Троцкий заявил, что введением в армии института военных комиссаров «мы получили новый коммунистический «*орден самураев*».

Одной из самых распространенных сказок о Ленине является сказка о его скромной жизни, простоте, постоянной бедности, жизни впроголодь. Ложь это. Как известно, Ленин без устали клеймил кровавый царский режим, ужасающие условия, в которых жили политзаключенные и ссыльные. Но вот Надежда Крупская оставила весьма любопытные воспоминания о проживании этой пары в ссылке, в сибирском селе Шушенское.

«Владимир Ильич за свое «жалование» — восьмирублевое пособие — имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья — и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин были простоваты — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест — покупали на неделю мяса, работница рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича, и для его собаки... Мы перебрались вскоре на другую квартиру, полдома с огородом наняли за четыре рубля. Зажили семейно... Владимир Ильич был страстным охотником, завел себе штаны из чертовой кожи и в какие только болота не залезал. Ну, дичи там было. В апреле 1899 г. он получил от матери охотничье ружье, по поводу которого пишет, успокаивая мать: «Насчет ружья ты опасаешься совсем напрасно. Я уже привык к нему и осторожность соблюдаю». Он просит семью прислать ряд предметов. Зимой Ленин катался на коньках».

В Париже он жил в четырехкомнатной квартире. Подобные же квартиры были и в Закопанах, Кракове, Женеве, Цюрихе. Мать Ленина постоянно посылала ему деньги, икру, рыбу, а однажды прислала два велосипеда. Кроме того, у «постоянно голодного» Ленина были текущие счета в банке «Лионский кредит» в Париже и в Цюрихском Кантональном банке. Казна Ульяновых пополнялась также за счет доходов, которые поступали из имения умершего Бланка, отца Марии Александровны. У нее был хутор близ деревни Алакаевка Самарской губернии площадью более 90 га, сдаваемый в аренду.

Да и в личном поведении лицемерия у будущего «вождя» было столько, сколько потом хватило на всю партию. Его современники говорили о такой пагубной черте в его характере, как отсутствие стыда. Он был груб, злобен и мстителен. Г. Соломон — его сподвижник — писал: «Он был большим демагогом... Прежде всего отталкивала его грубость, смешанная с непроходимым самодовольством, презрением к собеседнику и каким-то нарочитым (не нахожу другого слова) «наплевизмом» на собеседника, особенно инакомыслящего и не соглашавшегося с ним и притом на противника слабого, не находчивого, не бойкого... Он не стеснялся в споре быть не только дерзким и грубым, но и позволять себе резкие личные выпады по адресу противника, доходя часто даже до форменной ругани. Поэтому, сколько я помню, у Ленина не было близких, закадычных, интимных друзей... Мне вспоминается покойный П. Аксельрод, не выносивший Ленина, как лошадь не выносит вида верблюда. П. Струве вспоминает, что Засулич питала к Ленину «чисто физическое отвращение...»

«Он мелко наслаждался беспомощностью своего противника и злорадно, и демонстративно торжествовал над ним свою победу, если можно так выразиться, «пережевывая» его и «перебрасывая» его со щеки на щеку... Сколько-нибудь сильных, неподдающихся ему противников Ленин просто не выносил, был в отношении них злопамятен и крайне мстителен, особенно если такой противник раз «посадил его в калошу».

Ленин презирал всех — одних за то, что они ниже и, по его мнению, глупее его, а других за то, что они умнее и образованнее.

О Горьком: «Это, доложу я вам, тоже птица... Очень себе на уме, любит деньгу... тоже великий фигляр и фарисей...»

О Луначарском: «Скажу прямо, совершенно грязный тип, кутила и выпивоха, и развратник... моральный альфонс, а, впрочем, черт его знает, может быть, не только моральный...»

О Литвинове: «Хороший спекулянт и игрок... умный и ловкий еврей-коробейник. Это мелкая тварь, ну и черт с ним».

О Воровском: «Это типичный Молчалин... он и на руку нечист и просто стопроцентный карьерист».

Кстати, все они (кроме Горького) после переворота вошли в состав правительства.

Впрочем, Ленин, судя по всему, был прав в своих характеристиках. Действительно, «грязные типы», «карьеристы» и «твари». Приведу только один пример из жизни ленинского подельника Я. Свердлова.

27 июля 1935 года Ягода докладывает Сталину:

«На инвентарных складах коменданта Московского кремля хранился в запертом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны. 26 июля сего года этот шкаф был нами вскрыт и в нем оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108.525) рублей. 2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, — семьсот пять (705) предметов. 3. Семь чистых бланков паспортов царского образца. 4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена: а) Свердлова Якова Михайловича, б) Гуревич Цецилии — Ольги, в) Григорьевой Екатерины Сергеевны, г) княгини Барятинской Елены Михайловны, д) Ползикова Сергея Константиновича, е) Романюк Анны Павловны, ж) Кленочкина Ивана Григорьевича. 5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича. 6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены. Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750.000) рублей».

Сегодня мои рассуждения о Ленине могут выглядеть как расхожие и даже банальные: слишком очевидны преступления, совершенные им и его экстремистской группировкой. Нередко его характеризуют как «властолюбивого маньяка». Возможно, и так. Но в любом случае этот деятель является ярчайшим представителем теории и практики государственного терроризма XX столетия. Именно он возвел террор в принцип и практику власти. Массовые расстрелы и пытки, заложничество, концлагеря, в том числе детские, высылки, внесудебные репрессии, военная оккупация тех или других территорий России в целях подавления народных восстаний — все эти злодеяния начали свою пляску сразу же после октябрьского переворота. Вешать крестьян, душить газами непокорных — все это могло совершать только ненасытное на кровь чудовище, с яростной одержимостью порушившее нашу Родину. Он считал народ России всего лишь хворостом для костра мировой революции. Осенью 1917 года Ленин, по воспоминаниям Соломона, изрек: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции...»

Иными словами, вдохновителем и организатором массового террора в России выступил Владимир Ульянов-Ленин, вечно подлежащий суду за преступления против человечности.

История режима Сталина в основном и главном вряд ли таит в себе возможность принципиально новых открытий, разве что из области психиатрии. Мои друзья частенько задаются вопросом, почему и зачем Сталин уничтожил миллионы невинных людей? Лично я не могу ответить на него. Кроме ненависти к людям и жажды власти, есть во всем этом нечто непостижимое, дьявольское, садистское.

О злодеяниях Сталина я расскажу дальше. Но сейчас хочу упомянуть о следующем. В свое время много писалось о неописуемой скромности и храбрости «вождя». Приведу вставку в биографию, сочиненную собственноручно Сталиным о самом себе. У меня есть копия рукописи этих фраз:

«В этой борьбе с маловерами и капитулянтами, Троцкистами и Зиновьевцами, Бухариными и Каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии в составе Сталина, Молотова, Калинина, Ворошилова, Куйбышева, Фрунзе, Дзержинского, Кагановича, Орджоникидзе, Кирова, Ярославского, Микояна, Андреева, Шверника, Жданова, Шкирятова и других, — которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был тов. Сталин.

Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа и имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования. В своем интервью немецкому писателю Людвигу, где он отмечает великую роль гениального Ленина в деле преобразования нашей Родины, Сталин просто заявляет о себе: «Что касается меня, то я только ученик Ленина, и моя цель — быть достойным его учеником».

Если же обратиться к вознесенной до небес храбрости «вождя» (побеги из ссылок, грабежи банков и т. д.), то сошлюсь на воспоминания его ближайшего соратника Анастаса Микояна. Сталин был не из храброго десятка, рассказывает он в своих мемуарах. На фронте не был ни разу. Но однажды, когда немцы уже отступили от Москвы, поехал на машине, бронированном «паккарде», по Минскому шоссе, поскольку мин там не было. Не доехал до фронта, может

быть, около пятидесяти или семидесяти километров. Такой трус оказался, что опозорился на глазах у генералов, офицеров и солдат охраны. Захотел по большой нужде (может, тоже от страха? — не знаю) и спросил, не может ли быть заминирована местность в кустах возле дороги? Конечно, никто не захотел давать такой гарантии. Тогда Верховный Главнокомандующий на глазах у всех спустил брюки и сделал свое дело прямо на асфальте. На этом знакомство с фронтом было завершено, и он уехал обратно в Москву.

Уголовному началу удалось надолго занять решающее место в управлении государством после октябрьской контрреволюции. Удалось во многом потому, что, воодушевленные идеей классового стравливания, идеологи российской смуты и российского общественного раскола сделали ставку на хижины и их обитателей, постоянно льстя им, что именно они являются сердцем и разумом человечества, новыми хозяевами жизни. Генетическая линия уголовщины и безнравственности власти и толпы тянется из глубины российских веков, но только большевизм возвел ее в ранг определяющей позиции своего режима. Ленинизм-сталинизм блестяще использовал психологию людей социального дна.

Известно, что человекоистребление — самое древнее греховное ремесло. XX век вытворил *демоцид* — истребление целых народов. Создал специальную отрасль индустрии — демоцидную, конвейерно-безостановочную. В Освенциме — за принадлежность к «неполноценным расам», в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа — за «классовую неполноценность». Трудно синтезировать в одно понятие социальный каннибализм, каинство, геростратство, иудин грех в своем законченном развитии.

Организатором злодеяний и разрушения России после Ленина является Иосиф Джугашвили-Сталин, вечно подлежащий суду за преступления против человечности.

Из ямы с человеческими судьбами, выкопанной нами же собственноручно, надо было выбираться. Перемены все громче стучались в дверь, пожар приближался, огонь быстро бежал по сухой траве. Лично мне становилось все более ясным, что ни одиночные, ни групповые выступления, ни диссидентское движение, несмотря на его благородные мотивы и личную жертвенность, не смогут всерьез поколебать устои сложившейся системы.

По моему глубокому убеждению, оставался, кроме гражданской войны, единственный путь перехватить кризис до наступления его острой, быть может, кровавой стадии — это путь эволюционного слома тоталитаризма через тоталитарную партию с использованием ее принципов централизма и дисциплины, но в то же время опираясь на ее протестно-реформаторское крыло. Мне только так виделась историческая возможность вывести Россию из тупика.

Парадокс? Выходит, да.

Обстановка диктовала лукавство. Приходилось о чем-то умалчивать, изворачиваться, но добиваться при этом целей, которые в «чистой» борьбе, скорее всего, закончились бы тюрьмой, лагерем, смертью, вечной славой или вечным проклятием. Конечно, нравственный конфликт здесь очевиден, но, увы, так было. Надо же кому-то и в огне побывать, и дерьмом умыться. Без этого в России реформы не проходят.

В результате нам, реформаторам перестроечной волны, многое удалось сделать. Свобода слова и творчества, парламентаризм и появление новых партий, окончание «холодной войны», изменение религиозной политики, прекращение политических преследований и государственного антисемитизма, реабилитация жертв репрессий, удаление из Конституции шестой статьи — о руководящей роли партии — все это свершилось в удивительно короткий срок, во время революции — Перестройки 1985—1991 годов. Это были сущностные реформы, определившие постепенный переход к новому общественному строю на советском и постсоветском пространстве. Даже военно-большевистские мятежи в 1991 и 1993 годах не смогли изменить ход событий.

Да, у нас далеко не все получилось, далеко не все. Начать с того, что все мы, стоявшие у истоков Реформации и в меру сил пытавшиеся ее осуществить, были не богами, а обыкновенными людьми. Как принято говорить, «продуктами своего времени» с тяжелыми гирями прошлого на ногах и идеологической мешаниной в головах. Правящая группа, то есть члены Политбюро тех лет, кстати, все без исключения голосовавшие за Перестройку, материально не бедствовали. Дачи, охрана, повара, курорты, да и почестей хватало — аплодисменты, портреты, а самое главное — власть. Безграничная, практически бесконтрольная и неподсудная. Живи себе и работай.

В этой связи будет к месту сказать несколько слов и о лидере Перестройки, о чем много разговоров. В условиях тоталитарной власти от лидера страны зависит почти все. Ленин и Сталин занимались, в основном, трупопроизводством. Лидер может кормить людей обещаниями, сказками о коммунистической скатерти-самобранке, как это делал Хрущев.

Плыть по течению, как это делали Брежнев и Черненко. Снимать с постов увязших в коррупции министров, вызывая восторг толпы, и одновременно тянуть страну назад, в прошлое, как это случилось при Андропове. Новый лидер мог, закусив удила и обезумев, рвануть и по-петровски, и по-сталински.

На этот раз был избран единственно верный курс — на демократизацию общественной жизни. Об основных параметрах будущего общества мы с Михаилом Сергеевичем говорили еще до Перестройки, но в общем плане. О гражданском обществе и правовом государстве — в полный голос, о социальной политике — весьма активно, ибо речь шла о необходимости значительного повышения жизненного уровня тех, кто трудится, и одновременно — о борьбе с уравниловкой, иждивенчеством. О рыночной экономике — осторожно.

Но путь реформ сверху имеет не только преимущества, но и свои ухабы. Так говорит история. Так случилось и у нас. Реформы в рамках партийной легитимности получались явно двусмысленными. Оболочка социалистическая, а начинка по своей сути — демократическая. Опоры реформ разъезжались в стороны, словно ноги на мокрой глине.

В ельцинский период все это странным образом трансформировалось. Государственная оболочка закрепилась, в известной мере, как демократическая, а вот практическая власть на местах сформировалась как чиновничье-бюрократическая, как некая модификация старой командно-административной системы. Я ее называю *бюрократурой, то есть диктатурой чиновничества.*

При Борисе Ельцине КПСС была отодвинута от единоличной власти, однако на ее место пришел Чиновник, всевластие которого сегодня достигло чудовищных размеров, всевластие антидемократическое. Старая и новая бюрократия быстро нашли общий язык, ловко приладились к демократическим процедурам, используя их как прикрытие для экономического террора против народа, о чем мечтал еще Ленин.

Поскольку при Горбачеве связка старой и новой номенклатуры не была разорвана, то постепенно обстановка стала меняться не в пользу преобразований. Лидер растерялся, Шеварднадзе и я ушли в отставку. Горбачев окружил себя людьми откровенно карьеристского пошиба, без чести, слабыми рассудком, потерял нити управления. Руководство КГБ целенаправленно кормило его враньем о массовой поддержке политики главы государства. А глава государства как бы лечил этим враньем свою растерянность.

И вот результат. Еще заседало Политбюро, но мало кто хотел знать, чем оно занимается. Правительство принимало решения, которыми никто не интересовался. В больших городах шумели митинги. Крик над страной стоял невообразимый. Огромный корабль все быстрее и быстрее несло на острые скалы. В течение 1991 года я не один раз публично предупреждал о том, что социалистическая реакция готовит переворот. Говорил об этом и с Михаилом Сергеевичем. Однажды он сказал мне: «Ты, Александр, переоцениваешь их ум и храбрость».

То, что Михаил Горбачев по непонятным до сих пор причинам не принял превентивных мер против заговорщиков, — самый крупный просчет Президента СССР, трагический просчет.

Через несколько дней после событий 19—21 августа 1991 года деятельность КПСС и РКП была запрещена, партийное имущество национализировано, их банковские счета арестованы, организаторы мятежа отправлены в тюрьму. Но Борис Ельцин не довел до конца ни запрещение компартии, ни наказание преступников.

Это самая серьезная ошибка, однако, теперь уже Президента России. И тоже трагическая. Борис Ельцин проморгал и другой опасный процесс, когда старая номенклатура плавно перетекла в новые структуры власти, еще раз подтвердив свою непотопляемость.

Сегодня недобитый авторитаризм получил возможность продолжить свою подрывную работу в самых разных формах: формирование военизированных отрядов, нагнетание антисемитизма и нетерпимости к «лицам иной национальности», возбуждение великодержавного шовинизма. Идет подмена патриотизма дел патриотизмом слов, то есть спекулятивным патриотизмом. В воздухе снова запахло милитаризмом и цензурой, очевидны попытки усилить контроль над личностью, что неизбежно ведет к диктатуре господствующего класса через тоталитарную систему всеохватного чиновничества. Суживаются возможности формирования гражданского общества. Властные коммуно-патриоты на местах открыто разгоняют демократические и правозащитные организации, закрывают оппозиционные средства массовой информации. То и дело возникают движения и партии, которые, прикрываясь словами о демократии, исполняют ту же подрывную роль, что и большевики.

Иными словами, идет бездарное разбазаривание тех принципов демократии, которые были завоеваны в условиях острейшего сопротивления со стороны партийно-чекистской номенклатуры. Начало XXI века ознаменовано возвращени-

ем номенклатуры к рулю российской власти, причем номенклатуры низкого профессионального уровня, эгоистичной, жадной, коррумпированной. Опасный процесс.

Воистину история безжалостна — она бьет копытом по черепам дураков. Едва получив интеллектуальную свободу, мы опять загоняем себя в шоры нового догматизма, так и не попытавшись понять по-настоящему, что же с нами произошло. А власть ухмыляется: каков, мол, народ — таковы, мол, и песни.

Меня часто спрашивают, доволен ли я происходящим и соответствует ли ход нынешних реформ первоначальным замыслам Перестройки. Очень хочется ответить «да», но из головы, словно чертик из табакерки, выскакивает красный сигнал, гласящий: «Не торопись с оценками!» В голову лезут всякие размышления о последствиях Реформации, о просчетах — былых и нынешних. То, что демократия и гласность обнажат преступность большевистского режима, для меня было очевидным. Но то, что при этом выплеснется на поверхность жизни вся мерзость дна, в голову не приходило. Всеобщее воровство, бандитизм, взяточничество, терроризм, наркотики и многое другое обрели характер обыденности. Новая номенклатура оказалась гораздо жаднее старой. Разгул преступности, сросшейся с властью. Снова лжем и паясничаем. Проводим балаганные выборы. Подробно обо всем этом я пишу дальше, в контексте конкретных событий. Здесь, пожалуй, осталось сказать только о том, что я называю личной исповедью.

Начал я свою деятельность в высшем эшелоне власти в период Перестройки. Начал с принципиально ошибочной оценки исторической ситуации. Во мне еще жила какая-то надежда на возможность сделать нечто разумное в рамках социалистического устройства. Лелеял миф, что Его Величество Здравый Смысл возьмет, в конечном счете, верх над немыслием и неразумием, что все зло идет от дурости и корысти номенклатуры.

Отсюда и возникла концепция «обновления» социализма. Мы, реформаторы 1985 года, пытались разрушить большевистскую церковь во имя истинной религии и истинного Иисуса, еще не осознавая, что и религия обновления была ложной, а наш Иисус фальшивым. На поверку оказалось, что никакого социализма в Советском Союзе не существовало, а была власть вульгарной деспотической диктатуры. А наши попытки выдать замуж за доброго молодца старую подрумяненную шлюху сегодня выглядят просто смешными.

Что это? Вера в фатализм справедливости? Романтизм? Неумение анализировать? Информационная нищета? Инерция сознания? Что-то еще? Не знаю. Наверное, всего понемногу.

Защитники большевизма говорят, что не все было так уж плохо и при Сталине. Надо, мол, видеть и хорошие стороны жизни. Конечно, надо. Но при чем тут Сталин? Всегда была и пребудет вечно живая жизнь. Она цвела и буйствовала даже на вечной мерзлоте сталинизма, ее не раздавили ни льды страшных репрессий, ни духота официального мономыслия и моноверы. Исследуя трагический ленинско-сталинский период жизни, я вовсе не хочу сказать, что все было во мраке, что ничего не было светлого. Вспомним хотя бы великую поэзию Есенина, Блока, Ахматовой, Маяковского, Пастернака, Мандельштама, гениальных ученых в области физиологии, физики, генетики, кибернетики, языкознания, изумительные по своей доброте фильмы и песни — все это останется золотой страницей в летописи мировой цивилизации. Ленинско-сталинский режим с первых дней уничтожал интеллект России, но варварство в отношении науки, искусства, литературы не смогло одержать безусловной победы. Генетический запас интеллекта оказался гораздо прочнее и жизнеспособнее, чем оргия насилия.

Десятки миллионов людей прожили в этой системе всю свою жизнь: учились, работали, воспитывали детей, страдали и радовались. Им трудно примириться с мыслью, что жизнь пролетела как бы напрасно, зазря. Конечно, трудно. Но это удел всех уходящих поколений. Когда жизнь проходит, на душе становится особенно тоскливо. Молодость остается в памяти прекрасной до слез и щемящей боли в сердце. Все кругом солнечно, полно счастья, любви и надежд. Уходящее поколение можно и нужно понять.

И вот здесь — безграничный простор для личных раздумий, сомнений, самоедства и покаяния. Говорят, что стыд глаза не ест. Неправда! Еще как ест! Если ты такой совестливый, говорю я самому себе, то как ты допустил, что реформы, в которых ты активно участвовал, в конечном счете, хотя уже без тебя, привели к новому обнищанию народа. Мне ненавистны продолжающаяся люмпенизация общества, коррупция, наглая самоуверенность многих из тех, кому ты объективно помог прийти к власти и богатству. Наворовались вдоволь и расползлись по личным дворцам, построенным на деньги нищих. Не все, конечно. Заслуживают уважения те предприниматели, которые достигают богатства своим трудом и своим умом.

На склоне лет я все чаще, как политик, продолжаю упрекать себя в том, что сделал далеко не все, что мог и на что надеялся в своих мечтах. Еще задолго до Перестройки, меч-

тая о будущем страны, я рисовал в своей голове разного рода картины — одна красивее другой. Я был убежден, что стоит только вернуть народу России свободу, как он проснется и возвысится, начнет обустраивать свою жизнь так, как ему потребно. Все это оказалось блаженной романтикой, многое в жизни получилось по-другому. Меня постоянно душит вопрос: а правильно ли ты поступил, приняв участие в том, что перевернуло Россию, но обрекло ее на новые страдания на пути к свободе? Не имеет особого значения, что к деформациям преобразований ты непричастен, поскольку еще до мятежа 1991 года Горбачев отодвинул тебя от власти, что у него появилась другая команда, которая предала его, предала идеи Перестройки, пошла на преступный мятеж, создав тем самым чрезвычайные условия, породившие хаос в экономике и в политике.

«Мужество выше скорбного терпения, ибо мужество, пусть оно окажется побежденным, предвидит эту возможность». Это слова Гегеля. Так уж получилось со многими из нас: мы предпочли скорбное терпение мужеству. Мужеству совершать поступки. В одно время Михаил Сергеевич, видимо, по доносам КГБ, заподозрил меня в том, что я «затеял свою игру». Увы, нет. А надо было! На самом-то деле я сам снимал свою кандидатуру с голосований на посты президента страны, Председателя Президиума Верховного Совета, Председателя компартии, его заместителя, члена Политбюро. Возможно, и не избрали бы меня на все эти посты, а я со своим обостренным самолюбием боялся подобного исхода. Но проверить-то политическую температуру надо было. Мне не достало мужества уйти с XXVIII съезда КПСС, чтобы организовать партию, отвечающую требованиям времени. Теперь, на старости лет, я понимаю, что совершил ошибку. Надо было нести свой крест до конца.

Как быстро и как медленно течет время. Тяжелое время, но если собьемся с пути — это будет трагедией для нашего народа, для всего мира, взаимозависимого, но все еще не осознавшего полностью своего единства, еще не готового к новой информационной эпохе, к глобализации всемирной жизни. Сегодня всех нас тревожит многое, очень многое... И все-таки 1956, 1985, 1991, 1993 годы состоялись. Их не отменишь. Михаил Горбачев и Борис Ельцин уже на пенсии. У власти новый президент — Владимир Путин. Обозначился откат в общественных свободах, хотя многое, отвоеванное у власти жизнью и временем, уже необратимо. Время назад не ходит, назад ползут только временщики.

Глава вторая

ОБ ОТЧЕМ ДОМЕ

Проклятая власть, жестокая. Вернулся с фронта и узнал, что еще в 1942 году мать потянули в суд за то, что наша овца, выдернув колышек, к которому была привязана, обгрызла пару кочанов капусты в совхозном поле. Мама и вещички с собой взяла, когда пошла в суд, была уверена, что посадят в тюрьму. И посадили бы, да кто-то, говорят, школьный учитель, вспомнил, что в семье еще три маленьких дитенка, а муж и сын на фронте. Ограничились штрафом и предупреждением. В ноги бы человеку поклониться, а власть в суд потащила.

Автор

I

На Ярославщине есть маленькая деревушка Королево. Там я и родился. И все мое детство — деревенское. Солнечное и снежное, дождливое и морозное, горькое и сладкое. Ручьи и леса, малина и грибы, ржание лошадей в ночном да картофельные поля. Школа, учителя и одноклассники. Вот и все. Как у всех парнишек того далекого времени. А там и юность, оборванная войной. Украденная юность.

Ярославские друзья помогли мне отыскать документы, рассказывающие о моих предках. По отцу «Яковлевы происходили из крепостных крестьян ярославских помещиков Молчановых». Первое упоминание — начало XVIII века. По материнской линии первое упоминание о предке семьи Ляпушкиных Иване Иванове восходит также к началу XVIII века. Из крепостных крестьян помещиков Майковых.

Люди и нелюди, самые разные человеки приходят из детства. Окружающий мир людей и вещей оставляет в сознании свои отметины, свои царапины, свои обиды и радости, да и личные поступки нанизывают памятные бусинки на нить очень короткой жизни человека.

С душевным волнением вспоминаю своего деда по отцу Алексея Потаповича. Он был человеком не очень типичным для деревни. Не пил, не курил, в церковь не ходил, не матерился, его постоянно избирали в деревне негласным судьей, поскольку считали справедливым человеком. Хмур, суров, скуп на слова. Бабушка Марья Александровна была набожная женщина. Умерла рано, я ее плохо помню, так же, как и другую бабушку.

Тогда в деревне не было ни радио, ни газет, если только случайно не попадали газетные обрывки для курева, а заодно — и для чтения. За ближайшими деревнями — уже другой мир, для нас, мальчишек, невообразимо таинственный и загадочный. Отец для меня был единственным источником информации, если не считать собственную фантазию и разные выдумки таких же пацанов, как и я. Выдумки о леших, домовых, разбойниках, да еще о «героических подвигах» своих отцов. Один якобы служил у Котовского, другой — у Буденного. Нам очень хотелось, чтобы такие подвиги были, хотя понимали, что это не так, но верить было интереснее.

Детских любимых занятий было много. Но по каким-то причинам одни забываются, другие запоминаются на годы, а третьи — на всю жизнь. До сих пор я с детской радостью помню мой мир фантазий, которые метались в голове, когда я лежал на овиннике в еще не скошенной траве. Никого рядом, а я лежу один во всем этом мире, смотрю в голубое небо и на редкие, куда-то спешащие облачка... и мечтаю. Мечтаю о том, кем я хочу быть. Конечно, моряком, чтобы обо всем узнать, может быть летчиком, чтобы увидеть, что там за облаками и долететь до края неба. То, что я видел кругом, не было достойным для разбушевавшихся грез, которые каким-то чудесным образом превращались в нечто реальное. Ведь так сильно хотелось, чтобы они были реальными, и расставаться с ними было горько безмерно. Мама часто замечала мое состояние отрешенности и спрашивала обычно:

— Что с тобой?

А что я мог сказать ей, я ведь только что вернулся из другого мира.

У нас под окном рос огромный дуб. Вечерами я побаивался его. Темный такой. Чудилось, что в густой листве прячутся таинственные звери и птицы. Я вслушивался, как вкрадчиво и задумчиво шелестят листья и разговаривают между собой на своем языке. Иногда казалось, что я понимал их воркотню, и мы вместе сочиняли какую-нибудь сказку.

Вьюжные зимние вечера. Лежишь на печке и слушаешь завывания каких-то страшных чудовищ, ведущих сердитый разговор. Порывы ветра и умоляющий плач — все вместе. И замирали в голове стихи гения: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь она завоет, то заплачет как дитя». И снова буйство фантазии. Все попрятались в домах, а за окнами поселился другой, чужой тебе, мир. И не приведи Господь оказаться в нем, заметет все дороги к дому и возьмет тебя в свои вечные объятия.

Красивое время, когда цветет картошка и лен. А потом, осенью, пекли картошку в риге, там сушили зерно. Гоняли лошадей в ночное. Костер, кромешная тьма, от фантазий распухали головы. Разные истории и случаи были страшнее всего на свете, но мы жадно глотали их.

Детство, мое детство... Куда же ты убежало, подарило мне счастье и убежало.

Мой отец был добрым человеком, никогда не бил меня, брал всегда с собой в поле или в лес, приучал к труду. Мы вместе сено косили, картошку копали, вместе заготавливали дрова. Я донимал его бесконечными вопросами, он отвечал степенно, обстоятельно, никогда не отмахивался от разных «почему». Я помню все мои игрушки, — а их и всего-то было три — пробковое ружье, оловянный револьвер да еще резиновая собачка, которую я приспособил под водяной пистолет.

В сущности, отец заложил в мою голову великую идею о том, что каждый человек должен сам решать свои проблемы. Откуда это у него, не знаю. Принесла как-то мама бутылку «святой воды» из церкви, налила в деревянную ложку и велела мне выпить. Я отказался, заявив, сославшись на учительницу, что все это ерунда. Тогда она выплеснула воду и треснула ложкой мне по лбу. Вмешался отец: «Не тронь его. Ему жить, ему и решать. Пусть выбирает сам». Это «пусть выбирает сам» осталось на всю жизнь.

Матушка моя — Агафья Михайловна — неграмотная крестьянка, безгранично, до болезненности совестливая, ласковая и трудолюбивая. С утра до ночи — с коровой, поросятами, овцами, курами. Какое же тяжкое бремя легло на ее плечи! Семья пережила три пожара, потеряла и жилье, и скарб домашний, и скотину-кормилицу. Особенно трудно было в войну 1941—1945 годов. Отец и я на фронте, а дома три малышки-сестренки. Приходилось связки сена носить на горбу, а если дорога сухая, то перевозить на тачке. Случись что с коровой — всей семье погибель. Мать, бывало, умается за день, ноги не ходят, спина не разгибается, сядет на кровать и зарыдает, приговаривая: «Что же это за жизнь такая? За что же такое наказание? Смертушка, а не жизнь».

Ох, как намаялась мать за свою жизнь. Но, будучи глубоко набожной, верила в милосердие: «На все воля Божья». Не раз выговаривала своим уже взрослым дочерям, когда они поругивали то Хрущева, то Брежнева: «Нельзя так о царях, девки, нельзя». Папа посмеивался. У него было свое отношение к «царям». Он то снимал со стены портреты «вождей», то обратно вешал. Это было его поощрением или наказанием

за те или иные поступки или проступки. Так он лишил своего уважения Хрущева и Брежнева, а еще раньше Сталина, отправив их портреты на чердак.

Мои родители и есть мои поводыри по жизни.

Никто не знает, кто научил меня читать, а читать я начал лет с четырех-пяти. Подозреваю, что дед. Он любил меня и как-то выделял среди других внуков. Самой ценной наградой для меня было разрешение деда лазать на черемуху, что другим возбранялось. Я, конечно, раздувался от гордости, мои двоюродные братья завидовали и обижались.

Я каждый год навещаю свою, теперь заброшенную, деревню. Какая сила влечет меня туда, понять не могу. Да, наверное, и трудно разгадать эту святую тайну. Хожу по бывшим пожарищам наших домов, что-то ищу, может быть, свое детство, сгоревшее вместе с домами и моими первыми книжками, может быть, подбираю крупицы смутных и грустных воспоминаний. И каждый год молча стою на земле, где возвышались мои деревенские дворцы в три окна по улице, и чего-то жду, жду, жду...

«А чего ждать? — шепчет оробевший и притихший разум. — Человек приходит из тьмы и уходит в темь».

Упорно гоню от себя всякого рода обжигающие вопросы о порушенных очагах, вопросы, которые без жалости готовы растоптать блаженство воспоминаний. Не хочу подпускать грустную рассудочность к этой великой для меня земле, исхоженной моими предками и кормившей их, но заросшей теперь бурьяном, не хочу. И еще долго щемят душу воспоминания, и еще слезам хочется на волю, горьким слезам. Если деревня заросла бурьяном, то и Россия заросла бурьяном, человеческим тоже.

Земля устала от лжи. Она вправе спросить, почему все это порушено? По какому дьявольскому замыслу?

...Помню, как появился в деревне первый патефон. Отец купил. По вечерам люди собирались у нашего дома, и я, одиннадцатилетний мальчишка, с гордостью заводил этот патефон — а было-то всего две пластинки. Одна — «Песни Козина», другая — «Песни Ковалевой», та, где она поет «Вдоль деревни — от избы до избы». Появился у нас и велосипед, первый в деревне. Еще построил я своими руками педальный автомобиль. Ездил по всей деревне и чувствовал себя на седьмом небе.

Но самое памятное — первое кино. Оно появилось в нашей деревне где-то в 1936 году. Поскольку считалось, что я читаю быстрее других подростков, то мне и доверялось громко читать титры. Помню первый фильм «Абрек Заур». Демонстрировался он в старом сарае. Зрителей полным-полно. Приходили со своими стульями, скамейками и в лучших одеждах, как на праздник. Только стрекотание кинопроектора да мое чтение титров нарушало тишину в этом «дворце культуры».

Не знаю почему, но меня всегда тянуло к музыке. Отец купил балалайку, потом гитару, а затем и гармошку. На всех этих инструментах я играл, сочиняя свою музыку, главным образом — вальсы. Бывало, заберусь на поленницу дров у сарая и вымучиваю разные мелодии, да еще мечтаю. Нот я, конечно, не знал, а жаль. Позднее гитара помогала находить стежки-дорожки к сердцам девчат. Игрой на гитаре уже в институтские времена завлекал и будущую жену — Нину.

Ну, как же тут не любить прошлое? Оно и на самом деле восхитительно, до краев наполнено счастьем животворящей молодости...

В первый класс я пошел еще из деревни Королево. Записали под фамилией Потапов — по старой русской традиции. В деревне мы звались Потаповыми — по отчеству деда. В школу бегал с удовольствием. Запомнил и свою первую книжку — журнал «МЮД» — «Международный юношеский день». Это еще до школы, мне было лет пять. Сидел на печке, болел свинкой, на шее опухоль, словно коровье вымя, до сих пор след остался, и читал вслух этот «МЮД». Мама, тетя Настя и тетя Тоня готовились к празднику. Они пекли блины из крахмала — тоненькие-тоненькие, беленькие-беленькие, вкусные-превкусные. Они мне давали блинчики, а я им читал. Позднее, лет в семь-восемь, я читал им и «Псалтырь» по-старославянски. Как это получалось — ума не приложу, но читал, а мама и тетки слушали.

Первой большой книжкой была «Колчаковщина» Дорохова. Только недавно ее достал, она была раньше запрещена, а автор расстрелян. Сейчас хранится как реликвия. Ее тоже читал вслух. Самое любопытное, что следующей книгой стал «Тихий Дон». Это, конечно, не мой выбор, просто отец приносил книжки из сельсоветской библиотеки, которые я и читал подряд. В семь или восемь лет я с моими двоюродными братьями сфотографировался с этой книжкой, фотография у меня хранится до сих пор. На обратной стороне папина резолюция: «Три дурачка».

Детство, мое детство! Ребята гуляют, играют, а меня больше тянуло что-то почитать. Если не было книжки, находил обрывок старой газеты, перечитывал с начала и до конца, часто не понимая, о чем тут написано. Как гоголевский Петрушка, я постоянно удивлялся, как буквы складываются в

слова, но все же, в отличие от Петрушки, гораздо больше меня занимало, как из слов получаются рассказы.

Дружил я с Сережкой Гавриловым, у него отец был агрономом, на чердаке полно книг. Одну мне подарили. Полное собрание сочинений Лермонтова в одном томе, изданное еще в начале XX века. Я прочитал эту великую книгу с первой страницы до последней раз пять. С тех пор Лермонтов мой любимый поэт, самый любимый. Узнав об этой истории, Егор Яковлев недавно подарил мне эту книгу того же издания. Я обрадовался как ребенок, встретив моего столетнего старца — друга далекого детства.

Сергея Гаврилова всегда привлекали всякие поделки, его тянуло к технике, он постоянно что-то изобретал. Однажды его отец привез из города какие-то детали, и Сережка на моих глазах стал мастерить радиоприемник на кристаллах. И вот приемник зашумел, затрещал, иногда прорывались отдельные слова. Сережка сказал, что это Москва говорит. Я не очень понимал, как это может быть, но впечатление было ошеломляющим. Когда рассказал об этом маме, она не поверила. Ворчала, что меня нечистая сила попутала. Пошла к Гавриловым удостовериться, а на самом-то деле — из любопытства.

О чем еще надо бы сказать? Равнодушен к спиртному. Не знаю, верно ли, но объясняю это одним эпизодом из раннего детства. Осень. В бане гнали самогонку. Я бегал во дворе. Дядя Женя, он еще в парнях гулял, подошел ко мне с чашкой и предложил: «Глотни». Глотнул, и в глазах потемнело. Надо же так случиться, что в эти минуты приехал из леса мой отец. Сразу понял, в чем дело, и дал дяде Жене оплеуху. То же самое сделал и дед, спустившись во двор. Меня стали отпаивать молоком, но я не чувствовал вкуса — обжегся. Чувство вкуса появилось лишь дня через три.

Плохо это или хорошо, но я не умел, не хотел и боялся драться, однако завидовал ребятам, которые хорошо владели кулаками. А потешные сражения случались каждый день. Я ни разу не был победителем, обидно, конечно. Время от времени играли в продольную лапту или в круговую. Лопатки делали сами. Играли в костяные бабки. Нашим праздником в деревне были регулярные приезды старьевщика. Приезжал он на большой телеге, а зимой — на санях-розвальнях. Звали его Татарин. Только потом я узнал, что это не фамилия, а национальность. Он собирал старье, шерсть, медь, другой металл, а в обмен давал разные свистульки, игрушки из дерева — лошадок, зверюшек, всякое такое.

Окончив четыре класса, я перешел в семилетнюю школу, которая была в соседней деревне Василево, поближе к дому.

По окончании семилетки получил награду — книжку «Как закалялась сталь». И этой книжки, как и лермонтовской, у меня не осталось. Зачитали ребята.

После окончания семилетки мама сказала: «Хватит учиться, иди работать в колхоз». У нее было твердое убеждение — если пойду учиться дальше, то ослепну или дураком стану. Так она и говорила. Я настоял на своем. Оказался единственным учеником из нашего седьмого класса, который пошел в среднюю школу. Почти все ребята остались в колхозе. Новая школа в поселке Красные Ткачи в четырех километрах от нашей деревни. Ходить каждый день туда и обратно — восемь километров, да еще по лесу. Лесную дорогу называли Малиновкой, глухая и темная. Страшно было.

Ныне модно спрашивать, когда заработан в жизни первый рубль. Я получил его летом 1940 года, после 9-го класса. Мой отец предложил мне и моему товарищу Мише Казанцеву заготавливать дрова, обещая заплатить. Мы согласились. Напилили, как сейчас помню, 16 кубометров. Получили на двоих 72 рубля. Жить стало веселее. В клуб стали ходить, как богачи, демонстративно покупая девчонкам билеты в кино. Правда, половину денег мама у меня отобрала.

Кто в шестнадцать — семнадцать — восемнадцать лет не пишет стихи? Стихи о первой любви, первых восторгах и открытиях, первых разочарованиях и обидах. Я и сам написал их порядочно, но мало что сохранилось. Однажды демонстративно сжег тетрадки со стихами, о чем, конечно, сегодня жалею. Тогда надо было доказать своей будущей жене, что у меня в жизни другой любви нет и не будет: «Я злой на себя — угрюмый и едкий. // Ты — радость веселья с улыбкой огня. // Не зная того, ты была сердцеедкой // И вместе богиней была для меня».

Вспоминаю и другие свои стихи. Они наивны. Но что поделаешь? В поэты не собирался, но всегда, в часы грусти или восторга, что-то писал для себя. Не буду утомлять читателей своими стихами. Это юность. Она действительно велика и прелестна, печальна и радостна.

О своих учителях я вспоминаю с любовью и грустью. Кто-то из учителей, наверное, знал больше, чем коллеги, другие были добрее, но все они отдавали невообразимо много душевных сил нам, неразумным, широкими глазами смотрящим на этот еще неведомый мир. Вели себя как товарищи. Не было ни одного солдафона, всегда можно было честно сказать, что ты сегодня не выучил уроки, — и тебе не поставят двойки, не будут нудно причитать и воспитывать. Мы отвечали учителям искренним уважением.

Моих школьных учителей уже нет в живых, кроме одного. Погибли на фронте, умерли. Слава богу, еще жив наш классный руководитель — Густав Фридрихович Шпетер. В 1941 году его сослали в Воркуту как немца. Должен сказать, что именно он по-умному и настойчиво учил нас любви к Родине.

Школу окончил в трагическом 1941 году. Выпускной вечер, речи, поздравления. Вечер проходил в фабричном клубе. Мы еще не знали, что нас ждет война. Но понимали: закончилось какое-то светлое-светлое время, которое нас ласкало только любовью, добром, первыми увлечениями и розовыми фантазиями, в голове гулял ветер, душа горела огнем молодости, глаза светились надеждами.

То, что мы потом узнали о том страшном, что было в советском прошлом, тогда, в юности, нас мало касалось, да и маленькие мы были еще. Помню, в моей деревне арестовали конюха за то, что в ночном очень туго ноги путал лошадям, они, мол, стирали лодыжки. Вредительство. В деревне все молчали — власть, она и есть власть, ей виднее. Конюх сгинул. В семилетней школе арестовали учителя Алексея Ивановича Цоя, как говорили, за «оскорбительное отношение к вождю». Учитель, будучи в туалете, вырвал из газетки, которую взял с собой по надобности, портрет Сталина и прилепил его к стенке, как бы из уважения. Кто-то донес. Использовал бы по назначению, остался бы невредим.

В гражданскую войну отец мой служил в Красной Армии, в коннице. Надо же так случиться, что его тогдашний командир взвода Новиков стал военкомом в нашем Ярославском районе. Часто заезжал к нам на огонек, по рюмочке с отцом выпить да вспомнить былые походы. Однажды он постучал в наше окошко кнутовищем, мама была дома. Сказал ей:

— Агафья, передай хозяину, что завтра будет совещание в Ярославле. Пусть едет немедленно.

Как только отец вернулся из леса, мама все ему рассказала. Он заставил ее точно вспомнить все слова военкома. Я все это слушал без интереса, не понимая, о чем идет речь. Папа тут же собрался, что-то взял с собой и ушел в ночь. Что он сказал матери, не знаю. Ночью к нам постучали. Сквозь сон я что-то слышал, какие-то разговоры, мама утром сказала: отца спрашивали. На вторую ночь тоже пришли. Потом никто больше не приходил. А через три-четыре дня снова приехал Новиков, стучит в окошко:

— Агаша, где хозяин-то?

— Ты же сам сказал, что в Ярославле на совещании.

— Так оно же закончилось!

И уехал.

Мать тут же позвала меня и велела бежать в деревню Кондратово, это уже в другом районе, за рекой. Там жила моя тетка с мужем — Егорычевы. Там и скрывался отец.

А вот в соседней деревне Василево арестовали бригадира колхоза Бутырина. Он пропал. По деревням пошел разговор, что арестован за то, что обесценил трудодни, построив силосную башню — первую в районе.

...Через три дня после выпускного вечера грянула война. Мои друзья стали подавать заявления в военные училища. Я тоже. В Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Но когда меня вызвали в Баку на экзамены, я не поехал. Без всякой похвальбы говорю, да и хвастаться тут нечем, мне по-мальчишески хотелось на фронт, хотя не было еще и восемнадцати. Миша Казанцев, мой приятель, поехал в это училище и окончил его уже к концу войны, стал штурманом, а затем командиром подводной лодки. Будучи потом в Приморье, я побывал на его лодке. Ощущение было жуткое: как будто железное чудовище проглотило людей и медленно, с хрустом пережевывает и переваривает их в своем чреве.

Меня призвали в армию 6 августа 1941 года. Взяли первым в классе. Собрались друзья, только ребята. Гриша Холопов играл на баяне. Мы пели песни. Гимном прощания была песня: «В далекий край товарищ улетает, родные ветры вслед за ним летят. Любимый город в синей дымке тает, — знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд». Никакого бурного веселья, грустили. Уговаривали себя, что все будет в порядке, быстренько набьем морду фрицу — и домой. Все ждали повесток и гадали, кого и куда пошлют. Мама приносила нам закуску — картошку с огурцами и капустой, еще чего-то. Мы пели, а мама уходила на кухню и плакала.

На другой день отец с матерью поехали меня провожать. Сбор в Ярославле, в клубе «Гигант». Лето. Тепло. Еще свободно продавали фрукты и вино. Папа купил бутылку вина. Мама снова плакала. Отец был сдержан и печален. Говорил мало. Через две недели его тоже забрали в армию. Он вернулся домой только осенью 1945 года.

Наутро все мы, новобранцы, пошагали на станцию Всполье. На обочинах люди, машут руками, кто-то плачет. Поехали на восток. Довезли нас до города Молотова (Пермь). Сутки жили в школе, спали на полу. А на другие сутки отправились пешком в лагерь Бершеть, в 30-й запасной артиллерийский полк. Гаубицы на конной тяге, за каждым из нас закрепили по лошади, ее надо было каждое утро чистить, потом выгуливать. Учили верховой езде. Мне было легче дру-

гих, все мое детство и юность связаны с лошадьми. Я умел ездить верхом, запрягать, любил купать лошадей — дома эта обязанность лежала на мне.

В лагере Бершеть мы пробыли месяца три. Ходили еще в домашней одежде, она разлезлась, порвалась. Наступила холодная осень, мы нещадно мерзли. Где-то в ноябре нас обули и одели, а старую одежду велели отправить домой. Потом мама рассказывала мне, что она долго горевала, глядя на рваные брюки и пиджак, да на ботинки, перевязанные проволокой. Из пиджака удалось сестренкам пальтишко сшить, которое они носили по очереди.

Как только мы приобрели солдатский вид, нагрянула новая комиссия. Снова расписывают по родам войск и по училищам. Меня, как и перед армией, записали в танковые войска и даже сказали, в какое училище поеду — в Челябинское. Опять пешедралом в Пермь. Оттуда на поезде дальше. Куда едем, никто не знает. Кормят селедкой с хлебом. В конце концов, остановились в Глазове, что в Удмуртии. Нам объявили, что приехали к месту назначения, все зачислены курсантами Второго Ленинградского стрелково-пулеметного училища, эвакуированного в Глазов. Надежды будущих летчиков, танкистов, артиллеристов, связистов рухнули. Началась курсантская жизнь — тяжелая, изнурительная. За три, три с половиной месяца надо было сделать из нас командиров взводов.

Воспоминаний не так уж и много. В 6 утра подъем, в одиннадцать вечера отбой, холод неимоверный — доходил до 42 градусов, а мы в кирзовых сапогах да в брюках и гимнастерках, уже бывших в употреблении. Хорошо, что мама прислала мне шерстяные носки и варежки, сама их связала. Как-то спасался. Но все равно застудил ноги, особенно большие пальцы. До сих пор мерзнут. Переохлаждение. Северный человек, а морозов теперь боюсь.

Однажды пошли на учения — «батальон в наступлении, батальон в обороне». Наш взвод оказался в обороне, надо было в снегу отрыть окопы и ждать наступления. Те, кто был в наступлении, хотя бы двигались, а мы ждали, отплясывая чечетку. Наш командир взвода был призван в армию из гражданских инженеров, приличный человек. Он сказал заместителю начальника училища по учебной части, что, мол, нельзя так, курсанты ноги отморозят. Тот оказался придурком. Короче говоря, больше десяти молодых ребят ступни отморозили. Им сделали операции, они так и не попали на фронт.

У меня учеба шла хорошо, особенно по топографии и стрельбе. На фронте это пригодилось. Все остальное не понадобилось.

Едва ли можно описать курсантскую жизнь в Глазове лучше, чем это сделал поэт Николай Старшинов — тогда курсант нашего училища. Приведу строки из его воспоминаний:

«Зима 1942 года выдалась долгой и суровой, на дворе держались затяжные морозы, перемежавшиеся с недолгими потеплениями, во время которых свирепствовали метели.

Нам хорошо доставалось во время строевых занятий и неоднократных походов.

Но более их, пожалуй, мне запомнилась глазовская баня, в которой мы каждую декаду мылись.

Во время тридцати — сорокаградусных морозов и в бане было, мягко говоря, не жарко.

В предбаннике мы сдавали верхнюю одежду — шинели, гимнастерки и галифе — в «жарилку». Старая банщица выдавала нам на отделение мочалку и каждому курсанту наливала в ладошку черное, вонючее жидкое мыло.

Чтобы хоть как-то согреться во время мытья, мы непрерывно пели песни. Особенно любима была песня «Летят утки». Акустика в бане была хорошей, гулкой. Старушка-банщица не выдерживала. Слезы текли по ее морщинистому лицу, она неуклюже и торопливо вытирала их подолом синей юбки и выдавала каждому из поющих по лишней горстке черного, вонючего жидкого мыла!..»

Хочу на минутку уйти из тех времен, чтобы рассказать о том, как я снова побывал в городе Глазове. Давно собирался, но все дела да случаи. Наконец выбрал время. Был в некотором смятении. Во-первых, прошло 60 лет с тех пор, как я учился там. Во-вторых, ежился от мысли, а как-то встретят меня. Власть в тех местах коммунистическая, а я один из ее разрушителей. Но все мои опасения рухнули, как подмытый берег реки. Городские власти собрали фронтовиков, в том числе и оставшихся в живых курсантов училища. Устроили обед. Шутили, вспоминали, произносили тосты. Это была встреча, овеянная великим фронтовым братством и всем, что прожито и пережито вместе. Политика убежала куда-то далеко-далеко и спряталась в мусорной яме. Никому и в голову не пришло заговорить о ней. А портреты бывших «вождей» и лозунги о «вечно живом ленинском учении» казались мелкими, никчемными огрызками прошлого в вихре ликующих человеческих чувств единения и братства...

Военная учеба закончилась. 2 февраля 1942 года нам объявили о присвоении званий. Мне дали лейтенанта, поскольку хорошо учился. Большинству — младших лейтенантов и даже старших сержантов. Направили меня на станцию Вурма-

ры, в Чувашию, где ждал меня взвод, состоящий в основном из людей старше меня лет на 15—20, плохо знающих русский язык, никогда не служивших в армии. Я должен был их за две-три недели обучить стрельбе и каким-то военным премудростям. Стрелять было нечем. Оставались только разные глупости: взвод в наступлении, взвод в обороне, ползать по-пластунски, «ура» кричать да песни петь. Наш старшина каждый день учил нас разбирать и собирать с закрытыми глазами замок станкового пулемета «максим». На фронте некогда было «разбирать и собирать», да еще с закрытыми глазами.

И вообще, как можно за две-три недели научить неграмотных людей воевать, о чем и сам-то имел смутное представление? Но вскоре со своим взводом я поехал на фронт, совершенно не представляя, что там буду делать, как буду воевать. Уже тогда, в свои восемнадцать лет, я понял, что везу на фронт пушечное мясо. Да и все мои товарищи, молодые офицеры, говорили то же самое. Свою обреченность мы скрывали бравадой, песнями, хвастливой удалью, бессмысленными спорами о том, насколько быстро мы разобьем этих фашистов. А кошки скребли наши мальчишеские души. И по ночам нам снились мамы и родные дома. Я знаю, многие из нас хлюпали носами, а утром снова изображали из себя неимоверных героев. Подлинная трагедия той войны.

Ехали мы медленно, навстречу шли поезда с ранеными, нас обгоняли составы со снарядами, пушками. Однажды отвели нас на запасной путь. Ждем. Спим. На третью ночь нас разбудили, офицерам велели построиться на перроне. Стали вызывать поодиночке в вокзальное помещение. Там сидели трое — полковник, потом офицер в морской форме (звание я не разглядел) и еще человек в гражданском. Обычные вопросы: кто, откуда, как и что?

Через два-три часа снова выстраивают и оглашают фамилии примерно двадцати — двадцати пяти человек. Среди них оказался и я. Снова приглашают в станционное помещение и объявляют, что мы направляемся в распоряжение командования Балтийского флота. Мы ничего не поняли, ведь Ленинград был в окружении. Балтийский флот как бы не существовал. Но раз так, значит, так. Нам выдали проездные документы, талоны на еду, и мы поехали в другом направлении — к Волхову.

Тут мне повезло. Поезд остановился в моем родном Ярославле на 8 часов. Баня, смена белья, столовая. Пропускная способность низкая, все шло медленно. Как только поезд остановился, я побежал в баню, быстро помылся, а затем до-

мой, что в 15 километрах от Ярославля. Спасибо, девчонки-регулировщицы остановили грузовую машину.

Когда влетел в дом, мама чуть не потеряла сознание от неожиданности и радости. Обнимала, плакала. А маленькие сестренки, как галчата, смотрели с печки и не очень-то понимали, что происходит. Мать начала меня угощать, чем могла, а я отдал ей весь сухой паек, который был со мной.

Перечитал отцовы письма к маме. Пора ехать обратно, а мама все держала меня за гимнастерку и без конца повторяла: побудь еще немножко, чай, не уедут без тебя. Ее материнское сердце разрывалось на кусочки — ведь столько похоронок уже пришло к ее подругам. Она оплакивала меня и надеялась, что ее сына минет горькая участь. Проводить меня не смогла, упала на кровать и зарыдала, как на похоронах.

Первая встреча с войной была ужасной. Мы увидели замороженных немецких солдат и офицеров, расставленных вдоль дороги в различных позах, в том числе и в неприличных. Они погибли под Тихвином. Поезд замедлил ход, над эшелоном взорвался хохот. Я тоже смеялся, а потом стало не по себе. Ведь люди же! Мертвые люди. Мерзкий спектакль.

Наконец, остановились на маленькой станции. Дальше пути разобраны. Мы потопали по лесной дороге, по заснеженному деревянному настилу. По пути время от времени от нас откалывались группы солдат и офицеров для других частей. Шли долго, наверное, часов шесть — восемь. Приближался гул фронта. Фронтовики это помнят, фронт как бы гудит, и чем ближе к линии фронта, тем ярче свет ракет, незатухающее зарево над землей. В конце концов, дотопали до своей части. Нам сказали, что находимся в расположении 6-й отдельной бригады морской пехоты. Построили. К нам вышел капитан первого ранга. Представился. Это был Петр Ксенз, комиссар бригады, небольшого роста, плотного сложения, как бы квадратный. Посмотрел на нас, и первой его командой было: «Сопли утереть!» Все механически махнули у себя под носами рукавами шинелей. Было холодно и промозгло. Такой же холод, как в Удмуртии или Чувашии, но сырой. Это было недалеко от станции Погостье, в шестидесяти километрах от Ленинграда.

Я попал в роту автоматчиков, командиром 3-го взвода. Рота занималась ближней разведкой в тылу противника. Началась моя фронтовая пора. Не знаю, что и писать о ней. Выдумывать нечто героическое не хочется. Стреляли. Ползали по заснеженным болотам, а под снегом вода. Пытались, иногда это удавалось, пробираться в тыл к немцам. У них оборона была тоже дырявая. Все-таки болота и леса. Война как война.

Эпизодов разных много, но все они похожи друг на друга. Привыкаешь к смерти, но не веришь, что и за тобой она ходит неотступно. Бродский напишет: «Смерть — это то, что бывает с другими».

Дуреешь и дичаешь. Да тут еще началось таяние снегов. Предыдущей осенью и в начале зимы в этих местах были жесточайшие бои. Стали вытаивать молодые ребята, вроде бы ничем и не тронутые, вот-вот встанут, улыбнутся и заговорят. Они были мертвы, но не знали об этом. «Мертвым не больно», — скажет потом Василь Быков. Мы хоронили их. Без документов. Перед боем, как известно, надо было сдавать документы, а медальонов с номерами тогда у нас еще не было. Не знаю, как эти ребята считались потом: то ли погибшими, то ли пропавшими без вести, то ли пленными.

Кто послал их на смерть? За что их убили? За какие грехи? Представил себя лежащим под снегом целую зиму. И никто обо мне ничего не знает и никогда не узнает. И никому до тебя нет никакого дела, кроме матери, которая всю жизнь будет ждать весточку от сына. Безумие войны, безумие правителей, безумие убийц!

До этого случая все было как-то по-другому, мы стреляли, они стреляли. Охотились на людей на передовой со снайперскими винтовками, в том числе и я. А тут война повернулась молодым и уже мертвым лицом. Это было страшно. Думаю, что именно этот удар взорвал мою голову, — с тех пор я ненавижу любую войну и убийства. И пишу уже другие стихи. «Зеленый гроб за жизнью тащится, зеленый гроб, зеленый гроб...» И напишет потом Владимир Луговской: «Мы о многом в пустые литавры стучали. Мы о многом так долго, так трудно молчали...»

Что еще вспомнить?

Мне было особенно трудно: я не флотский человек, а «презренная пехота». А в бригаде было два батальона балтийцев и один — черноморцев. Очень медленно привыкают к тебе. Любят разные розыгрыши, играть в домино, деревяшки делали сами. Что-нибудь соорудят вроде стола, где можно фишками постучать. Однажды и меня пригласили, как бы проверить на «вшивость». В игре все равны. Сходишь не так — жди обидных слов. Мазила, салага. А я был молод, горяч и глуп. Однажды не выдержал этих подначек, встал, бросил деревяшки и ушел в землянку. Ко мне заглянул повар Павловский — он был старше всех, мы его звали отцом, ему было уже сорок два года. «Ты зря, лейтенант, ребята хорошие». Через две-три минуты на доминошников упала мина.

И не стало хороших ребят — молодых и веселых. Вот она судьба, злая, жестокая.

Однажды вызывают меня в штаб бригады в особый отдел, в сторонке — молодая женщина. Отберите, говорят, людей понадежнее, сколько хотите. Вот ее надо довести до Новгорода, оставить там на кладбище. Она переоденется в гражданское, а военную форму принесете обратно. Вопросов ей не задавать. Пригрозили: если не выполните приказ, лучше не возвращайтесь, а стреляйтесь там.

Мы повели эту загадочную женщину в Новгород. Не торопились. Шли ночами, днем отдыхали, промеривали по карте дальнейший путь, мне этим пришлось заниматься самому, быть как бы лоцманом в лесу. Довели спутницу до кладбища, она там переоделась в гражданское, сказала нам контрольный пароль. Пошла в одну сторону, мы — в другую.

И заблудились. Одни говорят, надо идти прямо, другие — вправо, третьи — влево. Взял карту и компас. И сказал: пойдем вот так. Все до единого засомневались, пытались убедить меня, что нарвемся на немцев. Пошли. Оказалось, что вернулись к линии фронта почти в том же самом месте, откуда уходили. Нас ждали. С этого момента меня признали командиром. Так получилось, случай выручил.

А в общем-то, моряки ребята крутые. Однажды пришел к нам с пополнением помкомвзвода — старший сержант, старослужащий по фамилии Будников. Выдались три дня для отдыха. Отвели нас километров на восемь от фронта. В других взводах люди стали приводить себя в порядок, а этот «развернул учебу». Ползать, бегать. Совсем обозлил ребят. А на обратном пути к землянкам еще и приказал:

— Запевай!

Все молчат, идут вразвалочку.

— Одеть противогазы!

Какие там противогазы? Давно выброшены. А сумки приспособлены для разных солдатских нужд. Тогда помкомвзвода совсем оборзел и скомандовал:

— Бегом!

Ребята побежали, да и убежали от него.

Наш старшина был краток:

— Не жилец. И верно. Через три-четыре дня бой. Старшего сержанта нашли с пулей в затылке.

Больше всего я боялся мин. Лежат они под землей, и ты не знаешь, когда наступишь на нее — на эту молчаливую железную ведьму. Я до сих пор помню, как после дождя, который сутки поливал наши землянки, мы пошли в разведку. Слышу:

— Лейтенант, подь сюда.

Подошел и увидел мины, похожие на черные тарелки. Смертью повеяло, боимся шагнуть дальше, да и назад идти страшно. А как эти мины обезвредить, никто не знает. Нас этому не учили. Когда прошло оцепенение, мы сторонкой и потихонечку пошли дальше.

Невозможно вспомнить что-то достойное и радостное из фронтовой жизни, кроме, пожалуй, солдатской дружбы, треугольничков с письмами матери, отца, друзей, да еще от незнакомых девушек из разных городов страны.

Не знаю, кому пришла в голову идея переписки фронтовиков с девчатами из тыла, но в любом случае это гениальная идея. Помню, как принесли из штаба письма девушек из разных мест Союза незнакомым фронтовикам. Я тоже взял. Брал и потом. От писем веяло такой теплотой, что мы перечитывали их по нескольку раз. И коллективно читали, подначивая друг друга. Письма были очень искренними. Девчонки рассказывали обо всем — плохом и хорошем, о радостях и горестях. Бывало, что переписка чудесным образом оборачивалась объяснениями в любви. Навещала наши землянки какая-то другая жизнь, полная волнений и надежд. В ответных письмах мы не скупились на любые обещания, нам отвечали тем же. И как горько было писать тем незнакомкам, любовь которых умерла от пули. Такой человечности, страданий и милосердия, как в этих письмах влюбленных незнакомцев, отыскать, думаю, будет пустой затеей.

Провоевал я недолго. Хочу сказать, что за мое время смерть сменила взвод раза три, если не больше. Были случаи, когда из 30—35 человек возвращались 12—15. Пленных мы не брали, как и немцы нас. Полное озверение. Мы с гордостью носили клички «черные дьяволы», «черная смерть». Это из-за черных бушлатов.

Смерть — безмерная и бессмысленная трагедия войны, но она во сто крат трагичнее, когда приходит от пьяного дурачья. Россия давно славится чиновным дурачьем. На фронте их было полным-полно. Говорят, что без дураков жизнь тускнеет. Возможно, это и так, но на фронте придурки обходились очень дорого. Сошлюсь на пару примеров. Однажды приехал на передовую заместитель начальника оперативного отдела бригады с заданием организовать взятие одной деревушки. Сказал, что это нужно для выравнивания линии фронта. «Выравнивание» было очень модным термином. «Выравнивая линию фронтов», мы оказались под Питером, Москвой, Царицыном и на Кавказе. Деревушка стояла на пригорке. На подходе к ней — поля. Послали в бой роту, почти вся погибла. Штабист был пьян и груб. Махал пистолетом. Потом сказал, что утром будет наступление батальоном, а сам ушел в землянку спать.

Я там оказался случайно. С группой ребят возвращался из-за линии фронта и застрял в землянке, где собрался командный состав батальона. Пили, горевали. Не знали, что делать дальше. Надо же так случиться, что в это время проходило передовое подразделение солдат из дивизии, которая направлялась на замену соседней части. Командовал группой подполковник из кадровых офицеров. Заходит в землянку. Разговорились. Батальонный рассказал об обстановке.

«Чертовщина какая-то, дайте я попробую», — предложил подполковник. Он еще не воевал. Горячился. Ну и решили взять деревню ночью, пока штабист трезвеет. Командир группы, хотя это было нарушением всех порядков и уставов, взял с собой несколько человек, попросил саперов, хотя это было без нужды, — погибшие солдаты на этом клочке уже расчистили землю от мин. Заняли деревню почти без выстрелов. Только один раненый. Никто не знал, что делать с этой деревней дальше.

Когда штабист проснулся, ему говорят: не надо атаковать, деревня взята, так-то и так-то. Как? Нарушили мой приказ! А он без опохмелки-то злой, мерзавец, выхватил пистолет и чуть не расстрелял подполковника. Хорошо, что в это время в батальоне был представитель особого отдела, который по своей линии донес в штаб о заварухе. Оттуда пришел приказ: представителю штаба вернуться, подполковника освободить.

«Ну и дураки же у вас тут воюют!» — бросил подполковник на прощание.

Помню свой последний бой. Грустно об этом вспоминать, хотя и орден за него получил. Надо было сделать «дырку» в обороне немцев. Отрядили для этого мой взвод и еще роту, которой командовал старший лейтенант Болотов из Свердловска. Немцы были за болотом, на расстоянии метров, наверное, ста пятидесяти.

Ранним утром от земли стал отрываться туман. Между землей и туманом — прозрачное пространство, видно все, каждую травинку, каждую кочку. Мы сказали координатору этой операции — майору (накануне вечером он был пьян в стельку), что надо сейчас атаковать, немедленно начинать артиллерийскую подготовку, иначе хана. Он обложил нас матом, сказал, что будет действовать так, как было условлено, а вы пойдете в атаку тогда, когда будет приказано. Мы тоже выпили свои двести граммов и начали в его же духе «аргументировать».

Все было напрасно... По плану началась артиллерийская подготовка, минометы, два орудия прямой наводки. Пошли в атаку. Больше половины людей погибло. Меня тяжело ранило. Получил четыре пули. Три в ногу, с раздроблением кости, одну в грудь. Два осколка до сих пор — в легких и в ноге. Врачи говорят — закапсулировались.

Меня тащили по болоту четыре человека, трое погибли. Потом долго — восемь километров — везли на телеге, кость о кость в перебитой ноге царапалась, что каждый раз бросало меня в беспамятство. В бригадном госпитале меня посетил комиссар Ксенз. Сказал, что подписал представление к ордену Красного Знамени, а также спросил, верно ли, что мы с Болотовым имели острый разговор с майором? Написали мне потом в госпиталь, что майора разжаловали по настоянию комиссара бригады.

Долго везли нас в вагончиках узкоколейки, аж до Ладоги, а затем — двух офицеров — погрузили в самолет У-2. Лежал в боковушке, как в гробу. Приземлились в Вологде. Отвезли в город Сокол, в эвакогоспиталь за номером 1539. В госпитале как в госпитале. Сестры стремились выйти замуж за раненых офицеров и, когда это удавалось, уезжали вместе с ними по домам. Мне было очень плохо, вытягивали ногу, лежал все время на спине, закончилось все это дело пролежнями. Я помню сестричку Шурочку Симонову, которая оставалась дежурить у моей койки и по ночам. Она сидела рядом и как бы стерегла мое дыхание. Потом нелепо умерла от разреза на десне, говорят, что случился болевой шок. Прекрасные девчонки, жалостливые, терпеливые. От нестерпимой боли их матерят, а они, пытаясь изобразить улыбку, уговаривают: «Потерпи, миленький, потерпи, родненький».

Спустя годы пришлось работать на даче Брежнева в Завидове. Писали доклад ко Дню Победы. Брежнев был тоже с нами. По окончании — обычная выпивка. Тосты, тосты... И все, конечно, за Леонида Ильича, за «главного фронтовика». Ему нравилось. Я тоже взял слово и стал говорить о том, что всего тяжелее на фронте было не нам, мужчинам, а девчонкам, женщинам. Грязь, вши, часто и помыться негде. Лезут в пекло, чтобы раненых вытащить, а мужички тяжеленные. А от здоровых еще и отбиваться надо. Война трагична, но во сто крат она ужаснее для женщин. А теперь забываем действительных героев войны, героинь без прикрас. Брежнев растрогался, долго молчал, а потом сказал, что надо подумать о каких-то особых мерах внимания и льготах для женщин-фронтовичек. Ничего потом сделано не было.

В госпитале меня навестила мама. Я уже был «ходячий». Мы сидели с ней в ванной — больше негде. Все коридоры заняты койками. Она привезла мне баночку сметанки, блинов да кусочек мяса. Я ел, а она плакала, но и радовалась, что живым остался. С тоской смотрела на мои костыли, видимо, думала о моем инвалидном будущем.

Вместе со мной лежал командир роты, с которым мы прорывали линию обороны немцев. Он остался без ноги. На одной из коек — Иван Белов, отец будущего писателя-деревенщика Василия Белова. На другой летчик-истребитель Борисов. Его самолет был сбит, сам он чудом остался жив, но ноги его не двигались из-за сломанного позвоночника. Ему сделали несколько операций, но безуспешно. В первые месяцы к нему приезжала жена, старалась утешить его. Потом ее посещения становились все реже и реже, а затем и совсем прекратились. Сосед мой каждый день писал ей письма, но не отправлял их, а прятал под подушку. Увядал на глазах, потерял всякий интерес к жизни и вскорости умер. Вот она, война. Трагедия человека — трагедия народа.

Много ли, мало ли, плохо ли, хорошо ли мы воевали, но воевали честно. О моем последнем бое было напечатано две статьи. Одна опубликована в газете «Красный Балтийский флот», вторая — в «Красном флоте», газете Народного комиссариата Военно-Морского Флота. Мне эти статьи как-то зябко читать, но я все-таки процитирую по выдержке из каждой.

Из «Красного Балтийского флота»:

«Ударный взвод автоматчиков выходил на рубеж для атаки. Над ночным болотом курился туман, роились злые комары. Прямо перед автоматчиками громоздился зарослью и лесом небольшой остров, занятый немцами. По берегу он ощетинился частоколом проволочных заграждений. Изредка над болотом зловещим мертвым светом вспыхивала осветительная ракета. Яковлев позвал:

— Федорченко!

— Есть Федорченко.

— Отбери шесть бойцов и выходи на левый фланг. Нас прикроешь.

Через минуту группа автоматчиков во главе со старшиной 2-й статьи Федорченко скрылась в камышах.

Когда до проволочных заграждений было не больше двадцати пяти — тридцати метров, старший лейтенант Яковлев приказал взводу раскинуться в цепь.

— Со мной останься, Гавриленко. Вместе в атаку пойдем.

Плечом к плечу не в первую атаку готовились Яковлев и Гавриленко. Кровь боя сроднила их крепкой балтийской дружбой.

Прошло несколько минут, и вдруг, этого мгновения ждали все, ночную тишину разорвали орудийные залпы. Снаряды рвались в проволочных заграждениях, в ДЗОТах врага.

— Горше, братишки, горше, — волнуясь, шептал Гавриленко.

Артиллерийский шквал нарастал. Силой своей он насытил сердца балтийцев, напружинил их мускулы и оборвался так же вдруг, как начался.

В небо взметнулись две красных ракеты — сигнал атаки. Над болотом уже гремел балтийский победный клич. Впереди всех, легко перепрыгивая пни и кочки, бежали Яковлев и Гавриленко».

Из «Красного флота»:

«Необходимо было форсировать проволочные заграждения. По приказу командира краснофлотцев двинулись вперед. Впереди шел старший лейтенант Яковлев. Враг открыл сильный огонь, но военные моряки продолжали продвигаться. Фашистская пуля ранила командира. Истекая кровью, Яковлев приказал краснофлотцу Гавриленко:

— Идите вперед, только вперед... Помощь мне окажете потом».

Последний бой, кроме здоровья, лишил меня еще и писем того времени. Не один раз после ранения меня раздевали и одевали. И вся переписка с матерью и отцом, с девчонками и ребятами из класса, с фронтовыми товарищами, с тыловыми незнакомками была кем-то выброшена, видимо, за ненадобностью. Не до этого было. Теперь бы мне эти письма. Опубликовал бы пронзительные страницы живой жизни. Исчез и пистолет «вальтер», который был подарен мне командиром бригады.

Закончилась фронтовая жизнь. Я уже писал, что ненавижу любую войну, дал тогда себе слово не стрелять сорок лет. Видимо, считал, что дольше не проживу. И сейчас у меня в памяти отчетливее всего не фронтовые выпивки, которых было много, не стрельба, не гул над землей, а мертвые ребята, которые остались навеки там, в болотах, очень часто по дурости командиров. Сама система даже из умных командиров делала дураков и карьеристов, и последние, очень часто без нужды, гнали солдат на смерть.

У мертвых крепкая память. Простят ли?

У каждого поколения свои стихи и песни. Я очень люблю одно из стихотворений Сергея Орлова. Он пришел на войну совсем юным, чудом уцелел в 1944 году в горящем танке. И написал строки о погибших ребятах, поэт не один раз видел их лица вечного укора.

«Его зарыли в шар земной. А был он лишь солдат, всего, друзья, солдат простой, без званий и наград. Ему как мавзолей земля — на миллион веков...»

Можно сколько угодно говорить о величии подвига, но вот солдату досталась «земля — на миллион веков». Зачем ему этот всепланетный мавзолей? Человек жить хотел. Мне очень близки раздумья об этой войне писателей-фронтовиков Виктора Астафьева, Александра Адамовича, Григория Бакланова, Василя Быкова, Константина Воробьева, Даниила Гранина, Василия Гроссмана, Вячеслава Кондратьева, Виктора Курочкина, Константина Симонова.

Если войны вообще бывают справедливыми, то войну против нацизма можно отнести к справедливым, ибо она связана с агрессией. Но сколько же тайн она хранит, сколько же в ней преступных страниц! Приказали взять деревушку (а в Новгородской и Ленинградской областях они маленькие), то давай, лезь напролом. Пошел в пьяную атаку, поубивало у тебя половину людей, то тут ты герой, немедленно появляются люди из штаба составлять списки кого и чем наградить, особенно убитых или раненых. Если же взял хитростью, обходными маневрами или ночью, без всякой атаки, без стрельбы и крика, без шума и гама, то не рассчитывай на награды или благодарности. Это была какая-то вторая война, околофронтовая. Бюрократический аппарат охватывала лихорадка — есть, чем заняться. Ох уж эти атаки по пьяным разгулам, по прихоти, по капризу!

Пережили войну с гитлеризмом, выжили. Но сколько она стоила, сколько крови и слез. Уходят в мир иной фронтовики, они гордятся победой. Справедливо. Но что я сейчас вижу? Поистине достойно ведут себя те, кто действительно был на фронте. Они не стучат себя в грудь, не хвастаются своим патриотизмом, не орут на митингах, иногда печалятся, им горько от нищеты, на которую их обрекло государство. Орут те, кто к фронту и близко не подходил, да и родился чуть ли не после войны. Напялили на себя дырявую одежонку профессиональных патриотов, присваивают себе чужие заслуги. Придурки, которым наплевать на прошедшую войну, на героизм ее участников, на страдания, пережитые народом. Спекулянты на трагедии.

Недавно добрый незнакомец Михаил Михайлов из Питера прислал мне горькие стихи, которые фронтовику читать без слез невозможно. Их написала его мать, дочь старшины морской пехоты Савина Константина Павловича, погибшего в феврале 1942 года у деревни Малукса. Знаю я эту Малуксу! Не могу не включить эти стихи в мой рассказ о войне. Новое столетие наступило, а память о проклятии прошлого века еще жжет сердца людские.

«Подо Мгою холмы нарыты, // Подо Мгою шумят березы, // И кричат в тишину сердито // Беспокойные паровозы.

Там отец — он уже не встанет. // Мне на свадьбе не крикнет «Горько». // Внука ласково не поманит, // Не побродит с ружьем на зорьке.

Затерялся отцовский холмик, // Где березы на карауле. // Только ладожский ветер помнит, // Как солдата настигла пуля.

Подо Мгою холмы нарыты // Километрами за окошком... // Губы сына во тьме закрыты, // И тепла под щекой ладошка».

Война есть война. Но вспоминая о ней сегодня, я готов просить прощения у тех немецких матерей, сыновья которых не успели узнать, что такое жизнь. Я готов простить тех немецких солдат, пули которых сделали меня инвалидом на всю жизнь. Но пока жив, не прощу преступлений Гитлера и Сталина, пославших на смерть миллионы людей.

На вокзале в Соколе меня провожала только Саша Симонова. Ее госпитальные подружки писали мне потом, что Саша была влюблена в меня, а я как-то пролетел мимо, приняв ее заботы за служебные. Да и не проснулся еще от мальчишеских снов. В госпитале дали мне рюкзак с хлебом и консервами. Да еще костыли. Храню до сих пор. И поехал я домой. Благо, недалеко — до Ярославля. Вышел на вокзале, а дальше на попутной машине до Красных Ткачей. И приковылял я на свою улицу на костылях жить новой жизнью, которую еще не знал, даже не представлял, что меня ждет. Приехал с фронтовыми привычками самостоятельного человека, вернее, с претензиями на самостоятельность. А тут совсем другая жизнь, какая-то наглая, нахрапистая — того гляди, раздавит. Холод какой-то. Или мне так показалось. Но обо всем этом по порядку.

Вошел в заулок родительского дома и сразу увидел маму. Она шла с ведрами из сарая, где мы держали корову и кур. Видимо, поила корову. Увидела меня, ведра выпали из рук. И первое, что она сказала: «Что же я делать-то с тобой буду?» И заплакала. От радости, от горя, от жалости. Она, бедняжка, должна была кормить еще троих моих маленьких сестренок. Я принес в семью какие-то льготы как инвалид войны, но это были крохи. Мама настаивала, чтобы шел работать. Я ее хорошо понимал, но хотел учиться, получить какую-то специальность. Боялся судьбы на костылях. Отец в это время лежал в госпитале, он написал матери: «Как бы ни было трудно, пусть учится».

В последний день перед занятиями написал заявление в Ярославский педагогический институт, на филологический факультет, но меня пригласил замдиректора института Магарик и сказал: «Нет, ты фронтовик, давай иди на исторический». Мне и тут было все равно, хотя по душевному влечению мне больше хотелось на филологический. Начал заниматься. Появилось первое общежитие — комната на троих, потом на пятерых, таких же бедолаг. Ленчик Андреев, потом стал деканом филологического факультета МГУ, Толя Ботяков, после заведовал кафедрой русского языка в Военной академии, были другие ребята, которых сейчас уже нет в живых. Мы доверяли друг другу, бесконечно спорили, обсуждали всякие проблемы. Стипендии нам хватало только на обеды. По вечерам стучали ложками по алюминиевым котелкам — изображали ужин.

Споры, сомнения, но на сердце еще полно веры в правду, в добро той жизни, которая ждет впереди. Были и маленькие победы, питавшие надежды на справедливость. Однажды на партсобрании возник вопрос о «проступке» студента Ботякова. Он не указал в личном деле, что его отец был репрессирован. И сколько Анатолий ни объяснял, что отец реабилитирован и ушел на фронт, ничего не помогало. Собрание раскололось. Студенты-фронтовики, а нас уже было около десятка, выступили в защиту своего товарища. Преподаватели, особенно пожилые, проголосовали за исключение его из партии, что, собственно, и произошло. Мы пошли в райком. Не помогло. Тогда мы отправились в горком партии. Там нас поддержали. Мы ликовали. Для нас это и была правда, которая как бы прикрывала все остальное — неправедное и неприглядное.

Через год мне дали Сталинскую стипендию. Жить стало полегче, это уже не 140 рублей, а 700, тут и маме можно было помочь. Через некоторое время случилось совсем невероятное. Меня вызвали в областной военкомат и сказали: хотя ты инвалид и мы не имеем права возвращать тебя обратно в армию, но ты должен понимать обстановку. Вот посоветовались с директором института и решили назначить тебя заведовать кафедрой военно-физической подготовки.

Студент и одновременно заведующий кафедрой — чепуха какая-то. Принял оружие, противогазы, еще какое-то имущество, но что делать дальше, не имел ни малейшего представления. Меня выручил подполковник Завьялов, профессор, бывший преподаватель в Академии химической защиты (кажется, она так называлась). Его в свое время арестовали и осудили в связи с каким-то делом о противогазах. Потом отпустили. Но из Москвы выслали. Оказался в нашем институте. Сначала меня остерегался, понимая всю нелепость назначения студента на кафедру. Он взялся за организационно-учебную сторону дела. Все наладилось. После войны профессор Завьялов вернулся в Москву.

Повторяю, учился я хорошо, был на виду — и сталинский стипендиат, и завкафедрой. Но, потихоньку взрослея, начал постигать и ту жизнь, которая была по ту сторону наивной романтики. Хотя фронтовая жизнь уже внесла серьезные поправки в юношеское сознание.

Помню, как Леня Андреев, вернувшийся с фронта без ступни, дал мне почитать Есенина. Стихи, переписанные от руки, я тоже их потом переписал для себя. Прочитал, они потрясли меня. Спросил у Ленчика, а почему они запрещены? Он ответил: «Поживешь — увидишь, не знаю, как тебе объяснить. Все очень трудно».

Все считали, что получу «красный» диплом. Не получил. На госэкзамене по истории КПСС поспорил с председателем комиссии Барышевым (он же секретарь парткома института). Тема спора — роль крестьянина-середняка в событиях 1917 года. Оказывается, сам того не подозревая, я отстаивал «неправильную» точку зрения. Если бы знал, наверное, не стал бы спорить. Все-таки госэкзамен. Директор института, милейший профессор Чванкин, узнав о «четверке», пригласил меня и стал уговаривать сдать экзамен другому преподавателю. Но я еще не отошел от стычки с Барышевым и отказался.

После войны особенно сильно потрясло меня событие, связанное с военнопленными. По Ярославлю пронесся слух, что на станции Всполье иногда останавливаются составы с военнопленными, которых везли из немецких лагерей. Как потом оказалось, везли в советские лагеря. Я однажды пошел на станцию и увидел женщин, которые надеялись хоть что-то узнать о своих мужьях, братьях, отцах. Видел падающие из вагонов бумажные комочки с именами и адресами родных. Потрясение было ужасным. Отказывался, не мог поверить, что это возможно.

Я стал оценивать реальности жизни куда придирчивее, чем раньше. Они меня убивали. Свинцово ложились на душу. Умирающие от голода дети на Ярославщине. Деревню продолжали грабить до последнего зернышка. В городах сажали в тюрьму за прогулы и опоздания на работу, а женщин в деревне — за копку уже замерзшей картошки или за сбор ржаных колосков на полях, ушедших под снег.

Все очевиднее становилось, что лгали все — и те, которые речи держали, и те, которые смиренно внимали этим речам. Для меня, деревенского парня, фронтовика, ушедшего на войну со школьной скамьи, все это было невыносимо. Первые серьезные надломы в душе, первые разочарования; они, как серная кислота, разъедали ритуальные взгляды — медленно, но с коварной неумолимостью.

В то же время победная поступь нашей армии пьянила, всем существом своим я продолжал воевать, разные сомнения и разочарования становились как бы мелкими, никчемными. Я помню утро Дня Победы. Весть о конце войны прогремела, как майская гроза. По улицам бежали люди, стучали во все окна и кричали, кричали... Все ринулись на площадь у театра имени Волкова. Рыдания от горя и радости, бесконечные объятия и поцелуи незнакомых людей. Уже не снаряды гудели над площадью, а стоял непрерывный гул людского восторга и людского горя, поселившегося в каждой семье на многие годы.

Еще во время учебы я женился. На студентке того же института Нине Смирновой. На красивой девушке, за которой ухаживал не я один. Она была улыбчива, любила танцевать, брала призы по вальсам. А я ревновал.

Сентябрь, мелкий дождик. Мы пошли регистрироваться. Все было скромно. Случился и еще подарок. На свадьбу пришел отец, он, оказывается, накануне вечером вернулся из армии, не предупредив нас о приезде. Справили свадьбу. Мой тесть, Иван, — чудесный человек, добрейшей души, мы с ним были в прекрасных отношениях. Теща, Екатерина, труженица, всю жизнь работала. Сын их Анатолий погиб на фронте, под Новороссийском.

Жизнь текла своими ручьями и реками.

Пленные немцы строили в Ярославле набережную, восстанавливали дома, разрушенные бомбежками. Ходили по городу без конвоя. Пришел один как-то к нам и попросил хлеба. Теща посадила его за стол, накормила, чем могла. Я сказал ей:

— Что же ты делаешь, ведь они твоего сына убили!

— А может быть, какая-то немецкая мать и моего сына покормит.

Она продолжала надеяться, что сын жив.

...Прошло какое-то время, и меня неожиданно вызывают в обком партии. Там ведут в одну из комнат, где сидит миловидная женщина, представляется инструктором ЦК, начинает вести со мной изучающий, ознакомительный разговор. Разговор доброжелательный. Затем спрашивает, почему бы мне не попробовать поступить в Высшую партийную школу? Я сказал, что еще не закончил институт. Ничего, окончите потом. Всего из Ярославля было отобрано для экзаменов шестнадцать человек. Меня разбирало любопытство. Никогда в Москве не был. Поехал. Сдал экзамены.

В ВПШ учился всего год, но это был год, малость успокоивший мятущуюся душу. Мы чувствовали себя свободно. Помню интересные семинары, дискуссии, на которых высказывались разные точки зрения. Много читал, изучал английский. Но через год школу расформировали. Всех, кто имел высшее или неполное высшее образование, отослали назад — по партийным комитетам. Поначалу в Ярославле не знали, что со мной делать. Но потом взяли инструктором сектора печати областного комитета КПСС. Читал районные газеты, выискивал там «блох». Писал записки по этому поводу, приглашал редакторов районных газет на «задушевные беседы». Практически бесполезная работа, но иногда и от нее был толк. В районных газетах можно было прочитать такое, чего не найдешь ни в областной, ни в центральных газетах. Там люди понаивнее, и бывало, что писали о реальностях районных будней открыто, без утайки.

Потом судьба повернула меня на другую дорогу. На бюро обкома готовился отчет некоторых секретарей райкомов об организации соревнования. Дело тухлое. Меня послали в Гаврилов-Ямский район. Там я нашел немало бумажных соглашений о соревновании, но ни одного соревнующегося. Когда стал проверять, то оказалось, что и соглашения подписаны по телефону, никто ни с кем и не собирался соревноваться.

Состоялось бюро обкома, где я тоже выступил. Сказал, что в жизни никакого соревнования нет. Меня стали упрекать за то, что по молодости я не все увидел, надо было поглубже заглянуть в политическую суть вопроса. А вот редактору областной газеты «Северный рабочий» Ивану Лопатину мое выступление понравилось, он попросил написать статью в газету. Написал. Назвал ее «Соревнование по телефону». Напечатали. Больше того, главный редактор обратился в обком партии с просьбой назначить меня членом редколлегии областной газеты. Работал там более трех лет.

Я многому научился в газете. Об этом можно рассказывать без конца. Писал очерки, рецензии на кинофильмы, передовицы. Конечно, частенько выпивали. То зарплата, то гонорар. Вообще говоря, работа в газете — трудное дело, особенно с нравственной точки зрения. Но что тут поделаешь? Одним из шуточных принципов, которыми мы руководствовались, была песенка, сочиненная замечательным поэтом Юрием Ефремовым, работавшим в нашей газете. Вот она: «*Мы решили: Бросим пить! Значит, так тому и быть! День не пьем! И два не пьем. А сойдемся — запоем: «Мы решили бросить пить. Значит, так тому и быть!» Третий день уже не пьем, третий день еще поем: «Мы решили бросить пить. Значит, так тому и быть!» На четвертый песню — к черту! Надоело нам не пить. Значит, так тому и быть!*»

Недавно просматривал свои старые статьи. Статьи своего времени, ничего не скажешь. Серые, как солдатское сукно, они не выходили за рамки официальщины, были просто «правильными», а часто — халтурными. И тем не менее именно в газете я научился сооружать из слов фразы, освоил какую-то логику письма. Каждодневный труд и обязанность сдавать определенное количество строк или, скажем, подготовка редакционных статей, на которые редактор давал не более двух-трех часов, приучали, во-первых, к ответственности и быстроте соображения, а во-вторых, к цинизму. И вот этот веселый и здоровый цинизм как бы витал в редакционной семье. Все это чувствовали, но никто не знал, как может быть по-другому. Да и не думали об этом.

Писали иногда статьи, совершенно не представляя возможные последствия, даже не думая о личной ответственности. Совесть очищали ссылками на заказы начальства. Никуда, мол, не денешься. И халтура частенько посещала газетные страницы...

Скажем, вызывает меня однажды главный редактор и говорит: «Срочно нужна рецензия на фильм «Сталинградская битва». Говорю ему, что фильма не видел.

— А его еще и нет в области. Но в кинопрокат пришли рекламные буклеты. Тебе их скоро принесут. Нельзя опаздывать с рецензией.

Пошел писать. Получилось два подвала. Напечатали. Похвалили. Премировали. Не меня, конечно, а «Сталинградскую битву».

В коллективе была очень доверительная обстановка. Я с душевной теплотой вспоминаю Валю Елисееву, Аню Черток, Осю Берлина, Женю Соколову, Колю Гендлина, Колю Соколова, Сеню Подлипского, Колю Грибкова. Они терпеливо

учили меня газетному делу. Мы разговаривали обо всем, не особенно сдерживая себя в оценках. И как-то проносило. То ли редакционный стукач был ленив, то ли его вовсе не было, не знаю.

А в обкоме партии тем временем шла очередная реорганизация. Я был приглашен туда заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а вскоре новый первый секретарь обкома Георгий Ситников внес предложение в ЦК об утверждении меня заведующим отделом школ и высших учебных заведений обкома КПСС. Этот уровень был уже номенклатурным. Обнажились новые для меня детали жизни. Например, начальник соответствующего отдела из КГБ (я, право, не знаю, как он точно назывался) должен был время от времени приходить ко мне и рассказывать об общей обстановке в институтах, об антисоветских разговорах, о тех, кто слушает «Голос Америки», сообщать результаты перлюстрации писем и прочее в том же духе.

Говорят, что опыт — это ум дураков. Не совсем так. И не всегда так.

Работа в новом качестве резко улучшила мое материальное положение. К 1500 рублям официальной зарплаты добавился пакет с 3000 рублей, с которых не надо было платить ни налоги, ни партийные взносы. Ну как тут не благодарить государевы блага? Теперь меня уже допускали на закрытые заседания бюро обкома, где заслушивались разные доклады, в том числе руководителей КГБ и УВД об общей обстановке в области. Постепенно начинаешь привыкать и к личной особости. Селекционная машина работала исправнейшим образом.

Доклады на бюро обкома оставляли у меня какое-то смутное впечатление. Что было в них правдой, а что — нет, определить невозможно. Получалось, что в области распространены антисоветские настроения и антипартийные разговоры, обнаруживались какие-то молодежные организации и группы, на сборах которых поют блатные песни и читают сомнительные стихи. В то же время говорили о неслыханном единстве народа, его поддержке политики партии, и только отдельные отщепенцы и клеветники, а их единицы, мешают народу жить хорошо и спокойно.

КГБ боялись все. От этой организации зависела судьба любого начальника. Но случались и разборки. Однажды на закрытом заседании бюро обкома Ситников зачитал письмо одной женщины, в котором она писала, что ее брат, капитан КГБ, сидит в тюрьме за то, что в закусочной на дороге из Ярославля в Москву якобы ранил одного человека выстрелом

из пистолета, а другого ударил пивной кружкой. Сестра писала, что один из «пострадавших» уже арестован за убийство председателя колхоза. Именно это и привлекло внимание. Создали комиссию.

Через два-три месяца снова заседание бюро. Длилось весь день. Оказалось, что этот капитан выступил на партийном собрании в своей организации и рассказал о фальсификации некоторых политических дел. В ответ провокация — драка в пивной, организованная сослуживцами из КГБ. Один из «посетителей» закусочной учинил скандал и стал отнимать пистолет у капитана. Капитан дважды выстрелил вверх, его ударили по руке, и третья пуля попала в кончик пальца одного колхозника. Капитана избили в закусочной, избили в милиции, а затем осудили на восемь лет тюрьмы.

Когда ситуация стала проясняться, бюро приняло решение доставить на заседание пострадавшего. От капитана долго не могли добиться ни одного слова — он плакал. Пригласили врачей, они как-то успокоили его. Придя в себя, он рассказал жуткую историю о своих мытарствах, о порядках в КГБ, о беззакониях и фальшивых делах. Тогда этот эпизод я воспринял как торжество справедливости. Но не прошло и года, как сняли первого секретаря обкома КПСС Ситникова. Позже выяснилось, что вся эта история — финал длительной подковерной борьбы внутри областной элиты, и не только областной, но и в Москве.

Тяжелейшим годом на Ярославщине был 1947-й. Голодный год. Неурожай, а то, что уродилось, сгнило в поле, дождь поливал с утра до вечера. А ЦК тем временем требовал принять все меры для выполнения плана госпоставок, особенно по картошке. Область была ориентирована на снабжение Северного флота. Все в области знали, что картошки в деревнях нет, люди голодают. Но это мало кого волновало. О ходе сдачи государству картофеля надо было докладывать в Москву каждый день. Очередное государственное мародерство.

Собрали очередное бюро обкома. Раскрепили руководящих работников обкома по районам и велели выехать на места немедленно. Мне достался Толбухинский район, не так далеко от Ярославля. Кое-как добрался до Толбухина. Первый секретарь райкома говорит:

— Ты же знаешь, что картошки нет, но ищи, раз велено. Возьми уполномоченного по заготовкам, у него есть мотоцикл с коляской, и вперед... за картошкой.

Конечно, картошки мы не нашли, поскольку ее не было. Смотреть в глаза колхозникам было бесконечно стыдно. Детей кормить нечем, а мы о советском патриотизме несем раз-

ную околесицу. Ни с чем вернулись в Ярославль. Снова бюро обкома. По очереди доклады — первого секретаря райкома и «партийного комиссара» из обкома.

Первый секретарь: «Картошки нет». Уполномоченный обкома — то же самое. Обоим по выговору с занесением в учетную карточку. И так по всему списку. Эти мизансцены повторялись в разных вариантах недели две. Потом все затихло.

Зимой наступили страшные времена. Ребята в деревнях пухли от голода, а в детских домах — умирали. Все призывы к Москве о помощи оставались без ответа. Только местные чекисты получили указание арестовывать «клеветников», которые «распускают слухи о каком-то голоде». Особенно убедителен был лозунг, приделанный к зданию Любимского райкома партии: «Жить стало лучше, жить стало веселее».

Из того, ярославского, времени расскажу еще о трех встречах с Матвеем Федоровичем Шкирятовым — «совестью партии», как его тогда называли. Должен сказать, уроки я получил весьма впечатляющие — уроки реальной карательной политики в самой партийной жизни. Шкирятов был председателем Комитета партийного контроля — репрессивного органа партии.

Мне не было еще и тридцати. Заведуя отделом школ и вузов, я одновременно являлся секретарем партийной организации аппарата обкома. Состоялось очередное собрание, на котором я не присутствовал, был в отпуске. Сначала все шло мирно. Но вдруг один из работников административного отдела обкома (КГБ, МВД, армия) Кашин обвинил первого секретаря обкома в «троцкизме в области животноводства». Ситников вспылил и сказал все, что об этом думает, в частности заметил, что не помнит, чтобы Троцкий занимался животноводством и высказывался по этому поводу. Тут и была его «ошибка».

Кашин написал в ЦК донос, после которого Ситникова, а также секретаря по сельскому хозяйству Гонобоблева, меня (как партийного секретаря) и автора письма вызвали к Шкирятову. Началась «проработка». Я был потрясен нелепостью обвинений и предвзятостью обсуждения. Пытался что-то объяснить, но Шкирятов прервал меня, сказав: «Помолчи, ты еще молод». Только потом я узнал, что все это было заранее подготовлено, Ситникова не любил Маленков, поскольку Ситников до нас работал в Ленинграде, а Маленков был вдохновителем «Ленинградского дела». Судя по словам Шкирятова, все шло к тому, что Ситникова надо снимать с должности. Однако избежать такого исхода помог сам кляузник.

Когда Шкирятов заговорил о необходимости серьезных выводов, Кашин вскочил и в крикливом тоне заявил:

— Какие выводы? Надо немедленно их всех с работы снимать, из партии исключать! Надо помнить указания товарища Сталина о борьбе с троцкизмом!

Шкирятов не мог стерпеть подобного. Он посмотрел на Кашина и сказал:

— Ах, вот ты какой! ЦК хочешь учить уму-разуму!

И, обращаясь к Ситникову, добавил:

— Как вы могли допустить, чтобы люди, не умеющие вести себя в ЦК, работали в партийном аппарате?

Вторая встреча со Шкирятовым была тоже достаточно нервной.

Вызвал меня новый первый секретарь обкома Владимир Лукьянов и сказал, что меня вызывают в КПК. Приехал в Москву, позвонил по телефону в приемную Шкирятова, как и было велено. Шкирятов встретил меня хмуро, начал с того, что в ЦК поступило письмо, в котором сообщается, что я не проявляю необходимой активности в борьбе с засильем «космополитов» в вузовских коллективах, особенно в медицинском институте. Начал упрекать в том, что я не понимаю линии партии и, как результат, способствую развитию космополитизма. Я мало что понял, лепетал что-то невразумительное, например, что в Ярославле космополитизм никак себя не проявляет.

— Иди, — буркнул Шкирятов, — будем принимать решение.

Но когда я пошел к дверям, он спросил:

— Почему хромаешь?

— Фронтовое, — ответил я.

— Где воевал?

— На Волховском.

— В каких частях?

— В морской пехоте.

Он велел мне вернуться к столу, уже без железа в голосе стал рассуждать о бдительности, о коварстве империализма и прочем. И отпустил с миром. А «козлом отпущения» назначили, видимо, кого-то другого.

Третья встреча закончилась и вовсе конфузом. Меня вызвали в ту же контору, Шкирятов и на сей раз не узнал меня. Перед ним лежало письмо. Не поднимая головы, он начал говорить, что я не понимаю (опять не понимаю!) политики партии в отношении интеллигенции, допустил перегибы в борьбе с космополитизмом. Зачитал несколько фамилий из лежащей перед ним бумаги, которые мне ничего не говорили, за

исключением фамилии профессора Генкина. Я сказал, что Генкин уехал с повышением в Воронежский университет заведовать кафедрой. Прошел по конкурсу. Некоторые преподаватели из мединститута вернулись домой, в Ленинград.

А затем сказал Шкирятову:

— Матвей Федорович, вы беседовали со мной год назад, но говорили совершенно о противоположном.

Он взглянул на меня и, видимо, вспомнил, затем спросил, в чем было дело. Я объяснил. Принесли прошлогодние бумаги. И вдруг он воскликнул:

— Смотри, а почерк тот же самый.

При мне Шкирятов позвонил первому секретарю обкома, а также в КГБ и приказал найти анонимщика. Нашли. Им оказался бывший секретарь одного из райкомов партии, которого сняли с работы за пьянство, а я как раз проводил «церемонию» снятия.

В начале 1953 года я был приглашен в ЦК КПСС для разговора о переходе на работу в ЦК, в отдел школ. Согласился. Мать опять была против, отговаривала меня от переезда в Москву. «Лексан, — говорила она, — не езди туда, скажи, что ребенок маленький родился». Неотразимый аргумент! Мама не хотела, чтобы я еще дальше уезжал от родительского дома.

Тем временем умер Сталин. Ярославль затих. Улицы опустели. Собралось бюро обкома партии. Все молчали. У всех одно на уме: как будем жить дальше? Казалось, что жизнь закончилась, — настолько все были оболванены. Что ни говори, а Сталин прекрасно знал психологию и уровень культуры народа и очень ловко манипулировал настроениями, привычками, слабостями, характерами людей, их склонностью к обожествлению «вождей». Что касается номенклатуры, то она просто испугалась за свое будущее.

Свободный хозяин — вот она, великая надежда России. Вонзись она в практику, Россия спасена, Россия возрождена.

Автор

Глава третья

ПЕТР СТОЛЫПИН

Хозяину нельзя, нет времени скучать. В жизни его и на полвершка нет пустоты — все полнота. Одно это разнообразье занятий, и, притом, каких занятий! — занятий, истинно возвышающих дух. Как бы то ни было, но ведь тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всего, что совершается в творении.

Н. В. Гоголь

В этой и следующей главе я хочу рассказать о наиболее крупных попытках реформирования российской жизни XX века. Представляют интерес программы великих умов России, многие положения которых еще ждут своего решения и в новом столетии. Речь идет о судьбах столыпинских реформ и надеждах, связанных с Февральской демократической революцией 1917 года.

* * *

Начну со столыпинских реформ.

Земля — судьба России, но судьба роковая. В нерешенности земельного вопроса — истоки отсталости страны. Исключительная острота этой проблемы особенно выпукло нашла свое выражение в споре двух гениев России — Льва Николаевича Толстого и Петра Аркадьевича Столыпина.

Из письма Л. Н. Толстого — П. А. Столыпину

26 июля 1907 г.

...Причины тех революционных ужасов, которые происходят теперь в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли.

Если революционеры всех партий имеют успех, то только потому, что они опираются на это доходящее до озлобления недовольство народа.

...Несправедливость состоит в том, что как не может существовать права одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью.

Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею. Признается это или нет теперь, будет ли или не будет это установлено в близком будущем, всякий человек знает, чувствует, что земля не должна, не

может быть собственностью отдельных людей точно так же, как когда было рабство, несмотря на всю древность этого установления, на законы, ограждавшие рабство, все знали, что этого не должно быть.

То же теперь с земельной собственностью.

...Вы стоите на страшном распутье: одна дорога, по которой Вы, к сожалению, идете — дорога злых дел, дурной славы и, главное, греха; другая дорога — дорога благородного усилия, напряженного осмысленного труда, великого доброго дела для всего человечества, доброй славы и любви людей. Неужели возможно колебание? Дай Бог, чтобы Вы выбрали последнее... (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 77. С. 164—168)

Из ответа П. А. Столыпина — Л. Н. Толстому, 20—23 октября 1907 г.

...Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как-то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности, ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств. И теперь то же крепостное право, — за деньги Вы можете так же давить людей, как и до освобождения крестьян.

Смешно говорить этим людям о свободе, или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю.

...Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину. Как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и главное греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем. (Л.Н. Толстой: Юбилейный сборник. М.; Л., 1928. С. 91—92)

Я вспоминаю один давний эпизод из моей жизни. В 1954 году пришлось мне побывать на Дальнем Востоке в поселке Славянка Хасанского района. Здесь три границы: советская, китайская и северокорейская.

Начался сезон срезки оленьих рогов. Бедную скотину запихивали в специальное приспособление, где нельзя было шевельнуться, привязывали голову к деревяшке и пилили рога — под самый корень. На месте среза сочилась, а иногда чуть фонтанировала кровь. Ее собирали в баночку, затем выливали в спирт. Считалось, что это и есть «нечто», что делает мужика сексоогненным. Заканчивалось мероприятие как всегда: все надирались красным спиртом до радужного изумления, густо клубился мат, мужики не могли двинуться не то что к какой-нибудь девахе, но и домой-то доползали с грехом пополам.

Здесь жили и столыпинские переселенцы. Один из них — древний старец — был удивительно откровенен, говорил, что думал, впрямь по Салтыкову-Щедрину: «обнаглел народишко, говорит, что думает».

— Царь — умница, денег не жалел, чтобы русская речь звучала на этих берегах, а этот недоумок...

И дед сразу же устанавливал грешно-матерную связь со всеми нынешними дураками-начальниками. Я спросил:

— Ну, а что вы помните о столыпинской реформе?

— Что помню? Да то, что умнее царя и Столыпина никого не было. И добрее и щедрее. Жили мы на Украине, земли мало, отец и решился на переселение. Приплыли сюда на пароходе из Одессы. Во Владивостоке встретил нас вице-губернатор. Пашите, говорит, земли, сколько вспашете, скотины держите, сколько можете, леса рубите, сколько нужно. Нам, говорит, по сердцу богатый мужик. А власти гарантируют вам закупку хлеба, мяса, рыбы, пушнины в любых количествах. О сбыте не думайте, рядом — Китай, Корея. Купцы все продадут. Накормили Европу, накормим и китайцев. Богатейте, меньше пьянствуйте, больше работайте, Богу молитесь!

Вот так, дорогие мои современники, встречали переселенцев при Столыпине. Каждой семье переселенца бесплатно дали лошадь, корову, ружье, топоры, пилы и еще что-то. Налогов не брали, более того, несколько лет казна платила 10 рублей главе семьи, по 3 рубля — иждивенцам. А Россия — и при Горбачеве, и при Ельцине — все искала аграрную программу. Вот она! Это и есть самая полновесная экономиче-

ская программа для любого правительства. Осуществи ее — и Сибирь с Дальним Востоком запоют новые песни. И поднимется Россия!

— Господи, — перекрестился дед. — Какое время было! На дворе четыре лошади, восемь коров, свиней штук двадцать, кур, гусей, уток — не считано. А какой дом отмахали! А сколько рыбы пересолили, перекоптили! Какие магазины во Владивостоке были! Вспомнить — как во сне...

Как во сне. А дед говорил словно кнутом хлестал. Вот этот «сон» и не дает мне покоя. Обращаясь к событиям тех времен, я хочу понять, почему Россия, да что там лукавить, и сам народ России не захотел вырваться из тисков общины, которая веками держала крестьянина в неволе, формируя ущербную психологию раба при господине.

Я не собираюсь писать подробную историю столыпинских лет. Хочу лишь напомнить о тех проблемах, которые и сейчас во весь рост стоят перед страной, на переломе столетий. Особенно и, прежде всего, об аграрной проблеме.

Что же, собственно, хотел переделать Столыпин? Что же видел такое, что обрекало Россию на отсталость и гибелью грозило, о чем он, будучи великим прозорливцем, предупреждал и предостерегал народы Российской империи? И почему, наконец, идея свободного хозяина так и не привилась на российской земле?

Начать с того, что Россию всегда тянуло к Западу. Но, сколько ни старались, все понапрасну. Из нищеты так и не выбрались, работать так и не научились, за что и платим до сих пор непомерными страданиями народа. «Европеизация» всегда получалась какая-то безногая, молью траченная, «патриотами» заплеванная да ворьем нашпигованная. Россия, в основном, эпигонствовала, но в то же время многое переделывала на свой лад и, надо сказать, добивалась своего: кое-что проходило удачно, хотя и супротив здравого смысла, но зато по-русски — за счет деспотических, произвольных действий. А нищету, лень и разгильдяйство мы любили и любим объяснять «таинственными», до сих пор «неразгаданными» особенностями русского характера, присущими исключительно «возвышенной русской душе».

Возник даже особый вид политического куража: лень и пьянь да еще бессмысленная удаль — это, мол, и есть то самое, что создает истинную Россию, ее особую стать, ее очарование, ее поэтическую ширь. А что касается нищеты и бесправия, так без этих мытарств и не было бы вроде истинно русского человека. Он ведь любит страдать и плакать о своей горькой судьбе, причем не между делом и не только

после бутылки самогона, а в качестве основного и, надо сказать, волнующего занятия.

Наши классики любили свой народ, но «странною любовью». У Пушкина народ безмолвствует. У Достоевского — богохульничает и шизеет, у Толстого зверствует на войне и лжет в миру, у Чехова — валяется в грязи и хнычет, у Есенина — тоскует, у Горького — перековывается в революционной борьбе, затем в ГУЛАГе, у Булгакова — «шариковствует», пытаясь вылюдиться, у Шолохова — самоедствует и бандитствует, у Солженицына — рабствует, у Венедикта Ерофеева — алкашничает, пьет денатуратный коктейль под названием «слеза комсомолки», зато закусывает «трансцендентально». Раньше всех об этом сказал Пушкин: «На всех стихиях человек // Тиран, предатель или узник».

«Вольница» гуляла по России, никак не желавшая возвыситься свободой. Почему? Да потому, что «вольница» всегда была уделом пьяниц и бездельников, она устроила несколько смут и кровопролитий, с глубокого похмелья постоянно предавала Россию, играя с нечистой силой в «подкидного дурака», а потом, в октябре 1917 года, привела на российский трон откровенных уголовников.

Судя по делам Столыпина, он жизнь свою положил на то, чтобы русский мужик стал хозяином, чтобы и свинья «глядела дворянином». Ан нет. Убили. И Александра II убили за его великие реформы и отмену крепостничества. И Николая II закопали в болоте за экономическое «русское чудо» начала века.

У Николая II было два великих премьера: Витте и Столыпин. Витте провел денежную реформу, на золотом рубле взлетела экономика России — и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Умный, образованный, ловкий, хитрый, он завершил свою жизнь блестящими мемуарами. По мнению современников, Витте по интеллекту был на порядок выше всех, окружавших царя, включая и Столыпина. Зато Столыпин обладал железной политической волей, направляя ее на праведные дела. Он стремился сделать человека гражданином и хозяином. К сожалению, ему не всегда доставало душевной тонкости и такта. Возможно, он слишком доверился некоторым странным суждениям Достоевского и попал под влияние гаденькой моды начала века — антисемитизма. Я бы не исключал и влияния настроений императора Николая II, который тоже порой не выдерживал давления охотнорядцев.

Столыпин, возможно, первым в нашей истории понял, что основу политической стабильности и экономического процветания составляет средний класс, который только и может справиться с засильем чиновничества, заставив его служить

человеку, а не исключительно собственному эгоизму. После смуты 1905—1907 годов и выборов в I Государственную думу Россия стала страной «правового самодержавия». Де-юре. Де-факто же она, наряду с США, стала наиболее демократической страной в мире.

Как известно, только в итоге Второй мировой войны был сломан хребет мирового феодализма, значительно подорваны феодальное понимание истории, идеологии, экономического и социального развития. Победа демократии во Второй мировой войне, разгром гитлеризма, «план Маршалла», сплочение Запада перед большевистской угрозой объективно привели к свободному эволюционному развитию капитализма. Эволюционному, но весьма динамичному. Феодально-большевистский хребет России приходится доламывать до сих пор.

Когда я пишу о мировом феодализме, то имею в виду колониальную систему саму по себе с ее жизненным укладом, а также феодальную инерционность в действиях некоторых западных стран. Любая власть властолюбива. Чиновник в любую эпоху и при любых государственных устройствах по природе своей тяготеет к произволу, к собственному самоутверждению через произвол.

А ведь история России могла повернуться и по-другому. Окажись столыпинские реформы доведенными до конца, а правящий помещичий класс — поумнее и подальновиднее, именно Россия, еще во втором десятилетии XX века, могла оказаться на стремнине экономического и демократического прогресса. В сущности, большевики из ленинско-сталинской когорты, равно как и сегодняшние думские большевики и аграрные бароны на местах, исполняли и исполняют ту же тормозящую роль, что и дворяне с помещиками до Февральской революции 1917 года.

Кто же он, Петр Аркадьевич Столыпин? Он отнюдь не был безвестным и малообеспеченным чиновником-выскочкой. Происхождение его самое аристократическое. Род Столыпиных известен с XVI века. Отец, Аркадий Дмитриевич — друг и сослуживец Толстого, навещал Льва Николаевича в Ясной Поляне. Участник Крымской войны, дослужился он до весьма высокого чина — генерал-адъютанта, был уважаем Александром II, заведовал придворной частью в Москве и исполнял обязанности коменданта Кремля.

По женской линии семья находилась в родственных отношениях с княжеским родом Горчаковых, с потомками генералиссимуса Суворова, с графским родом Зубовых, с Лермонтовыми (великий поэт — троюродный брат Столыпина), с влиятельными дворянскими кланами Оболенских, Извольских. Матримониальные связи, немало значившие в высших кругах российского общества, были отменные.

В 1899 году Столыпин получил назначение на должность Ковенского губернского предводителя дворянства, в 1902 году неожиданно, как он полагал, стал Гродненским губернатором, а через год — Саратовским. Карьера была стремительной. Конечно, роль играли и происхождение, и связи, но более всего — личные качества.

Итак, 1903 год. Столыпин — губернатор Саратовской губернии. Уже тогда она именовалась «красной»: бунты, поджоги «дворянских гнезд», босяки на всех пристанях, толпы нищих. Здесь он еще раз убедился в необходимости срочного и коренного решения аграрной проблемы: она кричала, вопила и уже полыхала. «Общественное мнение», создаваемое полуобразованным сбродом, рукоплескало революционерам, особенно эсерам-террористам. На рожон лезли все: эсеры — с наганами, большевики — с популистско-демагогическими программами, купцы и промышленники — с деньгами «на дело революции», интеллигенты — с желанием поскорее найти «пятый угол», помещики — с нафталинными проектами, крестьяне — с общинными утопиями и призывами к насильственному переделу помещичьей земли, рабочие — с требованием: все «отнять и поделить».

Крупный помещик Столыпин не разделял взглядов большинства помещиков, особенно мелкопоместных, с протянутой рукой шлявшихся по всем казенным присутствиям, выклянчивая дотации. Точь-в-точь как нынешние колхозно-совхозные вожаки, непревзойденные мастера траты дотационных денег на все, кроме дела. Лично я не устану утверждать, что, пока крестьянин не получит землю в личную собственность, Россия будет нищенствовать.

Столыпин считал, что аграрная реформа должна стать рычагом подъема всего хозяйства страны. Для этого необходимо было разобщинить деревню, деколлективизировать ее, оперсоналить, начать переселение крестьян на хутора и отдать в частную собственность надельную землю (отруба). Снабдить крестьян сельхозорудиями, дать возможность получать посильный кредит.

В отличие от либерала Витте, который возлагал свои надежды преимущественно на индивидуальную инициативу, Столыпин считал, что коренные реформы обязана проводить власть.

«Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, — говорил он, — *рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое*

настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой — это, значит, отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью».

Свои мысли о сложившейся в стране ситуации саратовский губернатор изложил в отчете царю за 1904 год. Отчет понравился Николаю II. Он резюмировал на документе: *«Высказанные мысли заслуживают внимания»*.

Что же это были за мысли?

Столыпин писал, что 1904 год «*дал печальное доказательство какого-то коренного неустройства в крестьянской жизни*». Обратите внимание на удивительно точное определение: *коренное неустройство*. Оно вполне подходит и к сегодняшней России. И сегодня, почти два десятка лет, Россия погружена в политическую толчею в борьбе за власть и никак не доберется до коренных экономических преобразований.

По мнению Столыпина, главной причиной этого «неустройства» является засилье в ней общинного землевладения. Отсюда господство среди крестьян уравнительных настроений, трудности с внедрением в сельское хозяйство агрокультурных и агротехнических улучшений, сложности с приобретением через Крестьянский банк земли в личную собственность. Все это создавало благоприятные условия для разрушительной революционной демагогии.

Единоличная крестьянская собственность, по мнению Столыпина, не только приведет к подъему сельского хозяйства. Она послужит «*залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве*».

Эту спасительную истину начисто выветрила советская власть. Именно с этого, самого массового предпринимательства, и надо было начинать рыночные реформы в 1985 году. Горбачеву эта проблема не была чуждой, но он боялся подступиться к ней. Ельцин не боялся, но так и не смог преодолеть большевистское сопротивление земельной реформе.

1905 год. Русская смута. Саратовская губерния бурлит. Саратовский губернатор показал себя энергичным администратором, твердым, нередко безжалостным. Храбрость его была невероятной. Бывало, один шел на разъяренную толпу, и после его яростных речей страсти угасали. В Столыпина стреляют, бросают бомбы, присылают подметные письма с угрозами. В целом Петр Аркадьевич пережил двадцать покушений за свою жизнь. Двадцать первое оказалось роковым.

Он знал, что его убьют. И завещал, чтобы его похоронили там, где он погибнет. Потому могила его в Киеве.

Столыпину удалось сплотить всех противников революции и восстановить порядок. Однако осенью, после уборочных работ, деревня снова забурлила. В губернию направили карательную экспедицию генерал-адъютанта Сахарова. Вскоре его убили эсеры. На смену прибыл другой генерал-адъютант, Максимович. Он продолжил карательные акции. На этом фоне Столыпин, оказавшийся как бы в стороне, прослыл в некотором роде либеральным губернатором, возбудив у части людей надежды на сотрудничество с властями.

Здесь уместно заметить, что мы, в России, весьма упрощенно понимаем либерализм как слабость власти и право на полную волю, проявляем этакое умиление по поводу тех или иных «шалостей» и «капризов» своевольных честолюбцев. Тут и лежит одна из причин наших заблуждений. Говоря просто, либерализм — это когда в обществе много человека и мало государства. Но свободу либерализм ставит вровень с ответственностью перед законом. Правят законы, а не люди. Иными словами, либерализм — это жесткость, но не жестокость, диктатура закона, но без диктаторов.

В этой связи хотел бы обратить внимание на своего рода программные слова Столыпина, актуальные и сегодня. Он говорил, что *«преобразованное по воле монарха отечество должно превратиться в государство правовое, так как пока писаный закон не определит обязанностей и не оградит отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены».*

Разумная твердость в саратовских событиях, несомненно, помогла карьере Столыпина. Когда кабинет Витте в апреле 1906 года ушел в отставку, Столыпин был назначен на пост министра внутренних дел, то есть стал главным полицейским империи в правительстве Горемыкина.

В то время начала свою работу I Государственная дума, учреждение шумное, драчливое, оппозиционное к власти. Ни Горемыкин, ни его министры не знали, как вести себя с депутатами — по преимуществу краснобаями и демагогами, ибо эти министры никогда не были публичными политиками по причине своей чиновничьей сути. Один Столыпин был и отменным чиновником, и блестящим оратором, относительно готовым к обращению с парламентом — совершенно новым явлением в жизни России.

Его речи волновали. В них были твердость и стойкое понимание как прав, так и обязанностей власти. В первый раз из

министерской ложи на думскую трибуну поднимался министр, который не уступал думским ораторам в умении выражать свои мысли. С Думой разговаривал не выскочка-чиновник, а государственный муж. Очень скоро стало ясно, что правительству с Думой не ужиться, для власти она была слишком левой. Камнем преткновения стал аграрный вопрос.

Правительство повело дело к разгону I Думы. Решившись на этот шаг, оно обставило его различными мерами предосторожности. Имея на руках царский манифест от 8 июля о роспуске Думы, Столыпин, на которого была возложена эта миссия, по телефону известил председателя Думы Муромцева о своем намерении выступить на очередном ее заседании 9 июля, в понедельник. Но уже накануне, в воскресенье, Таврический дворец, где она заседала, был оцеплен войсками.

В июле же 1906 года Столыпин был назначен председателем Совета министров. Портфель министра внутренних дел оставался у него, что означало беспрецедентную концентрацию власти в одних руках. С первых же дней премьерства Столыпин зарекомендовал себя жестким администратором и искушенным политиком. Были пресечены попытки собравшихся в Выборге депутатов разогнанной Думы обратиться к народу с призывом к гражданскому неповиновению. Подавлены восстания моряков и солдат в Свеаборге и Кронштадте, так же как и попытки рабочих поддержать эти выступления забастовкой.

Решительность в проведении репрессивного курса сделала Столыпина кумиром правящей элиты. Его авторитет особенно подскочил после покушения на него самого, совершенного эсерами-максималистами 12 августа 1906 года. Убийцы взорвали две бомбы в приемной премьера на его даче. Были убиты 27 человек из числа посетителей и прислуги, в том числе и трое покушавшихся. Тяжелое ранение получила четырнадцатилетняя дочь Столыпина, ранен был и его трехлетний сын. Кабинет, где Столыпин в то время находился, не пострадал.

Покушение потрясло Столыпина. Как вспоминают современники, он заметно изменился даже внешне. Меры борьбы с революционными выступлениями стали еще жестче. По свидетельству Витте, когда Столыпину напоминали, что он раньше рассуждал вроде бы иначе, был мягче, тот отвечал: «Да, это было до бомбы на Аптекарском острове, а теперь я стал другим человеком».

19 августа 1906 года в чрезвычайном порядке был принят указ о введении военно-полевых судов. Судопроизводство, проводившееся строевыми офицерами, должно было завершаться в 48 часов, приговор приводился в исполнение через

24 часа. Жестокость армейских чинов достигла таких масштабов, что даже военный министр Редигер возмутился действиями Столыпина.

Но постепенно в установках Столыпина появляются поправки, он становился ровнее, вдумчивее. Его прежний принцип — сперва успокоение, потом реформы — существенно изменился. Он все больше склонялся к мысли об одновременности этих действий. Понимал, что времени нет, что обстановка в стране обостряется, а репрессии не приносят желаемого эффекта. Столыпин формулирует свой новый курс следующим образом: «*Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину... Если обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — это будет признаком бессилия правящей власти*».

Актами от 12, 27 августа и 19 сентября 1906 года Крестьянскому банку передавались для продажи крестьянам участки казенной земли в европейской России и Сибири. Затем указом от 5 октября отменялись некоторые существенные ограничения в правовом статусе крестьян. В частности, устранялись ограничения при поступлении на государственную службу и в учебные заведения; предоставлялось право свободного получения паспортов и выбора места жительства; снимались препятствия к уходу крестьян на заработки; отменялись пункты законодательства, запрещавшие семейные разделы; зажиточные крестьяне, купившие землю, могли участвовать в земских выборах по курии землевладельцев и т. д.

Особую известность получил указ от 9 ноября 1906 года о праве выхода крестьян из общины и закреплении надельных земель в личной собственности. Такое решение означало коренную ломку крестьянского уклада жизни. Первая статья указа устанавливала, что каждый домохозяин, владеющий землей на общинном праве, может потребовать передачи причитающейся ему части земли в личную собственность. Земля могла продаваться, покупаться и закладываться, правда в ограниченных рамках.

Это был уже другой Столыпин, испытавший горький опыт силовых решений, переживший трагедию собственной семьи. В полном виде правительственную программу премьер изложил в своем первом выступлении во II Думе 6 марта 1907 года. Он говорил депутатам: «*В странах с установившимся правительственным строем отдельные законоположения являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе место в общей системе государственного распорядка...*

Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, брожения...»

Еще раз обращаю внимание читателя на слово «перестройка». В России, по Столыпину, при выработке новых законопроектов надо думать, прежде всего, о том, чтобы они не отозвались губительным образом на благе страны. Все законодательные предположения должны быть подчинены единой идее, каковой является создание тех «материальных норм», в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из реформ и приносящие блага людям.

Столыпин признавал, что некоторые гражданские свободы, провозглашенные манифестом 17 октября (в сущности, манифест был первой демократической конституцией России), — свобода слова, собраний, печати, союзов, вероисповеданий — имели характер временных правил, так и не подтвержденных законодательно; другие — неприкосновенность личности, жилища, тайна корреспонденции — оставались ненормированными вообще. Этот комплекс вопросов, подлежащих разработке и законодательному утверждению, должен, по мысли Столыпина, составить правовую базу общества.

Другой важнейшей проблемой России премьер назвал реорганизацию и совершенствование системы местного управления и самоуправления. В законопроектах для Думы предусматривалось укрепление губернского и уездного административного звена — расширение полномочий губернаторов, замена уездных предводителей дворянства начальниками уездов, ликвидация скомпрометировавших себя земских начальников и замена их участковыми комиссарами.

В области местного самоуправления предполагалось ввести земство в Прибалтике, Западном крае и Польше, несколько расширить компетенцию земских управ, создать в качестве низшего административно-общественного звена всесословную земскую организацию, а также образовать особые поселковые управления в крупных селах и поселках, где проживало и некрестьянское население. Столыпин упорно укреплял вертикаль власти, одновременно расширяя полномочия власти на местах.

Предполагалось реформировать правоохранительную систему. Общая полиция сливалась с жандармскими управлениями, с которых снимались функции политического дознания. Последние передавались следственным органам. Согласно законопроекту о местных судебных органах, отменялись судебные функции земских начальников и волостных судов. Вновь предлагалось ввести институт мировых судей. Предусматривался допуск адвокатов на стадии предварительного следствия.

Правительство планировало провести совместную с общественными учреждениями (земствами, городскими управами) реформу образования на принципе доступности, а затем и обязательности начального образования, при непрерывной связи низшей школы со средней и высшей, с законченным кругом знаний на каждой ступени обучения, создание широкой сети профессиональных учебных заведений, дающих в то же время необходимый минимум общего образования.

Такова была в общих чертах программа столыпинского кабинета. С такой программой ни в царское, ни в советское, ни в посткоммунистическое время не выступал ни один государственный лидер. Поражаешься ее глубине и масштабности, доступному и образному изложению, а главное, комплексности, всеохватывающему подходу к решению перезревших российских проблем.

Меня, как учителя, восхищает столыпинский подход к народному просвещению. Большевики лгали, что Россия была сплошь неграмотной. В начале века 75 процентов населения империи имело то или иное образование. Столыпин, а отнюдь не Ленин, ввел обязательное начальное образование — «Всеобуч». Ленин, как он сам говорил, «экономил даже на школах». Патриот Столыпин, в отличие от Ленина, на школы денег не жалел. Всего за три года (1908—1910) Столыпин увеличил расходы на народное образование в четыре раза!

В церковно-приходской школе, что в селе Введенском, где я учился, а в церкви этого села был крещен, учительница, как рассказывал мой отец, при «проклятом» царизме заказывала себе наряды в Петербурге, а вот при советской власти — нищенствовала. У меня до сих пор хранится Евангелие, врученное отцу этой учительницей за примерное поведение и хорошую учебу.

Программная речь Столыпина, выдержанная во властном, резком тоне, явно провоцировала левых депутатов на ответные заявления в том же духе. Так и произошло. И тогда премьер занял открыто конфронтационную позицию по отношению к «левым силам». Поднявшись на трибуну, он с неприкрытой угрозой заявил:

«Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич воли и мысли, все они сводятся к двум словам: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием и сознанием своей правоты может ответить тоже двумя словами: «Не запугаете!»

Основным пунктом расхождений оставался аграрный вопрос. Левое и либеральное думское крыло требовало от-

чуждения помещичьих земель в той или иной форме. Правительство упрямилось. Выступая в Думе 10 мая 1907 года, Столыпин отверг и радикальный проект трудовиков, и компромиссный вариант кадетов, так как считал, что оба проекта ведут к «социальной революции». Перераспределение земель он допускал лишь путем скупки государством продаваемых помещиками земель и перепродажи их крестьянам.

Главным направлением аграрной политики, подчеркивал Столыпин еще и еще раз, должно быть освобождение крестьян от тисков общины и закрепление уже существующих наделов в личной собственности. Осознавая сложность проблемы, он говорил о постепенности и осторожности в решении этого вопроса. Столыпин решительно отвергал национализацию земли, как подрывающую устои государственности, исторические и культурные традиции народа. В заключение своего выступления он произнес в адрес радикалов фразу, ставшую хрестоматийной: «*Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия*».

Нынешние противники крестьянских реформ в России ссылаются на эту крылатую фразу Столыпина, но по невежеству или умышленно умалчивают о контексте, в котором она была произнесена. А речь-то шла о *введении частной собственности на землю*, в которой Столыпин видел спасение России от революционного хаоса.

Конечно, премьер был противоречив, как и само время. С одной стороны, он ставил целью сохранить те начала, которые были положены в основу реформ императора Николая II, и создать правовое государство. Признавалось целесообразным и неизбежным существование высших представительных учреждений — Государственной думы и Государственного совета, формально наделенных монархом законодательными функциями. На деле же Столыпин демонстрировал весьма сомнительную позицию, когда речь шла о положении законодательных учреждений в системе власти. Когда обнаружилось, что соотношение сил и во II Думе не устраивает правительство, что конфликты неизбежны, премьер стал готовить разгон и этой Думы. Она была распущена 3 июня 1907 года. Вскоре был опубликован новый избирательный закон. Эти события вошли в историю под названием «третьеиюньского государственного переворота», инициатором и исполнителем которого был Столыпин.

Новая Дума, начавшая работу в ноябре 1907 года, по своему составу отличалась от предшествовавших. Представительство от крестьян и рабочих было значительно сокращено. Уменьшилось число депутатов из национальных районов

(Польша, Кавказ). Население десяти областей и губерний азиатской России вообще было лишено избирательных прав по причине «недостаточного развития гражданственности».

Выступая перед III Думой 16 ноября 1907 года, Столыпин вновь на первый план выдвинул аграрную реформу, фактически уже вступившую в фазу реализации. Но и на этот раз действия правительства вызвали резкую критику некоторых депутатов, обвинявших власть в государственном перевороте, в установлении режима восточной деспотии, полицейского произвола и насилия, в резком повороте к национализму. Многие из этих упреков надо признать справедливыми. В конечном же счете в Думе сформировалось такое соотношение сил, которое позволяло Столыпину находить пути реализации своей программы.

Так творилась новая история России.

Господи! Какое же это было время! Лев Толстой порадовал мир «Хаджи Муратом» — величайшим художественным шедевром. Бунин, Чехов, Блок, Куприн, Рахманинов, Скрябин, Стравинский, Станиславский, Качалов, Шаляпин, Серов, Репин, Суриков, Павлов, Вернадский, Мечников... Россия развивалась невиданными темпами, импортировала все меньше и меньше, экспортировала все больше и больше. Крепкие финансы, передовая наука. Философы публикуют «Вехи» — новое слово в познании человека и его предназначении на этой земле.

Столыпин сделал аграрную реформу осью всей своей политики, рассчитанной на модернизацию социально-экономического и политического строя империи. Закон, принятый 14 июня 1910 года, подтверждал еще и еще раз, что крестьяне имеют право свободного выхода из общины, но теперь с автоматическим закреплением надела в личной собственности.

Крестьянский банк получил возможность не только содействовать крестьянам в приобретении земли, но и выдавать ссуды для организации хозяйства под залог надельных земель. Трудолюбивая часть крестьян охотно пользовалась дешевыми кредитами, быстро богатела, укрепляла свой правовой и общественный статус, более активно участвовала в органах земского самоуправления, что позволяло постепенно устранять наиболее архаичные функции общины.

Население России, особенно сельской, росло высокими темпами, увеличивалась средняя продолжительность жизни. В условиях малоземелья Столыпин двинул крестьянство на Восток, как говорили в старину, «встречь солнцу». Богатство России, о чем мечтал еще Ломоносов, динамично стало «прирастать Сибирью». Алтай, южная Сибирь, Приморье покрылись тысячами зажиточных сел и деревень.

Без всякого преувеличения надо сказать, что Столыпин избавил крестьянство от остатков крепостничества, завершив тем самым реформу Александра II. Великий реформатор делал все возможное, чтобы, говоря его словами, «дать крестьянину свободу трудиться, богатеть, избавить его от кабалы отживающего общинного строя».

Кто мог подумать, что через 8—10 лет все пойдет прахом? Российское общество крайне легкомысленно отнеслось к предупреждениям Столыпина о смертельной опасности для России нового революционного бунта.

Сталинская коллективизация вновь загнала деревню в крепостничество. Более жестокое, чем во времена классического феодализма. Крестьяне лишились своей земли, паспортов, права выбора места жительства, трудолюбивые зажиточные хозяева были поголовно уничтожены, а Столыпин облит грязью. Было совершено величайшее преступление, направленное на уничтожение России.

При Витте и Столыпине впервые за всю свою тысячелетнюю историю Россия быстро становилась процветающей страной. Адекватно времени, разумеется. Промышленное производство увеличилось почти в два раза. Началось строительство метро. Всюду открывались школы, гимназии, реальные и профессионально-технические училища. Страна была завалена продуктами питания, товарами массового потребления. Лучшие в Европе магазины были не только в Париже и Лондоне, но и в Петербурге и Москве. Невиданными в мировой практике темпами прокладывались железные дороги.

Коснусь еще одной темы, весьма деликатной в общем контексте характеристики этого человека. Я имею в виду его деятельность в качестве полицейского. Об этом написано много всякой ерунды. Как я себе представляю, Столыпин, как никто, знал безответственность революционеров, их террористическую суть, разрушительную психологию. Говоря его же словами, он хорошо отличал кровь на руках хирурга от крови на руках бандита.

Кстати, об «ужасах» столыпинского террора: в 1906 году казнено 1102 осужденных, в 1907 году — 1139, в 1908 году — 771, в 1909 году — 129, в 1910 году — 73. Хочу подчеркнуть, что казнили конкретных убийц и конкретных террористов. Индивидуальный террор стал программной задачей народовольцев, социал-революционеров, анархистов. Ленин вытворил термин «массовидность террора», организовал гражданскую войну, в которой погибли миллионы. Столыпин в свое время предотвратил реальную угрозу такой войны.

Иными словами, режим «реакционера» Столыпина казнил менее 4000 человек. Заметьте, убийц. Ленинско-сталинский

режим насильственно лишил жизни не менее 25 000 000 ни в чем не повинных людей. Да еще в организованных Лениным и Сталиным войнах погибли десятки миллионов.

Возвращаясь к аграрной реформе, надо сказать, что сколько-нибудь существенно подорвать значение общины в деревне не удалось. И все же она треснула. В сельском хозяйстве происходили глубокие структурные сдвиги. Заметно выросли объемы сельскохозяйственного производства, его товарность, увеличились урожайность, использование машин, искусственных удобрений. В 1913 году сбор хлеба достиг 5 млрд пудов (против 3 — в 1900). Вдвое выросли крестьянские накопления в государственных сберегательных кассах, почти в десять раз увеличилось число разного рода кооперативов.

Экономический курс столыпинского кабинета обострил противоречия как между правительством и обществом, вернее — с частью его, так и внутри правящей элиты. Реализация этого курса не устраивала помещичьи круги, поскольку реформы непосредственно задевали их интересы. Леворадикальные силы видели, что реформы суживали возможности революционной перспективы. Либералов не устраивала попытка совместить представительный строй с самодержавием, что вело, по их мнению, к сужению завоеванных демократических свобод. Как и всегда в России, все куда-то торопились, не очень понимая, куда и зачем.

Упорную борьбу против выходцев из общины вели и сами общинники. Крестьянская борьба против выселенцев проявлялась и в давлении на них со стороны сельских сходок, и в прямых нападениях на хутора, в их поджогах. Как и сегодня — колхозные начальники яростно преследуют фермеров.

Патриархально-общинные пережитки в сознании и поведении крестьян, взгляды на землю как «на дар Божий», который нельзя «закрепощать», играли тогда ведущую роль в торможении земельной реформы. Идея всеобщего передела помещичьих и монастырских земель не покидала крестьян, подогреваемых левыми партиями, влияние которых в годы войны резко возросло. Именно община в 1917 году поглотила не только помещичьи усадьбы и земли, но и основную массу хуторов и отрубов.

Опыт разработки и реализации столыпинских реформ показывает, что самодержавная власть постоянно запаздывала с преобразованиями. Каждый шаг вперед, как правило, был вынужденным, диктовался чрезвычайными обстоятельствами и страхом перед дестабилизацией режима. Когда же прямая угроза революции отступала, правящие круги стремились побыстрее свернуть реформы. Особенно активно выступали против реформ местные власти.

Конец 1907 — начало 1908 года — период фронтального наступления дворянства на реформы Столыпина. Тон критики становился все развязнее, обвинения в адрес правительства — все жестче, вплоть до того, что правительство сознательно разрушает государственные устои России. Уже в январе 1908 года начали распространяться слухи о возможной отставке главы правительства.

Столыпину не суждено было увидеть плоды своего великого труда. В конце августа — начале сентября 1911 года в Киеве состоялись торжества по случаю открытия памятника Александру II. Приехал туда и царь с семьей и свитой. Развязка наступила неожиданно: 1 сентября в киевской опере в присутствии императора Столыпин был смертельно ранен провокатором Богровым и 5 сентября скончался. Был ли убийца революционером или агентом охранки, о чем до сих пор спорят исследователи, не столь важно: политически Столыпин стал жертвой и «правых» и «левых».

Убили великого сына России. Он сумел понять, в какую сторону должна двигаться страна. Его, как и любого реформатора на Руси, ненавидели, ибо он замахнулся на интересы умирающих экономических и политических сил, тормозивших движение России в будущее, нормальное будущее.

В 1915 году, в разгар Первой мировой войны, крестьянская реформа была приостановлена. Община устояла в борьбе с частной собственностью. Временное правительство под натиском люмпенской демагогии снесло памятник Столыпину в Киеве, чем демонстративно поставило крест на его великих реформах.

В этом очерке о Столыпине нет открытий. Факты известны. Я хотел лишь подчеркнуть, что Россия имела практический шанс уберечься от разрушительного октября 1917 года, закрепиться на пути правового и процветающего государства. Столыпин страстно этого хотел и видел реальные пути преобразований.

Но закостенелость самого строя, убогость дворянского мышления, патриархальная твердолобость общинного крестьянства, демагогическая сердобольность интеллигенции, никогда не умевшей заглянуть за горизонт, авантюризм разномастных революционеров — все это, вместе взятое, и определило незавершенность столыпинских реформ и, как следствие, привело к войне, революции и контрреволюции, к государственному террору, разрушившим Россию.

Глава четвертая

ФЕВРАЛЬСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Истоки, характер и последствия Февральской демократической революции еще долго будут проверять нас на способность учиться, отличать проницательность от авантюризма, государственную ответственность от ложной претенциозности, реальный успех от пьянящего головокружения, истинное мужество от показной бравады, неброскую взвешенность от сверкающих, но пустых импровизаций.

Автор

Итак, Столыпин оставил много незавершенных дел. Правда, не по своей вине. Эта незавершенность во многом и определила катастрофический ход дальнейших событий в России. Нет ничего хуже незавершенности реформ, они открывают дорогу авантюрам и судорожным попыткам вернуться в прошлое. Как я уже писал, Петр Аркадьевич больше всего боялся войны и революции. Но традиционное российское сознание да еще неискоренимое стремление к нескончаемой драке привели и к войне, и к Февральской революции, и к последующей контрреволюции в октябре 1917 года.

До февраля 1917 года Россия не знала иной формы правления, кроме самодержавия, если не считать первые ростки парламентаризма в начале века, о чем говорилось выше. За четыре года до февральских событий было отпраздновано 300-летие династии Романовых. Империя и трон казались могучими и незыблемыми, но вскорости здание самодержавия рухнуло в одночасье. Нечто похожее произошло и в 80-х годах XX столетия, но теперь потерпело крах большевистское самодержавие.

Ошарашенные современники Февраля не могли понять, что стряслось. Но звучное, завораживающее слово «свобода» затмевало все остальное. Попытки реалистического анализа случившегося и его возможных последствий, призывы к разуму, осторожности, взвешенности объявлялись трусостью и предательством. Все говорили без умолку, и никто не хотел слушать. Столица заболела восторгом от лозунга «Долой самодержавие!».

У всех революций и контрреволюций немало схожих черт, но каждая из них неповторима, имеет свою судьбу, свои последствия и уроки, свою мифологию, свой позор, но и свои благие мечты. События Февраля 1917 года были пол-

ны романтики, но ее демократический порыв был уничтожен контрреволюционерами Октября.

Исторические события после 1985 года открыли исключительный шанс укоренить Перестройку в контексте общего демократического движения. Возвращение к свободолюбивой идеологии демократической республики Февраля 1917 года давало возможность значительно укрепить нравственные основы реформаторства. Но Перестройка не смогла вовремя опереться на ее основные идеи и ценности.

Понятно, что Февральская революция случилась не вдруг. Строй мучительно распадался. Дворянство вырождалось. Поднимающиеся банкиры и промышленники не знали, как и в наши дни, удержу в жадности, демонстрируя историческую безответственность. Страна была унижена поражением в Русско-японской войне и позорными провалами — в Первой мировой. Бездарное ведение этой войны оскорбляло достоинство народа. Цвела коррупция. Самодержавие боялось всех, металось из стороны в сторону.

Все ждали бури. И получили ее.

Итак, жажда перемен лилась через край, катилась по столице, сметая старую власть. Но как раз здесь и наступил первый акт драмы демократической революции. Дело в том, что лидеры, претендовавшие на руководство массами, еще не могли понять и оценить всю глубину происходящего, хуже того, даже не верили в возможность победоносного исхода революции.

Конечно, каждая революция непредсказуема. Неимоверно трудно предугадать ее повороты. Сознание порой трусливо, порой догматично, порой затуманено дымом безотчетной эйфории, где уже нет места для разума и чувства ответственности. Кроме того, оно не поспевает за бегом времени, хотя хвастливо видит себя бегущим впереди паровоза.

Подлинного характера событий и их значения не дано было понять и политическим лидерам того времени. Для большинства интеллигенции и умеренных демократов революция стала полнейшей неожиданностью. Многие мечтали лишь о такой революции, которая, поколебав устои царизма, привела бы к созданию конституционной монархии. Ждали демократических свобод за счет ограничения власти царя, но не полного краха сложившегося строя. Сам лозунг «Долой самодержавие!» для многих политических партий был лишь бойким призывом, а не практической задачей дня.

Меньше всего ожидали революционных действий с таким исходом политические деятели в эмиграции, в первую очередь социалисты. Революция оказалась внезапностью даже

для авантюристов из ленинского крыла. 4 февраля 1917 года Шляпников от имени русского бюро ЦК большевиков сообщил Ленину в Швейцарию: «Политическая борьба с каждым днем обостряется, недовольство бушует по всей стране. Со дня на день может вспыхнуть революционный ураган». Кстати, информация Шляпникова была запоздалой. Царь к этому времени уже отрекся от престола. Информацию приняли с недоверием. Еще до этого, в январе 1917 года, Ленин, выступая перед швейцарской молодежью в Цюрихе, сказал, что он и другие «старики», пожалуй, не доживут до революции.

Но и тем левым политикам, которые своими глазами видели вздымающиеся волны протеста, все это казалось случайной вспышкой, обреченной на провал. Тем более что провинция еще спала крепким сном. Да и просыпаться-то она начала лишь тогда, когда заполыхала гражданская война. Перед Февралем для обсуждения быстроменяющейся ситуации в Петрограде неоднократно собирались представители левых партий и групп. Когда на этих собраниях говорили о революции, то одни полагали, что ее прихода надо ждать лет 30, другие — 50. При этом ссылались на то, что волнения еще не затронули реальных интересов масс. С точки зрения марксистской догматики подобные рассуждения были правильными, поскольку исходили из ложного представления, что революцию совершают якобы массы, а не кучки авантюристов. В России народные массы были ни при чем, все решалось в Петрограде партийными активистами и боевиками.

Деятели либерального, буржуазно-демократического толка и парламентской ориентации не решались воспользоваться событиями, чтобы добиться радикальных политических реформ, и тем более не решались взять власть в свои руки. И вся эта политическая неустойчивость, вязкость, тактика выжидания продолжались до тех пор, пока не стало ясно, что правящий самодержавный режим уже не в состоянии утихомирить волнения в Питере и Москве, остановить разложение армии. Все это очевидным образом грозило перерасти в кровавый бунт.

Не будет справедливым требовать от партий демократического крыла готовых программ для революции, которую мало кто ждал. Но правомерно упрекнуть их в том, что в ходе самой революции и после ухода царской власти эти партии оказались неспособными выработать программу действий в новых условиях. Лично я убежден, что как раз беспомощность демократов и удобряла почву для прихода диктатуры, создавала условия захвата власти или генералами, или ка-

кой-то радикальной политической группой. Активно формировалось и распространялось мнение, что без установления диктатуры неизбежна анархия. Действия и крайне левых, и крайне правых были направлены главным образом на то, чтобы в максимально короткие сроки захватить власть и установить «надлежащий порядок».

Вспомним, о чем тогда шла речь по существу.

На знаменах Февральской революции были начертаны требования: свергнуть самодержавие, выйти из войны, решить аграрный вопрос, обеспечить политические свободы и демократическое устройство общества, улучшить экономическое положение народных масс.

Итак, *первое*. Решающей проблемой была экономическая: снабжение продовольствием, организация работы промышленности, транспорта. Однако пришедшие к власти на волне Февраля буржуазные радикалы и представители умеренных социалистических партий, которые остро и убедительно критиковали царское правительство за развал экономики, за рост дороговизны, сами, однако, не оказались эффективнее деятелей старого режима, а, напротив, ввергли страну в состояние полного хаоса: инфляция достигла невиданных размеров, из-за отсутствия сырья и топлива останавливались предприятия, разруха на транспорте грозила парализовать экономическую жизнь, процветало открытое воровство в верхних эшелонах власти, разгулялась преступность. Положение становилось все более угрожающим.

Конечно, экономические трудности возникли не в феврале 1917 года. Они коренились в разрушительной войне, но общественное мнение списывало их на нераспорядительность новых властей. То же самое происходит и сегодня. На смену демократической эйфории пришли разочарования, новая власть быстро теряла свою недавнюю популярность. Необъяснимую политическую близорукость проявила и развивающаяся национальная промышленная и банковская буржуазия. Экономическая некомпетентность демократической власти вела революцию к гибели, а страну — к катастрофе.

Второе. Одним из основных требований революции было заключение демократического мира. Но генералитет, промышленные круги не хотели упускать тех выгод, которые могли получить страны-победительницы. Эти социальные группы, равно как и само Временное правительство, упорно не замечали тот очевидный факт, что военно-политическое напряжение в России достигло запредельной черты. Они надеялись, что победоносное окончание войны снимет многие политические и экономические проблемы. Где тут были ил-

люзии, а где реальный расчет, сказать сегодня трудно. Но так или иначе, Временное правительство не сумело оседлать проблему. Конечно, оно не могло пойти по пути предательства, как это сделал Ленин, заключив Брестский мир, но и оказалось не в состоянии найти достойный выход из сложившейся обстановки. Союзники России по войне тоже не смогли трезво оценить положение и проявили трагическую недальновидность.

Третье. Крестьянство России надеялось, что революция быстро решит застарелые проблемы деревни. Однако оно получило лишь смутные обещания, касающиеся подготовки аграрной реформы, суть которой сводилась к ликвидации помещичьего землевладения. Но крестьянство устало ждать. К осени 1917 года, еще до октябрьского переворота, Россию охватили стихийные крестьянские бунты. Захват помещичьих земель и разгромы поместий приняли массовый характер, подчас варварский. Растаскивались бесценные предметы искусства, художественные полотна, старинная утварь, богатейшие библиотеки сжигались вместе с усадьбами. Дикая стихия вскачь неслась по России.

Лидеры Февральской революции так и не поняли всей глубины крестьянского вопроса. Более того, они отменили законы, связанные с развитием фермерства. Помутнение рассудка было очевидным. Отними, раздели, пропей — вот они, этапы «большого пути» к разрушению страны.

Четвертое. Не получили должного удовлетворения от революции многочисленные народы, населявшие Россию. Естественно, что революция дала мощный толчок развитию национального самосознания, но лидеры февральской демократии не сумели создать убедительной национальной программы. В то же время яростную кампанию за самоопределение народов вели большевики. В результате они получили поддержку, прежде всего в феодальной элите национальных районов, хотя понятно, что для большевиков принцип самоопределения был лишь лозунгом, а не нормой реального права. Придя к власти, они осуществили такую национальную политику, которая пресекла все попытки народов Российской империи использовать свое право на самоопределение, равно как умертвила и возможности добровольного объединения народов на демократических принципах. Февральская революция, таким образом, и здесь ошиблась.

Пятое. Революция открыла уникальную перспективу свободного развития России. Временное правительство сделало немало для демократизации страны. Оно осуществило политическую амнистию, сделало шаги к установлению 8-часово-

го рабочего дня, провозгласило политические свободы, полную веротерпимость. Свобода слова и собраний стала реальностью. В послефевральские месяцы 1917 года необычайно быстро росли профессиональные союзы.

Встает мучительный вопрос, не менее актуальный и сегодня: почему же всего через несколько месяцев, уже осенью 1917 года, демократия, рожденная Февральской революцией, была сметена контрреволюционным переворотом? Как мне представляется, самая большая беда, которая настигла Февральскую революцию, состояла в том, что Россия была не готова к одномоментному повороту такого качества, как кардинальная смена общественного и государственного устройства, особенно в условиях военной разрухи. Люди, обессиленные войной, гибелью кормильцев, нищетой, ожесточались, становились все более безразличными к чужому горю и чужой боли. Оставалась только надежда на чудо. И здесь лежит разгадка восприимчивости к разрушительной идеологии революционаризма, в том числе и большевистской идеологии насилия.

Бывают в истории ситуации, когда и демократия становится великой ложью, как и другие общественно-политические концепции. Я имею в виду ее толпозависимость. Большевики блестяще пользовались психологией охлократии, рабски восторженной и рабски покорной, но и беспощадной — как при захвате власти, так и после. В результате озверевшие нелюди жгли дворцы и усадьбы, грабили, убивали отцов и братьев в гражданскую войну, травили газами солдат и крестьян, дробили черепа, топили в прорубях священников, сооружали из них ледяные столбы, зорко сторожили иванденисовичей на гулаговских вышках. Нет на земле такой антихристианской мерзости, которую бы ни вытворяла толпа, воодушевленная ненавистью и местью.

Вспомним, как Иван Бунин цитирует сказанное ему однажды орловским мужиком: «Я хорош, добер, пока мне воли не дашь. А то я первым разбойником, первым грабителем, первым вором, первым пьяницей окажусь...». Бунин назвал эту психологию первой страницей нашей истории.

Конечно, в революциях участвуют и альтруисты, и романтики, и просто порядочные люди. Их немало. Побеждающая революция обладает особым магнетизмом. Но и столкновение идеализма с уголовщиной становится неизбежным. Какие тут шансы у идеализма, насколько он, хотя бы психологически, готов к этой неминуемой схватке? А схватка неминуема: сосуществовать, ужиться рядом невозможно, отказаться добровольно от одержанной победы — тоже. Всего

этого Россия хлебнула вдоволь — и в 1905—1907 годах, и в феврале 1917 года. Некогда было подумать, все взвесить, притушить эмоции и обратиться к разуму. Железный каток событий без разбора подавлял все на своем пути. Место восторженных эмоций и трезвого разума заняли нетерпимость и ненависть.

Но если в период, рожденный Февралем, подобная практика необузданной дикости была антиподом целей и надежд революции, которая не сумела справиться с разрушительной психологией толпы, то октябрьская контрреволюция сделала психологию ненависти, мести и разрушения источником и опорой своей власти. Энергия общественного губительного раскола и противостояния стала питательной средой большевистской политики террора.

В условиях России, в которой всегда правили люди, а не законы, особое значение приобретает право. Правовое общество предполагает, что в нем утверждается безусловное верховенство закона, основанное на свободах и правах человека. Ключевым элементом является создание действенной и независимой судебной системы, способной противостоять чиновничьей власти на всех уровнях и принимающей окончательные правосудные решения на основании закона. Судья в российском обществе должен стать центральным и наиболее авторитетным должностным и общественным лицом, стоящим на страже прав и интересов граждан.

Почему я повторяю эти, казалось бы, достаточно известные истины?

Прежде всего потому, что они крайне актуальны для нынешней России в качестве практических проблем жизни. Их обязана была решить еще Февральская революция. В этом состояло ее историческое предназначение. Реши она эти проблемы хотя бы частично, Россия сегодня была бы другой. Да и октябрьской трагедии не случилось бы. Но лидеры Февраля всего этого не ведали, не знали, а если и знали, то не сумели подчинить этим основополагающим принципам свою деятельность. В результате Россия была отдана на растерзание большевикам, которые швырнули страну в пропасть неограниченного господства тоталитарной власти и тоталитарной идеологии.

Сумасбродность Февральской революции нашла свое основное выражение в митинговой демократии, очень часто перераставшей в горлопанство. Митинговали все и по самым различным поводам. Разные комитеты и советы иной раз заседали круглые сутки. Царили бестолковость и демагогия. Брали верх самые горластые и самые наглые. Как и сегодня.

В этом часто видят рост народного творчества, и ничего другого. Но митинговщина, бесконечные собрания и дискуссии имеют свой предел созидательности. Это блестяще доказали послефевральские дни. Митинги втягивали в обсуждение важных политических вопросов людей, которые не были готовы даже к поверхностному пониманию политических, социальных и экономических проблем. Однако резолюции, чаще всего крикливые и лишенные здравого смысла, оказывали свое влияние и на позиции партий, и на деятельность правительства. В такой ситуации популистская политика с ее крайним упрощением в оценках и решениях находила широкий отклик. В конечном счете митинги и собрания становились важным орудием манипулирования сознанием масс в групповых интересах, действенным средством давления на правительство. В итоге крайне незначительная часть населения, которую захватила эта стихия, во многом определяла политику, а в конечном счете — и судьбу страны.

Правомерен вопрос: насколько эти митинги, собрания выражали настроения масс? История показывает — Февральская революция тому яркий пример, — что и революцию, и контрреволюцию, в конечном счете, осуществляет в основном политизированное меньшинство при пассивной позиции или полной апатии масс населения. Расширение митинговой демократии шло рука об руку с увеличением власти иррационального. Сама техника бесконечных митингов, простые и доступные массам лозунги, в основном разрушительного характера, вели к вульгаризации и без того достаточно примитивного политического сознания.

Практически ни одна из политических сил не была заинтересована в пробуждении взвешенного, ответственного отношения к тому, что происходит со страной. Никто не стремился развивать принципы демократии, лидеры мало заботились об их практическом применении. Все кичились своей бескомпромиссностью. Никто не учил людей думать, но все учили ненавидеть. Дьяволизация противника, манипулирование образом врага были характерны для всех политических партий того времени, особенно для левоэкстремистских — большевиков, эсеров, анархистов. Митинговая демократия несла в себе бациллы саморазложения, укрепляла идеологию нетерпимости. Революцию шаг за шагом заменяли бунт и анархия. Страна медленно вползала в хаос безвластия. Законов, защищающих новую Россию, так и не появилось.

Февральская революция не только не укрепила здравомыслящий политический центр, но размыла его, тем самым подорвав основы стабильности. В России так и не нашлось

силы, способной противостоять как самодержавной реставрации, так и вульгарной политике революционаризма. Все это создавало благодатные условия для перерождения демократии в анархию. Политикам застилала глаза самонадеянность, мешало высокомерное отношение к практическим повседневным делам. Именно тогда получила распространение практика «революционной целесообразности», которая была поставлена выше закона, что неизбежно вело к гибели демократии, готовило почву для большевистского экстремизма.

Иными словами, российское общество в целом не проявило должной ответственности, чтобы эффективно использовать свободу. В значительной степени ее связывали с планами достижения узкопартийных идеалов, но не с поисками согласия. Более того, в поведении партий господствовала крайняя нетерпимость к другим партиям и группам, причем даже одного политического среза. Наиболее разрушительной демагогией отличались большевики, привлекая тем самым на свою сторону социальное дно общества.

Почему в те далекие дни складывалась подобная обстановка?

Временное правительство возглавили люди, которые пришли к власти как бывшие оппозиционеры. Представители разных профессий — ученые, адвокаты, промышленники, банкиры, купцы. Некоторые из них разделяли социалистические убеждения, в основном народнического толка. Однако, оказавшись у руля государства, они быстро превратились в профессиональных политиков и с каждым днем отдалялись от тех питательных корней, от тех сил, которые выдвинули их на гребень политической борьбы. С каждым днем все глуше звучали для них голоса простых людей, ради которых они вроде бы и занимались государственной деятельностью.

Что еще важно подчеркнуть?

Бескровная, ненасильственная смена государственной власти в значительной мере исключала возможность гражданской войны со всеми ее античеловеческими последствиями. Это хорошо. Открывались заманчивые перспективы согласованных действий общественных сил, поскольку, как виделось, Февральская революция была революцией практически всех классов и общественных групп. Но эти рассуждения были вызваны, скорее, революционной эйфорией, чем отражали реальные интересы различных социальных слоев общества, определявших суммарный пульс жизни. Общественного согласия во имя решения общих демократических задач так и не удалось достигнуть.

В результате к осени 1917 года демократическая власть оказалась под холодным дождем октября и была затоптана в грязь осенней распутицы. Так случилось, что она, эта власть, не была нужна никому, кто был способен употребить ее хотя бы не во зло. Ни купечеству, ни заводчикам, ни усталым и обедневшим дворянам, ни равнодушному обывателю. Лишь интеллигенция продолжала восторгаться переменами, пела гимны свободе, но не более того.

И мало кто понимал, что безвластие правительства Керенского удесятеряло жажду власти у радикалов, у тех, кого нельзя было допускать к ней ни в коем случае. Все происходило второпях и делалось впопыхах. Никто не предостерег общество, что верх в подобных случаях берут правые или левые авантюристы, начиненные динамитом радикально-популистской демагогии.

На мой взгляд, событием, предопределившим победу большевистской контрреволюции в октябре 1917 года, является исход борьбы между двумя политическими группировками в элите. Одна сложилась вокруг Керенского — председателя Временного правительства, другая — Корнилова — Верховного Главнокомандующего.

Керенский видел опасность со стороны Ленина и его террористической группы, но не решался довести до конца уже выдвинутые обвинения против большевиков в измене государству. Судя по всему, его нерешительность объясняется давлением Советов, с которыми он был в то время в союзе. Керенский жаловался: «Мне трудно потому, что борюсь с большевиками левыми и большевиками правыми, а от меня требуют, чтобы я опирался на тех или других».

Лавр Корнилов, возможно, острее ощущал грядущую угрозу со стороны большевиков, ведущих на фронте активную агитацию за немедленное окончание войны, разлагая тем самым армию. Корнилову претила двусмысленная позиция Керенского, его виляние политическим хвостом. С точки зрения судеб российской демократии, Корнилов, конечно, не был оптимальным выбором, но гораздо предпочтительнее, чем Ленин. Еще до назначения Главнокомандующим Корнилов говорил: «Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде не собирался», и добавил, что «против Временного правительства я не собираюсь выступать».

Сложившуюся тогда обстановку достаточно точно обрисовал английский посол Д. Бьюкенен: «Керенский же, у которого за последнее время несколько вскружилась голова и

которого в насмешку прозвали «маленьким Наполеоном», старался изо всех сил усвоить себе свою новую роль, принимая некоторые позы, излюбленные Наполеоном, заставив стоять возле себя в течение всего совещания двух своих адъютантов. Керенский и Корнилов, мне кажется, не очень любят друг друга, но наша главная гарантия заключается в том, что ни один из них по крайней мере в настоящее время не может обойтись без другого. Керенский не может рассчитывать на восстановление военной мощи без Корнилова, который представляет собой единственного человека, способного взять в свои руки армию. В то же время Корнилов не может обойтись без Керенского, который, несмотря на убывающую популярность, представляет собой человека, который с наилучшим успехом может говорить с массами и заставить их согласиться с энергичными мерами, которые должны быть проведены в тылу, если армии придется проделать четвертую зимнюю компанию».

Однако события пошли по другому сценарию — катастрофическому для России.

К концу августа напряжение достигло кульминации. Корнилов отдает приказ войскам двигаться к Петрограду, чтобы избавить страну от большевистской угрозы. Керенский испугался за себя и объявил о том, что Корнилов является государственным изменником, а потому он требует передать обязанности Главнокомандующего генералу Лукомскому. В ответ Лукомский пишет: «Остановить начавшееся с вашего одобрения дело невозможно... Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым... Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала... Не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова».

В эти трагические дни Керенский сыграл мрачную роль. Во время большевистского мятежа в июле 1917 года он проявил известную решительность, опираясь при этом на широкие круги общественности и Советы, подавив мятеж и объявив Ленина государственным изменником, что было юридически и фактически обосновано. В конце августа он сначала заигрывает с Корниловым, а затем изменяет ему и бросается к большевикам.

Что касается «измены», в которой Керенский обвинил Корнилова, то последний сам достаточно убедительно проясняет этот вопрос. В своей ответной телеграмме он пишет:

«Телеграмма Министра Председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: я не посылал

члена Государственной Думы Владимира Львова к Временному Правительству, а он приехал ко мне как посланец Министра Председателя. Тому свидетель член Государственной Думы Алексей Аладьин. Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества. Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное Правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все кто верит в Бога, — в храмы, молите Господа Бога о явлении величайшего чуда, спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагом, до Учредительного Собрания, на котором Он Сам решит свои судьбы и выберет уклад своей Государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени и сделать Русский народ рабами немцев, — я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!

Генерал Корнилов. 27 августа 1917 года».

Кстати, созданная после смещения Корнилова Чрезвычайная комиссия не нашла в его действиях измены. Развитие событий показало, что генерал Корнилов был прав по существу, хотя и допустил в телеграмме пару фактических неточностей. Большевики тогда не были в большинстве в питерских Советах, а Временное правительство конечно же не действовало в согласии с немцами. Видимо, воспаленное время делает эмоции особенно горячими.

Ленин, как всегда, хитрил, выбирая позицию повыгоднее для себя. Потерпев фиаско в июле, он похотливо жаждал реванша. Понимал, что главная угроза для его планов захвата власти идет от Корнилова, а не от Керенского, правительство которого слабело день ото дня. Поэтому большевики активно включились в борьбу против Корнилова. Но Ленин и тут охлаждает пыл своих подельников. Он пишет письмо в центральный комитет РСДРП(б), в котором требует пересмотра тактики борьбы: «По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто (подобно Володарскому) скатывается до оборончества или (подобно другим большевикам) до блока с эсерами, до *поддержки* Временного правительства... Поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да! Но это не одно и то же; тут есть грань; ее переходят иные большевики, впадая в «соглашательство», давая увлечь себя потоку событий. Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость... Эта разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя».

Да уж куда тоньше.

Последние дни перед контрреволюционным переворотом наполнены трагическим напряжением: большевики рвались к власти, а противники Ленина и его предательской своры никак не могли найти согласия в методах противодействия. Да и в самом ЦК большевистской партии не было единогласия относительно способа и времени захвата власти. Ленин рвался в бой, утверждал, что только вооруженное насилие приведет к власти, большинство же в ЦК возлагали свои надежды на открывающийся съезд Советов, который и должен решить вопрос о власти еще до созыва Учредительного собрания. Будучи до предела разъяренным подобной позицией ЦК, Ленин требует разрешить ему приехать в Смольный, но ему дважды отказывают, опасаясь его авантюризма.

Что касается Керенского, то он продолжал свою тактику «уговаривания». До взрыва насилия оставались сутки, правительству надо было решительно действовать, а Керенский продолжал говорить об опасности большевизма, которая и без того была очевидной. Выступая в Мариинском дворце на заседании Предпарламента, он произнес совершенно верные слова: «С этой кафедры я квалифицирую такие действия русской политической партии как предательство и измену Российскому государству... В настоящее время, когда государство от сознательного и бессознательного предательства погибает и находится на грани гибели, Временное правительство, и я в том числе, предпочитает быть убитым и уничтоженным, но жизнь, честь и независимость государства не предаст...» И дальше: «Я пришел, чтобы призвать вас к бдительности для охраны завоеваний свободы многих поколений многими жертвами, кровью и жизнью завоеванных сво-

бодным русским народом... В настоящее время элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленно решительной и окончательной ликвидации... Я требую, чтобы сегодня же Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания».

Развернулись прения. Керенского критиковали, в частности, за нерешительность, бездействие. Например, известный социал-демократ Дан, обращаясь к Керенскому, сказал: «Если вы хотите выбить из-под ног у большевизма ту почву, на которой он вырастает, как гнилой гриб, то надо принять ряд политических мер. Необходимо ясное выступление и правительства, и Совета республики, в котором народ увидел бы, что его законные интересы защищаются именно этим правительством и Советом республики, а не большевиками...»

Увы, это был последний день свободной России. Уже к утру власть захватила антинародная группа Ленина.

После поражения Февральской революции страна покатилась под откос с еще большей скоростью. За этим крахом — вся последующая жизнь страны, ее кровь, нищета, социальные конвульсии, гражданский раскол. Февраль бескровно убрал самодержавие, но открыл дорогу для кровавой контрреволюции. Насилие и страх поползли по великой земле России.

Глава пятая

ТОПОР НАРОДНОЙ РАСПРАВЫ

Насильственная революция — истерика, бессилие перед давящим ходом событий. Акт отчаяния, безумная попытка с ходу преодолеть то, что требует десятилетий напряженных усилий всего общества. Недоношенный плод эволюции. Тяга к революции идет не только от нищенства и бесправия, но и от мессианского тщеславия и нездоровой психики самозваных вождей.

Автор

Эта коротенькая глава — как бы послесловие к демократическому российскому Февралю и предисловие к октябрьскому перевороту. В ней я хотел бы донести до читателей свою точку зрения на революции как общественные явления и предпослать взгляды французских якобинцев своим размышлениям о сути октябрьской контрреволюции 1917 года.

Вожди Октября 1917 года любили ссылаться на опыт французской революции 1789—1793 годов. Они спекулировали на этом опыте, учитывая в том числе и его международный авторитет. Этот опыт пропитал идеологию октябрьских деятелей и нашу последующую историю.

Мартовско-апрельская революция 80-х годов в Советском Союзе, уже сделав крупные шаги на пути к демократии, тем не менее продолжала находиться под давлением марксистско-ленинских концепций. В газетах и журналах, на телевидении и по радио, на собраниях и съездах еще продолжали звенеть разные побрякушки о революции как эффективной форме общественного прогресса, что сбивало людей с толку, мешало пониманию смысла начавшейся эволюционной Реформации в СССР. Россия еще не отмылась от крови прошлого, она еще не слезла с баррикад, в ней еще клубился дым нетерпимости, мы еще были солдатами, а не пахарями.

В этих условиях я чувствовал объективную необходимость публично высказаться относительно исторической и нравственной сущности революции, о том, что любая революция неотвратимо вырождается в нечто отвратительное, если средства начинают господствовать над целью, если насилие, провозгласив себя добродетелью, становится государственной политикой и практикой.

Советские ортодоксы в исторической, философской и экономической науках, преподаватели высших учебных заведений упорно не хотели избавляться от марксистско-ле-

нинского догматического хвоста. Мое выступление по этому поводу на собрании обществоведов в АН СССР еще в самом начале Перестройки было начисто проигнорировано и сопровождалось ворчанием-бурчанием.

В сложившейся обстановке я искал повод для серьезного разговора по этим далеко не простым проблемам. Возможность открылась в связи с 200-летием Великой французской революции. Московская общественность отметила это событие на торжественном собрании, которое состоялось 11 июля 1989 года в Колонном зале Дома Союзов. На него приехал министр культуры Франции.

Работая над докладом, я взвешивал каждое слово. Искал ключевое определение, которое бы прозвучало уже в первой фразе. Написал несколько вариантов и остановился на следующем:

«Глубинный смысл судьбоносного для человечества события, каким, несомненно, является Великая французская революция, в том, что она провозгласила в политике и общественном сознании великие принципы свободомыслия, которые вошли в плоть и кровь мировой культуры...»

Я видел особый смысл начать доклад с фразы, где бы в единстве звучали слова — «свобода мысли» и «культура».

То было время, когда наша страна еще продолжала стоять на развилке — или возврат в прошлое, или продолжение реформ. Поэтому я считал исключительно важным обратить внимание на то, что «вожди» октябрьского переворота 1917 года втиснули в реальную жизнь России самое негативное из опыта французов, не предложив в то же время ничего созидательного, что демонстрировала французская революция, когда речь шла о правах и свободе человека.

Либеральная интеллигенция восторженно встретила мой доклад, но вскорости, как это принято у нас, забыла начисто. Руководство страны, в частности Горбачев, промолчало. Желания обсудить всерьез проблемы развития общественной мысли не обнаружилось.

Большой интерес к докладу, к иной, чем было принято в советской историографии трактовке этой революции, проявил французский президент Франсуа Миттеран. Позднее, уже после августовского мятежа 1991 года, он пригласил меня в Париж на конференцию «Племена Европы и европейское единство». Президент произнес по этому поводу весьма содержательную речь. Я тоже выступал. Присутствовавшие на конференции горячо поддерживали идею Гавела — Миттерана о единой Европе.

У меня состоялась достаточно продолжительная беседа с президентом Франции. В беседе со мной Миттеран вспомнил о московском докладе и сказал, что разделяет мои подходы к ключевым проблемам революции. Тогда же, в разговоре, возникла идея об образовании «Демократического интернационала». Миттеран сказал, что готов предоставить в Париже помещение для такой организации. Он согласился с тем, что в социал-демократическом движении появились кризисные явления — как в теории, так и в практике. Общедемократическая идея, будучи общечеловеческой, может оказаться приемлемой для многих партий и движений. Проект, однако, не нашел своего дальнейшего развития. Миттеран заболел, а меня засосали текучка и суета мирская.

Представляется интересным сопоставить некоторые события французской революции 1789—1793 годов и октябрьской контрреволюции 1917 года. Действительно, в практике большевистской группировки много схожестей с практикой якобинцев. Однако по своему глубинному содержанию и историческим последствиям эти революции отличаются кардинальным образом.

Если переворот в октябре 1917 года носил явно разрушительный характер, то французская революция сумела сконцентрировать в своем духовном арсенале важнейшие достижения европейского социального опыта, науки и общественного сознания XVIII века. Она вобрала в себя плоды эпохи Реформации и Просвещения, которые показали неизбежность глубоких интеллектуальных, нравственных и социальных изменений в историческом развитии Европы.

Это был век Вольтера с его отвержением деспотизма, с его едкой иронией в адрес клерикальных предрассудков, с его гимном деятельной личности.

Век Руссо, который острее, чем кто бы то ни было из его современников, возвысил идею равенства людей.

Век Монтескье, защищавшего демократические принципы разделения законодательной, исполнительной и судебной властей.

Век экономистов-физиократов Кенэ и Тюрго, возвестивших принцип, за которым стояла идея свободы инициативы, невмешательства государства в экономическую жизнь.

Век Гельвеция, считавшего «пользу» критерием новой этики и основанием всех законодательств.

Плеяда выдающихся мыслителей вынесла феодальным порядкам нравственный приговор. И хотя они в своих рассуждениях во многом расходились, но объективно делали одно общее дело — вспахивали и засеивали интеллектуальное

поле для перемен. С присущим им блеском они показали, что старый порядок, пронизанный лицемерием, мертвящим догматизмом и схоластикой, находится в конфликте с самой природой человека, его стремлением к созданию общества, в котором частный интерес каждого совпадал бы с интересами общества.

Французская революция предложила миру великую Декларацию прав человека и гражданина. Она создала основы современного правосознания, поставила перед человечеством вопросы, многие из которых принадлежат к числу вечных. Революция провозгласила: *«Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека».* Она утверждала, что *«свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека, каждый гражданин поэтому может высказываться, писать и печатать свободно, под угрозою ответственности лишь за злоупотребления этой свободой в случаях, предусмотренных законом».*

Декларация выдвинула принципы разделения властей, ответственности и подотчетности должностных лиц.

Итак, идеалы прекрасны, чисты и благородны, обращены к человеку. Ни одна из революций, которые предшествовали французской, не провозгласила столь возвышенные демократические устремления. Но она же обнаружила глубокую пропасть между разбуженными ожиданиями и реальностями жизни. Свобода оказалась ограниченной, царство разума — идеализированным, ожидания — обманутыми, святая вера в идеалы — фарисейством.

Перерождение идеалов революции оказалось быстрым и гибельным. Уже в октябре 1789 года вышел закон о применении военной силы для подавления народных выступлений. После упразднения в феврале 1791 года цехов, этого института средневековья, был принят закон, запрещавший проведение стачек и создание рабочих организаций. Цензовое избирательное право, установленное конституцией 1791 года, находилось в противоречии с Декларацией прав человека и гражданина, провозглашенной двумя годами раньше.

Революция постепенно заболела мессианством, всегда опасным своей ложью и безответственностью. Вожди французской революции, по крайней мере, многие из них, были глубоко убеждены, что ведут борьбу за освобождение всего человечества, за вселенское торжество справедливости. *«Погибни свобода Франции,* — восклицал Робеспьер, — *и природа покроется погребальным покрывалом, а человеческий разум отойдет назад ко времени невежества и варварства. Деспотизм, подобно безбрежному морю, зальет земной шар».*

Вот они, семена большевистского мессианства, связанные с мировой революцией.

Французская революция показала, сколь значительна в процессе общественных преобразований роль трибунов, таких, как Марат, Мирабо, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст и других, творящих историю. Но проявилось и иное: когда борьба общественных групп и партий перерастает в борьбу вождей, направление борьбы меняется причудливым и неожиданным образом, когда вчерашние соратники предстают друг перед другом разъяренными противниками, презревшими честь и достоинство. Сегодня летят головы левых якобинцев Эбера и Шометта, завтра — «снисходительного» Дантона, послезавтра — самого Робеспьера.

Марат апеллировал к «топору народной расправы», который без суда должен отрубать головы сотням тысяч «злодеев». «*Террор,* — по Робеспьеру, — *есть не что иное, как быстрая, строгая и непреклонная справедливость; тем самым он является проявлением добродетели».*

Террор становился повседневностью. Освобожденный от рамок законности, меч насилия произвольно использовался теми, кто находился у власти. Гильотина срубила головы великим французам — химику Лавуазье и поэту Шенье. Побеждала злая воля властолюбцев, одетых в блистательные наряды борцов за свободу и права человека. Революция пожирала своих собственных детей.

Французская революция рельефно высветила проблему, с которой пришлось столкнуться едва ли не всем последующим революциям-контрреволюциям и которая остается актуальной и в наши дни. Я имею в виду проблему целей и средств, когда цели, объявленные великими, оправдывают любые средства их достижения. Химера величия цели благословляла топор.

Итак, отдельные страницы французской революции оказались мракобесными. В большевистской России как раз эти страницы и служили оправданием террора. Ульянов, будущий Ленин, смолоду преклонялся перед якобинством, а придя к власти, стал главарем политики «массовидности» террора. Великие принципы французской истории были отброшены в сторону за ненадобностью, ибо у большевистских вождей в России были просто другие цели. Да и к власти пришли резонерствующие невежды, но, будучи безмерно амбициозными, они не ведали своего невежества. Со дня своего змеино-яйцевого вылупления основоположники российского общественного раскола всегда были мракобесами. Априорно, генно. Творения их «классиков» — это хрестома-

тии для террористов. Ничего святого. Насилие — акушерка истории, а насильственные революции — ее локомотивы. Террор, ложь и страх — несущие конструкции режима. «Религия — опиум», семья — «буржуазное лицемерие», семейное воспитание — «порочно», а «общественное выращивание» павликов морозовых — благо.

Итак, любая насильственная революция — прямое следствие дефицита ответственности и знаний; она — результат больного сознания, спекуляции на социальных раздорах, самая дорогая цена, которую платит общество за неизбежный послереволюционный регресс, особенно там, где для нормальной человеческой жизни еще исторически не хватает разума, культуры, благосостояния; где богатство либо не создано вообще, либо перманентно разорялось войнами, стихийными бедствиями, недальновидным и самонадеянным правлением.

Миф, будто революцию вершат чистые, благородные умы, светлые души, люди, озабоченные исключительно счастьем человечества, безмерно спекулятивен, ибо ничто не поднимает со дна общества, из социальных заводей столько всякой дряни, гнуснейших человеческих отбросов, как насильственные революции, гражданские войны и межнациональные конфликты.

И не только потому, что они до основания и с особой безжалостностью перепахивают устоявшиеся жизненные структуры. Но и потому, что в обстановке тотального слома привычных устоев, когда события опережают способность людей разобраться в них и принять разумные решения, — в этих условиях уголовщине, как никогда, легко, удобно и выгодно рядиться в личину героев. Вчера — боевик, налетчик, бандит и мошенник, дешевое «мясо» на службе у политических демагогов, а завтра, погарцевав в зареве пожарищ, поласкав свои звериные инстинкты, оказаться в рядах «борцов за счастье человечества»... «Революция рождается в злобе, — писал Михаил Пришвин, — ...Революция — это сжатый воздух, это ветер, в котором мчатся души покойников: впереди мчится он, дух злобы к настоящему, а позади за ним мчатся души покойников. Покой и покойники, цветы на могилах и теплое солнышко, и запах трупа в цветах гиацинта».

Насильственные революции — это кровь на розах сладких иллюзий.

Живые мертвым закрывают веки,
Чтобы мертвые живым открыли их.

Г. Поженян

Глава шестая

«ВЫ СЕЕТЕ ФАШИЗМ...»

Разрушь — и наступит радостное упоение местью. Отними — и насытишься справедливостью. Убей — и тебя наполнит чувство силы и превосходства над другими.

Автор

Потрясает своим мужеством и прозорливостью письмо гениального ученого, лауреата Нобелевской премии, академика Ивана Павлова, направленное в декабре 1934 года правительству СССР. Он писал:

«Вы напрасно верите в мировую революцию. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До вашей революции фашизма не было. Ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух ваших репетиций перед Вашим Октябрьским торжеством. Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались и пользуетесь Вы, — террор и насилие. Разве это не видно всякому зрячему?»

И верно, разве это не видно всякому зрячему?

Сошлюсь и на более поздний документ. 20 декабря 1957 года председатель КГБ Серов пишет в ЦК записку об антисоветских настроениях крупнейшего ученого XX столетия, тоже Нобелевского лауреата Льва Давидовича Ландау. Серов доносит: КГБ *«располагает сообщениями многих агентов из его окружения и данными оперативной техники»*, что Ландау называет систему, установленную после октября 1917 года, *«фашистской», а руководителей государства — «преступниками».* 30 ноября 1956 года во время венгерских событий Ландау, характеризуя руководство государством, говорил: «*Ну, как можно верить этому? Кому, палачам верить? Вообще это позорно... Палачи же, гнусные палачи».*

В разговоре с харьковским ученым Лифшицем, продолжает Серов, Ландау говорил, что с октября 1917 года *«формировалось фашистское государство... Это была идея создания фашистского государства».* 12 января 1957 года в беседе со своим коллегой Шальниковым Ландау сказал: *«Наша система совершенно определенно есть фашистская система, и она такой осталась, и измениться так просто не может».*

В беседе с ученым Мейманом Ландау заявил: *«То, что Ленин был первым фашистом, — это ясно»*.

Великие ученые пришли к этому выводу, не зная и сотой доли той информации, которая доступна нам сегодня.

1

«Гимном рабочего класса отныне будет песня ненависти и мести», — писала газета «Правда» 31 августа 1918 года, повторяя слова Ф. Дзержинского, гласящие, что большевики призваны историей направлять и руководить ненавистью и местью.

Вскорости после смерти Ленина (1924) у Кремлевской стены начали рыть котлован под мавзолей усопшему. Большевики не захотели предать его земле по-христиански, а предпочли языческий ритуал, исходя из политической задачи, чтобы все смогли «насладиться» зрелищем «великого вождя», хотя и мертвого. В январе 1924 года стужа была неимоверная. Дробили землю ломами, пробив ненароком замерзшую канализационную трубу. Весной она оттаяла и залила мавзолей нечистотами. Узнав об этом, Патриарх Тихон сказал: «По мощам и елей», то есть по заслугам и награда.

В России до сих пор спорят об очевидном: убирать Ленина из мавзолея или нет, считать его автором счастья на всей планете или нет, сохранять его изображения в тысячах бронзовых уродов на городских площадях и прочих местах России или нет.

Начиная главу о безмерной трагедии нашего народа, как тут не вспомнить великого Бунина. В 1924 году он писал:

«И вот образовалось в мире уже целое полчище провозвестников «новой» жизни, взявших мировую привилегию, концессию на предмет устроения человеческого блага, будто бы всеобщего и будто бы равного. Образовалась целая армия профессионалов по этому делу — тысячи членов всяческих социальных партий, тысячи трибунов, из коих и выходят все те, что, в конце концов, так или иначе прославляются и возвышаются.

Но, чтобы достигнуть всего этого, надобна, повторяю, великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо время от времени по колено ходить в крови. Главное же, надо лишить толпу «опиума религии», дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот «планетарный» скот — другое дело.

Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру потрясающее: он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят!»

Ознакомившись с докладом Ленина о ратификации мирного договора с Германией на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов 14 марта 1918 года, построенном на лжи, фальсификации исторических фактов, Бунин сделал в своем дневнике лаконичную запись: «Съезд Советов. Речь Ленина. О, какое это животное!»[1]

Защитники Ленина говорят, что Иван Бунин был, конечно, великий писатель, но про Ленина писал, будучи высланным за рубеж. Обиделся, вот и написал. Но как быть тогда с Владимиром Солоухиным, советским писателем. В одном из интервью он говорил: «Вот написал повесть о Ленине «При свете дня». О страшном жестоком человеке, фигура которого из-за полной непрочитанности его текстов до сих пор сохраняет ореол гения, великого вождя и учителя всех трудящихся. Хотя население России для него было насекомыми, а интеллигенция, извиняюсь, говном». В книге своей Солоухин предельно беспощаден в своей правде к человеку, погубившему Россию.

Для захвата власти будущий правитель создавал партию как воюющую партию, а государство — как «орудие пролетариата в грандиозной войне», причем в мировом масштабе. Говоря о переходном периоде, он предрек, что этот период «займет целую эпоху жесточайших, гражданских войн». Он даже критиковал Парижскую коммуну за излишнее великодушие бедняков — надо было беспощадно истреблять своих врагов, то есть богатых людей.

Из глобальной задачи, ориентированной на мировую революцию, Ленин делает вывод, что гражданская война «неизбежно ведет к диктатуре», которая означает «не что иное, как ничем не ограниченную, абсолютно никакими правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

Свою властную деятельность большевики начали с обмана. Второй съезд Советов декретом от 26 октября (8 ноября)

---

[1] *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1990. С. 28.

1917 года, учредив Совет народных комиссаров, заявил, что он является *«временным рабочим и крестьянским правительством»*, осуществляющим власть *«до созыва Учредительного собрания»*.

Выборы делегатов на это собрание состоялись уже при новой власти. Большевики их проиграли вчистую. Открытие Учредительного собрания было назначено на 12 часов дня 5 января 1918 года. Полдень наступил, но никто собрания не открывал. На улицах началась демонстрация в поддержку Учредительного собрания. Шли колонны с лозунгами «Вся власть Учредительному собранию!».

Безоружные манифестанты были встречены заставами большевистских боевиков. Раздались залпы: десятки людей были убиты, около сотни ранено. Даже в Питере тех дней, взвинченном преступным революционаризмом, возмущению не было предела. Отражая эти настроения, М. Горький в газете «Новая жизнь» писал: *«5-го января 1918 г. безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие — мирно манифестировали в честь Учредительного собрания — политического органа, который бы дал всей демократии русской свободно выразить свою волю... ...«Правда» лжет, когда пишет, что манифестация 5 января организована буржуями, банкирами и т.д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи» и «калединцы». «Правда» лжет: она прекрасно знает, что «буржуям» нечего радоваться по поводу Учредительного собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 большевиков. «Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красным знаменем российской социал-демократической партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Я спрашиваю «народных» комиссаров, среди которых должны быть порядочные и разумные люди: понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания революции? Понимают ли они это? Или они думают так: или мы — власть, или — пускай все и все погибнут?»*

Организовали демонстрацию и крестьяне, приехавшие на свой съезд. Делегатов от большевиков там вообще не оказалось. Колонну крестьян встретили огнем, и снова убитые и раненые. Так советская власть, объявившая себя народной, без колебаний расстреляла мирных демонстрантов. После расправы над съездом крестьян его участники приняли специальную резолюцию. Крестьянские делегаты осуждали насилие над Учредительным собранием, поскольку видели в

нем «единственное» спасение революции, которая гибнет в яростной междоусобице, в судорогах голода. Они заявили, что будут бороться с *«новыми самодержцами и насильниками»*, с *«большевистским лжесоциализмом»*.

Сокрушительные поражения на выборах в Учредительное собрание и на съезд крестьян нисколько не смутили Ленина. Он верил в насилие как решающее орудие захвата и удержания власти.

К тому же и сам захват власти был связан с изменой Отечеству. Сегодня становится все более очевидным, что октябрьская контрреволюция случилась в значительной мере на кайзеровские деньги. Сделка выглядела в конкретных условиях войны простой: немцы платили за усилия Ленина по выходу России из войны, сначала через разложение армии, а в случае захвата власти большевиками — через сепаратный мир. Впрочем, документы свидетельствуют, что у германского генштаба были и стратегические замыслы в отношении России, в частности ее расчленение.

В последние годы появились новые архивные свидетельства, да, впрочем, и раньше было опубликовано немало исследований, воспоминаний современников, подтверждающих этот позорный факт. Большевистские историографы потратили ведра чернил, чтобы обелить Ленина, объявить клеветой все свидетельства о денежных связях Ленина с Генштабом Германии, опубликованные в мировой печати. До сих пор «профессиональные патриоты» от истории предпочитают лживую идеологию истории документам истории. Поэтому я сопровождаю эту острую часть книги, непривычную для уха оруженосцев ленинократии и сталинократии, ссылками на архивные источники.

Еще в начале войны власти Германии (одновременно с прямыми подходами к правительству России) нашли пути для передачи финансовых средств большевикам-интернационалистам. Как свидетельствует «Сводка Российской контрразведки», в начале 1914 года немецкие власти открыли «банковскую контору Фюрстенберга как предприятие, поддерживающее оживленные отношения с Россией»[1]. Фюрстенберг — член ЦК РСДРП(б), доверенное лицо Ленина по финансовым делам — работал под псевдонимами Ганецкий, Борель, Гендричек, Келлер, Куба, Мариан, Николай. Являлся тайным агентом германских спецслужб.

В ходе Первой мировой войны МИД Германии 23 февраля 1915 года рассылает циркуляр, перехваченный контрразвед-

[1] РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 51. Л. 1.

кой России. В нем сказано: *«Всем послам, посланникам и консульским чинам в нейтральных странах. Доводится до Вашего сведения, что на территории страны, в которой Вы аккредитованы, основаны специальные конторы для организации дела пропаганды в государствах воюющей с Германией коалиции. Пропаганда коснется возбуждения социальных движений и связанных с последними забастовок, революционных вспышек, сепаратизма составных частей государства и гражданской войны, агитации разоружения и прекращения кровавой бойни. Предлагается Вам оказывать содействие и всемерное покровительство руководителям означенных контор. Лица эти представят Вам надлежащие документы. Бартельм»*[1].

К этому циркуляру сделано примечание, в котором упомянуты имена возможных немецких агентов, которые обратятся в посольства. Среди них и лица российского происхождения: князь Гогенлое, Эпелинг, Бьернсон, Карберг, Сукенников, Парвус, Фюрстенберг-Ганецкий, Рипке и, вероятно, Колышко[2].

Небезынтересно, что в начале мировой войны австрийские жандармы на квартире Ленина (близ Поронино) производят обыск. Обнаруживают браунинг. Ленина арестовывают. Однако 5 (18) августа военный прокурор Австрии распорядился: «Ульянов Владимир подлежит немедленному освобождению»[3]. Военный прокурор дает еще одно указание: «Приказать Ульянову Владимиру при проезде через Краков явиться к капитану Моравскому в здании командования корпусом»[4].

Итак, *приказать!* Подоплека приказа интересна — капитан Моравский работал в разведке Генштаба Австрии. Прихвостням Ленина это явно не понравилось. Ганецкий в своих воспоминаниях «исправляет» текст телеграммы. Он пишет: «Надлежит сообщить Ульянову явиться при проезде через Краков полковнику Моравскому»[5].

Наиболее известным человеком, через которого шло финансирование подрывной работы группировки Ленина, был Александр Лазаревич Парвус-Гельфанд. Свою карьеру он начал с активной деятельности в социал-демократическом движении Германии и России, одно время редактировал «Саксонскую рабочую газету», в ней печатались напористые статьи против всяческого теоретического и политического

[1] РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 52. Л. 3—4.
[2] Там же. Л. 4.
[3] Там же. Д. 38. Л. 20.
[4] Там же. Д. 38, С. 22.
[5] *Ганецкий Я. С.* Отрывки воспоминаний. М., 1933. С. 23.

ревизионизма, особенно против Бернштейна и бернштейнианства. Его острые статьи в известной мере определили взгляды молодых русских социалистов Ульянова, Потресова, Мартова и многих других. Ульянов, будучи в ссылке, просит свою мать прислать ему в Сибирь копии статей Парвуса. Мартов переводит его статьи на русский язык. Последний настолько заинтересовал эту тройку, что в 1900 году все они приехали к нему в Мюнхен. Парвус уговорил их предпринять издание газеты. Ее назвали «Искрой». Позднее Парвус подружился и с Троцким.

Потом началась пора неудач, связанная с финансовыми махинациями Парвуса. Но Парвус был изворотлив и настойчив. Будучи в Турции, он завел знакомство с неким доктором Циммером, уполномоченным германских и австро-венгерских властей по активизации антироссийской деятельности различных националистических организаций. В январе 1915 года он встретился с германским послом в Турции и практически убедил последнего, что: *«Интересы германского правительства вполне совпадают с интересами русских революционеров. Русские социал-демократы могут достичь своей цели только в результате полного уничтожения царизма. С другой стороны, Германия не может выйти победительницей из этой войны, если до этого не вызовет революцию в России. Но после нее Россия будет представлять опасность для Германии, если она не будет расчленена на ряд самостоятельных государств»*[1].

Уже в феврале 1915 года Парвусом заинтересовались высокие чиновники МИДа и министерства обороны Германии. По их просьбе он представил властям подробнейший план свержения самодержавия и расчленения России. Этот документ недавно опубликован в Мюнхене в книге Элизабет Хереш «Тайные дела Парвуса. Купленная революция». Парвус практически становится ведущим советником германского правительства по революционному движению в России, распространению пораженческих взглядов, организации саботажа и забастовок. Ленину подобные взгляды пришлись по душе. Он активизировал агитацию за поражение правительства России. В марте 1915 года Парвус получил первый миллион марок (10 млн по сегодняшнему курсу) на подрывные цели в России.

Многие видные германские и российские социалисты узнали о махинациях Парвуса. Клара Цеткин, муж у нее был российским подданным, назвала Парвуса «сутенером импе-

[1] Merchant of Revolution. London, 1966. P. 34.

риализма». Роза Люксембург, его бывшая любовница, вытолкала его за дверь. Лев Троцкий охарактеризовал его как «политического Фальстафа». Парвус ринулся к Ленину. Последний в объятия Парвуса не бросился, но и дверь не закрыл. Больше того, он дал в помощники Парвусу своего старого друга Якова Ганецкого, хотя Парвус просил себе в подручные Николая Бухарина. Началась систематическая финансовая поддержка партии. Парвус организует коммерческую компанию, которая занялась тайной торговлей с Россией. Доходы переводились на счета партии. Некоторые товары передавались Ганецкому через еще одну специально организованную фирму. Представителем фирмы Парвуса в Петрограде стал большевик Мечислав Козловский. Моисей Урицкий (будущий председатель петроградской ЧК) ведал курьерскими связями. Партнерами Парвуса по бизнесу становятся большевики Красин и Воровский. В интересах Ленина работали платные агенты Германии — русский эсер Цивин и эстонский националист Кескюла.

Парвус получает от германских властей еще 2 миллиона марок на подготовку, как было сказано, революции в России. Получив их, он готовит через партию Ленина манифестации, забастовки, чтобы и дальше раскачивать российскую лодку. Например, в январе 1916 года намечалось провести всеобщую политическую стачку. Каждому участнику полагались деньги. Стачки не получилось. Берлин на время отодвинул Парвуса от российских дел.

Но после Февральской революции Парвус снова воскрес. Он убедил германский Генеральный штаб, что единственным человеком, способным помочь осуществить намеченные планы по ликвидации Восточного фронта, является Ленин, а потому последний должен немедленно оказаться в Петрограде. В Швейцарию (Цюрих) к Ленину срочно выехал сотрудник Парвуса Георг Скларц. Но Ленин, видимо, заподозрил что-то неладное. Организацию переезда Ленина взяла на себя социал-демократическая партия Германии. Ленин и его группа переехали в Стокгольм.

Приведу список лиц, ехавших с Лениным в пломбированном вагоне: 1. Ленин (Ульянов) В. И. 2. Ленина (Крупская) Н. К. 3. Арманд И. Ф. 4. Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. 5. Радомысльская (Лилина) З. И. (с сыном Стефаном 5-и лет). 6. Поговская Б. Н. (с сыном Робертом 4-х лет). 7. Бойцов Н. (Радек К. Б.). 8. Сафаров Г. И. 9. Сафарова-Мартошкина В. С. 10. Усиевич Г. А. 11. Усиевич (Кон) Е. Ф. 12. Гребельская Ф. 13. Константинович А. Е. 14. Мирингоф Е. 15. Мирингоф М. 16. Сковно А. А. 17. Слюсарев Д. 18. Ельчанинов Б. 19. Бриллиант (Сокольников Г. Я.). 20. Харитонов М. М. 21. Розенблюм Д. С. 22. Абрамович А. Е. 23. Шейнесон. 24. Цхакая М. Г. 25. Гоберман М. Л. 26. Линде И. А. 27. Айзенхуд. 28. Сулиашвили Д. С. 29. Равич С. Н.

В список не были включены Фриц Платтен — швейцарский подданный, а также Андерс (Рубанов) и Эрих (Егоров) — майоры германского Генштаба, которые ехали тем же поездом.

По приезде всей этой группы в Россию в Берлин летит телеграмма: *«Генеральный штаб, 21 апреля 1917. В Министерство иностранных дел № 551. «Штайнвахс телеграфирует из Стокгольма 17 апреля 1917: Въезд Ленина в Россию удался. Он работает полностью по нашему желанию...»*

Парвус понял, что Ленин, отклонив его участие в переезде в Россию, перестраховывается. Надо было предложить ему какую-то новую идею, которая бы захватила его. Организуется встреча с Карлом Радеком, который представил себя уполномоченным большевиков по ведению переговоров. Последние велись в обстановке строгой секретности в течение дня 13 апреля 1917 года. Парвус от имени германского правительства предложил большевикам поддержку в борьбе за власть, Радек, сославшись на свои полномочия, принял это предложение, а Парвус срочно поехал в Берлин для консультаций. Ему выделили еще 5 миллионов марок. Деньги в кассу большевиков переправлялись через Радека, Воровского и Ганецкого. Ленин в письмах Ганецкому постоянно напоминал об этих деньгах.

Приведу некоторые документы.

«Копенгаген. 18 июня 1917 г. господину Руффегу, в Гельсингфорсе. М. Г. (Милостивый государь. — А. Я.) Настоящим уведомляю Вас, что со счета «Дисконто-Гезельшафт» списано на счет г. Ленина в Кронштадте 315.000 марок по ордеру синдиката. О получении благоволите сообщитьНиландовой, 98, Копенгаген, Торговый дом Гансен и К°. С уважением. Свенсон»[1].

«Стокгольм, 21 сентября 1917 г. Господину Рафаилу Шолану в Хапаранде. Уважаемый товарищ. Контора банкирского дома М. Варбург открыла по телеграмме председателя Рейнско-Вестфальского синдиката для предприятия товарища Троцкого. Адвокат приобрел оружие и организовал перевозку его и доставку денег до Люлео и Варда. Укажите приемщиков конторе «Эссен и сын» в Люлео... доверенное лицо для получе-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 52. Л. 4. Документ одиннадцатый из сводки российской контрразведки.

ния требуемой товар(ищем) Троцким суммы. С товарищеским приветом Я. Фюрстенберг».

«Люлео, 2-го октября 1917 г. Господину Антонову в Хапаранде. Поручение... Троцкого исполнено. Со счетов синдиката и министерства... 400.000 крон сняты и переданы Соне, которая одновременно с настоящим письмом посетит Вас (...) вручит Вам упомянутую сумму. С товарищеским приветом Я. Фюрстенберг»[1].

Естественно, что антироссийская деятельность Ленина и его соратников не могла остаться вне внимания контрразведки России. Агенты департамента полиции России, а также его наемные агенты из «Бюро Бинда и Самоена» регулярно сообщали о посещениях Лениным посольств и консульств Германии и Австрии в Швейцарии. Приведу лишь одно довольно примечательное донесение Бинда о встрече Ленина с послом Германии фон Ромбергом.

«Ульянов (настоящая фамилия Ленина). Я установил наблюдение на Spiegelgasse, 27 (улица, на которой жил Ленин-Ульянов в Цюрихе в то время), начиная с 25 декабря (1916), и проследил за ним. Утром 28 Ульянов с маленьким чемоданчиком в руках вышел из своей квартиры и сел в поезд на Берн. Мы проследовали за ним. По приезду в Берн, 10.00, он отправился прямо в отель де Франс, расположенный рядом с вокзалом, снял комнату, через полчаса вышел из отеля, направился на остановку трамвая, расположенную напротив вокзала, и поехал на другой конец города, где располагается Fosse aux Ours. Пошел пешком в сторону города, проходя под арками и время от времени оборачиваясь, затем, неожиданно выйдя из арки и не оборачиваясь, он вошел в немецкое посольство. Время 11.30. Наблюдение у входа в посольство осуществлялось до 9 часов вечера. Ульянов не был замечен выходящим. Он также не вернулся в отель де Франс ни вечером, ни на следующее утро. Слежка у посольства возобновилась 29 утром, и только к 4 часам пополудни Ульянов вышел и быстро направился в отель де Франс, где оставался около 15 минут. Затем он сел в поезд, который доставил нас в Цюрих[2].

Деньги на пропаганду, подрывную деятельность и организацию переворота шли не только из казны Германии. Они

[1] РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 52. Л. 4. (документы 14 и 15 из сводки российской контрразведки).

[2] *Zeman Z. A.* Germany and Revolution in Russia, 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. N.Y., 1958. P. 7.

систематически добывались и боевиками партии. В письме Ленина «В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете» содержится, среди других рекомендаций, и «нападение на банк для конфискации средств для восстания». Только с декабря 1905 года по июнь 1907 года на территории Грузии было совершено пять ограблений казначейств: на Коджорской дороге в пригороде Тифлиса (8 тыс. руб.); в Кутаиси (15 тыс. руб.); в Квирили (201 тыс. руб.); в Душети (315 тыс. руб.); в Тифлисе (250 тыс. руб.). Руководил этими грабежами Камо (Симон Тер-Петросян). 7 (20) марта 1906 года банда, состоящая из 20 человек, обезоружив охрану Банка купеческого общества взаимного кредита, похитила 875 тысяч рублей.

Деньги перевозились Ленину за границу. Эту работу выполняли: Литвинов — в Берлине, Равич, Богдасарян — в Мюнхене; Ходжамарян и Мастер — в Стокгольме. Бомбы разрабатывал ближайший соратник Ленина Красин.

Несмотря на то что объединительный (четвертый) съезд социал-демократов запретил грабежи от имени партии, Ленин игнорировал это решение и продолжал действовать, как и раньше.

Понятно, что, имея такие громадные суммы, большевики набирали силу. Уже до переворота 1917 года группа Ленина издавала 41 газету, из которых 27 выходили на русском языке, а 14 — на армянском, грузинском, латышском, польском, татарском и других языках народов России. ЦК купил собственную типографию.

Но случилось непредвиденное. В июле 1917 года подрывная деятельность РСДРП (большевиков) на немецкие деньги перестала быть тайной. Контрразведка Петроградского военного округа обратила внимание на махинации, связанные с деньгами. Против лидеров большевиков возбудили уголовные дела по обвинению в государственной измене. Разразился скандал. Запахло арестами и судом.

ЦК партии большевиков, будучи не в курсе ленинских махинаций, завел дело на Ганецкого, обвинив его в сотрудничестве с Парвусом, но Ленин, зная всю подноготную этих связей, вступился за своего давнего подельника, написав, что все обвинения в отношении Ганецкого основаны на слухах. Большевики потребовали от Парвуса заявить под присягой, что он не финансировал партию. Парвус отказался, но заявил, что всячески поддерживал революционное движение в России.

Как только Берлин получил информацию о перевороте в России, то уже 27 октября (9 ноября) из немецкого военного бюджета было выделено 15 млн марок для поддержки пра-

вительства большевиков. С этого момента начинается уже не спорадическая, а регулярная финансовая помощь большевикам со стороны Германии, которая к октябрю 1918 года достигла суммы в 60 млн «золотых» марок (т.е. в швейцарской валюте). Деньги были привезены в Петроград в декабре 1917 года, когда в гостинице «Европа» обосновался будущий посол Германии в России граф Мирбах.

По приезде в Москву граф Мирбах 16 мая 1918 года посещает Ленина. На утро Мирбах докладывает в Берлин, что в России создалось тяжелое положение: мощное антибольшевистское движение на флоте (крейсер «Олег»), выступление Преображенского полка в Сестрорецке, восстание в Сибири атамана Дутова, плохая организация руководства в центре и т.д. Мирбах ставит перед рейхсканцлером вопрос о неотложной значительной материальной помощи Ленину[1]. 3 июня 1918 года он конкретизирует свою просьбу: «При сильной конкуренции со стороны Антанты ежемесячно требуется 3 000 000 марок. В случае возможного в скором времени неизбежного изменения нашей политической линии следует считаться с увеличением потребности. Мирбах».

Судя по документам, особую роль в посольстве Германии играл советник Трутман. Он еще в 1916 году ведал специальным отделом в германских спецслужбах, который назывался «Стокгольм». Руководил группой агентов, занимавшихся подрывной деятельностью в России, прежде всего через большевиков и эсеров. 5 июня он пишет в Берлин: «Фонд, который мы до сих пор имели в своем распоряжении для распределения в России, весь исчерпан. Необходимо поэтому, чтобы секретарь имперского казначейства предоставил в наше распоряжение новый фонд. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, этот фонд должен быть, по крайней мере, не меньше 40 миллионов марок»[2]. Ответ был скорым. *«...Берлин, 11 июня 1918. В ответ на Ваше послание от 8 этого месяца, в котором Вы переслали мне записку A. S. 2562 относительно России, я готов одобрить представленное, без указания оснований, предложение об ассигновании 40 миллионов марок для сомнительной цели. Циммерман»*.

Нельзя исключать, что одной из причин убийства Мирбаха чекистами было стремление скрыть следы получения денег большевиками от германского правительства. Известно, что посла Мирбаха убил один из влиятельных работников

[1] *Heresch Elisabeth.* Nicolaus II. Feigheit, Lьge und Verrat. Wien, 1992. S. 356—357.

[2] *Zeman A.* Germany and the Russian Revolution. P. 70.

ВЧК, приближенный Дзержинского Блюмкин. Никакого наказания он не понес, его отправили работать на периферию. Позднее о нем вспомнили, но уже при Сталине. 30 октября 1929 года принимается решение Политбюро следующего содержания: *«а) поставить на вид ОГПУ, что оно не сумело в свое время открыть и ликвидировать изменническую антисоветскую работу Блюмкина; б) Блюмкина расстрелять»*.

Кстати, большевистские руководители очень беспокоились о том, что архивы могут многое рассказать о их прошлом. Когда в сентябре 1917 года над Петроградом нависла немецкая угроза с моря, Временное правительство решило особо важные документы, в том числе Полицейского и Жандармского управлений, перевезти в Рыбинск. И что же? В декабре 1917 года они там полностью сгорели. Их просто сожгли. После октябрьского переворота уничтожение архивных материалов приняло массовый характер. Сожжены, причем красноармейцами, архивы в Нижнем Новгороде. Сгорели архивы в Твери. В 1925 году состоялся съезд архивных работников, на котором были приведены сотни фактов уничтожения архивных документов. Большевистский вандализм дошел до того, что тысячи тонн ценнейших архивных документов были переданы в Главбумпром для переработки.

...Итак, власть захвачена. Настало время платить по долгам. Осенью 1917 года, полемизируя с Соломоном, Ленин изрек: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции...»[1] Русских он называл «швалью», «ослами», «идиотами». Как писал доктор В. Адлер, Ленин всю свою жизнь «посвятил борьбе против России»[2]. Он был для России чужой человек.

Наиболее выразительно эта позиция пренебрежения к России проявилась в отношении Ленина к двум войнам — Русско-японской и Первой мировой. Он занимал в них агрессивно пораженческие позиции. И конечно же не из-за гуманных пацифистских настроений, он был яростным сторонником революционных войн и по этой причине видел в поражениях России условие, облегчающее ему путь к гражданскому кровопролитию в целях захвата власти. Вспомним его крылатую фразу о превращении войны империалистической в гражданскую.

В январе 1913 года в письме к Горькому Ленин откровенничает: *«Война Австрии с Россией была бы очень полезна для*

[1] *Соломон Г. А.* Вблизи вождя; свет и тени. М.: Москвитянин, 1991. С. 25.

[2] РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 18.

революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие».

Советские историографы утверждали, что Ленин отражал настроения народных масс. Конечно, вступление России в войну было глупым, не лежало в русле интересов России. Но современники тех лет свидетельствуют, что патриотический подъем был очевиден во всех слоях общества. Он хорошо выражен в воззвании интеллектуальной элиты России, которое подписали более 300 человек. В нем резкой критике подверглась шовинистическая политика Германии, развязавшей войну по поводу, не соразмерному кровавой брани народов. Среди других письмо подписали Бунин, Горький, Серафимович, Скиталец (Петров), М. Чехов, Успенский, Струве, А. Васнецов, В. Васнецов, Коненков, Коровин, Пастернак, Шаляпин, Нежданова, Ермолова, Вахтангов, Качалов, Станиславский, Вл. Немирович-Данченко, Москвин, Южин (Сумбатов), Яблочкина, Пашенная, Остужев, Садовская, Таиров, Ипполитов-Иванов...[1] Ленин назвал это воззвание «шовинистско-поповским протестом против немецкого варварства». Это и понятно.

В конкретных условиях того времени позиция Ленина по заключению Брестского мира была гнусным предательством. К слову сказать, большинство приближенных к Ленину были на разных этапах против заключения этого договора. Перечислим их имена: Троцкий, Бухарин, Дзержинский, Рыков, Радек, Бубнов, Ломов, Крестинский, Преображенский, Косиор, Осинский, Стуков, Ногин, Спундэ, Фенигштейн, Урицкий, Иоффе, Пятаков, Яковлева, Рязанов, Штейнберг, Спиридонова, Смирнов, Бронский, Прошьян, Покровский, Трутовский, Милютин, Теодорович, Комков и другие деятели. Против договора было большинство левых эсеров, входивших в состав ВЦИК.

Ленин в обход Совнаркома, но от имени Совнаркома, 21 (8) ноября посылает Главнокомандующему Духонину телеграмму, приказывающую начать переговоры с командованием Австро-Германских войск. Немцы этого ждали и согласились на переговоры. На Запад с Востока покатили эшелоны с немецкими войсками. Самозваное правительство Ленина предало союзников по войне. Но раскол в руководстве его тоже беспокоил. Поэтому 11 (24) января Ленин собирает расширенное заседание ЦК РСДРП(б) и выступает с тезисами о необходимости немедленного заключения мира.

[1] Русское слово. 1914, № 223.

Проголосовали. И только менее четверти участников собрания поддержали эти тезисы, 32 человека — позицию «левых коммунистов», выступавших за продолжение войны, 16 — позицию Троцкого: ни войны, ни мира. Но Ленина ничем не прошибешь. Он собирает собрание за собранием, но успеха не добивается. Тогда снова в обход Совнаркома, и снова от имени Совнаркома посылает 19 февраля немцам радиограмму: «...Совет народных комиссаров видит себя вынужденным подписать условия мира, предложенные в Брест-Литовске делегатами Четверного Союза».

Меня лично не удивляет, что Ленин пошел на прямое мошенничество. Во-первых, как я сказал выше, надо было платить своим хозяевам, во-вторых, Ленин был по характеру мошенник и авантюрист. Ему ничего не стоило предать любого — друга, союзника, партию, страну, лишь бы добиться своих целей, пронизанных шизофреническими идеями.

Немецкая сторона в ответ на послушание ужесточает условия. И вновь 23 февраля заседание ЦК партии. Противников мирного договора не убавилось. Острота ситуации достигла предела, когда группа членов ЦК — Бубнов, Бухарин, Ломов, Пятаков, Яковлева и Урицкий заявили, что они, протестуя против заключения договора, уходят со всех ответственных партийных и советских постов. Тогда Ленин в 3 часа ночи 24 февраля созывает заседание ВЦИК, на котором протаскивает резолюцию о принятии немецких кабальных условий. Почему так произошло? Во-первых, кворума на этом заседании не было. Во-вторых, момент голосования был выбран таким образом, когда «левые коммунисты» — противники договора заседали в другом помещении по своим делам. В-третьих, заседание проходило второпях, сумбурно и закончилось через полтора часа после его начала. Сама дискуссия была смята, многие члены ВЦИК, судя по воспоминаниям, так и не поняли, за что голосовали. Надо отдать должное упорству Ленина. Но, увы, упорству в интересах Германии, а не России.

А что же немцы? Они торжествовали. Приведу слова из интервью генерала Гофмана, ведшего переговоры о Брестском мире:

«Во время войны Генеральный штаб, конечно, пользовался всевозможными средствами, чтобы прорвать русский фронт. Одной из этих мер, назовем это удушливым газом или иначе, и был Ленин. Императорское германское правительство пропустило Ленина в пломбированном вагоне с определенной целью. С нашего согласия Ленин и его друзья разложили рус-

скую армию. Статс-секретарь Кульман, граф Чернин и я заключили с ними Брестский договор главным образом для того, чтобы можно было перебросить наши армии на Западный фронт... Мы были убеждены, что они не продержатся у власти более 2—3 недель. Верьте моему честному слову, слову генерала германской службы, что, невзирая на то, что Ленин и Троцкий в свое время оказали нам неоценимую услугу, буде мы знали или предвидели бы последствия, которые принесет человечеству наше содействие по отправке их в Россию, мы никогда, ни под каким видом не вошли бы с ними ни в какие соглашения...»[1]

Конечно, генерал хитрит. Пошли бы на соглашение в любом случае. Это диктовалось реальной обстановкой на фронтах, да и деньги за сепаратную сделку были уже заплачены. Хотя Гофман признает, что, заключая мир с большевиками, «мы помогли им удержать власть»[2].

Генерал Людендорф: «Наше правительство поступило в военном отношении правильно, если оно поддержало Ленина деньгами»[3]. Позднее он же писал: «Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения, его проезд в Россию через Германию имел свое оправдание. Россия должна была пасть»[4].

Генерал-фельдмаршал Гинденбург: «Нечего и говорить, что переговоры с русским правительством террора очень мало соответствовали моим политическим убеждениям. Но мы были вынуждены прежде всего заключить договор с существующими властями Великороссии. Впрочем... я лично не верил в длительное господство террора»[5].

Среди других меня больше всего привлекают слова Черчилля — точные и язвительные. Он писал, что «немцы испытывали благоговейный трепет, когда обратили против России самый ужасный вид оружия. Они завезли Ленина из Швейцарии в Россию, как бациллы чумы, в закрытом вагоне»[6].

Лидер немецких социал-демократов Бернштейн свидетельствует: «Ленин и его товарищи получили от правительства кайзера огромные суммы на ведение своей разрушительной агитации. Я об этом узнал еще в декабре 1917 года. Через одного моего приятеля я запросил об этом одно лицо, которое, благодаря тому посту, которое оно занимало, должно было быть осведомлено, верно ли это? Я получил утвердительный ответ. Но я тогда не мог узнать, как велики были эти суммы денег и кто был или кто были посредником или посредниками (между правительством кайзера и Лениным). Теперь я из абсолютно достоверных источников выяснил, что речь шла об очень большой сумме, несомненно больше *пятидесяти миллионов марок* , о такой громадной сумме, что у Ленина и его товарищей не могло быть никакого сомнения насчет того, из каких источников эти деньги шли. Одним из результатов этого был Брест-Литовский договор, Генерал Гофман, который там вел переговоры с Троцким и другими членами большевистской делегации о мире, в двойном смысле держал большевиков в своих руках, и он это сильно давал им чувствовать»[1].

Через неделю Бернштейн опубликовал еще одну статью. Он сделал большевикам и немецким коммунистам очень интересное предложение — привлечь его к германскому суду или же суду Социалистического Интернационала, если они считают, что он в своей статье оклеветал Ленина[2].

3 марта 1918 года в 5 часов 30 минут в Брест-Литовске был подписан сепаратный мир с Германией, наиболее ярко отразивший предательство Лениным интересов России. Но как ни нагл и самоуверен был Ленин, ему все же пришлось выкручиваться, оправдываться. Увиливая от обвинений в антипатриотизме, Ленин объявляет патриотизм предательством, буржуазным предрассудком. На собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 года Ленин признал, что «наша революция боролась с патриотизмом. Нам пришлось в эпоху Брестского мира идти против патриотизма. Мы говорили: если ты социалист, так ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции». «Пролетариат, — говорил Ленин, — не может любить того, чего у него нет. У пролетариата нет отечества!»

Вот так и появилась власть, открывшая эпоху массового террора в России. Не успели высохнуть чернила на декрете о провозглашении новой власти, как Дзержинский заявил, что большевики призваны историей направлять и руководить *ненавистью и местью.* На другой день, 10 ноября, состоялось заседание Петроградского военно-революционного

[1] Руль. 1920. 20 декабря.
[2] *Гофман Макс.* Записки и дневники. 1914—18. Л., 1929. С. 114.
[3] Руль. 1921. 3 (18) марта.
[4] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. 2. М., 1924. С. 89.
[5] Воспоминания Гинденбурга. М., 1922. С. 57.
[6] *Churchill W.* The World Crisis. London, 1929. P. 23.

[1] Forverts, Berlin, 1921, Yan. 14.
[2] Ibid. Yan. 20.

комитета, где было решено «вести более энергичную, более активную борьбу против врагов народа». Обратите внимание: «врагов народа».

Итак, в первые же три дня контрреволюции были провозглашены три стратегические программы власти: программа «Ненависть», программа «Месть», программа «Враги народа». Прошел всего месяц после переворота, и 11 декабря правительство придало понятию «враг народа» официальный статус. *«В полном осознании огромной ответственности, которая ложится сейчас на Советскую власть за судьбу народа и революции, Совет Народных Комиссаров объявляет кадетскую партию... партией врагов народа».* Декрет был подписан Лениным.

20 декабря 1917 года Совнарком создает карательно-террористическую организацию — ВЧК (Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию). Ей были приданы прежде всего политические функции. Роман Гуль отмечал: «...Дзержинский занес над Россией «революционный меч». По невероятности числа погибших от коммунистического террора «октябрьский Фукье-Тенвиль» превзошел и якобинцев, и испанскую инквизицию, и терроры всех реакций. Связав с именем Дзержинского страшное лихолетие своей истории, Россия надолго облилась кровью».

В августе 1918 года Дзержинский обращается к «рабочему классу». В нем сказано: *«Пусть рабочий класс раздавит массовым террором гидру контрреволюции!.. Пусть враги рабочего класса знают, что каждый, кто осмелится на малейшую пропаганду против Советской власти, будет немедленно арестован и заключен в концентрационный лагерь!»* Вслед за обращением Дзержинского последовала телеграмма в местные органы ЧК его заместителя Петровского. В этой телеграмме он пишет, что, несмотря на все указания, настоящего массового террора не организовано. Он предлагает всех подозрительных, всех, хоть в чем-то замешанных, арестовывать и расстреливать. И далее: *«Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора».*

Если Робеспьер объявлял террор добродетелью, то большевики — «социалистическим гуманизмом». В сентябре 1918 года Г. Зиновьев писал: *«Чтобы успешно бороться с нашими врагами, мы должны иметь собственный социалистический гуманизм. Мы должны завоевать на нашу сторону 90 из 100 миллионов жителей России под Советской властью. Что же касается остальных, нам нечего им сказать, они должны быть уничтожены».* Итак, социалистический гуманизм — уничтожить десять миллионов человек из ста — каждого де-

сятого. На III Всероссийском съезде Советов (10—18 января 1918 г.) известный матрос Железняков заявил, что *«Большевики готовы расстрелять не только 10.000, но и миллион народа, чтобы сокрушить всякую оппозицию».* Таким образом была определена стратегическая линия, которую потом продолжил Сталин убийством десятков миллионов граждан Советского Союза. Зиновьев и другие «гуманисты» тоже были расстреляны.

В январе 1918 года, всего через два месяца после контрреволюционного переворота, в статье «Как организовать соревнование?» Ленин пишет, что существуют «тысячи форм и способов» внедрения «заповедей социализма»: одним из них он называет «*расстрел на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве».* Роковая формула — *«один из десяти».* Потом она полюбилась и Гитлеру, когда эсэсовцы во время Отечественной войны расстреливали мирных граждан Советского Союза — каждого десятого. Все похоже в действиях нелюдей.

После убийства 21 июня 1918 года Володарского (председателя Петроградской ЧК) Ленин пишет Зиновьеву: *«Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя... тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора...»*

Ленинская *«массовидность террора»* действительно вылилась в массовую практику. В ответ на убийство Урицкого (тоже председателя Петроградской ЧК) было расстреляно 500 заложников — ни в чем не повинных людей.

9 августа 1918 года Ленин рассылает телеграммы — одна чудовищнее другой. Г. Федорову — в Нижний Новгород: *«Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор».* Евгении Бош — в Пензу: *«...Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города».*

На другой день в ту же Пензу: *«Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде «последний решительный бой» с кулачьем. Образец надо иметь. 1. Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. 2. Опуб-*

ликовать их имена. 3. Отнять у них весь хлеб. 4. Назначить заложников — согласно вчерашней телеграммы. Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал... Телеграфируйте получение и исполнение. Ваш Ленин». Исполкому — Ливны: *«Необходимо... конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков...»* От Пайкеса, уполномоченного Наркомпрода в Саратове, Ленин требует *«назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».* О борьбе с Юденичем. *«...Покончить с Юденичем ...Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича».*

И вешали, и расстреливали, и сжигали...

Ленин бредил террором. «Т. Крестинскому. Я предлагаю тотчас образовать (для начала можно тайно) комиссию для выработки экстренных мер (в духе Ларина. Ларин прав. Скажем, Вы + Ларин + Владимир (Дзержинский) + Рыков? Тайно подготовить террор: необходимо и срочно. Ленин».

5 сентября 1918 года правительство легализовало террор, издав знаменитый декрет «О красном терроре». В постановлении говорилось: «Заслушав доклад председателя ЧК по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, ЧК находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности ВЧК и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежникам».

Террор вышел на новый виток.

Как сообщает газета «Северная коммуна» (1918 год, №№ 98, 99, 100, 101), только в сентябре 1918 года и только в Питере под руководством Дзержинского были взяты заложниками и расстреляны 949 человек. Первая группа заложников из 512 человек была расстреляна в начале сентября. Вторая группа из 437 человек расстреляна несколько позднее. Приведу ее социальный состав: министры — 2 человека, адмиралы — 1, генералы — 21, полковники — 22, офицеры — 320, офицеры флота — 18, купцы — 18, банкиры — 3, инженеры — 7, студенты — 3, женщины — 2, члены разных партий — 15, великие князья Романовы — 4, рядовые солдаты — 1 человек.

В 1918 году и за 7 месяцев 1919 года было расстреляно 8389 человек. Из них: Петроградской ЧК — 1206; Московской — 234; Киевской — 825; ВЧК — 781 человек; в концлагерях содержалось 9496 человек, в тюрьмах — 34 334; в заложниках — 13 111 человек; арестовано за указанный период 86 893 человека.

В Екатеринограде в городской тюрьме с августа 1920 года по февраль 1921 года было расстреляно около 3000 человек. За 11 месяцев в Одесской чрезвычайке уничтожили «от 15 до 25 тысяч человек, в газетах опубликованы имена почти семи тысяч расстрелянных с февраля 1920 по январь 1921 года. В Одессе находятся еще 80 тысяч в местах заключения». В сентябре 1920 года в Смоленске подавляют восстание военного гарнизона, в ходе которого было расстреляно 1200 солдат. В «Севастопольских Известиях» печатают список первых жертв террора, казнено 1634 человека, в том числе 78 женщин. Сообщается, что «Нахимовский проспект увешан трупами офицеров, солдат и гражданских лиц, арестованных на улице и тут же, наспех, казненных без суда». В Севастополе и Балаклаве ЧК расстреляла до 29 тысяч человек. По свидетельству Максимилиана Волошина, за первую зиму террора (1920) в Крыму было расстреляно 96 тысяч человек.

20 апреля 1921 года Политбюро принимает решение «О создании дисциплинарной колонии на 10—20 000 человек по возможности на дальнем севере в районе Ухты, в большой отдаленности от населенных пунктов». Страна покрывалась сетью концлагерей. Только в Орловской губернии в 20-х годах насчитывалось 5 концлагерей. Через них прошли сотни российских граждан. В одном лишь лагере № 1 за 4 месяца 1919 года побывало 32 683 человека. Число концлагерей непрерывно росло. Если в ноябре 1919 года их было всего 21, то в ноябре 1920-го — уже 84.

Изучавшим «Историю КПСС» известны разные мифы о ленинском плане строительства социализма, в частности о его «политическом завещании», каким считалось «Письмо к съезду» (там, где он предлагал снять Сталина с поста генсека партии). Практически его завещание было совсем другим. «*Величайшая ошибка думать*, — писал Ленин Каменеву, — *что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и террору экономическому».* Коллективизация, индустриализация, рабский труд политзаключенных — наиболее яркие примеры воплощения этого ленинского завета в жизнь.

Во время работы над уголовным кодексом РСФСР Ленин пишет Курскому, народному комиссару юстиции: *«Т. Курский! По-моему, надо расширить применение расстрела... ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п.»*. Вскоре новое письмо: *«Т. Курский!.. Открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы»*.

Ленинские инструкции получали не только чекисты, но и суды: *«За публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды»*, — заявил Ленин в марте 1922 года в речи на XI съезде РКП (б). В первом советском Уголовном кодексе 1922 года появилась «знаменитая» 58-я статья, каравшая высшей мерой наказания за политические «деяния».

Секретный циркуляр ОГПУ от февраля 1923 года подробно перечисляет части общества, из которых надо черпать людей, обреченных на физическое истребление:

«Политические партии и организации:

1) Все бывшие члены дореволюционных политических партий; 2) Все бывшие члены монархических союзов и организаций; 3) Все бывшие члены Союза независимых земледельцев, а равно члены Союза независимых хлеборобов в период Центральной Рады на Украине; 4) Все бывшие представители старой аристократии и дворянства; 5) Все бывшие члены молодежных организаций (бойскауты и другие); 6) Все националисты любых оттенков.

Сотрудники царских учреждений:

1) Все сотрудники бывшего Министерства внутренних дел; все сотрудники охранки, полиции и жандармерии, все секретные агенты охранки и полиции, все чины пограничной стражи и т. д.; 2) Все сотрудники бывшего Министерства юстиции: все члены окружных судов, судьи, прокуроры всех рангов, мировые судьи, судебные следователи, судебные исполнители, главы сельских судов и т. д.; 3) Все без исключения офицеры и унтер-офицеры царских армий и флота.

Тайные враги советского режима:

1) Все офицеры, унтер-офицеры и рядовые Белой армии, иррегулярных белогвардейских формирований, петлюровских соединений, различных повстанческих подразделений и банд, активно боровшиеся с Советской властью. Лица, амнистированные советскими властями, не являются исключением; 2) Все гражданские сотрудники центральных и местных органов и ведомств Белогвардейских правительств, армии Центральной Рады, Гетмановской администрации и т. д.; 3) Все религиозные деятели: епископы, священники православной и католической церкви, раввины, дьяконы, монахи, хормейстеры, церковные старосты и т. д.; 4) Все бывшие купцы, владельцы магазинов и лавок, а также «нэпманы»; 5) Все бывшие землевладельцы, крупные арендаторы, богатые крестьяне, использовавшие в прошлом наемную силу. Все бывшие владельцы промышленных предприятий и мастерских; 6) Все лица, чьи близкие родственники находятся на нелегальном положении или продолжают вооруженное сопротивление советскому режиму в рядах антисоветских банд; 7) Все иностранцы независимо от национальности; 8) Все лица, имеющие родственников и знакомых за границей; 9) Все члены религиозных сект и общин (особенно баптисты); 10) Все ученые и специалисты старой школы, особенно те, чья политическая ориентация не выяснена до сего дня; 11) Все лица, ранее подозреваемые или осужденные за контрабанду, шпионаж и т. д.».

Именно эти документы и надо считать реальным завещанием Ленина.

Он учился на адвоката, но не мог им стать в силу абсолютной атрофии толерантности. Пошел в революцию, зная, что там все дозволено. У него не было друзей, он воевал со всеми и всегда, постоянно был недоволен и царем, и Плехановым, и «иудушкой» Троцким, и грубияном Сталиным, буржуазией и крестьянством, интеллигенцией и рабочими. Он постоянно искал «врагов». Раскол, неважно с кем, был главным занятием Ленина. Он все время кого-то разоблачал, оскорблял, третировал, убирая тех, кто был умнее его, талантливее, порядочнее. «Иной мерзавец может быть для нас тем и полезен, что он мерзавец», — говорил «вождь». В политическом плане современники называли его «монументальным оппортунистом», «профессиональным эксплуататором отсталости русского рабочего движения».

Его близкий в молодые годы товарищ, может быть, единственный, Юлий Мартов еще в 1911 году окончательно порвал с Лениным, увидев в большевизме возрождение «нечаевщины» — тотального революционного терроризма. Но борьба против этого очевидного факта была беспомощной, рассчитанной на умиротворение Ленина, а не на выдворение будущего организатора террора из партийной верхушки.

Откуда же все это? Естественно, не от социальной среды, которая якобы творит человека. Среда-то у него была нор-

мальная, сытая, безбедная. Значит, явные нелады с психикой. Как и у Троцкого, Сталина, Гитлера.

Кто же был всего ближе к Ленину по злодеяниям?

Прежде всего, Лев Троцкий (Бронштейн) — наиболее значимый после Ленина октябрьский контрреволюционер. Активный участник смуты 1905 года. В 1907 году был арестован, осужден, бежал за границу. Террор считал главным средством «перманентной революции». С марта 1918 года — председатель Реввоенсовета, создатель Красной Армии. «Нельзя строить армию без репрессий... Не имея в арсенале командования смертной казни...» Считал, что «гражданская война... немыслима... без убийства стариков, старух и детей». Оратор-демагог. На толпу действовал магически. Командуя Красной Армией, расстреливал каждого десятого солдата по самым незначительным поводам. В 1919 году по его инициативе появился ленинский декрет, по которому арестовывались жены и дети офицеров, не желавших служить новому режиму. Ульянов-Ленин разделял идеи Троцкого — они учились друг у друга. Но главное, что их объединяло, это ненависть к России и абсолютное отсутствие морали. Троцкого называли «летучим голландцем» мировой революции. Ему было неважно, где, когда и с кем затевать смуту. Как и Ленин, он ничего не мог созидать. С присущим ему апломбом он утверждал, что русская классическая дворянская культура ничего не внесла в сокровищницу человечества. Это кто же? Пушкин, Гоголь, Толстой? Может быть, Мусоргский, Чайковский? Или, как говорил Ленин, «архискверный Достоевский»?

Григорий Зиновьев (Овсей-Гершен Радомысльский) — один из любимцев Ленина, председатель Петросовета, глава Коминтерна. Большевик с 1903 года. Учился в Бернском университете в Швейцарии. Вел революционную пропаганду на юге России, был редактором большевистских газет «Вперед», «Социал-демократ». Плодовитый литератор, оратор-болтун, соперник Троцкого, союзник Сталина в борьбе с «вождем Красной Армии». Один из главных грабителей России: расшвыривал фантастические богатства, награбленные большевиками, «на нужды мировой революции». Не забывал и себя. «Мы постараемся направить костлявую руку голода против истинных врагов трудящихся и голодного народа, — писал Зиновьев. — Мы даем рабочим селедку и оставляем буржуазии селедочный хвостик». И довел уже в 1918 году норму хлеба для интеллигенции до «восьмушки». Ерничал: «Мы сделали это для того, чтобы они [буржуи] не забыли запаха хлеба».

В 1918 году Ленин всю власть в деревне отдал комбедам — комитетам бедноты. Эсеры, которые еще входили в состав ленинского правительства и в Советы, резко выступили против произвола люмпен-погромщиков. Зиновьев, как всегда, «пламенно» возражал: «Не плакаться надо, что в деревню, наконец, пришла классовая борьба, а радоваться, что деревня начинает, наконец, дышать воздухом гражданской войны».

Феликс Дзержинский — практический организатор «красного террора». Несмотря на заслуги перед партией — шесть арестов, три побега из ссылки, 11 лет неволи, фанатизм в работе, — спал в кабинете за ширмой, Ленин не пустил Дзержинского в Политбюро. Держал на политических задворках. Но, зная характер Железного Феликса, поставил его на пост главного карателя как «пролетарского якобинца». Рассуждения о том, что «чекистом может быть человек с чистыми руками, холодной головой и горячим сердцем», — ложь. «Сам Дзержинский не был никогда расслабленно-человечен», — заметил его преемник Менжинский. Первыми, кого казнил Дзержинский без суда и следствия, были бывшие царские министры. Дзержинский издавал свой «теоретический» журнал «Красный террор». М. Лацис писал в этом журнале: «Не ищите на следствии доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора».

Чекисты любили печатать списки расстрелянных. Всего за несколько месяцев «красного террора» в 1918 году казнили более 50 000 человек, о чем и похвастались в газетах. До сих пор работники спецслужб гордо называют себя чекистами, нисколько при этом не стесняясь и как бы запамятовав, что чекизм появился в качестве орудия террора. 7 сентября 2004 года народ России искренне и глубоко горевал об убитых террористами детях в Осетии. Земля была мокрая от слез. И в тот же день телевидение показало возведение памятника Дзержинскому в г. Дзержинске. Как это позорно, как это кощунственно ставить памятник второму по рангу после Ленина террористу в России, убившему сотни тысяч людей, таких же невинных, как и дети Беслана.

ВЧК фактически властвовала. Трудно было разобраться, кто главнее: партийные организации или чекистские. Последние выпускали свои газеты, журналы, то есть пропагандист-

ские рупоры убийств, карательных экспедиций, расстрелов, повешений, всякого рода измывательств над людьми. Многие исследователи, да и не только исследователи, но и современники тех событий в своих мемуарах подтверждают, что ВЧК, особенно на местах, буквально кишела криминальным элементом — убийцами, ворами, палачами, готовыми на все.

В конце 1918 года в правящей верхушке возникла дискуссия вокруг деятельности ВЧК. 25 декабря 1918 года ЦК РКП(б) обсудил новое положение о ВЧК. Инициаторами были Бухарин и ветераны партии Ольминский и Петровский. Они критиковали «полновластие организации, ставящей себя не только выше Советов, но и выше самой партии». Требовали принять меры, чтобы «ограничить произвол организации, напичканной преступниками, садистами и разложившимися элементами люмпен-пролетариата». Создали специальную комиссию. Туда вошел и Каменев, тоже сторонник ограничения функций ВЧК. Он предложил упразднить эту организацию. Однако за ВЧК вступились Свердлов, Сталин, Троцкий. И, само собой, Ленин. ЦК партии постановил: в советской партийной печати не может быть «злостной критики» в отношении государственных учреждений, в том числе и ВЧК.

В бурные дни августа 1991 года (во время антигосударственного мятежа большевиков) я выступал на митингах, в том числе и на Лубянке. Психологически это были необыкновенные дни. Толпа на Лубянке была огромная. Что бы я ни сказал, толпа ревела, гремела аплодисментами. Кожей ощутил, что наступает критическая минута. Задай я только вопрос, вроде того, а почему, мол, друзья мои, никто не аплодирует в здании за моей спиной и, мол, любопытно, что они там делают, — случилось бы непоправимое. Позднее стало известно, что они жгли там документы. Я понял, что взвинченных и готовых к любому действию людей надо уводить с площади, и как можно скорее. Быстро спустился вниз и пошел в сторону Манежной площади.

Меня подняли на руки, я барахтался — наверное, до этого только мать держала меня на руках, да еще медицинские сестры в госпитале во время войны, — и так несли до поворота на Тверскую улицу. Милиция была в растерянности, увидев массу людей, заполнившую улицу. Меня проводили до здания Моссовета. До сих пор уверен, что, не уведи я людей с площади именно в тот момент, трагедия была бы неминуема. Толпа ринулась бы громить здание КГБ.

Но о Лубянке все равно вспомнили. Вечером того же дня начали сносить памятник Дзержинскому. Истукан стоял крепко, его падение могло покалечить людей. Тогдашний мэр

Москвы Гавриил Попов поручил своему заму Сергею Станкевичу исполнить это технически грамотно, что и было сделано. Думаю, именно за это Станкевич потом и поплатился, когда его начали травить. Наиболее тупоголовые большевики и в наши дни требуют восстановить памятник Дзержинскому, надеясь вернуть себе власть по кусочкам.

Вернемся, однако, к «вождям».

Николай Бухарин. Писано о нем много. Опубликовал «Злые заметки», облив грязью гениального Есенина. Ладно. О вкусах не спорят. Но как понять следующее? Цитирую: «Не забудем, сколько безымянных героев нашей чека погибло в боях с врагами, не забудем, сколько из тех, кто остался в живых, представляют развалину с расстроенными нервами, а иногда и совсем больных. Ибо работа была настолько мучительна, она требовала такого гигантского напряжения, она была такой адской работой, что требовала поистине железного характера». Видимо, Бухарин замаливал старый грех, когда требовал приструнить ВЧК. А работа карателей действительно была адской. В прямом, а не в переносном смысле. Расстреливали обычно пятерками. Людей раздевали догола. Стреляли в затылок. Убивать требовалось одним выстрелом. И так каждую ночь... Кого же убивали? Да все ту же «буржуазию»: офицеров, их жен, детей, купцов, головастых и рукастых мужиков, профессионалов, врачей, инженеров, юристов. В 1928 году Бухарин признает: «Здесь, у нас, где мы абсолютные хозяева, мы совершенно никого не боимся. Страна, изнуренная войнами, болезнями, смертью, голодом /это средство опасное, но роскошное/ не производит ни малейшего шума, находясь под постоянной угрозой со стороны ЧК и армии... Часто мы сами удивляемся своему терпению, ставшему столь знаменитым... Не существует, можно быть уверенным, во всей России и одного дома, где бы мы ни убили так или иначе отца, мать, брата, дочь, сына, какого-нибудь близкого родственника или друга. Ну что ж! Феликс /Дзержинский/ потому и разгуливает по Москве спокойно и без всякой охраны, даже ночью... Когда мы запрещаем ему такие прогулки, он ограничивается пренебрежительным смехом, говоря: «Что? Они никогда не посмеют, псякрев», и он прав. Они не смеют. Какая удивительная страна!» (Les de Poncins. Les forces sekrétes de la révolution. Paris, 1928, p. 195—196)

Бухарин прослыл «теоретиком». Сталин играл с ним в «кошки-мышки». То приближал, то отдалял. У него была феноменальная память. Он не забыл, как Бухарин в свое время бегал к Каменеву и говорил, что Сталин — беспринципный

интриган, что его ничего не интересует, кроме сохранения власти. Каменев записал патетику Бухарина и отдал текст «молодым троцкистам», которые растиражировали его слова в виде подпольной листовки. Поздно, очень поздно дошло до Бухарина, что Сталин ничего и никому не прощает. А поняв, он подленько написал Ворошилову, что Каменев — «циник-убийца», а тому, что «расстреляли собак, он страшно рад». Когда Бухарина арестовали, Сталин долго держал его на Лубянке. Знал, что будет лизать сапоги. Так и было: Бухарин писал о Сталине стихи и поэмы, посылал покаянные письма, полные лести и подобострастия.

Михаил Тухачевский. Подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка. Попал в германский плен, где познакомился с французским капитаном, которого звали Шарль де Голль. Мечтал о завоевании мира, о революционных походах в Европу, Азию и в другие части света. Любимец Ленина, получил прозвище Красный Бонапарт. Гордился этим. Выслужился Тухачевский быстро. Взял мятежный Кронштадт. Вскоре появился в Тамбове, где полыхало народное восстание. В обоих случаях был инициатором применения удушливых газов против повстанцев и гражданского населения. Предлагал создать при Коминтерне Генеральный штаб мировой революции. Он даже выпустил книжонку «Война классов», в которой призывал начать мировую гражданскую войну, завоевать мир и строить всемирную республику Советов. Ленину и Троцкому это очень нравилось.

2

Страшен был Сталин, «царь царей», хозяин красной империи. На пути к всемирному владычеству — вечной мечте всех тиранов — перебил он великое множество всякого люда, но особенно соратников Ленина. Практически вся «ленинская гвардия», все борцы с «кровавым» царским режимом, ездившие за границу, как на дачу, убегавшие из ссылок, как школьники с уроков, были под корень вырублены Сталиным. Бил он их люто. Сталин добил и Россию.

Говорят, что Джугашвили-Сталин хотел рассказать «правду о Ленине», его сделках с германским Генштабом, о Брестском мире, когда добровольно отдали такой незаглотный кусок страны, который по территории превосходил саму Германию, о махинациях с золотом и бриллиантами, об ограблении России, особенно православной церкви, об истинной болезни вождя, да не успел. Он, конечно, знал документальные данные на этот счет. Стар стал, глазомер

испортился, хотя очень хотел установить, точнее, воссоздать монархию, но теперь уже красную. Прибрали «отца народов» — то ли Бог, которому он на старости лет, как в семинарском детстве, снова стал молиться, то ли соратники. Скорее, соратники.

В сущности, Сталин был самым последовательным троцкистом. Он прихлопнул НЭП, уничтожил трудовое, то есть кулацкое, крестьянство, организовал колхозы, сделав их «внутренней колонией» режима, начал проводить варварскую индустриализацию, создал «трудовую армию» под названием советский народ, страну-казарму с гигантским карцером по имени ГУЛАГ, а хлестаковщину и ложь сделал альфой и омегой советской пропаганды, да и всей политики. Ложью заправляют лично вожди.

7 ноября 1918 года, в первую годовщину октябрьского переворота, Сталин писал в «Правде»: *«Дни работы по практической организации восстания проходили под непосредственным руководством т. Троцкого».*

А когда получил сообщение об убийстве Троцкого, совершенного по его указанию, опубликовал 24 августа 1940 года статью «Смерть международного шпиона» в той же «Правде». Заканчивалась статья так: *«Его убили его же сторонники. С ним покончили те самые террористы, которых он учил убийству из-за угла. Троцкий, организовавший злодейские убийства Кирова, Куйбышева, М. Горького, стал жертвой своих же собственных интриг, предательств, измен, злодеяний. Так бесславно кончил свою жизнь этот презренный человек, сойдя в могилу с печатью международного шпиона и убийцы на челе».*

В 1961 году убийце Троцкого, а им был советский агент, была вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза. Это случилось в тот самый год, когда Сталина вынесли из Мавзолея. Уже при Хрущеве. Баланс по-большевистски.

Говоря о начале фашизации страны, необходимо проследить, как от партии отделялся аппарат, как шла его селекция, чтобы он постепенно, слившись с карательными службами, стал локомотивом социалистической реакции. Сталин понимал, что для установления личной диктатуры ему нужен новый аппарат, построенный по военному принципу, послушный и дисциплинированный.

«В составе нашей партии, — указывал он, — *если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей.*

Это — наше партийное офицерство. Дальше идут 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство».

Мечта о всеобщей военизации партии настолько глубоко въелась в сознание ее руководителей, что даже после смерти Сталина партийному аппарату присваивались военные звания, причем достаточно высокие. Я помню одну из этих операций, сильно взволновавшую партийных чиновников. Где-то в 1968 году мне тоже предлагали присвоить звание полковника, но я отказался, заявив, что звание старшего лейтенанта мне присвоено на фронте, а это полностью удовлетворяет мои военные амбиции.

Надо сказать, что Сталин после смерти Ленина оказался в нелегком положении. Авторитет нулевой. Сильная оппозиция. Ленин, кроме туманных пророчеств о построении первого в мире социалистического государства, да еще опыта массового террора, оставил пустую казну, дезорганизованную армию, разграбленную и распятую страну с темным, деклассированным населением, поскольку в годы переворотов и гражданской войны школьное обучение почти прекратилось. Что еще? Разрушенную до основания промышленность. Мертвые фабричные трубы, проржавевшие, оледенелые паровозы, полузатонувшие корабли, легионы бродяг в лохмотьях, уголовный террор, особенно государственный.

И только ЧК — ОГПУ как главная опора режима, делившая власть с партией, еще сохраняла рабочую форму, вдохновенно выполняя завет Ленина о перманентном государственном терроре и его массовидности. Государство превратилось в неизвестно куда идущий корабль, котлы которого способны были работать только от постоянно бросаемых в топку человеческих жизней и судеб — тысяч, миллионов. Кочегары через какое-то время и сами превращались в топливо для корабля.

Сталин сумел найти пути не только для укрепления и развития тоталитарного государства, но и перехода его в режим личной и абсолютной диктатуры. Началось сколачивание новой бюрократической элиты. Если в 1924 году в картотеке ЦК числилось около 3500 должностей, замещаемых через аппарат ЦК, и около 1500 должностей, замещаемых ведомствами с уведомлением Учетно-распределительного отдела ЦК, то всего через год только партийных должностей стало 25 000. Одновременно Сталин взял под партийную крышу государственную и хозяйственную номенклатуру.

Казалось, номенклатурное чиновничество начало устраиваться совсем недурственно. Думало, что навечно. Оно просто не догадывалось о действительных замыслах своего пахана. Вознесенная системой привилегий на уровень, немыслимый для народа, имея над этим народом фактически неограниченную власть, новая элита после первых же репрессий начала понимать временность и ничтожность своего собственного положения. Ибо в любой момент каждый — от секретаря захолустного райкома до члена Политбюро, министра или маршала, мог быть застрелен прямо в кабинете, забит сапогами в подвалах НКВД или превращен в «петуха» на каком-нибудь из бесчисленных островов ГУЛАГа.

На крови и страхе создавалась система партийно-чекистской селекции, породившая реальный правящий класс — класс Номенклатуры.

3

Нет большей подлости, чем война власти с детишками с использованием всей мощи карательного аппарата. Опираясь на указания Политбюро ЦК, лично Ленина и Сталина, большевики создали особую систему «опального детства». Эта система имела в своем распоряжении детские концлагеря и колонии, мобильные приемно-распределительные пункты, специальные детские дома и ясли. Дети должны были забыть, кто они, откуда родом, кто и где их родители. Это был особый — детский ГУЛАГ.

Если обратиться к самым первым именам и фамилиям в детском расстрельном реестре, то начинать надо с царской семьи, с расстрела царя Николая II и его семьи в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Теперь там построен храм. Похоже на покаяние.

В 1919 году в Петрограде расстреляли родственников офицеров 86-го пехотного полка, перешедшего к белым, в том числе и детей. В мае 1920 года газеты сообщили о расстреле в Елисаветграде четырех девочек 3—7 лет и старухи, матери одного из офицеров. «Городом мертвых» называли в 1920 году Архангельск, где чекисты расстреливали детей 12—16 лет.

Активно использовалась практика детского заложничества, особенно в борьбе против крестьян, пытавшихся оказать сопротивление аграрно-крестьянской политике режима. С осени 1918 года, еще до официального решения Политбюро по этому поводу, началось создание концентрационных лагерей, большинство узников которых составляли члены семей «бунтовщиков», взятых в качестве заложников, включая женщин с грудными детьми.

Тамбовские каратели в 1921 году докладывают: «В качестве заложников берутся ближайшие родственники лиц, участвующих в бандитских шайках, причем берутся они целиком, семьями, без различия пола и возраста. В лагеря поступает большое количество детей, начиная с самого раннего возраста, даже грудные».

«Мы содрогаемся, — писал Патриарх Тихон, — *что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени...»*

За детьми Николая II (поистине возмездие судьбы!) последовали в разные годы два сына Рютина, сын Зиновьева, два сына Каменева, убиты сыновья Троцкого, бесследно исчезли два сына Пятакова. Отцы расстрелянных были подельниками Ленина по преступлениям и впоследствии пожинали то, что посеяли.

Нет прощения тому, что запечатлено в оперативном приказе Ежова № 00486 от 15 августа 1937 года «Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины». Приведу некоторые положения этого чудовищного документа (с соблюдением его стилистики):

«Подготовка операции. Она начинается с тщательной проверки каждой семьи, намеченной к репрессированию. Собираются дополнительные компрометирующие материалы. Затем на их основании составляются а) общая справка на семью...; б) отдельная краткая справка на социально опасных и способных к антисоветским действиям детей старше 15-летнего возраста; в) именные списки детей до 15 лет отдельно дошкольного и школьного возраста.

Справки рассматриваются наркомами внутренних дел республик и начальниками управлений НКВД краев и областей. Последние: а) дают санкции на арест и обыск жен изменников родины; б) определяют мероприятия в отношении детей арестуемой.

Производство арестов и обысков. Аресту подлежат жены, состоящие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста. Аресту подлежат также и жены, хотя и состоявшие с осужденным к моменту его ареста в разводе, но причастные к контрреволюционной деятельности осужденного, укрывавшие его, знавшие о контрреволюционной деятельности, но не сообщившие об этом органам власти. После производства ареста и обыска арестованные жены осужденных конвоируются в тюрьму. Одновременно, порядком указанным ниже, вывозятся дети.

Порядок оформления дел. На каждую арестованную и на каждого социально опасного ребенка старше 15-летнего возраста заводится следственное дело. Они направляются на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР.

Рассмотрение дел и меры наказания. Особое совещание рассматривает дела на жен изменников родины и тех их детей, старше 15-летнего возраста, которые являются социально опасными и способными к совершению антисоветских действий. Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможности исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД, или выдворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик.

Порядок приведения приговоров в исполнение. Осужденные социально опасные дети направляются в лагеря, исправительно-трудовые колонии НКВД или в дома особого режима Наркомпросов республик по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД для первой и второй групп и АХУ НКВД СССР — для третьей группы.

Размещение детей осужденных. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот размещать: а) детей в возрасте от 1—1,5 лет до 3-х полных лет в детских домах и яслях Наркомздравов республик в пунктах жительства осужденных; б) детей в возрасте от 3-х полных лет и до 15 лет — в детских домах Наркомпросов других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов. В отношении детей старше 15 лет вопрос решать индивидуально.

Грудные дети направляются вместе с их осужденными матерями в лагеря, откуда по достижению возраста 1—1,5 лет передаются в детские дома и ясли Наркомздравов республик. В том случае, если сирот пожелают взять родственники (не репрессируемые) на свое полное иждивение — этому не препятствовать.

Подготовка к приему и распределению детей. В каждом городе, в котором производится операция, специально оборудуются приемно-распределительные пункты, в которые будут доставляться дети тотчас же после ареста их матерей и откуда дети будут направляться затем по детским домам».

В который раз я перечитываю этот приказ и каждый раз впадаю в смятение: не подделка ли все это? Увы, не подделка, так оно и было. По состоянию на 4 августа 1938 года у репрессированных родителей было изъято 17 355 детей и на-

мечалось к изъятию еще 5000 детей. 21 марта 1939 года Берия сообщал Молотову о том, что в исправительно-трудовых лагерях у заключенных матерей находится 4500 детей ясельного возраста, которых предлагал изъять у матерей и впредь придерживаться подобной практики. Детям начали присваивать новые имена и фамилии.

В апреле 1941 года начальник ГУЛАГа Наседкин сообщает о том, что в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД содержится вместе с осужденными матерями 9400 детей в возрасте до 4-х лет, из них из-за отсутствия мест только 8000 детей помещены в детские учреждения в лагерях и колониях. В тюрьмах НКВД также содержится 2500 женщин с малолетними детьми. Кроме того, в лагерях, колониях и тюрьмах имеется 8500 беременных женщин, из них 3000 человек на 9-м месяце беременности.

Общее число репрессированных по всей стране в 30—40-е годы крестьян превысило пять миллионов. С учетом того, что крестьянские семьи состояли в среднем из 4—7 человек, среди которых минимум половина были дети, можно представить себе масштабы преступлений режима против детей.

Отношение к крестьянским семьям, изгоняемым из родных мест, было в полном смысле варварским. Вот одно из тысяч писем о высылке семей из Украины в 1930 году: «Отправляли их в ужасные морозы — грудных детей и беременных женщин, которые ехали в телячьих вагонах друг на друге, и тут же женщины рожали своих детей...; потом выкидывали их из вагонов, как собак, а затем разместили в церквах и грязных, холодных сараях... во вшах, холоде и голоде, и здесь находятся тысячи брошенных на произвол судьбы, как собаки, на которых никто не хочет обращать внимания... Ежедневно умирает по 50 и больше детей».

Одним из поводов к очередному ужесточению уголовного законодательства в отношении детей стало письмо Ворошилова от 19 марта 1935 года, направленное на имя Сталина, Молотова и Калинина. Девятилетний подросток напал с ножом на сына заместителя прокурора Москвы Кобленца. Ворошилов недоумевал: почему бы «подобных мерзавцев» не расстреливать? Откликаясь на просьбу о расстреле «подобных мерзавцев», ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 года издают постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». В нем сказано: *«...несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания»*. На местах возник вопрос о возможности применения к детям высшей меры наказания. Разъяснение Политбюро от 20 апреля 1935 года подтверждало, что к числу мер уголовного наказания относится также и высшая мера (расстрел).

20 мая 1938 года издается новый приказ НКВД «Об устранении ненормальностей в содержании детей репрессированных родителей». В приказе говорится, что *«Среди детей репрессированных родителей имеют место антисоветские, террористические проявления. Воспитанники Горбатовского детдома Горьковской области Вайскопф, Келлерман и Збиневич арестованы за проявления террористических и диверсионных намерений, как актов мести за репрессированных родителей. Воспитанники Нижне-Исетского детдома Свердловской области Тухачевская, Гамарник, Уборевич и Штейнбрюк высказывают контрреволюционные, пораженческие и террористические настроения. Для прикрытия своей контрреволюционной деятельности вступили в комсомол. Указанная группа детей проявляет террористические намерения против вождей партии и правительства в виде акта мести за своих родителей. Воспитанники Черемховского детдома Иркутской области Степанов, Грундэ, Казаков и Осипенко за антисоветские выступления арестованы органами НКВД»*.

Поэтому народный комиссариат указует:

«Первое — немедленно обеспечить оперативное, агентурное обслуживание детских домов, в которых содержатся дети репрессированных родителей.

Второе — своевременно вскрывать и пресекать всякие антисоветские, террористические намерения и действия, в соответствии с приказом НКВД № 00486.

Третье — устранить привилегированное положение, созданное в некоторых домах для детей репрессированных родителей в сравнении с остальными детьми.

Четвертое — проверить руководящий состав и кадры воспитателей детдомов, очистив их от непригодных работников».

Ярким примером фальсификации обвинений против несовершеннолетних является дело 16-летнего Юрия Каменева, расстрелянного по приговору Военной коллегии от 30 января 1938 года. Не имея никаких доказательств его виновности, Военная коллегия в своем приговоре указала: *«Каменев, находившийся под идейным влиянием своего отца — врага народа Каменева Л. Б., усвоил террористические установки антисоветской, троцкистской организации; будучи озлоблен репрессией, примененной к его отцу как к врагу народа, Ка-*

менев Юрий в 1937 году в г. Горьком высказывал среди учащихся террористические намерения в отношении руководителей ВКП(б) и Советской власти».

В мае 1941 года НКВД издает распоряжение о создании агентурно-осведомительной сети в трудовых колониях подростков. Резидентами должны быть члены ВКП(б). Особое внимание предписывалось уделять детям репрессированных родителей.

В годы Отечественной войны гитлеровцы гнали детей в одну сторону — в Германию, а сталинцы в другую — в Среднюю Азию, Казахстан, на Восток. В дальние края поехали дети немцев, чеченцев, калмыков, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, болгар, греков, армян, турок-месхетинцев, курдов, а после войны — украинцев, эстонцев, латышей, литовцев. В большинстве случаев до половины детей не доезжали до места назначения, они умирали от болезней и голода. Их выбрасывали на обочину дорог. На апрель 1945 года в Казахстане, Киргизии и Узбекистане оказалось 34 700 детей-карачаевцев моложе 16 лет. В Узбекистан привезли 46 000 детей из Грузии. В первые годы жизни на новых местах смертность среди переселенцев достигала 27 процентов в год, в основном это были дети.

Горькую чашу спецпоселенца пришлось испить калмыцкому поэту Давиду Кугультинову. Как человек образованный, он был определен в счетоводы. Однажды получил задание провести инвентаризацию в Доме младенца Норильского лагеря. «Переступил порог, — вспоминает Кугультинов, — дети. Огромное количество детей до 6 лет. В маленьких телогреечках, в маленьких ватных брючках. И номера — на спине и на груди. Как у заключенных. Это номера их матерей. Они привыкли видеть возле себя только женщин, но слышали, что есть папы, мужчины. И вот подбежали ко мне, голосят: «Папа, папочка». Это самое страшное — когда дети с номерами. А на бараках: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

Закончилась война с гитлеровским фашизмом, но Сталин далеко не закончил войну с подневольным ему народом. Он продолжал выселять жен и детей «врагов народа» из Ленинграда, Москвы, Прибалтики и других регионов. Снова — «выселенцы», «спецпоселенцы». В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года спецпоселенцы становились вечными — без права возврата на прежние места жительства. В совместной директиве МВД СССР и Прокуратуры СССР от 16 мая 1949 года говорилось, что все дети спецпоселенцев по достижении 16-летнего возраста и проживающие вместе с родителями (родственниками) подлежат зачислению на вечное поселение.

В 1949 году министр внутренних дел СССР Круглов докладывал Сталину, что его ведомство усилило режим выселенцев и переселенцев, особенно по трудоиспользованию и надзору. Он сообщил, что на учете в органах МВД всего (вместе с членами семей) состоит 2 562 830 выселенцев и спецпоселенцев. А шел уже пятый послевоенный год. Еще через пять лет, в марте 1954 года (через год после смерти Сталина), МВД сообщает Маленкову и Хрущеву: на спецпоселении в настоящее время находится 2 819 776 человек, в том числе детей, не достигших 16-летнего возраста, — 884 057 человек.

4

В октябре 1919 года ВЧК потребовала от местных органов «создать гибкий и прочный информационный аппарат, добиваясь того, чтобы каждый коммунист был вашим осведомителем».

Большевики называли себя Российской социал-демократической рабочей партией (большевиков). Но, захватив власть, они уже летом 1918 года объявили себя коммунистической партией, демонстративно отгородившись от всех социалистических движений России и Запада.

Удушение демократии началось с печати. Уже 9 ноября 1917 года Ленин издает декрет о печати. Начинают закрываться все издания, кроме большевистских. С присущим большевикам лицемерием в декрете говорилось, что «как только новый порядок упрочится, административные воздействия на печать будут прекращены». То ли новый порядок еще не упрочился, то ли еще по каким-то мотивам, но меры «административного воздействия» на печать остаются до сих пор. А на дворе уже 2005 год. С этого всегда и везде начиналась диктатура. «Ленин, Троцкий и сопутствующие им, — писал М. Горький в газете «Новая жизнь» 20 ноября 1917 года, — уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия». Из журнала «За Родину»: «Свободу слова и печати советская власть подменила свободой самого наглого и беззастенчивого глумления над печатью и словом».

К борьбе с демократической печатью активно подключаются чекисты. Из письма Ф. Э. Дзержинского в Московский Совет от 8 мая 1918 года. «...Передать все дело борьбы со

злоупотреблениями в печати в ведение ВЧК, как органу, наиболее осведомленному и технически приспособленному к проведению в жизнь необходимых мероприятий с должной полнотой и быстротой». Вслед за этим письмом принимается постановление ВЦИК от 11 мая 1918 года. «Ввиду того, что во многих московских газетах появился ряд ложных ни на чем не основанных сообщений, ввиду того, что ложные слухи направлены исключительно к тому, чтобы посеять среди населения панику и восстановить граждан против Советской власти, наконец, ввиду того, что подобные вздорные сообщения усиливают в других городах контрреволюцию — Президиум ВЦИК постановляет немедленно, вплоть до рассмотрения этого вопроса в трибунале печати, закрыть все газеты, поместившие вздорные слухи и ложные сообщения».

Как заявил корреспонденту «Известий ВЦИК» 12 мая 1918 года Я. Петерс: «Гнусную ложь ВЧК будет пресекать, как и прежде, самыми решительными мерами». Комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Володарский сказал: «Они могут нанести вам удар в спину, могут каждый день изобретать какую-нибудь сенсацию, которая колеблет умы, подрывает основы нашей власти. И они это великолепным образом делают...»

В конце января 1918 года появились «Временные правила о порядке издания периодических и непериодических изданий в Петрограде», согласно которым в случае «явно контрреволюционного» характера публикаций газета закрывается, а члены редакции арестовываются. Всего в январе — феврале 1918 года, то есть всего через два месяца после переворота, в Петрограде и Москве было закрыто более 70 газет, а в мае-июне — еще 60.

Так была открыта эпоха цензуры, отмененная только в годы Перестройки. Сегодня она возвращается через прямое удушение либеральных средств массовой информации и подкуп журналистов, утративших ответственность перед судьбой России.

Параллельно началась травля партий. Интересны воспоминания лидера эссеров Чернова: «Помню, раз до войны, дело было в году, кажется, в 11-м — в Швейцарии. Толковали мы с ним в ресторанчике за кружкой пива — я ему и говорю: «Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете!» А он поглядел на меня и говорит: «Первого меньшевика мы повесим после последнего эссера», — прищурился и засмеялся».

Но начал Ленин свою кровавую жатву, как я уже писал, все-таки с кадетов. Они были объявлены «врагами народа».

Партия была расстреляна. Газета «Русь» писала: «Невинным жертвам злодеев и благородным борцам за свободу Шингареву и Кокошкину *вечная память*. Ленину, растлителю России, *вечное проклятие*».

Потом наступил черед «правых эссеров». Бывшие эсеры, перебежавшие к большевикам, Коноплева и ее муж Семенов сыграли роль провокаторов, сообщив, что эсеры готовили покушение на Ленина, Троцкого, Зиновьева и других вождей». Начались аресты и расстрелы.

В начале 1918 года прошли первые аресты анархистов и максималистов — верных соратников большевиков как в октябрьские дни, так и в период разгона Учредительного собрания. В ночь с 11 на 12 апреля в Москве отряды ЧК и красногвардейцев провели операцию по разоружению групп анархистов, в ходе которой было арестовано свыше 400 человек. В июле начались гонения и на партию левых социал-революционеров, которые были практически предрешены резкой оппозицией этой партии Брестскому договору с Германией и аграрной политике властей. Акцию протеста 6 июля и театральный арест Дзержинского власти истолковали как попытку левых эсеров захватить власть. Начались повальные аресты членов партии. Вся эта операция была инсценирована чекистами. Дзержинского уволили с поста главного карателя, но через два месяца вернули назад. Видимо, мерзавца подобного калибра под рукой не оказалось.

«Бешеная» и «кровожадно-бесстыдная», по словам Юлия Мартова, кампания против меньшевиков была вызвана рядом частных успехов РСДРП на выборах в местные Советы в 1919—1920 годах. На выборах 1920 года меньшевики получили 46 мандатов в московском Совете, 205 — в харьковском, 120 — в екатеринославском, 78 — в кременчугском и т. д. Для характеристики настроений рабочих этого времени интересен следующий эпизод. В ходе избирательной кампании 1920 года на одном из химических заводов Петрограда против Мартова была выставлена кандидатура Ленина. В итоге, причем при открытом голосовании, Ленин набрал 8, а Мартов — 76 голосов. Подобные случаи и вызывали, по словам Мартова, «пароксизм бешенства» у руководителей правящей партии.

В это время, понимая, что авторитет его власти падает, «вождь» маневрирует, виляет хвостом, высказывается в пользу компромиссов со своими оппонентами. Осенью 1918 года, в разгар «красного террора», он начал игру с социалистами, которая многим показалась неожиданной. На собрании партийных работников Москвы в его выступлении прозвучала

идея «нового курса». Исходя из посылки, что построить социализм можно лишь «целым рядом соглашений», в том числе и с «господами кооператорами и интеллигентами», которые являются «единственным культурным элементом», Ленин призвал партийных работников уметь договариваться с мелкобуржуазной демократией. Однако на деле он понимал компромисс весьма оригинальным образом. Вы будете с нами в добрососедских отношениях, говорил он, а у нас будет государственная власть. Мы вас, господа меньшевики, охотно легализуем. Но мы оставляем государственную власть только за собой. Ни малейшей доли мы не уступим. Вот и все.

Уже в феврале 1919 года Дзержинский дал указание всем губчека учредить «самый строгий контроль» за левыми эсерами и меньшевиками, брать из них заложников. Эти меры были оформлены решением Политбюро, которое гласило: «Предложить прессе усилить травлю левых эсеров... Над всеми левыми эсерами иметь надзор... Газеты «Голос печатника» и «Рабочий интернационал» прикрыть».

Язык-то каков! «Травля», «надзор», «прикрыть»...

Вопросы, так или иначе связанные с деятельностью социалистов и анархистов, регулярно обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б). За период с апреля по декабрь 1919 года Политбюро обращалось к ним двадцать пять раз. Типичным для социалиста приговором было заключение в концлагерь «до конца гражданской войны». Официальная пропаганда всячески эксплуатировала тезис о временном (до «победы труда над капиталом») характере изоляции социалистов. Однако в циркулярах местным органам ВЧК подчеркивала, что ликвидация внешних фронтов не означает завершения борьбы с врагами внутренними, поскольку «полная ликвидация контрреволюционных выступлений мыслится только с победой социалистической революции в мировом масштабе». Вот так. Террор и концлагеря — до победы мировой революции.

Ленинские чекисты положили начало и внесудебным расправам. Поначалу подобный произвол объясняли «революционной целесообразностью», а потом он приобрел характер официальной политики. В январе 1922 года Уншлихт, заместитель Дзержинского, пишет Ленину: *«По отношению к деятелям антисоветских партий при известной обстановке на территории всей республики или в отдельных частях необходимо применять те или другие репрессии, не имея против них конкретных материалов».*

В составе секретных отделов губчека начинают действовать специальные уполномоченные, призванные выявлять

социалистов и внедрять свою агентуру в их ряды. С 1920 года этим занимались уже целые группы чекистов. К 1921—1922 годам репрессиями против социалистов и анархистов занимались шесть из десяти подразделений ОГПУ.

Но и эта практика не полностью устраивала чекистов. Надо было и всю компартию включить в состав ЧК. Сказал же Ленин, что хороший коммунист — это и есть хороший чекист. 5 января 1920 года Оргбюро ЦК РКП(б) выносит следующее постановление: «а) Применительно к прошлогодней директиве предложить всем комиссарам и рядовым коммунистам, работающим в Красной Армии, осведомлять особые отделы обо всем, что может представлять интерес для работы особых отделов и что станет известно службе или частным образом». С мая 1921 года, во всех важнейших учреждениях и университетах начали создаваться «Бюро содействия», состоявшие исключительно из коммунистов и работавшие под руководством 8-го отделения Секретного отдела ГПУ. Задача «Бюро» собирать информацию о настроениях и враждебных намерениях чиновников и университетской интеллигенции. Особый интерес представляет письмо Ленина Дзержинскому от 19 мая 1922 года. В нем «вождь» предлагал установить порядок, в соответствии с которым каждый член Политбюро 2—3 часа в день должен посвящать чтению книг и периодики, выискивая в них антисоветские высказывания, помогая тем самым ГПУ. Это был венец слияния ЦК с ЧК. Итак, началось с армии и закончилось Политбюро.

По мере того как сопротивление режиму нарастало, Ленин усиливает свое личное руководство репрессивным аппаратом. На первых порах его сдерживали в какой-то мере старые знакомства (Мартов, Плеханов, князь Кропоткин). Сталин же, который питал к социалистам особую неприязнь, от этих «слабостей» был свободен изначально. Он ненавидел любых социалистов, использовал любой случай для их травли. Любопытен такой факт. Еще весной 1918 года он пытался привлечь к ответственности «за клевету» Ю. Мартова, напомнившего об исключении Сталина из РСДРП в 1910 году за участие в экспроприациях, то есть в грабежах. Однако ревтрибунал жалобу Сталина отклонил.

Во второй половине 1923 года секретная экзаменационная проверочная комиссия при ЦК РКП(б) осуществила «дочистку» аппарата наркоматов иностранных дел, внешней торговли и их заграничных учреждений от бывших членов социалистических партий. По инициативе комиссии с этого времени в заграничных миссиях стали работать сотрудники ГПУ для «внутреннего наблюдения» за совслужащими. Подобная практика существует до сих пор.

К сожалению, на протяжении всей своей истории социалистические партии жили в расколе, постоянно грызли друг друга, очень часто из-за пустяков. В социал-демократическом движении инициатором склок, как правило, выступал Ленин. Даже в тюрьмах, концлагерях и ссылках представители родственных партий избегали контактов друг с другом. Все это значительно облегчало их устранение из политической жизни при большевиках. Последние играли в «кошки-мышки» со своими бывшими подельниками. А социалисты продолжали галдеть об «истинном социализме», о «свободе и демократии», как бы не замечая, что вокруг быстро утверждается режим, не имеющий никакого отношения ни к социализму, ни к демократии.

Ленин не успел довести до конца уничтожение своих «социалистических союзников». После его смерти у Сталина еще не было достаточной силы и авторитета, чтобы масштабно продолжить линию Ленина на борьбу с «врагами народа». Но в самом конце 20-х и в 1930-е годы охранка вновь стала «обнаруживать глубоко законспирированные» (конечно же, не существующие) центры эсеровского и меньшевистского «подполья»: в 1933 году — в Москве, Ленинграде, Севастополе, Харькове, Донбассе, Киеве, Днепропетровске; в 1934-м — в Иванове, Ярославле; в 1935-м — в Казани, Ульяновске, Саратове, Калинине; в 1936—1937 годах — в Свердловской, Воронежской, Куйбышевской, Московской и других областях.

Вторая половина 1937 — начало 1938 года прошли под знаком новой волны «обезвреживания» никогда не существовавших организаций типа «Всесоюзный эсеровский центр» или «Бюро ПСР Восточной Сибири». Были сфабрикованы «заговоры» эсеров в блоке с меньшевиками, «правыми» (бухаринцами), троцкистами и белогвардейцами, замышлявшими свержение советской власти и террористические акты против «вождей».

Социалисты не давали покоя режиму даже в послевоенное время. Постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года за № 416-159сс условия лагерного содержания особо опасных преступников, включая социалистов, были ужесточены до предела. Их использовали исключительно на тяжелых физических работах, для них была установлена особая форма с номерами на спине и головном уборе. После отбытия срока наказания заключенных особых лагерей направляли в пожизненную ссылку в отдаленные районы под надзор карательных органов.

Характерно, что «частичные изменения» в постановлении 1948 года, последовавшие в августе 1953 года, то есть уже

после смерти Сталина, сохранили за меньшевиками и эсерами статус «особо опасных государственных преступников». К концу 1953 года в особых лагерях и тюрьмах (Владимирской, Верхне-Уральской и Александровской) троцкистов, «правых», меньшевиков и эсеров оставалось менее двух тысяч. Но и они продолжали вызывать патологическую ненависть режима.

5

Политику экономического удушения крестьян большевики начали сразу же после контрреволюции: продразверстка, запрещение свободной торговли, принудительные трудовые повинности (гужевая, лесозаготовительная). С середины 1918 года началась прямая военная оккупация деревни. Здесь орудовали вооруженные отряды. На их вооружении были артиллерия, броневики и даже аэропланы. Они занялись упрочением «социалистических» порядков в деревне, по сути же — государственным мародерством. В мае 1918 года, то есть еще до официального начала «красного террора», ревтрибуналы (наряду с органами ВЧК) получили право вынесения смертных приговоров тем, кто отказывался отдавать свой хлеб продотрядам. Да и сама Красная Армия, по словам Ленина, на девять десятых была создана «для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива».

Ленин к крестьянству относился с особой ненавистью. В полемике со своим сподвижником Соломоном он говорил: «Черт с ними и с крестьянами — ведь они тоже мелкие буржуа, а значит, — говорю о России — пусть и они исчезнут так же с лица земли, как рудимент...»

Он был подлинным вдохновителем похода на деревню, как он говорил, с «пулеметами за хлебом». Но, как показали дальнейшие события, преследовались не только экономические цели, они были скорее тактическими. Стратегия состояла в другом — уничтожение российского крестьянства. В этих целях 11 июля 1918 года ВЦИК издает декрет о создании комитетов бедноты из деревенских голодранцев, бездельников и пьяниц, призванных разжечь гражданскую войну в деревне. Такова была официальная установка властей.

Но еще раньше, 9 мая 1918 года, Ленин инициирует откровенно мародерский «Декрет о предоставлении народному Комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Говорилось, что этому комиссару вменено «применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольствен-

ных продуктов». Далее говорилось, что крестьяне, не желающие отдавать свой хлеб, объявляются врагами народа.

Когда читаешь документы о том, что творилось в деревнях, селах и станицах, кровь стынет. Особенно активную роль в этой террористической компании играли Сталин, Свердлов, Троцкий, Дзержинский, Тухачевский, Якир, Уборевич, Фрунзе, Ворошилов, Буденный, Ходоровский, Смилга и другие бандиты.

Кроме отрядов продовольственной армии, формирований ВЧК, войск внутренней охраны (ВОХР) и регулярных частей РККА, с августа 1918 года в деревне начинают оперировать военные подразделения — уборочные и уборочно-реквизиционные отряды — общей численностью свыше 20 тысяч человек, а с весны 1919 года — еще и отряды частей особого назначения (ЧОН) — «партийной гвардии», созданной по решению ЦК при губернских и уездных партийных комитетах «для оказания помощи органам советской власти по борьбе с контрреволюцией» (в 1921 г. кадровый состав — около 40 тысяч человек).

В августе 1918 года Ленин выступил инициатором назначения заложников из «кулаков, мироедов и богатеев», отвечающих жизнью «за точное, в кратчайший срок исполнение наложенной контрибуции». «Вождь» публично поклялся «скорее лечь костьми», чем разрешить свободную торговлю хлебом. 15 февраля 1919 года Ленин подписывает постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны: *«Поручить Склянскому, Маркову, Петровскому и Дзержинскому немедленно арестовать несколько членов исполкомов и комбедов в тех местах, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно. В тех же местностях взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны».*

Военная оккупация деревни привела к жесточайшему голоду, который унес в могилу более 5 миллионов человек. Отовсюду шли сигналы о гибели и болезнях. Даже каратели на местах приходили порой в ужас, сообщая в Москву об обстановке в деревнях. В архивах полно сводок на эту тему. Приведу лишь одну, похожую на все другие. Из сводки ГПУ по Тюменской губернии от 15 октября 1922 года. «...В Ишимском уезде из 500.000 жителей голодают 265 тысяч. Голод усиливается. В благополучных по урожайности волостях голодают 30% населения. Случаи голодной смерти учащаются. На границе Ишимского и Петропавловского уездов развивается эпидемия азиатской холеры. На севере свирепствует оспа и олений тиф...»

В голодающих губерниях нередкими стали факты людоедства. Как свидетельствуют документы, ели преимущественно родных. Детей постарше еще подкармливали, но грудных не жалели. Ели не за общим столом, а втихую, всякие разговоры об этом пресекались. Власти знали о происходящем. В апреле 1922 года башкирские власти даже приняли постановление «О людоедстве». Подобные решения были в других областях. В них людоедство осуждалось, но каких-либо мер помощи голодающим не предусматривалось.

Крестьяне, борясь за выживание, сопротивлялись, как могли. Но жестокость власти превосходила любые мыслимые пределы. В местностях, особо, как утверждали власти, «зараженных бандитизмом», вводятся чрезвычайные органы управления — уездные политкомиссии, сельские и волостные ревкомы. Было решено рассматривать эти районы как «занятые неприятелем» и «приравнять в смысле важности и значения к внешним фронтам... периода гражданской войны». А это значит — пытки и расстрелы без суда и следствия. Главенствовали чекисты. *«Они,* — с гордостью свидетельствовал М. Лацис, — *безжалостно расправлялись с этими живоглотами (крестьянами), чтобы отбить у них навсегда охоту бунтовать».*

Наибольшего размаха повстанческое движение достигло в Тамбовской губернии. Оно стало находить поддержку в пограничных уездах Воронежской, Саратовской и Пензенской губерний. В конце февраля — начале марта 1921 года высшим органом борьбы с «антоновщиной» (от имени Антонова — руководителя восстания) становится Полномочная комиссия ВЦИК. Издается приказ № 171 от 11 июня 1921 года:

«1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте, без суда. 2. Объявить приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия. 3. В случае нахождения спрятанного оружия, расстреливать без суда старшего работника в семье. 4. Семья, в которой укрывался бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество конфискуется, а старший работник в семье расстреливается, без суда. 5. Семьи, укрывающие членов семей или имущество бандитов — старшего работника таких семей расстреливать на месте, без суда. 6. В случае бегства семьи бандита, имущество его распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно».

Распоряжение подписано председателем комиссии Антоновым-Овсеенко и командующим войсками Тухачевским.

В конце апреля по инициативе Ленина, требовавшего «скорейшего и примерного подавления» восстания, единоличным ответственным за эту операцию назначается Тухачевский. Вместе с ним на Тамбовщину прибыли другие военачальники и деятели карательных органов: Уборевич, Котовский, Ягода, Ульрих. С их появлением был, по официальной терминологии, установлен «оккупационный режим». 12 июня Тухачевский приказал «леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами». При этом командующий требовал, чтобы «облако удушливых газов распространялось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось».

Кровавый след оставили после себя каратели в Сибири. Там произошло более тысячи крестьянских восстаний, подавленных армией и карателями, что тщательно скрывалось советской властью и стало известно только в последние годы.

В борьбе с повстанчеством местные власти особенно широко использовали институт заложничества и круговой поруки. Заложники подлежали расстрелу не только в случаях приближения повстанческих отрядов к уездным или волостным центрам или убийств коммунистов и совработников, но и за повреждения кем-то телеграфных и железнодорожных линий, распространение «провокационных слухов» и даже при «малейшем поползновении на попрание прав представителей власти». Отряды карателей формировались преимущественно из бедняцких слоев населения.

Но оказалось, что для голытьбы неважно, как называется власть. Пока существовала насильственная продразверстка, когда власть отнимала хлеб у зажиточных крестьян, она горой стояла на стороне власти. Но как только продразверстка была заменена продналогом, голытьба повернула оружие против власти и продолжала грабить трудолюбивых крестьян. Чекистский начальник в Сибири Павлуновский в августе 1921 года пишет в центр Уншлихту — заместителю Дзержинского, что во многих областях Сибири «красный террор», который автор одобряет, превратился в красный бандитизм, представляющий угрозу советской власти. Он сообщает, что в Красноярской губернии в Минусинском уезде крестьяне-бедняки убили 9 спецов земотдела, а начальник милиции, секретарь укома и начальник гарнизона арестовали крестьян, которые побогаче, и расстреляли. В Иркутской губернии из бедноты организовываются банды. Они уходят в тайгу и ведут борьбу уже с советской властью. Бедняцкая часть коммунистических ячеек отбирает у крестьян хлеб, предназначенный для товарообмена. Шайки, состоящие из бедноты, сами конфискуют хлеб и скот у зажиточных крестьян. Волисполкомы и комячейки по всей губернии продолжают силой производить перераспределение хлеба и скота. В Новониколаевской губернии раскрыта организация из бедноты и комячеек. Они разъезжали по деревням и расстреливали тех, кто побогаче, имущество их распределяли между собой. В Мариинском уезде все арестованные зажиточные крестьяне были удавлены.

Кровью была полита российская земля и в ходе *расказачивания.* Эта политика ставила своей целью искоренить вековые устои казачества, физически уничтожить его наиболее трудолюбивую и свободолюбивую часть. Первые же шаги по «социалистическим» преобразованиям в деревне летом 1918 года поставили казачество в резкую оппозицию к новой власти. Во всех крупных казачьих областях (Донской, Кубанской, Оренбургской, Уральской) формируются военные подразделения для вооруженной борьбы против большевистской диктатуры. С тех пор казачество было причислено к «ударной силе» белых армий.

Чудовищна январская 1919 года директива РКП(б), подписанная Свердловым. В ней говорилось о необходимости *«самой беспощадной борьбы со всеми верхами казачества, путем поголовного их истребления».* Директивно предписывалась целая система мер для осуществления геноцида против казаков. Среди них — массовый террор против богатых казаков, массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью, перманентный террор против потенциальных пособников «контрреволюции».

Трибуналы, выполняя директиву, рассматривали в день до 50 дел, смертные приговоры выносились старикам, женщинам и детям. В сохранившихся расстрельных списках казаков в графе «за что расстрелян» указывались, в числе других, следующие причины: за критику советской власти; за несочувствие большевикам; как отец офицера; офицер, отставной генерал, хуторской атаман, сельский священник, учитель, адвокат, ювелир; брат служит в Донской армии; за сочувствие кадетам; и даже за то, что казачка отвергла любовь комиссара. Дома расстрелянных подвергались разграблению и сжигались.

Храмы осквернялись, предметы богослужения растаскивались, были разгромлены монастыри, архиерейские дома и ризницы. Только на территории Ставропольской губернии было убито 52 священника. Типичные поводы для расстрела:

служение молебна для проходящих частей Добровольческой армии, протест против богохульства и святотатства, нарушение запрета хоронить казненных.

В октябре 1920 года особоуполномоченный по Северному Кавказу К. Ландер (проинструктированный перед поездкой в регион лично Лениным) пообещал с «неумолимой жестокостью» подавить все выступления «бело-зеленых банд». Его приказом на Северном Кавказе был введен порядок, согласно которому станицы и селения, укрывавшие «белых и зеленых», подлежали уничтожению, а взрослое население — поголовному расстрелу. Родственники повстанцев объявлялись заложниками, также подлежащими расстрелу при наступлении «банд». В случаях массовых выступлений в отдельных селах, станицах и городах, писал наместник Ленина, «мы будем применять к этим местам массовый террор: за каждого убитого советского деятеля поплатятся сотни жителей этих сел и станиц».

В казачьих краях была проведена тотальная конфискация, до нитки ограбившая казачье-крестьянское население. К весне 1921 года в станицах разразился массовый голод, к лету охвативший только на Дону половину сельского населения. Тех, кого не добил голод, «доставали» карательные органы. Арестовывали все кому не лень — председатели и члены правления колхозов, председатели сельсоветов, секретари партийных ячеек. Пьянство и разгул большевиков в занятых станицах, грабежи, стрельба по крестам и куполам церквей, насилия над женщинами были не исключением, а правилом поведения карателей. В годы гражданской войны было репрессировано в целом по стране более 4 миллионов казаков.

Оказавшись в эмиграции, Троцкий писал об «исключительной свирепости» гражданской войны на юге «между казаками и крестьянами», «которая здесь забиралась глубоко в каждую деревню и приводила к поголовному истреблению целых семейств». С его точки зрения, это была «чисто крестьянская война, глубокими корнями уходившая в местную почву и мужицкой свирепостью своей далеко превосходившая революционную борьбу в других частях страны». Остается напомнить, что Троцкий лично и РКП(б) в целом все сделали для того, чтобы придать расправе над казаками именно такой истребительный характер. Станицы обезлюдели, миллионы гектаров земель заросли бурьяном.

Начало новой трагедии положил ноябрьский 1929 года Пленум ЦК ВКП(б), принявший решение проводить курс на «выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве». В середине января 1930 года Политбюро ЦК образовало

специальную комиссию для разработки форм и методов раскулачивания, которую возглавил секретарь ЦК Молотов. Комиссия незамедлительно приступила к подготовке постановления. В нем, в частности, предусматривалось:

«При проведении в течение ближайших двух месяцев (февраль—март) мероприятий, обеспечивающих выселение в отдаленные районы Союза, заключение в концентрационные лагеря, ОГПУ исходить из приблизительного расчета заключить в концентрационные лагеря 60 тыс. человек и подвергнуть выселению 150 тыс. хозяйств. В отношении наиболее злостных к.р. элементов не останавливаться перед применением высшей меры репрессии... Местом высылки наметить в округах Северного Края (до 70 тыс. семейств), Сибири (50 тыс. семейств), Урала (20—25 тыс. семейств) и Казахстана (20—25 тыс. семейств) необжитые или мало обжитые местности для использования высылаемых или на сельскохозяйственных работах, или на промыслах (лес, рыба и пр.)... Высылаемые кулаки расселяются поселками, управляемыми назначаемыми комендантами».

30 января того же года ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Против крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким, предусматривалось применять следующие меры:

«а) первая категория — контрреволюционный кулацкий актив немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии; б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР... в) в третью категорию входят оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках».

Пока комиссия Молотова еще только сочиняла планы, ОГПУ приступило к действиям. Уже 18 января 1930 года был отдан приказ, в котором, в частности, говорилось:

«Создать при ПП ОГПУ оперативную группу для объединения всей работы по предстоящей операции, немедленно разработать и представить в ОГПУ подробный план опе-

рации, с учетом всех вопросов оперативных, личного состава, войсковых, технических... Установить места — желдор. пункты, где будут концентрироваться выселяемые перед отправкой, и рассчитать количество перевозочных средств и желдор. составы, которые должны быть поданы на эти места... Строго учесть обстановку в районах и возможность вспышек с тем, чтобы таковые могли быть пресечены без малейшего промедления. Обеспечить бесперебойную информационно-агентурную работу в районах операции».

20 февраля 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах».

На Север и Восток пошли товарные составы, набитые людьми, на санях и пешком потянулись бесконечные колонны бородатых мужиков, стариков и старух, баб с ребятишками. Для переброски кулацких семей в некоторых районах была объявлена гужевая повинность населения. Раскулачивание на местах — в селах и деревнях — проводили, как правило, уполномоченные, возглавлявшие актив бедноты. В моей деревне Королево был, как и в соседних деревнях, такой вот активист. Звали его Федор Судаков. Никто и никогда не видел Судакова работающим. За него горбатилась жена — горемычная труженица. Ее праведным утешением было «дубасить» мужа чем попало, когда его приволакивали домой вдрызг пьяного. А выпить он любил, понятно, за чужой счет. Да еще любил митинговать, будучи даже в единственном числе. Выходил на середину улицы и горланил: «Мы вас, мироедов, до конца изведем». Когда он выражался абстрактно, то смотрели на него, как на клоуна, — какая-никакая, а все-таки забава. Но смеху приходил конец, как только Судаков переходил на имена. Вот тогда из дома выходил кто-нибудь из упомянутых им мужиков помассажировать физиономию Судакова. Для нас, мальчишек, это было занятным зрелищем.

Рвань, подобная Судакову, правила бал в деревне. Из них отбирали осведомителей, которые, кстати, хвастались, когда упивались, своими «особыми полномочиями» и возможностью «упечь куда следует» любого из деревенских. Хорошо, что крестьяне знали о связях этих пройдох и сторонились их, а по престольным и советским праздникам молотили их морды, как рожь на гумне.

Количество репрессированных кулаков намного превышало запланированные уровни. Местные власти старались вовсю, лезли из кожи вон. Так, в Центрально-Черноземной области число раскулаченных достигло 15 процентов всех

крестьянских хозяйств. В некоторых районах Нижегородского края — 37 процентов. Массовое раскулачивание сверх установленных квот проходило в Украине, Московской области, Татарской и Башкирской АССР и других районах. Значительную часть раскулаченных вместе с семьями выслали в самые отдаленные районы, на стройки Сибири и Крайнего Севера — около 1 200 000 человек. Миллионы людей оказались без крова, без средств к существованию. Десятки тысяч переселенцев погибли в пути от голода, холода и пуль конвоиров.

Новая волна уничтожения крестьян пришлась на начало 1931 года. Теперь она была направлена против тех людей, которые якобы срывали хлебозаготовки и другие хозяйственно-политические кампании. Решения о новом выселении кулаков стали приниматься уже с января 1931 года. А в марте специальная комиссия ЦК ВКП(б) приняла решение переселить в течение двух месяцев — мая — июля — 1931 года в северные районы Западно-Сибирского края 40 000 кулацких хозяйств, в Казахстан — 150 000. Люди расселялись по принципу исправительно-трудовых лагерей, отдельными поселками по 100 семей в каждом. Административное управление осуществлялось комендантом, в помощь которому придавались по 2—5 стрелков специальной охраны.

Очередной приступ бешенства власти начался в 1937 году. 2 июля Политбюро ЦК ВКП(б) дает указание секретарям областных и краевых организаций и всем представителям НКВД на местах взять на строгий учет всех осевших в местах ссылки кулаков и тех, кто по истечении срока высылки вернулся на родину. Наиболее «враждебных» следовало немедленно арестовать и расстрелять.

На следующем заседании Политбюро были утверждены составы троек в республиках, краях и областях по репрессиям в отношении кулацкого и антисоветского элемента и примерное число тех, кто должен быть осужден по первой категории, то есть расстрелян, и по второй, кто подлежал заключению в лагеря или заключен в тюрьму на срок от 8 до 10 лет. Эта операция началась 5 августа 1937 года, на нее отводилось четыре месяца. На этот раз только по России *планировалось* репрессировать 186 100 человек, 47 450 из них — расстрелять.

Еще в августе 1932 года был издан закон, написанный Сталиным собственноручно, по которому за колоски, унесенные со скошенного поля, предусматривались тюрьма, лагерь, расстрел. Карали даже за зерно, которое крестьяне откапывали в мышиных норках.

Обычно раскулачивание связывают только с 30-ми годами. Это неверно. 10 февраля 1948 года Политбюро ЦК обсудило вопрос о высылке из Украины «вредных элементов в деревне». Докладывал Хрущев. Высылке подлежали все, кого подозревали, что они могут «подорвать трудовую дисциплину в сельском хозяйстве» или «угрожать своим пребыванием в селе благосостоянию колхоза». Инициатива Хрущева была распространена и на другие территории, которые оказались в составе СССР.

Политика коллективизации нанесла колоссальный урон России, ее народному хозяйству, насильственно разрушила многовековые традиции и устои российской деревни, создала крепостнический колхозно-совхозный строй. Крестьянство добили окончательно. Добили жестоко, кроваво. Народ на долгие годы встал в очередь за хлебом. Перед войной я сам стоял по ночам около нашего поселкового магазина, чтобы сохранить номер очереди, написанный на руке чернильным карандашом. И после войны — тоже.

Грех об этом забывать, большой грех.

6

Еще в 1908 году Ленин писал Горькому: «Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция бежит из партии. Туда и дорога этой сволочи...» Потом оказалось, что словечко «сволочь» не было оброненным случайно. В сентябре 1909 года Ленин пишет тому же Горькому: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно...»

После захвата власти Ленин перевел эти «эпистолярные изыски» на язык карательной практики. Перед партийцами и чекистами Ленин поставил задачу «надолго очистить Россию» от всякой интеллигентской нечисти. Для начала, пожалуй, стоит напомнить о том, что большевики первым делом создали цензурно-контрольные органы — первоначально политотдел Госиздата РСФСР (20 мая 1919 г.), позднее Главлит (6 июня 1922 г.), комитет по контролю за репертуаром — Главрепертком (9 февраля 1923 г.). Эти организации работали в тесном контакте со спецслужбами, а вернее, под двойным руководством ЦК РКП(б) и ВЧК — ОГПУ.

В структуре центрального аппарата ВЧК — ОГПУ были созданы отдел политконтроля (исполнение режима цензуры Главлитом и Главреперткомом, перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции), 4-е и 5-е отделения секретно-политического отдела (агентурные данные и организация сети осведомителей в художественной и научной среде, сбор агентурных данных), Особое бюро по административной высылке «антисоветской интеллигенции». Деятельность этих подразделений поражает всеохватностью. Как свидетельствует докладная начальника отдела политконтроля от 4 сентября 1922 года, в течение августа сотрудники отдела вскрыли и подвергли проверке 135 000 из 300 000 поступивших в РСФСР почтовых отправлений. Все 285 000 писем, отправленных за границу, также подверглись перлюстрации.

Работники этого отдела готовили рецензии на литературные произведения, имели право вносить предложения об отмене решений Главлита и Главреперткома, если они оказывались положительными. Чекисты регулярно посещали театральные и эстрадные спектакли, другие массовые зрелища, составляли протоколы о подозрительных, по их мнению, моментах. На этом основании принимались решения о привлечении «виновных» к административной и уголовной ответственности. Один из таких контролеров по фамилии Блиц после посещения 10 апреля 1924 года циркового представления Владимира Дурова усмотрел в «процедуре с животными, где указывается на агитаторов в лице морских свинок», множество контрреволюционных острот. «Знаток искусств» оформил протокол о необходимости запретить этот цирковой номер.

Запретительная практика шла рука об руку с репрессивной. Уже летом 1918 года по подозрению в причастности к заговору левых эсеров арестовали Александра Блока. По надуманному делу «ЦК партии кадетов» в августе 1919 года взяли под стражу Владимира Немировича-Данченко и Ивана Москвина. 19 октября 1920 года арестовали Сергея Есенина. Передо мной лежит арестантская карточка за номером 13699, а также протокол допроса. В нем написано, что Есенин допрашивается в качестве обвиняемого. Дальше следует записка в Президиум ВЧК. Приведу ее полностью.

«По делу Есенина Сергея Александровича, обвиняемого в контрреволюции. Произведенным допросом выяснено, что гр. Есенин в последние три месяца в Москве не находился, а был командирован НКПС в Кавказ и Тифлис, прибыл в Москву с докладом и был арестован на квартире у гр.гр. Кусиковых. Допросом причастность Есенина к делу Кусиковых недостаточно установлена и посему полагаю гр. Есенина Сергея Александровича из-под ареста освободить под поручитель-

ство тов. Блюмкина. Уполномоченный СОВЧК». (Подпись неразборчива.)

От начала и до конца было состряпано «дело Таганцева». По нему расстреляно 97 человек. В их числе — Николай Гумилев. По делу проходили также основоположник отечественной урологии Федоров, бывший министр юстиции Манухин, известный агроном Вырво, архитектор Леонтий Бенуа — брат Александра Бенуа, крупнейшего русского художника, сестра милосердия Голенищева-Кутузова и другие.

В 20-е годы Россия понесла, пожалуй, самые большие интеллектуальные утраты. Ее покинули тысячи виднейших представителей отечественной интеллигенции. Уезжали за рубеж философы, писатели, юристы, художники. Покинули Россию выдающиеся представители русской культуры — Шаляпин, Бунин, Репин, Андреев, Бальмонт, Мережковский, Коровин, Шагал... Да разве перечислишь все имена, составляющие славу России.

Политбюро поручило Сталину, Дзержинскому и Семашко выработать план борьбы с антисоветизмом среди интеллигенции. Такой план был утвержден. Вот он:

«Протокол № 10 Заседания Политбюро от 8 июня 1922 года.

1. В целях обеспечения порядка в в(ысших) у(чебных) заведениях образовать комиссию из представителей Главпрофобра и ГПУ (Яковлева и Уншлихта) и представителя Оргбюро ЦК для разработки мероприятий по вопросам: а) о фильтрации студентов к началу будущего учебного года; б) об установлении строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения; в) об установлении свидетельств политической благонадежности для студентов, не командированных профессиональными и партийными организациями и не освобожденных от взноса платы за право учения.

Созыв комиссии за т. Уншлихтом, срок недельный.

2. Той же комиссии (см. п. 1) выработать правила для собраний и союзов студенчества и профессуры.

Предложить Политотделу Госиздата совместно с ГПУ произвести тщательную проверку всех печатных органов, издаваемых частными обществами, секциями спецов при профсоюзах и отдельными наркоматами (Наркомзем, Наркомпрос и пр.)...

... г) Предложить ВЦИК издать постановление о создании особого совещания из представителей НКИД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР. д) Для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок образовать комиссии в составе т.т. Уншлихта, Курского и Каменева. е) Вопрос о закрытии изданий и органов печати, не соответствующих направлению советской политики (журнал Пироговского общества и т. п.), передать в ту же комиссию (см. п. «д»).

...9. О директиве в связи с Всероссийским съездом врачей (Уншлихт).

а) Общие меры, вызванные съездом врачей, отложить до конца эсеровского процесса. б) Вопрос об аресте некоторого числа врачей, который необходимо произвести немедленно, передать в комиссию т. Уншлихта, Курского и Каменева (см. п. 8-д). в) Предложить ГПУ внимательнейшим образом следить за поведением врачей и других интеллигентских группировок во время процесса эсеров и не допускать никаких демонстраций, речей и т. п...

3. Установить, что ни один съезд или Всероссийское совещание спецов (врачей, агрономов, инженеров, адвокатов и проч.) не может созываться без соответствующего на то разрешения НКВД. Местные съезды или совещания спецов разрешаются НКВД. Местные съезды или совещания спецов разрешаются губисполкомами с предварительным запросом заключения местных органов ГПУ (Губотделов).

4. Поручить ГПУ через аппарат Наркомвнудела произвести с 10.VI перерегистрацию всех обществ и союзов (научных, религиозных, академических и проч.) и не допускать открытия новых обществ и союзов без соответствующей регистрации ГПУ. Незарегистрированные общества и союзы объявить нелегальными и подлежащими немедленной ликвидации.

5. Предложить ВЦСПС не допускать образования и функционирования союзов спецов помимо общепрофессиональных объединений, а существующие секции спецов при профсоюзах взять на особый учет и под особое наблюдение. Уставы для секций спецов должны быть пересмотрены при участии ГПУ. Разрешения на образование секций спецов при профобъединениях могут быть даны ВЦСПС только по соглашению с ГПУ».

Ленин в угаре ненависти к интеллигенции придумал и такую форму репрессий, как насильственные высылки виднейших интеллектуалов за границу. В письме Сталину он пишет:

«Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать заграницу безжалостно. Очистим Россию надолго... Всех их — вон из России. Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!» Записка не датирована, но, видимо, относится к лету 1922 года.

18 августа 1922 года руководство ОГПУ направило Ленину списки высылаемых по Москве, Петербургу и Украине. В московском списке значилось 67 фамилий. Петроградский список состоял из 51 фамилии.

Москвичи уезжали первыми, уезжали пароходами. Николай Бердяев, Семен Франк, Федор Степун, Николай Лосский, Иван Ильин. За пределами России оказался ректор Московского университета биолог Новиков. Тяжелый урон понесла историческая наука: выслали Кизеветтера, Флоровского, Мельгунова и других. Одним из пароходов уехал Питирим Сорокин. От тех, кого выслали, требовали гарантий, что они никогда не возвратятся на Родину. Высылаемым объявили, что самовольный приезд обратно будет караться расстрелом. В качестве примера приведу текст расписки Ивана Ильина.

«...Дана сия мною, гражданином Иваном Александровичем Ильиным, Государственному Политическому управлению в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Советской власти (статья 71 Уголовного кодекса РСФСР, карающего за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания, мне объявлена)».

«Утечка мозгов» из России вызвала большую тревогу мыслящих людей в самой стране и за рубежом. Надо было как-то оправдываться. Сошлюсь на высказывания двух наиболее известных тогда большевиков — Троцкого и Бухарина. Первый из них сказал, что высылка — это «предусмотрительная гуманность», так как в случае военных осложнений эти лица могли быть расстреляны. Одновременно в газетах началась кампания по дискредитации научных достижений ученых-изгнанников. Они не могут быть действительными учеными, утверждала «Правда», поскольку таковыми в состоянии стать только люди с марксистским мировоззрением. Эту же мысль продвигал и Бухарин. В 1925 году он заявил, что партия пришла к власти, *«шагая через трупы, для этого надо было иметь не только закаленные нервы, но основанное на марксистском анализе знание путей, которые нам отвела история»*. Необходимо, продолжал он, *«чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем вырабатывать их, как на фабрике».*

Советская пропаганда без устали бубнила, что Ленин добивался ликвидации неграмотности населения, мечтал вырастить интеллигенцию из рабочих и крестьян. Увы! В 1921 году в разговоре с художником Ю. Анненковым он сказал: *«Вообще, к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг «ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать как стремление к нарождению новой интеллигенции. «Ликвидировать безграмотность» следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель — вполне практична. Только и всего».*

Только и всего!

В среде творческой интеллигенции была создана широкая сеть осведомителей, сообщавших в карательные органы буквально о каждом шаге своих коллег. Существовала практика регулярных докладов спецслужб в Политбюро ЦК КПСС о настроениях в среде интеллигенции. В качестве примера сошлюсь только на одно такое донесение. Оно похоже на все другие. Итак, в декабре 1931 года ГПУ сообщает:

«В своей творческой практике антисоветские элементы среди интеллигенции (литература, кинематография) становятся на позиции грубого приспособленчества, политического лицемерия — во имя общественной маскировки, а в ряде случаев и материального благополучия. Вместе с тем создается подпольная литература «для себя», для настоящего «читателя-ценителя» капиталистического общества (реже — выпускаются в печать произведения с сознательно зашифрованным контрреволюционным смыслом).

Режиссер Гавронский (Ленинград): «Причины провалов и нерабочего настроения художественных кадров в кинематографии — целиком в том ужасном состоянии, в котором находится страна. Подумайте, какие ставить картины — опять классовая борьба, опять вознесение до небес партийных органов».

Режиссер Береснев (Ленинград): «Я не понимаю политики в искусстве, я ненавижу все это. Подумайте, какие темы в кино, в искусстве — тракторостроение, дизелестроение и подобная гадость».

Писатель Андрей Белый: «Не гориллам применять на практике идеи социального ритма. Действительность показывает, что понятие общины, коллектива, индивидуума в наших

днях — «очки в руках мартышки», она «то их понюхает, то их на хвост нанижет»... Все окрасилось как-то тупо бессмысленно. Твои интересы к науке, к миру, искусству, к человеку — кому нужны в «СССР»?.. Чем интересовался мир на протяжении тысячелетий... рухнуло на протяжении последних пяти лет у нас. Декретами отменили достижения тысячелетий, ибо мы переживаем «небывалый подъем». Но радость ли блестит в глазах уличных прохожих? Переутомление, злость, страх и недоверие друг к другу таят эти серые, изможденные и отчасти уже деформированные, зверовидные какие-то лица. Лица дрессированных зверей, а не людей. Ближе к друзьям, страдающим, горюющим, обремененным. Огромный ноготь раздавливает нас, как клопов, с наслаждением щелкая нашими жизнями, с тем различием, что мы — не клопы, мы — действительная соль земли, без которой народ — не народ».

Особый интерес партийное руководство проявило к первому съезду писателей в 1934 году. НКВД начал подготовку к съезду задолго до его начала. Следили за каждым шагом писателей. Сталину регулярно докладывали о высказываниях будущих делегатов съезда. В состав каждой делегации входили «творческие деятели», сотрудничающие с органами.

В Политбюро были направлены характеристики практически на всех писателей, приезжающих на съезд.

«Дамбинов П. Н., в прошлом видный член партии эсеров. При Дальневосточной республике был председателем Бурятского национального ревкома. За антисоветскую деятельность из Бурятии был выслан.

Купала Янка — Луцкевич И. Д., белорусский народный поэт, беспартийный. Активный лидер национального демократизма... Находился в тесной связи с осужденными членами «Белорусского национального центра» Рак-Михайловским, Жиком и др.

Бровко П. У., беспартийный, сын полицейского. Ярый нацмен. Близко стоял к осужденному члену Адамовичу Алесю.

Кульбак М. Ш., беспартийный, еврейский писатель. Прибыл в 1928 г. нелегально из Польши в БССР. Будучи в Польше, состоял заместителем председателя национал-фашистской еврейской литературной организации. Группирует вокруг себя националистически настроенных еврейских писателей, выходцев из социально чуждой среды, имеющих связи с заграницей».

И так списки за списками — по республикам. По тем же спискам большинство из них окажутся потом расстрелянными или лагерниками.

Во время съезда, используя агентурную сеть, НКВД регулярно (через день) информировал высшее руководство о настроениях в писательской среде. В частности, сообщалось о листовке, в которой авторы взывали к иностранным гостям. Вот она:

«Мы, группа писателей, включающая в себя представителей всех существующих в России общественно-политических течений, вплоть до коммунистов, считаем долгом своей совести обратиться с этим письмом к вам, зарубежным писателям. Хотя численно наша группа и незначительна, но мы твердо уверены, что наши мысли и надежды разделяет, оставаясь наедине с самим собой, каждый честный (насколько вообще можно быть честным в наших условиях) русский гражданин. Это дает нам право и, больше того, это обязывает нас говорить не только от своего имени, но и от имени большинства писателей Советского Союза.

Все, что услышите и чему вы будете свидетелями на Всесоюзном писательском съезде, будет отражением того, что вы увидите, что вам покажут и что вам расскажут в нашей стране! Это будет отражением величайшей лжи, которую вам выдают за правду. Не исключается возможность, что многие из нас, принявших участие в составлении этого письма, или полностью его одобрившие, будут на съезде или даже в частной беседе с вами говорить совершенно иначе. Для того, чтобы уяснить это, вы должны, как это [ни] трудно для вас, живущих в совершенно других условиях, понять, что страна вот уже 17 лет находится в состоянии, абсолютно исключающем какую-либо возможность свободного высказывания.

Мы, русские писатели, напоминаем собой проституток публичного дома с той лишь разницей, что они торгуют своим телом, а мы душой; как для них нет выхода из публичного дома, кроме голодной смерти, так и для нас... Больше того, за наше поведение отвечают наши семьи и близкие нам люди. Мы даже дома часто избегаем говорить так, как думаем, ибо в СССР существует круговая система доноса. От нас отбирают обязательства доносить друг на друга, и мы доносим на своих друзей, родных, знакомых... Правда, в искренность наших доносов уже перестали верить, так же как не верят нам и тогда, когда мы выступаем публично и превозносим «блестящие достижения» власти. Но власть требует от нас этой лжи, ибо она необходима как своеобразный «экспортный товар» для вашего потребления на Западе. Поняли ли вы, наконец, хотя бы природу, например, так называемых

процессов вредителей с полным признанием подсудимыми преступлений ими совершенных? Ведь это тоже было «экспортное наше производство» для вашего потребления.

Вы устраиваете у себя дома различные комитеты по спасению жертв фашизма, вы собираете антивоенные конгрессы, вы устраиваете библиотеки сожженных Гитлером книг, — все это хорошо. Но почему мы не видим вашу деятельность по спасению жертв от нашего советского фашизма, проводимого Сталиным; этих жертв, действительно безвинных, возмущающих и оскорбляющих чувства современного человечества, больше, гораздо больше, чем все жертвы всего земного шара вместе взятые со времени окончания мировой войны...

Почему вы не устраиваете библиотек по спасению русской литературы, поверьте, что она много ценнее всей литературы по марксизму, сожженной Гитлером. Поверьте, ни итальянскому, ни германскому фашизму никогда не придет в голову тот наглый цинизм, который мы и вы можете прочесть в «Правде» от 28-го июля [19]34 г. в статье, посвященной съезду писателей: крупнейшие писатели нашей страны показали за последние годы заметные успехи в деле овладения высотами современной культуры — философией Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Понимаете ли вы всю чудовищность от подобного утверждения и можете ли сделать отсюда все необходимые выводы, принимая во внимание наши российские условия?

Мы лично опасаемся, что через год-другой недоучившийся в грузинской семинарии Иосиф Джугашвили (Сталин) не удовлетворится званием мирового философа и потребует по примеру Навуходоносора, чтобы его считали, по крайней мере, «священным быком».

Вы созываете у себя противоенные конгрессы и устраиваете антивоенные демонстрации. Вы восхищаетесь мирной политикой Литвинова. Неужели вы действительно потеряли нормальное чувство восприятия реальных явлений? Разве вы не видите, что весь СССР — это сплошной военный лагерь, выжидающий момент, когда вспыхнет огонь на Западе, чтобы принести на своих штыках Западной Европе реальное выражение «высот» современной культуры — философию Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

То, что Россия нищая и голодная, вас не спасет. Наоборот, голодный, нищий, но вооруженный человек, — самое страшное...

Вы не надейтесь на свою вековую культуру, у вас дома тоже найдется достаточно поборников и ревнителей этой философии, она проста и понятна, может быть, многим...

Пусть потом ваши народы, как сейчас русский народ, поймут всю трагичность своего положения, — поверьте, будет поздно и, может быть, непоправимо!»

Итоги и суждения о съезде еще долгое время волновали спецслужбы. НКВД постоянно собирал цитаты из частных разговоров участников съезда, добытые оперативным путем. Многие из них представляют интерес и сегодня.

Л. Леонов: «Ничего нового не дал съезд, кроме доклада Бухарина, который всколыхнул болото и вызвал со стороны Фадеевых-Безыменских такое ожесточенное сопротивление. Ничего особенного не приходится ждать и от нового руководства, в котором будут задавать тон два аппаратчика Щербаков и Ставский (Ставский ведь тоже официальное лицо). Поскольку Щербаков — человек неискушенный в литературе, инструктировать будет Ставский, а литературная политика Ставского нам хорошо известна. Следовательно, в союзе, — типично чиновничьем департаменте, — все остается в порядке».

М. Шагинян: «На Горького теперь будут нападать. Доклад его на съезде неверный, неправильный, отнюдь не марксистский, это богдановщина, это всегдашние ошибки Горького. Горький — анархист, разночинец, народник, причем народник-мещанин, не из крестьян, а именно народник из мещан. И в докладе это сказалось. Докладом все недовольны, даже иностранцы».

Л. Сейфуллина: «Обстановка тяжелая, кругом хищники, предатели. Работать могу, только отвлекшись от обстановки. В союзе чиновники, бонзы, презирающие писателей».

Илья Сельвинский: «Горький является рассадником групповщины худшей, чем при РАППе, потому что вкусовщина играет еще большую роль. Развивается подлейшее местничество. Вс. Вишневский был на банкете у Горького и рассказывает, что там имело значение даже, кто дальше и кто ближе сидит от Горького. Он говорит, что это зрелище было до того противно, что Пастернак не выдержал и с середины банкета удрал».

Н. Шкляр: «Поскольку с трибуны съезда прозвучали на весь мир такие замечательные речи, как речи Эренбурга, Олеши и Пастернака, доказывающие, что настоящая литература, наперекор стихиям, жива, постольку в дальнейшем эта струя живого, неказенного слова будет пробиваться, все крепче противостоя мертвящему шаблону того, что называется «пролетарской литературой».

Ю. Никулин: «Я смотрю на вещи так, что мы должны соперничать не с мертвецами Фадеевым, Ставским и др., а с

живыми, с Пушкиным, Толстым, поэтому — что мне съезд? Это был съезд людей, уже затронутых разложением. Разве мы должны были ждать от него пользы?»

Стенографический отчет съезда вскоре был «арестован» и содержался «на специальном хранении» почти пять десятилетий. До начала нового тысячелетия лежали засекреченными в архиве ФСБ и документы, которые я привел выше.

Так же, как и съезд писателей, чекистами «обеспечивались» все более или менее крупные мероприятия художественной и научной элиты. Своеобразным филиалом спецслужб, как это ни прискорбно, стали созданные после известного постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» единые общественные союзы деятелей творческой интеллигенции, в первую очередь Союз писателей СССР. Многие «творцы» теснейшим образом сотрудничали со спецслужбами, получая денежное вознаграждение, а немало было и таких, что работали штатными сотрудниками спецслужб.

Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК приняли до ста прямых «запретительно-директивных» постановлений по литературе и искусству. В этом перечне — постановления о пьесах Булгакова («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Бег»), Левидова («Заговор равных»), Славина («Интервенция»), Сельвинского («Умка — Белый Медведь»), Леонова («Метель»), Глебова («Начистоту»), Катаева («Домик»); о ликвидации театров: 2-го МХАТа и имени Мейерхольда; о запрете и конфискации произведений Пильняка, Сельвинского, Ахматовой, Зощенко; о кинофильмах «Бежин луг» (режиссер С. Эйзенштейн), «Адмирал Нахимов» (режиссер В. Пудовкин), «Большая жизнь» (режиссер Л. Луков); о журналах «Октябрь», «Театр», «Звезда» и «Ленинград», «Знамя»; об опере Мурадели «Великая дружба»; о закрытии альманахов на еврейском языке. Спецслужбы играли в этих запретах ведущую роль.

Известен донос 13 именитых литераторов. В начале 1935 года они обратились в Союз писателей с письмом, которое явило собой один из ярких примеров того, как писатели и поэты пожирали писателей и поэтов. В нем говорилось, что поэт Павел Васильев «совершенно безвозбранно делает все для того, чтобы своим поведением дискредитировать звание советского писателя», «стимулирует рост реакционных и хулигански богемских настроений среди определенного слоя литературной молодежи» и так далее в том же духе. Подписанты заключают свое письмо следующей просьбой к властям:

«Перечисленные факты заставляют нас во весь рост поставить перед президиумом правления вопрос о том, что пора принять более эффективные меры к искоренению «васильевщины» в нашей литературной жизни. Мы считаем, что достигнуть этого можно только путем принятия решительных и строгих мер, направленных против самого Васильева, показав тем, что в условиях советской действительности оголтелое хулиганство, определенно антисоветски заостренное, не может ни для кого сходить безнаказанно».

Письмо подписали: Алексей Сурков, Михаил Голодный, Джек Алтаузен, Михаил Светлов, Вера Инбер, Бела Иллеш, Николай Асеев, Семен Кирсанов, Борис Агапов, Александр Жаров, Иосиф Уткин, Владимир Луговской, Александр Безыменский. (Светлов потом свою подпись снял.)

По указанию Сталина 24 мая письмо было опубликовано в «Правде». Органы НКВД отреагировали, как всегда, оперативно. В июне Васильева вместе с его товарищем, поэтом Смеляковым, арестовали и осудили к трем годам заключения в лагерь. В феврале 1937 года Васильев, только что выпущенный на свободу, был повторно арестован и в июле расстрелян вместе с группой писателей так называемого «крестьянского направления».

Друзей и соратников покойного Сергея Есенина, писателей и поэтов того же «крестьянского направления» Орешина, Кириллова, Герасимова, Клычкова (Лешенкова) и других приговорили к расстрелу за участие в литературной группе, сочувствовавшей Трудовой крестьянской партии. Писателей — выходцев из Сибири — Зазубрина (Зубцова), Правдухина, Наседкина и Пермитина обвинили в троцкистских взглядах и стремлении добиться автономии сибирского края. Первых троих осудили к высшей мере наказания, последнего — к ссылке.

К примерам того, как плотно работали чекисты с писателями, используя склочную обстановку в этой среде, можно отнести донесение секретно-политического отдела НКВД по поводу запрещения пьесы Демьяна Бедного «Богатыри». Этот писатель, в основном баснописец, считался «верным солдатом» партии. Именно то обстоятельство, что Бедный был близок к высшим правителям страны, работал по заказам партии, и подвигло меня процитировать несколько строк из справки НКВД на Д. Бедного.

Итак, в ноябре 1936 года НКВД доносит: *«Общий смысл объяснений Демьяна Бедного по поводу «Богатырей», зафиксированных в стенограмме, примерно таков. Фарсовый тон*

вещи и трактовка «Богатырей» объясняются характером музыки; так, например, «богатыри» поют арии из популярных оперетт. Фарсовый показ крещения Руси и неправильное его толкование объясняются привычкой к антирелигиозной пропаганде, тяготеющей в практике Демьяна Бедного. С другой стороны, подвели имеющиеся у него труды по историческим вопросам далеко немарксистского характера. Демьян Бедный, признавая, что он сделал огромную ошибку, объясняет ее своим непониманием материала и своей глупостью...»

Судя по общей тональности справки, чекисты выгораживают Демьяна Бедного. Но дальше следуют высказывания писателей, режиссеров, артистов, добытые НКВД через своих доносчиков.

Таиров: «Ошибка произошла потому, что я оказал большое доверие Демьяну Бедному как старому коммунисту. Как я мог подумать, что текст Д. Бедного заключает вредную тенденцию, как же я мог быть комиссаром при Д. Бедном... Я пойду в ЦК ВКП(б), где, надеюсь, меня поймут. Я там поставлю вопрос о том, что новые спектакли нужно показывать не только комитету, но и ЦК. Это необходимо для гарантии».

Станиславский, народный артист СССР: «Большевики гениальны. Все, что делает Камерный театр, — не искусство. Это формализм. Это делячеcкий театр, это театр Коонен».

Леонидов, народный артист СССР: «Когда я прочел постановление комитета, я лег в постель и задрал ноги. Я не мог прийти в себя от восторга: как здорово стукнули Литовского, Таирова, Демьяна Бедного. Это страшней, чем 2-й МХАТ».

Яншин, заслуженный артист МХАТа: «Пьеса очень плохая. Я очень доволен постановлением. ...Чем скорее закроют театр, тем лучше. Если закрыли 2-й МХАТ, то этот нужно подавно».

Мейерхольд: «Наконец-то стукнули Таирова так, как он этого заслуживал. Я веду список запрещенных пьес у Таирова, в этом списке «Богатыри» будут жемчужиной. И Демьяну так и надо».

Садовский, народный артист РСФСР, артист Малого театра: «Разумное постановление. Правильно дали по рукам Таирову и Демьяну Бедному. Нельзя искажать историю великого русского народа».

Тренев, драматург, автор «Любови Яровой»: «Я очень обрадован постановлением. Я горжусь им, как русский человек. Нельзя плевать нам в лицо. Я сам не мог пойти на спектакль, послал жену и дочь. Они не досидели, ушли, отплевываясь. Настолько омерзительное это производит впечатление».

Вишневский, драматург: «Поделом Демьяну, пусть не халтурит. Это урок истории: «не трогай наших». История еще пригодится, и очень скоро. Уже готовится опера «Минин и Пожарский — спасение от интервентов».

Луговской, поэт: «Постановление вообще правильное, но что особо ценно, это мотивировка. После этого будут прекращены выходки разных пошляков, осмеливавшихся высмеивать русский народ и его историю».

Трауберг, режиссер, автор кинокартины «Встречный»: «Советское государство становится все более и более национальным и даже националистическим».

Клычков, писатель: «Кому дали на поругание русский эпос? Жиду Таирову да мозгляку Бедному. Ну что можно было кроме сатиры ожидать от Бедного, фельетониста по преимуществу? Но кто-то умный человек и тонкий человек берет их за зад и вытряхивает лишнюю вонь».

Олеша, писатель: «Пьеса здесь главной роли не играет. Демьян заелся, Демьяну дали по морде. Сегодня ему, завтра другому. Радоваться особенно не приходится».

Лебедев-Кумач: «Нужно убрать ту матерщину со сцены и из поэзии, которую разводит Демьян и делает эту матерщину официальным языком советской поэзии. Но, наверное, ему сейчас же после кнута дадут пряник, а набросятся на кого-то другого: нельзя обижать своего человека».

Эйзенштейн, заслуженный деятель искусств и режиссер кино: «Я не видел спектакль, но чрезвычайно доволен хотя бы тем, что здорово всыпали Демьяну. Так ему и надо, он слишком зазнался... Во всем этом деле меня интересует один вопрос, где же были раньше, когда выпускали на сцену контрреволюционную пьесу?»

Орбели, академик, директор Эрмитажа: «Какие выводы? Постановление замечательное. Бить, однако, надо не столько Таирова, сколько Демьяна Бедного. Нельзя добивать Таирова. Возмутил меня Мейерхольд. Это хулиганское выступление. Это гаерство».

Рошаль, заслуженный деятель искусств, кинорежиссер: «Ничего не понимаю. Не знаю, за что теперь браться. Оказывается, что вообще нельзя ставить никакой сатиры».

Сегодня трудно сказать, понимали или не понимали руководители НКВД, что в этом донесении многие имена — из когорты крупных талантов. Звезды нашей культуры обрадовались возможности продемонстрировать свою неприязнь

лакею власти Бедному, но, к сожалению, по наивности своей отбрасывали мысль, что и на них готовятся компроматы, что подавляющему большинству из них предстоит пройти длинный путь страха, арестов, лагерей и расстрелов. Более того, в длинном списке Дьявола появится и горемыка Демьян.

Возможно, читатель, я перегружаю и без того тяжелый груз документов прошлого. Но этот груз не вынешь из сердец честных людей. «Мы все уголовники, ибо молчали», — поет Александр Новиков сегодня. «Я не вовремя сделался советским», — говорил Борис Пастернак. «Тревожит меня мысль — я очень изоврался», — напишет Аркадий Гайдар.

Покаяния, покаяния, покаяния.

А доносы текут своим чередом. И все Сталину. Публикую их с несущественными сокращениями. Они относятся к 1938 году.

СПРАВКА НКВД ДЛЯ СТАЛИНА О ПОЭТЕ ДЕМЬЯНЕ БЕДНОМ

«Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придворов) — поэт, член Союза советских писателей. Из ВКП(б) исключен в июле с.г. за «резко выраженное моральное разложение».

Д. Бедный систематически выражает свое озлобление против Сталина, Молотова и других руководителей ВКП(б)... «Зажим и террор в СССР таковы, что невозможна ни литература, ни наука, невозможно никакое свободное исследование. У нас нет не только истории, но даже и истории партии. Историю гражданской войны тоже надо выбросить в печку — писать нельзя. Оказывается, я шел с партией, 99,9 процентов которой шпионы и провокаторы. Сталин — ужасный человек и часто руководствуется личными счетами. Все великие вожди всегда создавали вокруг себя блестящие плеяды сподвижников. А кого создал Сталин? Всех истребил, никого нет, все уничтожены. Подобное было только при Иване Грозном».

Говоря о репрессиях, проводимых советской властью против врагов народа, Д. Бедный трактует эти репрессии, как ничем необоснованные. Он говорит, что в результате, якобы, получился полный развал Красной Армии: «Армия целиком разрушена, доверие и командование подорвано, воевать с такой армией невозможно... Может ли армия верить своим командирам, если они один за другим объявляются изменниками? Что такое Ворошилов? Его интересует только собственная карьера»...

В отношении социалистической реконструкции сельского хозяйства Д. Бедный также высказывал контрреволюционные суждения: «Каждый мужик хочет расти в кулака, и я считаю, что для нас исключительно важно иметь энергичного трудоемкого крестьянина. Именно он — настоящая опора, именно он обеспечивает хлебом. А теперь всех бывших кулаков, вернувшихся из ссылки, либо ликвидируют, либо высылают опять... Но крестьяне ничего не боятся, потому что они считают, что все равно: что в тюрьме, что в колхозе».

После решения КПК об исключении его из партии Д. Бедный находится в еще более озлобленном состоянии. Он издевается над постановлением КПК: «Сначала меня удешевили — объявили, что я морально разложился, а потом заявят, что я турецкий шпион». Несколько раз Д. Бедный говорил о своем намерении покончить самоубийством».

СПРАВКА НКВД ДЛЯ СТАЛИНА О ПОЭТЕ М. С. ГОЛОДНОМ

«Голодный Михаил Семенович, 1903 года рождения, кандидат ВКП(б) с 1932 г., поэт, член ССП. М. Голодный является кадровым троцкистом, активно участвующим в подпольной контрреволюционной работе и входящим в террористическую группу.

В 1927 году М. Голодный совместно с писателями Малеевым (репрессированный троцкист), Уткиным и Светловым по поручению Сосновского организовал выпуск нелегальной троцкистской газеты «Коммунист», приуроченный к 7 ноября 1927 года. В этот же период Голодный нелегально распространял в списках ряд написанных им контрреволюционных стихотворений («О верном сыне Троцкого», «Каземат» и др.).

В 1928 г. Голодный вместе с Уткиным и Светловым организовывали платные вечера поэзии в Харькове и других городах. Сборы с этих вечеров поступали в распоряжение подпольного троцкистского «Красного креста». Отмежевавшись затем формально от троцкистов, Голодный продолжал двурушничать.

В 1929 г., будучи связан с троцкистским центром, Голодный организовывал у себя на квартире троцкистские сборища, во время которых обсуждались вопросы о борьбе против партийного руководства. Его квартира служила явочным пунктом для приезжавших троцкистов с периферии».

СПРАВКА НКВД ДЛЯ СТАЛИНА О ПОЭТЕ М. А. СВЕТЛОВЕ

«Светлов (Шейнсман) Михаил Аркадьевич, 1903 года рождения, исключен из ВЛКСМ как активный троцкист. Входил в троцкистскую группу Голодного — Уткина — Меклера...

...В 1933 году Светлов, используя свои связи с предательскими элементами из работников ОГПУ, содействовал улучшению положения находившегося в ссылке троцкиста-террориста Меклера и продолжал встречаться с ним после освобождения Меклера из ссылки. Семьям арестованных троцкистов Светлов оказывал материальную поддержку. Участие Светлова в троцкистской организации подтверждается также показаниями террориста Шора.

В литературной среде Светлов систематически ведет антисоветскую агитацию. В 1934 году по поводу съезда советских писателей Светлов говорил: «Чепуха, ерунда. Созовут со всех концов Союза сотню, другую идиотов и начнут тягучую бузу. Им будут говорить рыбьи слова, а они хлопать. Ничего свежего от будущего союза, кроме пошлой официальщины, ждать нечего».

По поводу репрессий в отношении врагов народа Светлов говорил: «Что творится? Ведь всех берут, буквально всех. Делается что-то страшное».... В антисоветском духе Светлов высказывался и о процессе над участниками правотроцкистского блока: «Это не процесс, а организованные убийства, а чего, впрочем, можно от них ожидать? Коммунистической партии уже нет, она переродилась, ничего общего с пролетариатом она не имеет...»

СПРАВКА НКВД ДЛЯ СТАЛИНА О ПОЭТЕ И. П. УТКИНЕ

«Уткин Иосиф Павлович, 1903 года рождения, беспартийный, поэт, член ССП. Уткин примкнул к троцкистской организации в 1927 году...

...Разгром троцкистских организаций вызвал резкое озлобление у Уткина. Он заявляет, что все процессы над троцкистами «инсценированы», что идет поголовное «истребление интеллигенции», в литературе царит «зажим» и «приспособленчество». «Идет ставка на бездарное, бездумное прошлое. Талант зачислен в запас. Это истребление интеллигенции, и при этом изничтожили тех, кто думает, кто мыслить способен и кто поэтому сейчас не нужен. Европа смеется над такой конституцией, которую сопровождают такие салюты, как расстрелы. Интеллигенция это не приемлет».

Антисоветские настроения Уткина в последнее время углубились. Ниже приводятся высказывания Уткина, относящиеся к первой половине августа: «Пытаться понять, что задумал Сталин, что творится в стране, — происходит ли государственный переворот или что другое, — невозможно».

...Враг не смог бы нам причинить столько зла, сколько Сталин сделал своими процессами... Когда я читаю газеты, я говорю: «Боже, какой цинизм, мрачный азиатский цинизм в нашей политике».

Наступила очередь и «верных солдат партии». Бывшим руководителям РАППа и литературного сектора Коммунистической академии Авербаху, Киршону, Макарьеву, Динамову, Чумандрину, Селивановскому, Мазнину, Пикелю и другим тоже вменили в вину организацию терактов против лидеров партии и государства.

В Ленинграде «обнаружили» очередную писательскую «троцкистскую террористическую организацию». За участие в ней арестовали и приговорили к высшей мере наказания или различным срокам заключения поэтов Корнилова, Калитина, Лившица, Дагаева, Заболоцкого, Берггольц, десятки писателей, переводчиков. В январе 1940 года был расстрелян по сфальсифицированному обвинению в шпионаже и участии в террористической организации писатель Бабель. Такая же участь постигла литературного критика, бывшего эмигранта, Мирского (Святополк-Мирского). Печально известны кампании травли в 1940 году, связанные с именами Авдеенко, Леонова, Катаева, Ахматовой и других.

Репрессии в отношении творческой интеллигенции продолжались и во время войны. Режим без устали трубил о монолитном единстве общества и массовых подвигах. Действительно солдаты дрались героически, не жалея себя. Они сражались против оккупантов. Однако о едином порыве говорить не приходится. Более 5 миллионов солдат и офицеров оказались в плену. Около миллиона военнослужащих было осуждено на фронте за разные проступки, а то и по самодурству, в том числе 157 тысяч расстреляно. На стороне Германии воевала власовская армия, в советском тылу были сформированы десятки повстанческих групп. На оккупационные власти работали тысячи полицаев — граждан СССР.

Сталин хорошо знал об этом, но свое спасение видел только в продолжении террора. Семьи военнопленных репрессировались. Продолжались аресты и расстрелы по политическим мотивам. В августе 1941 года был осужден к 20 годам лагерей и погиб в заключении академик Луппол. В 1943 году умер в тюрьме академик Вавилов — выдающийся ученый-генетик. В годы войны репрессировали писателя Овалова, искусствоведа Сахновского, солиста оперы Большого театра Головина, руководителя Государственного джаз-оркестра СССР Варламова, певца Козина. По указанию Сталина в

марте 1943 года арестовали и осудили кинодраматурга Каплера, поскольку в него влюбилась дочь «вождя» Светлана. В Литературном институте «выявили» антисоветскую группу студентов — приверженцев «необарокко». В лагере оказался будущий литературовед Белинков, написавший, по мнению следствия, подозрительную дипломную работу. В 1943 году развернулась атака против Довженко, Асеева, Зощенко, Сельвинского.

Верно, что война против агрессора объединяла людей, но она же их побуждала к серьезным размышлениям и оценкам происходящего, срывала маски лжи и лицемерия в поведении властей. Сталину регулярно доносили о настроениях интеллигенции. Приведу текст спецсообщения от июля 1943 года.

«Новиков-Прибой А. С., писатель: «Крестьянину нужно дать послабление в экономике, в развороте его инициативы по части личного хозяйства. Все равно это произойдет в результате войны... Не может одна Россия бесконечно долго стоять в стороне от капиталистических стран, и она перейдет рано или поздно на этот путь...»

Уткин И. П., поэт: «У нас такой же страшный режим, как и в Германии... Все и вся задавлено... Мы должны победить немецкий фашизм, а потом победить самих себя... Всякую самостоятельность бюрократия, правящая государством, убивает в зародыше. Их идеал, чтобы русский народ стал единым стадом баранов. Этот идеал уже почти достигнут...»

Никитин М. А., писатель: «Неужели наша власть не видит всеобщего разочарования в революции? Неужели не будут предприняты реформы после войны? Так больше нельзя».

Соловьев Л. В., писатель: «Надо распустить колхозы, тогда положение изменится. ...Русский народ несет главное бремя войны, он понес неслыханные жертвы. А что он получит в случае победы? Опять серию пятилеток, голод, очереди. Перспектива у нас грустная, и не хочется думать о том, что будет завтра...»

Бонди С. М., профессор: «Для большевиков наступил серьезный кризис, страшный тупик. И уже не выйти им из него с поднятой головой, а придется ползать на четвереньках, и то лишь очень короткое время».

Федин К. А., писатель: «...Все русское для меня давно погибло с приходом большевиков; теперь должна наступить новая эпоха, когда народ не будет больше голодать, не будет все с себя снимать, чтобы благоденствовала какая-то кучка людей (большевиков)».

Пастернак Б. Л., поэт: «Я не хочу писать по регулятору уличного движения: так можно, а так нельзя. А у нас говорят — пиши так, а не эдак... Я делаю переводы, думаете, от того, что мне это так нравится? Нет, от того, что ничего другого нельзя делать... У меня длинный язык, я не Маршак, тот умеет делать, как требуют, а я не умею устраиваться и не хочу. Я буду говорить публично, хотя знаю, что это может плохо кончиться».

Толстой А. Н., писатель: «В близком будущем придется допустить частную инициативу — новый НЭП, без этого нельзя будет восстановить и оживить хозяйство и товарооборот...»

Гладков Ф. В., писатель: «Подумайте, 25 лет советская власть, а даже до войны люди ходили в лохмотьях, голодали... В таких городах, как Пенза, Ярославль, в 1940 году люди пухли от голода, нельзя было пообедать и достать хоть хлеба. Это наводит на очень серьезные мысли: для чего же было делать революцию, если через 25 лет люди голодали до войны так же, как голодают теперь...»

Пришвин М. М., писатель: «...Одной из величайших загадок и тайн жизни надо считать следующее явление... Население войны не хочет, порядками недовольно, но как только такой человек попадает на фронт, то дерется отважно, не жалея себя... Я отказываюсь понять сейчас это явление...»

В октябре следующего, 1944 года очередной донос Сталину:

«Асеев Н. Н.: «Слава богу, что нет Маяковского. Он бы не вынес. А новый Маяковский не может родиться. Почва не та. Не плодородная, не родящая почва. ...Ничего, вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди, все видавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей. Важно поэту, не разменяв таланта на казенщину, дождаться этого времени».

Зощенко М. М.: «Мне нужно переждать. Вскоре после войны литературная обстановка изменится, и все препятствия, поставленные мне, падут. Тогда я буду снова печататься. Пока же я ни в чем не изменюсь, буду стоять на своих позициях».

Чуковский К. И.: «...Я живу в антидемократической стране, в стране деспотизма и поэтому должен быть готовым ко всему, что несет деспотия. По причинам, о которых я уже говорил, т. е. в условиях деспотической власти, русская литература заглохла и почти погибла... Зависимость теперешней печати привела к молчанию талантов и визгу приспособленцев — позору нашей литературной деятельности перед лицом всего цивилизованного мира».

<u>Федин К. А.</u>: «Смешны и оголенно ложны все разговоры о реализме в нашей литературе. Может ли быть разговор о реализме, когда писатель понуждается изображать желаемое, а не сущее? Все разговоры о реализме в таком положении есть лицемерие или демагогия. Печальная судьба литературного реализма при всех видах диктатуры одинакова... Горький — человек великих шатаний, истинно русский, истинно славянский писатель со всеми безднами, присущими русскому таланту, — уже прилизан, приглажен, фальсифицирован, вытянут в прямую марксистскую ниточку всякими Кирпотиными и Ермиловыми. Хотят, чтобы и Федин занялся тем же! ...Не нужно заблуждаться, современные писатели превратились в патефоны. Пластинки, изготовленные на потребу дня, крутятся на этих патефонах, и все они хрипят совершенно одинаково... Пусть передо мной закроют двери в литературу, но патефоном быть я не хочу и не буду им. Очень трудно мне жить. Трудно, одиноко и безнадежно».

<u>Илья Эренбург</u>: «Вряд ли сейчас возможна правдивая литература, она вся построена в стиле салютов, а правда — это кровь и слезы».

<u>Шпанов Н. Н.</u>: «Мы живем среди лжи, притворства и самого гнусного приспособленчества».

<u>Кассиль Л. А.</u>: «Все произведения современной литературы — гниль и труха. Вырождение литературы дошло до предела».

Сталин все это читал. Наверное, смеялся над надеждами интеллектуальной элиты России. Как и Ленин, он ненавидел интеллигенцию. Не один раз, могу предположить, рассуждал он в том плане, что интеллигенция — она такая. Ворчит, ворчит, всякими фантазиями мается, а власть приласкает, десяток квартир подарит да орденов сотню рассует, она и успокоится, в глазах блеск восторга появится. А если потом две-три сотни в лагерь отвезут, то и вовсе все ладно будет.

Было, конечно, и такое. Но если внимательно прочитать чекистские доносы, то картина получается несколько другая. Это уже не занудное брюзжание интеллектуалов, а серьезные размышления и выводы людей, болеющих за свой народ, переживающих его беды и страдания. От них можно было ожидать любых неожиданностей, и Сталин шел по проторенному пути — новые расправы с вольнодумцами и травля инакомыслия.

14 августа 1946 года появляется постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Их обвинили в том, что они публиковали произведения Ахматовой и Зощенко. На

столы членов Политбюро легли характеристики КГБ на обоих писателей. «Знатоки» литературы из спецслужб обвиняют Зощенко в создании «малохудожественных комедий», в нежелании писать произведения, «отражающие советскую действительность». И постановление ЦК, и особенно доклад Жданова на собрании партийного актива Ленинграда отличались базарным хамством. «Подонок литературы», «мещанин и пошляк» — это о Зощенко. «Полумонахиня-полублудница» — это об Ахматовой. Через несколько дней Ахматову и Зощенко исключили из Союза писателей.

После войны была арестована и приговорена к 25 годам тюремного заключения актриса Зоя Федорова, посадили трубача Рознера. Оказались в концлагере архитектор Мержанов, артистка Добржанская. Сталин дал санкцию на арест актрисы Окуневской, певицы Руслановой, племянницы жены Сталина актрисы Аллилуевой. В мае 1948 года Жданов взялся за композиторов — Мурадели, Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна, Шебалина, Мясковского и других, которые были отнесены к представителям «антинародного, формалистического направления».

Продолжались свирепые гонения и в науке. Еще накануне Второй мировой войны начались преследования генетиков и биологов. В 50-е годы истекшего столетия они возобновились с удвоенной энергией. В 1947—1948 годах академики Жебрак, Жуковский, Орбели, Сперанский, Шмальгаузен и их ученики — буквально сотни исследователей, были изгнаны со своих кафедр и факультетов. Оказались запрещенными генетика и другие отрасли знаний: квантовая механика, теория вероятностей, статистический анализ в социологии. Всем этим Сталин обрек страну на научное и технологическое отставание, которое мы расхлебываем до сих пор.

В ходе изучения архивных документов открываются невероятные факты пыток людей с мировыми именами в специальных пыточных на Лубянке и в Лефортове. В июне 1939 года был арестован В. Э. Мейерхольд. Ему предъявили обвинение в принадлежности к троцкистам, связях с Бухариным и Рыковым, в шпионаже в пользу Японии. В результате избиений следователями Родосом и Ворониным Мейерхольд вначале виновным себя признал, но в суде заявил, что оговорил себя в ходе истязаний. 2 и 13 января 1940 года наивный Мейерхольд направил два письма Молотову. В первом он писал:

«Лежа на полу лицом вниз, я обнаруживал способность извиваться и корчиться, и визжать как собака, которую плетью бьет хозяин... Смерть (о, конечно!), смерть легче

этого!», говорил себе подследственный. Сказал себе это и я. И я пустил в ход самооговоры в надежде, что они-то и приведут меня на эшафот. Так и случилось...».

Во втором Мейерхольд сообщал Молотову о способах получения от него «признаний»:

«...Меня здесь били — больного 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху с большой силой), по местам от колен до верхних частей ног. А в следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-синим-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Меня били по спине этой резиной. Руками меня били по лицу, размахами с высоты... Следователь все время твердил, угрожая: «Не будешь писать (то есть — сочинять, значит!?), будем бить опять, оставим нетронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного окровавленного искромсанного тела». И я все подписывал... Я отказываюсь от своих показаний, так выбитых из меня, и умоляю Вас, Главу Правительства, спасите меня, верните мне свободу. Я люблю мою Родину и отдам ей все мои силы последних годов моей жизни».

1 февраля 1940 года Военная коллегия приговорила Мейерхольда к расстрелу.

«Оттепель» — так назвала интеллигенция короткий период после XX съезда 1956 года. Она открыла какую-то возможность освобождения от духовной тирании. Появилась надежда, что власти откажутся от практики массовых расправ за инакомыслие. Не тут-то было! Снова возобновились политические судилища, инакомыслящих лишали работы, травили в средствах массовой информации. Особенно отличалась газета «Правда».

В начале 1957 года критике был подвергнут роман Дудинцева «Не хлебом единым». Автора обвинили в том, что под флагом борьбы против культа личности он пытается перечеркнуть достижения советской власти. Я учился в это время в Академии общественных наук. Когда в газетах появились разгромные статьи, аспиранты бросились на поиски журнала. Зачитывали до дыр. Развернулись острые дискуссии. Спорили все, и мало кто оказался на официальной стороне. Осторожнее других вела себя кафедра литературы, где училась Светлана Аллилуева.

Ярчайшим примером политического террора, а одновременно и человеческой мерзости стало «дело» Бориса Пастернака. Оно достаточно известно, но без рассказа о нем картина послесталинской сталинщины будет далеко не полной. Началось, как и всегда, с записки параллельной власти — КГБ. Сообщалось, что Пастернак написал идеологически вредный роман «Доктор Живаго», собирается опубликовать его на Западе. ЦК поручил своим подразделениям заняться Пастернаком и его романом.

Президиум ЦК КПСС 23 октября 1958 года (в день присуждения Пастернаку Нобелевской премии) принимает постановление «О клеветническом романе Пастернака». Машина травли, запущенная КГБ и аппаратом ЦК, работает с нарастающим накалом. 25—27 октября состоялись собрания московских, я бы сказал, «офицеров человеческих душ». На них обсуждался вопрос «О действиях члена Союза писателей СССР Б. Л. Пастернака, не совместимых со званием советского писателя».

Поликарпов — заведующий отделом культуры ЦК, докладывает, что «все выступавшие в прениях товарищи с чувством гнева и негодования осудили предательское поведение Пастернака, пошедшего на то, чтобы стать орудием международной реакции», что «партийная группа приняла единодушное решение вынести на обсуждение писателей резолюцию об исключении Пастернака из членов Союза писателей СССР».

В те же октябрьские дни состоялось заседание Президиума Правления Союза писателей СССР. Поликарпов сообщает, что на нем присутствовало 42 писателя. И далее Поликарпов доносит: *«Пастернак прислал в Президиум Союза советских писателей письмо, возмутительное по наглости и цинизму. В письме Пастернак захлебывается от восторга по случаю присуждения ему премии и выступает с грязной клеветой на нашу действительность, с гнусными обвинениями по адресу советских писателей. Это письмо было зачитано на заседании и встречено присутствующими с гневом и возмущением...».*

Комментировать ход этого балагана нет нужды. Он до краев наполнен грязью. Ополоумев от жажды расправы, бездари топтали талант. Полагаю, однако, что следует обратить внимание на список писателей, не явившихся на собрание. Не пришли 26 писателей: Корнейчук, Твардовский, Шолохов, Лавренев, Гладков, Маршак, Тычина, Бажан, Эренбург, Ча-

ковский, Сурков, Исаковский, Лацис, Леонов, Погодин, Всеволод Иванов. Сам Пастернак на заседание тоже не пришел. Он прислал письмо, оно опубликовано.

Во время разгула бесовщины вокруг Пастернака я учился в США, в Колумбийском университете. На витринах книжных магазинов везде и всюду «Доктор Живаго». В университете только и разговоров об этом. Прочитавшие книгу студенты и преподаватели подходили ко мне и просили показать строки или страницы, за которые преследовали писателя. Я прочитал «Доктора Живаго» в английском переводе. Книга до сих пор хранится в моей библиотеке как память о том смутном времени. Должен честно сказать, роман не произвел на меня впечатления, которого я ожидал. Такое осталось ощущение, что об этих метаниях русской интеллигенции я уже читал. Я ожидал от Пастернака, после его прекрасных поэтических творений и переводов Шекспира, чего-то более мощного. Но это, как говорится, дело индивидуальное.

В то же время должен признаться, что к восприятию оценок Пастернака таких постулатов большевизма, как революция, мораль революционера, корневых этапов советской истории, я не был готов. Они мне нравились эмоционально, но для суждения разумом я не располагал ни опытом, ни информацией. Только позднее я понял, что оценки великого поэта были не игрой воображения оппозиционного ума, а правдой жизни, сутью трагического опыта России. Увы, путь от сомнений к убеждениям не бывает ни легким, ни коротким.

После расправы с Пастернаком наступила очередь Гроссмана. В 1961 году по доносу «братьев-писателей» агенты КГБ нагрянули с обыском в его дом. Конфисковали рукопись нового романа «Жизнь и судьба». До последнего листочка. Даже копирку и машинописную ленту унесли. А роман, спустя почти тридцать лет, все же вышел в свет. Один экземпляр рукописи все-таки спасли друзья писателя.

В сентябре 1965 года по записке КГБ подверглись аресту писатели Синявский и Даниэль, «вина» которых заключалась в том, что они, подобно Пастернаку, опубликовали на Западе свои произведения. Их действия КГБ квалифицировал как «особо опасное государственное преступление». Поскольку подготовка процесса шла с трудом, КГБ снова подталкивает ход событий. 6 декабря 1965 года его председатель Семичастный пишет в ЦК новую записку, поводом для которой явился митинг молодежи 5 декабря около памятника Пушкину. Среди других там был и лозунг: *«Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!»* Верховный суд СССР в феврале 1966 года приговорил Синявского — к семи, а Даниэля — к пяти годам лагерей строгого режима.

Этот процесс курировал лично Суслов. Перед судом он позвонил мне — я тогда работал в Отделе пропаганды — и сказал, что я должен постоянно находиться на процессе и координировать информационно-пропагандистскую работу. Я долго отнекивался. Ссылался на то, что проблемы литературы находятся в ведении Отдела культуры, а не Отдела пропаганды. Говорил также, что не в курсе всего этого дела, ничего не читал из написанного Синявским и Даниэлем. Наконец, Суслов согласился с моим предложением направить туда работника Отдела культуры Мелентьева. Перед этим вместе с Отделом культуры я подписал рутинную в подобных случаях сопроводиловку к записке КГБ. В ней предлагался порядок освещения процесса в печати. Слава богу, ничего вразумительного напечатано не было.

Сегодня я сожалею, что в то время не нашел времени хотя бы раз побывать на суде. Игорь Черноуцан и Альберт Беляев (из Отдела культуры ЦК) говорили мне потом, что суд произвел на них впечатление мерзкого спектакля — глупого и вульгарного. Доходило до меня и то, что Суслов выражал резкое недовольство слабой эффективностью этой акции.

Уже в наше время ко мне домой зашли Андрей Синявский и Мария Розанова. Чаевничали весь вечер, вспоминали те тяжелые смутные дни, когда только отдельные духовные пастыри осмеливались прорываться со своими посланиями к людям, к интеллигенции, показывая нелепость сложившейся обстановки, бездарность власти, не понимающей своего ничтожества, особенно когда речь шла о культуре. Андрей Синявский остался в моей памяти как мудрый служитель духа. К сожалению, он рано покинул этот мир.

Репрессивная политика работала без устали. Отправили в ссылку Иосифа Бродского, будущего Нобелевского лауреата. Выдавили за границу неугодных властям режиссеров Тарковского и Любимова, писателя Некрасова, виолончелиста и дирижера Ростроповича.

Власти все чаще стали прибегать к психиатрии как средству борьбы с инакомыслием. Эта практика связана, прежде всего, с именем Юрия Андропова. В 60-е годы был «теоретически обоснован» по указанию КГБ диагноз «вялотекущая шизофрения», позволявший объявить больным любого человека, если это потребуется властям. Численность узников специализированных психиатрических больниц стала быст-

ро расти. По свидетельству тех, кто, будучи здоровым, прошел такое лечение, «психушки» были страшнее тюрем и лагерей.

Власть продолжала свой контроль за жизнью интеллигенции, разделив ее на подозреваемых и на временно неподозреваемых, на выездных и невыездных, на печатаемых и непечатаемых, на награждаемых и ненаграждаемых, приглашаемых на официальные приемы и банкеты и неприглашаемых.

Напомню наиболее близкие по времени примеры травли Андрея Сахарова и Александра Солженицына.

«Комитет Госбезопасности информирует о том, что 17 сентября 1973 г. жена Солженицына пригласила к себе на квартиру академика Сахарова с женой и имела с ними двухчасовую беседу. Выражая мнение Солженицына, его жена в беседе настойчиво проводила мысль о необходимости дополнительного обращения Сахарова к мировой общественности по более широкому кругу проблем, касающихся якобы отсутствия свобод в Советском Союзе...»

В январе 1974 года на Политбюро, где обсуждался вопрос «О Солженицыне», Брежнев, имея в виду книгу «Архипелаг ГУЛАГ», сказал:

«Это грубый антисоветский пасквиль. Нам нужно в связи с этим сегодня посоветоваться, как нам поступать дальше. По нашим законам мы имеем все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое: на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на все, что дорого нам. В свое время мы посадили в тюрьму Якира, Литвинова и других, осудили их, и затем все кончилось. За рубеж уехали Кузнецов, Аллилуева и другие. Вначале пошумели, а затем все было забыто. А этот хулиганствующий элемент Солженицын разгулялся».

Андропов на том же заседании заявил: *«...Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап... Он выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя. Его сочинение «Архипелаг ГУЛАГ» не является художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно, у нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов... Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны...»*

Предложение Андропова было принято. Солженицын вскоре был насильственно выслан из СССР и лишен гражданства.

В декабре 1979 года Андропов в очередной раз докладывает о Сахарове. Доносит, что тот *«в 1972—1979 годах 80 раз посетил капиталистические посольства в Москве», имел более «600 встреч с другими иностранцами», провел «более 150 так называемых пресс-конференций», а по его материалам западные радиостанции подготовили и выпустили в эфир «около 1200 антисоветских передач»*. Все было подсчитано, но предать суду Сахарова тогда побоялись из-за «политических издержек» международного масштаба.

Академик Арбатов, посетив меня в Канаде, рассказывал, что спецслужбы активно искали форму расправы с Андреем Дмитриевичем. Наконец, 3 января 1980 года Политбюро решило лишить Сахарова всех высоких званий и «в качестве превентивной меры административно выселить его из Москвы в один из районов страны, закрытый для посещения иностранцами».

За всей этой пляской невежества вокруг Пастернака, Солженицына, Сахарова и многих других достойнейших граждан нашей страны я наблюдал из Канады. Создавалось ощущение агонии власти. Во время многочисленных встреч на разных приемах я ловил то ли сочувствующие, то ли осуждающие взгляды, впрочем, может быть, это мне только казалось. В любом случае я чувствовал себя неловко, зябко, старался сократить свои встречи до минимума.

Уже в путинские времена, я смотрел очередную серию вранья об Андропове. Приспособленцы, как всегда, из кожи лезут, чтобы перед властью выслужиться. Не сталинист, мол, Андропов, не палач, не персонаж пещерных времен, а «друг интеллигенции», то и дело спасавший ее от неприятностей. Я понимаю, что фильмы заказные, входят в программу отмывания кровавого прошлого, причем за деньги налогоплательщиков, но все равно мне жалко сценаристов, берущихся за это пошлое, мягко говоря, занятие. Гораздо честнее было бы зачитать злобные письма Андропова в Политбюро, требующие ужесточения мер против любого инакомыслия.

С началом Перестройки в духовную жизнь пришли новые надежды. Но репрессивная машина и идеология нетерпимости упорно не сдавали своих позиций. Да и некоторые писатели, особенно те, что, кроме доносов, ничего писать были не в состоянии, не хотели (и до сих пор не хотят) расставаться с прошлым. В сталинско-андроповском заповеднике им было тепло и уютно.

Честно говоря, я был искренне убежден, что свобода предельно сузит поле доносов, дрязг, разного рода разоблачений, основанных на личных амбициях и зависти. До того, как попасть в Политбюро, я не знал, что немалая часть людей культуры и науки были агентами КГБ. Карательные службы умело использовали осведомительную сеть для того, чтобы держать в узде интеллигенцию. Некоторым из них даже разрешалось высказывать какие-то «смелые» мысли, чтобы легче было проникнуть в среду инакомыслия.

Сегодня время другое, но завербованные ранее «мастера пера», работающие в жанре политического и прочего сыска, до сих пор продолжают разоблачать «агентов влияния», заниматься доносительством. Сегодняшние газетные или эфирные компроматные «сигналы» очень похожи на донесения карательных служб прошлых времен, которые я читал и продолжаю читать в изобилии, занимаясь реабилитацией жертв политических репрессий.

Все смешалось в российском доме интеллигенции: некоторые бывшие антисоветчики стали певцами советской власти, бывшие антикоммунисты — новокрещеными большевиками, а те, кто клеймил империю последними словами и с нетерпением ждал ее краха, теперь превратились в певцов великодержавности. Есть и такие бывшие «инакомыслящие», которые, устав, видимо, от свободы, ратуют за то, чтобы приструнить подраспустившийся народ и с этой целью вернуть силовым структурам печально известные функции по «наведению порядка».

Свобода слова и творчества набирала обороты, но КГБ, как и раньше, продолжал направлять в ЦК записки о враждебной деятельности интеллигенции, а также литературные «обзоры», разумеется, определенного содержания и подготовленные агентурой из писателей. В записке КГБ от июня 1986 года (уже шла перестройка) перечисляются фамилии многих известных писателей, которых якобы «обрабатывают» иностранные разведки. Сообщается, что «Рыбаков, Светов, Солоухин, Окуджава, Искандер, Можаев, Рощин, Корнилов и другие находятся под пристальным вниманием спецслужб противника». Упоминаются также Солженицын, Копелев, Максимов, Аксенов как «вражеские элементы». И снова, уже в XXI веке, повылезали из пещер звонари «нового курса», которые критиков власти относят к «пятой колонне».

Господи, какая же дикая система! И сколько же еще понадобится времени, чтобы избавиться от дури. Прав великий Толстой: мы больны.

7

Уже с весны 1918 года начинается открытый террор против всех религий, особенно против православия. Инициатором террора стал Ленин. Документы свидетельствуют, что священнослужители, монахи и монахини подвергались зверским расправам, их распинали на церковных вратах, скальпировали, варили в котлах с кипящей смолой, причащали расплавленным свинцом, топили в прорубях. На один только 1918 год приходится 3000 расстрелов священнослужителей, а всего за время советской власти было убито этой властью более 300 тысяч служителей разных конфессий.

Уже на второй день после контрреволюционного переворота вновь провозглашенная власть изъяла все монастырские и церковные земли. Вскорости запретили деятельность Поместного собора. Ленин потребовал «провести беспощадный террор против ... попов».

В первой после захвата власти первомайской демонстрации было приказано участвовать всем. Но на беду день 1 мая 1918 года пришелся по старому стилю на среду Страстной недели, и верующие не могли пойти на светское шествие. Начались аресты и расстрелы. Было полностью уничтожено руководство Пермской епархии. В Оренбургской епархии репрессировали более 60 священников, из них 15 — расстреляли. В Екатеринбургской епархии за лето 1918 года расстреляно, зарублено и утоплено 47 служителей церкви.

В разгар гражданской войны православная церковь призывала к прекращению кровопролития, к примирению. Патриарх Тихон (в миру Василий Иванович Белавин) счел невозможным дать свое благословение белой гвардии, но в то же время предал анафеме большевиков. Он проявляет поразительную настойчивость, чтобы остановить террор против церкви и ее служителей. 9 сентября 1918 года он обращается в СНК с письмом, в котором говорит о продолжающемся терроре: *«...Участились преследования церковных проповедников, аресты и заключения в тюрьмы священников, и даже епископов. Таковы: безвестное похищение Пермского епископа Адроника, издевательская посылка на окопные работы Тобольского епископа Гермогена и затем казнь его, недавний расстрел без суда Преосвященного Макария, бывшего епископа Орловского...»* В октябре 1918 года Патриарх обратился с посланием к Совету народных комиссаров.

«Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство... Вы обещали свободу... Великое благо — свобода, если

она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали; во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода... Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушен; печать, кроме узко-большевистской, задушена совершенно... Дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая, и от меча погибнете сами вы, взявшие меч».

В конце 1919 года большевики пытались выяснить, есть ли возможность создания «советской» церкви с «красными» попами. Оказалось, что можно. Как всегда, нашлись и перевертыши, готовые угодливо служить власти, но не человеку. Дзержинский быстро смекнул, что подобное решение может в какой-то мере увести церковь из-под крыши его ведомства. Он пишет своему заместителю Лацису: «Мое мнение: церковь разваливается, этому надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-нибудь другой». По указанию Ленина карательная служба взяла под свой контроль все конфессии России, а затем и СССР. Так продолжалось до самой Перестройки. Впрочем, и сегодня иерархи православной церкви не нашли достойного слова в осуждение губителей христианской веры.

Мародерская власть с завистью смотрела на богатства православной церкви. Цари и императоры, аристократы и богатые купцы жертвовали церкви огромные суммы и ценности, одевали иконы в золотые и серебряные оклады, украшенные сверкающей россыпью драгоценных камней. Священные книги одевались в золотые переплеты. Драгоценная церковная утварь, выполненная искуснейшими ювелирами многих поколений, составляла гордость храмов, лавр, монастырей и их прихожан. Церковь строила бесплатные больницы, приюты, богадельни, дома призрения, школы, училища.

Как известно, в 1921 году Россию охватил голод. Он свирепствовал в Украине, на юге России, в Поволжье. В этих местах голодало до 40% населения. Зафиксировано до 50 случаев людоедства.

Церковь не могла остаться равнодушной к смерти миллионов людей. Патриарх Тихон пишет письмо Ленину и

предлагает передать часть церковных ценностей для закупки хлеба. Ленин зачитал послание Патриарха на Политбюро и заявил, что надо воспользоваться случаем и обвинить церковь в нежелании помочь голодающим.

Наивный Патриарх терпеливо ожидал ответа. А тем временем Ленин 23 февраля 1922 года подписал декрет «Об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих». Отряды ОГПУ (так теперь называлась ВЧК) ринулись в храмы и монастыри. Вся эта бандитская акция вылилась в чистейшее мародерство. Разграблению подверглась Александро-Невская лавра. Оттуда было вывезено 4 пуда золота, более 41 пуда серебра, 40 бриллиантов различных величин. Был ограблен Новодевичий монастырь. Напомню публикацию «Петроградской правды» от 5 мая 1922 года об этом грабеже: «Изъято всего 30 пудов. Главную ценность представляют две ризы, усыпанные бриллиантами. На одной только иконе оказался 151 бриллиант, из которых 31 крупных. Кроме того, на ризе были жемчужные нитки и много мелких бриллиантов. На другой иконе оказалось 73 бриллианта, 17 рубинов, 28 изумрудов. Большую ценность представляют венчики икон, почти сплошь усыпанные камнями. По определению оценщиков, все эти камни представляют крупную ценность, так как один бриллиантовый карат теперь оценивается в 200 миллионов рублей. Таким образом, изъятые ценности Новодевичьего монастыря стоят в общей сложности около 100 миллиардов».

В отчете VIII (ликвидационного) отдела Народного комиссариата юстиции VIII Всероссийскому Съезду Советов за 1920 год подчеркивалось: «Общая сумма капиталов, изъятых от церковников, по приблизительному подсчету, исключая Украину, Кавказ и Сибирь, равняется — 7 150 000 000 руб.»

Потрясенный Тихон обратился с воззванием ко всем «верующим чадам Российской Православной Церкви» (28 февраля), объявив действия властей «святотатством». С протестующими не церемонились. Документы сообщают о случаях, когда толпы верующих рассеивались пулеметным огнем, а арестованных в тот же день расстреливали. Всего зафиксировано более полутора тысяч кровавых столкновений между прихожанами и властью. Конечно же всю вину за подобный бандитизм большевики возлагали на саму церковь.

В марте 1923 года Ленин направил письмо членам Политбюро, руководству ОГПУ, Наркомата юстиции и Ревтрибунала: *«Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не оста-*

навливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам по этому расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

К 1 апреля 1923 года большевистские мародеры изъяли ценностей в количестве: золота — 26 пудов 8 фунтов 36 золотников; серебра — 24 565 пудов 9 фунтов 51 золотник; серебряных монет — 229 пудов 34 фунта 66 золотников; изделий с жемчугом — 2 пуда 29 золотников; бриллиантов и других драгоценных камней — 1 пуд 34 фунта 18 золотников.

Сегодня трудно оценить чистую прибыль мародеров. Одни специалисты полагают, что она составляет не меньше двух с половиной миллиардов золотых рублей. Некоторые исследователи утверждают, что эту цифру можно, не греша истиной, увеличить раза в три.

А как же обстояло дело с закупками хлеба? Официальная советская статистика указывает, что в 1922—1923 годах хлеба за границей было закуплено всего на один миллион рублей — и то на семена. Есть данные, что на эти цели было затрачено до 9 млн рублей. Что же касается закупок скота и сельскохозяйственных орудий, то их не было вообще. В то же время американская организация — АРА к сентябрю 1922 года закупила для России хлеба, продуктов питания и других товаров на 66 млн долларов. Помощь голодающим России оказывали также Комитет Нансена, Международный союз помощи детям, Французский Красный Крест, Шведский Красный Крест, Швейцарский Красный Крест, Итальянский Красный Крест, Католическая миссия и другие. Между тем российский хлеб отправлялся за границу. Например, в июне 1922 года в Мариупольском порту находилось около 300 тысяч пудов хлеба, приготовленных для продажи за рубежом.

В те страшные годы в России погибло от голода более 5 млн человек. У Ленина было достаточно средств, чтобы спасти голодающих от смерти, но он не захотел этого сделать, совершив тем самым чудовищное преступление пред народами России.

Куда же пошли несметные сокровища?

«Лихорадка на мировых биржах, вызванная резким падением цен на золото, связывается специалистами с поступлением на мировой рынок больших партий этого металла из России. Партию большевиков, правящую ныне в этой несчастной стране, вполне можно назвать «партией желтого дьявола», — писала английская газета «Гардиан» в марте

1923 года. То же самое отмечала «Таймс»: «Покупка левыми социалистами двух шестиэтажных домов в деловой части Лондона по аукционной цене в 6 миллионов фунтов стерлингов за дом и установка за 4 миллиона фунтов стерлингов помпезного памятника Марксу на месте его погребения свидетельствуют о том, что большевикам в Москве есть куда тратить деньги, конфискованные у церкви якобы для помощи голодающим».

Итак, церкви разграблены, как и приказал Ленин, «с беспощадной решительностью» и «в кратчайший срок». 28 марта 1922 года «Известия» опубликовали список «врагов народа». Первым в нем был указан Патриарх Тихон. В мае арестовали митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина, архиепископа Сергия, епископа Венедикта, протоиерея Огнева, председателя правления православных приходов Петрограда профессора Новицкого, настоятеля Казанского собора Чукова, ректора Богословского института Богоявленского, настоятеля Исаакиевского собора Чельцова. Митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, профессор Новицкий были расстреляны. 4 мая 1922 года Политбюро постановляет за «антисоветскую деятельность» привлечь Патриарха Тихона к судебной ответственности. А через два дня он был взят под стражу.

Невообразимым пыткам был подвергнут Пермский архиепископ: палачи вырезали у него щеки, выкололи глаза, обрезали уши и нос, а затем водили его по городским улицам, потом расстреляли. Приехавший в Пермь в связи с этой расправой Черниговский архиепископ Василий был схвачен и тоже расстрелян. Епископа Тобольского и Сибирского Гермогена изуверы привязали к колесу парохода и включили ход. Митрополит Киевский и Галицкий Владимир также был изувечен и расстрелян. Всего было расстреляно 32 митрополита и архиепископа, тысячи священников, дьяконов и монахов, а также более 100 тысяч верующих.

В июне 1920 года ленинское правительство принимает решение о вскрытии мощей святых, на сей раз во всероссийском масштабе, поскольку мародеры уже начали разрушать раки и до постановления. Только с 1 февраля 1919 по 28 сентября 1920 года в Архангельской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Тамбовской, Тверской, Саратовской и Ярославской губерниях было совершено 63 вскрытия.

В архиве ФСБ хранится дело митрополита ярославского Агафангела, на обложке которого есть чья-то пометка: «Дело представляет исторический интерес». 5 мая 1922 года в Толг-

ский монастырь, где проживал митрополит, прибыл «красный» протоиерей Красницкий и потребовал от владыки, чтобы он подписал воззвание так называемой «инициативной группы» духовенства, обвинявшей Тихона и его окружение в контрреволюционной деятельности. Митрополит отказался. Спустя два дня с него была взята подписка о невыезде, а возле кельи выставили охрану. Еще через месяц с небольшим ГПУ предъявило Агафангелу обвинение в том, что в 1917—1922 годах он «использовал церковь против существующей власти». 30 октября 1922 года митрополит был заключен под стражу в Ярославле, а затем переведен в Москву — в тюрьму на Лубянке. 25 ноября 1922 года семидесятилетнего митрополита выслали в Нарымский край.

Наибольшее число жертв из православного духовенства приходится на 1937 год: тогда было репрессировано 136 900 человек, из них расстреляно 85 300. В 1938 году соответственно — 28 300 и 21 500; в 1939 году — 1500 и 900; в 1940 году — 5100 и 1100. И, наконец, в 1941 году репрессировано 4000 священнослужителей, из них казнено 1900. Во время Отечественной войны власти были вынуждены несколько ослабить давление на церковь, но это вовсе не означало прекращения репрессий. В 1943 году общее число репрессированных православных священнослужителей составило более 1000 человек, из них расстреляно 500. В 1944—1946 годах количество смертных казней среди духовенства каждый год составляло более 100.

В 1917 году в России было около 78 тысяч православных храмов, 1253 монастыря и скита. В 1928 году осталось чуть больше 30 тысяч. В Москве из 568 храмов и 42 часовен за годы советской власти было разрушено 426, многие были закрыты и обезображены. В 1922 году в Москве был снесен великолепный памятник архитектуры — часовня Александра Невского на Моисеевской площади (ныне часть Охотного ряда между гостиницей «Москва» и Госдумой РФ), построенная в память воинов, погибших в русско-турецкой войне. Большевики взорвали храм Христа Спасителя, построенный в ознаменование победы России над Наполеоном. Позже были снесены собор Казанской Божьей Матери на Красной площади, построенный в 1636 году в честь победы народного ополчения Минина и Пожарского над интервентами, и часовня Иверской Божьей Матери. До революции в Ярославской губернии было 28 монастырей, к 1938 году там были закрыты все монастыри и более 900 церквей.

После войны власть с энтузиазмом продолжала закрытие храмов, включая и послесталинское время. К 1963 году, например, число православных приходов по сравнению с 1953 годом было сокращено более чем вдвое. В Москве летом 1964 года впервые за послевоенное время был разрушен храм Малого Преображения. Подобное варварство гуляло по всему СССР. Скажем, в Днепропетровской и Запорожской епархиях в 1959 году было 285 приходов, а к 1961 году осталось всего 49. В 1963 году закрыли Киево-Печерскую лавру.

К началу 60-х годов вновь появились заключенные из числа верующих и духовенства, арестованные за свои убеждения. За 1961—1963 годы и первое полугодие 1964 года было осуждено 806 человек. По Указу о тунеядцах за это время выслали в отдаленные районы страны 351 священнослужителя.

В период правления Брежнева закрытие церквей чуть-чуть притормозилось. Однако новый генсек ЦК Андропов вновь ужесточил государственно-церковные отношения, призвал усилить атеистическую работу, возобновил преследования религиозных деятелей. Он морально готовил страну к новому сталинизму.

Только с Перестройкой пришла свобода церковной деятельности и свобода вероисповедания. Но некоторые «святые отцы» как бы не заметили этого поворота. Они теперь в дружбе с лидерами КПРФ в центре и на местах, вычистив из памяти злодеяния большевиков в отношении религии.

8

Армию Сталин предавал не один раз. Я, как фронтовик, воспринимаю подобное с особой остротой, с негодованием и презрением к тем, кто вину за собственные преступления в войнах пытался переложить на солдатские плечи. Сталин боялся армии и ненавидел ее. Пытаюсь, но не могу ответить на вопрос, почему он это делал. Сдуру? С перепугу? С умыслом? В любом случае нас ждут здесь новые открытия. Сталин хорошо подготовил армию для поражений в Отечественной войне.

Руководство страны сразу же после окончания гражданской войны ориентировало карательные органы, что никакие заслуги перед советской властью не могут служить препятствием для применения репрессивных мер в армии. Речь пошла, таким образом, о тех генералах, офицерах и военных специалистах царской армии, которые стали служить в рабоче-крестьянской Красной армии, как она тогда называлась.

Первые массовые репрессии начались на Балтийском флоте. Повод — кронштадтские события февраля — марта

1921 года. Из 674 человек командного состава Балтфлота к «изъятию» были определены 384 офицера. Аресты начались в ночь на 24 августа 1921 года. Сначала арестовали 284 человека. Через некоторое время были арестованы оставшиеся 100 человек. Все были уничтожены.

В конце 1921 года началась подготовка к выселению из Петрограда и Петроградской губернии «в порядке чистки» тех, кто ранее служил на Балтийском флоте. В связи с этим 25 декабря 1921 года Политбюро создало комиссию под председательством Антонова-Овсеенко. Предлагалось выселить из Петрограда в административном порядке всех бывших военморов. Поначалу изгнали 350 семей. На этом «очищение» не закончилось. В 1926 году была «раскрыта» *монархическая организация*, якобы действовавшая на Балтийском флоте с начала 20-х годов. То же самое было сделано и на Черноморском флоте.

С середины 20-х годов Сталин дает личные указания о необходимости борьбы со «шпионами» в армии. 23 июня 1927 года он направил из Сочи, где отдыхал, телеграмму Менжинскому следующего содержания: *«Мое личное мнение: 1) агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется... 2) повальные аресты следует использовать для разрушения шпионских связей, для завербования новых сотрудников из арестованных по ведомству Артузова и для развития системы добровольчества среди молодежи в пользу ОГПУ и его органов, 3) хорошо бы дать один-два показательных процесса по суду по линии английского шпионажа, дабы иметь официальный материал для использования в Англии и Европе... 6) обратить особое внимание на шпионаж в военведе, авиации, флоте».*

И пошло-поехало.

В июле 1929 года по докладу ОГПУ принимается следующее решение Политбюро о контрреволюционной деятельности в оборонной промышленности: *«а) разослать обвинительное заключение ОГПУ членам ЦК и ЦКК, а также хозяйственникам, в том числе директорам заводов, в особенности в военной промышленности; б) предрешить расстрел руководителей контрреволюционной организации вредителей в военной промышленности, а самый расстрел отложить до нового решения ЦК о моменте расстрела; в) предложить ОГПУ представить список лиц, подлежащих расстрелу».*

Итак, списка еще нет, но расстрел предрешен. Вскоре Политбюро утверждает список лиц, подлежащих расстрелу. Ее состав состоял в основном из бывших чинов царской армии: Михайлов В. С. — генерал, дворянин; Высочанский Н. Г. —

генерал, дворянин; Дымман В. Л. — генерал, дворянин; Деханов В. Н. — генерал, дворянин; Шульга Н. В. — генерал.

В 1930 году была «разоблачена» *заговорщическая организация в Военно-морских силах РККА*. Эта организация, писал Менжинский Сталину, «возникла на базе остатков организаций, ликвидированных ранее», ее целью было «свержение советской власти путем подготовки интервенции». Вредительская деятельность членов организации якобы выражалась в проведении «линии постройки большого броненосного флота», с тем чтобы «оторвать средства от главной силы — сухопутной армии и тормозить постройку доступного нам флота».

В сентябре 1930 года Менжинский докладывает Сталину, Орджоникидзе и Ворошилову о ликвидации контрреволюционной организации в *3-м управлении Комиссариата обороны*. Она якобы ставила своей задачей сорвать в случае войны своевременное сосредоточение армии на основных стратегических направлениях, тормозить развитие и использование железнодорожного транспорта для обороны страны.

16 октября 1930 года коллегией ОГПУ «за вредительскую контрреволюционную деятельность в *Артиллерийском управлении*» были приговорены к расстрелу десять руководящих работников этого управления.

В ноябре 1930 года Ягода сообщил Ворошилову, а в копии Сталину о контрреволюционной организации в *Военно-химическом управлении*. Тогда же «вредительские контрреволюционные организации» были ликвидированы в *Военно-топографическом управлении* и *Управлении военных сообщений*, несколько позднее — в *Инженерном управлении* и *Военно-строительном управлении*.

Во второй половине 30-х годов в активе чекистов уже значилось «раскрытие» более сотни «контрреволюционных», «террористических», «вредительских» и «шпионских» организаций в РККА. Новые руководители армии и флота, из которых пропаганда начала лепить «истинных» полководцев, торопились избавиться от грамотных военных специалистов из царской армии. В декабре 1930 года председатель ГПУ Украины Балицкий сообщил Менжинскому о «раскрытии» в Киеве «крупной военно-диверсионной и повстанческой организации», которая является частью «единой всесоюзной организации с центром в Москве». Следователи «установили», что подобные организации имеются в Ленинграде, Минске, Ростове, Крыму, Свердловске, Новосибирске и других местах. Деятельностью всей организации «руководит всесоюзный военный центр», в который входят Сергей Каменев,

Михаил Бонч-Бруевич и другие. Для ускорения чистки армии эту работу объединили в единую операцию, назвав ее «Весна». Лирики, одним словом. Всего по этому делу было уничтожено свыше 10 тысяч офицеров царской армии, оставшихся в СССР. Армия фактически осталась без профессиональных специалистов.

В мае 1931 года были арестованы генерал Дурляхов и прапорщик Горст, работавшие в *Артиллерийской комиссии*. Их обвинили в излишне активном развитии научно-исследовательских работ для того, чтобы после свержения советской власти, на что якобы рассчитывали изобретатели, результатами исследований могла воспользоваться контрреволюция. В репрессивном бредне оказывались не только представители командного состава. 5 июля 1932 года в ЦК ВКП(б) поступило сообщение о ликвидации *«контрреволюционной группировки на линкоре «Марат»»*, состоявшей из трех краснофлотцев: двух электриков и кочегара. Они ставили задачу «бороться с партией за улучшение жизни рабочего класса». Электриков и кочегара расстреляли.

Партийно-государственному руководству постоянно поступали сообщения ОГПУ о раскрытии в РККА все новых и новых «шпионских», «контрреволюционных», «диверсионно-повстанческих групп». Одной из них стала группа в Московском военном округе, названная «*Русской фашистской партией*». 10 апреля 1933 года чекисты доложили в Политбюро о ликвидации «крупной контрреволюционной повстанческой организации» в *Отдельной карельской егерской бригаде*. В сентябре 1933 года Ягода сообщил Сталину по прямому проводу из Ленинграда: «Оперативно ликвидирована *контрреволюционная фашистская организация «Союз возрождения России»*. Союз якобы имел связь с германским консульством и вел по его директивам насаждение ячеек в спецчастях Красной Армии и на военных заводах в целях шпионажа и совершения диверсий.

Новая волна репрессий обрушилась на РККА сразу же после убийства Кирова. Органы НКВД заметно усилили работу по «выявлению» в войсках и среди оставшихся еще на свободе военспецов террористических групп и ячеек, готовивших покушения на руководителей партии и правительства. В декабре 1934 года заместитель наркома внутренних дел Прокофьев докладывал Сталину о том, что в Ленинграде арестована *контрреволюционная террористическая группа «Военный коммунистический союз»*. У арестованных «нашли» листовки с призывами к борьбе «против партии и правительства». На самом деле лозунги были отнюдь не террористическими, например «Свободу труду, слову и печати», «Прекратить экспорт продуктов».

6 июня 1935 года Ежов, выступая на пленуме ЦК ВКП(б), рассказал о «раскрытии» органами НКВД «*Террористической троцкистской группы военных работников*» из слушателей Военно-химической академии. Они якобы готовили террористический акт против Сталина. Планы убить Сталина вынашивала, по утверждению Ежова, и «вскрытая» чекистами «*Контрреволюционная террористическая группа бывших активных участников белогвардейского движения*». Обе эти группы были тесно связаны с «выявленной» в этот же период «*Террористической троцкистской группой в комендатуре Кремля»*, а также с *«Террористической группой в правительственной библиотеке Кремля*», составленной из бывшей жены брата Льва Каменева Н. Розенфельд (урожденной княжны Бебутовой), дворянки Мухановой, Раевской (урожденной княжны Урусовой) и других.

По делу «*Объединенного троцкистско-зиновьевского центра*» летом 1936 года были арестованы видные военачальники Примаков, Путна, Зюк, Шмидт и Кузьмичев. Тогда же арестовали еще несколько десятков командиров. От них добивались показаний о существовании в армии военно-троцкистской организации. Одновременно перед Политуправлением РККА была поставлена задача развернуть кампанию одобрения деятельности карательных органов. 25 августа 1936 года на митинге сотрудников этого управления в присутствии его начальника Гамарника принимается следующая резолюция.

«С чувством глубочайшего удовлетворения мы встретили приговор о расстреле шайки преступников, убийц и фашистских агентов Зиновьева, Каменева, Смирнова, Бакаева, Мрачковского и других. Этот приговор выражает нашу волю. Нет и не может быть места на прекрасной советской земле ползучим гадам, предателям, террористам, людям, поднимающим свою преступную руку на нашего великого, любимого и всем родного товарища Сталина».

Осенью 1936 года армейские партийные организации получили директиву Политбюро «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». В ней давалась жесткая установка рассматривать «троцкистско-зиновьевских мерзавцев... как разведчиков, шпионов, диверсантов фашистской буржуазии в Европе». В директиве говорилось: «Необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только под-

следственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы».

Трагические последствия для РККА имел февральско-мартовский (1937 г.) пленум ЦК ВКП(б). В докладах Сталина, Молотова, Кагановича, в принятых на пленуме резолюциях был сформулирован курс на физическое истребление всех, кого режим мог посчитать своими потенциальными противниками. Органы НКВД начали массовые аресты командиров и политработников Красной Армии, добиваясь от них показаний о якобы существовавшей в армии подпольной троцкистской организации, возглавляемой Тухачевским, Якиром, Корком, Эйдеманом.

За многими из них еще с середины 20-х годов велось агентурное наблюдение. Уже в те годы от арестованных требовали показаний, компрометирующих Тухачевского, Якира и других высших военачальников. Не сразу, но следователям удалось «выколотить» показания о том, что Тухачевский считает положение в стране тяжелым и выжидает благоприятной обстановки для захвата власти и установления военной диктатуры. Эти «показания» были доложены Сталину. В письме от 24 сентября 1930 года он пишет Орджоникидзе:

«Здравствуй, Серго! Прочти-ка поскорее показания Какурина-Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприятного дела. ...О нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты... Стало быть, Тух-ский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру... Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело... Поговори обо всем этом с Молотовым, когда будешь в Москве».

Сталин и Ворошилов провели очные ставки между Тухачевским и лицами, которые давали на него показания, а также беседы с Гамарником, Якиром и Дубовым, которые выразили недоверие к показаниям Какурина и Троицкого. Фамилия Тухачевского была на этот раз изъята из могильного списка. Но фальсификаторов из спецслужб это решение задело за живое. Они догадывались, что Сталин хочет избавиться от Тухачевского, они же вместе потерпели жестокое поражение под Варшавой во время гражданской войны. Небожителю земные свидетели не нужны. Агентурная разработка Тухачевского и других стала еще активнее. К ней подключили и зарубежную разведку. Была организована сложнейшая многоходовая операция.

В начале 20-х годов ОГПУ, проводя агентурные мероприятия за границей по борьбе с белой эмиграцией («Трест», «Синдикат-4» и др.), распространяло легенды о наличии в СССР контрреволюционных монархических организаций, в состав которых будто бы входили многие бывшие офицеры царской армии, в том числе Тухачевский, С. Каменев, Лебедев и другие. Обратная связь сработала. Легенда понравилась западным спецслужбам. Они решили «помочь» советскому руководству обезглавить армию. Сначала к делу подключилась немецкая разведка. Из Германии начала поступать агентурная информация о наличии в Советском Союзе *«Военной партии»*, захватившей крупные посты в армии и готовящей переворот и устранение Сталина. Сообщались также различные сведения о Тухачевском, Блюхере, С. Каменеве, Буденном и других. В начале 1937 года подобные сведения начали поступать к советским агентам и по линии разведывательных служб Франции, Японии, Эстонии, Польши.

Тем временем в апреле — мае 1937 года от заместителя наркома НКВД Прокофьева, начальника особого отдела Гая, заместителя начальника оперативного отдела Воловича, бывшего начальника ПВО Медведева выбили показания о том, что Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман и некоторые другие участвуют в военном заговоре.

Настойчивость советской и иностранных разведок сработала. 10 мая 1937 года Тухачевский и Якир были освобождены от занимаемых ими постов. Вскоре они, а также Корк, Фельдман, Эйдеман и Уборевич были арестованы. Началась масштабная фальсификация дела о военно-фашистском заговоре. Прибегая к обману, шантажу, избиениям, следователи добились от Путны, Фельдмана, Корка, Примакова, а затем и от Тухачевского, Эйдемана, Якира и Уборевича признаний в государственных преступлениях. Они оговорили большую группу видных военных и политических работников армии.

С 1 по 4 июня 1937 года состоялось заседание Военного совета при наркомате обороны. Его участники были ознакомлены под расписку с «признательными» показаниями Тухачевского и других. Эти же показания широко цитировались в докладе Ворошилова, который он начал с утверждения, что «органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго за-

конспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии». Ворошилов призывал: *«Немедленно, сейчас же железной метлой вымести не только всю эту сволочь, но все, что напоминает подобную мерзость...».*

Сталин заявил, что в стране был «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирующийся германскими фашистами». Руководителями этого заговора были названы Троцкий, Рыков, Бухарин, Рудзутак, Карахан, Енукидзе, Ягода, а по военной линии — Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Гамарник. Сталин сообщил присутствующим, что из этих лиц десять человек, кроме Рыкова, Бухарина и Гамарника, являются шпионами немецкой, а некоторые — и японской разведок. Сообщив, что по делу о заговоре уже арестовано 300—400 военнослужащих, Сталин выразил недовольство отсутствием разоблачительных сигналов с мест и сказал, что если в них *«будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб»*.

Разрозненные дела на всех военачальников 5 июня 1937 года были объединены в одно следственное производство. Оно получило название *«Военно-фашистского заговора»*. Вышинский формально допросил всех обвиняемых, доложил Сталину и подписал обвинительное заключение. 11 июня перед началом судебного процесса на приеме у Сталина были Ежов и председатель суда Ульрих. В этот же день дело Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Примакова, Фельдмана и Путны рассмотрело Специальное судебное присутствие Верховного суда в составе Ульриха, Алксниса, Блюхера, Буденного, Шапошникова, Белова, Дыбенко, Каширина и Горячева. При полном отсутствии доказательств, основываясь только на самооговорах, Судебное присутствие приговорило их к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на следующий день.

Еще до вынесения приговора Сталин разослал в крайкомы, обкомы и ЦК нацкомпартий телеграмму следующего содержания: «В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает Вам организовать митинги рабочих, где возможно, крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии...»

Расправа с высшим звеном армии оказалась для карательных органов мощным сигналом к активизации арестов людей среднего командного состава «за связь с заговорщиками». Только за девять дней после суда над Тухачевским и

другими подверглись аресту (как участники военного заговора) 980 командиров и политработников.

В 1937—1938 годах Сталин, упорно добивая армию, продолжает ориентировать НКВД на проведение чисток и арестов в РККА по обвинениям во вредительстве, терроризме, шпионаже в пользу японской и финской разведок, польского генштаба, в принадлежности к белогвардейским организациям. Ежов организует инициативу с мест. Предложения посыпались без промедления и в массовом порядке. Начальник УНКВД по Свердловской области Дмитриев докладывает Ежову о контрреволюционной националистической организации коми-пермяков. Сообщалось, что она связана с представителями финского правительства и вынашивала «планы присоединения к Финляндии угро-финских народностей Урала». Ежов докладывает Сталину и получает его резолюцию: *«Т. Ежову. Очень важно. Нужно пройтись по Удмуртской, Марийской, Чувашской, Мордовской республикам, пройтись поганой метлой».*

В феврале 1938 года начальник УНКВД по Саратовской области Стромин сообщил, что в частях 53-й дивизии выявлена *«молодежная немецкая фашистская организация — филиал германской фашистской партии»*. Ежов немедленно информировал ЦК об аресте членов этой организации. Вскоре он доложил об «успешных» действиях НКВД, «разоблачивших» *«контрреволюционную белогвардейскую организацию РОВСа»* в Приморье, финансируемую Харбином. Сталинская резолюция: *«За арест всех 17 мерзавцев»*.

Ознакомившись с протоколом допроса командующего войсками Харьковского военного округа Дубового, генсек велел арестовать еще 18 старших командиров. От арестованного редактора «Красной звезды» Ланды следователи выбили показания на десятки руководящих политработников армии. Сталин написал начальнику Главного управления по начсоставу Щаденко: *«Обратите внимание на показание Ланда. Видимо, все отмеченные (названные) в показаниях лица, пожалуй, за исключением Мерецкова и некоторых других, — являются мерзавцами».*

В архивных документах содержатся разноречивые сведения о количестве военнослужащих, репрессированных в 1937—1938 годах. Однако и приведенные данные дают основание утверждать, что репрессии носили массовый характер, а для армии — катастрофический. 29 ноября 1938 года на заседании Военного совета Ворошилов заявил: «Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды... Мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек...» Среди

них были 3 заместителя наркома обороны, нарком Военно-морского флота, 16 командующих военными округами, 26 их заместителей и помощников, 5 командующих флотами, 8 начальников военных академий, 25 начальников штабов округов, флотов и их заместителей, 33 командира корпуса, 76 командиров дивизий, 40 командиров бригад, 291 командир полка, два заместителя начальника Политуправления РККА, начальник Политуправления ВМФ. Из 108 членов Военного совета к ноябрю 1938 года из прежнего состава осталось только 10 человек.

В декабре 1937 года Ворошилов направил Сталину доносы Щаденко и Хрулева о том, что маршал Егоров в разговоре с ними возмущался необоснованным возвеличиванием роли Сталина и Ворошилова в гражданской войне и в замалчивании его, Егорова, имени, хотя у него военных заслуг было больше. Вскоре Егоров был снят с поста заместителя наркома обороны, а затем арестован. Усилиями следствия он был признан виновным по длинному списку обвинений. Прежде всего, в установлении преступных связей в 1919 году с руководителями «антисоветской организации» — С. Каменевым и П. Лебедевым, а также с Троцким, по заданию которого пытался сорвать план Сталина по разгрому Деникина. Егорову инкриминировалось установление связей с Рыковым и Бубновым в 1928 году и создание в армии террористической организации правых, установление связей с германским генштабом в 1931 году, а в 1934 году — с польской разведкой. В феврале 1939 года маршал был расстрелян. На трагический исход этого дела повлияло и фривольное поведение его жены, красивой молодой женщины, которая не скрывала свои «особые отношения со Сталиным».

Неизбежность войны с Германией становилась все более очевидной, но карательные органы продолжали хрипеть старую песню об «антисоветском военном заговоре». Незадолго до войны были арестованы нарком вооружений Ванников, заместитель наркома обороны Мерецков, начальник Главного артиллерийского управления Савченко, его заместитель Каюков, начальник Разведуправления армии Проскуров, артиллерийский конструктор Таубин. По тем же мотивам были арестованы руководители военно-воздушных сил и противовоздушной обороны страны.

После жесточайших пыток начальник Управления ПВО Штерн показал, что с 1931 года он являлся участником военно-заговорщической организации и агентом немецкой разведки. Вместе со Штерном были арестованы заместители наркома обороны Рычагов, начальник штаба ВВС Володин,

начальник Военной академии ВВС Арженухин и десятки других авиационных командиров. Как водится, аресту подлежали и члены семей «врагов народа». 24 июня прямо на летном поле арестовали жену Рычагова — известную военную летчицу Нестеренко.

Только с января 1939 по июль 1941 года по приговорам Военной коллегии Верховного суда были расстреляны как *«участники военно-фашистского заговора»* командующий армией Федько, армейский комиссар Смирнов, флагман флота Смирнов-Светловский, командующие корпусами Базилевич, Бондарь, Магер, Соколов, Хаханьян, корпусные комиссары Битте, Прокофьев, Рошаль, Сидоров, командиры дивизий Блажевич, Кассин, Квятек, Максимов, Малышев, Орлов, Супрун, Тарасов, Федотов, дивизионные комиссары Головков, Егоров, Зильберт, Мезенцев, Шульга, Царев. Умерли в местах заключения командиры корпусов Покус, Пугачев, Степанов, корпусные комиссары Апсе, Петухов, комдивы Алкснис, Малофеев, Никитин, Ушаков, Шарсков, дивизионные комиссары Балыченко, Бочаров, Рабинович, Исаев.

Я привел далеко не все факты репрессий в армии, но и те, что названы, дают основание утверждать, что Советская армия к началу войны 1941—1945 годов была Сталиным обезглавлена и оказалась небоеспособной. Итог этого преступления — более 30 миллионов жертв за время войны с Германией.

Мерзость и глубина этого преступления увеличиваются во сто крат, если учесть, что Сталин и его прихлебатели имели точные данные о подготовке Гитлера к войне с Советским Союзом и начале агрессии. Архив Главного разведывательного управления Генштаба располагает документальными свидетельствами на этот счет. Еще в 1938 году Зорге из Токио сообщал, что: «...после решения судетского вопроса последует Польша, но этот вопрос будет решен в связи с войной против СССР». Конкретные данные о подготовке нападения на Советский Союз, крупных перебросках соединений германской армии с Запада на Восток, вероятных сроках начала агрессии наши разведчики начали сообщать с конца 1940 года. 29 декабря этого года (через 11 дней после утверждения плана «Барбаросса») из Берлина пришло донесение: «Источник узнал от высокоинформированных военных кругов Германии, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР», а 4 января 1941 года этот же источник сообщил: «Сведения о подготовке наступления весной 1941 года основаны не на слухах, а на специальном приказе, о котором известно лишь ограниченному кругу лиц». 25 марта 1941 года

из Берлина сообщалось, что формируются три армейские группы под командованием Бока, Рундштедта и фон Лееба. 1-я армейская группа движется на Ленинград, 2-я — на Москву, 3-я — на Киев.

Данные наших разведчиков, полученные из разных стран и от разных источников, сводились к тому, что нападения Германии надо ждать с 15 по 25 июня 1941 года. 19 июня 1941 года была получена информация, что начиная «с 20 июня нападения надо ждать каждый день», а вечером 21 июня тот же источник сообщил, что война начнется в ночь на 22 июня.

Однако за катастрофу первого года войны ответственность была возложена вовсе не на Сталина. В начале июля 1941 года были арестованы командующий войсками Западного фронта Павлов, его начальник штаба Климовских, начальник связи Григорьев, начальник артиллерии Клич и командующий 4-й армией Коробков. На следствии от Павлова требовали признания об участии *в антисоветском военном заговоре.* Он отказался. Доказательств, естественно, не было, но все арестованные были расстреляны. Еще одним «виновником» поражения стал командир 14-го мехкорпуса Оборин. 13 августа 1941 года он тоже был приговорен к расстрелу.

В результате политической слепоты Сталина, его военной безграмотности и личной безответственности, полной неподготовленности по его вине к войне и потери управления войсками в первые месяцы войны вся западная группировка советских войск была разгромлена. Более двух миллионов бойцов и командиров было убито и два миллиона попали в плен. Противнику досталось огромное количество техники и другого военного снаряжения: тысячи складов, танков, самолетов, артиллерийских снарядов.

Сталин отлично подготовил армию к поражению, он несет личную ответственность за это предательство армии и государства. Только злобный враг России мог совершить подобное. Я бы не удивился, если бы появились документы, показывающие, что Сталин делал это умышленно. Сталин предал солдат войны и тогда, когда всех возвратившихся из нацистского плена объявил изменниками Родины и «наградил» их каторжными лагерями и ссылками.

Точных данных о наших военнопленных нет до сих пор. Германское командование указывало цифру в 5 270 000 человек. По данным Генштаба Вооруженных Сил РФ, число пленных составило 4 590 000. Статистика Управления уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации говорит, что наибольшее количество пленных пришлось на первые

два года войны: в 1941 году — почти два миллиона (49%); в 1942-м — 1 339 000 (33%); в 1943-м — 487 000 (12%); в 1944-м — 203 000 (5%) и в 1945 году — 40 600 (1%).

С осени 1941 года началась массовая депортация в Германию и в оккупированные ею страны гражданского населения. За годы войны было депортировано более 5 миллионов мужчин, женщин и детей. В плену погибло до 2 000 000 солдат и офицеров и более 1 230 000 депортированных гражданских лиц. Обратно в СССР репатриировано свыше 1 800 000 бывших военнопленных и свыше 3 500 000 гражданских лиц. Отказались вернуться более 450 000 человек, в том числе около 160 000 военнопленных.

Отношение большевистской власти к воинам Красной Армии, попавшим в плен, сложилось еще в годы гражданской войны. Тогда их расстреливали без суда и следствия.

В первые же дни Отечественной войны, 28 июня 1941 года, издается совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокуратуры СССР № 00246/00833/пр/59сс «О порядке привлечения к ответственности изменников родины и членов их семей». Еще не было данных о ходе боевых действий, но репрессивный аппарат демонстрировал свою готовность сажать, ссылать и расстреливать тех, кого сочтут «изменниками». Карательная кувалда обрушилась и на семьи пропавших без вести. Под следствие попадали даже военнослужащие, пробывшие за линией фронта всего несколько дней. Бойцов и командиров, вырвавшихся из окружения, встречали как потенциальных предателей.

Я лично видел подобное. В начале 1942 года на нашем участке Волховского фронта, как и на соседних, прорывались отдельные группы (иногда до 40 человек) солдат и офицеров из окруженной 2-й ударной армии под командованием Власова. Нас особенно поразило то, что практически всех, кто приходил с той стороны, немедленно обезоруживали, заключали под стражу, допрашивали, а затем по каким-то признакам сортировали и отправляли в тыл.

Как я уже писал, за время войны только военными трибуналами было осуждено 994 000 советских военнослужащих, из них свыше 157 000 — к расстрелу, то есть практически пятнадцать дивизий были расстреляны сталинской властью. Более половины приговоров приходится на 1941—1942 годы. Значительная часть осужденных — бойцы и командиры Красной Армии, бежавшие из плена или вышедшие из окружения. Плен, нахождение за линией фронта постановлением ГКО СССР от 16 июля 1941 года, а также приказом Сталина № 270 от 16 августа 1941 года квалифицировались как пре-

ступления. Царил невообразимый произвол. Например, в этом приказе обвинен в переходе на сторону противника командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов. На самом же деле он погиб в бою еще 4 августа 1941 года.

Голушкевич В. С., генерал-майор, в начале Отечественной войны работал в штабах Центрального и Западного фронтов. В 1942 году его арестовали. Следствие велось до января 1943 года, а в дальнейшем около восьми лет он вообще не допрашивался. Ввиду того, что он не признал себя виновным «в участии в заговорщической группе», в ноябре 1950 года ему предъявили новое обвинение — «в ведении антисоветских разговоров», и в марте 1952 года Военная коллегия осудила его к 10 годам лишения свободы.

Романов Ф. Н. — генерал-майор. В начале Отечественной войны был начальником штаба Южного фронта, затем начальником штаба 27-й армии. В январе 1942 года был арестован за то, что будто бы вел антисоветские разговоры и являлся участником антисоветского военного заговора в 1938 году. Следствие по делу тянулось свыше 10 лет. В августе 1952 года Военная коллегия осудила его на 12 лет лишения свободы.

Некоторые генералы скончались, не дождавшись суда. Например, контр-адмирал Самойлов, арестованный в июле 1941 года, умер в тюрьме 19 сентября 1951 года, причем с августа 1942 по декабрь 1948 года он вообще не допрашивался. Умерли в следственной тюрьме арестованные в 1941—1942 годах генералы Дьяков, Соколов и Глазков, причем они тоже не допрашивались годами.

Подобных примеров сотни.

27 декабря 1941 года издается постановление ГКО СССР № 1069сс, регламентирующее проверку и фильтрацию освобожденных из плена и вышедших из окружения «бывших военнослужащих Красной Армии». С того момента все они направлялись в специальные лагеря НКВД. Эти лагеря представляли собой практически военные тюрьмы строгого режима. Заключенным запрещалось общаться друг с другом, переписываться с кем бы то ни было. На запросы о судьбе этих людей руководство НКВД обычно отвечало, что никакими сведениями не располагает.

Подобная судьба постигла и репатриантов. От документов, свидетельствующих о том, сколько пришлось пережить репатриантам, оказавшимся за колючей проволокой в проверочно-фильтрационных лагерях, можно сойти с ума.

К лету 1945 года на территории СССР действовало 43 спецлагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. На территории Германии и стран Восточной Европы работало еще

74 проверочно-фильтрационных и 22 сборно-пересыльных пункта. К концу 1945 года через эту сеть прошли свыше 800 000 человек. Проверки длились годами, начальство не торопилось, поскольку спецлагеря и «рабочие батальоны» представляли из себя дармовую рабочую силу, сравнимую с той, что давал ГУЛАГ.

В районах Колымы, Норильска, Караганды, в Мордовии и Коми были созданы особые каторжные лагеря на 100 000 человек. Во Владимире, Александровске и Верхнеуральске — особые тюрьмы на 5000 человек. Не менее половины обитателей этих лагерей и тюрем были лица, «подозрительные по своим антисоветским связям», — бывшие военнопленные и гражданские репатрианты.

Кремль вернулся к проблеме военнопленных только в 1955 году. Но вовсе не из-за милосердия, а совсем по другой причине. Председатель КГБ Серов сообщил в ЦК, что находящиеся на Западе «невозвращенцы» могут быть использованы в качестве боевой силы в будущей войне против СССР. С учетом предложений Серова 17 сентября 1955 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». Вот так! Амнистия объявлялась тем, кто служил в полиции, в оккупационных силах, сотрудничал с карательными и разведывательными органами, но не касалась тех, кто без всякой вины оказался в советских лагерях. Амнистия не относилась и к тем людям, которые уже отбыли свои сроки на каторгах, в специальных лагерях, в рабочих батальонах.

Публикация указа вызвала поток писем в высшие партийные и правительственные инстанции. В результате была создана комиссия под председательством маршала Жукова. 4 июня 1956 года Жуков представил доклад, в котором впервые были приведены убедительные свидетельства произвола в отношении военнопленных. Маршал поставил вопрос о пресечении беззакония. Записка вызвала острую дискуссию в Президиуме ЦК. Многие разумные предложения комиссии были отвергнуты. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 июня 1956 года «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» руководство не пошло дальше амнистии. Реабилитации не последовало.

С тех пор правители СССР не хотели обращаться к проблемам бывших военнопленных и гражданских репатриантов, полагая их исчерпанными. Как председатель Комиссии Политбюро по реабилитации жертв политических репрес-

сий, я в 1988 году решил вернуться к этому вопросу. Доложил Горбачеву. Михаил Сергеевич согласился с предложением, но посоветовал договориться с Генеральным штабом. Я дважды разговаривал по этому поводу с начальником Генштаба Ахромеевым, но безрезультатно. «Вы же фронтовик, Сергей Федорович, знаете, как и я, почему попадали в плен наши солдаты. Давайте вернем честное имя сотням тысяч фронтовиков».

«Согласен с оценкой, — ответил Ахромеев, — но возражаю против реабилитации». По его логике, подобная мера может снизить боевой дух в армии, отрицательно скажется на дисциплине в ее рядах.

Полное восстановление прав российских граждан, плененных в боях при защите Отечества, стало возможным лишь после Указа Президента Бориса Ельцина от 24 января 1995 года № 63, принятого по предложению нашей Комиссии.

Вдумайтесь, читатель: справедливость удалось восстановить только через пятьдесят лет после окончания войны! Миллионы людей так и покинули этот мир оскорбленными, униженными, оплеванными властью.

Особенно преступной эта политика выглядит, когда узнаешь об отношении к военнопленным в западных странах. По возвращении из плена их встречали как национальных героев, награждали орденами, офицеров повышали в званиях и должностях. За период пребывания в плену выплачивалась заработная плата по должностям до пленения. Нахождение в плену рассматривается как участие в боевых действиях.

9

В жерновах террора оказались не только социальные слои и классы, но и целые народы, насильно депортированные в районы Крайнего Севера и Сибири, в Казахстан и Среднюю Азию. В трагической судьбе поляков, крымских татар, немцев, чеченцев, ингушей, калмыков, балкарцев, карачаевцев, турок-месхетинцев, армян, болгар, македонцев, гагаузов, греков, корейцев, курдов, финнов, китайцев, иранцев, монголов, латышей, эстонцев и многих других большевистский фашизм получил едва ли не самое концентрированное выражение, обнажив античеловеческие основы своей национальной политики.

Практика насильственных депортаций началась задолго до Отечественной войны. Еще 26 апреля 1936 года СНК СССР принял постановление о выселении из УССР в Ка-

рагандинскую область 15 000 поляков и немцев как «неблагонадежных». Затем началась «чистка» приграничных районов. В первую группу депортированных были включены 35 820 поляков. К одной из первых акций по депортации относится переселение «неблагонадежных элементов» из приграничных районов с Ираном, Афганистаном, Турцией.

17 июля 1937 года ЦИК и СНК СССР издали постановление об организации специальных запретных полос вдоль границ. И сразу же из Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана переселили в глубь страны курдов. В том же году была проведена операция по массовому выселению корейцев, проживавших в Бурят-Монголии, Хабаровском и Приморском краях, Читинской области, а также в Еврейской автономной области. Корейцев отнесли к благоприятной среде для японской разведки. Ежов докладывал:

«Совершенно секретно. Председателю СНК тов. Молотову В. М. 25 октября 1937 года выселение корейцев из ДВК закончено. Всего выселено корейцев 124 эшелона в составе 36 442 семей, 171 781 человек. Корейцы распределены в Узбекской ССР — 16 272 семьи, 76 525 чел., в Казахской ССР — 20 170 семей, 95 256 чел. Прибыли и разгружены на местах 76 эшелонов, в пути 48 эшелонов».

Один из очевидцев пишет: «Их привезли на грузовиках, оставляя меж высохших кустиков верблюжьих колючек и тамариска. Люди в белых платьях и серых телогрейках хватали за голенища водителей и милиционеров, умоляя увезти их в людные места, потому что в мороз и ветер, без очага и крыши помрут маленькие дети и старики, да и молодые вряд ли дотянут до утра».

25 июля 1937 года Ежовым был подписан оперативный приказ НКВД СССР № 00439 о репрессировании всех проживающих в Советском Союзе германских подданных. Это мотивировалось тем, что якобы агентура германской разведки из числа этих лиц осуществляет вредительские и диверсионные акты в важнейших отраслях народного хозяйства и готовит кадры диверсантов на случай войны между Германией и СССР. Что же касается политэмигрантов, принявших советское гражданство, их предписывалось взять на оперативный учет и представить на каждого из них справку для решения вопроса об аресте. Для проведения операции устанавливался пятидневный срок.

В августе 1937 года НКВД представил в ЦК предложения об очередных репрессиях лиц польской национальности. 9 августа они были одобрены Политбюро, а уже 11 августа Ежов рассылает на места закрытое письмо НКВД «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР», а также сборник материалов следствия по делу «ПОВ» («Польская организация войскова»). Ставилась задача о полной ликвидации «незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР». Предписывалось в течение трех месяцев арестовать всех оставшихся в СССР военнопленных польской армии, перебежчиков из Польши, независимо от времени их перехода в СССР, политэмигрантов. Арестованные подразделялись на две категории: к первой относились «все шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки», которые подлежали расстрелу; ко второй — менее активные элементы, их направляли в тюрьмы и лагеря на срок от 5 до 10 лет.

Ежов докладывает Сталину, что на 10 сентября 1937 года из числа польских перебежчиков, политэмигрантов, военнопленных арестовано по СССР 23 216 человек, в том числе в Украине — 7651 человек (из них сознались 1138), в Ленинградской области — 1832 (сознались 678), в Московской области — 1070 (сознались 216), в Белоруссии — 4124 человек и т. д.». Резолюция Сталина гласила: *«Т. Ежову. Очень хорошо! Копайте и вычищайте впредь эту польско-шпионскую грязь. Крушите ее в интересах СССР».*

30 ноября 1937 года дано распоряжение начать репрессии против латышей; 11 декабря — против греков; 22 декабря — против китайцев, в январе 1938 года — против иранцев и вышедших из Ирана армян; 1 февраля — против финнов, эстонцев, румын, болгар и македонцев; 16 февраля — против афганцев.

Начальник НКВД по Ленинградской области Карпов на совещании работников Новгородского горотдела НКВД учил подчиненных: «Вы должны запомнить раз и навсегда, что каждый нацмен — сволочь, шпион, диверсант и контрреволюционер». При этом Карпов приказывал «всыпать» им «до тех пор, пока не подпишут протокола». Работая впоследствии начальником Псковского окружного отдела НКВД, он лично пытал арестованных.

В июле 1937 года был арестован отдыхавший в Советском Союзе премьер-министр Монголии Боточи. По ложному обвинению в связях с японской разведкой Боточи был расстрелян. Одновременно органы советского НКВД арестовали в Монголии 16 министров и их заместителей, 42 генерала и старшего офицера, 44 высших служащих государственного и хозяйственного аппарата. Для более быстрого рассмотрения дел при МВД Монголии были созданы чрезвычайные репрессивные тройки. Операциями руководил Фриновский — заместитель Ежова.

В марте — июле 1939 года были арестованы и другой премьер-министр Монголии Агданбугин и многие руководящие работники республики — всего 29 человек. Арестованных вывезли в Советский Союз, где их обвинили в шпионаже и антисоветской деятельности. В июле 1941 года всех арестованных расстреляли. Были также уничтожены тысячи монгольских лам (служителей культа), места захоронений которых до сих пор не обнаружены.

31 января 1938 года Сталин дал указание продлить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, а также сохранить внесудебный порядок рассмотрения дел. Предлагалось также «провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев».

Москва жаждала крови, охотно откликалась на безумные инициативы с мест. В свою очередь местные чекисты шли на любые провокации. В Ленинградской области работники НКВД арестовали 170 эстонцев из разных районов, в основном колхозников, объединили их в одну «диверсионную группу». Сами соорудив хранилище со взрывчаткой, каратели выбили из арестованных показания, что именно они хранили взрывчатку для диверсий. 146 человек были расстреляны.

Работники этого же управления Ходасевич и Тарасов обратились к своему начальнику Дубровину за содействием в получении жилплощади. Последний ответил: «Дадите 50 поляков, и когда их всех расстреляют, тогда получите комфортабельные квартиры». 50 поляков были найдены и расстреляны, квартиры получены.

В Вологодской области работники НКВД сфальсифицировали дело в отношении 304 финнов и русских, проживающих в разных районах области, обвинив их в принадлежности к

финской повстанческой организации. Среди арестованных 29 человек были в возрасте от 62 до 75 лет. 11 человек значились кулаками, а остальные — рабочими, батраками, бедняками, середняками и служащими. 77 человек расстреляли, 23 — умерли в тюрьме в результате побоев.

В акте сдачи Ежовым дел НКВД указывается, что на 1 июля 1938 года было репрессировано 357 227 человек разных национальностей. Среди них: поляков — 147 533, немцев — 65 339, харбинцев — 35 943, латышей — 23 539, иранцев — 15 946, греков — 15 654, финнов — 10 598, китайцев и корейцев — 9191, румын — 9043, эстонцев — 8819, англичан — 3335, афганцев — 3007, болгар — 2752, других национальностей — 6528.

Поражает своим варварством и решение Сталина о выселении в Сибирь и Среднюю Азию целых народов.

По данным статистики, на начало 1939 года немцев в СССР насчитывалось 1 427 222 человека, в том числе в Российской Федерации — 700 231 человек. В самом начале войны депортации были подвергнуты немцы Поволжья, а затем и все немцы, проживавшие в европейской части СССР. Из 2114 советских немцев, работавших на Гремячинской шахте Молотовской области, к весне 1945 года в живых осталось чуть больше семисот. Из прибывших в Богословский лагерь в феврале 1942 года 15 000 немцев через год осталось в живых три тысячи. Немцы потеряли свою автономию, оказались разбросанными по Северу, Западной Сибири, Дальнему Востоку, Средней Азии и Казахстану.

Карательные органы легко придумывали поводы для расправ. Например, было объявлено, что на территорию Калмыкии выброшены немецкие группы с заданием уничтожать предприятия, мосты, запасы хлеба и фуража, травить скот и распространять среди населения заразные болезни. Военные пришли сюда, в Калмыкию, как бы для защиты людей. После этого (28 декабря 1943 г.) началась операция по выселению калмыков, причем не только из Калмыкии, но и из Ростовской, Сталинградской областей, Ставропольского края. Всего было выслано 99 252 человека.

В октябре 1943 года в Чечено-Ингушетию выехала бригада работников госбезопасности во главе с заместителем наркома Кобуловым. В записке от 9 ноября 1943 года под названием «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР» Кобулов сообщает, что на территории республики насчитывается 38 религиозных сект, руководители которых возводятся в ранг святых, а члены сект — свыше 20 000 человек ведут

активную антисоветскую работу, укрывают и снабжают бандитов, немецких парашютистов и призывают народ к вооруженной борьбе с советской властью. 13 ноября 1943 года Берия начертал резолюцию: «Тов. Кобулову. Очень хорошая записка». И приказал незамедлительно создать оперативные группы, которые должны отправиться в Чечню. Ответственными за эту операцию он назначил своих заместителей: Серова, Аполлонова, Круглова и Кобулова. 23 февраля 1944 года Берия докладывает Сталину: «Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию «Чечевица» (кодовое название операции) по выселению чеченцев и ингушей». 1 марта сообщает: «По 29 февраля выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей. Погружено 177 эшелонов, из которых 157 эшелонов отправлено к месту нового поселения».

Вагоны заполнялись людьми сверх всяких норм. В дороге умерло 1262 человека, в основном дети. Установлены факты, когда в высокогорных аулах Мелхастинского и Мереджоевского сельсоветов Галанчожского района людей и не пытались выселять, а расстреливали на месте. В поселке Хайбахой Нашхойского сельсовета жителям было объявлено, что для больных и престарелых будет создана особая транспортная колонна. Желающих следовать с этой колонной собрали в колхозной конюшне, которую зажгли, а находившихся в ней стариков, женщин и детей расстреляли из автоматов. Погибло более 300 человек.

Спустя две недели после начала операции — 7 марта 1944 года — появился Указ о ликвидации Чечено-Ингушской АССР. А на следующий день — Указ о наградах «за образцовое выполнение заданий правительства в условиях военного времени». Руководители «Чечевицы» — Аполлонов, Кобулов, Круглов, Серов, Меркулов, Абакумов — были награждены боевыми орденами Суворова I степени. Карателей причислили к полководцам.

С середины апреля 1944 года началась подготовительная работа по депортации крымских татар. К этой операции было привлечено до 20 000 солдат и 8000 оперативных работников НКВД. Операция началась с рассветом 18 мая и закончилась 20 мая. Было выселено 191 044 человека. С 26 мая началось выселение болгар — 12 975 человек, армян — 9919 и греков — 14 300 человек, проживавших в Крыму.

Кровавые операции надолго отравили национальные отношения в России. Мины, заложенные сталинской национальной политикой, взрываются до сих пор.

10

Сохраняется миф, что лично Ленин порицал антисемитизм. Это неправда. В проекте тезисов ЦК РКП(б) «О политике на Украине» (осень 1919 г.) он пишет: «Евреев и горожан на Украине взять в ежовые рукавицы, переводя на фронт, не пуская в органы власти (разве в ничтожном %, в особо исключительных случаях под классовый контроль)». Не желая выглядеть слишком вульгарным антисемитом, он делает к этому пункту стыдливое примечание: «Выразиться прилично: еврейскую мелкую буржуазию».

Итак, в лексиконе Ленина появилось определение «ежовые рукавицы». Потом, во времена Ежова, оно станет боевым лозунгом карателей. Любая власть лицемерна, но большевистская относится к категории уникальных. В изобилии произносились слова о равенстве наций, о дикости шовинизма, национализма и антисемитизма. На деле же культивировалась политика, не имевшая ничего общего с декларациями, политика ксенофобии. В одном из интервью Сталин называет антисемитизм «каннибализмом», однако, как свидетельствует его дочь Аллилуева, ему везде мерещился сионизм, он часто повторял, что вся история партии большевиков — это история борьбы с евреями. Об антисемитских взглядах Сталина рассказывал и его сын Яков. Отец перестал встречаться с сыном, когда узнал, что Яков женился на еврейке.

Об октябрьском перевороте написано много правды, но не так уж мало и всякой ерунды. Нередко обсасывается и тезис о том, что его совершали в основном евреи. Не хочу обстоятельно комментировать эту глупость, но об одной стороне этого вопроса надо сказать. Начать с того, что октябрьский переворот был антигосударственным и антинародным преступлением. А вот это как раз и является отправной точкой для тех или иных оценок. Преступление творили преступники, но, как известно, ни преступления, ни преступники не имеют национальности. Об этом можно говорить долго и подробно. Но в данном случае сошлюсь лишь на отдельные факты.

Еврей Яков Свердлов был фанатичным большевиком, а его родной брат Зиновий, усыновленный М. Горьким, а потому носивший фамилию Пешков, был последовательным борцом против большевизма. Уехав во Францию, дослужился там до звания генерала, стал ближайшим сотрудником де Голля. Это один из многих примеров того, что октябрьская контрреволюция была делом рук не евреев, как утверждают антисемиты, а людей, считавших себя мессиями всепланетной революции, пророками интернационализма особого

вида — пролетарского. Еврей Троцкий был таким же антисемитом, как и грузин Сталин. Контрреволюция в октябре, повторяю, — дело грязное и преступное, но ее совершали сообща прежде всего дезертиры с фронта и кронштадские матросы — люди русские. Зимний захватывали не евреи. Поместья дворян жгли не евреи, а деревенская голытьба. Да что там говорить, все — и русские, и евреи, и грузины, и армяне, и украинцы, и латыши, и немцы — все несут ответственность за это сатанинское деяние, имя которой октябрьская контрреволюция.

Сразу же после октябрьской контрреволюции большевики развернули кампанию по дискредитации еврейской религии и ее служителей. Начались организуемые властями митинги, собрания и театрализованные «показательные суды» над иудаизмом. Нападкам подвергался традиционный образ жизни евреев. В местах компактного проживания евреев на Украине и Белоруссии власти регулярно проводили кампании: «Недели борьбы с иудейскими клерикалами», «Суд над богом Иеговой» (с сожжением чучела иудейского бога), «По борьбе с субботним отдыхом» и т. п. Митинги нередко заканчивались кровопролитием и разграблением синагог. Так было в Одессе, Рыбинске, Симбирске, Минске и других городах.

Обратимся к посланию Патриарха Тихона к чадам Православной церкви. *«...Вся Россия — поле сражения! Но это еще не все. Дальше еще ужаснее. Доносятся вести о еврейских погромах, избиении племени, без разбора возраста, вины, пола, убеждений... Православная Русь, да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятие. Да не обагрится твоя рука в крови, вопиющей к Небу. Не дай врагу Христа, диаволу, увлечь тебя страстию отмщения и посрамить подвиг вместо исповедничества, посрамить цену твоих страданий от руки насильников и гонителей Христа. Помни: погромы — это торжество твоих врагов. Помни: погромы — это бесчестие для тебя, бесчестие для Святой Церкви!..»*

При Сталине накладываются прямые ограничения на развитие еврейской национальной культуры, языка, религии. Евреи вытесняются из партийного аппарата, государственных и хозяйственных органов управления. Производятся аресты еврейских писателей, закрываются еврейские учебные и культурные заведения, запрещается издание книг на иврите.

Даже во время войны (август 1942) Управление агитации и пропаганды ЦК докладывает о том, что в искусстве преобладают «нерусские люди (преимущественно евреи)», а также

о том, что Управление сомневается в возможности работать в Большом театре таким мастерам искусства, как Самосуд, Файер, Штейнберг, Габович, Мессерер и др. В октябре 1943 года Раневская не была утверждена на одну из ролей в фильме «Иван Грозный», поскольку «семитские черты у Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах». И это говорится о величайшей русской актрисе, гордости отечественной и мировой культуры. О необходимости очищения культуры от евреев неоднократно пишет во время войны начальник этого управления Александров.

После Отечественной войны антисемитизм становится открытой государственной политикой. Бывший заместитель министра госбезопасности М. Рюмин заявил, что с конца 1947 года в работе его ведомства «начала отчетливо проявляться тенденция рассматривать лиц еврейской национальности потенциальными врагами советского государства». Однако ослепление антисемитизмом нередко приводило к явным курьезам. К евреям причислили монаха Менделя, а также Моргана, Татлина, Мейерхольда. Для невежд не имело значения, какой национальности эти люди, лишь бы фамилии звучали соответственно. В номенклатурную элиту практически не попадали лица, женатые на еврейках, если, конечно, они не были агентами КГБ.

Особое место в антисемитской политике занимают два дела: Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и «врачей-убийц».

Хорошо известно, что Еврейский антифашистский комитет внес неоценимый вклад в разоблачение фашистской идеологии и политики. Международные контакты ЕАК способствовали сбору за рубежом продовольствия, одежды, медикаментов, валютных средств в качестве безвозмездной помощи нашей стране. Но кончилась война, надо искать новых врагов, как внешних, так и внутренних. Без них уходит властная почва из-под ног. Уже 12 октября 1946 года руководитель Министерства госбезопасности пишет в ЦК и правительство донос «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». В свою очередь, Отдел внешней политики ЦК обвиняет работников ЕАК в том, что они забывают о классовом подходе, а международные контакты строят «на националистической основе».

Затем последовала записка Михаила Суслова от 26 ноября 1946 года. Он обвинил ЕАК в антисоветской и шпионской деятельности. Дело пошло. Из арестованных Гольдштейна и Гринберга пытками выбили показания, которые послужили поводом для возбуждения уголовного преследования самого

комитета. Кроме того, ответственными секретарями или их заместителями в ЕАК, как и в других общественных организациях, в разные годы были штатные работники или осведомители госбезопасности: Эпштейн, Фефер, Хейфец. Они докладывали о каждом шаге и высказываниях членов комитета.

Кровавый этап в борьбе с Еврейским антифашистским комитетом начался с убийства Михоэлса. Во время истязаний одного из узников Лубянки были получены «признательные» показания о якобы шпионской деятельности Михоэлса, его интересе к личной жизни Сталина. 10 января 1948 года этот протокол допроса был направлен «вождю». Последовало прямое указание о ликвидации Михоэлса, находившегося тогда в Минске. Через несколько дней его убили, а общественности сообщили, что он попал в автомобильную катастрофу.

Во второй половине 1948 года начались массовые аресты лиц, в той или иной мере связанных с ЕАК. Следственную группу по этому делу возглавил некий Комаров, который даже в кругу своих собутыльников именовался «палачом». Но позднее кто-то донес и на него — Комарова арестовали. 18 февраля 1953 года он обращается к Сталину со следующим письмом:

«...В коллективе следчасти хорошо знают, как я ненавидел врагов. Я был беспощаден с ними, как говорится, вынимал из них душу, требуя выдать вражеские дела и связи. Арестованные буквально дрожали передо мною, они боялись меня, как огня... Особенно я ненавидел и был беспощаден с еврейскими националистами, в которых видел наиболее опасных и злобных врагов... Узнав о злодеяниях, совершенных еврейскими националистами, я наполнился еще большей злобой к ним и убедительно прошу Вас: дайте мне возможность со всей присущей мне ненавистью к врагам отомстить им за их злодеяния, за тот вред, который они причинили государству...»

20 ноября 1948 года Политбюро по предложению Сталина и Молотова постановило немедля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как этот комитет регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранных разведок. Это постановление открыло путь массовым репрессиям против советских граждан еврейской национальности. Среди арестованных оказались известные ученые, политические и общественные деятели, поэты, писатели.

3 апреля 1952 года министр госбезопасности Игнатьев направил Сталину текст обвинительного заключения. Вот его письмо:

«Представляю вам при этом копию обвинительного заключения по делу еврейских националистов, американских шпионов Лозовского, Фефера и других. Докладываю, что следственное дело направлено на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР с предложением осудить Лозовского, Фефера и их сообщников, за исключением Штерн, к расстрелу. Штерн сослать в отдаленный район сроком на 10 лет».

Политбюро одобрило обвинительное заключение и меры наказания. Только для академика Штерн срок был сокращен до 5 лет. Когда все было практически решено, начался судебный процесс. В ходе его ни одно обвинение не было доказано. Подсудимые обличили следствие в фальсификации и рассказали о пытках и избиениях. Председатель Военной коллегии генерал Чепцов, видя, что процесс проваливается, добился приема у Маленкова и рассказал ему о положении дел. Маленков сказал Чепцову: «Политбюро приняло решение, выполняйте его». 12 августа Лозовского, Маркиша, Квитко, Шимелиовича, Бергельсона и других расстреляли.

Крупнейшей антисемитской провокацией было «дело врачей». Травля врачей-евреев началась вскоре после войны. Устраивались бесконечные проверки по анонимным письмам. В 1950 году были приняты два постановления ЦК с требованием ужесточить чистки евреев в медицинских учреждениях. После письма в КГБ некоей Тимашук начались преследования медицинских светил, привлекавшихся к лечению высших правителей. Искали доказательства того, чтобы обвинить врачей в «преступных методах лечения» в целях «умерщвления видных деятелей партии и государства». Среди арестованных были люди разных национальностей — русские, украинцы, евреи. Всех объявили участниками сионистского заговора.

Следователи не смогли найти фактических данных о существовании заговора врачей и их шпионской деятельности. Тогда осенью 1952 года следствие взял в свои руки Сталин. Он лично установил сроки подготовки открытого процесса. По его распоряжению людей, слабых здоровьем и далеко не молодых, подвергли чудовищным пыткам и истязаниям. Сталин сам определял, какие пытки и к какому арестованному нужно применить, чтобы добиться «признательных показаний». Сам проверял, насколько точно выполнены его распоряжения на этот счет. Я прочитал официальные записи допросов Виноградова и Вовси. В начале следствия они решительно отрицали все обвинения, которые им навязывали. Но

в ходе пыток арестованные начали давать «признательные показания» в шпионаже, терроризме, во всем, что им диктовали следователи.

В «Правде» публикуется сообщение об аресте группы «врачей-вредителей». Хотя следствие еще продолжалось, в сообщении шла речь о как бы уже доказанных преступлениях. Сообщение открывалось следующей фразой:

«Некоторое время тому назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза... Жертвами этой банды человекообразных зверей пали товарищи А. А. Жданов и А. С. Щербаков... Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными, платными агентами. Большинство участников террористической группы — Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие — были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт»... Другие участники террористической группы (Виноградов, М. Коган, Егоров) являются... старыми агентами английской разведки».

По стране была развернута разнузданная антисемитская кампания. Организаторы провокации рассчитывали на то, чтобы разжечь, как и в 30-е годы, новый психоз в отношении «убийц», «шпионов», «врагов», «диверсантов» и на этой основе перейти к новым массовым репрессиям. В ходе кампании по «искоренению космополитизма» добивали еврейскую культуру, преследовали любые формы национального самовыражения. Закрыли еврейские театры в Москве, Черновцах, Минске, Одессе, Биробиджане, Баку, Кишиневе, еврейские научные центры и библиотеки в Киеве, Львове, Минске. Закрыли кафедру гебраистики факультета востоковедения Ленинградского университета. Уничтожили богатейшие коллекции еврейских музеев в Тбилиси, Вильнюсе, Биробиджане. Закрытие синагог сопровождалось уничтожением свитков Торы, религиозной литературы, молитвенников.

Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Малышев, присутствовавший на его первом заседании после XIX съезда, записал в своем дневнике некоторые высказывания Сталина. Вот они: «Любой еврей-националист — это агент амери[канской] разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они

считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов».

В феврале 1953 года началась подготовка к массовой депортации евреев из Москвы и крупных промышленных центров в восточные районы страны. Дело планировалось организовать так: группа евреев инициативно подготовит письмо правительству с просьбой о депортации, дабы спасти их от «гнева советских людей», вызванного «делом врачей». Такое письмо, заранее сочиненное, находилось в газете «Правда». Сборщиками подписей были Я. Хавинсон и академик И. Минц. К сожалению, им удалось собрать большое число подписей.

После смерти Сталина были прекращены публичные преследования евреев, однако в партийно-государственной элите продолжал действовать негласный сговор-договор: не допускать евреев во властные структуры на всех уровнях. Кадровые аппараты партии, министерств и ведомств тщательно следили за этим «порядком» под общим контролем КГБ, влиятельные представители которых были в каждом ведомстве и высшем учебном заведении. Правда, в порядке фарисейского прикрытия антисемитской политики в каждом министерстве работали по два-три еврея, как правило, сотрудники спецслужб или близкие к ним. На каверзные вопросы, особенно иностранцев, обычно отвечали: ну что вы нас обвиняете в антисемитизме — у нас один еврей работает в МИДе, другой — в Минобороны, третий — в ЦК, четвертый — еще в каком-то министерстве. Сложнее обстояло дело в научной сфере. Здесь побеждал голый прагматизм власти, особенно в прикладных военных науках. Поэтому приходилось «терпеть» и евреев, хотя тоже далеко не всегда.

В борьбе с нерусским инакомыслием, равно как и русским, особенно усердствовал Андропов. В записках КГБ он постоянно подчеркивал национальность. Преднамеренно создавалось впечатление, что инакомыслящие — это, прежде всего, евреи. Вот они, враги! Приведу один пример из множества подобных. 15 ноября 1976 года Андропов пишет в ЦК записку «О враждебной деятельности так называемой «группы содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР». Перечисляет членов этой «группы»: *«Гинзбург А. И., 1936 года рождения, еврей; Григоренко П. Г., 1907 года рождения, украинец; профессиональный уголовник Марченко А. Т., 1938 года рождения, еврей; Щаранский А. Д., 1948 года рождения, еврей; Слепак В. С., 1927 года рождения, еврей; жена Сахарова Боннер Е. Г., 1922 года рождения, еврейка; Бернштан М. С., 1949 года рождения, еврей; Ланда М. Н., 1918 года рождения, еврейка...».*

В доносах, где не было еврейских фамилий, национальность не указывалась.

Не могу не вспомнить человека, перед которым не грех преклонить колена. Во тьме сталинского мракобесия в защиту всех гонимых по национальному признаку постоянно выступал со своими блистательными проповедями архиепископ Лука (Валентин Войно-Ясенецкий). Профессор-хирург в 1921 году стал священником. Он так объяснил свой поступок: «При виде карнавалов, издевающихся над Господом нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало: «Не могу молчать!» Я чувствовал, что мой долг — защитить проповедью оскорбленного Спасителя нашего».

Пастырь Лука 12 лет провел в тюрьмах и ссылках. По всему ГУЛАГу ходили легенды о профессиональном чудотворении и мудрости священника-доктора. Как и святым апостолам-первохристианам, советскому Луке выпали чудовищные муки. Арестованный во второй раз в 1937 году, он вынес все пытки чекистских палачей, не признав вины и не совершив навета. В 1951 году, будучи архиепископом Крымским, Лука выступил с гневной проповедью в защиту национальных меньшинств. Он говорил, что перед Богом все равны, что для Бога, как учил апостол Павел, «нет ни эллина, ни иудея... ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного...». Говорилось это в защиту выселенных из Крыма греков, армян и татар, в защиту евреев — жертв «борьбы с космополитизмом», в защиту интеллигенции, дворянства и прочих «социально неполноценных» людей, попавших под ленинско-сталинские колеса смерти.

И сегодня, когда вновь громко звучат призывы к расправе над евреями и прочими «нечистыми», священнослужителям нашим не грех почаще напоминать пастве заветы апостола Павла о том, что все люди — избранники Божьи, «святы и возлюблены». Негоже нам, православным, не чтить евреев за создание Ветхого Завета и Евангелия, за то, что святая церковь Христова основана евреем Павлом. Не чтить еврейку Марию — Богородицу, заступницу земли Русской, родившую Иисуса Христа. Не чтить всех смертных, носивших еврейские имена: Иван, Марья...

С началом Перестройки в 1985 году с государственным антисемитизмом было покончено. Однако реальная политическая и гражданская свобода открыла простор не только лучшим качествам людей, но и выявила все то грязное, темное и подлое, что десятилетиями через террор, через офици-

альное поощрение доносительства, через лживую пропаганду поощряли и культивировали вожаки большевизма. В России издается более 100 фашистских и антисемитских газет. Действуют разные организации подобного же рода. Многие выходки антисемитов, демонстрирующих обществу свои погромные взгляды, открыто использующих лексику и атрибутику фашизма, остаются безнаказанными.

Не буду утомлять читателя цитатами из многочисленных изданий большевиков и фашистов. Они заимствованы из гитлеровских газет, журналов и книг — ничего нового. Идет подлое заигрывание с маргинальной толпой, темной, завистливой, всегда готовой разрушать и ненавидеть, пытать и убивать. Носителями (переносчиками) этой чумы являются национал-патриоты, ненавидящие Россию. И немало еще в государстве нашем невежд и глупцов, аплодирующих человеконенавистникам.

В книге Б. Миронова «О необходимости национального восстания», изданной в 1999 году, говорится: *«Жиды прибрали-таки Россию к своим загребущим, липким рукам, скрали власть, суды, деньги, нефть, газ, энергетику, заводы, фабрики, телевидение, радио, газеты; но, овладев Россией, жиды, памятуя уроки русской истории и не желая повторить исхода монголо-татарского, польского володения Русью, изводят русский народ, вымарывают голодом, холодом, страхом, безработицей, беспросветной нищетой, безысходностью, искореняют национальный русский дух, национальное русское сознание, а из подрастающих русских пестуют жидовских рабов, кровного родства не помнящих, могил предков не почитающих, зато поклоняющихся золотому тельцу».*

Не хочется тратить эмоции на все эти гнусные выходки, в конце концов, не все приматы вылюдились.

11

Юридическим эталоном советской власти стала «презумпция виновности» человека. Российский, а затем советский человек был априори греховен. Но не перед Богом, а перед властью. Власть заняла место Бога. Человек для большевиков — вообще ничто — тварь земная, «материал капиталистической эпохи, непригодный для создания социалистической цивилизации». Его необходимо расстрельно и тюремно переработать.

«Вожди» очень торопились, когда речь шла о расстрелах. К примеру, только 22 ноября 1937 года Сталин, Молотов и Жданов утвердили 12 расстрельных списков на 1352 человека, а 7 декабря того же года — 13 списков на 2397 человек, из которых 2124 подлежали расстрелу; 3 января 1938 года Жданов, Молотов, Каганович и Ворошилов утвердили 22 списка на 2770 человек, из них 2547 подлежало расстрелу; в феврале Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Жданов утвердили 28 списков на 3699 человек, из которых 3622 человека подлежало расстрелу; в марте теми же лицами утверждено 36 списков на 3286 человек, в том числе 2983 человека подлежало расстрелу; в апреле 1938 года Сталин, Молотов, Каганович и Жданов утвердили 29 списков на 2799 человек; 10 июня 1938 года Сталин и Молотов подписали 29 расстрельных списков на 2750 человек, из них подлежало расстрелу 2371 человек, а 12 сентября 1938 года Сталин, Молотов и Жданов утвердили 38 списков на 6013 человек, из них 4825 подлежали расстрелу.

Подпись Сталина имеется на 366 списках на 44 000 человек, Молотова — на 373 списках на 43 569 человек, Жданова — на 175 списках на 20 985 человек, Кагановича — на 189 списках на 19 110 человек, Ворошилова — на 186 списках на 18 474 человека. Думаю, что еще не все списки известны общественности.

20 августа 1938 года Сталин и Молотов утвердили представленный Ежовым список на 15 жен «врагов народа», и все они были расстреляны. В списке значились Чубарь А. И., Эйхе-Рубцова Е. Е., Косиор Е. С., Егорова Г. А., Орлова В. А., Хавина-Скрыпник Р. Л., Дыбенко-Седякина В. А., Агранова В. А., Артузова И. М. и другие. Из 15 расстрелянных 10 были до ареста домашними хозяйками и две студентки. Мужья многих из них были расстреляны позднее, в начале 1939 года. Всего подверглось репрессиям в качестве членов семей «изменников Родины» и «врагов народа» 40 056 человек.

Точных данных, которые бы основывались на документах, о масштабах всенациональной трагедии нет. Называются самые разные цифры. Такой проницательный человек, как академик Вернадский, оценивая события второй половины 30-х годов, привел в своем дневнике (январь 1939) цифру в 14—17 миллионов ссыльных и заключенных по политическим мотивам.

Власть, разумеется, придерживалась другого мнения. В 1954 году министр внутренних дел Круглов сообщил Хрущеву, что с 1930 по 1953 год в СССР репрессировано примерно 3,7 миллиона человек, в том числе 765 тысяч расстреляно. Эти цифры ложные. Но они гуляют по официальным источникам до сих пор. На них любят ссылаться нынешние деятели КПРФ, утверждая, что расстреляно было всего-навсего

765 тысяч, а не миллионы. Вот эта готовность признать убийство сотен тысяч людей, потому что *это не так уж и много*, особенно отчетливо выявляет сущность большевиков — как прошлых, так и нынешних.

В годы гражданской войны (по отрывочным сведениям) различным видам репрессий подверглись *более двух миллионов человек*, в первую очередь представители бывших имущих классов и интеллектуальной элиты страны.

Более пяти миллионов крестьян было репрессировано в ходе проведения коллективизации в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Примерно столько же погибло от голода, организованного властью.

По далеко не полным данным, составленным еще в декабре 1953 года по заданию послесталинских руководителей, органами ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ за так называемые контрреволюционные преступления только в период с 1921 по 1953 год было арестовано 5 951 364 человека, из них осуждено судебными и внесудебными («тройками», «двойками», «особыми совещаниями») органами к различным наказаниям 4 060 306 человек. С 1936 по 1961 год репрессировано по национальному признаку более 3,5 миллиона человек. По решениям высшего партийно-государственного руководства СССР на территории Российской Федерации подверглись депортации 11 народов, а 48 народов частично.

Мой собственный многолетний опыт работы по реабилитации жертв ленинско-сталинских репрессий позволяет утверждать, что число убитых по политическим мотивам, умерших в тюрьмах и лагерях за годы советской власти в целом по СССР достигает 20—25 миллионов человек. Сюда относятся и умершие от голода: более 5,5 миллиона — в гражданскую войну и более 5 миллионов человек — в 30-е годы.

Но и опубликованные документы дают достаточное представление о масштабах карательной политики. Только по Российской Федерации с 1923 по 1953 год, по неполным данным, общая численность осужденных составляла более 41 миллиона человек. Среди них были люди, совершившие уголовные преступления. Но и миллионы тех, кто был лишен свободы за опоздания на работу, за невыполнение нормы трудодней в колхозах и т. п.

По указам от 26 июня 1940 года и 15 апреля 1942 года за эти проступки в 1940 году было осуждено более 2 миллионов человек, в 1946-м — 1,2 миллиона; в 1947-м — более 938 тысяч и т. д. Даже в 1953 году по этим статьям осудили более 308 тысяч человек. В целом за послевоенные годы за опоздания на работу и невыполнение нормы трудодней было осуждено более 6 миллионов человек. Формально они не проходили по разряду контрреволюционной деятельности, но едва ли кто может отрицать, что они — жертвы репрессивной политики режима.

Главную ответственность за геноцид в России и Советском Союзе несет большевизм, политическим оформлением которого выступали коммунистические организации. Они были своего рода псевдонимами большевизма, то есть советского фашизма. Эти преступления совершались под непосредственным руководством Ленина и Сталина.

С конца двадцатых до начала шестидесятых годов главными идеологами и руководителями тотального человекоубийства, кроме Сталина, являлись Молотов, Каганович, Берия, Ворошилов, Жданов, Маленков, Микоян, Хрущев, Андреев, Косиор, Суслов, Ягода, Ежов, Абакумов, Вышинский, Ульрих.

Вячеслав Скрябин (Молотов). Председатель Совета Народных Комиссаров СССР (с 1930 по 1941). На его ответственности — уничтожение главным образом работников государственного аппарата. Многие из них арестованы и физически уничтожены по его личной инициативе. Из народных комиссаров, входивших в СНК СССР в 1935 году, 20 человек погибли в годы репрессий. В живых остались лишь Микоян, Ворошилов, Каганович, Андреев, Литвинов и сам Молотов. Из 28 человек, составлявших Совет Народных Комиссаров в начале 1938 года, были репрессированы 20 человек. Только за полгода, с октября 1936 по март 1937 года, было арестовано около 2 тысяч работников наркоматов СССР (без наркоматов обороны, внутренних дел, иностранных дел). Молотов и сам зверствовал, но Сталин постоянно подстегивал его. В письме Молотову Сталин рекомендовал «основательно прочистить аппарат» Наркомфина и Госбанка, для чего «обязательно расстрелять десятка два-три вредителей из этих аппаратов, в том числе десяток кассиров всякого рода...» Были случаи, когда вместо предложенных НКВД санкций на тюремное заключение Молотов ставил рядом с некоторыми фамилиями отметки «ВМН», то есть высшая мера наказания. Одной этой поправки было достаточно для расстрела. На одном из списков, подписанном Сталиным и Молотовым, против фамилии Баранова М. И., бывшего начальника Санитарного управления РККА, Молотовым помечено: «бить-бить». В 1949 году Молотов санкционировал арест по сфальсифицированным делам советских и иностранных граждан, обвинявшихся в шпионаже и антисоветской деятельности.

Лазарь Каганович. Весь его путь как политического деятеля связан с репрессиями. Известны последствия его деятельности в годы коллективизации на Украине, в Воронежской области, на Северном Кавказе, в Западной Сибири. Особенно зловещую роль сыграл Каганович во время массовых репрессий 1935—1939 годов. Еще в 1933 году на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Каганович гневался: «Мы мало расстреливаем». Для подхлестывания массовых репрессий Каганович выезжал в Челябинскую, Ярославскую, Ивановскую области, Донбасс. С санкции Кагановича арестованы тысячи и тысячи работников железнодорожного транспорта и тяжелой промышленности, которых затем или расстреляли, или посадили в тюрьму. Списки и дела «врагов народа» из работников железнодорожного транспорта в 1937—1939 годах, санкции на арест которых подписаны лично Кагановичем, составляют 5 томов. В архивах обнаружены 35 писем Кагановича в НКВД, в которых он возводил выдуманные политические обвинения в отношении многих работников транспорта и требовал их немедленного ареста.

Андрей Жданов. Длительное время фактически выполнял обязанности второго секретаря ЦК ВКП(б), несет прямую ответственность за массовые репрессии. В сентябре 1936 года в телеграмме с юга он вместе со Сталиным требовал усиления репрессий. По инициативе Жданова еще до войны в Ленинграде было репрессировано более 68 тысяч человек. Для проведения и расширения массовых репрессий Жданов выезжал в Башкирскую, Татарскую и Оренбургскую партийные организации. В Оренбургской области за 6 месяцев (с апреля по сентябрь 1937 г.) репрессировали 3655 человек, из них половину приговорили к высшей мере наказания. И, тем не менее, Жданов, прибыв в начале сентября 1937 года в Оренбург, нашел эти меры недостаточными, были репрессированы еще 598 человек. После «чистки», осуществленной Ждановым в Татарской парторганизации, были дополнительно арестованы 232 человека, в Башкирии — 342 человека, все расстреляны.

Активную роль сыграл Жданов в расправе над руководством ЦК комсомола в 1938 году. Выступая от имени Политбюро, он охарактеризовал секретарей ЦК комсомола как «предателей Родины, террористов, шпионов, фашистов, политически прогнивших насквозь врагов народа, проводивших вражескую линию в комсомоле», как «контрреволюционную банду».

Идеологические погромы литературы, кино, театрального и музыкального искусств в 1946—1948 годах целиком лежат на совести Жданова. Он был одним из организаторов августовской (1948) сессии ВАСХНИЛ (Всесоюзной сельскохозяйственной академии). В докладной записке на имя Сталина от 10 июля 1948 года он сформулировал предложения, которые положили начало травле большой группы ученых-биологов.

Климент Ворошилов. С его санкции было организовано уничтожение высших военачальников и политических работников Красной Армии. В главе «Вы сеете фашизм...» приведены кровавые итоги деяний Ворошилова. В бытность его наркомом обороны в Красной Армии только за 1936—1940 годы, по его признанию, репрессированы свыше 40 тысяч человек высшего и среднего командного состава. В архиве ФСБ выявлено более 300 санкций Ворошилова на арест видных армейских военачальников.

Никита Хрущев. Имеются документальные материалы, свидетельствующие об организации Хрущевым массовых репрессий в Москве, Московской области и на Украине в предвоенные годы. Он, в частности, сам направлял документы с предложениями об арестах руководящих работников Моссовета, Московского обкома партии. Всего за 1936—1937 годы в Москве были репрессированы 55 741 человек. С января 1938 года возглавлял партийную организацию Украины. В том же году на Украине были арестованы 106 119 человек, в следующем — 12 тысяч, в 1940 году — 50 тысяч человек.

Анастас Микоян. С его санкции арестованы сотни работников народных комиссариатов пищевой промышленности и внешней торговли. Микоян не только давал санкции на арест, но и сам выступал их инициатором. Так, в письме на имя Ежова от 15 июля 1937 года он предлагал осуществить репрессии в отношении работников Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии Наркомпищепрома СССР. Аналогичные представления делались и в отношении работников Внешторга. Осенью 1937 года Микоян выезжал в Армению для проведения чистки партийных и государственных органов республики от «врагов народа». В результате погибли тысячи людей. Микоян вместе с Ежовым был докладчиком на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года по делу Бухарина.

Георгий Маленков. Имел непосредственное отношение к большинству акций, которые предпринимались НКВД в отношении руководящих работников в центре и на местах. Он неоднократно выезжал на места для осуществления массовых репрессий. Так, Маленков вместе с Ежовым съездил в

1937 году в Белоруссию, где было учинено настоящее побоище кадров. С той же целью он посетил Тульскую, Ярославскую, Саратовскую, Омскую, Тамбовскую области, Татарию. Было немало случаев, когда Маленков лично присутствовал на допросах и пытках арестованных. Именно таким путем Маленков вместе с Берией сфабриковал дело о «контрреволюционной организации» в Армении. Установлена преступная роль Маленкова в фабрикации так называемого «ленинградского дела».

Андрей Андреев. Будучи членом Политбюро и секретарем ЦК ВКП(б), лично участвовал в организации репрессий в республиканских партийных организациях Средней Азии, в частности в Узбекистане и Таджикистане, а также в Поволжье и на Северном Кавказе. По результатам его поездок Сталиным, Молотовым и другими был санкционирован расстрел 430 руководящих работников Саратовской области, 440 — Узбекистана, 344 — Таджикистана.

Михаил Суслов. Участник массовых репрессий в бытность его секретарем Ростовского обкома партии. Став первым секретарем Ставропольского крайкома партии, он не только резко возражал против освобождения ряда невинно осужденных лиц, но и настаивал на новых арестах. Комиссия НКВД СССР в июле 1939 года докладывала Берии, что Суслов недоволен работой краевого управления НКВД, так как оно проявляет благодушие. Суслов сам перечислил людей, которых, по его мнению, необходимо арестовать, что и было сделано. Как председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве он несет прямую ответственность за депортацию тысяч людей из Прибалтики. Он был организатором преследований и травли многих видных представителей советской художественной и научной интеллигенции, расправы над Еврейским антифашистским комитетом.

Отдельно следует сказать о Михаиле Калинине. Как председатель ВЦИК СССР подписал подготовленное Сталиным и Енукидзе постановление от 1 декабря 1934 года «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Стало возможным рассматривать дела без участия сторон, без права подачи ходатайств о помиловании. Были предусмотрены приговоры к высшей мере наказания по той же процедуре. Возглавляя с 1931 по 1946 год Комиссию ЦИК по расследованию и разрешению судебных дел с точки зрения возможного изменения приговоров, Калинин потворствовал практике беззакония и массового террора, ни одно прошение о помиловании им удовлетворено не было.

Как Молотов и Буденный, он рабски смирился с тем, что его жена была посажена в тюрьму по сфабрикованному политическому обвинению.

Таковы были наши «вожди». Они постоянно грызли друг друга, заботились только о собственной шкуре. Известно, как Зиновьев и Каменев грызли Троцкого. Потом Орджоникидзе, Микоян, Ворошилов и другие «разоблачали» Бухарина и Рыкова. В 1936 году Раковский, Радек и Пятаков публикуют в «Правде» статьи с требованием расстрела Зиновьева и Каменева. Раболепные письма Сталину отправляли из тюрем все бывшие его соратники, признаваясь во всем и моля о пощаде. Писал Сталину покаянные письма Бухарин, обещал полностью переделать себя, выполнять все, что прикажет «вождь».

Говорить о морали Сталина и его окружения — занятие пустое. За день до своей смерти в июне 1937 года Якир посылает покаянное письмо Сталину с просьбой оставить ему жизнь. Резолюция следующая: *«В мой архив. Подлец и проститутка. Сталин. Совершенно точное определение. Молотов. Мерзавец, сволочь и блядь — одна кара — смертная казнь. Каганович».*

У меня нет ни малейших колебаний в убеждении, что все они подлежат суду за преступления против человечности.

Когда после XX съезда (1956) нависла угроза персональной ответственности за злодейства, совершенные против народа, в высших слоях карательных и партийных служб началась перебранка. Каратели из спецслужб говорили, что они были всего лишь исполнителями, выполняли прямые указания партийных вождей. В свою очередь партийные «вожди» утверждали, что все злодеяния — дело рук ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ.

Правы и те и другие. Элита партии и элита служб безопасности — близнецы. Они вместе творили преступления. Если время от времени в общую мясорубку летели головы и членов Политбюро, и главарей спецслужб, шли на расстрел тысячи аппаратчиков из партии коммунистов и тысячи — из партии чекистов, то эта смертельная мельница говорит лишь о сложившемся в стране двоевластии.

Будучи мастером интриг, Сталин отменно играл в эти кладбищенские игры. Он не верил никому. Чтобы легче управлять, он постоянно сталкивал лбами всех со всеми, от чего у всех лбы были в кровоподтеках, а сами аппаратчики постоянно дрожали от страха перед смертью и одновременно видели сны о «заслуженном повышении по службе». Иногда

сны сбывались, но страхи оставались. Так и шла жизнь аппаратчика — животный страх и жажда власти.

Сталин не забывал «поправлять» тех и других — и партийных аппаратчиков и чекистов. Когда волна репрессий в 1938 году чуть-чуть ослабла, а руководители некоторых партийных организаций начали информировать Кремль о том, что работники НКВД используют недозволенные методы следствия, именно Сталин направил 10 января 1939 года телеграмму на места, в которой говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)...»

Формула Сталина — «применение физического воздействия» — лицемерно-кокетливое обозначение того, что было в действительности. Пытки, избиения, лишение сна, изнурительные ночные допросы с применением «конвейерной системы» (следователи менялись для отдыха), многочасовые «стойки», расправы с родными и близкими и многое другое. Нередко арестованный на допросе мог слышать крики своей жены и детей, которых истязали в соседней комнате. Понятно, что в этих условиях арестованные давали любые показания.

Сталин лично дирижировал подготовкой многих судебных процессов. Известно, что 2 декабря 1934 года, прибыв в Ленинград после убийства Кирова, он отверг те версии, которые выдвинуло следствие, и приказал доказать, что убийство Кирова — дело рук зиновьевцев. Он лично давал указания об арестах, избиениях арестованных, порядке их допроса. О своем подельнике по репрессиям Уншлихте он написал: *«Избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т. п.)»*. Подобных резолюций полно.

Приведу несколько фраз из показаний бывшего начальника Лефортовской тюрьмы Зимина. Часто на допросы, рассказывает он, приезжали и наркомы НКВД — как Ежов, так и Берия. И тот и другой избивали арестованных. Он видел, как Ежов избивал арестованных, видел, как Берия избивал Блюхера. Блюхер кричал: «Сталин, слышишь ли ты, как меня истязают?» Берия тоже кричал: «Говори, как ты продал Восток!» Блюхер оговорил себя, заявив о своих связях с право-троцкистской организацией, которой вообще не существовало. Вскоре он умер в следственной камере.

Другой пример, связанный с Эйхе. Военная коллегия в феврале 1940 года приговорила его к расстрелу. И даже перед расстрелом он был подвергнут зверскому избиению. Об этом рассказал в январе 1954 года бывший начальник первого спецотдела МВД Баштаков.

«...На моих глазах, по указаниям Берия, Родос и Эсаулов резиновыми палками жестоко избивали Эйхе, который от побоев падал, но его били и в лежачем положении, затем его поднимали, и Берия задавал ему один вопрос: «Признаешься, что ты шпион?». Эйхе отвечал ему: «Нет, не признаю». Тогда снова началось избиение его Родосом и Эсауловым, и эта кошмарная экзекуция над человеком, приговоренным к расстрелу, продолжалась только при мне раз пять. У Эйхе при избиении был выбит и вытек глаз. После избиения, когда Берия убедился, что никакого признания в шпионаже он от Эйхе не может добиться, приказал увести его на расстрел».

Местные органы ВКП(б) постоянно просили увеличить плановые цифры массовых репрессий. Горьковский обком партии докладывал лично Сталину (февраль 1938), что вместо намеченных 4500 человек репрессировано 9600. Но и этого оказалось мало. Обком попросил установить дополнительный лимит в 5000 человек, из которых 3000 для расстрела. Для Омской области лимит по первой категории был установлен в количестве 1000 человек, но уже 13 августа, то есть через 8 дней после начала операции, начальник УНКВД Горбач сообщил Ежову, что в области расстреляно 5444 человека, и просил увеличить лимит по расстрелам до 8 тысяч человек. Пользуясь энтузиазмом местных убийц, Ежов направляет Молотову новое письмо, в котором просит утвердить дополнительные лимиты на 63 270 человек, из которых 48 420 человек — по первой категории (расстрельной).

Дополнительные лимиты давались на основании решений Политбюро ЦК ВКП(б) и по личным указаниям Сталина, Молотова, Ежова. Так, Политбюро ЦК 28 августа, 26 сентября, 4 октября, 20 октября и 13 декабря 1937 года удовлетворило ходатайства Оренбургского, Дагестанского, Архангельского, Калининского обкомов партии, Алтайского крайкома и ЦК Казахстана об увеличении им лимитов по первой и второй категориям.

В архиве хранится написанная рукой Сталина записка: *«Дать дополнительно Красноярскому краю 6600 человек «лимита» по 1-й категории. За. И. Ст. В. Мол»*... Ими же было подписано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 612-132сс от 1 февраля 1938 года о дополнительном репрессировании по дальневосточным лагерям 12 тысяч заключенных, причем всех по первой категории. Кроме того, 8 ав-

густа того же года Ежов потребовал от начальника НКВД по Дальневосточному краю отчета о том, как идет операция по дополнительному лимиту еще на 20 тысяч человек. При этом Ежов указывал, что «край очень засорен», а лимит «можно прибавить».

Выполняя задания по реализации лимитов, местные органы создавали всевозможные «антисоветские центры» и «подпольные организации», причем не только в республиках, краях и областях, но и в районах, поселках и даже в деревнях. Например, бывший начальник НКВД в Донецкой области Чистов, получив очередную информацию о том, что в той или иной области вскрыт какой-то «центр», неважно какой, сам разрабатывал схему аналогичного центра, намечал его состав, руководителей, филиалы и давал задания производить аресты и получать от арестованных соответствующие признания. Таким путем были «вскрыты» украинский, польский, ровсовский (белогвардейский), немецкий, махновский, сионистский националистические центры и несколько троцкистских. Большинство арестованных было расстреляно.

Для того чтобы выполнить лимиты по расстрелам, работники НКВД в Вологодской области выехали в исправительную колонию, сочинили там протоколы допросов 84 заключенных с признаниями их антисоветской деятельности. Выдавая себя за комиссию по отбору заключенных на работу в другие лагеря, каратели уговорили заключенных подписать эти протоколы. Все 84 заключенных были расстреляны. В Ленинграде в августе — ноябре 1937 года по одному делу арестовали 53 человека, в том числе 51 глухонемого, обвинив их в подготовке террористических актов против Жданова, Молотова и Сталина. По решению «тройки» все они были осуждены, причем 34 — к расстрелу. В декабре 1937 года охрана лагеря Беломорско-Балтийского комбината под видом устранения недочетов в конвоировании заключенных составила акты на тех из них, кто был официально расконвоирован. Их обвинили в побегах, сфальсифицировали соответствующие акты и расстреляли.

Преступное самодурство доходило до того, что некоторые начальники областного масштаба лично давали указания о расстрелах без суда и следствия. Так, начальник управления НКВД по Житомирской области Вяткин самолично распорядился расстрелять свыше четырех тысяч арестованных, среди которых были беременные женщины и несовершеннолетние дети.

В карательных органах существовала практика соревнования по репрессиям. Вот что говорилось, например, в приказе наркома внутренних дел Киргизской ССР Лоцманова от 9 марта 1938 года «О результатах социалистического соревнования Третьего с Четвертым отделом за февраль месяц 1938 года».

«Четвертый отдел в полтора раза превысил по сравнению с 3-м отделом число арестов за месяц и разоблачил шпионов, участников к.р. организаций на 13 человек больше, чем 3-й отдел. На тройке рассмотрено дел по объектам 3-го отдела (включая периферию) на 25 человек меньше, чем по объектам 4-го отдела, однако 3-й отдел передал 20 дел на Военколлегию и 11 дел на спецколлегию, чего не имеет 4-й отдел. Зато 4-й отдел превысил количество законченных его аппаратом дел (не считая периферию), рассмотренных тройкой, почти на сто человек (95)... По результатам работы за февраль месяц впереди идет 4-й отдел».

При поездке на Дальний Восток заместитель Ежова Фриновский взял с собой несколько тысяч кратких справок на арестованных и поручил их рассматривать своим спутникам Листенгурту, Лулову и Ушакову. Рассмотрение справок происходило во время выпивок — с пением песен и под звуки патефона. Листенгурт, Лулов и Ушаков соревновались между собой, кто больше рассмотрит справок. Справки не читались, просто ставилась буква «Р» — это значит расстрелять. Таким образом, по дороге были рассмотрены все справки и отправлены в Москву для приведения приговоров в исполнение.

В НКВД Белорусской ССР арестованных затягивали в смирительные рубашки, обливали водой и выставляли на мороз, вливали в нос нашатырный спирт, издевательски названный «каплями искренности». В Экономическом отделе НКВД СССР арестованного заставляли брать на плечи чемодан и ходить с ним часами по комнате, произнося слова, что он «уезжает в Лондон со шпионскими материалами для английской разведки». В Особом отделе Белорусского военного округа арестованным приказывали приседать сотни раз с Библией в вытянутых руках и лаять по-собачьи.

В эти годы были арестованы 1108 из 1966 делегатов XVII съезда партии, большинство расстреляли. Такая же участь постигла 98 из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета ВКП(б), избранного на съезде. Эта расправа была организована лично Сталиным, поскольку имен-

но на этом съезде вынашивалась идея замены Сталина Кировым (Костриков). Киров сообщил об этом Сталину, рассказав и о содержании той критики в адрес Сталина, которая ему, Кирову, известна из кулуарных разговоров на съезде. Сталин поблагодарил Кирова. Последнего вскоре убили, а вслед за этим уничтожили почти всех участников съезда. Остались в живых только самые близкие прихлебатели Сталина.

Под влиянием организованной травли и клеветы покончили жизнь самоубийством член Политбюро ЦК Серго Орджоникидзе, начальник Политического управления РККА Гамарник, председатель ЦИК Белорусской ССР Червяков, председатель СНК Украинской ССР Любченко и многие другие.

Советские спецслужбы широко применили заказные убийства по политическим мотивам. Они начались при Ленине, продолжались при Сталине, не прекратились при Хрущеве и Брежневе. Назову лишь несколько имен из списка заказных убийств. В 1921 году в Китае застрелен атаман Оренбургского казачьего войска А. Дутов. В 1922 году в Болгарии убит царский генерал Л. Покровский. В 1926 году в Париже убит лидер украинских националистов В. Петлюра. В том же году тайно вывезены из Китая генералы Б. Анненков, Н. Денисов, расстреляны в Семипалатинске. В 1928 году в Брюсселе отравлен генерал П. Врангель. В 1930 году в Париже похищен генерал А. Кутепов, в пути в Новороссийск скончался. В 1937 году в Париже похищен генерал Е. Миллер и расстрелян. В 1939 году по заданию Берии и его заместителя Кобулова были тайно убиты Радек и Сокольников. Как видно из объяснений бывших работников НКВД Федотова и Матусова, при разработке в НКВД операций по этим убийствам Кобулов, требуя безукоризненного их исполнения, подчеркивал, что они осуществляются с ведома Сталина. В 1939 году на Кавказе сотрудники НКВД убили в железнодорожном вагоне посла СССР в Китае Бовкун-Луганца и его жену. Для сокрытия следов преступления была инсценирована автокатастрофа, затем организованы торжественные похороны. В 1940 году была похищена и расстреляна жена маршала Кулика Кулик-Симович, на которую потом, в целях маскировки, объявили всесоюзный розыск и в течение 10 лет разыскивали как «без вести пропавшую». В 1940 году подготавливалось тайное убийство бывшего наркома иностранных дел СССР Литвинова. В 1940 году убит Л. Троцкий. В 1959 году в Мюнхене убит С. Бандера. В 1946 году в

Москве расстрелян сотрудник шведской дипломатической миссии в Венгрии Рауль Валленберг. В 1979 году во дворце Тадж-Бек убит президент Афганистана Амин. В 2004 году убит чеченец Яндарбиев в Катаре.

В НКВД существовал специальный отдел по террору, возглавляемый генералом Судоплатовым. Он выполнял указания лично Сталина.

В конце 1938 года в том же ведомстве была организована токсикологическая лаборатория для исследования действий ядов и снотворно-наркотических веществ на человеческий организм. Яды испытывались на людях, осужденных к расстрелу. За период с 1939 до середины 1941 года умерщвлено около ста человек.

Как видно из показаний Берии и Меркулова, все упомянутые выше преступления совершались по указанию лично Сталина.

Примечательно одно свидетельство. Примечательно тем, что автор его член партии с 1908 года, — Полетаев М. И. При аресте в 1951 году у него нашли дневник, который начинается следующими фразами:

«Условия свободы слова в советской стране такие, что не только невозможно высказывать свои мысли на словах или печатно, но без риска понести суровое наказание вплоть до расстрела, их нельзя иметь написанными даже в доме. Я все же рискнул зафиксировать на бумагу некоторые свои мысли и факты, дабы потом, если будет другая политическая власть, заняться их обработкой. Дабы заметки не попали в руки агентов ГПУ, я их частями упаковываю и прячу».

Давая оценку итогам Отечественной войны, он пишет:

«Следовательно, при всех положениях советский народ в войне проиграл, и платить за этот проигрыш придется дорогой ценой много-много лет. И все это получилось в результате царствования Иосифа Сталина и его помощников — Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микояна и иже с ними, за что и должны будут нести ответственность перед страной и трудящимися всего мира, как пособники гибели первого в мире Советского государства».

Дальше: *«И вот, анализируя результаты пребывания у власти партии большевиков, я с болью в сердце должен признать, что за 24 года никакого социалистического общества в советской стране мы не построили, никакого физического облегчения труда крестьянам, рабочим и служащим мы не дали, никакого материального положения трудящимся мы не*

только не создали, но существующее неизмеримо хуже того плохого, которое было до революции...»

И наконец: *«Отныне слово большевик у всех народов обозначает грабителей и бандитов».*

В процессе реабилитации мне приходится сталкиваться с далеко не простыми проблемами. Известно, что во второй половине 30-х годов была репрессирована большая группа работников НКВД — более 40 тысяч человек. Возникает вопрос: подлежат ли прощению жертвы, бывшие до того палачами? Строго юридически — подлежат, ибо уничтожены они были на основе фальсификаций. А нравственно?

После ареста Ягоды новым народным комиссаром Ежовым была проведена чистка во всей системе наркомата внутренних дел. С падением Ежова Берия осуществил еще более широкую чистку аппарата НКВД как в центре, так и на местах. При Ежове были казнены такие кровавые личности, как Агранов, Прокофьев, Молчанов, Гай, Слуцкий, Кедров, Ушаков. Со смещением Ежова полетела голова палача Фриновского.

Но работники НКВД, попадая под машину репрессий, несли наказание не за свои преступные деяния, а получали обычный по тем временам набор обвинений: измена Родине, шпионаж, вредительство, подготовка убийства Сталина. Понятно, что оснований для этих обвинений не было. Но арестованные признавали все обвинения, которые сочинял очередной следователь, пришедший на смену расстрелянному.

В этом отношении характерна судьба Ежова. Суду над ним предшествовало «следствие», во время которого к нему применялись те же методы физического воздействия, которые он столь рьяно насаждал. Ежов подписал все обвинения, которые выдвинуло следствие. Но во время суда отказался от показаний и заявил о пытках и истязаниях, которым подвергался на допросах. Он сказал, что теперь, пройдя тот путь, на который он сам обрек тысячи невинных людей, понимает, что совершал преступления, однако не те, которые ему предъявляют. Ежов не просил сохранить ему жизнь — он хорошо понимал, что приговор уже вынесен. Но заявил (его слова остались в протоколе судебного заседания), что накануне его посетил Берия и уговаривал признать себя виновным, обещая в этом случае сохранить жизнь. Ежов ответил, что сам много раз таким образом уговаривал арестованных и никому не была сохранена жизнь за такое согласие. Поэтому, сказал Ежов, он и не принял предложения Берии.

Другой пример. Ягоду расстреляли как участника право-троцкистского заговора, которого не существовало. Значит, он подлежит реабилитации юридически, как и все другие, поскольку его лишили жизни за то, чего он не делал. Но ему нет прощения за уголовные злодеяния, которые он сам совершил.

Обращаясь к последствиям октябрьской контрреволюции, я не перестаю думать о тех, кто и сегодня «грустит» о том страшном времени, кто и сегодня ищет «врагов народа», кто таскает по улицам портреты убийц-параноиков Ленина и Сталина. Среди них и те, что сочиняли разного рода фальсификации в периоды правления Хрущева, Брежнева, Андропова. Это по их «сочинениям» преследовались тысячи инакомыслящих, которых бросали в лагеря и тюрьмы, в «психушки». Они и сегодня разгуливают на воле, более того, сочиняют доносы на тех, кто поднял руку на преступную систему, созданную вождями большевизма.

Кто они, эти люди? Психически больные? Участники злодеяний или родственники их? Изувеченные ложью большевизма? Не знаю, не могу понять, но от этого не легче. Приходится лишь констатировать, что у строителей дьявольских химер всегда под рукой оказывается достаточно строительного материала. Я имею в виду нас с вами, дорогие читатели.

Закончился XX век. Для России — самый страшный, самый кровавый, до предела насыщенный ненавистью и нетерпимостью. Кажется, пора бы одуматься и покаяться, попросить прощения у лагерников, оставшихся в живых, преклонить колена перед миллионами расстрелянных, умерших от голода, разбудить уснувшую совесть и признать наконец, что мы сами помогали режиму порабощать нас — всех вместе и каждого в отдельности.

Лично мне стыдно перед новым поколением за то, что мы, люди старших поколений, утонули в страхе перед чудовищами, носящими клички Ленин и Сталин, доносили друг на друга, как последние твари, набили мозоли на ладошках, аплодируя «вождям», иными словами, оказались людьми без чести и достоинства. И надо низко поклониться тем, кто возвышал голос протеста, спасая наши души.

В городе Иванове, как и в других городах, составили очередной список террористической группы. Надо было найти руководителя. Выбор пал на ткачиху Зину Адмиральскую, которую только что избрали секретарем областного комитета комсомола. В НКВД ей сказали, что поскольку она девуш-

ка сознательная, то должна помочь разоблачить группу террористов. Она должна «признаться», что является руководителем этой группы, и назвать на очной ставке всех ее участников. Показали список людей. Зина ответила, что ни с кем из них не знакома, а потому изображать из себя руководителя этой группы не будет. Ее арестовали, били, пытали, но она наотрез отказалась участвовать в гнусном спектакле. Тем не менее Зину Адмиральскую приговорили к расстрелу за «создание» группы террористов, решивших убить Сталина.

Зина Адмиральская держалась достойно, мужественно. Перед самым расстрелом, за минуту до смерти, она попросила дать ей зеркальце, чтобы поправить волосы. Она и мертвой хотела остаться красивой.

И как тут не стыдиться?

Глава седьмая

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Совершив государственный переворот внутри страны, большевики объявили его началом мировой революции. «Мы на горе всем буржуям // Мировой пожар раздуем, // Мировой пожар в крови...» — писал Александр Блок в поэме «Двенадцать». В этих строках точно отражены лозунги власти. «Мировой пожар в крови...» Новый режим объявил войну всему цивилизованному миру.

Автор

Предметом моих размышлений в этой главе будут только те действия большевизма на международной арене, которые связаны с ленинско-троцкистской идеей «мировой революции» и ее неизбежности. По мере того как советские и зарубежные архивы становятся все более открытыми, общественности становятся известными все новые и новые документы о замыслах и реальных действиях большевистской партии и государства. Предлагаемые строки — даже не очерк. Мне хотелось обратить внимание лишь на основные черты ленинско-сталинской политики, показать ее истинный цвет за слоем румян и белил, которые щедро употреблялись казенной пропагандой.

Ради власти Ленин не гнушался ничем — вплоть до предательства интересов страны. Как я уже упоминал, в Русско-японской войне он занял пораженческую позицию. Когда грянула Первая мировая война, он вновь воззвал к поражению России и нещадно клеймил социал-демократов и российских оборонцев за поддержку в войне собственных правительств.

Иллюзию о всемирной революции подогревали бунты в Венгрии, Баварии, Гамбурге. В то же время ленинисты, ради самовыживания, не могли игнорировать внутреннюю обстановку в стране. Поэтому в ранних внешнеполитических декларациях правительства уживаются, соседствуют проповеднический пыл и прагматика, утопии и реальные расчеты. Документы свидетельствуют, что шумная пропаганда о праве наций на самоопределение прикрывала военные акции по завоеванию новых территорий на окраинах. Из бюджета страны выделялись огромные средства для «подталкивания» революций в других странах, учинялись провокации против неугодных соседей.

Тогда же создается III Коммунистический Интернационал, который превращается в важный инструмент не только внешней политики, но и разведки. По замыслу Ленина, задача этой организации — мобилизация сил пролетариата для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма! Что это такое, если не призыв к перерастанию гражданской войны в России в гражданскую войну во всем мире.

Выступая на заседании Московского совета 6 марта 1920 года, Ленин с присущей ему хвастливостью заявил: «Нет ни одной страны в мире — даже в самой неразвитой, где бы все мыслящие рабочие не присоединялись к Коммунистическому Интернационалу, не примыкали к нему идейно. В этом полная гарантия того, что победа Коммунистического интернационала во всем мире в срок не чрезмерно далекий — эта победа обеспечена». Такова была программа большевистского империализма.

Многое вобрала в себя история советской внешней политики. Было бы упрощением воспринимать международный курс большевиков как нечто цельное, прямолинейное, он многолик. В одних случаях он определялся идеологическим мифотворчеством, в других — практическими интересами, в-третьих — имперскими амбициями.

Осуждение Версальского договора, а затем гитлеровского нацизма и одновременно — достаточно широкое сотрудничество с той же нацистской Германией вплоть до подготовки на советской территории немецких летчиков и танкистов. Участие в борьбе с франкизмом в Испании, неудавшийся роман с западными демократиями и одновременно — циничная сделка с Гитлером, соучастие в разделе чужих территорий и чужих земель в соответствии с секретными протоколами Молотова — Риббентропа. Бесконечные клятвы в приверженности идеалам мира, принципу мирного сосуществования и одновременно — постоянная гонка вооружений, далеко выходящая за рамки практических оборонных потребностей и экономических возможностей страны.

Куда как пестрая картина. Она создавалась не только Москвой, но и Западом. Конечно, политиков Запада в какой-то мере можно понять, но только в какой-то мере. Если со стороны правителей СССР летели постоянные угрозы о неизбежности мировой революции, которая закопает капитализм; если компартия СССР за счет советского народа содержала почти во всех странах мира подрывные организации в виде национальных компартий; если любому государству из развивающегося мира оказывалась значительная

материальная помощь, в том числе оружием, только за то, что оно заявляло об антиамериканской или социалистической ориентации своей политики, то как же было Западу не принимать меры по собственной безопасности.

Рассуждая в таком плане, я вовсе не хочу сказать, что Запад работал в «белых перчатках», был «несчастной жертвой». Военно-промышленный комплекс США вцепился в «холодную войну», как в бездонный источник наживы. Да и шовинистических призывов за океаном было хоть пруд пруди. Впрочем, необходимо подчеркнуть, что в политике западных держав содержался и дополнительный расчет. Наиболее дальновидные из западных стратегов понимали, что помощь так называемым прогрессивным движениям и безудержная гонка вооружений — дела бессмысленные и ведут только к экономическому истощению Советского Союза. Ведущие западные политики справедливо рассчитывали на то, что советский колосс сам рухнет под тяжестью безумных милитаристских затрат. Так оно и произошло.

Моя докторская диссертация посвящена историографии внешней политики США. Я хорошо знаком с американской литературой по этому вопросу. Написал несколько книг и статей, основанных на американских источниках. Сегодня-то мне понятно, что некоторые мои утверждения носят односторонний характер, слишком идеологизированы. Но я не отказываюсь от них, ибо написаны они в конкретных обстоятельствах того времени. Обе стороны не жалели черных красок, когда писали портреты друг друга.

В то же время для меня лично остается загадкой, почему западные демократии столь быстро смирились с режимом, который пришел к власти в 1917 году незаконным путем, развязал гражданскую войну внутри страны, расколол человечество на две враждебные системы. Я не перестаю задавать себе вопрос, почему и в новых условиях после 1985 года демократический Запад не захотел оказывать реальную практическую помощь Перестройке. Хвалебных-то слов было много, а вот дел — никаких. Может быть, США, обжегшись на молоке, решили на сей раз дуть на воду. Может быть. Но такая позиция заметно затормозила демократическое развитие России. В кратковременных измерениях ее можно объяснить, но в стратегическом плане она оказалась ошибочной.

Ленин именовал юную РСФСР «очагом всемирного социалистического пожара». Он с первых дней после переворота не уставал повторять, что нельзя победить самых могучих империалистических гигантов всего света «без самой могучей,

столь же охватывающей весь мир, пролетарской революции». Нет нужды подробно говорить, что эта установка противоречила жизненным интересам народа России, измученного империалистической и гражданской войнами. Да и практические действия, направленные на то, чтобы раздуть очаги революции в Европе и других местах, провалились. Однако произвол догмы оказался выше живой действительности.

Постепенно практические ожидания мировой революции под воздействием реальностей жизни выветривались, но на политико-идеологическом уровне эти утопии постоянно и настойчиво возбуждались. Мало того, под них выстраивалась мощная военная машина. Основные экономические ресурсы страны направлялись в военную промышленность. Хозяйственная автаркия стала своего рода символом веры. Страна, ее экономика и сознание оказались в плену невиданной и бессмысленной военизации.

Из той же идеи мессианства выросла и практика использования и насаждения противоречий в противоположном стане. Ничего необычного в самой этой установке нет. Дипломатия — сложная игра, и каждый в ней ищет партнеров, союзников, чтобы переиграть соперников. Такова извечная традиция, которая, к сожалению, живет до сих пор. Она антинародна, но старательно служит интересам властвующих элит и ордам мирового чиновничества. Ленин говорил об этом достаточно откровенно: *«Наша внешняя политика, пока мы одиноки и капиталистический мир силен... состоит в том, что мы должны использовать разногласия (победить все империалистические державы, это, конечно, было бы самое приятное, но мы довольно долго не в состоянии этого сделать)».*

Игра на противоречиях велась с большим размахом, каких-либо этических, моральных ограничителей в этой игре дипломатия просто не знала, впрочем, не только советская. Послеоктябрьская поза — отказ от тайной дипломатии и переход к дипломатии открытой — быстренько обернулась воинственным оскалом. Коварство, ложь и лицемерие, столь свойственные истории дипломатии вообще, были отлично освоены советской внешней политикой.

Параллельно с заигрываниями с пацифистскими кругами за рубежом (хотя известно, что пацифизм большевики никогда, мягко выражаясь, не жаловали) велась достаточно целеустремленная работа по поддержке антиправительственных, оппозиционных сил в других странах. Дома пацифизм — под надзором политической полиции, за рубежом — в почете.

Государственный кошелек из года в год потрошился в пользу коммунистических и иных революционных партий, которые сознательно обманывали Москву, изображая из себя некую силу, влияющую на положение дел в той или иной стране, а Москва тешила себя самообманом. Только в 1918—1921 годах по личному указанию Ленина на нужды революции было растранжирено 812 232 600 рублей золотом. Это были годы, когда в стране свирепствовал голод, умирали миллионы людей, началось людоедство. Всего лишь один пример из информационной сводки ГПУ по Самарской губернии от 3 января 1922 года: «...Наблюдается голодание, таскают с кладбища трупы для еды. Наблюдается, детей не носят на кладбище, оставляя для питания...»

Нередко бессмысленной была и разведывательная деятельность, сводившаяся к переписыванию газетных статей и собиранию слухов. Я застал эту практику в бытность свою послом в Канаде и попробовал, хотя и осторожно, выступить против нее. Ничего не получилось. Разве что очередная порция раздражения начальства была доведена до моего сведения. Полупьяные «мыслители» из бывшего КГБ до сих пор в своих книгах открыто сочиняют всякие бредни обо мне и не боятся ответственности. Можно себе представить, какую чепуху они писали в закрытом порядке, в том числе и по международным вопросам, если способны сегодня так лихо лгать открыто.

Нетерпимость Ленина и его узкой группы сподвижников к любому инакомыслию и инакодействию привела к расколу социал-демократии внутри страны и изоляции от международного социал-демократического движения. В результате (после неоднократных перегруппировок) постепенно сформировались направления, по-разному толкующие социалистическую идею. Основные из них — *социал-демократия, национал-социализм и интернационал-большевизм.* Последние два направления в неизлечимом идеологическом ослеплении повели тотальную борьбу с социал-демократией. Даже прямая угроза со стороны фашизма, то есть национал-социализма, ни на йоту не ослабила решимости Сталина расправиться с социал-демократией как со смертельным врагом. Эта линия была тоже частью гегемонистской политики на внешней арене.

Думаю, вначале отдельные лидеры большевиков были искренни в своих грезах о мировой революции. В угнетенных бесправием и нищетой народах они видели своих союзников и союзников всемирного пролетариата, представляли их единым отрядом мировой революционной армии, которой на самом деле не было.

В большевистской верхушке даже подумывали о походе в Индию для избавления ее от английского владычества, что должно было вызвать «эффект домино». Но истощение Красной Армии в борьбе с патриотическими силами (их называли белогвардейскими), которые стремились спасти Россию от большевизма, а также разруха в стране заставили укротить эту мечту. Хотя интерес к Китаю, Индии, другим восточным странам не угас. Ленин призывал «возбуждать революционную страсть толпы в странах Ближнего и Дальнего Востока». Москва создает Коммунистический университет трудящихся Востока, помогает готовить кадры террористов, дает им средства, снабжает оружием.

Особенно выразительным примером экспансионистской политики Ленина во имя захвата власти во всем мире является агрессия против Польши. 2 февраля 1920 года в телеграмме Троцкому он пишет: *«Надо дать лозунг подготовиться к войне с Польшей».* И уже в ноябре того же года был разработан план провокации против поляков. Его готовил Склянский — зам. председателя Реввоенсовета. Ленин в восторге. Он пишет автору проекта: *«Прекрасный план. Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем на 10—20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия 100.000 за повешенного».*

В 1920 году Ленин начал полномасштабную войну против Польши. Во главе армии был Тухачевский, комиссарил Сталин. На первом этапе поход на Варшаву оказался успешным, Ленин — в мессианском восторге. 23 июля 1920 года он телеграфирует Сталину: *«Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию. Надо обдумать внимательно. Сообщите ваше подробное заключение».*

Поход на Польшу провалился с треском. И тем не менее, касаясь советско-польской войны, Ленин цинично заявил на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполкомов Московской губернии 15 октября 1920 года: *«Мы остались победителями».* На самом деле авантюристическая затея Ленина вооруженным путем осуществить советизацию Польши стоила для голодной России контрибуции в 30 миллионов рублей золотом и другими драгоценностями.

Провал агрессии при Ленине ничему не научил его наследников. Так, в феврале 1930 года видный советский военачальник Уборевич заявил: «Мы должны будем снова делить Польшу». Осенью 1931 года Ворошилов на переговорах с немецкими дипломатами заверил их, что «не может быть и речи о каких-либо гарантиях о польских западных границах». Он же на встрече с генералом Адамом 19 ноября того же года дал ему понять, что «точно так же, как Рейхсвер, и Советский Союз не устраивают границы Польши». Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом 6 декабря 1931 года: «Мы не были гарантом Польши и им не станем».

Таким образом, раздел Польши, согласно секретным протоколам Риббентропа-Молотова, не был неожиданным актом, вытекавшим из неких надуманных геополитических интересов перед началом Второй мировой войны. Сталин планировал эту акцию давно. В этой связи возникает вполне закономерный вопрос, кто же особенно активно вел подготовку ко Второй мировой войне, планируя агрессию против Польши?

В первую очередь Ленину и Сталину надо было выжить. Показательно, что Ленин, высказываясь за экономическое сотрудничество с капиталистическими странами, за предоставление им концессий, убеждал своих менее гибких товарищей, что *«концессия есть продолжение войны, только в иной форме».* Логики тут нет, но прагматика очевидна. Тогда-то Ленин и бросил в общество демагогический лозунг «мирной передышки». Всего лишь передышки. Был взят курс, как тогда говорилось, на «мирное сожительство» с буржуазными странами. Мировая революция уходила за горизонт, а проблема собственного выживания становилась все острее. Иными словами, уже в предвоенную сталинскую пору советская внешняя политика постепенно утрачивает свой мессианский характер с псевдоосвободительным привкусом и обретает отчетливые империалистические черты. Переломным рубежом в этой эволюции стали позорные секретные протоколы к пакту Молотова — Риббентропа — венец игры на противоречиях по-большевистски.

Мне, как председателю Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года, комиссии, созданной Съездом народных депутатов СССР, пришлось в 1989 году изучить сотни и сотни страниц, посвященных этому периоду истории. Эти страницы полны примеров коварства, цинизма, политической близорукости советского руководства и предательства Сталиным интересов страны. Политика диктатора вела к войне. Но Гитлер явно переиграл Сталина. Речь шла лишь о том, кто кого опередит. А пока обе стороны играли в прятки под названием «Дружба».

Советский народ, несмотря на бездарное руководство военными действиями со стороны Сталина, отразил агрессию. Но цена оказалась неимоверно высокой — десятки миллионов погибших и искалеченных, реки крови и слез, разрушенная экономика. Поражение Германии помогло Сталину сохранить и укрепить преступный режим личной диктатуры. Я убежден, нас еще ждут горькие прозрения и трагические открытия, относящиеся к войне, случившейся в середине прошлого столетия.

Еще при Сталине, но особенно шумно при Хрущеве, заговорили о мирном сосуществовании, более того, «длительном мирном сосуществовании». Это было продолжением политики «мирной передышки», объявленной Лениным. Жизнь демонстрировала абсурдность милитаристской политики, но догмы продолжали господствовать. Одни иллюзии испарялись, однако появлялись новые, еще более нелепые. Несмотря на многие разочарования, вера если не в мировую революцию, то в победу над капитализмом в мирном соревновании оказалась живучей. Впрочем, скорее, не вера, а демагогия, замешанная якобы на вере.

Ободряли наследников Ленина и Сталина возникновение социалистического лагеря, затем переименованного в социалистическое содружество, революция в Китае, крушение колониальных империй. «Смотрите, — восклицал в узком кругу Брежнев, — и в джунглях хотят жить по Ленину!» Я сам это слышал.

Силовые методы, а не диалог, оставались стержневыми в действиях правящей верхушки СССР. Об этом ярчайшим образом говорят дела не столь давно минувшего времени. 1953 год, когда «наводили порядок» с помощью танков в Восточном Берлине, 1956 год — подавление народного восстания в Венгрии, 1968 год — военное удушение Пражской весны, 1980 год — давление на Польшу. Позор военного вторжения в Афганистан. Карательная война в Чечне.

Военные вмешательства в соседние государства обычно маскировались просьбами соответствующих правительств и осуществлялись якобы руками местных властей, а советские войска играли, как преподносилось, некую «примиряющую роль». Утверждалось также, что следственные и карательные функции против «всяких провокаторов» тоже исполнялись национальными органами власти. Приведу шифровку Лаврентия Берии от 19 июня 1953 года в Берлин. Она хорошо показывает, как это было на самом деле.

«Немедленно организовать при военных комендатурах в округах ГДР следственные группы из работников особого отдела советских оккупационных войск и аппарата уполномоченного МВД СССР в Германии. Обязать руководителей следственных групп срочно провести тщательную фильтрацию арестованных и в отношении лиц, подозреваемых в причастности к организации событий, неотложно провести следственные мероприятия с задачей выявить как в Западной Германии, так и в ГДР организующие центры и агентуру иностранных и западногерманских разведывательных органов, подготовивших и руководивших событиями. Следствие вести без затяжки. Законченные следствием дела на организаторов, зачинщиков и активных участников событий рассматривать в военных трибуналах советских оккупационных войск в Германии».

Я называю известные факты, но много было и незримого, скрытого от глаз и достаточно скверного. Наши солдаты и офицеры принимали участие в боевых действиях в десятках стран мира — Корее, Вьетнаме, Алжире, Египте, Йемене, Сирии, Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Камбодже, Бангладеш, Лаосе, Ливане. И везде сотни погибших ребят моей страны, так и не понявших, за что, ради чего и ради кого они воюют и погибают.

Странную картину представляло собой социалистическое содружество. Оно искусственно складывалось тоже в контексте идеи мировой революции и одновременно укрепляло концепцию великодержавности, которую не уставал лелеять Сталин. О всеобщей поддержке этой политики не могло быть и речи. И не только Китай Мао Цзэдуна, Югославия Тито, Венгрия Имре Надя, Чехословакия Дубчека тому примеры.

Каких-то привилегий, экономических выгод из существования социалистического содружества сам Советский Союз не извлекал. Да и материально советские люди продолжали жить плохо, хуже, чем во многих странах содружества. И вовсе не содружество было тут причиной.

Страна падала в бездну из-за тотальной милитаризации. Накапливались горы оружия, а на смену шли новые и новые поколения вооружений. Постепенно происходила военизация общества, всего образа жизни и сознания. Искусственно нагнеталась психология осажденной крепости ради сохранения режима. Военные структуры и фабриканты оружия постепенно выходили из-под контроля политической верхушки, сохраняя последнюю лишь в качестве удобного прикрытия, театрального занавеса. Они часто играли откровенно провокационную роль, делали все для того, чтобы сохранить военное противостояние. В официальных бюджетах СССР

реальная сумма военных расходов не называлась никогда. Военные программы рассматривались и принимались самым узким кругом правящей верхушки. И по сей день точно не известно, какую долю в валовом продукте страны составляло в советское время военное производство. Называют 70, а то и более процентов. Ноша была непосильная. Еще долго в России будет аукаться это безумие.

Практически сразу или почти сразу после того, как было достигнуто первое советско-американское соглашение об ограничении стратегических вооружений, Советский Союз развертывает на своей территории ракеты СС-20, по советской классификации «Пионер». Американцы немедленно размещают свои ракеты, теперь уже недалеко от советских границ, что сильно подорвало безопасность нашей страны. Это была чистая провокация военных, чтобы получить дополнительные ассигнования на производство оружия. Ее автор — министр обороны Устинов.

Как только западные страны охватила паника в связи с этими ракетами, меня пригласил к себе премьер-министр Трюдо (я тогда работал в Канаде). Он был хмур. Спросил меня, что происходит? Является ли этот шаг отказом СССР от политики мира? Я отбрехивался общими фразами, ибо и сам не понимал этого шага Москвы. Телеграммы на эти темы больше походили на пропагандистские банальности, а не на серьезные разъяснения. Как всегда, без всяких конкретных аргументов.

Трюдо попросил меня передать советскому правительству свое недоумение, а также то, что эта акция, по его мнению, открывает опаснейшую страницу в конфронтации. Я послал телеграмму в Москву. Ответа не получил. Послал вторую. То же самое. Наконец, заведующий отделом МИДа позвонил мне по телефону и во время разговора о рыболовстве у берегов Канады ухитрился намекнуть, чтобы я больше подобных вопросов не задавал. Посол на то и посол, чтобы уметь отвечать на любые вопросы, особенно на те, о существе которых не имеет ни малейшего представления.

Было явно спровоцировано и ухудшение советско-китайских отношений, а затем использовано советскими «ястребами» для осуществления немыслимо дорогостоящего военного переоснащения границы с Китаем, слава богу, не состоявшегося. Генералитет утверждал, что страна должна быть готова к войне «по всем азимутам».

Еще раньше за шесть дней была проиграна война арабов с Израилем. Наши военные страшно обиделись и принудили советское руководство к разрыву дипломатических отношений с Израилем, что явно противоречило интересам нашей страны. Эта часть мира стала чрезвычайно взрывоопасной, превратилась в один из источников международной напряженности, что, кроме всего прочего, послужило оживлению терроризма. Американцы создали Бен Ладена, а мы — Арафата.

Классовый подход, изначально являющийся суперустановкой для большевистской дипломатии, со временем стал пустой фразеологией. Фактически же проводился достаточно очевидный великодержавный, империалистический курс. Афишируемое рыцарство в борьбе за национальную независимость постепенно линяло, обнажая нечто противоположное.

Примечателен эпизод, пришедшийся на 1950 год. Прошло почти пять лет после завершения Второй мировой войны и несколько месяцев после китайской революции. Мао Цзэдун наносит визит Сталину. Китайские соратники Мао говорили потом, что их лидер с большими колебаниями собирался в Москву, боялся ареста. Сталин развернул перед китайским лидером свое видение «нового мирового порядка». Он предложил раздел сфер влияния: Советскому Союзу — Европу, Запад; Китаю — Азию, Восток. В советско-китайские отношения вводились элементы вассальной зависимости Китая от СССР. Позднее это аукнулось большой бедой. Возвеличенная в песнях, лозунгах и речах советско-китайская дружба рухнула на долгие годы. И только при Горбачеве началось разрушение этого губительного для обеих стран курса, постепенное восстановление добрососедских отношений. Я был членом делегации, возглавлявшейся Горбачевым, на переговорах с китайским руководством и видел, как с каждой встречей теплели разговоры.

Многое сплелось во внешней политике в послесталинское время. И реальные государственные интересы, и великодержавная инерция, и эхо былой готовности протянуть щедрую руку помощи всем, кто объявит себя противником Запада. Историки, я думаю, сделают еще не одно открытие относительно того, как началась «холодная война», кто ее накачивал деньгами и психологией ненависти, кто и до сих пор не хочет расставаться с постулатами враждебности и воинственных амбиций.

У новой России очевидна потребность в нормальных деловых отношениях, равноправном и взаимовыгодном международном сотрудничестве, но, как говорится, храни нас Господь от всего того, что именовалось интернационализмом на большевистский манер. В конечном счете все это прямо следовало из догмы, что империализм обречен, а также из не-

умения и нежелания увидеть и реально оценить происходящие перемены в мире и реально оценить себя и других.

Идеологическое ослепление — страшная вещь, ведущая к неисчислимым бедам. Взять, к примеру, вторжение в Афганистан. Начиналось с малого. Переворот, осуществленный группой афганских офицеров, хорошо усвоивших советские рецепты: провозглашение социалистических целей и глубоких чувств дружбы к Советскому Союзу; порция антиамериканизма; объявление руководителя страны Амина американским шпионом — и... объятия Москвы обеспечены! Поначалу речь шла об экономической помощи, помощи оружием и специалистами. Но афганские «преобразователи» сразу же уперлись в устойчивые традиции феодального общества. Началась гражданская война. Мне известно, что информацию об Амине как «американском агенте» дал Крючков, непосредственно курировавший затем афганскую авантюру по линии КГБ и Политбюро ЦК.

Вторжение Советского Союза в мусульманскую страну Афганистан подорвало известное доверие мусульманского мира к нашей стране, способствовало развитию исламского фундаментализма, активизировало антирусские настроения в мусульманских республиках. Об афганской трагедии написано и сказано много. Мир осудил советскую агрессию. Но грехопадение большевистской внешней политики случилось намного раньше вторжения так называемого «ограниченного контингента советских войск» на афганскую землю. Намного раньше! Оно вытекало из основополагающих постулатов большевизма. Об этом я и веду речь.

С началом Перестройки, весной 1985 года, не сразу, а исподволь, как бы вымеряя неизведанную дорогу, начался отход от догм, от зашоренности в международных делах, пересмотр бетонных установок, которые били по жизненным интересам общества. Михаил Горбачев понимал угрозу катастрофы страны в результате гибельной милитаризации. Демонтаж отжившей политики во внешнеполитической сфере — это захватывающая и драматическая история.

В условиях, сложившихся в мире после серии трагедий в России и США, стало особенно очевидным, что политическое толкование «холодной войны» — вопрос вовсе не прошлого, а, скорее, будущего. Если завершение «холодной войны» знаменовало собой поражение одной из сторон — это одна картина будущего мира. Но если мы готовы признать, что реальные события развивались по более сложному сценарию отношений, нежели простое поражение, — то это уже другая картина, хотя и не очень ясно, какая именно. По

этим вопросам существует достаточно широкий диапазон мнений как в США и России, так и в Европе.

В этой связи весьма важно определиться с ответом на вопрос: *когда же началась «холодная война»?* Хотел бы высказать свою точку зрения на эту тему. Принято считать, что она вспыхнула сразу же после Второй мировой войны. По-моему, это не так. Совсем не так. *«Холодная война» началась сразу же после раскола мира на две враждующие системы, то есть в 1917 году.*

Верно, что противостояние систем пережило разные этапы. Были спады. Были обострения. Все помнят и совместную борьбу против гитлеровской Германии. Но главная составляющая — органическая непримиримость деспотии и демократии — оставалась неизменной, готовой вылиться в новую мировую войну.

Чем была «холодная война»? На этот счет есть несколько точек зрения. Первая сводится к тому, что «холодная война» — суть политическое и военное проявление законного и вынужденного ответа на неприемлемое международное поведение другой стороны. В соответствии с этой формулой США и Запад в целом вынуждены были пойти на ужесточение политики в отношении Советского Союза из-за его поведения в странах Центральной и Восточной Европы, в некоторых частях Азии, в «третьем мире». В Советском Союзе в соответствии с той же моделью подробно перечислялись прегрешения и происки США, на которые Москве приходилось реагировать очень остро, причем, как изображалось, вопреки ее желанию. Иными словами, в основе такого подхода лежала классическая формула «хороших и плохих парней». Абсолютному Злу противостояло абсолютное Добро.

Если встать на позиции не ангажированного политика или исследователя, то придется признать, что поведение обеих сторон на протяжении почти семи десятилетий было, мягко говоря, далеко не безупречным. Во всяком случае, любая из сторон могла без затруднений найти в действиях другой оправдание для собственных действий.

Подобное толкование вызвало к жизни так называемое «ревизионистское» направление в исследовании истории «холодной войны» и в теории международных отношений. В основе его лежали идеи: о равной политической и моральной ответственности обеих сторон за начало и продолжение «холодной войны», за раскручивание гонки вооружений; о деструктивности таких специфических явлений в области политического поведения, как «зеркальные образы» сторон, особенно механизмов ожидания худшего из возможных сценариев.

Верно, что «холодная война» достигла особой остроты после Второй мировой войны. Рискну высказать несколько суждений насчет того, почему это произошло. СССР вышел из Второй мировой войны лидером в том смысле, что именно он выдержал основную тяжесть борьбы с нацизмом, если речь вести о людских потерях. Почему это случилось — другой вопрос. Я констатирую сам факт. Сталин использовал сложившуюся ситуацию в сугубо спекулятивных целях, то есть для возвеличения своей личности, закрепления тирании, а также как подтверждение конкурентоспособности советского строя. СССР обладал также самой большой на то время армией, раскрученной военной промышленностью, опытом мобилизационной экономики. Иными словами, причин для новой мифологии было достаточно.

США вышли из войны экономически окрепшими. И не только экономически. Возрос политический вес и моральный авторитет. По моему мнению, без материальной помощи и прямого участия США победа в войне против нацизма была бы невозможной. Более того, их относительная мощь многократно умножалась тем, что позиции всех без исключения основных предвоенных конкурентов — Германии и Японии, а также Англии и Франции — были серьезно подорваны. Настолько серьезно, что потребовался, как известно, план Маршалла, чтобы помочь европейским странам стать на ноги.

Иными словами, на ближайшие послевоенные десятилетия у Соединенных Штатов не просматривался иной достаточно мощный соперник в мире, кроме СССР. Положение усугублялось еще и тем, что если США были — и остаются — проверенной временем демократией, то СССР был диктатурой. Но оба государства исповедовали отчетливо выраженный мессианизм, опирающийся на твердое убеждение, что именно их модель в конечном счете победит во всем мире. Разница заключалась в том, что за американским мессианизмом стояла природная склонность всякого капитализма к экономической экспансии в силу действия законов рынка, тогда как советский мессианизм питался идеологическими соображениями и опирался преимущественно на военную силу.

Напоминаю об этом, чтобы подчеркнуть: столкновение между этими двумя силами было почти неизбежно. И дело не в просчетах политиков с той или другой стороны — такие просчеты конечно же были, но не они определяли тенденции мировой политики. И не в том дело, что одна из сторон олицетворяла собой, как это изображалось, силы Света, а другая — силы Тьмы. Столкновение политических курсов и целей, сил и характеров было предопределено внутренней

природой каждого из двух полюсов еще только формировавшегося биполярного мира, их общим уникальным положением в этом мире, когда силовой, военно-экономический разрыв между этими полюсами и другими ближайшими к ним государствами оказался непропорционально велик.

Было в этом раннепослевоенном противостоянии еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Каждая страна по отдельности и обе они, вместе взятые, их взаимные отношения и роль в мировой политике олицетворяли ту линию развития, которая пробивалась преимущественно через механизмы силы. На мой взгляд, можно утверждать, что силовая детерминанта по итогам Второй мировой войны достигла своей вершины и сама оказалась как бы на развилке: примет ли дальнейшая эволюция этой доминанты глобальный и определяющий характер, или же постепенно будут складываться какие-то новые формы международных отношений. Например, интеллектуальная и нравственная, опирающаяся на мощь знаний и возможностей человека, на критическое осознание им собственного опыта и на понимание своей ответственности перед людьми и Богом, перед уникальностью нашей планеты — этого островка жизни во всей известной нам Вселенной.

К сожалению, инерция мировой политики и ее силовая детерминанта требовали от СССР и США катастрофического решения, то есть помериться силами. Видимо, так бы оно и случилось, если бы в разговор двух мировых гигантов не вмешалось ядерное оружие. В новых условиях в отношениях СССР — США начались три взаимосвязанных, параллельно развивающихся процесса: с одной стороны, разработка средств прямого нанесения ущерба друг другу, с другой — перманентная взаимная проверка соотношения сил и воль через различные виды опосредованного противоборства, наиболее ярким проявлением чего стали конфликты в «третьем мире», и наконец — поиск возможностей, исключающих мировую катастрофу.

В этом, на мой взгляд, и заключался противоречивый характер «холодной войны», которую можно определить как неизбежность силового противоборства, однако новые средства материализации силы вели к взаимному и полному уничтожению сторон, что делало ядерное противоборство бессмысленным. Кубинский ракетный кризис, в частности, показал, что даже обмен ядерными ударами, если бы он произошел, сам по себе не обеспечивал победу ни одной из сторон. Больше того, он привел бы к уничтожению США и СССР. Трагические последствия подобного предсказать просто невозможно.

Чем могла стать, но не стала «холодная война»? Если согласиться с тем определением истоков и сущности «холодной войны», какое я попытался сформулировать выше, то необходимо сделать вывод, что, пожалуй, впервые в истории причудами мирового развития было создано противостояние, не имевшее практического разрешения, но и державшее в своих ядерных тисках обе стороны, как, впрочем, и весь мир. Обстановка кричала: «Думайте, черт побери! Ищите выход!» Надо признать, что и в том и в другом политики обеих сторон оказались несостоятельными. Вполне логично в этих условиях и то, что как советология в США, так и американистика в СССР потерпели интеллектуальное банкротство.

Верно, что по следам кубинского кризиса еще с начала 60-х годов начались переговоры вначале по ограничению и запрещению ядерных испытаний в трех средах, позднее — по ограничению и сокращению стратегических, а затем и обычных вооружений. Все это было полезно, ставило какие-то пределы гонке вооружений, создавало в условиях опасной стратегической игры хоть какую-то «технику безопасности».

Но одних этих мер было недостаточно. Тем более что, замыкая на себе заметные политические и интеллектуальные усилия, эти меры, их разработка и политическое оформление отвлекали, к сожалению, обе стороны от более широкой постановки вопроса: куда и как движется вообще вся система международного взаимодействия.

Не следует забывать, что как западный мир, так и Россия, хотя и очень по-разному, но во многих отношениях — религиозном, идеологическом, экономическом, политическом, иных — являются своего рода протуберанцами еврохристианского направления мировой культуры и мирового развития. И споры между демократией и тиранией, государством и личностью, капитализмом и социализмом, либерализмом и коммунизмом — все эти споры родились на европейской почве и уже отсюда распространились на все или почти на все общественные отношения современности. Поэтому и «холодная война» должна, на мой взгляд, рассматриваться не только в контексте международных отношений, но прежде всего в контексте исторической эволюции еврохристианского мира.

Полагаю, что главная причина взаимного ослепления (я имею в виду как СССР, так и США) — это нараставшая идеологическая нетерпимость в условиях смертельного противостояния. Были, конечно, и экономические причины, но не решающие. Не рискуя впасть в слишком большое преувеличение, скажу, что «холодная война» была также и современным изданием воистину крестового похода, в котором схватились две крайности, порожденные в свое время европейским развитием и благополучно пересаженные им за пределы Европы: либерализм в его американском варианте и коммунизм в варианте российском, то есть в ленинско-сталинистском большевизме. Идеологические шоры побуждали любое отклонение от них рассматривать как ересь и добиваться полной победы над оппонентом. Кстати, инерция идеологической предвзятости дает о себе знать и сегодня, хотя открытие объединенного фронта борьбы с мировым терроризмом во многом создает иную обстановку, более близкую к реальной жизни.

Что нам дала «холодная война»? Мне кажется, она дала реальные доказательства, что даже самая острая конфронтация по самым серьезным проблемам необязательно должна перерастать в военные столкновения. «Холодная война», порожденные ею конфликты еще ближе подвинули нас к пониманию, что абсолютное большинство проблем современного мира, особенно проблем, связанных с развитием, с переменами, с положением человека, в принципе не поддаются военно-силовым решениям. Это не значит, однако, что таким решениям отныне нет места в политике, напротив, именно сейчас более остро, чем раньше, и встали в повестку дня вопросы миротворчества. Во-первых, признана неприемлемость применения силы для решения проблем межгосударственных отношений. И во-вторых, началось значительно более глубокое осмысление тех условий, при которых применение силы оправдано, а также разработка практических механизмов и процедур международно-легитимного использования силы.

«Холодная война» подвигла всерьез заняться поиском механизмов обеспечения и поддержания международной стабильности и безопасности. Правда, акцент в этом поиске делается на безопасность, к тому же понимаемую в чисто военных и военно-политических аспектах. Стабильность же часто интерпретируется лишь как поддержание статус-кво. На мой взгляд, наиболее эффективным путем объединения усилий по обеспечению безопасности и укреплению стабильности является повышение роли ООН, возложение на нее дополнительных функций по умиротворению планеты, по утверждению нового гуманизма, на переоснастке планетного корабля на жизнетворящих принципах. Кроме того, когда ось напряжения постепенно размещается по диагонали, необходимы срочные усилия по переходу ко всеохватывающему диалогу цивилизаций.

Глава восьмая

НИКИТА ХРУЩЕВ

Я не припомню личности, если говорить о политиках XX столетия, более противоречивой, со столь трагически раздвоенным сознанием. Он умнее и дурашливее, злее и милосерднее, самонадеяннее и пугливее, артистичнее и политически пошлее, чем о нем думали в его время и пишут сегодня. Мне бы хотелось оставить эту историческую фигуру в контексте того времени, в котором он действовал, а не делать из него политического игрока нынешних дней.

Автор

Моя работа в ЦК КПСС началась при Хрущеве, в марте 1953 года, сразу же после смерти Сталина. Сначала инструктором в отделе школ. Мне не было еще и тридцати лет от роду. В большинстве своем в отделе работали опытные учителя, в основном женщины-москвички, и гораздо старше меня. Честные, порядочные люди, не очень-то любящие политику. Она как бы проходила мимо, только иногда тихонько стучалась в двери. Разного рода совещания больше походили на педагогические семинары, чем на собрания людей, политически контролирующих сферу просвещения.

Что касается меня, то я почувствовал себя в Москве очень неуютно. Ни знакомых, ни друзей, ни однокашников. Никаких «мохнатых лап». Посоветоваться тоже не с кем. У москвичей свои проблемы, обсуждают события, знакомые только им, а я как глухой и слепой. Но постепенно втягивался в сумбурную и нервозную жизнь Москвы, полную бессмысленностей и двусмысленностей, сеющих у провинциала смутную тревогу.

Иными словами, по сравнению с моим родным Ярославлем жизнь в Москве поражала меня какой-то искусственностью. Огромный театр, в котором каждый претендует на актерскую должность, а еще лучше на первую роль в каждом переулке, в каждой конторе. Постоянное ощущение, что тебя вот-вот кто-то или что-то задавит: дом, труба, машина, твой или не твой начальник. До сих пор не люблю ходить по Москве. Изо всех сил стараюсь увидеть красоту московскую, но, видимо, воображения не хватает. Странная имитация жизни в каменных пещерах.

Конкретно о работе в отделе вспомнить особо нечего. Проверки, записки, собрания и прочая канитель. Только вот командировка во Владивосток, о которой я еще расскажу, да еще, пожалуй, поездка в Башкирию оказались весьма поучительными.

Туда, в Башкирию, отправилась большая бригада с целью собрать материал, который дал бы основания для освобождения от работы тамошнего первого секретаря обкома Вагапова. Я проверял систему образования. По возвращении домой мне сказали, что готовится заседание Секретариата ЦК и мне, вероятно, дадут слово. Я был взволнован, а точнее, напуган. Еще бы! Первый раз в жизни идти в «святая святых», да еще речь держать. Писал речь, вылизывая каждое слово. Заведующий отделом Николай Казьмин напутствовал:

— Смотри, не подведи отдел.

И вот Секретариат. Во главе начальственного стола Суслов. Прорабатывали башкира беспощадно. Дали слово и мне. Я рассказал о положении дел в школах. О том, что половина учителей не имеет педагогической подготовки, что преподаватели русского языка сами не знают его. В школах холодно и грязно. В некоторых селах учителя, приехавшие по распределению, живут в пристройках для домашнего скота. В общем, нарисовал достаточно мрачную картину. И все складывалось вроде бы нормально, но в конце выступления я, критикуя Министерство просвещения республики и министра, по наивности сказал, что на места он ездит с уже готовыми речами, написанными другими людьми.

И тут раздался голос Матвея Шкирятова — председателя КПК:

— А что тут неправильного? Разве министр не может воспользоваться помощью аппарата? Это надуманное обвинение.

Я что-то пролепетал в ответ, но меня уже не слушали. Разве я мог тогда представить, что мне самому многие годы придется писать речи для других?

Часто пытаюсь поточнее вспомнить обстановку в аппарате ЦК после Сталина. В целом все шло по заведенному ранее порядку. По традиции надежды возлагались на наследников «главного мудреца». Им виднее, что делать с народом. Некоторое успокоение внесли мартовские (1953) пленумы ЦК. Снизу казалось, что правящая группа действует дружно, что никаких политических обвалов, наводнений и землетрясений не будет. Но все чего-то ждали.

И не впустую. Перемены, пусть и не кардинальные, но происходили. Прекратили «дело врачей». Выпустили из лагерей и тюрем родственников высшей номенклатуры. Отменили налоги на плодовые деревья и домашнюю живность. Была создана комиссия по реабилитации жертв политических реп-

рессий. Властные функции чуть сместились в сторону правительства. Но ничего не менялось в идеологической сфере.

Как гром на голову низвергся июльский (1953) пленум ЦК по Берии. То, что его убрали из руководства, встретили с облегчением. Только потом стало известно, что Хрущев и тут обхитрил своих соратников. Он поведал им о своих конечных замыслах по Берии лишь в последние дни перед заседанием Президиума. Маленков в своих тезисах предстоящей речи на Пленуме собирался сказать только о том, что Берия сосредоточил слишком большую власть, поэтому его надо передвинуть на одно из хозяйственных министерств.

Известно, что формальные обвинения в адрес Берии были лживыми, но к этому уже привыкли. Едва ли кто верил, включая судей, в то, что Берия — шпион многих государств, но, одобряя приговор ему, люди снова надеялись на что-то лучшее и справедливое, по крайней мере, на то, что прекратятся репрессии и ослабнет гнет диктатуры вождей. И только наиболее вдумчивые наблюдатели понимали, что начался новый передел власти.

Для инструктора ЦК руководитель партии был не только недосягаем, но и окружен ореолом таинственности. Я видел Хрущева только раза два или три на больших собраниях. Поближе с ним познакомился в октябре 1954 года, будучи в командировке в Приморском крае. В аппарате ЦК знали, что Хрущев посетит этот край на пути из Китая. На всякий случай, а вдруг у Никиты Сергеевича возникнут вопросы, послали во Владивосток трех инструкторов ЦК из разных отделов, в том числе и меня. Нас представили Хрущеву. Нас пригласили на узкое собрание партийно-хозяйственного актива. Хрущев пришел в неистовство, когда капитаны рыболовных судов рассказали о безобразиях, творящихся в рыбной промышленности. Заполняют сейнеры рыбой, но на берегу ее не принимают из-за нехватки перерабатывающих производств. Рыбу выбрасывают в море и снова ловят. Порой по четыре-пять раз. Так и шла путина за путиной.

Хрущев кричал, угрожал, стучал кулаками по столу. «Вот оно, плановое хозяйство!» — бушевал Никита Сергеевич. Отчитал присутствовавшего здесь же Микояна, позвонил в Москву Маленкову, дал указание закупить оборудование для переработки рыбы, специальные корабли. Энергия лилась через край. Капитаны — в восторге. Потом, вернувшись в Москву, я поинтересовался, что же было выполнено из его указаний. Оказалось, ничего, совсем ничего.

Тогда, во Владивостоке, под подозрением Хрущева оказалось китайское руководство. Он не исключал, что китайские

лидеры будут стремиться к гегемонии в коммунистическом движении, выскажут территориальные претензии к СССР, пойдут на сближение с США. Потом он и вовсе рассорился с китайскими лидерами.

Но дальше произошло для меня нечто неожиданное. Хрущев начал говорить крайне нелестно об эпохе Сталина. Я записал тогда несколько фраз. Храню до сих пор. Вот что сказал Хрущев еще до XX съезда КПСС:

«Нельзя эксплуатировать без конца доверие народа. Мы, коммунисты, должны каждый, как пчелка, растить доверие народа. Мы уподобились попам-проповедникам, обещаем царство небесное на небе, а сейчас картошки нет. И только наш многотерпеливый русский народ терпит, но на этом терпении дальше ехать нельзя. А мы не попы, а коммунисты, и мы должны это счастье дать на земле. Я был рабочим, социализма не было, а картошка была; а сейчас социализм построили, а картошки нет».

Ничего подобного я до сих пор не слышал. В голове страх, растерянность — все вместе. То ли гром гремит, то ли пожар полыхает. Вернувшись в Москву, я боялся рассказывать об этих высказываниях даже своим товарищам по работе, шепнул только нескольким друзьям — и то по секрету. В аппарате ЦК никакой информации об этом выступлении Хрущева не было. Печать тоже молчала. Даже мы, присутствовавшие на этом собрании, при встречах друг с другом в столовой или еще где-то избегали вспоминать об этой встрече. Как бы ничего и не случилось, а если что и показалось, то забылось. Ну, погорячился человек, с кем не бывает.

Я работал в ЦК еще всего ничего. Смотрел на события открытыми и наивными глазами провинциала. Когда молод и знаешь мало, а душа до краев наполнена романтикой, все люди кажутся добрыми и порядочными, восторженно веришь каждому слову старших и не допускаешь даже мысли, что люди могут лгать, обманывать, лицемерить. Верил, что в ЦК все делается по правде. Миллионы людей еще мечтали о светлом будущем и отвергали тех, кто, как им внушалось, мешал быстрому бегу к счастью, которое ждет нас за ближайшим углом. А тут — невообразимо жуткие слова, которые раньше приписывались разве только империалистам, троцкистам и другим «врагам народа». Я и предположить не мог, что вскоре произойдет общественное землетрясение, начало которому положит доклад Хрущева на XX съезде КПСС.

Итак, после расстрела Берии тягучая схватка за первую роль в руководстве между Хрущевым и Маленковым скло-

нялась в пользу Генсека. В результате Маленкова осенью 1955 года, за несколько месяцев до XX съезда, сняли с поста председателя Совмина. Это означало, что власть снова полностью перекочевала в ЦК КПСС, а вернее, в ее верхушку. Побаловались немножко в «ленинские принципы управления», и хватит. Должен сказать, что смещение Маленкова прошло безболезненно. В аппарате ЦК приветствовали эту меру на том основании, что правительственные чиновники слишком задрали носы и хотели отодвинуть в сторону партийных чиновников.

После удаления от реальной власти Берии (карательный аппарат) и Маленкова (исполнительная власть) начался, в сущности, новый период в практике руководства страной. Хрущев без колебаний расстался со своими друзьями. Руки развязаны. Он решился на исторический шаг — на доклад о Сталине. Именно этот мужественный поступок и побуждает меня помянуть Никиту (так его звали в народе) признательным словом.

Я был на некоторых заседаниях этого съезда. Ничего особенного — съезд как съезд. Похож на любое другое партийное представление. Произносились скучные, привычные слова, причем громко, с пафосом. Все хвалились успехами — продуктивностью земледелия, производительностью труда, надоями молока, процентами прироста, неуклонным повышением жизненного уровня народа. Казенные сладкопевцы восторгались мудростью партийных вождей. Всячески ругали империализм. Доставалось и тем «отщепенцам» внутри страны, которые «оторвались от народа и сеяли неверие в его великие победы». Иными словами, происходила многодневная партийная литургия, посвященная прославлению, вдохновлению и разоблачению.

Мне повезло. Достался пропуск и на заключительное заседание съезда 25 февраля 1956 года. Пришел в Кремль за полчаса до заседания. Бросилось в глаза, что публика ведет себя, по сравнению с другими заседаниями, как-то по-другому. Не очень разговорчивая, притихшая. Видимо, одни уже что-то знали, а других насторожило, что заседание объявлено закрытым и вне повестки дня. Никого из приглашенных на него не пустили, кроме работников аппарата ЦК.

Председательствующий, я даже не помню, кто им был, открыл заседание и предоставил слово Хрущеву для доклада «О культе личности и его последствиях». Хрущев на трибуне. Хмур, напряжен. Видно было, как он волновался. Поначалу подкашливал, говорил не очень уверенно, а потом разошелся. Часто отходил от текста, причем импровизации были еще резче и определеннее, чем оценки в самом докладе. Я буквально похолодел от первых же слов Хрущева о преступлениях Сталина. Каким я был тогда? Молод, еще не полностью испарилась вера в марксистско-ленинское учение, в социализм. Надеялся и на обещанное пришествие земного рая. Только со временем понял, насколько оглупляла и ослепляла завороженность сказочным будущим.

Конечно, у меня, как и у многих других, уже шевелились в голове какие-то смутные сомнения, неудобные вопросы, но я уговаривал себя, что эти проблемы не столь уж и важны. Гнал их в сторону, поскольку вера в «величие» задуманного, благоговение перед «мудрецами Кремля», которые лучше других знают, что надо делать, еще не покинули мое сознание, оттесняя всякие «посторонние» мысли. Я ощущал щемящую пустоту в душе, но к серьезным выводам, а тем более — к поступкам, не был готов.

Все казалось нереальным, даже то, что я здесь, в Кремле, и слова, которые перечеркивают почти все, чем я жил. Все разлеталось на мелкие кусочки, как осколочные снаряды на войне, способные убить в любую минуту. В зале стояла гробовая тишина. Я не слышал ни скрипа кресел, ни кашля, ни шепота. Никто не смотрел друг на друга — то ли от неожиданности случившегося, то ли от смятения и страха, который, казалось, уже навечно поселился в советском человеке. Я встречал утверждения, что доклад сопровождался аплодисментами. Не было их. А вот в стенограмме помощники Хрущева их обозначили в нужных местах, чтобы изобразить поддержку доклада съездом.

Не так уж много осталось в живых тех, кто непосредственно слушал «секретный доклад» Хрущева. Доклад был настолько опасен для системы, что его долгое время боялись публиковать, хотя в партийных организациях его обсуждали. Он оставался секретным еще три десятилетия. Кто-то передал его на Запад, а вот от советского народа доклад скрыли. Скрыли по очень простой причине: руководство страны боялось выходить с идеями десталинизации за пределы партийной элиты. Доклад был опубликован только во время Перестройки.

Уникальность происходящего заключалась еще и в том, что в зале находилась высшая номенклатура партии и государства, которая в большинстве своем сама участвовала в сталинских злодеяниях. А Хрущев приводил факт за фактом, один страшнее другого. Уходили с заседания, низко опустив головы. Шок был невообразимо глубоким. Особенно от того, что на этот раз официально сообщили о преступлениях «са-

мого» Сталина — «гениального вождя всех времен и народов». Так он именовался в то время. Хрущев же говорил о его преступлениях.

Подавляющая часть чиновников в аппарате ЦК доклад Хрущева встретила отрицательно, но открытых разговоров избегала. Шушукались по углам. «Не разобрался Никита...», «Такой удар партия может и не пережить...». Под партией аппарат имел в виду себя. В практической работе он с ходу начал саботировать решения съезда. Точно так же партийный аппарат повел себя и в период Перестройки.

Но шло время, известное еще под именем Врача. Наступила политическая оттепель. Начал проходить озноб и в моих мозгах. Особенно помогали споры с друзьями, встречи с писателями. Круг знакомых расширялся. Иногда ходил на вечера поэзии в Политехническом музее. Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Римма Казакова — открывался новый и прекрасный мир. Но сознание продолжало быть раздвоенным. В известной мере я стал рабом мучительного притворства, но старался не потерять самого себя, не опоганиться. И не торопился с выводами. Ждал какой-то беды, но какой — понять не мог.

В ЦК работать расхотелось. Искал выход. И нашел его. Скорее интуицией, чем разумом. Понял необходимость переучиться, заново прочитать все, что относилось к марксизму-ленинизму. Обратился с заявлением направить меня на учебу в Академию общественных наук. Два раза отказали. После третьего заявления отпустили, но при условии, что пойду на кафедру истории КПСС. Но мне удалось убедить начальство Академии в целесообразности другого решения. Долго не могли понять, почему я не хочу идти на кафедру истории партии, что было бы для работника ЦК, да еще историка, логичным шагом. Но после XX съезда я просто не мог нырять в мутные волны политики, о которой рассказал Хрущев. Выбрал международную кафедру.

Я благодарен академии. В мое время там была хорошая обстановка для учебы, для чтения, в том числе и книг специального хранения. Политических дискуссий избегал, выступать на партийных собраниях отказывался. Сумятица в голове еще продолжала плясать свои танцы.

Тем временем в Кремле обстановка явно осложнялась. Пошли шараханья и кульбиты — вверх-вниз, влево-вправо, заморозки — оттепель, надежды — разочарования. Это было своего рода временем общественных открытий, основанных на новых знаниях. Именно этот процесс и перепугал верхушку правителей. Уже вскоре после XX съезда струхнувшее руководство направило по партии три письма, в которых содержались требования усилить борьбу с антипартийными и антисоветскими настроениями. Эти письма — выразительный пример того, как аппарат начал борьбу против решений XX съезда.

В начале апреля 1956 года, то есть практически через месяц после съезда, ЦК обратился с письмом ко всем членам партии. Поводом послужило то, что на собраниях стали называть, кроме Сталина, и другие фамилии членов Президиума ЦК, ответственных за репрессии. Глашатай сталинизма газета «Правда», пересказывая это письмо, призывала к борьбе против «демагогов» и «гнилых элементов», которые под видом обличения культа личности критикуют линию партии. Письмо не оказало ожидаемого влияния. Оно как бы затерялось, утонуло в общественных дискуссиях.

В июле 1956 года ЦК направил второе письмо, в котором сообщалось о репрессивных мерах: о привлечении к ответственности отдельных коммунистов и роспуске парторганизации теплотехнической лаборатории АН СССР за «неправильное» обсуждение решений XX съезда. Но и это не помогло. Стихийная, вышедшая из-под контроля десталинизация, несмотря на руководящие окрики, мало-помалу захватывала массы, прежде всего образованную часть общества. Особой активностью отличалась писательская среда.

Движение за демократизацию жизни нарастало не только в Советском Союзе, но и в странах Восточной Европы. В октябре 1956 года вспыхнуло народное восстание в Венгрии. Для его подавления были использованы советские войска. Венгерские события, кроме всего прочего, послужили удобным поводом для новых нападок на Хрущева. Его обвиняли в том, что это он дал толчок к оживлению и мобилизации всех «контрреволюционных и антисоветских» сил.

Никита Сергеевич был явно растерян. Он, конечно, понимал — об этом мне позднее рассказывал его первый помощник Шуйский, — что письма ЦК к коммунистам только разжигали страсти, а не утихомиривали их. Но особенно «рогатые» в ЦК и в силовых структурах нажимали на Хрущева и добились своего.

В декабре 1956 года было направлено третье письмо. Оно называлось так: «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Письмо готовила комиссия во главе с Брежневым. Письмо бесноватое, полное угроз, за которыми явно виделся страх. Оно заканчивалось словами:

«ЦК КПСС с особой силой подчеркивает, что в отношении вражеского охвостья у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ним бороться. Диктатура пролетариата по отношению к антисоветским элементам должна быть беспощадной. Коммунисты, работающие в органах прокуратуры, суда и государственной безопасности, должны зорко стоять на страже интересов нашего социалистического государства, быть бдительными к проискам враждебных элементов, и, в соответствии с законами Советской власти, своевременно пресекать преступные действия».

Итак, в лексиконе «вождей» вновь появился ярлык «вражеское охвостье», «преступная деятельность». Каратели и на этот раз не подкачали. По стране прокатилась волна арестов и приговоров за «клевету на советскую действительность» и «ревизионизм». Только в первые месяцы 1957 года к уголовной ответственности было привлечено несколько сот человек. ЦК КПСС ужесточил контроль за деятельностью идеологических учреждений, творческих союзов, научных центров, средств массовой информации. В специальных постановлениях резко осуждалась позиция тех газет и журналов, которые якобы «слишком прямолинейно» поняли идеи доклада Хрущева. Быстро набирала силу тенденция не только замолчать факты беззакония и произвола, но обелить и самого Сталина. Впрочем, тенденция эта и не умирала, а лишь временно притаилась. Прошло полвека после съезда, но и сегодня эта болезнь не исчезла. На коммунистических митингах — портреты Сталина, а в руководстве КПРФ до сих пор считают доклад Хрущева политически ошибочным.

Когда позднее Хрущева освободили от руководства партией, аппарат заметно оживился. Ждал Реванша. Где-то году в 70-м я ехал в Кремль в одной машине с Сергеем Трапезниковым, заведующим отделом науки ЦК, приближенным Брежнева. Он всю дорогу рассуждал о том, как устранить вред, нанесенный Хрущевым. «Что же будет с марксизмом, когда мы умрем?» — огорчался Трапезников. Он говорил, что марксизм из революционного учения под натиском враждебных ревизионистских сил может превратиться в оппортунистическое, если ЦК будет и дальше недооценивать эту угрозу. Ему, Трапезникову, принадлежит занятная фраза из его книги по аграрному вопросу. Над этим «научным открытием» долго смеялись в Москве: «Волчья стая ревизионистов свила осиное гнездо». Оригинально, не правда ли?

Но почему и Хрущев начал сворачивать процесс десталинизации?

Прежде всего, как мне представляется, потому, что, сказав правду о преступлениях Сталина, он испугался последствий своего деяния, ибо в обществе началась дискуссия о характере самой системы. Помнил и свою личную вину в репрессиях. Кроме того, он видел мощную оппозицию внутри правящей элиты, включая таких сталинских «зубров», как Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов.

Вроде бы выглядит странно, что я, выступая за утверждение свободы в России, сегодня отдаю должное одному из приближенных Сталина. Здесь нет противоречия, если честно заниматься поиском правды, продираясь сквозь джунгли сталинского варварства. В истории не всегда легко понять, где, когда и в чем Зло перевешивает Добро, и наоборот. То и другое частенько ходят вместе, парой. Так и тут. Хрущев чувствовал неладное, но не понимал, что и сам мечется в темной комнате, надрывается на тупиковом пути. И все же хрущевский шаг — от дикости к цивилизованности, от животных инстинктов к просветлению разума, от иррациональности к ответственности — взбудоражил общество, что объективно служило движению к свободе.

Но, сделав заметный шаг в преодолении сталинизма, он не обнаружил ни способности, ни стремления действовать на опережение кризисного развития событий. В воспоминаниях Хрущева есть слова, раскрывающие его позицию по отношению к событиям после XX съезда. Он признал, что за три года после смерти Сталина «мы не смогли расстаться с прошлым, нам не хватило мужества, внутренней потребности приоткрыть полог и заглянуть, что же там, за этой ширмой. Что кроется за тем, что было при Сталине... Мы сами, видимо, были скованы своей деятельностью под руководством Сталина, еще не освободившись от его давления». Хрущев был дитя времени и системы, инерция крепко удерживала его сознание в политическом рабстве. Он уже привык к прямолинейным решениям.

В связи с этим напомню о событиях в Новочеркасске в 1962 году. В первой половине этого года администрацией Новочеркасского электровозостроительного завода неоднократно пересматривались нормы выработки, в результате чего у многих рабочих заработная плата понизилась на 30 процентов. Протестная температура начала быстро расти. Все шло к скандалу. Однако руководство завода, как это было принято в то время, отнеслось к происходящему с пренебрежением. Пошумят, пошумят и успокоятся. Но когда вышло постановление правительства о повышении цен на мясомолочные продукты, рабочие не выдержали. Они бросили работу, со-

брались во дворе завода и в очень острой форме стали обсуждать сложившееся положение. Это произошло 1 июня 1962 года. По требованию митингующих к ним вышел директор завода. И вместо спокойного, уважительного разговора он повел себя высокомерно. Когда рабочие спросили у директора, как им теперь жить, он цинично ответил:

— Не хватает денег на хлеб — ешьте пирожки с ливером.

Эта фраза и оказалась искрой, взорвавшей митингующих. Они вышли на улицы города. Испуг власти был невероятен. В тот же день, то есть 1 июня, в Ростов прибыл член Президиума ЦК Кириленко, который с бранью стал отчитывать командующего военным округом генерала Плиева за бездействие. Кириленко потребовал немедленно ввести войска в Новочеркасск для пресечения «хулиганства». Хрущев согласился с его предложением. В Новочеркасск прилетели члены Президиума ЦК Микоян, Козлов, Шелепин, Полянский. К городу подтягивались воинские части Минобороны и МВД.

Наутро требования электровозостроителей поддержали рабочие нефтемашиностроительного завода и других предприятий города. Безоружные люди колонной двинулись к центру города. Это было мирное шествие с красными флагами, портретами Ленина и цветами. Когда толпа была примерно в четырех-пяти километрах от здания горкома партии, находившиеся там Козлов, Кириленко, Микоян попросили у Хрущева разрешения на силовое пресечение демонстрации.

Рабочие, их жены и дети приблизились к зданию горкома на расстояние пятидесяти — ста метров. Начался митинг, выступавшие требовали снижения цен на продукты питания и повышения заработной платы. В ответ раздались выстрелы. Двадцать человек убили на месте, в том числе двух женщин. В больницах города оказалось 87 человек, позже трое из них умерли. Начались массовые аресты.

В делах осужденных есть любопытные свидетельства. Услышав грохот танков, на улицу выбежал в одних трусах (эта деталь не упущена в протоколе допроса) тракторист Катков. Будучи не совсем трезвым, он воскликнул:

— О Боже, и эти идут удовлетворять просьбы трудящихся!

Тракторист был осужден, а в приговоре сказано, что, «находясь около своего дома, злостно препятствовал продвижению военных машин, направляющихся для охраны завода, допускал при этом враждебные, клеветнические выкрики».

Всего было осуждено 116 человек, семь из них приговорены к расстрелу. Многие — к длительным срокам лишения свободы — от 10 до 15 лет. Власти сделали все возможное,

чтобы скрыть происшедшее. Трупы убитых были захоронены тайно на различных кладбищах Ростовской области.

В газетах не было сказано ни слова о событиях в Новочеркасске. Только 6 июня газета «Правда», упомянув об этом городе, сообщила, что там «трудящиеся правильно оценили повышение закупочных и розничных цен на мясо и масло». В той же публикации похвалили новочеркассцев за трудовой энтузиазм. Так и написано: «Хорошо работают коллективы Новочеркасского электровозостроительного, электродного заводов...» «Правда» никогда не отличалась чувством юмора. Цинизм без границ.

В аппарате ЦК царило молчание. Официальной информации не было. Пользовались слухами. Я узнал об этих событиях от своего заведующего отделом Степакова, который в эти дни был в Новочеркасске. Но и он о многом умалчивал, упирал на то, что демонстранты первыми напали на солдат, так что стрельба была всего лишь ответным шагом.

...История любит парадоксы. Сначала Хрущев хоронил Сталина физически, был председателем похоронной комиссии. Потом хоронил политически — на XX съезде. На похоронах Сталина Хрущев поочередно предоставлял слово Маленкову, Берии, Молотову. Порядок был определен тем, что, когда Сталин только еще умирал, но был еще жив, верхушка уже перераспределила высшие посты. Маленков — предсовмина, Берия и Молотов — его первые заместители. А Хрущеву велено было сосредоточиться в ЦК, который отныне станет заниматься только идеологией и кадрами.

Но Боже мой, такие прожженные византийцы, а совершили столь грубую ошибку! Они просчитались, когда поверили, что Хрущев останется марионеткой нового триумвирата. Впрочем, психологически трудно было не ошибиться. Ведь это был тот самый Хрущев, который, обливаясь потом, не раз отплясывал по приказу Сталина гопака на даче «вождя» в Волынском, а все дружно потешались над этим зрелищем. Надежда, что Хрущев столь же послушно будет плясать под свистульку «новых вождей», не оправдалась. Хрущев обманул всех, играя на том, что у партии отбирают власть. Он оказался хитрее всех, проницательнее всех и беспринципнее всех. Проворнее и ловчее.

Особо надо сказать об июньском пленуме ЦК 1957 года. На нем снова решалась судьба страны. До нас, аспирантов академии, мелкими кусочками доходила информация, что вот-вот Хрущева освободят от работы. Однако кто будет его снимать — сторонники десталинизации или ее противники, — так и не прояснилось до последних дней пленума. Все устали от пере-

живаний 1953 и 1956 годов. Совсем недавно хоронили Сталина, поплакали, хотя далеко не все, но слезы запоминаются прочнее, чем радости. Потом расстреляли Берию. Одобрили. Сняли Маленкова. Отнеслись равнодушно. Потом XX съезд. Обрадовались. А теперь какая-то новая склока. Надоело.

Июньский пленум интересен тем, что до него и на нем Хрущев показал себя мастером политической интриги. Все началось, казалось бы, с незначительного события. На заседании Совета Министров обсуждался рутинный вопрос: кому ехать в Ленинград на празднование юбилея города? Неожиданно началось обсуждение деятельности Президиума ЦК, прозвучало предложение немедленно созвать этот фактически высший орган партии и государства в полном составе. Критиковали и Хрущева. Почувствовав что-то неладное, он резко возразил против созыва Президиума. Не помогло. Президиум собрался.

Неприятности для Хрущева начались сразу же после того, как члены Президиума расселись по своим местам. Вести его поручили Булганину, а не Хрущеву, как обычно. Стенограммы заседания не велось, о нем рассказали его участники на созванном позже пленуме ЦК.

В чем же обвиняли Хрущева? Упреки были достаточно банальными, но во многом правильными. Перечислю некоторые из них: нарушение принципов коллективности, нарастание культа личности, грубость, нетерпимость к отдельным членам Президиума, подавление инициативы советских органов, крупные просчеты в сельском хозяйстве, опасные кульбиты во внешней политике. Было высказано сомнение в целесообразности поста первого секретаря ЦК КПСС. Предлагали вернуться к досталинской практике, когда все государственные вопросы решались на заседаниях Совнаркома, а ЦК занимался сугубо партийными делами.

Президиум заседал четыре дня. В итоге большинство членов Президиума — предсовмина Булганин, председатель Верховного Совета Ворошилов, первые заместители предсовмина Молотов и Каганович, заместители предсовмина Маленков, Первухин, Сабуров — проголосовали за освобождение Хрущева от занимаемой должности.

Казалось, все решено. Но не для Хрущева — не тот характер. По его указанию генерал Серов (КГБ) самолетами доставил из провинции в Москву наиболее влиятельных членов ЦК, которые решительно высказались в пользу Хрущева. Антихрущевское ядро тут же спасовало. В результате был снят вопрос о смещении Хрущева, а также принято решение о созыве пленума ЦК сразу после заседаний Президиума.

Пленум открылся 22 июня, в субботу, и закончился тоже в субботу, 29 июня. На первом заседании председательствовал Хрущев, на остальных — Суслов. (Кстати, он же будет председательствовать и на пленуме в 1964 году, когда освободят Хрущева.) Вводный доклад, названный информационным, сделал тоже Суслов. Его речь была явной политической ориентировкой. Кратко обрисовав ситуацию, назвав вопросы, вызвавшие разногласия, и отметив конкретные претензии, которые выдвигали члены Президиума лично к Хрущеву, Суслов в обтекаемых и осторожных формулировках выдвинул положения, из которых можно было понять, что мятежные члены Президиума поставили под сомнение политический курс XX съезда. Время для выступлений не ограничивалось. Суслов аккуратно режиссировал прения. Слово давал явным сторонникам Хрущева.

Прения открыл маршал Жуков. Он огласил документы по репрессиям, которые обличали лично Молотова, Кагановича, Маленкова в совершении преступлений. Они были названы в качестве основных виновников политических арестов и расстрелов. Однако Каганович задал прямой вопрос Хрущеву:

— А вы разве не подписывали бумаги о расстрелах по Украине? Тот ушел от ответа.

Что касается Жукова, то он, спасая Хрущева, проявил неосторожность, поставив вопрос о необходимости тщательного изучения массовых репрессий и наказания всех виновных в этих преступлениях, настаивая на переводе их в разряд уголовных. Понятно, что к его призывам отнеслись прохладно. Тот пункт резолюции, в котором говорилось о персональной ответственности Маленкова, Кагановича и Молотова за массовые репрессии, был принят, но без публикации в печати. Предложение члена ЦК Шереметьева издать закрытым письмом документы, которые цитировались Жуковым, было отвергнуто. Члены ЦК не хотели дальнейших разоблачений, ибо вопрос решали сами преступники. Был засекречен и третий пункт постановления с оценкой роли Булганина, Первухина и Сабурова. Ворошилов вообще в постановлении не упоминался. Здесь ярко проявилось желание Хрущева и его сторонников затушевать остроту и размах конфликта в партийном и государственном руководстве. Больше того, Булганин, Ворошилов и Первухин, голосовавшие на Президиуме ЦК за смещение Хрущева, остались в составе Президиума.

На что надеялась антихрущевская группировка? Мне кажется, в них уже навеки вселилась иллюзия о незыблемости их авторитета в партии и государстве. Отрыв от жизни был очевиден, ведь они так и не поняли всей глубины изменений

в обществе, произошедших после XX съезда. Молотов, Маленков, Каганович, Булганин, Ворошилов не смогли разглядеть, что их собственное положение в партии и обществе уже покрыто ржавчиной. Хрущев понимал, что новое поколение номенклатуры в своих политических расчетах уже распростилось со старыми вождями.

Что касается Хрущева, то он, стащив на XX съезде Сталина с пьедестала, не мог уступить власть хотя бы потому, что хорошо понимал: если его противники придут к власти, они в первую очередь расправятся с ним физически — через новый политический процесс. Они не простят ему Сталина. Но это не единственная причина. Новая генерация не хотела возвращаться к сверхнапряженности сталинского времени. Заметно было ее стремление к размеренной, хорошо обеспеченной жизни. Самая сокровенная мечта — оставаться у власти до конца жизни. Именно это поколение властной элиты и определило затем содержание брежневского застоя.

Практически за те тринадцать июньских дней были совершены два «дворцовых переворота» — сначала старые зубры изгнали Хрущева, а потом их противники сбросили с правящей вершины самих бунтовщиков и снова возвели на престол того же Хрущева. Аппарат партии не играл заметной роли в этих событиях. Спецслужбы еще только восстанавливали свое влияние после расстрела Берии и его ближайшего окружения. Обществу открывались новые и новые чудовищные факты массовых репрессий, фальсификации политических обвинений, истязаний арестованных. Все отчетливее проявлялось подлинное место карательных органов в механизме власти, в том числе и в кадровом формировании ее высшего эшелона.

После XX съезда казалось, что многие работники спецслужб понесут ответственность за свои преступления. Но назначение главой КГБ генерала Серова перечеркнуло эти надежды. Аппарат безопасности высоко оценил это решение Хрущева и ответил поддержкой в его борьбе за единоличное лидерство. Однако хитрец Хрущев понимал, что полностью положиться на верхушку спецслужб нельзя. Она была заквашена еще Сталиным. После его смерти единственно эффективной силой в борьбе за власть оказалась армия. Во главе ее стоял прославленный полководец Георгий Жуков. Именно к армии обратился Хрущев за помощью при аресте Берии и его сообщников. Армии доверили содержать их под стражей до суда в помещении командного пункта Московского военного округа, да и судимы они были Военной коллегией Верховного суда. Не будь Жукова, трудно сказать, как бы повернулось дело с Хрущевым. Но, повторяю, именно эта роль и погубила Жукова. Документы свидетельствуют, что уже в августе 1957 года началась подготовка и к его смещению. Из стенограммы июньского пленума было вычеркнуто более трех десятков реплик самого Жукова и многие положительные оценки маршала, прозвучавшие в речах других участников пленума.

Например, из выступления Брежнева были изъяты фразы: «Тов. Жуков является твердым, волевым, принципиальным и честным человеком», «Мы с ним условились стоять на защите генеральной линии партии». Была вычеркнута реплика Жукова «о привлечении виновных в репрессиях к ответственности». На полях карандашная пометка: «Снято т. Брежневым».

В начале октября 1957 года пришел черед и Жукова. На пленуме ЦК маршал был обвинен в попытках принизить роль политорганов в армии, в бонапартизме, снят со всех постов и выведен из состава Центрального Комитета. Кстати, никто не заступился за Жукова. Маршалы охотно топтали маршала. Это был грязный поток безнравственности.

На встречах с друзьями, товарищами по фронту Жуков открыто выражает возмущение расправой над ним и высказывает свое мнение о некоторых руководителях партии и правительства, не особенно стесняясь в выражениях. Он, конечно, понимал, что находится под колпаком спецслужб, что каждое его слово записывается, что в его окружении есть стукачи. Однако то ли он уже ничего не боялся, то ли говорил с умыслом, провоцируя какую-то реакцию. И она последовала. 27 мая 1963 года председатель КГБ Семичастный доносит в ЦК, что, по агентурным данным, Жуков ведет «неправильные» разговоры, критикует руководителей партии и правительства, употребляя оскорбительные слова в своих высказываниях. Сохранилась протокольная запись заседания Президиума ЦК от 7 июня 1963 года, обсуждавшего донос Семичастного. Выступили Хрущев, Брежнев, Косыгин, Суслов, Устинов. Принимается решение: *«Т.т. Брежневу, Швернику, Сердюку: Вызвать в ЦК Жукова Г. К. и предупредить. Если не поймет, тогда исключить из партии и арестовать».*

Я пытался найти какие-то следы, чем же закончился вызов Жукова в ЦК. Ничего обнаружить не удалось. Может быть, и не дали мне эти документы. Но, судя по дальнейшему ходу событий, такая беседа в той или иной форме все-таки состоялась. Вероятно, под влиянием этой угрозы со стороны Президиума Жуков в феврале 1964 года пишет письмо Хрущеву и Микояну. Вот отрывки из этого письма:

«Я обращаюсь к Вам по поводу систематических клеветнических выпадов против меня и умышленного извращения фактов моей деятельности... В ряде мемуаров, в журналах, в различных выступлениях высказывались и высказываются всякие небылицы, опорочивающие мою деятельность как в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период. Какие только ярлыки не приклеивали мне, начиная с конца 1957 г. и по сей день:

— и что я новоявленный Наполеон, державший бонапартистский курс;

— у меня нарастали тенденции к неограниченной власти в армии и стране;

— мною воспрещена в армии какая бы то ни было партийная критика в поведении и в работе коммунистов-начальников всех степеней;

— и что я авантюрист, унтер-пришибеев, ревизионист и тому подобное...

Мне даже не дают посещать собрания, посвященные юбилеям Советской Армии, а также и парадов на Красной площади. На мои обращения по этому вопросу в МК партии и ГлавПУРе мне отвечали: «Вас нет в списках...»

...В 1937—38 годах меня пытались ошельмовать и приклеить ярлык врага народа. И, как мне было известно, особенно в этом отношении старались бывший член Военного Совета Белорусского военного округа Ф. И. Голиков (ныне маршал) и нач. ПУРККА Мехлис, проводивший чистку командно-политического состава Белорусского ВО. В 1946 году под руководством Абакумова и Берия на меня было сфабриковано клеветническое дело. Тогда меня обвинили в нелояльном отношении к Сталину. Берия и Абакумов шли дальше и пугали Сталина наличием у Жукова бонапартистских тенденций, и что я очень опасный для него человек... Как Вам известно, после смерти Сталина и расстрела Берии, постановление ЦК о нелояльном моем отношении к Сталину и прочих сфабрикованных обвинениях Президиумом ЦК было отменено. Но вот сейчас на меня вновь клеветники наговаривают всякие небылицы».

Ответа Жуков не получил.

Начало страдного пути Жукова, как видно из его письма, положил еще Сталин. Затем последовал кошмар хрущевского судилища. Новую чашу испытаний он допивал уже при Брежневе, когда разыгралась долгая эпопея с опубликованием его мемуаров. В силу своих должностных обязанностей я оказался участником этой истории. И вновь нарушая хронологию событий, расскажу об этом в данной главе.

Приближалась 20-я годовщина Победы над гитлеризмом. Председатель правления АПН Бурков предложил опубликовать в Советском Союзе и за рубежом статьи видных военачальников, включая статью Жукова. Вопрос обсуждался на Президиуме ЦК. Буркову сказали, что печатать статьи Жукова и о Жукове преждевременно.

Маршал обращается в ЦК с новым письмом, в очередной раз описывает все, что он пережил за годы после октябрьского пленума ЦК 1957 года. Просит отменить решение, навязанное, как пишет Жуков, Хрущевым.

И на сей раз он не получил ответа.

В то время Жуков особенно активно работал над мемуарами. В ноябре 1966 года он вновь обращается в ЦК — к Брежневу и Косыгину. Пишет, что его угнетает продолжающаяся дискриминация, а также о том, что, поскольку 2 декабря у него юбилей, он просит накануне своего 70-летия и в дни 25-летия разгрома германских войск под Москвой еще раз поставить вопрос в ЦК о более справедливом к нему отношении.

И снова стена молчания.

Тот факт, что Жуков готовит мемуары, беспокоил многих, особенно высших военных, да и политиков тоже. Высшие военачальники боялись личных оценок со стороны маршала. Тема мемуаров стала обрастать разными домыслами. Брежнев не торопился высказывать свою точку зрения, выжидал, хотел быть уверенным, что Жуков не расскажет о его, Брежнева, поведении на пленуме 1957 года, когда мордовали маршала, а также не напомнит о выдуманных подхалимами военных заслугах этого руководителя государства. Иными словами, мемуары становились чуть ли не главным вопросом в этом политическом серпентарии.

Многоопытный, искушенный в византийстве Андрей Громыко в начале июня 1968 года рассылает по Президиуму ЦК запись беседы секретаря посольства СССР в Великобритании с издателем Флегоном. Речь шла о мемуарах Жукова. Флегон заявил, что располагает копией мемуаров и намерен ее продать какому-нибудь издательству. Возможно, сказал Флегон, рукопись купят в США за миллион долларов.

Дипломат ответил Флегону в том плане, что Жуков — заслуженный военный и государственный деятель, но сейчас он стар, здоровье его пошатнулось, а поэтому публикация мемуаров, тайно вывезенных за рубеж, нанесет ему «непоправимый ущерб». Подобная публикация может нанести ущерб и «государственным интересам Советского Союза». Жуков — «это не какой-нибудь писатель Солженицын. Очень жаль ста-

рого маршала». Но так или иначе беседа подтолкнула высшие власти к тому, чтобы опубликовать мемуары в Советском Союзе раньше, чем они появятся за рубежом. Как потом выяснилось, сам Жуков к утечке рукописи за рубеж отношения не имел.

20 июня 1968 года отделы ЦК, в том числе и Отдел пропаганды, где я работал в то время, по указанию свыше внесли предложение издать мемуары Жукова на русском и иностранных языках. В нашей записке сообщалось, что Жуков представил мемуары в издательство АПН еще в 1966 году. Тогда же было поручено редакционной группе совместно с автором внести в рукопись необходимые исправления и дополнения. При доработке основное внимание требовалось уделить «устранению субъективных оценок наиболее важных событий Великой Отечественной войны».

К этой записке мы приложили отзыв руководителей Минобороны — Гречко, Якубовского, Захарова, Епишева. Наряду с комплиментами в адрес Жукова начальники Минобороны писали, что мемуары нуждаются в существенной доработке, поскольку, по их мнению, автор проводит мысль, что политическое руководство страны, проявив недальновидность, допустило ошибки в укреплении обороны СССР. Военачальники утверждали, что:

«Некоторые оценки предвоенного периода, данные в мемуарах, серьезно противоречат исторической действительности, принижают огромную работу партии и правительства по повышению военного могущества СССР, в неверном свете рисуют причины наших неудач в первый период Великой Отечественной войны. У автора получается, что эти причины кроются, прежде всего, в ошибках и просчетах политического руководства, которое якобы не приняло необходимых мер для подготовки наших вооруженных сил к отражению гитлеровской агрессии. Объективные же обстоятельства, определившие временное преимущество немецко-фашистских войск, упоминаются в рукописи вскользь».

Рецензенты жаловались, что Сталин, дескать, в некоторых случаях изображен Жуковым недостаточно осведомленным в военных вопросах, не знающим основных законов оперативно-стратегического искусства. Иными словами, историки, политики, военные — все наперебой учили Жукова, *что* и *как должен* он вспоминать, *о чем* и *каким образом* размышлять. Тогда подобные поучения не считались ни дикими, ни странными. Но поскольку отзывы военных не исключали возможность публикации мемуаров после их доработки, мы

и приложили их к нашей записке. Наше предложение обсуждалось на высшем уровне. Было высказано требование добавить главу о роли политработников в армии. Однако автор наотрез отказался писать такую главу. Уговоры не помогали. Сообщили об этом наверх — реакции никакой. Не хочет — и не надо. Беда невелика. Публикации мемуаров без этой главы быть не должно. Причина простая: Брежнев во время войны служил политработником. Ему хотелось ласковых слов о себе, любимом.

Через какое-то время новый руководитель АПН Иван Удальцов попросил маршала о встрече со мной. Сначала Жуков отказался — он не любил политический аппарат. Затем все же согласился. Я обязан был попросить разрешения на эту встречу у секретаря ЦК, но раздумал, опасаясь, что разрешения не получу. Вместе с Удальцовым приехали к маршалу на дачу. Он был хмур, суров. Поздоровались, сели, молчим. Наконец Жуков буркнул:

— Ну?

Удальцов начал объяснять ситуацию, особенно подчеркивая ценность для народа мемуаров человека, который своим талантом спас страну от порабощения. И все в том же духе. Удальцов — фронтовик. Он уважал Жукова, а потому не стеснялся в комплиментах. Кажется, разговор налаживался. Но тут Удальцов совершил оплошность, упомянул о позиции военных. Маршал опять напрягся, и мы услышали раздраженную речь полководца о руководстве Минобороны.

— Кто они такие? Подхалимы! Бездари! Трусы!

Тирада была длинной и гневной. Жуков хорошо помнил о предательстве генералов и маршалов — товарищей по оружию, когда они вместе с партийной номенклатурой размазывали его по стене на октябрьском пленуме ЦК 1957 года. Не забыл и не простил. Немного успокоившись, сказал:

— Не буду писать такую главу.

Наступило неловкое молчание, оно затягивалось. Жуков продолжал молчать. Мы были в растерянности, никак не могли взять в толк, уходить или еще посидеть?

Вдруг маршал оживился, как будто что-то вспомнил. Обратился ко мне.

— Мне Иван Иванович сказал, что вы фронтовик. Где воевали? В каком качестве?

Я коротко рассказал, где родился, когда взяли в армию. О ранении, о госпитале. Маршал слушал внимательно. Но когда я упомянул, что воевал на Волховском фронте, он прервал меня и начал рассказывать о Ленинграде, Волховском фронте, перечислил имена многих своих сослуживцев, ко-

мандиров подразделений, вспомнил некоторые военные эпизоды... Лед растаял. Беседа продолжалась почти на равных — маршала, творившего историю, и старшего лейтенанта, кормившего вшей в болотах под Новгородом.

Знаменитый маршал — суровое лицо, упрямый подбородок, строгие глаза — на моих глазах превращался в человека, совсем не похожего на полководца. Он вернулся на ту войну. Мы слушали затаив дыхание. Георгий Константинович ни словом не обмолвился о своей изоляции, но то, что он, не будучи особо словоохотливым, так разговорился, явно свидетельствовало, что он безмерно устал, хотел высказаться, излить, как говорят, душу.

— Извините, я что-то заболтался, — сказал он и неожиданно улыбнулся.

А затем, сменив тему, вдруг спросил меня:

— А ты помнишь своего политрука и комиссара бригады?

Сказано было с умыслом и не без ехидства.

— Конечно.

— А фамилии помнишь?

— Лапчинский и Ксенз.

— Ну и как?

— Храбрые люди.

— Да, я сейчас, — сказал Жуков, — вспоминаю одного политработника, который заменил в бою убитого командира полка и прекрасно справился со своей ролью. А в целом я стоял и стою за единоначалие в армии... Ну, ладно. Сам писать главу о политработе не буду. Если хотите, пишите, а я добавлю, если что-то вспомню.

Расстались по-доброму.

Сколотили группу для написания этой главы. В основном готовил ее Вадим Комолов — руководитель издательства АПН. По ходу дела он поругался с военными, которые грозились, что все равно не дадут напечатать мемуары Жукова. Да и у нас настроение было не ахти какое. Выручил случай, а может быть, и хитрость Брежнева. Пронесся слух, что он позвонил Жукову и поздравил его с Днем Советской армии.

Все сразу же изменилось. Уже в июле 1968 года отделы ЦК докладывали в Политбюро, что после доработки мемуары представляют «высоко патриотическое произведение», в нем учтены замечания военных, показана роль комиссаров. Записка во многом была лукавой. Этот вариант мемуаров в отделах ЦК никто, кроме меня, не читал, но настроения к тому времени уже изменились. Я сам и составлял эту записку в ЦК. Вскоре мемуары вышли в свет, причем большим тиражом.

Честно говоря, я не ожидал, что Георгий Константинович вспомнит обо мне. Но однажды получил его книгу с дарственными строками:

«Уважаемый Александр Николаевич! Выражаю Вам свою признательность за поддержку, оказанную книге «Воспоминания и размышления». Надеюсь, она послужит патриотическому воспитанию нашей молодежи. Март 1969 г. Г. Жуков».

Он прислал мне и свой фотопортрет с надписью из добрых слов. Я был, конечно, рад. Снова прокручивал в голове встречу, так взволновавшую меня.

Много людей, связанных с Жуковым по старой службе или дружбе, пострадало в то горькое для Жукова время. Одних посадили, других сняли с работы, за третьими установили слежку. Чтобы понять атмосферу, сложившуюся вокруг маршала, приведу запись подслушивания беседы Смирнова-Сокольского и Руслановой.

«Р. Я пошатнулась в основном из-за Жукова.

С. А разве Жуков не начал с того, что его пошатнули с войны?

Р. Меня волнует такое отношение ко мне.

С. Лида, я еще раз тебе говорю, что все это идет свыше и об этом надо говорить, об этом надо писать, об этом надо кричать.

Р. Эх, жизнь, я другой раз говорю себе, ты много лет пела, тебя народ знает, ты не просто мелкая певичка, — уйди, хлопни дверью красиво, что ты мотаешься, или не хватает тебе на жизнь? Если бы вы знали, что в моей душе делается... Если ты около 30 лет Советской власти...

С. (перебивает) Ну и х... с ними, Лида, я 30 лет на сцене и ни один человек не поздравил. В России русский артист выступает 30 лет и никто ничего. Дворник прослужил 30 лет и то хороший хозяин дает ему серебряную бляху.

Р. Ну и х.. с ними! Если меня возьмут, помните, что я была хорошей бабой».

Ее взяли... Чугунный каток Сталина был безразличен к тем, кого давит.

С течением времени образы «вождей» в моем сознании значительно поблекли. Я видел их на трибунах, на разных заседаниях. Ничего запоминающегося. Общие слова, штампы, банальности. Коль я рассказал о встрече с Жуковым, полагаю уместным упомянуть и о встречах с некоторыми другими участниками драмы, разыгравшейся на двух пленумах ЦК в 1957 году.

В годы инструкторские я познакомился только с Лазарем Кагановичем, и то совсем случайно. Лежал в больнице на улице Грановского. Открылась фронтовая рана. В палате было четверо. Один из больных представился как член партии с 1902 года. Он рассказывал нам всякого рода случаи из своей жизни, с легкостью сыпал фамилиями «вождей», называл их уменьшительными именами, иногда поругивал.

— Никита? Кто он такой? Молотов? Да, знаю я его!

Слушать было интересно, но верили мы далеко не всему, что он говорил. Но однажды в палату энергично вошел крупный, плотного телосложения человек, быстро обвел всех глазами, поздоровался и направился в угол, где лежал наш однопалатник. Я узнал пришедшего, но никак не мог поверить, что это он, Каганович, один из небожителей. Они долго разговаривали, вернее, спорили. Старик буквально нападал на Кагановича, иногда повышал голос. Он не раз вопрошал: а помнишь, как я тебя учил? А помнишь, что ты вытворял? И без конца спрашивал: почему так, почему эдак? Иногда Каганович огрызался. Видно было, как он начал уставать от «выволочки» своего старого воспитателя. После его ухода старик еще долго бушевал, выражая свое недовольство тем, что дела в стране пошли не туда, не по Ленину. А куда надо, он нам так и не поведал. Это было в 1954 году.

Во время начавшейся конфронтации с Китаем меня пригласил к себе секретарь ЦК Ильичев и сказал:

— Свяжись с Булганиным. Он ждет тебя. Суть дела в следующем. Китайское руководство распространяет тезис, что «старая гвардия» не поддерживает антикитайскую позицию Хрущева. На Политбюро решили поручить Булганину, уже отправленному на пенсию, выступить в печати на эту тему и заявить о полной поддержке линии партии. Писать статью поручается тебе. Хрущев об этом знает.

Я сделал вялую попытку уйти от поручения, сказав, что я не китаист, не знаю существа дискуссии, что в ЦК целых два международных отдела. Ильичев выслушал меня и сказал: «иди и пиши». Пошел. В голове ни единой путной мысли. Советоваться ни с кем не велено. Позвонил Булганину. Договорились встретиться на следующий день. Тем временем заставил себя сесть за статью, начал комбинировать разного рода штампы, опираясь на газетные статьи.

Наутро поехал к Булганину. Около подъезда ходят люди, все, как один, молодые и в белых рубашках. Дело было летом. Дверь открыл сам Булганин, пригласил в свою маленькую двухкомнатную квартиру. Был любезен, в хорошем настроении, видимо, от оказанного Политбюро доверия. Стал говорить о себе, в частности рассказал о деталях ареста, а потом и расстрела Берии, о генералах Москаленко, Батицком. Жукова не упомянул. Вспомнил и одну деталь. Когда наступила минута расстрела и Берия понял это, он в ужасе закричал: «Вы не можете этого сделать, не можете!»

Булганин рассказывал о расстреле Берии взволнованно, как о героическом эпизоде. Понятно, что я развесил уши, все это я слышал впервые. Потом пили кофе, он предложил коньячку. И только после этого перешли к делу. Поговорили. Николай Александрович возмущался поведением китайцев, но без фактов. Я понял, что он абсолютно ничего об этом не знает. Показал проект статьи. Мои беспомощные восклицания ему очень понравились. Он нахваливал их, полагая, видимо, что они уже утверждены в ЦК. Долго не хотел отпускать меня, говорил, говорил, всем своим поведением демонстрируя свою усталость от одиночества. Содержание статьи его мало интересовало. Договорились встретиться через два дня. Я доложил о встрече Ильичеву, упомянул о мальчиках у подъезда. Он позвонил в КГБ и сказал, что Яковлев выполняет поручение Политбюро ЦК.

Тем же вечером переписал статью заново, утром показал Ильичеву. Тот поворчал, а он любил это делать («Дерьмо, — говаривал он, — но еще не застыло»), сделал несколько замечаний. Я еще поработал, снова показал. Затем поехал к Булганину. Тот снова говорил, говорил... Вскользь, на всякий случай, упомянул о своем уважении к Хрущеву, об их давней дружбе. Статью подписал не читая.

Мне стало жаль этого одинокого человека, которого ветер случайностей вынес на верхнюю площадку власти, а затем брякнул о землю. Серенький человечек, оставленный всеми бывшими «друзьями» коротать свое одиночество. Его выбросили на свалку, словно потрепанный ботинок, как и он туда же выбрасывал других.

Статью на Политбюро одобрили, но не напечатали. Решили, что использовать «бывших» в борьбе с китайским руководством — значит показать слабость данного руководства. «Не будем обращаться к старой рухляди. Своего авторитета хватит», — сказал Хрущев.

Третья встреча — тоже случайная. С Молотовым. Это было весной 1973 года. Меня уже освободили от работы в ЦК. Перед тем как поехать в Канаду, мы с женой решили отдохнуть. В санатории «Барвиха» я встретил Сергея Михалкова. Отличный рассказчик, много знает. Михалков с юмором рассказывал о своих многочисленных встречах с руководителями партии и правительства, особенно в то время, когда они с

Регистаном сочиняли гимн. Мы часто гуляли по парку, однажды направились в сторону поселка Жуковка. Вдруг Михалков остановил меня и сказал:

— Смотри, Молотов идет!

Навстречу шел невысокого роста человек, чуть сгорбившись, с палочкой. Они оба обрадовались встрече, долго трясли друг другу руки. Обменялись обычными фразами о здоровье. Затем Молотов сказал:

— Представьте мне вашего спутника.

Поздоровались. Неожиданно Молотов спросил меня:

— Это вы опубликовали статью в «Литературной газете»?

— Я, Вячеслав Михайлович. — Он имел в виду статью «Против антиисторизма», которую ЦК осудил, а меня направил на работу в Канаду.

— Прекрасная статья, верная, нужная. Я тоже замечаю тенденции к шовинизму, национализму и антисемитизму. Опасное дело. Владимир Ильич часто предупреждал нас об этом.

Он еще что-то говорил в том же духе. Затем Молотов и Михалков ударились в воспоминания. Я стоял и слушал. Так я «удостоился» похвалы человека, который долгое время был правой рукой Сталина, активным и убежденным его помощником по злодеяниям, лично, своей властью отправившим на тот свет тысячи людей.

И еще об одном партийном вожде стоит, пожалуй, рассказать. Кому-то из постоянных «сидельцев» на дачах, где писались разные документы, пришла в голову мысль приглашать на ужин интересных людей. Побывали у нас писатели, художники, кинорежиссеры. Рискнули пригласить Микояна — он был уже в отставке. Анастас Иванович охотно принял приглашение. Рассказывал о Сталине, его врожденной подозрительности, недоверчивости. Говорил о растерянности Сталина в начале войны. Рассказал и о самоубийстве жены Сталина Аллилуевой. По его словам, он был свидетелем ссоры этой четы.

Микоян произвел на меня впечатление рассудительного человека. И снова возникал один и тот же вопрос: как он мог участвовать в той кровавой вакханалии, безжалостно отправлял на смерть невинных людей. Впрочем, он как-то сам сказал о себе и своих сподвижниках: «Все мы были мерзавцами». На подобное признание способен был еще только Хрущев.

С более поздними «вождями», послехрущевскими, я встречался на регулярной основе, но это уже не так интересно.

После смерти Сталина состоялось семь пленумов ЦК. На двух мартовских 1953 года все «небожители» клялись в верности друг другу и делили власть. В июне 1953 года выбросили из руководства Берию. В октябре 1955 года сняли Маленкова с поста предсовмина. В июне 1957 года удалили из руководства Маленкова, Молотова, Кагановича, а в октябре того же года — Жукова. В октябре 1964 года сняли и Хрущева.

Перечисляя хрущевские кадровые пленумы, я хотел бы обратить внимание только на одну сторону этого одиннадцатилетнего периода. Как голодные койоты, грызлись между собой все бывшие друзья, собутыльники, единоверцы. Выступали те же самые ораторы, но какие разные речи от пленума к пленуму! Позабыв о клятвах в вечной дружбе, презрев стыд, они поливали грязью любого, кто оказывался в роли очередного обвиняемого...

К концу учебы в академии я получил приглашение от Ярославского обкома КПСС стать директором пединститута, который я в свое время закончил. Согласился, не раздумывая. Семья тоже. Потихоньку стали собираться в родной город. Но вмешался ЦК КПСС. В 1960 году меня вернули в партийный аппарат. Секретарь ЦК Ильичев предложил мне пойти в сектор агитации, который возглавлял Константин Черненко — будущий генсек. Я отказался. И конечно же вовсе не потому, что там Черненко — он был свойский парень, мы его звали просто Костя, — а потому, что я знал все эти «потемкинские деревни» с агитаторами и агитацией. И все об этом знали.

Ильичев поморщился, но согласился, решив временно оставить меня в «свободном плавании». Через какое-то время меня перевели в сектор газет, о чем я и просил. Печать, особенно ее ошибки, была, как всегда, основной темой разговоров на разных партийных совещаниях, секретариатах. С тех пор как я себя помню в качестве журналиста и партийного работника, газеты, радио, а потом и телевидение постоянно работали в экстремальных условиях. Бесконечная череда снятий с работы, исключений из партии, выговоров, проработок, снижения тиражей в качестве наказания (тиражи определялись не подпиской, а решениями ЦК). Иногда, если «заблудившийся» редактор исправлялся, его подвигали поближе к власти, что изображалось как «доверие».

Особенно противны были жалобы местных партийных руководителей. Как только появлялся острый материал, немедленно в ЦК направлялась цидуля о том, что печать извращает факты, не показывает «огромную» работу парторганизаций, «игнорирует» достижения, на которых, мол, и надо воспитывать массы. И каждый раз приходилось разбираться и докладывать по сложившимся правилам.

И когда сегодня, спустя полсотни лет, слышу от нынешних функционеров и госчиновников разного рода претензии к печати, я с тоской думаю, что политическая культура, которую насаждали большевики, осталась на том же диком уровне, что и прежде. Как это старо и пошло. Печать душили все лидеры России. Впрочем, не все. Не делали ничего подобного Николай II, Горбачев и Ельцин.

Были, однако, и веселые минуты. Пару примеров. Состоялся Пленум ЦК компартии Литвы, который потребовал усилить партийную прослойку на кораблях рыболовного флота. На следующий день в республиканской партийной газете появляется отчет о пленуме под заголовком «Коммунистов и комсомольцев — в море». Редактора сняли с работы. Однажды на Пленуме ЦК компартии Украины раскритиковали руководителей птицеводства за снижение яйценоскости кур и гусей. Республиканская газета опубликовала отчет под заголовком: «Ударим яйцом по империализму». Редактора с работы не сняли, но партийный выговор объявили.

Вскоре меня перевели на должность заведующего сектором радио и телевидения. Дело было абсолютно незнакомое. Но постепенно втянулся в «информационную империю будущего». Когда перешел в новый кабинет, то увидел, что какие-то люди таскают в мою комнату свертки бумаг и складывают к стене.

— Что это? — спрашиваю.

— Тексты вчерашних радиопередач.

— Зачем они мне?

— Мы не знаем.

Позвал инструкторов сектора. Они мне объяснили, что такая практика существует с незапамятных времен. К чтению текстов передач привлекаются журналисты, в основном пенсионеры, они составляют обзоры. Время от времени эти обзоры рассылаются секретарям ЦК, а иногда выносятся на заседания Секретариата ЦК. «Проштрафившихся» наказывали.

Помню, как на Секретариате ЦК сняли сразу семь партийных выговоров с заместителя председателя телерадиокомитета Чернышева, поскольку его назначили послом в Бразилию, а выезжать на работу в зарубежные страны с выговором было нельзя. Один выговор он получил за то, что в эфире прозвучал гимн ФРГ вместо гимна ГДР. Другой за то, что сразу же после речи Хрущева об освоении целины по радио передали песню, в которой были слова: «Расскажи, расскажи, бродяга, чей ты родом, откуда ты...» Хрущева обидело слово «бродяга», он расценил его как некий намек.

Я распорядился больше не присылать эти бумаги, что было встречено одобрительно радиокомитетчиками. Скажу также, что за время моей работы в секторе никто из радиожурналистов не был наказан по партийной линии. Идеологический контроль остался, идеологический террор закончился.

Что еще добром вспоминаю из этого периода? Строительство нового телецентра «Останкино». Дело было так. Развитие телевидения в мире шло быстрыми темпами. Наша страна отставала. Наверху понимали, что у телевидения огромное будущее, но боялись, что оно может оказаться бесконтрольным из-за возможностей спутников. Различным институтам и научным центрам не раз поручалось исследовать способы защиты от зарубежного спутникового телевидения. Таких способов, разумеется, не нашлось.

На телевидении в это время работал Леонид Максаков — прекрасный человек, талантливый строитель. Он был заместителем председателя радиокомитета. Мы доверяли друг другу. Договорились, что он подготовит примерную смету строительства нового центра (в валюте и рублях). Когда подсчитали, то оказалось, что все это будет стоить 127 миллионов рублей. Пошел к Ильичеву, он был сторонник идеи строительства. Читал мою бумагу хмуро, долго ворчал, а потом сказал:

— Не дадут.

Посоветовал, однако, пойти к Устинову, который ведал, будучи в это время секретарем ЦК, оборонной промышленностью. Тот принял меня хорошо, поскольку перед этим я готовил для него по какому-то случаю доклад, который похвалил Хрущев. Показал Устинову все прикидки по строительству, он долго их изучал, а потом сказал, что такую сумму на Политбюро не утвердят, слишком велика.

— Давайте сделаем по-другому. Подготовьте проект общего решения Политбюро, без деталей, с поручением Совмину рассмотреть этот вопрос и внести предложения в ЦК. Совмин имеет право самостоятельно израсходовать на какой-либо объект до 50 миллионов рублей. А я с Косыгиным договорюсь. Лишь бы начать, будем выделять деньги частями.

Так и сделали. На строительство центра затратили гораздо больше денег, чем мы первоначально запрашивали. Честно говоря, меня не покидало недоумение, когда я наблюдал всю эту игру. Два секретаря ЦК и председатель правительства фактически обманывали Политбюро, хотя и в интересах дела. Потом я узнал о десятках и сотнях подобных обманов. О них знала вся номенклатура. Это был стиль работы. Гос-

партработников, особенно местных, оценивали как раз по их способности обвести вокруг пальца Госплан, Госснаб и правительство. Их называли «пробивными». К этому обману прикладывались еще и разные услуги, включая взятки и подарки.

Я в то время часто общался с Энвером Мамедовым — первым заместителем председателя Комитета по телевидению и радиовещанию. Умный и тонкий аналитик, проницательный человек, из которого ключом били идеи. Нас обоих не устраивало состояние информации. Люди предпочитали слушать иностранное радио, ибо наше гнало «сладкую жвачку» и «восторженную белиберду». В то же время руководство страны понимало, что свобода информации подорвет основания политической системы. Мы с Мамедовым, конечно, не заходили так далеко в своих разговорах. Мы заботились просто об информации. Подготовили даже макет новой информационной газеты, но из этого ничего не получилось.

Но как-то разговор зашел о второй программе радио. Туда сбрасывали все, что не годилось для первой программы. У нас с Мамедовым возникла идея сделать вторую программу информационно-музыкальной: пять минут информации, двадцать пять — музыки, и так круглосуточно. Долго спорили о названии. Сошлись на «Маяке». Но как только эта идея достигла ушей работников второго канала, забушевали страсти. Посыпались письма в ЦК. Люди боялись потерять работу. Да и в ЦК, кроме Ильичева, мало кто поддерживал эту идею — ломка была слишком крутой. Не в восторге был и Суслов, он сам работал при Сталине председателем этого комитета. Ему-то в основном и жаловались.

— Ищи дополнительные аргументы! — сказал мне как-то Ильичев рассерженным тоном.

В то время, как известно, существовала практика глушения иностранных передач. Бесполезная работа, но требующая огромных мощностей. К тому же цели своей этот треск глушилок не достигал. Уже за несколько десятков километров от крупных городов можно было услышать почти любые иностранные передачи — был бы хороший приемник. Министерство связи, занимавшееся всем этим делом, боясь гнева начальства, поставило особо мощные глушилки на здании Политехнического музея (около здания ЦК КПСС) и на Кутузовском проспекте (где жило большинство членов руководства ЦК).

И вдруг стрельнула лукавая мысль, а что, если глушить «иностранных злодеев» «Маяком»? Убить, так сказать, двух зайцев сразу. Я доложил об этом Ильичеву. Тот улыбнулся,

понимал, что предложение с хитрецой, толку будет мало, но пообещал, что доложит Хрущеву. Через несколько дней Леонид Федорович пригласил меня и сказал, что Хрущеву идея понравилась, но надо утихомирить коллектив и председателя комитета Харламова, который уже сказал помощникам Суслова, что затея Яковлева ничего хорошего не принесет. Решили вынести вопрос на открытое партийное собрание телерадиокомитета. Обсуждение было бурным и долгим. Собрание поддержало мое предложение об организации информационно-музыкальной программы. 1 августа 1964 года радиостанция «Маяк» вышла в эфир.

Кстати, в 1968 году Андропов внес предложение о возобновлении глушения, причем втайне от отдела пропаганды. Политбюро приняло и это предложение. «Прогрессист и интеллектуал» пуще всего боялся правдивой информации и «буржуазной заразы».

К этому времени я уже зарекомендовал себя в глазах начальства как чиновник, способный что-то более или менее складно изобразить на бумаге. А поскольку начальство писать речи и доклады не умело, то создавались спецгруппы для подготовки текстов. Работали обычно за городом, на дачах ЦК. Такие выезды продолжались до двух, а то и дольше месяцев. Ели, пили, всего было вдоволь. Играли в домино, на бильярде. Заказчикам речей мы внушали, что работа трудная, требующая времени и больших усилий. На самом деле это было дружным враньем. То, что потом произносилось, можно было подготовить и за неделю.

Так я и попал, вместе со многими моими товарищами, в мутный водоворот бессмыслицы, полный цинизма и лжи, связанный с подготовкой «руководящих» докладов. Не буду рассказывать об этой однообразной рутине. Упомяну лишь о паре запомнившихся эпизодов.

Позвонил Ильичев и сказал, чтобы я сел за доклад к годовщине Октября для Подгорного, председателя Президиума Верховного Совета СССР. Я не стал собирать «команду», жаль было времени. Позвонил Александру Бовину, он работал в то время в журнале «Коммунист». Попросил его написать международную часть, сам сел за внутреннюю. Через пару дней встретились, соединили обе части, однако дорабатывать не стали. Я послал текст помощникам Подгорного, полагая, что они сами найдут людей для доработки. Ждал звонка, но не дождался. Подумал, что кто-то еще готовит параллельный текст. Так часто бывало.

На торжественное собрание в Кремль не пошел — уехал с семьей в двухдневный дом отдыха. Но любопытство приве-

ло меня к телевизору. Доклад я услышал в том виде, в каком мы его подготовили. Без всяких поправок. В одном месте прозвучала явная политическая двусмысленность. По окончании доклада позвонил в приемную Подгорного и сказал, что при публикации доклада надо кое-что поправить. Оратора еще не было в его кабинете. Видимо, как всегда, «праздновали». Дежурный обещал доложить Подгорному о моем звонке.

Подождав еще час-два, позвонил снова. Дежурный сказал, что доложил Подгорному, но тот буркнул: «Пусть Яковлев сам и звонит в «Правду». Он писал, пусть он и исправляет». Подгорный был человек незатейливый. С тех пор я гораздо спокойнее, если не сказать — циничнее, стал относиться к подготовке разных текстов для высокого начальства.

Но самый памятной для меня была история, связанная с повестью Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Владимир Лакшин, работавший в журнале «Новый мир», рассказывал мне, как однажды на стол главного редактора «Нового мира» Александра Твардовского легла рукопись тогда еще мало кому известного автора. Она была написана на нескольких ученических тетрадях в клеточку и называлась «Щ-854» (таков был лагерный номер Ивана Денисовича). Как потом говорил Александр Трифонович, он начал читать рукопись поздно вечером и читал до утра. Утром позвонил помощнику Хрущева Лебедеву и попросил прочитать ее Хрущеву. Читка состоялась в один из вечеров на даче Хрущева. Читали помощник Лебедев, а под конец — жена Никиты Сергеевича.

На следующий день Хрущев стал обзванивать некоторых членов Политбюро и спрашивал: знают ли они такого писателя — Солженицына? Ответы были осторожными: никто не знал, но что-то слышал.

— Вот Лебедев пришлет вам рукопись, — она была уже размножена на ротаторе, — почитайте, а на очередном заседании обменяемся мнениями.

И одновременно Хрущев сказал Лебедеву:

— Готовьте книжку для опубликования. Это как нельзя кстати, очень важная иллюстрация к моей речи на XX съезде партии. Пусть почитают, что творилось в лагерях.

И добавил:

— Солженицын — писатель, переживший всю эту трагедию. Ему и веры больше.

Заседание Президиума ЦК Хрущев начал с вопроса:

— Прочитали? Ну, как?

По воспоминаниям людей, с которыми мне пришлось потом говорить, получается, что первым говорил Шелепин. Он считал, что публиковать книгу нецелесообразно. Это ударит по органам безопасности. Выступал Суслов. Он говорил об идеологической опасности — «и так слишком много сказано». (Кстати, некоторые высшие чиновники и в путинское время рассуждают в том же духе). Высказались почти все члены Президиума. Преобладающим было мнение: надо еще подумать, где и как публиковать. На все это чуть раздраженный Хрущев ничего не ответил и только спросил Лебедева:

— Когда мы сможем получить книгу из печати?

Так Хрущев решил и этот вопрос. Единолично.

Но история имела свое продолжение. Повесть Солженицына стала литературным событием. Но не только. Это был мощный политический сигнал. Интеллигенция радовалась. Партаппарат почувствовал опасность. Посыпались письма с мест от партийных комитетов. Трудящиеся, оказывается, возмущены до самой крайности и требуют привлечь к ответственности тех, кто опубликовал «эту клевету на советский строй». Хрущев понимал организованный характер политической атаки. Но сдаваться не хотел — не в его характере. Он добивается решения вынести тело Сталина из Мавзолея и дает прямое указание газете «Правда» опубликовать знаменитое стихотворение Евгения Евтушенко «Наследники Сталина», в котором поэт писал:

«И я обращаюсь к правительству нашему с просьбой: удвоить, утроить у этой плиты караул, чтоб Сталин не встал и со Сталиным прошлое...»

К сожалению, в стране после недолгой оттепели снова подули холодные ветры. Да и Хрущев начал дергаться. Нажим на него был неимоверным. Закончилось тем, что решили собрать пленум ЦК и обсудить состояние идеологической работы. Мне и своему помощнику Евдокимову Ильичев сказал, что, возможно, доклад на пленуме будет делать Хрущев, что большое место решено отвести Солженицыну, критике его «произведений». Вам поручается подготовить проект доклада. Ильичев говорил без энтузиазма. Он нервничал. Можете, сказал он, пригласить для совета академиков Федосеева и Францева. Больше никого. И помалкивать. На наше замечание, что мы не литературоведы, он ответил коротко: «Знаю».

Поехали вдвоем на загородную дачу. От Ильичева нам прислали ксерокопии текстов книг Александра Исаевича «В круге первом», «Раковый корпус», «Пир победителей» и

что-то еще. Они были подготовлены в КГБ, засекречены, выданы нам под расписку. Каждый экземпляр имел свой номер. Иными словами, произведения Солженицына оказались на уровне высших государственных секретов. Смешно и горько.

Мы с Евдокимовым все это прочитали, начали гадать, к чему можно прицепиться. Ничего не получалось. Наши обвинительные формулы не выходили за пределы штампов, каких-то заклинаний. Пригласили академиков. Те тоже прочитали книги Солженицына, причем с большим интересом. Многоопытный Федосеев заключил, что, кроме раздела о политике партии в области литературы с упоминанием среди других имени Солженицына, ничего не получится. Язвительный Францев сказал, что, конечно, Суслов и Ильичев — «крупные литераторы», но о чем они хотят сказать на сей раз, ума не приложит. Упомянуть имя Хрущева он побоялся. С тем академики и отъехали.

Через какое-то время заглянул Ильичев — он жил на даче неподалеку. Евдокимов дал ему с десяток страниц текста, в котором говорилось о политике КПСС в области культуры и пару раз, наряду с другими, упоминался и Солженицын. Ильичев бегло просмотрел текст и сказал, что это совсем не то. «Принципы политики я лучше вас знаю», — сказал Леонид Федорович и добавил еще несколько едких слов. Но затем сообщил, что обстановка изменилась. Хрущева отговорили выступать по этому вопросу. Основной доклад будет делать Суслов, а текст напишут ему другие люди. А он, Ильичев, должен произнести пространную речь о социалистической культуре и нравственности, но там же сильно сказать о Солженицыне. Поэтому можете пригласить в помощь кого хотите. Мы обрадовались. Приехали спецы по литературным текстам, все прописали, получились обычные всхлипы по типу: «Ах, как нехорошо!» Мы ждали Ильичева, чтобы показать ему новое творение, но он не приехал, а вскоре позвонил по телефону и радостно сказал:

— Пленума не будет!

Мы тоже обрадовались и разъехались по домам.

Конечно же Ильичев обрадовался не потому, что он разделял взгляды Солженицына. Вовсе нет. Он понимал, что на пленуме наверняка подвергнут острейшей критике идеологическую работу. Это будет парад демагогии с требованиями «навести порядок», особенно в кадрах редакторов, и т. д. Суслов тоже побаивался, Хрущев не любил его.

Кстати, все наши вожди, восходя на царство, начинали с демагогии о «порядке». Ленин и Сталин довели «порядок» до кровавых судорог, то есть до фашизма азиатского типа. Хрущев начал метаться из стороны в сторону в поисках какого-то другого «порядка», чем трупоедство Ленина и Сталина, но так и не понял, что газовой камерой для народа является сама система. Брежнев без конца говорил о «порядке», но так и не сказал, что это такое. На деле же его «порядок» был прост: пусть идет так, как идет. Андропов видел «порядок» в чуть-чуть подправленном большевизме. Черненко, судя по всему, все время спрашивал себя, как это он очутился на месте «вождя». Других идей не было. Горбачев тоже был за «порядок», но демократический, однако старый «порядок» испепелить не смог. Ельцин решил наводить порядок через новую Конституцию — весьма демократическую. Путин тоже за «порядок», но в основном за такой, в котором опорой должны быть силовики и чиновники, а не институты гражданского общества.

Однако вернемся в прошлое. Уж вовсе странное поручение я получил весной 1964 года. Пригласил меня Ильичев и сказал, что Хрущев просит изучить обстоятельства расстрела семьи императора Николая II. Дал мне письмо сына одного из участников расстрела, Медведева, с резолюцией Хрущева. Заметив мое недоумение, Ильичев сказал, что ты, мол, историк, тебе и карты в руки. Карты картами, но я совершенно не представлял, что делать. Попросил Леонида Федоровича позвонить в КГБ, где, видимо, должны лежать документы, связанные с расстрелом.

По размышлении пришла на ум спасительная мысль: попытаться найти людей, участников расстрела. Тут мне помог Медведев, автор письма, который и назвал адреса еще живых участников тех событий — Г.П. Никулина и И.И. Родзинского. Один жил в Москве, другой — в Риге. Пригласил их на беседу. Как показали последующие события, я был последним, кто официально разговаривал с участниками расстрела семьи Романовых.

На первой беседе оба заметно волновались, не могли понять, зачем их пригласили в ЦК. Объяснил, что есть поручение Хрущева выяснить обстоятельства гибели царской семьи. Постепенно собеседники начали оттаивать. Договорились, что их рассказы будут записаны на пленку. Началась интереснейшая работа.

Мой рассказ будет точнее, если я приведу основные положения моей же записки на имя Хрущева.

«На Ваше имя обратился М. М. Медведев, сын умершего в январе 1964 года М. А. Медведева. Сообщается, что отец

просил сына направить в ЦК воспоминания о своем участии в расстреле царской семьи, а также передать в подарок Хрущеву «браунинг», из которого расстрелян Николай II. Другой, такой же, предназначался Фиделю Кастро».

А по существу я доложил, в частности, следующее:

«В мае 1964 года мною были записаны на магнитофонную ленту рассказы бывшего помощника коменданта Дома особого назначения, где содержалась царская семья, Никулина, и бывшего члена коллегии Уральской областной ЧК Родзинского. Они рассказали, что решение расстрелять семью Романовых принял Уральский областной Совет в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Исполнение было возложено на коменданта Дома особого назначения Юровского. Приказ о расстреле отдал Голощекин. На основании имеющихся документов и воспоминаний, нередко противоречивых, можно составить следующую картину.

Документальные источники свидетельствуют, что Николай II и его семья были казнены по решению Уральского областного Совета. В протоколе № 1 заседания ВЦИК от 18 июля 1918 года записано:

«Слушали: Сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга). Постановлено: По обсуждении принимается следующая резолюция: Президиум ВЦИК признает решение Уральского областного Совета — правильным. Поручить т.т. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся во ВЦИК документах — (дневник, письма и т. п.) бывшего царя Н. Романова и поручить т. Свердлову составить особую комиссию для разбора этих бумаг и их публикации».

Подлинник подписан Свердловым...

В тот же день в Кремле поздно вечером проходило очередное заседание СНК под председательством Ленина. Во время доклада Семашко в зал заседаний вошел Свердлов. Он сел на стул позади Владимира Ильича. Когда Семашко закончил свой доклад, Свердлов наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищи! Свердлов просит слова для сообщения, — объявил Ленин.

— Я должен сказать, получено сообщение, что в Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстрелян Николай. Он хотел бежать. Чехословаки подступали. Президиум ЦИКа постановил: одобрить.

Молчание... Это сообщение Свердлова было зафиксировано в протоколе № 159 заседания СНК от 18 июля 1918 года:

«Слушали: Внеочередное заявление Председателя ЦИК тов. Свердлова о казни бывшего царя — Николая II по приговору Екатеринбургского Совдепа и состоявшемся утверждении этого приговора Президиумом ЦИК. Постановили: Принять к сведению».

Подлинник протокола подписан Лениным.

За несколько месяцев до этого на заседании ВЦИКа обсуждался вопрос о переводе семьи Романовых из Тобольска в Екатеринбург. Одна из причин перевода состояла в том, что Уральский Совет был тогда в основном большевистским и поэтому считался более надежным. Во главе Совета стоял Белобородов. Большую роль в руководстве Советом играл военком Филипп Голощекин...

До начала июля 1918 года комендантом Дома особого назначения был чекист Авдеев. Однако 4 июля его сменил старый большевик-подпольщик Юровский, член коллегии областной ЧК. С приходом нового коменданта режим стал строже, на окнах были сделаны решетки, переписка и передачи прекращены. Дом охранял отряд, состоявший из 50 человек. Это были уральские рабочие и латышские стрелки.

Внутрь Дома особого назначения вход кому бы то ни было, кроме коменданта и его помощника, был запрещен. Никулин в беседе со мной рассказал, что обитатели дома вели себя спокойно. Главное влияние на всех имела царица, женщина властная и высокомерная. Николай II вел себя инертно. Он никогда не читал газет. Единственным, кто читал газету «Уральский рабочий», доставляемую в Дом особого назначения, был сын царя, Алексей, страдавший гемофилией. Со всеми ходатайствами от имени царской семьи выступал лейб-медик Боткин. По свидетельству Родзинского, Уральский Совет предлагал слугам и доктору покинуть Дом особого назначения, однако все они заявили, что «готовы разделить судьбу семьи».

Между тем судьба Романовых продолжала быть предметом обсуждения в Президиуме ВЦИКа. Президиум склонялся якобы к тому, чтобы провести над Романовыми открытый суд. Обвинителем назначили Троцкого. Это подтверждают в своих воспоминаниях Никулин, Родзинский и Медведев. Больше того, старший Медведев в своих воспоминаниях ссылается на разговор, состоявшийся между Лениным и Свердловым по поводу судьбы Романовых: «Именно всероссийский суд, — доказывал Ленин Свердлову, — с публикацией во всех газетах. Подсчитать, какой людской и материальный ущерб са-

модержец нанес стране за годы царствования. Сколько повешено революционеров, сколько погибло на каторге, на никому не нужной войне! Чтобы ответил перед всем народом! Вы думаете, только темный мужичок верит у нас в «доброго» батюшку-царя? Не только, дорогой Яков Михайлович! Давно ли питерский рабочий шел к Зимнему с хоругвями? Всего каких-нибудь 13 лет назад! Вот эту-то непостижимую «расейскую» доверчивость и должен развеять в дым открытый процесс над Николаем Кровавым».

Медведев пишет, что об этом разговоре он узнал 16 июля 1918 года, когда в помещении Уральской областной ЧК с участием членов Областного Совета Урала Белобородова, Сафарова, Войкова, Лукоянова обсуждался вопрос о расстреле семьи Романовых. Рассказывал Голощекин, недавно вернувшийся из Москвы.

В книгах и воспоминаниях тех, кто имел отношение к расстрелу, утверждается, что письменной санкции из Москвы получено не было. Уральский областной Совет решил этот вопрос самостоятельно. К Екатеринбургу быстро подходил мятежный чехословацкий корпус. Но в то же время говорится, что Филипп Голощекин постоянно советовался с Москвой о судьбе Романовых. Примерно числа 10-го июля уже было решение на тот случай, если бы оставление Екатеринбурга стало неизбежным. Ведь только этим и можно объяснить, что казнь без суда была дотянута до 16 июля. «Мне Филипп (Голощекин) — вспоминает Юровский, — примерно 10—11 июля сказал, что Николая нужно будет ликвидировать, что к этому надо будет готовиться».

Интересен и следующий эпизод. Чекисты решили выяснить настроения Романовых. В конце июня император тайно, через солдат охраны, получил два письма на французском языке, написанных красными чернилами. В них сообщалось о положении на фронте и говорилось о том, что вскоре царя ждет освобождение. В связи с этим Николай записал в своем дневнике: «Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые. Все это произошло оттого, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми!»

15 мая 1964 года Родзинский в беседе со мной рассказал, что оба письма, адресованные Николаю, написал он сам. Французский текст диктовал ему член коллегии ЧК Войков, впоследствии советский дипломат, убитый в Польше.

Итак, по плану, ровно в полночь во двор особняка должен был приехать на грузовике (для вывоза казненных) рабочий Верх-Исетского завода Петр Ермаков. Однако машина пришла с опозданием на полтора часа. Обитатели дома спали. Когда приехал грузовик, комендант разбудил доктора Боткина. В связи с тем, сказали ему, что в городе неспокойно, необходимо перевести всех из верхнего этажа в нижний (полуподвал). Боткин отправился будить царскую семью и всех остальных, а комендант собрал отряд из 12 человек, который должен был привести приговор в исполнение.

Примерно в два часа ночи исполнители собрались в нижней комнате. Юровский свел по лестнице царскую семью в комнату, предназначенную для расстрела. Романовы ни о чем не догадывались. Николай нес на руках сына Алексея, который незадолго перед этим повредил ногу и не мог ходить. Остальные несли с собой подушки и разные мелкие вещи.

Войдя в пустую нижнюю комнату, Александра спросила:

— Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?

Комендант приказал внести два стула. Николай посадил на один из них сына. На другой, подложив подушку, села царица. Остальным комендант приказал встать в ряд. В комнате было полутемно. Светила одна маленькая лампа. Когда все были в сборе, в комнату вошли остальные люди из команды.

— Ваши родственники в Европе, — сказал Юровский, обращаясь к Николаю, — продолжают наступление на Советскую Россию. Исполком Уральского Совета постановил вас расстрелять!

После этих слов Николай оглянулся на семью и растерянно спросил:

— Что, что?

Несколько секунд продолжалось замешательство, послышались несвязные восклицания, затем команда открыла огонь. Стрельба продолжалась несколько минут и шла беспорядочно, причем в маленьком помещении пули летели рикошетом от каменных стен. Некоторые из участников казни стреляли через порог комнаты. Юровский утверждает, что в царя стрелял он сам, то же подтвердили и свидетели на следствии у колчаковцев: «Царя убил комендант Юровский...»

В связи с тем, что автор письма Медведев на беседе со мной в ЦК КПСС поставил вопрос о розыске места захоронения царской семьи и возможном вскрытии могилы, мне пришлось обратиться к материалам, касающимся и этого вопроса.

Первым захоронением расстрелянных занимался чекист Ермаков. В три часа ночи трупы на грузовой машине были вывезены в район деревни Коптяки, в 18 километрах от

Свердловска. Неподалеку от дороги нашли старый шурф. Колодец был неглубоким (3,5 аршина). В шахте скопилось на аршин воды. Было решено раздеть трупы и сбросить их в колодец.

Вот что пишет об этом Юровский: «Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями, в отверстии были видны бриллианты. Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На Александре Федоровне оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно, и кусок золотой проволоки весом около фунта. Бриллианты и ценности тут же выпарывались. Их набралось около 0,5 пуда. Это было похоронено на Алапаевском заводе в одном из домиков в подполье, в 1919 году откопано и привезено в Москву. Сложив все ценное в сумки, остальное, найденное на трупах, сожгли, а самые трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей, чья-то брошь, вставная челюсть, были обронены». После этого была сделана попытка обрушить стены шахты с помощью ручных гранат. При этом часть трупов была повреждена.

О том, почему вблизи деревни Коптяки колчаковцам не удалось найти ни одного трупа членов царской фамилии, рассказал мне 15 мая 1964 года Родзинский. Когда руководителям Уральского совета утром 17 июля стало известно, где и как захоронен Николай и его семья, они пришли к выводу, что место это ненадежное и может быть обнаружено. Поэтому Юровскому и Родзинскому было дано задание укрыть трупы в другом месте. Родзинский рассказал также, что когда новая команда прибыла на место и извлекла трупы из колодца, то оказалось, что холодная подземная вода смыла кровь. Перед ними лежали готовые «чудотворные мощи». Очевидно, состав воды и температура были таковы, что трупы могли бы сохраниться в этой шахте долгое время. Решили искать другое место. Это было уже 18 июля. Поехали искать более отдаленные и глубокие шахты, но по дороге грузовик застрял в топкой трясине. Тогда решили захоронить царскую семью прямо в этом топком месте на Коптяковской дороге. Вырыли в торфе большие ямы и перед захоронением трупы облили серной кислотой, чтобы их невозможно было узнать. Часть трупов, облив керосином, сожгли. Эта операция продолжалась до 19 июля. Затем останки сложили в яму, присыпали землей и заложили шпалами. Несколько раз проехали, следов ямы не осталось.

17 июля Уральский совет сообщил телеграммой во ВЦИК о расстреле царя. Эта телеграмма и обсуждалась на заседании

18 июля. По словам Медведева, 20 июля 1918 года Белобородов получил телеграмму от Свердлова, в которой говорилось о том, что ВЦИК признал решение о казни Романова правильным. На следующий день газета «Уральский рабочий» сообщила, что Николай II расстрелян, а его семья «укрыта в надежном месте». 19 июля газета «Известия» сообщила:

«Расстрел Николая Романова

...В последние дни столице Красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имевший целью вырвать из рук советской власти коронованного палача. Ввиду этого Президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что и приведено в исполнение 16 июля. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Документы о раскрытом заговоре высланы в Москву со специальным курьером... В последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа, и только события последнего времени помешали осуществлению этого».

И тут обычное вранье новой власти — расстрелян только царь, все другие укрыты «в надежном месте». Уж куда надежнее — топкое болото.

В 1918 году архивы Уральской ЧК о расстреле семьи Романовых (весом в 16 пудов) были привезены в Москву Ермаковым и сданы в ВЧК через Владимирского. Я неоднократно просил руководителей КГБ поискать эти архивы, но обнаружить их не удалось.

Моя записка Хрущеву была направлена в ЦК 6 июня 1964 года. Через некоторое время было получено указание подготовить дополнительную записку с предложениями. Ее подписал Ильичев. Но тут подоспел октябрьский пленум ЦК, освободивший Хрущева со всех постов. Интерес к расстрелу царской семьи пропал. Пистолеты я сдал в комендатуру ЦК. О своей записке забыл. И только в августе 1965 года, разбираясь в своем сейфе, я обнаружил все эти документы и направил их в Институт марксизма-ленинизма. Приведу мою сопроводиловку полностью.

«Тов. Поспелову П.Н. В соответствии с поручением направляем Вам материалы за № 48534: копия записки в ЦК КПСС — на одной странице; справка о некоторых обстоятельствах, связанных с расстрелом царской семьи Романовых — на 18 страницах; письмо в ЦК КПСС от М. М. Медведева — на 38 страницах («Предыстория расстрела царской

семьи Романовых в 1918 году»); воспоминания М. А. Медведева — на 18 страницах («Эпизод расстрела царя Николая II и его семьи»). Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А. Яковлев».

Почему я решил более или менее подробно напомнить об этой трагической истории? В известной мере потому, что в годы Бориса Ельцина вновь вспыхнул интерес к обстоятельствам расстрела семьи Романовых. Время от времени сообщалось о каких-то находках. Я не хотел встревать в это дело. Мне не нравилась суета, напичканная всякими спекуляциями. Но когда начали цитировать в качестве «новых открытий» отдельные пассажи из моей записки и магнитофонных пленок без ссылок на источник, я позвонил Евгению Киселеву на НТВ, он провел встречу со мной в прямом эфире. Мне сказали, что вся пленка находится где-то в архивах фильмофонда.

В заключение рассказа об этом преступлении ленинской власти хочу передать мое ощущение от показаний Никулина и Родзинского. Я уверен, что они говорили правду. О своих действиях они рассказывали без восторга, но и не сожалели о содеянном. В то время им не было никакого смысла лгать.

Летом 2003 года я направил Президенту России Путину предложение о реабилитации семьи Романовых. Приведу некоторые фрагменты моей записки (с несущественными поправками), за исключением тех фактов, которые были изложены в моей записке Хрущеву в 1964 году. Итак:

«После Февральской революции 1917 года на заседании Временного правительства 2 марта был рассмотрен вопрос об отречении царя от престола, выдворении семьи Николая II и великого князя Михаила Александровича за пределы России, а также об ограничении передвижения членов Дома Романовых.

В тот же день император Николай II подписал акт об отречении от престола, в котором, в частности, говорилось: «В эти решительные дни в жизни России почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского».

3 марта 1917 года в Петрограде на квартире князя П. П. Путятина великий князь Михаил Александрович Романов в присутствии А. В. Родзянко, А. Ф. Керенского, П. Н. Милюкова, Г. Е. Львова, В. Н. Львова, В. В. Шульгина, А. И. Гучкова, М. И. Терещенко, И. В. Годнева, И. Н. Ефимова, М. А. Караулова, В. Д. Набокова и Н. В. Некрасова подписал акт, в котором говорилось:

«Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского».

Тогда же Исполком Петроградского Совета постановил:

«...арестовать династию Романовых и предложить Временному правительству произвести арест совместно с Советом Рабочих Депутатов... По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии... Арест женщин из дома Романовых производить постепенно, в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти».

7 марта 1917 года на заседании Временного правительства был заслушан вопрос: «О лишении свободы отрекшегося Императора Николая II и его супруги». 8 марта 1917 года Николай II вместе со свитой (47 человек) был направлен в Царское Село. В этот же день было объявлено об аресте императрицы Александры Федоровны... 1 августа 1917 года по решению Временного правительства царская семья была направлена в город Тобольск...

Учрежденная Временным правительством Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц не установила «преступных деяний» членов царской семьи. Комиссией не было предъявлено и опубликовано никаких документов, свидетельствующих о совершении бывшим императором Николаем II и бывшей императрицей Александрой Федоровной уголовно и административно наказуемых деяний. Временное правительство не нашло юридических оснований для привлечения их к суду в качестве обвиняемых по статье 108 Уголовного Уложения (ответственность за государственную измену)...

Октябрьский переворот не изменил правового статуса Николая II и его семьи. Все они продолжали находиться на

положении ссыльных, арестованных без предъявления им каких-либо обвинений.

6 апреля 1918 года Президиум ВЦИК постановил перевести членов царской семьи из Тобольска на Урал... Во время пребывания царской семьи в Екатеринбурге чекисты начинают фабриковать «доказательства» существования «белогвардейского заговора с целью освобождения царя» и провоцируют Романовых на подготовку к побегу. Для этого фабрикуются и «тайком» передаются царской семье соответствующие письма и записки. (Об этом я писал в записке Хрущеву. — А. Я.)

В начале июля 1918 года в Москву на заседание V Всероссийского съезда Советов прибыл военный комиссар Уральской области, ответственный за работу карательных органов Ф. Голощекин. Находясь в Москве, Голощекин неоднократно встречался со Свердловым. 14 июля 1918 года он возвратился в Екатеринбург. По воспоминаниям Юровского, «15 июля приехал Филипп и сказал, что завтра надо дело ликвидировать... Также было сказано, что Николая мы казним и официально объявим, а что касается семьи, тут будет объявлено, но как, когда, каким порядком, об этом пока никто не знает».

В официальном тексте приговора, опубликованном через неделю после расстрела, говорится:

«Постановление Президиума Уральского областного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов:

В виду того, что чехо-словацкие банды угрожают столице красного Урала — Екатеринбургу, в виду того, что коронованный палач может избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения всей Романовской семьи), — Президиум Областного Совета, выполняя волю революции, постановил: бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых преступлениях перед народом, расстрелять.

В ночь с 16 на 17 июля постановление Президиума об[ластного] совета было приведено в исполнение.

Семья Романова переведена из Екатеринбурга в другое, более безопасное место.

Президиум обл[астного] Совета раб[очих], кр[естьянских] и красноарм[ейских] деп[утатов] Урала».

В действительности же в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, в Доме особого назначения, была расстреляна вся царская семья: Романов Николай Александрович (бывший император Николай II), Романова Александра Федоровна (бывшая императрица), Романов Алексей, Романова Ольга, Романова Татьяна, Романова Мария, Романова Анастасия, а также доктор Е. Боткин, комнатная девушка императрицы А. Демидова, придворный повар И. Харитонов и лакей А. Трупп.

18 июля 1918 года решение Президиума Уральского облсовета о расстреле Николая II было одобрено Президиумом ВЦИК.

В Постановлении о прекращении уголовного дела от 17 июля 1998 года, возбужденного Генеральной прокуратурой Российской Федерации 19 августа 1993 года по выяснению обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918—1919 гг. по признакам ст. 102 п. «З» (умышленное убийство двух и более лиц), действия органов советской власти в отношении семьи бывшего Российского императора Николая II (Николая Александровича Романова) квалифицируется как политическая репрессия.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, проходивший 13—16 августа 2000 года, принял решение о канонизации царской семьи. В определении Собора говорится: «Прославить как страстотерпцев в сонме новомучеников и исповедников Российских Царскую Семью: Императора Николая II, Императрицу Александру, царевича Алексея, великих княжен Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию. В последнем православном Российском монархе и членах его Семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных Царской Семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге на 4/17 июля 1918 года был явлен побеждающий зло свет Христовой веры подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке».

По моему глубокому убеждению, российская демократическая власть, если она продолжает считать себя демократической, просто обязана реабилитировать императора Николая II и его семью — как по юридическим, так и нравственным соображениям. Понятно, что подобное решение неизбежно переведет продолжающую господствовать советскую историографию на рельсы правды, избавления ее от мифов и конъюнктурного вранья.

Продолжая хрущевскую тему, расскажу о том, как непосредственно соприкоснулся с октябрьским пленумом 1964 года, освободившим Хрущева от должности хозяина страны.

Еще в августе — сентябре по аппарату поползли слухи о том, что Хрущев хочет обновить Политбюро, ввести в него новых людей. Но одновременно говорили и о том, что собираются освобождать Хрущева, но в это мало верилось. Сам же Хрущев, видимо, что-то чувствовал. Где-то в конце сентября 1964 года, направляясь в Европу, в Москве сделал остановку президент Индонезии Сукарно — «друг Карно», как его называл Хрущев. Это был день, когда Никита Сергеевич уже считался в отпуске. Вечером в Грановитой палате был устроен обед в честь высокого гостя. Было решено, что и на встрече, и на обеде за главного будет Николай Подгорный. Как рассказывал мне Леонид Замятин (он оказался там для подготовки «сообщения для печати»), обед был в узком составе. Неожиданно появились Хрущев и Микоян. Хрущев сел не в центре стола, как бы подчеркивая, что главный сегодня — Подгорный. Но к концу обеда, постучав по бокалу, неожиданно взял слово Хрущев.

— Дорогой друг Карно, я сегодня уже в отпуске и завтра вылетаю в Пицунду. Зачем улетаю, сам не знаю. Но все *Они*, — он показал на сидящих за столом, — уверяют меня, что надо отдохнуть и полечиться. От какого недуга лечиться, тоже не знаю. Я спрашивал самого себя: ехать или не ехать? Но ведь *Они* желают мне здоровья. Спросил врачей, и те тоже говорят, что надо поехать недельки на две. Ну, уж раз врачи говорят, то, наверное, не грех и «подлечиться». Друг Карно, скажу тебе откровенно: у нас не все разделяют то, что я делаю. Критикуют, правда, не очень громко, но я-то знаю об этом. Ничего, приеду — все поставим на свои места.

14 октября, когда Хрущев вернулся из Пицунды, чтобы встретить Сукарно, я снова оказался, вспоминает Замятин, во Внуково-2. Перед отъездом в аэропорт мне позвонил Аджубей и спросил, еду ли я на аэродром и кто будет из Политбюро встречать Сукарно. Аджубей предложил мне поехать с ним. В машине спросил меня, знаю ли я, что идет заседание в Кремле и что готовится смещение Никиты. Ответил, что первый раз слышу об этом. Аджубей прищелкнул языком и после паузы сказал: «Ты не отходи от меня на аэродроме. Я еду встречать Сукарно. Понял?». По приезде во Внуково охрана провела Аджубея в комнату Политбюро. Я остался в зале и увидел в окно Семичастного, нескольких сотрудников охраны. Подрулил самолет, из которого вышел Хрущев и, как потом рассказывал Семичастный, спросил его:

— А где же все остальные бляди?

— Никита Сергеевич, идет заседание Президиума. Вас там ждут.

Там действительно ждали.

А теперь расскажу, как я сам попал в «большие забияки». К вечеру 12 октября меня пригласил к себе Суслов и начал неожиданный для меня разговор о Хрущеве. Необычность темы и характер сусловских рассуждений привели меня в растерянность. Я был в то время всего-навсего заведующим сектором, каких в ЦК было больше сотни. А Суслов — второе лицо в партии. В голове карусель, мельтешат всякие догадки. Суслов тихим, скрипучим голосом говорил, что послезавтра состоится пленум ЦК, на котором будет обсуждаться вопрос о Хрущеве. Сразу же после пленума в газете должна быть опубликована пространная редакционная статья. Суслов сказал, что мне поручается написать проект такой статьи.

Наступила пауза. Воспользовавшись ею, я спросил:

— Что может и должно быть в основе статьи?

Суслов помедлил минуту, а затем сказал:

— Побольше о волюнтаризме, нарождающемся культе, о несолидности поведения первого лица государства за рубежом.

И замолчал, задумался. Прошло какое-то время, для меня оно казалось бесконечным. Наконец Суслов начал рассуждать о том, что надо посмотреть, как поведет себя на пленуме Хрущев. Затем добавил:

— Вы сами знаете, что делал Хрущев, вот и пишите. Завтра я буду на работе в восемь часов утра. Текст передадите в приемную в рукописном и запечатанном виде. Ильичев в курсе дела. Все.

На свое рабочее место я возвращался в большом смятении. Мысли путаные, какие-то суетливые... Что-то будет — ведь речь шла о творце антисталинского доклада на XX съезде, вокруг которого, не переставая, шла политическая борьба в партии. Пошел к Ильичеву. Тот сказал с растерянной улыбкой, что это он порекомендовал меня на роль сочинителя статьи. И откровенно добавил, что ничем помочь мне не может, ибо не собирается выступать на пленуме против Хрущева.

Решил поехать домой, лечь спать, завел будильник на три часа ночи, проснулся раньше и сел за стол. Слова не шли, формулировки получались вялыми, но все же мне удалось выдавить из себя страниц пятнадцать. В восемь часов утра я был уже в приемной Суслова. При входе в здание ЦК мой пропуск проверяли двое — второй человек явно не из КГБ. На полу в раздевалке сидели военные курсанты. Дворцовый переворот шел по всем правилам. В приемной Суслова уже

собралось 5—7 человек. Помощник Суслова Владимир Воронцов подошел ко мне и сказал, что сейчас они перепечатают написанное мной, что я, наверное, захочу еще раз посмотреть и что-то поправить. Перепечатали, доработал, снова перепечатали. Отдал Воронцову. Он отпустил меня восвояси.

Пока сидел в приемной, понял, что люди с напряженными лицами, суетившиеся вокруг, готовят речь для Суслова на ту же тему. Ушел в плохом настроении, и не только потому, что не выспался. Статья не получилась. Кости без мяса. К тому же я лично продолжал стоять на позициях XX съезда, что сильно сдерживало в оценках, хотя меня, как и многих других, начали раздражать действия Хрущева и его окружения по созданию нового культа. Статья о пленуме была напечатана лишь через несколько дней после его окончания. В ней мало что осталось от моего текста, хотя в докладе Суслова на пленуме я услышал несколько знакомых фраз.

К Хрущеву можно относиться по-разному. Я уже писал о том, что он сам и его действия были крайне противоречивыми. Но и время было крайне тяжелое, какое-то рваное со всех точек зрения. Ему досталось тяжелейшее наследство. Начало 1953 года, когда Сталин был еще живой, — это апогей самовластного безумия. Сотни тысяч людей пребывали в лагерях и тюрьмах «за политику». Продолжали считаться преступниками советские военнопленные, прибывшие из германских лагерей. Деревня нищенствовала. После войны совсем опустела. Каждодневно под вечер ходил по деревенской улице колхозный бригадир, как правило, инвалид. От избы к избе. И назначал взрослым работу на завтра. Шел он обреченно, ибо оставшиеся мужики, матерясь, кляли работу за «палочки», за трудодни. Дети с холщовыми сумками по колкой стерне собирали оставшиеся после уборки колоски. Но за это тащили в суд, если кто донесет. По вечерам, когда стемнеет, ходили копать подмороженную картошку себе и скотине на корм. Я не только видел все это, но и участвовал в этих «преступлениях», когда жил в деревне.

Хрущев начинал хорошо. Может быть, для интеллигенции это время было только «оттепелью», но для простого народа — весна. Пусть и ненастная, но весна. Пусть и короткая, но весна. Крестьяне получили паспорта, «зона оседлости» для них была ликвидирована. В столовых появился бесплатный хлеб. Невероятно, ибо свежи были в памяти и военные пайки, и хлебные карточки, и километровые очереди за хлебом.

Наступило время, когда на улицах, на вокзалах, в поездах появились молчаливые люди, которые по лагерной привычке

берегли каждый дых, ходили, подшаркивая, и взахлеб курили цигарки... Отпущенные узники. Возвращались домой целые народы. В архипелаге ГУЛАГ закрывались лагеря. Срывалась колючая проволока, рушились вышки, усыплялись сторожевые собаки, натасканные на людей. Хрущевский большевизм избавлялся от части сталинского «приданого». Но о «советском Нюрнбергском процессе» за преступления против человечности власть и не помышляла.

И все же, повторяю, Никита Сергеевич был утопист. Его утопии причинили немало бед. Лучше бы он не встречался «лицом к лицу с Америкой». Познакомившись с фермерством, он почему-то укрепился в мысли, что колхозы могут достичь эффективности фермерства. Хрущевское «головокружение» сосредоточилось на скупке у селян и горожан всей рогатой живности. Подруб подсобного хозяйства — большой грех Хрущева перед крестьянином, да и всем народом.

И каждый раз, когда проваливалась его очередная затея, он лихорадочно внедрял в жизнь новую утопию, искал новую палочку-выручалочку. Немалый вред получился и с отменой травопольной системы. Решив, что кукуруза — ключ к решению проблемы кормов, Хрущев велел выбросить из оборота травы-предшественники и вместо них сажать ту же кукурузу. Плуг полез на луг, плуг распахивал целину, выпасы. Вскинулись пыльные бури, обмелели, заилились речки и речушки.

Укрупнение колхозов — очень часто авосьное, дурное — все то же продолжение коллективизации, точнее, завершение ее. И все это ради внедрения социалистического постулата о преодолении различий между городом и деревней, между трудом умственным и физическим. Кажется, преодоление состоялось — ни ума, ни деревни.

У меня лично до сих пор вызывает щемящую боль постановление о лошадях. Непомерно суетясь, Хрущев простился с лошадью, которая веками тащила воз деревенской жизни. Пахала, возила, воевала, кормила и поила людей. Видимо, лошадь «позорила» социализм ржанием и тележным скрипом. «Самое механизированное сельское хозяйство в мире» (по выражению Хрущева) остракизировало лошадь, тогда как отнюдь не безмашинные американцы до сих пор держат для расхожих работ миллионы лошадей. И вот десятки лет охапку сена, воз дров, мешок зерна или молочную флягу у нас возили на тракторах с прицепами.

Хрущев видел отсталость страны, чувствовал трагический исход этой отсталости, но вместо здравых мер он постоянно искал «чудо-средства», которые вытащат страну из трясины.

Будь то кукуруза, целина, торфоперегнойные горшочки, химизация всей страны и прочее.

Хрущев — прежде всего вулкан энергии. И полезной, и вредной. Человек с маниловским самовыражением, но и жесткий прагматик. Хитер, но и по-детски наивен. Труженик и мечтатель, порой без меры груб и самодержавен. Экспериментатор. Непредсказуем, бесцеремонен, хваток и ловок. Всякий. В сущности, он и творец, но и жертва иррационализма. Конечно же он считал для себя святой однонотную мелодию «классовой борьбы», исполняемую на «марксистской трубе», но был не чужд и полифонии «живой жизни». Театрал, любитель русской классики, но и «хранитель большевистского огня в искусстве», часовой соцреализма, носитель большевистского абсурдизма.

Его обзывали «кукурузником» и «болтуном», он был героем анекдотного фольклора. Вспомним выставку живописи в Манеже, призыв «догнать и перегнать Америку»... И сразу же зароятся в памяти анекдоты, частушки, притчи. Вот уж, действительно, по Достоевскому — широк русский человек, не грех бы его и заузить. Вот уж, и впрямь, это лихое, молодецкое — шапку оземь, башмаком по столу!

Духовным строителем моего отношения к Хрущеву был мой отец, крестьянин, участник гражданской и Отечественной войн, беспартийный, но живо интересующийся политикой. Когда Хрущев рассказал правду о Сталине, мой отец это одобрил.

— Правильно, — сказал он и повесил на стену портрет Хрущева. — В гражданскую мы ничего не слышали о Сталине.

Но как только Хрущев пустился в разные эксперименты в сельском хозяйстве, отец не выдержал и начал костерить его последними словами:

— Я-то думал, он от сохи!

Я пытался защищать Хрущева, но не помогало. Портрет его оказался на чердаке.

Хрущев явно не оправдал и надежд номенклатуры. Выброшенный наверх номенклатурной селекцией, он оказался человеком, плохо приспособленным к руководящей деятельности на высшем уровне, повел себя, как Алиса в Стране Чудес: постоянно удивлялся и разочаровывался. Его попытки что-то изменить или сломать незамедлительно приводили к неразберихе, экономической чехарде, а в итоге — к невозможности разобраться, что же происходит в стране на самом деле. Номенклатура роптала, когда он вернул домой и частично амнистировал тысячи политических заключенных.

Публично заявив на весь свет о сталинских преступлениях против номенклатуры и возвращении к неким «ленинским нормам», он в то же время стал набрасывать на номенклатуру свою собственную узду, смещая, перемещая, отстраняя и приближая руководителей всех уровней, тем самым снова создав в «Зазеркалье» крайне нервозную обстановку.

Государственный корабль задергался. Лишенные даровой рабочей силы из политзаключенных шахты и рудники, химические заводы оказались перед угрозой остановок. Получив паспорта, из деревень побежали колхозники. Все ждали каких-то решений, отвечающих новым условиям, но получили несравненную по своему легкомыслию программу: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». Где-то к 1980 году.

XX съезд фактически подарил нам творчество многих молодых талантов — писателей, художников, музыкантов. Помолодели все. Помню упоительные вечера поэзии в Политехническом музее, они как бы пробивали окно в новый, свободный мир. Но помню и встречу в декабре 1962 года на Ленинских горах с творческой интеллигенцией. Я был на этой встрече. Очень точные воспоминания о ней оставил Михаил Ромм. Никита Сергеевич долго учил советскую интеллигенцию уму-разуму. В своем заключительном слове он произнес знаменательные слова:

— Ну вот, — сказал он, — мы вас тут, конечно, послушали, поговорили, но решать-то будет кто? Решать в нашей стране должен народ. А народ, это кто? Это партия. А партия кто? Это мы. Мы — партия. Значит, мы и будем решать. Я вот буду решать. Понятно?

— Понятно, — пронеслось по залу.

— И вот еще по-другому вам скажу. Бывает так: заспорит полковник с генералом, и полковник так убедительно все рассказывает, очень убедительно. Да. Генерал слушает, слушает и возразить вроде нечего. Надоест ему полковник, встанет он и скажет: «Ну вот что, ты — полковник, я — генерал. Направо кругом, марш!» И полковник повернется и пойдет — исполнять. Так вот, вы — полковники, а я, извините, генерал. Направо кругом, марш!

Помню и посещение Хрущевым выставки в Манеже. После разносных публикаций об этой выставке я с приятелем пошел на нее. Так и не понял, из-за чего произошел весь этот сыр-бор. Не мог взять в толк, почему картина Никонова «Геологи» — плохая, а картина Лактионова «Письмо с фронта» — хорошая.

Большой был путаник Никита Сергеевич. История распорядилась так, что экономических изменений к лучшему, о которых он мечтал, не произошло, а вот духовный прорыв, каковой он едва ли предвидел, оказался, несмотря на его капризы, мощным. Прорыв был мозготворен и рукотворен, и в этом, как ни парадоксально, заслуга Хрущева.

Человек острого природного ума, он, однако, не устоял перед подхалимами, перед возвеличением своей собственной персоны. Четыре Звезды за десять лет — самый высокий темп пополнения нагрудного иконостаса. Фильм «Наш Никита Сергеевич» — оглушительная пропагандистская кампания по поводу «великого десятилетия», нанесшая авторитету Хрущева огромный ущерб.

Не очень долго продержалась и «оттепель». Снова в стране загудели паровозы прошлого, загрохотали барабаны, захлопали крыльями ночные птицы. Как потом и при Брежневе — во вторую половину его царствования. И аплодисменты. Самые бурные. Уж чего-чего, а аплодировать большевики научились. И народ обучили. Даже новую профессию придумали: *«ответственные за энтузиазм на съездах, парадах и прочих»*. Куча придурков зычными голосами кричала: «Слава КПСС!» И рефреном: «Слава! Слава! Слава!» В общем, есть что вспомнить. Смешно, а скорее — горько, ибо и сегодня застучали подхалимствующие барабаны. Пока с оглядкой, а вот завтра могут и по темечку вдарить. Наступать на грабли — это наше российское хобби, перетекающее в профессию.

Быстро сбежались под хрущевскую крышу охочие до услужения люди из цеха «литературных творцов», все ближе прислоняясь к выгодному авторитету. Все происходило почти в той же манере, что и сегодня. Было противно тогда, противно и сейчас. При Сталине «инженеры человеческих душ» создавали культ личности, при Хрущеве и Брежневе — авторитет руководителя, сегодня слюнявят лики дающих деньги и... ордена.

Хрущев — с ног до головы в родимых пятнах своего времени. Однако остается загадкой, как же он выскочил из него. И сомневаться в существующем общественном устройстве начал раньше, чем сказал об этом. Так случилось, что он вышел на авансцену отечественной истории, когда дефицит человечности достиг предела. Сталин был живым богом. Его приближенные тоже были «небожителями». Хрущев всю эту небесную канцелярию спустил на землю, на грязную мостовую реальной жизни.

Хрущев толкнул сталинский государственный корабль в штормовое море реальной жизни, и он, этот корабль, стал терпеть крушение за крушением. Корабль был построен для иллюзорного мира. Партаппаратная команда заголосила. Триумвират действительной власти, выраженной в объединенном аппарате партии и карательных органов, хозяйственного аппарата, совокупного ВПК, решил вернуть проржавевшую посудину в тихую бухту, названную потом «застоем», подобрав и соответствующего капитана — Леонида Брежнева.

Хрущев был изгнан из власти. Его как политика и человека усердно топтали, память о нем выжигалась более двадцати лет. Когда умер, не удостоился даже газетного некролога. Слава богу, что похоронили его по-людски, по-христиански, а не по языческому обряду, как Ленина.

А потом пришло время без числа.

Глава девятая

ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ

В аппарате ЦК существовала удивительная по разноцветью мозаика взглядов, но она как бы жила отдельно от практической работы. Да и сами отделы ЦК были разными по своим оценкам ситуаций и людей. Например, в ортодоксально-замшелом отделе оргпартработы меня считали «либералом», «идеологическим слабаком», а некоторые служащие международного отдела — «бархатным догматиком».

Автор

Начну с самых первых дней прихода Брежнева к власти. Не успел я отправить Суслову проект статьи в «Правду» о Хрущеве, как утром 14 октября, когда все томились в ожидании результатов пленума, мне позвонил Андрей Александров-Агентов, помощник Брежнева, и предложил поучаствовать в подготовке речи для Брежнева на встрече с космонавтами. Это означало, что новым «вождем» будет Брежнев.

Вот так и получилось, что мне пришлось писать и прощальную статью о старом монархе и заздравную — о новом.

В аппарате ЦК наступило время очередной суеты. Люди с озабоченными, а скорее — перепуганными лицами бегали по коридорам, шептались по углам и кабинетам, делились слухами о новых прогнозах и назначениях. Заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации Алексей Романов, опасаясь возможного увольнения, всем, кого встречал в коридоре, сообщал: «А вы знаете, что однажды Хрущев говном меня назвал?» Некоторые юмористы старались специально попасть на глаза Романову, чтобы услышать эту «новость» из первых уст. Романов почему-то считал, что данная Хрущевым «характеристика» послужит ему пропуском к новому доверию.

Мы сидели вдвоем с Александровым в его небольшой комнате (новая иерархия кабинетов еще не вступила в свои права) и сочиняли речь. Он постоянно вызывал стенографистку и диктовал «свои формулы», я, в свою очередь, пытался изложить на бумаге «свои соображения». Потом объединяли наиболее удачные фразы и снова переделывали. Обычная практика.

Работать было трудно. Нам постоянно мешали. Телефон Александрова звонил без умолку. Я помню его ответы.

— Здравствуйте, Юрий Владимирович (Андропов)... Да нет, не надо... Хорошо. Присылайте текст.

— Здравствуйте, Борис Николаевич (Пономарев)... Нет, не надо... Хорошо. Присылайте текст...

— Здравствуйте, Дмитрий Федорович (Устинов).

И так далее.

— Секретари ЦК занервничали, — сказал Александров. — Опасаются за карьеру. Предлагают помощь.

Сарказма Александров не скрывал. Присланные тексты не читал. На другой день, 17 октября, состоялось чтение речи в кабинете Брежнева. Я впервые увидел нового «вождя» столь близко. Встретил нас улыбающийся, добродушный с виду человек, наши поздравления принял восторженно, как если бы каждый из нас вручил ему по ордену, которые он безмерно обожал. Александров зачитал текст. Брежнев слушал молча, без конца курил, потом сказал, что эта речь — его первое официальное выступление в новом качестве, он придает ей особое значение. По своему стилю она должна отличаться от «болтливой манеры» Хрущева, содержать новые оценки. Какие именно, он и сам не знал, да и мы тоже весьма смутно представляли перспективы, связанные с новым октябрьским переворотом.

Так и началась моя «писательская» жизнь при Брежневе. Речи, доклады, записки. Трудность этого занятия была неимоверной. Все сводилось к поиску каких-то новых слов, причем громких и оптимистических, но в то же время танцевать было нужно вокруг идей и положений, уже всем набивших оскомину. Сама система жестко отторгала все новое, ее усилия были сосредоточены исключительно на укреплении механизма тоталитарной власти. А писать надо было о процветании социалистической демократии, о беспрерывном росте благосостояния народа, о поддержке партии народом, любви к ней и прочей чепухе. Как ни старайся, абсурд остается абсурдом. Из навоза шоколада не сделаешь.

Почитал я как-то «свои» тексты в речах Брежнева и, кроме неловкости, ничего не почувствовал. А ведь помню, ночей не жалели, по словарям шарили, а все равно получалось какое-то кладбище мертвых слов. На самом-то деле мы знали, что надо сказать и предложить в практическом плане, но столь же хорошо понимали, что замахнуться на что-то действительно новое бессмысленно — чудес не бывает.

Сразу же после переворота сменили идеологическую верхушку власти. Так всегда было в подобных случаях. Руководители отраслевых отделов выживали. Правители страны понимали, что именно идеологические догмы держали в своих железных рукавицах все составные сферы тоталитарного режима. Заведующим отделом назначили Владимира Степако-

ва, председателем телерадиокомитета — Николая Месяцева. Заменили некоторых редакторов ведущих газет. Должность первого заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации какое-то время оставалась вакантной. В отделе ждали и гадали, кого же назначат на эту должность. Но вот Степаков однажды сказал мне:

— Иди к Демичеву (вновь назначенный секретарь ЦК по идеологии).

Я спросил Степакова, в чем дело?

— Там узнаешь, — ответил он.

Поскольку Степаков улыбался, я понял, что ничего страшного от этого похода к секретарю ЦК не ожидается. Когда пришел к Демичеву, он сказал, что есть мнение назначить меня первым заместителем заведующего отделом. Я до сих пор не знаю, что здесь сыграло свою роль. В общем, неисповедимы пути начальства.

Я согласился. В тот же день предложение о моем назначении было направлено «наверх», на подпись Брежневу. Но проходили дни за днями, недели за неделями, а решение не появлялось. Я переживал, начал нервничать, хмурился и Степаков. Никто не мог взять в толк, в чем тут дело. Впрочем, намного позднее мне стало известно, что меня долго проверяли в КГБ, еще раз тщательно изучали мою жизнь — ведь я целый год учился в Колумбийском университете в США.

Видимо, особых грехов не обнаружили, поскольку месяца через полтора меня пригласил к себе Брежнев. Встретил уже не так добродушно, как первый раз, заново всматривался, задавал какие-то вопросы, в общем-то, банальные. Цедил пустые слова о важности идеологической работы, спрашивал об обстановке в отделе. О новой должности не сказал ни слова. То ли запамятовал, то ли еще хотел с кем-то посоветоваться. Однако на другой день все-таки вышло постановление Политбюро ЦК КПСС о моем новом назначении.

Потом-то я лично удостоверился, что, когда Брежнев говорил о важности идеологической работы, он лицемерил. Во время одного из сидений в Завидове Леонид Ильич начал рассказывать о том, как еще в Днепропетровске ему предложили должность секретаря обкома по идеологии. «Я, — сказал Брежнев, — еле-еле отбрыкался, ненавижу эту тряхомудию, не люблю заниматься бесконечной болтовней...»

Произнеся все это, Брежнев поднял голову и увидел улыбающиеся лица, смотрящие на меня. Он тоже повернулся в мою сторону. «Вот так», — добавил он и усмехнулся. Не скажу, что это мнение Генсека меня обрадовало или обескуражило. Неловко было перед своими товарищами. В очередной

раз спросил себя, а тем ли занимаюсь, то ли делаю? Вот тогда-то я и вписал в доклад Брежнева абзац о гласности, но его кто-то вычеркнул на самом последнем этапе. Говорили, что Суслов.

Надо же так случиться, что вскоре после моего назначения я один остался на руководстве отделом. Степаков заболел. К этому времени подоспела очередная реорганизация аппарата, и я должен был представить предложения о штатах и структуре отдела. Мне всегда не нравилось слово «агитация», которое входило в название отдела — *Агитпроп.* И тут, пользуясь продолжающейся сумятицей в аппарате, я в записке в ЦК о названии и штатах отдела опустил слово «агитация». Так, с 1965 года появилось укороченное название отдела — Отдел пропаганды. На очередном идеологическом совещании задали сердитый вопрос: «Почему это сделано?» Суслов промолчал, но исправлять не стал. Однако в обкомах, крайкомах и в ЦК компартий союзных республик название отдела разрешил оставить старым.

В этой главе, как, собственно, и в других, я не хочу строить свои рассуждения в хронологическом порядке. Многие события и факты этого периода уже рассыпаны по другим главам. Я вообще не люблю строгих хронологических построений, когда пишу свои книги и статьи. Остановлюсь лишь на событиях, которые меня касались больше всего.

В сущности, Брежневу в какой-то мере повезло. Номенклатура устала от Хрущева. Она боялась его бесконечных импровизаций, особенно в кадровых делах. Раздражен был военно-промышленный комплекс из-за сокращения ассигнований на оружие. Рвались к власти «силовики». Брежнев устраивал практически всех — и «вождей», и номенклатуру в целом. В первые годы он был достаточно активен. Даже поговаривал о реформах. Иногда сердился по поводу разных безобразий, разгильдяйства, но без особого вдохновения. Последствий от его воркотни тоже не наблюдалось. Умел выслушивать разные точки зрения. Но постепенно все это ему надоело. Страна поплыла по течению. В восторге были военные — Брежнев не жалел денег на оружие. Бывало, что во время работы за городом отпускал едкие замечания в адрес своих соратников — Подгорного, Кириленко, Шелеста и других. Кроме, пожалуй, Суслова и Андропова. Одного почтительно называл Михаилом Андреевичем, другого — Юрой, всех остальных — по фамилиям.

Сегодня говорят, что при Ельцине страна погрязла в коррупции. Увы, ничего нового в этом нет. При Брежневе коррупция была не меньшей, только о ней знали не так уж мно-

го людей, это считалось государственной тайной. Воровство, бесхозяйственность, затыкание бесчисленных дыр за счет проедания национальных ресурсов все отчетливее обозначали обостряющийся кризис системы. Сплошной обман, показушная информация. Все старались написать ловкую записку об успехах: ах, как здорово работаем, какие прекрасные результаты! Каждая записка — это мольба: обратите внимание на верного солдата партии. И чем больше лжи, тем прочнее фундамент карьеры.

Я тоже подписывал записки подобного рода, сочиненные работниками Отдела. Особенно смешными выглядели доклады об агитационно-пропагандистской работе. Мы сообщали, сколько пропагандистов и агитаторов денно и нощно работают в том или ином регионе и в целом по стране, об их огромном влиянии на людей. А в жизни никто из партработников живого агитатора и в глаза не видел. Ну, иногда нам, работникам ЦК, во время командировок показывали какого-нибудь заведующего библиотекой или комсомольского работника — вот они, агитаторы. Все знали, что это ложь. Но делали вид, что это правда.

Ложь пронизывала систему насквозь. Быстро якобы растут производительность труда и качество продукции. В это никто не верил, да и не мог поверить, ибо полки магазинов напоминали скелеты динозавров. Люди ездили за продуктами в Москву. Мои сестры из Ярославля регулярно приезжали в столицу, бегали по магазинам и в тот же день отправлялись обратно. Создавались группы для посещения театров, профсоюзы оплачивали билеты. Приехавшие весь день отоваривались, вечером шли в театр, высыпались там, а потом в автобус — и домой.

Череда спектаклей абсурда, порой с трагическим репертуаром, а порой — и с комическим. Пример. Своей рукой, никого не спрашивая, я вписывал имена главных редакторов газет, руководителей других средств массовой информации на представлениях к награждению высокими орденами, причем делалось это в связи с награждениями, скажем, за достижения в выращивании картошки, овощей, пшеницы, в области производства мяса и надоев молока. Однажды я в порядке шутки внес в список награждаемых своего заместителя Георгия Смирнова за выращивание хмеля. Он любил хмельное. Георгий получил орден Трудового Красного Знамени. Так вот и забавлялись. Секретари ЦК из этих списков никого не вычеркивали ибо не знали, кто и кого вписал. Члены ПБ активно добавляли к спискам своих любимых холуев.

Советская власть была тотально коррумпирована с самого начала своего возникновения — коррумпирована политически, коррумпирована идеологически, коррумпирована экономически, коррумпирована нравственно.

Расскажу о том, чему я был свидетелем при Брежневе.

Прежде всего, о закупках зерна и других продуктов сельского хозяйства за рубежом. На эти цели тратились огромные суммы, в то же время советское сельское хозяйство хирело на глазах. Половина выращенного урожая гибла при уборке, перевозках и хранении. Руководство как бы этого не замечало и тратило тонны золота на закупку сельхозпродукции. Только в 1984 году, то есть за год до Перестройки, Советский Союз закупил на Западе более 45 миллионов тонн зерна и зернопродуктов, 484 тысячи тонн мяса и мясопродуктов, более одного миллиона тонн масла животного и растительного, других продовольственных товаров. За рубеж были отправлены огромные валютные суммы, вырученные за продажу газа, нефти, леса.

Я наблюдал эти закупки, будучи послом в Канаде. Они сопровождались взятками, дорогими подарками, подчеркнутым ухаживанием за руководителями советских делегаций. Когда началась афганская авантюра в 1979 году, заграница, как известно, отказала нам в продаже хлеба. В стране создалось тяжелое положение. Послы получили указание как-то уговорить руководителей государств продать хоть какое-то количество зерна. Я переговорил с министром иностранных дел Канады, но получил вежливый отказ. Но однажды в воскресенье к моей резиденции подъехала машина, за рулем премьер-министр Трюдо. Он частенько так делал. Стали пить кофе, разговаривать о разных разностях. Потом Трюдо говорит: «У вас, видимо, трудно с хлебом?»

— Конечно, — отвечаю.

— Знаете, если без шума, то мы можем продать вам два миллиона тонн, только без всяких переговоров, пусть созвонятся ваши хлебные начальники с нашим «Пшеничным пулом» и договорятся. Я им скажу. Оформим потом.

Я немедленно послал телеграмму в Москву. Москва отреагировала быстро. Договорились. В портах стояли наши сухогрузы, пришедшие еще до начала афганских событий. Но уже после отгрузки зерна зачем-то приехала большая (человек 30) делегация из Москвы для переговоров, хотя все вопросы были уже решены. У нас и до сих пор любят туризм за государственный счет. Делегацию приняли на ура, поскольку продажа зерна была очень выгодным бизнесом. Номер в гостинице руководителя делегации состоял из целого этажа с

сауной. Летали по стране на правительственном самолете. Я был на прощальном приеме, который устроили в честь руководителя делегации. Такого ужина по богатству всякой снеди не припомню. Даже руководителей государств принимали скромнее.

Обед давал министр сельского хозяйства Юджин Велан. Он в своих речах любил шутить. Поднял тост и за меня, наговорил всяких комплиментов, а потом сказал:

— Заслуги посла в развитии двухсторонних отношений столь велики, что мы готовы дать ему канадское гражданство.

— Согласен, — ответил я, — но с одним условием. Вы назначите меня канадским послом в США.

Раздались смех и аплодисменты.

Следующим вечером ко мне в кабинет буквально влетел резидент нашей разведки и сказал, что делегация отправила пароходом контейнеры с подарками.

— Что мне делать? — спросил он.

— Что тебе положено по правилам вашей конторы, то и делай.

Он послал телеграмму в Москву. На другой день получил ответ: не лезь не в свое дело. Но самое интересное произошло позднее. Стороной узнаю, что все члены делегации и еще часть людей из Внешторга, не имевшая ни малейшего отношения к закупке зерна, были награждены высокими орденами, а руководитель делегации получил звание Героя Социалистического Труда. О посольстве и не вспомнили. Все заслуги министерство приписало себе. Я читал записку по этому поводу. В ней говорилось, что министерские чиновники якобы сумели договориться с канадцами, используя свои старые связи.

Будучи в отпуске, спросил, как же так? В МИДе поулыбались и объяснили, что минторговцы вышли прямо на Политбюро, не спрашивая МИД. От радости, что закуплен хлеб, Брежнев подмахнул указ о награждении этих бездельников орденами. Кроме всего прочего, сыграло свою роль и особое отношение Брежнева к Патоличеву — министру внешней торговли. Еще при Сталине в газете «Правда» появилась резко критическая статья о Брежневе, который был в то время секретарем Днепропетровского обкома партии. А Патоличев был секретарем ЦК по кадрам. Стоял вопрос о снятии Брежнева как развалившего работу в области. Патоличеву удалось спасти Брежнева. С тех пор они были дружны. Об этом номенклатура знала.

Закупки хлеба и других продуктов питания превратились в крупнейшие мафиозные операции. Например, когда привозили зерно в наши порты, сухогрузы стояли там месяцами неразгруженными. Почему? Да потому, что зерно привозили как раз во время уборки урожая, когда весь транспорт был занят. Зерно гнило. Потом секретари ЦК и руководители правительства раздавали это зерно по областям на корм скоту. Но не всем, а только тем местным «вождям», которые считались наиболее приближенными к ЦК, охотно славили Брежнева и Политбюро. Это были политические взятки протухшим зерном. Это была мафия, которая отнимала у страны золото и гнала его на Запад без какой-либо пользы для собственного народа.

Еще пример. Существовала, к примеру, всеми обласканная, не раз награжденная китобойная флотилия «Слава». Возглавлялась капитаном Соляником, Героем Социалистического Труда. Однажды «Комсомольская правда» опубликовала статью Аркадия Сахнина. В ней рассказывалось, что Фомин — секретарь райкома в Одессе, куда входила партийная организация флотилии, поднял вопрос о том, что на одном из китобойных судов творятся разного рода безобразия. Там работает нелегальная артель резчиков по кости. Делают безделушки из китового уса, красивые сувенирные изделия. Продают их в Австралии, Новой Зеландии и других заморских землях. На вырученные деньги покупают дорогие вещи — ковры и прочие ценности, которые везут на Украину и в Москву, где все это куда-то исчезает. Кроме того, газета поведала о том, что труд резчиков является каторжным. Более того, один из косторезчиков покончил жизнь самоубийством.

Разразился скандал. Первый секретарь ЦК Украины Шелест обвинил газету в клевете, требовал официального расследования. Суслов поручил мне (я уже исполнял обязанности заведующего отделом пропаганды) организовать проверку. Выяснилось, что газета права, что все серьезные факты являются верными, о чем было доложено в ЦК. Записку вынесли на рассмотрение Секретариата. Ко всеобщему удивлению, на заседание пришел сам Брежнев, что случилось впервые после того, как он стал генсеком. Он сел по правую руку от Суслова, который продолжал председательствовать. Обсуждение было закрытым. Сразу же сложилась какая-то тягостная атмосфера. Секретари ЦК выглядели хмуро, избегали смотреть на меня и главного редактора «Комсомолки» Юрия Воронова. Это был первоклассный спектакль, показывающий закоулки политических интриг в высшем эшелоне власти.

Суслов сказал, что не надо сейчас заслушивать редактора «Комсомольской правды» и руководителя отдела, поскольку они свою точку зрения изложили в статье и в записке. Он попросил Соляника рассказать о работе флотилии. Капитан говорил об успехах, о том, сколько прибыли добыто государству, как самоотверженно работает в тяжелейших условиях команда. Началось обсуждение. Практически все выступавшие защищали Соляника и разносили «Комсомолку». Упрекали отдел пропаганды за то, что он якобы «потакает» газетам, снизил требовательность и т. д. Вспоминали статьи, не имеющие отношения к данному делу. Обычная практика. Я пытался что-то сказать, но Суслов слова мне не дал. Короче говоря, обсуждение сводилось к тому, что статья порочит видного человека в партии и государстве, что виноват вовсе не Соляник, а виноваты те, кто напечатал статью и поддерживает ее.

Мы с главным редактором «Комсомольской правды» заупокойно переглядывались, ясно было, что наши дела плохи, попали словно караси на горячую сковородку. Понимали, что Брежнев пришел не для того, чтобы хвалить газету. Соляник повеселел, начал жаловаться на то, что подобные статьи ослабляют дисциплину, снижают авторитет руководства. Полный набор блудливых слов того времени.

Брежнев был хмур, слушал, наклонив голову. А выступающие все время пытались уловить его настроение. Но тут слово взял Александр Шелепин. Он начал свою речь примерно так. «О чем мы говорим? Оклеветали и оскорбили Соляника? Но ведь проводилась проверка. Давайте определимся. Если факты неверны, тогда давайте накажем главного редактора и тех, кто поддержал газету. Если же факты верные, тогда о чем разговор?» Речь Шелепина была напористой, в ней явно прослушивался вызов другим секретарям ЦК, а как оказалось, — и Брежневу.

Все притаились. Видимо, не могли понять, что тут разыгрывается. Это потом прояснилось, что игра была гораздо серьезнее, чем представлялось непосвященным. Брежнев промолчал, теперь все взоры обратились к Суслову — а что скажет он? Сначала Суслов произнес какие-то банальные слова об объективности, о необходимости беречь кадры. Казалось, что сейчас, как и все другие, обрушится и на газету, и на отдел пропаганды. Ничего подобного не произошло. В самом конце речи он произнес слова, которые я запомнил на всю жизнь.

— Правильно здесь все говорили, что нельзя Соляника оставлять на этой работе (хотя никто об этом и слова не сказал). На флотилии вершатся плохие дела, один человек покончил жизнь самоубийством. Конечно, газета могла бы посоветоваться перед публикацией, но, судя по результатам проверки, там все изложено правильно.

На том и закончил свою речь. Спокойную и монотонную. Видимо, он знал о сути дела больше, чем все остальные. Мы с Вороновым повеселели, знали, что Суслов от своих слов не откажется. Секретари ЦК переглядывались, пытаясь понять, что произошло. Какие пружины сработали, чтобы так повернулось дело? Они явно попали впросак. А Брежнев так и просидел все заседание молча. Только в конце, когда все стали расходиться, он остановил меня и редактора «Комсомолки», поднял голову и зло буркнул:

— А вы не подсвистывайте!

И снова замолчал. Как потом стало известно, Соляник задаривал богатыми подарками и руководство ЦК, и правительство Украины, и многих в Москве, включая самого Брежнева, не говоря уже о соответствующих министрах.

Цензура цензурой, но все-таки в печати время от времени появлялись и неожиданные для ЦК статьи. Кроме случая с Соляником я помню статьи в «Правде» и «Комсомольской правде» о продолжающемся уничтожении Байкала бумажно-целлюлозным комбинатом, построенным на его берегу. Уникальность этого озера известна. Уверен, что в будущем пресная вода Байкала будет продаваться за золото, но об этом мало кто думал.

Газетные статьи вызвали острую реакцию со стороны промышленных отделов ЦК. Они подняли крик — опять нападки, ничего вредного там не происходит, с очистными сооружениями все в порядке. Мы начали готовить записку и вышли с особым мнением: газеты правы, надо создать комиссию для проверки фактов. Но обсуждение этой проблемы на Секретариате ничего не дало. Тем не менее Суслов вынес вопрос на Политбюро. Я не был на его заседании, но мне рассказывали, что обсуждение там проходило еще хуже, чем на Секретариате. Газеты подверглись резкой критике. Короче говоря, защитники Байкала потерпели очередное поражение.

Через какое-то время мне позвонил один из заместителей министра правительства России и сказал, что он встречался с одним из научных сотрудников, у которого есть интересные данные по Байкалу. Молодой ученый принес любительский фильм. Автор фильма черпает из Байкала воду и наливает ее в сосуд, потом берет рыбок и опускает их туда же. Рыбки дохнут. Воду он брал из мест, близких к комбинату.

Меня все это заело, особенно возмутило вранье промышленников и лицемерие секретарей и членов Политбюро ЦК. Все же отлично знали, что происходит с Байкалом на самом деле. На хозяйстве в Секретариате в то время был Андрей Кириленко. Я пошел к нему с этим фильмом. Поначалу он не хотел возвращаться к уже решенному вопросу, но все же согласился посмотреть фильм.

— Неужто это так, неужто не подделка? Слушай, а ты меня не подведешь, может, это какой-то монтаж или как там у вас называется?

Я ответил, что непохоже, люди понимают, какие в этом случае могут быть неприятности.

— Оставь мне фильм.

Недели через две меня приглашают на Политбюро, и там снова стоит вопрос об озере Байкал. Оказывается, Кириленко сумел показать этот фильм Брежневу и еще кому-то. На Политбюро доклада не было, только Кириленко рассказал о фильме. К этому времени и газеты дали дополнительный материал о том, как уничтожается жемчужина России. Завязался разговор. Брежнев занял вялую позицию — да, надо бы все это проверить. К сожалению, и на этот раз ограничились тем, что дали поручение комиссии во главе с академиком Жаворонковым еще раз «изучить и доложить Политбюро». Комиссия «изучила» и подтвердила свою прежнюю точку зрения. А Байкал страдает до сих пор. Страдает из-за преступного отношения к природе со стороны властей. В 2002 году вышло постановление о выделении дополнительных средств на очистные сооружения. Однако многие высокие чиновники до сих пор считают Байкал лужей после дождя. Высохнет — и ладно.

Подобных фактов, связанных с выступлениями газет, было очень много. Тогда, в эпоху цензуры, печать была под постоянным обстрелом номенклатуры. Правящая каста хотела постоянных и никогда не смолкающих аплодисментов, подтверждающих безусловное величие своих «деяний», в том числе и преступных. Единственно, что порой выручало, так это внутренние противоречия между самими «небожителями», о которых элита, включая газетную, кое-что знала. И пользовалась этим, публикуя критические статьи. Учитывали сие явление и мы в отделе пропаганды. Мы тоже играли. Не только в чужие игры, но и в свои.

Приведу один из многих примеров. Звонит мне Алексей Косыгин — председатель Совета Министров, и говорит, что в «Правде» опубликована неправильная статья об одном из министров, кажется, о Костоусове. В статье говорилось, что закупленное за рубежом новейшее оборудование валяется на заводских дворах, ржавеет и разворовывается. «Скажите об этом Зимянину (главный редактор «Правды»)», — потребовал Косыгин. Я, естественно, пообещал выполнить указание, но не выполнил. Через некоторое время звонит первый заместитель Косыгина и тоже член Политбюро Дмитрий Полянский и произносит восторженные слова по поводу той же статьи. Как и Косыгин, Полянский попросил меня сказать об этом Зимянину. Я не выполнил и это указание. В какой-то мере рисковал, но понимал, что оба они хотят свести какие-то свои счеты чужими руками. Звонки подобного рода других высоких начальников случались чуть ли не каждую неделю.

После Сталина генеральные секретари партии, продолжая обладать огромной властью, становились все более зависимыми от всесильного партийного аппарата. На Политбюро, на пленумах и съездах руководители партии и правительства, как их называли, фактически произносили речи, подготовленные референтами различного ранга. Брежнев, например, во время подготовки своих речей сам никогда ничего не писал и даже не правил. Ему зачитывали текст, а он одобрительно кивал головой или, прервав, начинал рассуждать о том, что ему в голову приходило. Любил делиться воспоминаниями, поглаживая одновременно коленки сидящих рядом стенографисток.

Нет, все же я помню случай, когда Брежнев вмешался в текст. Александр Бовин, как правило, писал разделы о демократии, разумеется, о социалистической. Когда в очередной раз мы собрались в зимнем саду в Завидове зачитывать свои разделы, Бовин зачитал свой. И вдруг Брежнев говорит:

— Что-то буржуазным духом попахивает. Ты, Саша, перепиши.

Вечером Саша разделся до трусов, поставил перед собой бутылку и за ночь якобы «переписал», а на самом деле он вписал в текст несколько слов — «социализм», «социалистический», «коммунистический», наутро снова все это было прочитано Брежневу. Он сказал: «Это другое дело».

Все «вожди» верхнего эшелона в своих речах примеривались к текстам Генерального секретаря, подчеркивая, что они повторяют мудрые мысли самого Брежнева, хотя прекрасно знали, что это «мысли» его помощников. Продолжалась эпоха «Великого притворства». Однажды секретарь ЦК Капитонов попросил меня возглавить группу для подготовки его доклада. Поехали в Волынское. Вечером он заглянул к нам, спросил, как дела, добавив, что «полностью нам доверя-

ет». Мы поулыбались, подобные примитивные приемы были известны. Потом отозвал меня в сторонку и сказал:

— Слушай, Александр Николаевич, постарайся, чтобы в докладе не было ничего такого, чего еще не говорил Леонид Ильич. Ты же знаешь его мысли.

Молчалив, вежлив и пуглив был Иван Васильевич.

Несмотря на то что бурный этап хрущевской «оттепели» закончился еще при Хрущеве, остатки теплого воздуха продолжали греть души тех, кто не переставал верить в оздоровляющую силу десталинизации. Борьба за продолжение курса XX съезда практически осталась только в сфере литературы и публицистики. Эти годы шли под знаком непримиримых схваток двух литературных направлений. Одно нашло свое пристанище в журнале «Новый мир» Твардовского, другое — в «Октябре» Кочетова. К последнему примыкал комсомольский журнал «Молодая гвардия».

Я был не только в курсе, но и в гуще тех событий, поскольку литературные журналы были в двойном подчинении: отдела пропаганды и отдела культуры. Либерально-демократическая позиция «Нового мира», который отстаивал курс на восстановление исторической правды во всем, что было связано с эпохой Сталина, на ослабление цензурного гнета, пользовалась высоким авторитетом в творческом мире. Позиции «Октября» того времени были иные, а вернее, противоположные. Он отвергал ориентацию «Нового мира». В грубой, часто в оскорбительной манере отстаивал охранительные позиции в художественном творчестве, а главное — выступал против критики культа Сталина.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что «Новый мир» действительно стоял на позициях решений XX съезда, а «Октябрь» и «Молодая гвардия» выступали против. Строго говоря, последние занимали практически антипартийные позиции, если судить о них мерками решений XX съезда, но симпатии партийного аппарата (в значительной его части) были на стороне «Октября» и «Молодой гвардии». Руководство ЦК видело нелепость ситуации, но оно само продолжало находиться в состоянии неопределенности. Оно не возражало бы отказаться от решений съезда, но боялось последствий такого шага, которые трудно было предсказать. Вот эта двойственность отражалась и на политике в области литературы и искусства.

Чтобы как-то сбалансировать ситуацию, на Секретариате ЦК принимается решение опубликовать в «Правде» статью, осуждающую «крайности» в полемике между «Новым миром» и «Октябрем». Статье придавалось особое значение. Ее

редактировал лично Суслов. Но баланса явно не получилось. По сути своей она была направлена против «Нового мира». Власти все очевиднее отдавали предпочтение «Октябрю», его идеология была гораздо ближе номенклатурным настроениям, поскольку журнал без конца клялся в верности линии партии. Цензура практически «заморозила» лагерную тему в литературе. Была наглухо закрыта информация о сталинском терроре и неготовности СССР к войне с фашистской Германией. Все реже и реже упоминался и сам XX съезд. Началась «ползучая реабилитация» Сталина.

Тогда я долго думал о том, как мне следует поступить. Пройти мимо, не заметить — совесть не позволяла. Поднять вопрос официально — бесполезно, ибо я знал, что верхний эшелон власти мечтал о бесконтрольной власти, какая была у диктатора.

И все же 19 июня 1970 года я направил в Политбюро официальную записку под названием «О некоторых публикациях об И. В. Сталине». Я писал о том, что некоторые газеты и журналы занялись безудержным восхвалением Сталина. Так, в журнале «Огонек» (№ 19, 1970 г.) напечатано интервью с министром внешней торговли Патоличевым. Восторгу нет границ. «Сталин вышел навстречу, каждому пожал руку и пригласил всех к большому столу... Сталин рассказал... Сталин добавил... Сталин внимательно выслушал... Сталин не спешил нас отпускать, подходил то к одному, то к другому...» и т. д. — в коротком материале 16 раз сказано о том, что сделал Сталин. Маршал Голованов («Октябрь № 5, 1970 г.) восторгается «терпимостью Сталина, строгим соблюдением им принципа коллегиальности, социалистической законности, внимательным его отношением к тем людям, которые подвергались необоснованным репрессиям».

Не буду утомлять читателя бредовыми высказываниями некоторых других авторов, включая стихотворцев. Упомяну только в порядке очищения совести, что в записке было несколько коротких пассажей с критикой и крайностей негативных оценок. Их неловко читать сегодня. Но это был 1970, а не 2005 год, то есть 35 лет назад.

Твардовский без устали воевал с цензурой, писал письма в ЦК, в секретариат Союза писателей СССР. И все чаще встречал нежелание обсуждать проблемы журнала. Более того, последовала команда Союзу писателей укрепить журнал «надежными кадрами». Но при этом было сказано, что будет лучше, если Твардовский сам подаст в отставку. В руководстве Союза писателей тоже не было единства. Авторитет Твардовского был столь внушителен, что простым росчерком пе-

ра решить проблему оказалось невозможным. Нужен был повод, скандал, который бы помог решить вопрос об укреплении редколлегии и замене главного редактора.

Такой повод нашелся. Журнал «Молодая гвардия» опубликовал одну за другой статьи литературных критиков М. Лобанова «Просвещенное мещанство» и В. Чалмаева «Неизбежность». Лобанов обвинял интеллигенцию в «духовном вырождении», говорил о ней с пренебрежением как о «зараженной мещанством» массе, которая «визгливо активна» в отрицании духовных ценностей и разрушительна для самих основ национальной культуры. Вызывающим в статье было и то, что официальный курс на повышение материального благосостояния людей автор объявил неприемлемым для *русского образа жизни*. «Нет более лютого врага для народа, чем искус буржуазного благополучия», ибо «бытие в пределах желудочных радостей» неминуемо ведет к духовной деградации, к разложению национального духа. Лобанов рекомендовал властям опираться не на прогнившую, сплошь проамериканскую омещанившуюся интеллигенцию, а на простого русского мужика, ибо только он и способен сохранить и укрепить национальный дух, национальную самобытность. Иными словами, пусть «русский мужик» остается темным и голодным, но зато сохранит «национальный дух». Что это означает, никому неведомо — ни тогда, ни сейчас. Статья Лобанова озадачила многих — и писателей, и политиков.

Пока власти приходили в себя, журнал публикует статью Чалмаева «Неизбежность». Как и Лобанов, он тоже осуждал «вульгарную сытость» и «материальное благоденствие». В статье имелось немало прозрачных намеков на то, что русский народный дух не вмещается в официальные рамки, отведенные ему властью, как и сама власть никоим образом «не исчерпывает Россию». Такой пощечины власти снести уже не могли. На статью Чалмаева буквально обрушился пропагандистский аппарат партии, в обращение был запущен термин «чалмаевщина».

Не прошел мимо этих публикаций и журнал «Новый мир». Александр Дементьев резко раскритиковал статью Чалмаева. Дементьев рассуждал в том плане, что Чалмаев говорит о России и Западе языком славянофильского мессианства. От статьи Чалмаева — один шаг до идеи национальной исключительности и превосходства русской нации над всеми другими, до идеологии, которая несовместима с интернационализмом. Дементьев соглашался, что в современной идейной борьбе соблазн «американизма» нельзя преуменьшать, однако и преувеличивать его тоже не надо.

Вокруг статьи закипела бурная полемика, результаты которой дорого обошлись «Новому миру» и всему думающему сообществу. Появилось гневное письмо одиннадцати литераторов, опубликованное в июле 1969 года в журнале «Огонек» (главным редактором тогда был Софронов) под громыхающим названием: «Против чего выступает «Новый мир»?». Письмо было подписано Алексеевым, Викуловым, Ворониным, Закруткиным, Ивановым, Мелешкиным, Проскуриным, Прокофьевым, Смирновым, Чивилихиным, Шундиком. В письме говорилось: «Вопреки усердным призывам А. Дементьева не преувеличивать «опасности чуждых идеологических влияний», мы еще и еще раз утверждаем, что проникновение к нам буржуазной идеологии было и остается серьезнейшей опасностью». Оно может привести «к постепенной подмене понятий пролетарского интернационализма столь милыми сердцу некоторых критиков и литераторов, группирующихся вокруг «Нового мира», космополитическими идеями».

Слава богу, далеко не все писатели были согласны с крикливыми обвинениями «одиннадцати». Эту группу называли в ту пору «молотобойцами», «автоматчиками», «лакировщиками». В начале августа 1969 года шесть членов правления Союза писателей — Симонов, Сурков, Исаковский, С. С. Смирнов, Тендряков, Антонов, обратились в «Литературную газету» с просьбой опубликовать их ответ на письмо «одиннадцати». Газета письмо не опубликовала. Тогда на обвинения «Огонька» ответил сам «Новый мир». В девятом номере за 1969 год была помещена заметка «От редакции», в которой была дана аргументированная отповедь одиннадцати сочинителям письма.

Из Секретариата ЦК последовало указание руководителям Союза писателей Федину и Маркову побеседовать с Твардовским и сказать ему: пусть корректирует курс журнала или уходит, пока не поздно. Уходить Твардовский отказался. Смысл его суждений сводился к следующему: «Если там, в ЦК, хотят, чтобы я ушел, пусть вызовут меня, скажут, в чем я виноват, и я уйду. Меня назначал Секретариат ЦК, пусть он меня и снимет». Но в ЦК уже договорились не принимать его даже для разговора. Александр Трифонович догадывался об этом, ибо его многократные письма и звонки секретарям — от Брежнева до Демичева — с просьбой о приеме оставались без ответа.

А тут еще в зарубежной прессе — в ФРГ, Франции, Италии — была напечатана поэма Твардовского «По праву памяти». Эта поэма стояла в июньском номере журнала «Новый

мир», но была изъята цензурой без объяснения причин. Напрасно Твардовский доказывал, что за рубежом поэма опубликована без его ведома, а лучшим ответом будет публикация поэмы в советском журнале. Он предложил обсудить поэму на секретариате Союза писателей.

Секретариат состоялся 9 февраля 1970 года. Однако на повестке дня оказался другой вопрос: «О частичном изменении редколлегии журнала «Новый мир»». Из редколлегии были убраны ближайшие сподвижники Твардовского: Лакшин, Кондратович, Виноградов, Сац. В состав редколлегии введены: Большов — 1-й заместитель главного редактора, О. Смирнов — заместитель главного редактора, Рекемчук, Овчаренко. Твардовский тут же заявил, что подобные «частичные изменения» для него неприемлемы. 12 февраля 1970 года Твардовский написал заявление о своей отставке. Так был «выдавлен» из «Нового мира» великий поэт и гражданин.

Тем временем «Молодая гвардия» публикует третью статью — «О ценностях относительных и вечных», продолжающую линию статей Лобанова и Чалмаева. Ее автор Семанов тоже славил «национальный дух», сделал вывод о том, что «перелом в борьбе с разрушителями и нигилистами произошел в середине 30-х годов», то есть в разгар репрессий. Словно и не было XX съезда. Подобное кощунство над трагедией народа, оправдание репрессий буквально шокировали общество. Посыпались письма в ЦК. Появились возмущенные отклики в «Комсомолке», «Литературке», «Советской культуре». Адепты сталинизма явно перебрали. Собранные нашим отделом письма я направил в Секретариат ЦК. У меня состоялся обстоятельный разговор по этому поводу с секретарем ЦК Демичевым.

Отдел пропаганды и отдел культуры получили от Суслова и Демичева указание «поправить» журнал. Была подготовлена достаточно резкая статья для журнала «Коммунист». «Подобного рода авторам, — говорилось в статье, — выступающим преимущественно в журнале «Молодая гвардия», следовало бы прислушаться к тому рациональному, объективному, что содержалось в критике статьи «Неизбежность» и некоторых других, близких к ней по тенденции. К сожалению, этого не произошло. Более того, отдельные авторы пошли еще дальше в своих заблуждениях». В статье подчеркивалось, что линия, обозначившаяся в журнале «Молодая гвардия», придает журналу «явно ошибочный крен».

Я участвовал, по поручению Суслова, в подготовке и окончательной редакции этой статьи. Последовали и оргвыводы: Секретариат ЦК снял Никонова с поста главного редактора журнала «Молодая гвардия». Вместо него был назначен Иванов — его заместитель, по своим взглядам он ничем от Никонова не отличался, но из конъюнктурных соображений открестился от статей указанных выше авторов. Будучи на беседе в отделе, он говорил, что не разделяет взгляды вульгарных «почвенников».

В конечном же счете ситуация с «Новым миром» и «Молодой гвардией» ясно показала, что либерально-демократические надежды к началу 70-х годов явно потускнели. Их оттеснила на обочину охранительная тенденция, в которой отчетливо пробивалось стремление реабилитировать Сталина, отгородиться понадежнее от внешнего мира и завинтить гайки после «оттепели». В открытую заявляли о себе мощные шовинистические и антисемитские настроения. Заметно их оживление и в начале XXI века.

И все же, несмотря на жесткие меры в отношении либеральных тенденций, внимательный наблюдатель мог заметить, что аппарат партии постепенно терял контроль над духовной жизнью общества. Он метался — то громил, то уговаривал, то подкупал. Руководство партии панически боялось свободы творчества и свободы слова. Здесь и было главное противоречие. С одной стороны, нельзя было открыто поддерживать шовинизм и антисемитизм, да еще в исполнении убогой писательской группировки. Но либерально-демократические позиции и вовсе были чужды настроениям верхушки партии. Ее руководство попало в капкан, который само себе поставило блудливым «выполнением» решений XX съезда.

В целом же общественные настроения тогда были очень смутные. Несмотря на ужесточение идеологического контроля, единомыслие заметно сдавало свои позиции даже в партийной среде. Однажды, еще до отъезда в Канаду, где-то году в 70-м, я отправился по делам в Краснодар. На другой день туда приехал Голиков — помощник Брежнева по пропаганде и сельскому хозяйству. Голиков — заядлый охотник, приехал сюда по этой причине. Поселились в партийной гостинице. Вечером зашел Григорий Золотухин — первый секретарь крайкома партии. Выпили, стали играть на бильярде. Завязался разговор.

Мы с Голиковым заговорили о положении в писательской среде. Модная тогда тема, поскольку именно в писательской организации постоянно шли споры между различными группировками, открыто выражались и разные взгляды, в том числе о роли литературы в обществе. Весь свой темперамент Голиков обрушил на «Новый мир», на Твардовского, Симо-

нова, Евтушенко, Астафьева, Быкова, Абрамова, Гранина, Бакланова, Овечкина и многих других наиболее талантливых лидеров творческой интеллигенции. Он упрекал и меня за мои дезориентирующие, с его точки зрения, записки в ЦК, например о журналах «Октябрь», «Молодая гвардия», о газете «Советская Россия», о военно-мемуарной литературе.

Спор был долгим и достаточно эмоциональным. Суть его сводилась к следующему: Голиков пытался доказать, что писатель в условиях «обострения классовой борьбы» должен служить власти четко обозначенными политическими позициями. Я же утверждал, что талантливая книга — как раз и есть высшее проявление того, что называется служением народу и обществу. «Очернители», как тогда называли писателей критического реализма, включая деревенщиков, значительно больше приносят пользы стране, чем «сладкопевцы», которые своими серыми сочинениями сеют бескультурье.

В частности, зашел разговор о дневниковых записках Симонова о войне. Я читал их. Голиков утверждал, что Симонов слишком много пишет о хаосе и поражениях, выпячивает глупость и безответственность командиров, противопоставляя им героизм солдат. Я, естественно, не мог согласиться с подобной точкой зрения, пытался объяснить ему, что в дневниках Симонова — реальная фронтовая жизнь, они не искажают правду о войне, а, наоборот, вызывают чувства гордости за солдата. Спорили и о конкретных произведениях писателей-деревенщиков, которые, по мнению Голикова, подрывают веру в колхозный строй, извращают положение на селе.

Григорий Золотухин внимательно слушал нас, а затем, обращаясь к Голикову, сказал:

— Слушай, Вить, ты ответь мне на такой вопрос. У нас в крае десятки формально организованных писателей, больше сорока. Так вот, кто поталантливее, те против нас, но их мало. С просьбами не обращаются, жалоб не пишут. Те же, кто за нас, — одна шантрапа, все время толкутся в моей приемной, чего-то просят, кого-то разоблачают. Скажи мне, Вить, почему так получается?

— Плохо работаете с интеллигенцией, — буркнул Голиков.

— Это понятно, — ответил Золотухин. — Пошли выпьем, да и спать пора.

Функции отделов пропаганды и культуры были в известной мере разными. Наш отдел выходил на сцену лишь в случаях, когда дело касалось непосредственно политики. Например, однажды «Октябрь» напечатал передовую статью сугубо антисемитского характера. Интеллигенция, по мнению журнала, плохо помогает партии воспитывать советский народ в духе коммунизма. Обвинения были достаточно банальными, сами по себе они не заслуживали внимания, если бы не объяснения причин такой позиции. Все это происходит потому, утверждал «Октябрь», что большинство интеллигенции состоит из евреев.

Я долго думал над тем, что делать с этой статьей. Пригласил главного редактора Кочетова, стал с ним разговаривать, но он уперся, пытался доказать, что статья не антисемитская, она — об идейных колебаниях интеллигенции. Писать записку в ЦК КПСС о том, что журнал проповедует антисемитизм, было делом бесполезным. В лучшем случае на ней распишутся секретари ЦК — читали, мол. Надо было как-то схитрить, например сослаться на какое-нибудь партийное решение. Я рассчитывал на то, что Суслов очень берег статус уже принятых решений, поэтому решил напомнить о так называемой «махаевщине». Был в начале 30-х годов такой Махаев, активный проповедник антисемитизма. Уловка сработала. Моя записка была вынесена на обсуждение Секретариата ЦК. Заседание было закрытым, чтобы поменьше народу знало о существе дела. Суслов в мягкой форме начал втолковывать Кочетову, что надо быть внимательнее. Некоторые статьи вызывают нежелательную реакцию, которая нам, в ЦК, не нужна. В сущности, шел разговор единомышленников, но один из них, который постарше, внушает младшему, что тот не всегда аккуратно себя ведет. На сей раз Кочетов, понятно, соглашался с критикой.

На другой день мне позвонил Суслов. Он сказал, что беседует с Кочетовым, и попросил меня встретиться с писателем. Минут через десять — пятнадцать заходит ко мне совершенно другой Кочетов, улыбающийся, доброжелательный. Сказал, что ЦК преподал ему хороший урок. Упомянул, что его не было в редакции, когда печаталась статья, иначе он не пропустил бы подобной чепухи.

Не сложились у меня отношения и с руководством газеты «Советская Россия», когда ее редактировал генерал Московский. Однажды он позвонил мне и сказал, что собирается напечатать статью с критикой бардов, разных шансонье, которые, по его мнению, несут в себе реакционное начало мелкобуржуазности, расхлябанности. Кроме того, упомянул, что в статье он хочет критически отозваться и о Владимире Высоцком, который постепенно превращается в кумира молодежи и разлагает ее мелкобуржуазной ущербностью.

Меня насторожила его информация. Попросил прислать мне гранки статьи. Прочитал. Статья была разбойной. Сказал генералу, что я против этой публикации. Но вдруг дней через пять статья появилась на страницах газеты. Я спросил редактора, в чем дело? Он в достаточно наглом тоне ответил, что согласовал эту статью с моим заместителем Дмитрюком, курирующим печать. А также кое с кем и повыше. Потом оказалось, что он звонил по этому поводу своему приятелю — помощнику Брежнева Голикову. Меня все это задело и в личном плане, но главным образом потому, что статья действительно была хулиганской. Решил написать записку в ЦК, хотя был почти уверен, что никто ее рассматривать не будет. Ошибся. Суслов вынес вопрос на рассмотрение Секретариата.

В ходе обсуждения он сослался на письмо Московского и Голикова, в котором говорилось о том, что отдел пропаганды слабо борется с разного рода ревизионистскими настроениями среди интеллигенции, поддерживает музыкальный ширпотреб на радио и телевидении, а это мешает борьбе за «подлинное искусство». Меня упрекали, что я не поддерживаю ту часть литературного цеха, которая стоит на партийных позициях, но благоволю к тем, кто отличается неустойчивостью, идейными вихляниями и прочими грехами. В порядке психологического нажима на Суслова Московский заявил, что с их письмом ознакомлен сам Брежнев. Вот тут они крепко просчитались. Суслов не любил подобные ссылки. Да и Брежнев не указ Суслову, если речь шла об идеологии.

Генерал Московский, известный политической окаменелостью, был верным сторожем в лавке идеологического старья. Его выступление было агрессивным. Как потом выяснилось, они с Голиковым заранее договорились, что генерал заявит о необходимости кадровых изменений в отделе пропаганды, ведь должность заведующего отделом была вакантной. К тому же было известно, что Голиков сам хочет стать заведующим отделом. Знал об этом и Суслов. Равно как и о том, что Голиков постоянно пишет записки Брежневу о ревизионизме в аппарате ЦК. Агрессивность Московского и ссылки на Брежнева вконец испортили спектакль, затеянный редактором газеты и Голиковым. Они упирали на идеологическую сторону вопроса, а Суслова эта сторона дела в данном случае мало интересовала. Он спросил Дмитрюка:

— Вы давали разрешение на публикацию статьи?

— Да.

— А где вы в это время были?

— В больнице.

— Если в больнице, то должны были лечиться, а не руководить отделом, тем более что в отделе есть человек, который отвечает за его работу.

Затем Суслов спросил меня:

— А вам звонил Дмитрюк, когда давал согласие на публикацию?

— Нет.

— Товарищ Дмитрюк, как же вы можете работать в ЦК, так грубо нарушая партийную дисциплину?

Затем, обращаясь к Московскому, Суслов спросил:

— Товарищ Московский, это правда, что вам не рекомендовали печатать статью?

— Да. Но вопрос принципиальный, и я счел возможным посоветоваться с товарищами из Секретариата товарища Брежнева.

Тут Суслов совсем рассердился.

— Постойте, а кому ЦК поручил оперативное руководство печатью? Насколько я понимаю, отделу пропаганды. В чем дело, товарищ Московский?

Об этом заседании Секретариата долго вспоминали в аппарате ЦК. Состоялся своего рода показательный урок. Суслов напомнил номенклатурной пастве, кто есть кто в партии. Брежнев побаивался Суслова, но верил ему, может быть, больше, чем другим. Когда предварительно решали, кем заменить Хрущева, упоминалась и фамилия Суслова. Но он отказался и поддержал Брежнева. Такое не забывается. По той же причине Суслов нередко принимал самостоятельные решения.

В конце заседания Суслов заявил: «Вы, товарищ Московский, имейте в виду, что в партии одна дисциплина для всех и вы обязаны ей следовать. А вам, товарищ Дмитрюк, надо сменить место работы». Так оно вскоре и случилось.

Несмотря на то что Брежнев устраивал всех, закулисная борьба не утихала. Если говорить об общей фабуле номенклатурной возни, то я помню, что в аппарате жужжала, как муха, идея о том, что во главе страны должен стать Косыгин — тогда Председатель Совета министров. Спокойный, неразговорчивый человек. Профессионален, деловит. Ему с трудом удавалось играть роль лояльного брежневского соратника.

Как-то я привез из Канады министра иностранных дел Шарпа. На встречу с Косыгиным пришлось лететь в Пицунду, где он отдыхал. Перед встречей Алексей Николаевич пригласил меня пройтись по берегу, чтобы послушать информацию по Канаде, в которой он незадолго до этого побывал.

Я рассказывал, он внимательно слушал. Задавал вопросы. Сказал мне, что знает о моих хороших отношениях с премьером Канады, жена которого, Маргарет, переписывалась с дочерью Косыгина Людмилой.

...Берег моря, тишина, мы одни, течет спокойная беседа... Казалось, можно откровенно поговорить не только о Канаде — но и о положении в своей стране... Я маялся, все порывался начать настоящий разговор, но так и не решился. Что-то сдерживало. Да и Алексей Николаевич был скуп на слова.

Помимо ориентации на Косыгина, существовал и другой фронт — молодежный. Так называемая «молодежная группа» видела во главе партии Шелепина. В аппарате, и не только в центральном, активно «обсасывалась» информация из Монголии. Там побывала партийно-правительственная делегация во главе с Шелепиным. Одно из застолий, видать, было особенно обильным. Упившись, провозгласили тост за будущего генерального секретаря Шелепина. Тем самым судьба молодежного клана была предрешена. Но Брежнев дал им возможность «порезвиться» еще какое-то время и проявить себя не только в застольях, но и в более трезвой обстановке.

Вскоре состоялся пленум ЦК. Со своим заведующим Степаковым я шел пешком со Старой площади в Кремль. В ходе разговора он буркнул: «Имей в виду, сегодня будет бой. С Сусловым пора кончать. Леонид Ильич согласен». В кулуарах, еще до начала пленума, ко мне подошел Николай Егорычев — первый секретарь Московского горкома КПСС — и сказал: «Сегодня буду резко говорить о военных, которых опекает Брежнев». Я не советовал Николаю Григорьевичу выступать на эту тему, сказав ему, что аудитория еще не готова к такому повороту событий.

— Нет, я уже решил. Вот увидишь, меня поддержат.

Егорычев произнес хорошую речь, острую, без оглядок. Он критиковал министра обороны Гречко за бездарное участие в арабо-израильской войне, за дорогостоящую и неэффективную противовоздушную оборону, в частности, Москвы. Имелись и другие острые пассажи. Но главное было не в этом. Партийных иерархов больше всего насторожил агрессивно-наступательный тон выступления.

Оратору на всякий случай слегка поаплодировали. Все ждали реакции президиума пленума — таковым по традиции всегда было Политбюро. Там заметно суетились, забегали помощники и чиновники из общего отдела.

Я сидел и переживал за храбреца, ждал речей в его поддержку, но их не последовало. Наутро выступил Брежнев с

критикой Егорычева. Естественно, что, получив такую «высокую команду», выступающие начали говорить о том, что атака против военных принесет только вред обороноспособности и авторитету вооруженных сил. Егорычева вскоре освободили от работы. Сначала послали в какое-то плодово-овощное министерство. Он и там стал проявлять деловую активность, что тоже не понравилось. Тогда его направили послом в Данию.

Вскоре освободили от работы заведующего нашим отделом Степакова, тоже причисленного к «молодежной группе». Как мне потом говорили, я был тоже в списке людей, которых «молодежная группа» якобы намеревалась использовать в будущем руководстве. В каком качестве, не ведаю. Об этом мне сказал, сославшись на Микояна, первый заместитель председателя Гостелерадиокомитета Энвер Мамедов, впоследствии уволенный с работы по настоянию Лигачева.

Хотел бы обратить внимание на то, что главными действующими лицами «малого заговора», если был таковой, оказались Шелепин — перед этим председатель КГБ, Степаков — бывший начальник УКГБ по Москве и Московской области, Месяцев — следователь по особо важным делам еще при Сталине. Все из спецслужб. Что касается Егорычева, то он, скорее, был человеком, разделявшим позиции Косыгина. Вскоре были освобождены со своих постов и менее значительные работники номенклатуры из окружения Шелепина.

Конечно, расстановка политических сил, о которой я пишу, не могла быть постоянной. Как и раньше, еще со времен Ленина, разные группы и группочки то возникали, то исчезали. Бесконечные склоки, доносы и подслушивания, клятвы в вечной дружбе и верности, которых не было и не могло быть в политике. Этикой и не пахло, моралью — тоже. Лицемерие и предательство были ведущими принципами политического поведения правящей элиты. Взаимная ненависть снова выплеснулась наружу в условиях нового витка драки за власть.

Итак, моего начальника Степакова направили в 1969 году послом в Югославию. Я оставался исполняющим обязанности заведующего, в коем качестве пребывал четыре года. Слава богу, меня так и не утвердили в роли заведующего отделом. Это теперь «слава богу». А тогда? Тогда было горько. Тебе не доверяют, тебя игнорируют. А раз Брежнев не доверяет, все должны «соответствовать». Таковы законы номенклатуры. С напряжением я ожидал нового начальника. Было так заведено, что пришедшие к власти немедленно предлагают на место первых заместителей своих людей. Вот

тут передо мной всерьез встала проблема выбора: или вести себя так, чтобы «зарабатывать энтузиазмом» новую должность, или подыскивать для себя новое место работы, или продолжать работать без оглядки на будущее.

В первые же дни самостоятельной работы раздался телефонный звонок первого помощника Брежнева Георгия Цуканова. Он вкрадчиво спросил:

— Ну, как теперь будем показывать деятельность Леонида Ильича?

Я, конечно, почувствовал подвох. Простой, кажется, вопрос, но содержание было «богатое». В нем и неудовлетворение работой моего предшественника, и прощупывание моих настроений, и приглашение к разговору на эту тему. В голове замелькали варианты ответа. Остановился на очень простом, но тоже многозначительном. Я сказал:

— В соответствии с решениями ЦК.

— Ах, вот как, ну-ну.

Цуканов все понял. Мало сказать, что его не удовлетворила казенность ответа. Он ждал «новаторских» и «смелых» предложений, замешанных на энтузиазме. Их не последовало. Я, хотя и не сразу, понял, что в ЦК мне не работать. Наверное, это чувство постоянного ожидания отставки и подвигло меня к поведению, выглядевшему порой донкихотством. Интуиция не подвела меня и на сей раз.

Когда освободили Степакова, я был в резиденции Брежнева Завидово. Сочиняли очередное «нетленное». Арбатов, мы с ним играли на бильярде, сказал мне: «Тебе, Саша, надеяться не на что. Тебя не утвердят». Тогда мы были с Арбатовым в «никаких отношениях». Это потом стали друзьями. Тем же вечером Александр Бовин с присущей ему прямотой сказал: «Ты, Саша, не расстраивайся, мы тоже подложили дерьма в твой карман». Надо полагать, соответственно настроили Андропова.

Следующим вечером Брежнев пришел в комнату, где обычно по вечерам собирались все «писаки», сел рядом со мной и спросил:

— Ну, кого назначать будем на пропаганду?

Виктор Афанасьев — главный редактор «Правды» — предложил кандидатуру Тяжельникова — секретаря Челябинского обкома КПСС, своего земляка. (Через восемь лет он все же стал заведующим этим отделом.) Все другие промолчали. Я думаю, мои огорчения того времени понятны. Теперь-то я рад, что не взлетел на эту орбиту. Куда бы унес этот полет, одному Создателю известно. И все же в то время я долго не мог понять, в чем дело. Но однажды Александров, помощник

Брежнева, посоветовал переговорить с Андроповым, и все, мол, будет в порядке. Я не прислушался к этому совету, на поклон не пошел. Все это походило на политическую вербовку.

Повторяю, я продолжал работать в неутвержденном качестве заведующего отделом еще четыре года, пока не написал статью «Против антиисторизма», опубликованную 15 ноября 1972 года в «Литературной газете». В ней я публично определил свои позиции по дискуссии на страницах журналов «Новый мир», «Октябрь» и «Молодая гвардия». Показал статью академику Иноземцеву, помощнику Брежнева Александрову, консультанту отдела культуры ЦК Черноуцану, главному редактору «Комсомолки» Панкину. Все они одобрительно отнеслись к статье. Дал ее почитать и секретарю ЦК Демичеву. В своей манере он выразил сомнение относительно публикации, но по содержанию статьи замечаний не высказал.

Моя статья, как и статья Дементьева, была выдержана в стиле марксистской фразеологии. Я обильно ссылался на Маркса и Ленина, и все ради одной идеи — предупредить общество о нарастающей опасности великодержавного шовинизма, агрессивного местного национализма и антисемитизма. Критиковал Лобанова, Чалмаева, Семанова и других апологетов охотнорядчества. Вот тогда я и заработал кличку «русофоба».

Главный редактор «Литературки» многоопытный Александр Чаковский спросил меня:

— А ты знаешь, что тебя снимут с работы за эту статью?

— Не знаю, но не исключаю.

Брежневу не понравилось то, что статья была опубликована очень близко по времени к его докладу (декабрь 1972) о 50-летии образования СССР. Поскольку я участвовал в подготовке и этого доклада, то, согласно традиции, не должен был в это время выступать в печати: нельзя было, как говорилось тогда, «растаскивать идеи». Кроме того, секретари ЦК компартий Украины и Узбекистана Шелест и Рашидов, угодничая, а может быть, и по подсказке сверху, инициировали обращения местных писателей, в которых говорилось, что я «обидел старшего брата», безосновательно обвинив некоторых русских писателей в великодержавном шовинизме, а местных — в национализме. В то же время я получил более 400 писем в поддержку статьи, их у меня забрал Суслов, но так и не вернул. Куда он их дел, не знаю до сих пор.

Разрушительный шовинизм и национализм под флагом патриотизма пели свои визгливые песни. Уверен, что и сегодня в разжигании национализма в России во всех его фор-

мах и на всех уровнях значительную роль играют люди и группы, которые рядятся в одежды «национал-патриотов». Я понимал тогда чрезвычайно опасную роль националистических взглядов, но у меня и мысли не возникало, что они станут идейной платформой хаотического распада страны, одним из источников русского фашизма, за который народы России заплатят очень дорого, если не поймут его реальную опасность сегодня. Пока что понимания нет.

Меня за эту статью обсуждали на Секретариате ЦК. Обсуждали как-то вяло — я ведь участвовал в подготовке разных докладов почти для всех секретарей ЦК. Когда я попытался что-то объяснить, Андрей Кириленко, который вел Секретариат, заявил:

— Ты меня, Саша, в теорию не втягивай. Ты учти — это наше общее мнение, подчеркиваю, общее (он, видимо, намекал на отсутствовавшего Суслова). Никаких организационных выводов мы делать не собираемся, но ты сделай выводы из сегодняшнего обсуждения, — добавил он.

Незадолго до этого у меня была встреча с Брежневым, который пожурил меня за статью, особенно за то, что опубликовал без его ведома. В конце беседы сказал, что на этом вопрос можно считать исчерпанным. И в знак особого доверия барственно похлопал меня по плечу.

Сразу же после Секретариата я зашел к Демичеву. Повел я себя агрессивно. В ходе разговора о житье-бытье сказал, что, видимо, наступила пора уходить из аппарата. Демичев почему-то обрадовался такому повороту разговора. Как будто ждал.

— А ты не согласился бы пойти директором Московского пединститута?

Я понял, что вопрос обо мне уже предрешен, но ответил, что нет.

— Тогда чего бы ты хотел?

— Я бы поехал в одну из англоязычных стран, например в Канаду.

Демичев промолчал, а я не считал этот разговор официальным. Утром лег в больницу. И буквально дня через два получил решение Политбюро о назначении меня послом в Канаду. Из «вождей» я зашел только к Федору Кулакову, с которым у меня сложились приличные отношения. Просидели у него в кабинете часов до двенадцати ночи. Он рассказал, что на Политбюро активную роль в моем освобождении играл Полянский. Суслов молчал. Брежнев спросил, читал ли кто-нибудь статью? Демичев не признался. Эту информацию подтвердил потом и Пономарев.

Андрей Громыко перед моим отъездом в Канаду пригласил меня к себе и дал только один совет: «Учите язык, слушайте по телевидению религиозные проповеди. Они идут на хорошем, внятном английском языке». В тот же день зашел к Василию Кузнецову — первому заместителю министра. «Я знаю, — сказал он, — ты расстроен. Это зря. Со мной была такая же история. Мне сообщили, что я освобожден от работы председателя ВЦСПС и назначен послом в Китай, когда я был на трибуне Мавзолея во время демонстрации».

Расскажу теперь, снова нарушая хронологию событий, о «чехословацком» эпизоде в моей жизни. В тот день, когда советские войска в августе 1968 года уже вошли в Чехословакию, меня пригласил к себе секретарь ЦК Демичев и сказал, что есть поручение Политбюро выехать мне завтра в эту страну во главе группы руководителей средств массовой информации в распоряжение Кирилла Мазурова — члена Политбюро. Задача: помочь информационно чехословацким товарищам в создании рабоче-крестьянского правительства во главе с секретарем ЦК Алоизом Индрой. Я сказал ему, что обо всем этом слышу первый раз.

— Скоро сообщат. На месте все узнаешь, — сказал Демичев.

Команда журналистов была сформирована без меня и до моего назначения. В руководители намечался кто-то другой. Быстро получили документы. Полетели самолетом Министерства обороны, который вез туда еще семьдесят связисток, которые должны были заниматься спецсвязью между Москвой и военными в Праге. Вместе со мной полетели заместитель главного редактора «Правды» Стукалин, заместитель председателя телерадиокомитета Мамедов, редакторы газет «Красная звезда», «Труд», «Сельская жизнь» — всего около двадцати человек. Полетели в неизвестность. Приземлились на аэродроме в Миловицах.

Шел третий день оккупации. Первое, что меня ударило словно дубинкой по голове, — это виселицы с повешенными муляжами наших солдат. Поехали на автобусе к зданию аэропорта. Там небольшая изгородь, стоят чехословацкие солдаты, а на въезде лозунг «Ваньки убирайтесь к своим Манькам». Вот тебе и «вечная дружба». Из горячей ванны, да в прорубь. Приехали в посольство, ночевать там негде, в посольстве жило большинство членов Политбюро чехословацкой компартии. Спали они в кабинете советника-посланника Удальцова. Зашел к Мазурову, к послу Червоненко. Делать нечего, сидим, ждем. На второй день после приезда зовет Кирилл Трофимович и говорит: «Ты знаешь, дело сорвалось.

Президент Свобода отказался утвердить временное правительство во главе с Индрой».

Спрашиваю: «Что будем делать?» «Военные собираются разбрасывать листовки, — сказал Мазуров. — Посмотри их». Посмотрел. Оказались, как говорится, ни в цвет, ни в дугу. Во дворе посольства военные начали жечь разные бумаги, подготовленные на случай прихода к власти нового правительства. Возникла идея возобновить издание газеты «Руде право», главным редактором которой был Швестка, он же секретарь ЦК КПЧ. Я подошел к нему в коридоре посольства. Он, обливаясь потом, ходил по этажу, без конца звонил кому-то по телефону. Говорю ему, что надо бы возобновить издание «Руде право». Он отвечает, что ни в редакцию, ни в типографию не пойдет, потому что его там «не поймут».

Опять пошел к Мазурову, рассказал ему о разговоре. Он посмеялся и посоветовал поискать какой-то другой выход. Карлу Непомнящему из АПН пришла в голову мысль позвонить в Дрезден и спросить, нет ли там шрифтов и наборщиков с чешским языком. Оказалось, есть, остались со времен войны. Непомнящий и еще один работник полетели в Дрезден и выпустили «Руде право». К сожалению, на обратном пути вертолет, на котором летели наши коллеги, был сбит. Оба товарища вместе с пилотом погибли. На том выпуск «Руде право» и закончился. Я сказал Мазурову, что моя миссия, как говорится, закончилась, не начавшись. Он согласился. Я улетел домой.

В то время я был руководителем рабочей группы по составлению новой Конституции. В составе группы были виднейшие юристы страны. Аппарат Президиума Верховного Совета представлял Анатолий Лукьянов. Должен сказать, что в то время он играл положительную роль в подготовке Конституции. Ее проект лежит где-то в архиве. У меня осталось впечатление, что для того времени проект был достаточно прогрессивным. Нечто сносное было по правам человека, о самоуправлении и что-то там еще, я уже запамятовал.

Раздается телефонный звонок Подгорного. Просит прислать ему последний вариант проекта Конституции. Подгорный претендовал на то, чтобы возглавить всю эту работу — он был Председателем Президиума Верховного Совета. Но я знал, что «небожители» наверху очень ревностно относятся друг к другу, следят за каждым шагом своих коллег. Поэтому я тут же позвонил Черненко, приближенному Брежнева. Он сказал, что ни в коем случае не передавать никаких текстов кому бы то ни было. Докладывать только Брежневу.

Поскольку у меня с Черненко были приличные отношения, я ему напомнил, что только что вернулся из Чехословакии.

— Ну и что ты там увидел?

Я рассказал. Реакция неожиданная: немедленно к Брежневу. Жди звонка. И верно. Брежнев принял сразу же.

— Ну, рассказывай. Тут мне Костя кое-что сообщил любопытное.

Я все повторил, сказав при этом, что, исходя из реальной обстановки и накала страстей, надо поддержать Дубчека, альтернативы ему в этой ситуации нет. Критиковать без конца Дубчека за то, что он окружил себя «не теми людьми», бессмысленно. Он и сам не волен решать многие вопросы, ему надо дать возможность проявить себя «хозяином». Иначе в Чехословакии будет и дальше расти неприязнь к СССР. Рассказал ему о лозунгах, плакатах, радиопередачах. Поделился своими впечатлениями от митинга на центральной площади, на котором я присутствовал, подчеркнул, что конфликт не утихает, а обостряется. Защитников прежней власти не видно. Когда говорят, что рабочие хотят пройтись по улицам, чтобы дать отпор «контрреволюции», это вранье. Брежнев слушал внимательно, ни разу не перебил. Поблагодарил. Потом долго молчал, о чем-то думал. И совершенно неожиданно произнес озадачившую меня фразу:

— Знаешь, я прошу тебя не рассказывать все это Косыгину.

Кто его знает, возможно, были какие-то разногласия. Спустя некоторое время меня пригласил Суслов и тоже попросил рассказать о Чехословакии. Он знал о моей встрече с Брежневым. В конце беседы спросил: «А не кажется ли вам, что Удальцов — советник-посланник — перегибает палку в оценках, уж очень он агрессивно настроен против Дубчека. Его рекомендации в отношении Индры тоже не оправдали себя». Суслов был прав по существу, но мы с Удальцовым были в дружеских отношениях, и потому я отделался общими фразами о сложной обстановке, в которой столкнулись разные интересы.

Я продолжал работать над проектом Конституции. Но прошло месяца два, и меня опять вызывает Демичев. Леонид Ильич просит тебя полететь в Прагу и связаться там с работниками ЦК, поспрашивать у них, на какое возможное сотрудничество могут пойти две партии в настоящий момент. Полетел. На сей раз остановился не на чердаке посольства, а в нормальной гостинице. Утром иду в ресторан. Подошел официант. Я на русском языке заказал завтрак. Он записал и

ушел. Жду пятнадцать минут, жду полчаса. Ни официанта, ни завтрака. Пересел за другой стол, подальше от первого. Снова официант, но другой. Я обратился к нему на английском. Он быстро побежал на кухню. И буквально через две-три минуты у моего стола появились два официанта.

Через посольство попросился на встречу в ЦК КПЧ. Принял меня заведующий отделом, занимавшийся информацией. Собеседник был хмур, даже головы не поднял. Я что-то там говорил. Выслушав, он ответил, что пока возможностей для сотрудничества между партиями нет. Не созрели условия. Я, конечно, спросил, является ли это официальной точкой зрения, он ответил: «Да. Мне поручено вам об этом сказать». Вернулся в Москву, как говорят, несолоно хлебавши. Доложил Демичеву. Он попросил рассказать об этом в отделе ЦК, занимавшемся соцстранами.

Понаблюдал и за нашими армейскими порядками. Армия вошла в Прагу под командованием генерала Павловского. Грязные гимнастерки и брюки, драные сапоги. Когда они выходили патрулировать улицы, стыдно было смотреть. Да и солдаты чувствовали себя неловко. Поскольку дел никаких нет, ходил по улицам, наблюдал разные сценки. Группы пражской молодежи часто толпились около наших танкистов. Разговоры были горячими. Наши ребята особенно обижались на обвинения, что они «оккупанты».

— Какие оккупанты? Какие оккупанты? Мы спим на земле под танками, а оккупанты спали бы с вашими бабами в ваших квартирах!

Нашим солдатам, конечно, не хотелось признавать, что они были действительно оккупантами.

Я рад, что тогда удалось побывать в Чехословакии и самому увидеть, что там происходило на самом деле. «Пражская весна» научила меня многому. После Будапешта и Праги я понял, что социалистическое содружество в том виде, в каком оно сложилось, является химерой, не имеет ни малейшей перспективы. Невольно приходили в голову кадры кинохроники о том, как восторженно встречали жители Праги наши войска, освободившие Чехословакию от гитлеризма. И какое ожесточение во время «пражской весны». Вот они, горькие плоды безумной сталинской политики.

Я полагал, что моя чехословацкая эпопея закончилась. Оказалось, нет. Я получил указание подготовить перевод с чешского книги «Семь пражских дней». Перевели. Разослали этот сборник по узкому кругу лиц — членам Политбюро, секретарям ЦК, международным отделам, в телерадиокомитет, КГБ, ТАСС и в «Правду». И вдруг на одном из секретариатов ЦК в конце заседания Суслов говорит: «Товарищ Яковлев, останьтесь. Тут есть вопрос». И зачитывает документ под названием «О самовольной рассылке зам. зав. отделом пропаганды ЦК т. Яковлевым книги «Семь пражских дней. 21—27 августа 1968 года», содержащей грубые антисоветские измышления». Я оцепенел. Суслов спросил меня, кому разослана книга. Я перечислил. Тогда он обратился к представителю общего отдела и попросил дать ему список людей, кому направили сборник. Посмотрел. Совпало с моей информацией. Суслов спрашивает:

— Слушайте, мы что, не доверяем этим людям?

Потом поднял голову и сказал мне:

— А вы поаккуратней.

Меня эта возня удивила, особенно формула «самовольная рассылка книги, содержащей грубые антисоветские измышления». Откуда все это пошло? Оказывается, инициатива исходила из секретариата Брежнева. Суть склоки заключалась в том, что в этой книге на чешском языке была одна листовка, содержащая оскорбительные слова лично в адрес Брежнева. Я не включил ее в книгу, но когда посылал экземпляр для Брежнева, этот листочек вложил отдельно. Голиков показал книгу генсеку, обратив особое внимание на злополучную бумажку. Тот возмутился, решив, что листовка эта есть во всех экземплярах. Как я об этом узнал? Суслов, ведя Секретариат, сказал: «Что-то я страничку о Леониде Ильиче не нахожу». Я ответил, что ее и нет, она направлена только Брежневу. Потом Суслов попросил меня прислать ему эту листовку.

Увы, таковы нравы аппарата. Никогда не знаешь, кто и по какому поводу тебя подставит. Вот так и держалась дисциплина, основанная не на чувстве личной ответственности, а на страхе, на подсиживаниях, на интригах.

В те годы мне пришлось еще раз побывать в США в составе официальной делегации журналистов. Возглавлял ее главный редактор «Известий» Лев Толкунов. Весьма интересная поездка. К журналистике и к средствам массовой информации в США интерес, как известно, очень большой. Чиновники, как и везде, не любят журналистов. Не любят, но побаиваются и считаются с ними. Правила другие. Критика обжигает карьеру.

Нас принимали хорошо. Правда, не везде, но в целом хорошо. Мы встречались с разными людьми. Запомнилась встреча с Джейн Фондой. Она пригласила нас на свою виллу в горах, это в Калифорнии. Туда же пришел цвет Голливуда — артисты, художники, режиссеры. Джейн в то время

резко выступала против войны во Вьетнаме. Зная, что я из ЦК, она подошла ко мне. Я тогда еще не забыл английский язык. У нас завязался интересный разговор об американской внешней политике. Джейн назвала ее провокационной, критиковала Москву за то, что она недооценивает опасность американского милитаризма. Сложилась странная ситуация. Я говорил Джейн, что она, вероятно, не во всем права, что международные отношения — материя сложная, за теми или иными позициями стоят реальные интересы. Но собеседница была неумолима, стояла на своем. Собравшиеся вокруг нас люди с интересом слушали этот спор, улыбались, но не вмешивались. Джейн Фонда была остра на язык и убедительна. Вечер прошел прекрасно.

Потом Джейн вышла замуж за владельца Си-эн-эн Теда Тернера. Когда я был в Политбюро, они зашли ко мне. Пригласили на вечеринку, посвященную своему семейному союзу. Но я не смог там присутствовать, был в какой-то командировке. Жаль, конечно. Думаю, что они обиделись. Думаю так потому, что последующие две встречи с Тернером — на Играх доброй воли в Ленинграде и в его штаб-квартире в Атланте — были вежливыми, но суховатыми.

Вспоминается еще один эпизод из журналистской поездки, на этот раз смешной. Приехали мы в один из маленьких городков на юге Техаса. Обратили внимание на то, что в местной газете о нас не появилось ни единого слова. Вечером состоялся прием, организованный одним из богачей. Он занимался весьма своеобразным бизнесом — покупал человеческие скелеты в Индии, приводил их в надлежащий вид и продавал в школы и университеты в США. Заядлый охотник, он путешествовал по Тибету, Монголии, по горам Киргизии, Казахстана. Рослый детина с грубоватыми манерами.

Беседуя с ним, упомянули, что, к сожалению, местная газета даже не сообщила о нашем приезде. «Как так?» — возмутился он. Оказывается, ему принадлежали и эта газета, и местная телерадиостанция. Он поманил пальчиком главного редактора газеты, тот быстрехонько подбежал. Бизнесмен спросил его, почему так произошло? Тот начал говорить что-то невнятное. Хозяин сказал: «Предупреждаю тебя последний раз. Завтра должно быть не меньше полосы, посвященной делегации». И верно. Назавтра появились портреты всей делегации и весьма благожелательная статья. Кстати, этот редактор накануне принимал нашу делегацию, вел себя напыщенно, надувался, как мог, уверял в своей независимости и в прочих доступных ему радостях жизни. После выволочки от хозяина он ходил как в воду опущенный. Это я говорю о капризах свободы печати, о том, какие гримасы бывают и в США.

Нас принял госсекретарь Роджерс, помощник президента по национальной безопасности Киссинджер и сенатор Фулбрайт. Роджерс извинился за то, что делегацию в некоторых местах пикетировали. «Но сделать я ничего не могу», — добавил он. Сказал нам, что американцы хотят уйти из Вьетнама в организованном порядке, но вьетнамцы не проявляют особого интереса к мирным переговорам.

Беседа с Киссинджером была посвящена в основном проблемам разоружения. Киссинджер рассуждал в том плане, что ни США, ни СССР не в состоянии достичь стратегического превосходства, которое обеспечивало бы победу в войне. Теперь президент Никсон говорит о концепции «достаточности». Киссинджер заверял нас, что будет делать все, чтобы в советско-американских отношениях произошли качественные сдвиги в лучшую сторону. Последующие события подтвердили, что Киссинджер был искренен.

Весьма интересной была беседа и с сенатором Фулбрайтом. Он критиковал американскую внешнюю политику, особенно войну во Вьетнаме. Как и в своих книжках, Фулбрайт подчеркивал, что американская внешняя политика строится на мифах. Конечно, он знал, что и советская политика строится на мифах, но, видимо, из деликатности не стал говорить об этом. В конце беседы сказал, что великим державам «необходимо уйти от заблуждения, будто они всегда правы и могут приписывать себе миссию всемирной добродетели».

После годичной стажировки в Колумбийском университете я не был в США более десяти лет. Тогда мы, группа студентов и аспирантов, тридцать дней путешествовали по США. Жили в семьях американцев в разных городах по три-четыре дня. В Вермонте я жил в семье протестантского священника, в Чикаго — в семье профессора университета, в Айове — в фермерской семье. Однажды во дворе играл с детишками фермера. Заметил, как хозяйка нет-нет да и выглянет в окошко. Затем вышла во двор и, смущаясь, заговорила.

— Я вижу, вы любите детей.

— Да, у меня двое в Москве остались, скучаю.

— Но у вас ведь в стране общие дети и общие жены.

— Кто вам сказал подобное?

— Священник.

— Он сказал неправду.

К обеду вернулся фермер. Жена рассказала ему о нашем разговоре. Мне пришлось подробно говорить о себе, о нашей

семье, об отце и матери, о жене, детях, сестрах. Сказал, что моя мать — верующая, ходит в церковь. Рассказывал обо всем в подробностях, в деталях. Слушали очень внимательно. Столь благодарных и терпеливых слушателей я в США больше не встречал.

На юге, в Нью-Орлеане, мы жили в общежитии негритянского университета. Там посчастливилось побывать на концерте гениального Луи Армстронга. Завораживающая музыка, восхитительное исполнение. Погружаешься в какой-то другой мир, полный очарования и тоски, возвышенного достоинства и сладких иллюзий. Но там же мы увидели и школы для черных и белых, и трамваи — для черных и белых, и туалеты — для черных и белых. Присутствовали на обеде у белого плантатора, который заявил, что его негры всегда будут его рабами.

Поездка по стране дала нам многое. Это не город Нью-Йорк, а настоящая, всамделишная Америка. Мы беседовали с разными людьми и в разных обстоятельствах. Одной краской Соединенные Штаты не изобразишь. Страна мозаична, многообразна, разнохарактерна.

Потом я много раз бывал в США. С сегрегацией покончено. После войны во Вьетнаме Америка как бы застыла, затихла. Лицо довольное, часто улыбчивое. Американцы продолжают демонстрировать уверенность, а иногда — и самоуверенность, если говорить о людях, зараженных политикой. Самоуверенность силы, как написал однажды Фулбрайт. В последние годы страна становится все более взбудораженной, более нервной и озабоченной — и своими внутренними делами, и международными. Вырос и настороженный интерес к окружающему миру, к жизни в других странах. Усилились разного рода опасения, страхи, сомнения. Впрочем, эти впечатления могут быть и неточными — ведь я и сам менялся. Но как бы ни относиться к этой стране, по справедливости надо признать, что США пока являются своего рода стабилизатором в нашем неспокойном мире, хотя порой делают и раздражающие ошибки, особо не задумываясь о последствиях своих действий.

Сегодня США выглядят растерянными, особенно после 11 сентября 2001 года. Кажется, что они никак не могут понять, что произошло и как вести себя дальше. Но как раз это и вызывает у меня тревогу. Кажется, что они не знают своего будущего, а возможно, и не хотят знать о том, какими реальными резервами прочности располагают. Я буду рад, если ошибусь в своих впечатлениях. Хотел бы также надеяться, что международный терроризм везде и всюду станет международным изгоем, а не разменной монетой в мировых политических играх. Кроме того, война в Ираке настойчиво уговаривает всех нас срочно переходить от силы к диалогу цивилизаций.

В заключение этой главы я хочу сказать следующее. Может показаться, что я пытаюсь изобразить из себя этакого доброго самаритянина, витающего над грешной Землей. Нет. Да подобного и быть не могло в партийном аппарате. Я аккуратно и дисциплинированно выполнял свою рутинную работу, подписывал всякие записки, проводил разные собрания и совещания. Другой вопрос, что работа в партийном аппарате представляла больше возможностей для вариативного поведения. Работник аппарата ЦК был практически бесконтролен. В одних случаях люди что-то говорили, но не делали, в других — делали, но не говорили, в третьих — говорили и делали, но не докладывали начальству, в четвертых — и не говорили, и не делали, но талантливо докладывали.

Театр притворства. Но роль можно было выбирать самому.

Глава десятая

ЧУТЬ ПОХОЖА НА РОССИЮ...

Хоккей в Канаде — национальная болезнь. Болеют все — от мала до велика. Перед приездом нашей команды канадские средства массовой информации писали о ней всякое. Господствовал победно-хвастливый тон, утверждалось, что приезжают «мальчики для битья», писали, что в Канаду приедут «советские роботы», «агенты КГБ, а не хоккеисты» и прочую чепуху. Но вся эта мутная волна спала, как только наши ребята показали себя на льду. Играли вдохновенно, самоотверженно, бились, не жалея себя. То, что вытворяли Третьяк, Харламов, Якушев, да и все другие наши хоккеисты, передать невозможно. Это надо было видеть. Праздник воли, мужества и красоты. Наши хоккеисты сделали для улучшения отношений между двумя странами значительно больше, чем политики за многие годы.

Автор

Я уже не раз упоминал о моей канадской жизни. А потому, пожалуй, ограничусь лишь некоторыми эпизодами из десятилетней жизни в Канаде.

Еще перед приездом в эту страну в западной печати, особенно в американской и канадской, появилось множество статей, объясняющих мое назначение или пытающихся понять, почему я оказался за рубежом. Все рассуждения и догадки крутились вокруг моей статьи «Против антиисторизма». Американский журналист из «Нью-Йорк таймс» Хендрик Смит писал, что «перемещение Яковлева отражает длительный закулисный идеологический спор по важному, хотя и тщательно скрываемому, вопросу о русском национализме... Хотя официальное руководство КПСС и симпатизирует националистам, — продолжал Смит, — но подспудно чувствует, что они представляют опасность для строя, для системы, для коммунистической идеологии, что их точка зрения вовсе не совпадает с ортодоксальным интернационализмом, с идеями мировой революции и многонационального устройства Советского Союза». Роберт Кайзер из «Вашингтон пост» в пространной статье писал о том, что Яковлев «лишился своего поста, так как был слишком либеральным». Он также отметил, «что в стране, где проживают люди десятков национальностей, где русский национализм всегда был больным местом, это открывало бы тревожную перспективу».

Смит и Кайзер многое угадали и предугадали. Действительно, как показали события последних двух десятков лет, высокомерное великодержавное чванство оказалось смертельным ядом для советской государственности и самой системы.

Наиболее активной пресса обо мне была в самой Канаде. Практически все газеты, включая и провинциальные, откликнулись на мое назначение. Перед самым приездом «Оттава ситизен» опубликовала статью под заголовком «Либерал прибудет сюда в качестве следующего советского посла». И что Яковлев «снят потому, что слишком мягок по отношению к идеологическим противникам». Несколько статей напечатала «Торонто стар». Она назвала мое увольнение из ЦК «интригующим признаком идеологических разногласий в партии», что он, Яковлев, «занял слишком либеральную позицию с точки зрения своих начальников. И за этот грех ему приказали отправиться в канадские джунгли — в Оттаву».

Я знаю, что многие оценки шли с подачи московской интеллигенции, ибо кулуарных разговоров на эту тему и в Москве я слышал предостаточно. Но были, конечно, в этих статьях и выдумки. Например, утверждалось, что моя статья в «Литературке» несколько месяцев обсуждалась в Политбюро и вызвала там острые споры. Я уже писал, что официально статья обсуждалась дважды — на Секретариате ЦК и на Политбюро, но состоялись они уже после появления статьи в газете. В Канаде я оказался на какое-то время в центре внимания и сразу же по приезде на меня обрушился поток просьб об интервью, о встречах с журналистами. Мне пришлось отказываться с учетом специфики причин моего назначения. Меня предупредили, что работники спецслужб в посольстве получили указание сообщать обо всех моих шагах и действиях, особенно о контактах с прессой.

Мы с женой, Ниной Ивановной, очень волновались перед отъездом в Канаду. Как-то нас встретят, как это все будет? Впереди густой туман со всех точек зрения — и страна, и правительство, и посольство, и дом, в котором придется жить. На аэродроме нас встретили работники советского посольства и все послы «социалистического содружества» вместе с супругами. Поздравили с назначением, выразили желание сотрудничать, предлагали помощь. Но я мало что воспринимал. Смотрел на всех растерянными глазами. Никто меня дипломатическому ремеслу не учил. Я все делал на ощупь, на свой страх и риск. Может быть, это и хорошо. Может быть, именно это и создало мне репутацию своеобразного свойства. Как писала одна газета, «не дипломат, но необычный посол». Что это означало конкретно, я не знаю.

На другой же день после приезда я собрал аппарат посольства, чтобы представиться. Как меня встретили? Трудно

сказать определенно. Для них я тоже был «котом в мешке». Опальный работник ЦК. Что от него ждать? Что будет с посольством? Как вести себя? Но все прошло нормально. Привыкать было просто некогда. С первого же дня пошли телеграммы из Москвы, разные запросы, требующие ответов.

Начали готовиться к официальной встрече с генерал-губернатором Канады, чтобы вручить верительные грамоты. Но еще до этой официальной церемонии министр северных территорий Жан Кретьен, в последующем — премьер-министр, пригласил меня в свое министерство и сказал следующее: «Канадское правительство приняло решение сделать подарок советскому правительству. Мы знаем, что в Москве возникла идея о заселении северных территорий, в частности Таймыра, овцебыками. Мы дарим вам сбалансированное стадо из четырнадцати овцебыков и готовы доставить их на аэродром в Виннипеге». Предупредили, что транспортировать их надо только самолетами. Животные не переносят морской качки, могут потерять все свои свойства или даже погибнуть. Удивительные создания. Шерсть настолько теплая, что все, кто живет на Севере, спасаются от холода именно в свитерах из шерсти овцебыков.

Но вот здесь и началась «бычья эпопея». Я посылал в Москву телеграмму за телеграммой, но, видимо, в центре все это уперлось опять же в корыстные интересы. Как я потом узнал, были отпущены деньги на закупку овцебыков из Аляски. А закупки, как я уже отмечал раньше, были, как правило, связаны с коррупцией. Бесплатно же никому не имело смысла брать этих достаточно дорогих животных, личной выгоды не просматривалось.

Канадцы не один раз спрашивали: «Когда же возьмете подарок?» К стыду нашему, все это затянулось до самого моего приезда в Москву в отпуск. Дипломатическое ведомство не желало заниматься какими-то овцебыками. Решил позвонить члену Политбюро, министру сельского хозяйства Полянскому. Он отреагировал по-деловому. На другой же день разыскал меня по телефону, сообщил, что договорился о посылке транспортного самолета в Виннипег и попросил помочь получить разрешение на посадку нашего самолета в этом городе. Я позвонил в канадское посольство. Вопрос был решен сразу же. Овцебыки полетели на Таймыр. Мне рассказывали, что они там прижились. Дали потомство, хорошо развиваются, чему я очень рад. Каждый год собираюсь слетать на Таймыр, посмотреть, что получилось из этого заповедника овцебыков, но никак не соберусь. Все дела да случаи.

И потекла жизнь в Канаде по рутинной колее — встречи, визиты, телеграммы и т. д. В феврале 1974 года я получил указание из Москвы встретить Леонида Брежнева в аэропорту Гандер (Ньюфаундленд). Он летел на Кубу. Конечно, я волновался. Мне ведь так никто внятно и не сказал, за что же я был изгнан из страны.

Сам прилет начался с неприятного эпизода. Я был свидетелем острой ссоры между руководителями «Аэрофлота» и крупным чиновником из КГБ. Аэрофлотовец обвинял представителей КГБ в том, что они заставили посадить самолет на нерасчищенную полосу (был тяжелый снегопад с пургой). Могла случиться катастрофа. Они долго ругались, так и не выяснив, по чьей вине это произошло, кто конкретно дал указание о посадке. Ко мне подошел министр иностранных дел Канады Джемисон и сказал, что катастрофа казалась неизбежной, что наземные канадские службы были в панике. Я до сих пор не знаю, было это обычным разгильдяйством или преднамеренной акцией.

Мне было любопытно, как Брежнев встретит меня. Прямо у трапа он обнял, расцеловал, потом взял под руку и спросил:

— Ну что будем делать?

— Вот еврейская делегация встречает вас, хотят поговорить.

— Ни в коем случае, — вмешался представитель КГБ.

— А как посол считает? — спросил Леонид Ильич.

— Считаю, что надо подойти к ним.

— Тогда пошли! — И Брежнев энергично зашагал к группе демонстрантов. Состоялась достаточно миролюбивая беседа. Брежнев был очень доволен. «Надо уметь разговаривать с людьми», — ворчал он, ни к кому не обращаясь. Поручил мне взять у демонстрантов письменные просьбы и направить их в ЦК на его имя.

Когда через два часа двадцать минут я провожал Брежнева к самолету, он вдруг спросил меня:

— А что с тобой случилось?

— Ума не приложу, Леонид Ильич.

— А...а... а... Товарищи! — сказал Брежнев и как бы с досадой махнул рукой. Брежнев играл и лицемерил. Я проработал в Канаде десять лет, день в день. Говорят, что однажды он вспомнил обо мне, ему понравилась моя телеграмма с подробным рассказом об организации и принципах ведения в Канаде сельского хозяйства. Эту телеграмму ему прочитали в его резиденции Завидово дважды.

Кстати, по сельскому хозяйству за все 10 лет я получил всего один запрос из Центра, хотя чиновничьи делегации по

этой проблеме приезжали почти каждый месяц. Что-то изучали, но в основном бегали по магазинам. Так вот поручение посольству было следующего содержания — выяснить научно обоснованные нормы кормления сельхозживотных. Я пошел к министру сельского хозяйства Велану. Он долго не мог понять, о чем идет речь, спросил меня, а что такое «научно обоснованные нормы»? Потом позвонил на какую-то селекционную станцию и долго разговаривал с ее руководителем. Мнение специалистов: «Мы не научно кормим, а досыта. А вот о составе кормов мы можем дать подробнейшую информацию».

Должен сказать, что, когда я вспоминаю канадские годы, у меня возникают к самому себе серьезные претензии. Я добросовестно занимался разной ерундой, напрасно тратил массу энергии и времени на сочинение всяких бумаг, просьб, записок — и все впустую. В Москве мало кто серьезно относился к Канаде. Все было сосредоточено на США. Да и от меня больше всего требовали информации об американском аспекте канадской жизни. Я слишком поздно понял, что многие мои телеграммы до верха не доходили, а оставались на уровне чиновничьего аппарата. И просьбы, и письма. А если что-то удавалось сделать, то только во время отпусков. И то пользуясь старыми связями.

В первые месяцы всяких переживаний меня особенно поддерживало то, что большинство товарищей, которых я считал друзьями, оказались действительно друзьями. Во время моих отпусков они не боялись встречаться со мной, в том числе и работники ЦК, хотя понимали, что для них могут быть и какие-то осложнения. Тем более что кагэбизация страны шла заметными темпами.

Мне хочется назвать эти имена: Георгий Арбатов, Григорий Бакланов, Наиль Биккенин, Валентин Зорин, Игорь Черноуцан, Константин Зародов, Альберт Беляев, Николай Шишлин, Сергей Лапин, Борис Панкин, Марк Михайлов, Леонид Замятин, Борис Стукалин, Николай Иноземцев и многие, многие другие. Работники издательств предлагали книги для посольской библиотеки. Для посольства стало событием, когда Леонид Максаков, заместитель председателя телерадиокомитета, привез мне в Канаду сериал «Семнадцать мгновений весны». Вечерами колонисты крутили эти фильмы чуть не каждую неделю. Многие из моих друзей по пути из США заезжали в Канаду на два-три дня и рассказывали, что творится дома. У меня побывали Николай Иноземцев, Расул Гамзатов, Олег Табаков, Юрий Арбатов, Анатолий Тарасов, Николай Озеров, Евгений Евтушенко, Борис Панкин, Зоя Богуславская, Михаил Таль и многие другие друзья. Я был в курсе московских настроений, надежд и тревог.

Не могу сказать, что я оказался отверженным человеком и в высшем эшелоне власти. Кроме Громыко, который принимал меня регулярно, бывал я у Андропова, когда надо было согласовывать кадры разведки. Регулярно встречался с Пономаревым — секретарем ЦК по международным делам. Был однажды у Суслова, рассказал ему, что у нас в посольстве советник-посланник ходит по городу пешком, а третий секретарь ездит на иномарке. А потом ищем, кто же это расшифровывает наших разведчиков? Он посоветовал обратиться к Андропову. «Хотя он и сам знает об этом», — буркнул Суслов с некоторым раздражением. Я тогда еще не знал, что у него неважные отношения с Андроповым.

Будучи у Кириленко, рассказал ему, как наши торговцы покупают у канадцев оборудование для производства снегоходов. Настолько устаревшее, что канадцы ищут его по всем складам. Новое стоило чуть подороже, но оно новое. Кириленко расшумелся, но так ничего и не сделал. Несколько раз заходил к Кулакову — просто так, поговорить. Рассказывал ему о фермерских хозяйствах в Канаде. В разговорах он признавал, что и в нашей стране нужны реформы. На этом, однако, все и заканчивалось.

Не могу не рассказать еще об одном из многих забавных случаев из практики советского хозяйствования. Однажды мне позвонил премьер-министр Трюдо и попросил принять своего друга, добавив, что у последнего есть «весьма любопытное соображение». Встретились. Собеседник — крупный бизнесмен — сказал, что готов защищать советские «спортивные символы». Честно говоря, я сначала не понял, что это такое. Он разъяснил, что, например, по американскому и канадскому телевидению очень часто показывают «маску Третьяка», а также эпизод, когда Якушев обводит трех канадских защитников и т. д. (Это был пик советско-канадских хоккейных восторгов.) «Все это, — продолжал собеседник, — стоит денег». По его подсчетам советская сторона могла «заработать из воздуха» десятки миллионов долларов.

— Мне прибыль не нужна, но организация службы просмотра телепрограмм потребует расходов, примерно десять процентов от заработанного. Отчетность будет гарантирована.

Послал телеграмму в Москву. Ответа не последовало. Во время отпуска поинтересовался, в чем дело? Показали ответ чиновников из Минфина, смысл которого поражал своей тупостью. Они сообщали о своем несогласии с предложением,

указывая, что плата в десять процентов от заработанного — слишком большая сумма. А то, что девяносто процентов останутся у нас, в расчет не принималось! Юмор идиотов.

Уж коль скоро я упомянул хоккейные встречи, стоит, пожалуй, рассказать о них подробнее. Еще будучи в Москве, я занимался проблемой советско-канадских хоккейных встреч. Вокруг них развернулась нешуточная борьба. Особенно активно за эти встречи выступали Николай Озеров, Всеволод Бобров, Анатолий Тарасов, Виктор Тихонов, Спорткомитет и отдел пропаганды в ЦК. Открытых противников вроде бы и не было. Но высшее руководство терзали сомнения: а вдруг проиграем. И требовало гарантированных побед. Аргумент, что спорт есть спорт, не действовал. Это политика, отвечали нам. И все же после долгих проволочек на Политбюро приняли положительное решение об этих встречах.

Однажды мы пошли на хоккей вместе с Трюдо. Понятно, что болели за разные команды, но когда игра закончилась вничью — 3:3, Трюдо сказал, что советские хоккеисты не только прекрасные игроки, но и прекрасные дипломаты. Эти хоккейные встречи транслировались по советскому телевидению. Однажды Николай Озеров, как бы извиняясь, сказал мне, что из Москвы посоветовали не показывать по телевидению посла Советского Союза. Пришлось мне проглотить и эту пилюлю.

В 1976 году в Монреале состоялись Олимпийские игры. Наша команда выступила весьма успешно. На меня, однако, особое впечатление произвело то, что на Игры приехало огромное количество разного начальства. Каждый вечер пьяные посиделки до умопомрачения. От безделья придумывали всякие протесты и требовали от посольства и консульства озвучивать их официально. Чиновников интересовали не Игры, а демонстрация карьерной активности. Например, на одной из трибун часто сидели канадские украинцы и время от времени развертывали жовто-блакитный флаг. Как ни пытался я успокоить нашу чиновничью братию, ничего не помогало. Требовали официальных протестов.

Попытки командовать посольством продолжались до тех пор, пока не приехал в Канаду Марат Грамов — заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК, мой бывший подчиненный. Он собрал все начальство и сообщил им, что на Секретариате ЦК, обсуждавшем вопросы Олимпийских игр, кто-то предложил направить из ЦК политическую фигуру для координации действий всех служб. Михаил Суслов сказал, что в Канаде есть посол, пусть он и координирует политическую и информационную деятельность.

А вопрос этот возник на Секретариате ЦК из-за панических телеграмм, направляемых в Москву работниками КГБ. Их было очень много. Командовали два генерала. В телеграммах говорилось, что вокруг Игр развернута антисоветская пропаганда, что правительство Канады ничего не делает, чтобы прекратить «антисоветскую вакханалию», а советское посольство проявляет благодушие. Были даже предложения уйти с Олимпийских игр, когда один из членов команды, прыгун с вышки Немцанов, покинул олимпийскую деревню и пропал. Как потом оказалось, его увела американская девица из богатой семьи, которая влюбилась в него и следовала за Немцановым по всем странам, где он выступал. Истерика началась неимоверная. Нажим на посольство колоссальный. Мне все-таки пришлось идти к Трюдо и объяснять ему ситуацию. Сказал премьер-министру, что, к сожалению, в Москве может начаться антиканадская кампания, поскольку будут искать «козла отпущения», брать на себя вину никто не собирается. Трюдо ответил, что понимает обстановку, сделает все для того, чтобы спортсмен вернулся домой.

— Но у меня есть несколько просьб, — продолжал премьер. — Во-первых, ваши генералы и их помощники должны прекратить шнырять по Канаде в поисках Немцанова и покинуть Канаду, поскольку Игры закончились. Во-вторых, прекратите официальное давление на канадское правительство, иначе мне трудно будет выполнить свое обещание. В-третьих, после возвращения Немцанова на родину должна появиться в советской печати информация, что Немцанов принял участие в каком-нибудь соревновании. Канадская общественность должна узнать, что Немцанова не посадили в тюрьму. Сообщил об этом разговоре в Москву. Условия были приняты. Через две недели Немцанов явился в наше консульство и отправился домой.

Постепенно мы с женой стали привыкать к Канаде. Жена моя, Нина Ивановна, была моей главной опорой и помощницей. В таких замкнутых колониях, как посольства, где живут и семьи сотрудников, очень непросто сохранить нормальную человеческую обстановку. Слава богу, нам удалось создать почти семейную атмосферу. Нина много делала для того, чтобы в коллективе не было замкнутости, а жены дипломатов не ссорились между собой. Они нередко приходили к Нине со своими исповедями. В резиденции посла часто проводились детские праздники, чаепития с женской частью колонии — все это устраивала Нина. У нее были прекрасные отношения и с женами канадской элиты, с послами многих государств. Организовали мы и художественную самодеятельность, со-

здали свой оркестр. После одного выступления в посольстве, на котором присутствовали канадцы, нас даже хотели пригласить с концертом в парламент, но как-то не получилось. Наверное, «испугались шпионов». С бывшими работниками посольства мы с женой до сих пор остаемся в добрых отношениях.

Народ в Канаде добрый, отзывчивый. К нам относились хорошо, с большим интересом. Мы с Ниной тоже стремились понять особенности иного образа жизни.

Национальный день Канады. Теплый летний день. На площади перед парламентом торжественный митинг. Присутствуют высшее начальство, делегации из провинций. Приглашен дипломатический корпус. Все в смокингах. Премьер-министр держит речь. Вдруг на каменный парапет поднимается миловидная девушка и сбрасывает с себя одежду, остается в чем мать родила. После минутного замешательства раздались аплодисменты. Премьер-министр прервал свою речь и тоже зааплодировал.

Полиция в растерянности. Побежали в помещение охраны, видимо выяснять, что можно делать в этом случае по закону. А девушка стояла, улыбалась и демонстрировала свою прелестную фигуру. Наконец, один из полицейских вернулся с плащом, накинул его на девушку, взял ее на руки и понес в здание. Другой полицейский подобрал ее одежду. Люди громко смеялись. Пьер Трюдо отказался продолжать свою речь. А девушка получила работу, ее фотографии обошли все газеты и журналы, а само событие показывали несколько раз по телевидению. Она получила сотни предложений о замужестве. Потом все говорили, что праздник удался.

Нельзя сказать, что канадцы любят, как мы, русские, широкие застолья, бурные компании, нет. Хотя в Канаде очень много схожего с нами. Она многонациональна. Около миллиона украинцев, приехавших сюда в разные годы. Еще больше немцев. У французов своя провинция — Квебек. Поэтому когда я говорю о некоторой сдержанности канадцев, то имею в виду, конечно, англосаксов. Когда вы попадаете в славянскую часть, а это в основном фермеры в Манитобе или Саскачеване, то там ситуация иная. Ко мне иногда обращались с жалобами и просьбами канадские граждане — украинцы, депутаты местных парламентов и принадлежавшие к так называемой националистической организации. По правилам того времени я не должен был с ними встречаться, они считались нашими политическими противниками. Я говорил им:

— Постойте, что же вы ко мне обращаетесь, у вас есть свое правительство, да вы и сами законодатели?

— А к кому же нам обращаться, вы же посол России. Они называли, как это было принято на Западе, Советский Союз Россией.

Когда я поближе познакомился с этими «националистами», то оказалось, что их так называемая «антисоветская деятельность» чаще всего выдумывалась нашими спецслужбами. Конгресс украинских канадцев многое делал для сохранения украинской культуры на канадской земле. Фестивали культуры были очень интересными. Никакого там национализма и рядом не лежало. Просто люди, тоскуя по Родине, отводили душу, водили хороводы, песни пели, читали стихи Шевченко, ставили спектакли на украинском языке. Приходило очень много зрителей, которые сидели, смотрели и слушали, плакали, а не лозунги горланили.

Мне все время хотелось убедить украинских руководителей пригласить в Украину молодежную делегацию из «националистов». Ни в какую. Помог международный отдел ЦК. Делегация уехала, а я волновался, не очень ясно представляя себе, чем это все закончится. Наконец получаю телеграмму, в которой говорилось, что делегация была плохо подготовлена. И ни одного факта. Меня это заело. Потребовал разъяснений фактического характера. Киев долго молчал, месяца три. В ответе было сказано, что у одного канадца обнаружили Библию. Вот и все. Стыдно и горько.

Вскоре получил телеграмму из ЦК Украины с приглашением на отдых во время очередного отпуска. Поехал. Там состоялась продолжительная беседа с первым секретарем ЦК Украины Щербицким. Мне показалось, что он начал значительно лучше понимать ситуацию с канадскими украинцами, понимать, что агрессивная идеологизация в работе с эмиграцией является ошибкой. В общем, мы нашли общий язык, и с тех пор немножко стало полегче — ни диких указаний, ни невежественных упреков.

Когда сегодня задаю себе вопрос, как же получилось, что украинский и русский народы стали жить отдельно, тут же вспоминается вот то самое отношение к миллионам зарубежных украинцев, которое культивировалось в моей стране. Вся система партийно-кагэбистского устройства была направлена на то, чтобы не объединять людей, не делать их друзьями, людьми, которые заботятся о своей родне в Украине, а плодить врагов, отталкивая их правдами и неправдами от общей Родины.

Меня в Канаде больше всего раздражал шпионский синдром. Сразу же после Второй мировой войны убежал из посольства военный шифровальщик Гузенко. Приговоренный у нас к расстрелу, он до самой своей смерти скрывался где-то под крышей канадской контрразведки. Судя по всему, он нанес большой ущерб государству, передав американцам и канадцам более 200 шифротелеграмм из Москвы по военной линии. С тех пор в Канаде сложилась практика высылать за шпионаж из посольства или из других советских организаций хотя бы одного человека в год. А то и больше. Каждый раз все это сопровождалось упреками Москвы в адрес посольства в том, что оно чего-то не доработало, что «не имеет необходимого влияния» и т. д. Иными словами, КГБ, как всегда, виновников собственных провалов искал на стороне.

Всегда ли выгоняли по делу? Не могу этого подтвердить. Были случаи, когда высылали безосновательно, просто так — для обострения обстановки. После каждой высылки недели три-четыре пресса танцевала вокруг советского шпионажа. Все это подхватывали и американские средства массовой информации. Однажды появилась даже телевизионная передача на тему: «В советском посольстве — все работники спецслужб, кроме посла». Стандартный ритуал «холодной войны».

Особенно неприятным событием была высылка в 1979 году сразу тринадцати человек. Москва полезла на стенку. Я попросил Трюдо о встрече. Было воскресенье. Принял он меня дома. Готовился к какому-то приему, переодевался. Трюдо, отвечая на мои взволнованные восклицания, уныло произнес:

— Господин посол, возможно, меня обманывают, а возможно, и вас. Посмотрите нашу видеопленку на этот счет.

Это было беспрецедентное предложение. Потом мне рассказывали, что в Москве оно вызвало переполох.

Далее Трюдо, улыбаясь, добавил:

— Назовите мне имена, кого, по Вашему мнению, мы напрасно высылаем, я немедленно верну их обратно.

— Могу перечислить тринадцать имен.

Трюдо засмеялся. Я тоже.

Центр (читай, КГБ) запретил мне просматривать пленку. Не хотели, чтобы посол узнал действительные причины и подробности провала и сообщил об этом в Москву. Я направил предложения, как реконструировать аппарат посольства, чтобы впредь не ставить развивающиеся советско-канадские отношения под нелепые удары. Резидент КГБ сказал мне, что я зря послал эту телеграмму. Он, видимо, получил какие-то

вопросы на этот счет. А через неделю мне принесли сверхсекретную телеграмму от имени Андропова с обвинением, что я, цитирую, *«недооцениваю задачи советской разведки на Североамериканском континенте»*.

Возможно, Андропов и Крючков были раздражены тем, что я послал пространную телеграмму, да еще по верху о том, что мне рассказал по поручению премьера Айван Хэд, помощник Трюдо. А подробности были достаточно пикантные, ставящие Крючкова и его службу в глупое положение. Хэд рассказал о том, что столик, за которым шел разговор между нашим и канадским контрразведчиками, прослушивался, что канадец, которого наши вербовали, действовал по поручению канадских спецслужб, что одна симпатичная женщина из нашего посольства пыталась «сблизиться» с канадским министром. Он сообщил также о системе сигналов советских разведчиков и многое другое. Потом я узнал, что резидентура в посольстве была против этой злополучной операции, но Крючков настоял на ней, однако никакого наказания за провал и сломанную по дурости судьбу многих людей не понес.

После телеграммы Андропова все встало, казалось бы, на свои места. Должна была сработать традиция. Если крупный провал в разведке, все равно виноват посол. Я засобирался домой. Жене сказал, чтобы готовилась. Но телеграммы об отзыве так и не поступило. Секретарь ЦК Борис Пономарев, пролетая позднее на Кубу через Канаду, рассказал мне, что на заседании Политбюро Андропов, докладывая об этом случае, заявил, что посла надо заменить, поскольку его связи с канадским правительством недостаточно эффективны. Но тут бросил реплику Суслов:

— Яковлева послом в Канаду не КГБ направлял.

Этого было достаточно. Суслов тщательно опекал партийную номенклатуру и ревниво относился к вмешательству в ее дела. Андропов, по словам Пономарева, не мог скрыть своей растерянности. Брежнев промолчал. Я проработал в Канаде еще пять лет. Во время очередного отпуска зашел к Крючкову, чтобы согласовать кадровые замены по его ведомству. Он встретил меня сухо, угрюмо буркнул: «Вы потеряли чувство локтя». А Олегу Калугину, — тот был начальником управления внешней контрразведки, — позвонил и сказал: «Осторожнее с ним, он плохо относится к КГБ». Насчет «чувства локтя» Крючков явно перебрал, у меня просто не было лишнего локтя. Больше к Крючкову я не заходил.

Хочу еще рассказать о визите Громыко. Канадское правительство настаивало на этом визите. Рассуждало в том плане,

что министр иностранных дел без конца бывает у соседей, то есть в США, а для поездки в Канаду никак не может найти времени. В конце концов, удалось договориться с Андреем Андреевичем, что он прилетит в Канаду по пути из США и остановится хотя бы на пару дней.

О Громыко бытует мнение, что человек он угрюмый, сухой. Ничего подобного. Я говорю в данном случае о своих наблюдениях. На двух обедах, которые были устроены в его честь, выступал без бумажки и на английском языке. Шутил. Кстати, он каждый год приглашал меня в Нью-Йорк на начало сессии Генеральной ассамблеи ООН — хотя бы на два-три дня. И каждый раз он приглашал меня с женой на домашний обед. Андрей Андреевич избегал обсуждать служебные дела. В основном говорил о книгах по русской истории — как мемуарных, монографических, так и художественных. Живо интересовался новыми веяниями в зарубежной общественной науке. Я видел, что он был доволен этими беседами, расслаблялся, отводил душу.

Однажды получил телеграмму, что на коллегии МИД назначен мой отчет. Обрадовался. Почему бы лишний раз не съездить в Москву? Подготовился. После доклада началось нечто для меня непонятное. Выступавшие повели себя в агрессивной манере. Потом мне сказали, что иногда определенная группа людей договаривалась топить или не топить того или иного посла во время отчета. В данном случае прошла команда — топить. Почему? Да потому, что я, как человек не из МИДа, занял чье-то место в «хорошей» стране, а посольство в Канаде относилось к категории «подарочных». Один выступил, второй, третий. И все в той же тональности, но без фактов. Просто так, в конъюнктурном стиле.

Берет слово Громыко. Начал он с того, что не согласился с оценками выступающих. По его, Громыко, наблюдениям посол работает активно, в посольстве нет склок, установились хорошие отношения с канадским правительством, особенно с премьер-министром, а это он, Громыко, оценивает высоко. Такое надо приветствовать, а не осуждать. А затем задал риторический вопрос: «Скажите мне, где еще есть у нас посол, к которому премьер-министр страны без предупреждения заезжает домой вместе с детьми и говорит: «Давайте посидим, поговорим?»

Это было действительно так. Встречи с Трюдо проходили не совсем обычно. Очень походили на встречи с Громыко в Нью-Йорке. Трюдо тоже любил поговорить со мной о литературе, истории и философии, особенно о философии. Читал Достоевского, Толстого. Я ему рассказывал о других писателях, особенно современных. Он интересовался, есть ли эти книги на английском языке. Во время одной из встреч я рассказал ему о писателях-деревенщиках, рассказал об их критике положения в сельском хозяйстве. Премьер слушал очень внимательно. Затем улыбнулся и сказал:

— Я вас понял.

Что же касается моих просьб чисто дипломатического характера, то их я излагал на листочке бумаги и передавал ему без всякой подписи. А он отдавал их своему помощнику как согласованные с ним, Трюдо, предложения. Такие листочки имели поистине магическую силу, они быстро шли на проработку и, как правило, находили позитивное решение.

Так вот, на коллегии после выступления Андрея Андреевича на трибуну никто не полез. Работать стало легче.

Первые пять лет в Канаде прошли с пользой. Но вторая половина была скучной и рутинной. Скрасить ее было нечем, кроме рыбалки, которая в Канаде превосходна. Такое впечатление, что помани рыбку пальчиком, и она выскочит на берег. Наслаждение, одним словом, неописуемое. На одиннадцатой миле от Оттавы мы ловили осетров, не говоря уже об угрях, сомах, щуках. Канадцы очень строго следят за экологией, а потому и рыбы много.

Последние пять лет были бездельными. Мне бы, дураку, собой заняться, писать или хотя бы дневник вести. Начал сочинять книжку о Канаде, да так и не закончил. К сожалению. Как-то скрашивали эти годы мои добрые отношения с премьер-министром Канады. Он оставил у меня впечатление деятеля мирового масштаба. Образованнейший человек. Тактичный, с тонким чувством юмора. Начал свою политическую деятельность в левом движении во французском Квебеке. Одно время ему даже не разрешали въезд в США. Потом примкнул к либеральной партии. Трюдо и его друзья вернули этой партии общенациональный авторитет. Он вел весьма сбалансированную политику. А делать это было нелегко. Он действительно заботился о суверенитете Канады. И в то же время прекрасно понимал, что ссориться с США ни к чему. Недаром в Канаде бытовала поговорка, которую иногда вспоминал и Трюдо: жить рядом с США все равно, что мышке и слону спать в одной кровати, никогда не знаешь, на который бок повернется слон. И тем не менее и во внутренней, и во внешней политике он часто занимал позиции, которые не могли нравиться в США. Скажем, по Кубе. Канада продолжала и продолжает поддерживать с этой страной хорошие отношения.

Неожиданно для многих партия Трюдо однажды проиграла выборы. К власти пришел Кларк, лидер прогрессивно-консервативной партии. Он быстро пошел на сближение с США, ужесточил отношения с Советским Союзом. Нашему посольству практически стало нечего делать. Но это продолжалось недолго — всего девять месяцев.

Кстати, в связи с этим у меня с Москвой произошла размолвка. Меня упрекали, что я не сумел предугадать поражения Трюдо, слишком уверовал в него. Я в ответ послал в Москву телеграмму, в которой высказал свое убеждение, что правительство прогрессивных консерваторов продержится не больше года. «Под этим предположением нет достаточных оснований», — заявил Громыко. Я открыто торжествовал, когда через девять месяцев мое предсказание сбылось. В нашем МИДе еще долго спрашивали меня, как я мог угадать подобный исход и пойти на риск, сообщив об этом в Москву.

Снова победила партия Трюдо. Он оказался перед тяжелой дилеммой. Надо было как-то уходить от суетливого курса предыдущего правительства. Но резкий откат означал бы конфликт с США, что он позволить себе не мог. Но и продолжать политику предшественника тоже не хотел. Это противоречило бы его личной философии, привело бы к падению международной репутации Канады. Театр марионеток — не в его вкусе.

Трюдо начал с пропагандистских поездок по стране. В своих речах говорил о защите канадских национальных интересов, против чего трудно было возражать. Наблюдатели в Канаде, в том числе и в нашем посольстве, отметили, что свое первое выступление после победы он посвятил внешней политике. Многие сочли это импровизацией, на самом деле речь была хорошо продуманной. Из нее стало понятно, что во внешней политике грядут изменения. Заметили, что Трюдо, перечисляя друзей Канады на международной арене, поставил США на последнее место. Перед ними он назвал ООН, британское содружество, франкоговорящий мир, НАТО. Он заявил также о верности политике разрядки напряженности и решимости сделать все возможное для улучшения отношений с Советским Союзом.

Известно, что свой первый международный визит президент Рейган совершил в Канаду. Встретили его недружелюбно. Например, в Торонто пестрели плакаты: «Американцы! Вы выбрали не ту обезьяну». Дело в том, что Рейган в молодости сыграл роль в одном небольшом фильме в паре с обезьянкой. Вот канадцы и вспомнили этот фильм. Были и другие плакаты вроде «Рейган — фашист». Американский президент был очень расстроен. Трюдо пришлось публично перед ним извиняться. Однако у меня сложилось впечатление, что у самого Трюдо этот эпизод не вызвал внутреннего протеста. В газетах появились статьи, смысл которых сводился к тому, что американская администрация путает союз с империей. Она руководит западным миром через пресс-конференции, телеинтервью. Не имеет привычки консультироваться с союзниками, серьезные решения принимает единолично. Надо заметить, что нечто похожее происходит и сегодня. Об этом мне говорили крупные политики и авторитетные наблюдатели в европейских странах.

Пьеру Трюдо приходилось нелегко. И несмотря на то что американцы в Канаде занимают доминирующие экономические позиции, что большое количество людей связано с южным соседом и бизнесом, и родственными отношениями, ему все-таки удавалось удерживать страну в рамках самостоятельных решений и национального достоинства. Считаю, что именно Трюдо добился того, что Канада перестала носить прозвище «марионетки». Даже в аппарате советского МИДа стали происходить определенные подвижки. Постепенно удалось вымыть поверхностное, я бы сказал, невежественное отношение к тем процессам, которые можно было наблюдать в Канаде.

До сих пор живет у меня в памяти поездка к духоборам. Гостили там с Ниной и внучкой Наташей. Раньше о духоборах я читал в канадских газетах разного рода статьи, особенно о той их части, которую называли «голышами». В знак протеста они даже в суде сидели раздевшись. Время от времени сжигали все свое имущество, полагая, что только бедные могут быть счастливыми. И каждый раз все начинали сначала.

Мы поехали к другим духоборам, которые живут на границе с США, в Британской Колумбии. Изумительные люди — трудолюбивые, открытые, обходительные. Жили мы в частном доме, ели вегетарианскую пищу, которая просто прекрасна, они это умеют делать, слушали их песни. А все началось с того, что однажды в посольство зашел Иван Иванович Веригин — вождь духоборов. Духоборы (борцы за духовность) — поразительное явление. Где-то далеко от России, на другой половине земного шара, на западе Канады, на приграничных с Соединенными Штатами землях, живет община русских людей, бережно хранящих язык и традиции своей Родины, которую они с болью покинули еще в конце позапрошлого века.

Их нравственные принципы заслуживают высокого уважения. На зло отвечать смирением, плохого человека убеждать добросердечием. Жить по законам веры и совести... Они вполне искренне верят, что только нравственные устои спасут человечество от морального распада. Гонимые ветром судьбы, преследуемые властью и ударами трагических потерь, эти упрямые люди, пусть порой наивные в своих заблуждениях, пронесли через все испытания непримиримость к обману, фарисейству и насилию, непреклонное неприятие милитаризма. Духоборы иносказательно назвали себя «Плакун-травой, плывущей напротив воды». Они продолжают проповедовать покорность, разумение, воздержание, братолюбие, сострадание, добрый совет в своих неукоснительных правилах жизни, принципы, которые помогают им преодолевать зло и самосовершенствоваться. Есть свои двенадцать заповедей: правда, чистота, труд, послушание, рассуждение, воздержание и другие. Семь грехов смертных: гордость, сребролюбие, блуд, гнев, чародейство, зависть, уныние. За многие годы скитаний и лишений духоборы выработали свои правила поведения. На мой взгляд, эти принципы вполне могут претендовать на кодекс общечеловеческих моральных ценностей. Перечислю некоторые из них.

Уважение достоинства человека в себе и в других; все существующее рассматривается с любовью и восторгом; все в мире — последовательное движение к совершенству; наивысшей формой этого движения является человек, поэтому надо избегать того, что вредит и затемняет человека, например употребление табака, алкоголя, мяса животных и т. п.; не допускать в свое сердце чувства ненависти, мщения, зависти, содержать свои мысли в чистоте; нанесение ущерба или разрушение живого заслуживает порицания; отношение к животному миру, природе должно быть любовным, не опустошительным, а созидательным; все организации, в основу которых положено насилие, противозаконны; главной основой человеческого бытия является энергия мысли — разум; общинная жизнь, основанная на силе нравственности; древо познается по плодам, человек — по разуму, а друг — по приветствию; человек никогда не должен терять спокойствия духа и чувства собственного достоинства, должен быть сдержанным и в радости, и в горе.

Старинная и современная русская песня служит той духовной ниточкой, которая каждодневно напоминает людям на чужбине об их нелегком и долгом пути на другой край планеты, о земле их предков, о том вечном, что называется родной землей, Родиной. Такова судьба горстки русских людей, угнанных жизнью за тридевять земель. Эту судьбу не назовешь ни горькой, ни сладкой, ни героической, ни трагической. Они выбрали ее осознанно, по убеждению. Их мотала по земле злая воля других, тех, с кем они вступили в несогласие, то есть с иерархами церкви и правительством. Невероятно стойкие к ударам судьбы, непреклонные в своей вере, они пронесли через столетия свою надежду на справедливость.

Живет в моей памяти и приезд Горбачева в Канаду. И во время встреч в Москве в связи с подготовкой к этому визиту, и во время поездки он показал себя с самой лучшей стороны. Открыт, прост, любознателен, мастер дискуссии, убедителен в аргументах. Уже тогда я искренне хотел, чтобы он стал лидером государства, говорил об этом открыто.

Однажды Трюдо спросил меня:

— Почему вы настаиваете, чтобы Горбачева принимали на самом высоком уровне? Он ведь приглашен министром сельского хозяйства Юджином Веланом?

Я ответил:

— Горбачев — будущий лидер страны.

— Вы уверены?

— Уверен.

Трюдо долго смотрел на меня. Будучи умным и осторожным политиком, он не спешил поверить в это. Но мое мнение, видимо, подтолкнуло его к размышлениям. Так или иначе, после этого разговора многое изменилось. Качество и уровень встреч Горбачева были явно повышены. Вместо одной запланированной встречи с Трюдо состоялось три. Причем две — сугубо неформальные, с продолжительными разговорами, далеко выходящими за рамки официальных встреч. Оба политика были явно довольны друг другом. Когда Трюдо перестал быть премьер-министром, Горбачев организовал ему поездку по Сибири вместе с его детьми — Устином, Михаилом и Александром.

Совсем недавно ко мне в Москве зашел сын Трюдо Александр. Я помнил его мальчишкой, а теперь он взрослый журналист. Я как бы вернулся в то далекое время. Вспоминали разные эпизоды, оставшиеся в памяти. Прошлое вернулось через сына человека, с которым я проработал в хорошем настроении 10 лет. Волнующая встреча.

Я думаю, что именно с поездки в Канаду политическая элита на Западе стала присматриваться к Горбачеву как к будущему лидеру. Позднее бывший министр иностранных дел Великобритании Джеффри Хау рассказывал мне, что, когда английское правительство обсуждало вопрос о приглашении

возможного будущего советского лидера, информация из Советского Союза была противоречивой. Рассматривались кандидатуры Горбачева, Гришина, Романова. Решили посоветоваться с Трюдо. Последний высказался за Горбачева. Англичане прислушались к совету канадцев.

Знаковый характер приобрел наш разговор с Михаилом Сергеевичем на ферме министра сельского хозяйства Велана. Некоторые политики и обозреватели считают его началом Перестройки. Мы прибыли к хозяину вовремя, а министр опаздывал из-за непогоды. Мы с Горбачевым пошли в поле. Кругом никого, только его охрана на опушке леса. Сначала обычная беседа, но вдруг нас прорвало, начался разговор без оглядок.

Почему? Трудно сказать. Он говорил о наболевшем в Союзе, употребляя такие дефиниции, как отсталость страны, зашоренность в подходах к решению серьезных вопросов как в политике, так и в экономике, догматизм, необходимость кардинальных перемен. Я тоже как с цепи сорвался. Откровенно рассказал, насколько примитивной и стыдной выглядит политика СССР отсюда, с другой стороны планеты. Да и нервы мои были на пределе из-за десятилетнего пребывания за рубежом. Все последующие разговоры, когда мы колесили по стране, посещая фермеров, научные учреждения, встречаясь с простыми канадцами, священниками и нефтяниками, учителями и врачами, прошли на высоком уровне взаимного доверия. Мы тоже наговорились всласть. Во всех этих разговорах как бы складывались будущие контуры преобразований в СССР.

Я проработал в Канаде десять лет. Мне не раз приходилось огорчаться за многое, что творилось у нас во внешней политике. Ни тактики, ни стратегии — одна идеология противостояния. Я помню панические телеграммы из Москвы в связи с падением нашего спутника на канадскую территорию. Первые объяснения тоже начались с вранья. Крайне неловко было разъяснять причины ввода наших войск в Афганистан. Почти каждый год приходилось объясняться по поводу тех, кого изгоняли из СССР за инакомыслие, за «антисоветскую пропаганду». А распространение материалов из Москвы о Сахарове, Григоренко, Солженицыне, Щаранском, Барышникове, Ростроповиче и других инакомыслящих было невообразимым лицемерием, обнаженным демагогическим шутовством.

Будучи в Канаде, я внимательно наблюдал за сотворением очередного фарса в моей стране, к участию в котором меня приглашал еще помощник генсека Цуканов. Снова загрохотали дырявые барабаны в честь «величия Брежнева». Быстро нашлись и люди, готовые торговать огрызками собственной совести. Они всегда находятся. И сегодня, в годы Путина, многие высокие чиновники, выплывшие на поверхность власти, изо всех сил стараются вернуться к практике идолопоклонства. Практика подлая, но эффективная. Из Брежнева, умевшего только расписываться, сделали выдающегося писателя, ему дали Ленинскую премию в области литературы. Книги изучались в системе партийной учебы. Его мудрость возносилась до небес. В Казахстане создали ораторию по книжке, кажется, «Малая земля». В Малом театре Москвы шла пьеса по брежневской автобиографии. Пьесу сочинил Сафронов — редактор журнала «Огонек». Заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Тяжельников отыскал в довоенной заводской газетке заметку о молодом Брежневе и под громкие аплодисменты зачитал ее на съезде партии. Первый секретарь Краснодарского крайкома Медунов говорил о том, что народная любовь к Брежневу «неисчерпаема», что он «с гениальной ясностью раскрыл» и т. д. Лавина бреда катилась по стране. Как будто все посходили с ума.

Из ЦК нам, в посольство, тоже пришло указание проработать книгу Брежнева в системе партийной учебы. Было сказано, что семинары на эту тему должен проводить лично посол. Я не стал этого делать, за что и поплатился. В «аналитической» записке из МИДа расхваливались многие посольства, особенно в США, Англии, Франции, за блестящую организацию работы по изучению «эпохальных теоретических произведений Брежнева». Сообщалось о том, какое глубокое впечатление эта книга произвела на коллективы посольств, как она помогает в конкретной работе и теоретическом осмыслении современности. Короче говоря, несусветная околесица. А в конце было сказано: единственное посольство, где до сих пор не проведены занятия на эту тему, это посольство в Канаде. И добавка — там послом работает Яковлев. В общем, тявканье догоняло меня и в Канаде.

Итак, повторяю, десять лет моей жизни отдано Канаде. Это большой срок, а за рубежом он кажется еще длиннее. Но я имел одну бесценную привилегию в этом достаточно спокойном положении — время думать. И действительно, когда всяческая суета, нервотрепка, искусственные раздражители не являются каждодневными, думается хорошо. Да и начальство далеко, за океаном. Внимательно изучал канадскую жизнь — очень простую, прагматичную, пронизанную здравым смыслом. Постоянно терзался вопросом. Почему же мы не хотим сбросить с себя оковы догм? Ответ видел толь-

ко в одном: иррационализм как источник слабоумных властей превысил шкалу, когда само выживание оказывается под вопросом. Часы российской истории как бы остановились. Инструкции из Москвы о необходимости наступательной политики и пропаганды звучали просто смешно. Эти «указивки», как мы их называли, были пустыми по содержанию, глупыми, но весьма требовательными. Например, в мае 1977 года я получил строгие указания «в связи с шумихой на Западе по вопросам о правах человека». Москва требовала убедить общественность страны пребывания, что поднятая шумиха — всего лишь «фальшивая вывеска», скрывающая грубейшие нарушения прав человека на Западе. Разъяснять всерьез подобное было невозможно. Надо было стать не только лгунишкой, но и дураком. Мы обычно передавали эти указания в компартию Канады, а в Москву докладывали, что «развернута широкая пропагандистская...» и т. д.

Нищие учили богатых, как им жить еще лучше.

...Конечно, Реформация не дала ответов на многие вопросы, предельно остро вставшие перед страной. Возможно, не смогла, а возможно, и не успела. И все же Реформация ввела страну в человечество. Только этим она заслужила право войти в золотую книгу Истории.

Автор

Глава одиннадцатая

МАРТОВСКО-АПРЕЛЬСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Судьбоносные реформы, такие, как гласность, реальная свобода слова и творчества, альтернативные выборы на всех уровнях, прекращение политических репрессий, религиозные свободы, прекращение «холодной войны» и войны в Афганистане, изъятие из Конституции 6-й статьи о руководящей роли КПСС и многое другое, преподносились нами, реформаторами, как меры по укреплению существующего строя. На самом же деле они вели к постепенному формированию демократических устоев и к свободе личности. Процесс этот чрезвычайно сложен, противоречив, он далеко не завершен и сегодня.

Автор

События, связанные с Перестройкой, после прихода к власти Михаила Горбачева по своим объективным последствиям по праву относятся к демократическим революциям. Почему? Да потому, что страна пошла на слом тоталитарного режима. Революция не была одномоментной — и в этом ее уникальность. Двигалась медленно, неуверенно, с ошибками, в жесткой борьбе с прочно окопавшимися интересами правящей номенклатуры, которая и сегодня распевает свои любимые песни о «крепкой руке». Эту борьбу пришлось вести, постоянно присягая принципам социализма. Другого пути, на мой взгляд, не было.

Иными словами, Мартовско-апрельская демократическая революция была революцией по содержанию, но эволюцией по форме.

* * *

А сейчас я расскажу, как складывалась моя судьба по возвращении домой. Не люблю сладкой патетики, но когда ты снова дома, возникает чувство нового рождения. И воздух вроде бы тот же, и небо, и звезды, но все другое, совсем другое. Честно говоря, я не осуждаю эмигрантов, скорее, сочувствую им, стараюсь понять их, но каждый раз ловлю себя на мысли: моя судьба — Россия.

Надежды тоже устают. Но, случается, устают безмерно, переходят в равнодушие, которое, если смириться с ним, успешно сооружает своеобразный заслон из щемящей пустоты. Так было и со мной в последние годы работы в Канаде.

Изображаешь из себя деятельного, улыбающегося человека, на самом деле двигает тобой какая-то внутренняя заводная пружина, не зависящая от твоего истинного душевного состояния. Жизнь двигается как бы в автоматическом режиме. Исчезает здоровое любопытство к людям и событиям. Мне все чаще и чаще приходили в голову горькие мысли, что жизнь уже позади, а страна твоя все заметнее каменеет и стремительно отстает от мирового развития. И не увидеть мне рассвета.

Мы с женой привыкли к Канаде, смирились с судьбой. Дела шли нормально. Из Москвы получал похвальные оценки. И вот на десятом году жизни в Канаде случилось долгожданное. Михаил Горбачев вернул меня домой.

Итак, я в Москве. Началась моя новая жизнь, полная энтузиазма и тревог, разочарований и заблуждений, ошибок и восторгов — всего понемногу. Избран директором Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Институт престижный, с хорошими традициями. Дела пошли неплохо. Обстановка в институте творческая, открытая, разумеется, в той мере, в какой это было возможно в то время. Я не мог претендовать на тот уровень профессионализма, которым обладали мои предшественники. Они всю жизнь занимались наукой, а я — урывками. Понимая это обстоятельство, решил для себя один принципиальный вопрос — не мешать людям работать, дать им оптимальную возможность для самореализации. Во многом это удавалось.

Облегчало работу то, что за спиной института стоял Михаил Горбачев, в то время второе лицо в партии. Он часто звонил мне, иногда советовался, давал разные поручения, которые мы, в институте, охотно выполняли. Но и желающих подставить ножку по разным пустякам было тоже немало, особенно со стороны Московского горкома КПСС. Возможно, член Политбюро и первый секретарь горкома Виктор Гришин не забыл старую обиду — он еще до Канады приглашал меня на работу в качестве второго секретаря горкома, но я отказался. Такое не прощается, поскольку воспринимается «небожителями» как личное оскорбление.

Как-то прошел в институте очередной научный семинар. Обсуждался вопрос, является ли золото всеобщим эквивалентом в условиях появления нефтедоллара, массового использования золота в электронике и т.п? Кто-то донес в ЦК и в горком партии, что мы подвергаем сомнению учение Маркса. Нас начали таскать по разным кабинетам, грозились наказать за ревизионизм, но потом все затихло. Вообще в партийных аппаратах принципиально не хотели признавать

разницу между партийными собраниями и теоретическими семинарами — они постоянно боролись за некую мифическую «чистоту» вероучения.

Другой случай. Пригласил я в институт Геннадия Хазанова — артиста-сатирика. Зал был переполнен. Хазанов есть Хазанов. Люди смеялись до слез, аплодировали неистово. Все были довольны, Хазанов тоже. Попили с ним чайку и довольные разошлись. На другой день прибегает ко мне секретарь парткома института и говорит, что горком партии и Министерство культуры формируют комиссию по проверке фактов «антисоветских высказываний Хазанова, не получивших в институте принципиальной оценки».

Ничего себе! Кто-то, значит, стукнул, хотя, честно скажу, даже с позиций тех дней (а это был 1983 год) ничего в выступлении Хазанова предосудительного не содержалось. Но шизофреникам от идеологии показалось, что Хазанов делал паузы сомнительного характера, во время которых он хотел якобы сказать (судя по его выражению лица) нечто неподобающее, но... выразительно молчал. А в зале смеялись. Позвонил мне Геннадий и сообщил, что его артистическая деятельность под вопросом. Уже приглашали в Минкульт. Мне пришлось прибегнуть к помощи моего старого товарища Виктора Гаврилова, он был помощником министра культуры. Наскок был остановлен.

Еще пример. При моем предшественнике Николае Иноземцеве институт подвергся мощнейшей атаке со стороны горкома партии и спецслужб. Дело в том, что какая-то часть Политбюро (Тихонов, Гришин, Суслов и др.) вела атаку на рабочее окружение Брежнева, авторов его речей (Иноземцева, Арбатова, Бовина, Загладина, Шишлина, Александрова-Агентова, Цуканова и др.), обвиняя их в том, что они «сбивают с толку» Брежнева, протаскивают ревизионистские мысли, принижают роль марксизма-ленинизма, «ослабляя тем самым силу партийного воздействия на массы».

Дело дошло до того, что в московских вузах кагэбисты организовали «раскрытие» ими же организованных «антисоветских групп». В число «злокозненных» попал и ИМЭМО. Иноземцев был выбит из седла, смят. Эта гришинская операция, я убежден, ускорила смерть Николая Николаевича. В институте прошли аресты, некоторых ученых сняли с работы, исключили из партии и сделали «невыездными». Я слышал об этом, еще будучи в Канаде. Теперь, когда пришел в институт, узнал, что многим талантливым ученым не разрешаются поездки за границу. Институт начал терять свой международный авторитет, чего, собственно, и

добивались городские партийные власти и спецслужбы. После понятных колебаний решил позвонить в контрразведку КГБ. Там меня отослали к городским властям, поскольку, как сказали мне, «заварили кашу горожане, пусть и расхлебывают».

Я стал говорить об этой проблеме вслух на разных совещаниях. Одновременно попросил институтский партком начать восстановление в партии пострадавших, снятие выговоров. Все это очень не понравилось руководству горкома КПСС. Нажим на институт усиливался. Проверки, придирки, критика на совещаниях и т. д. — набор известен. Особое раздражение у городских партократов вызывало то, что я не ходил на всякого рода собрания-заседания, бесконечно собираемые горкомом партии, посылая туда кого-то из заместителей. Отказался посылать ученых института на уборку мусора на строительных площадках разных объектов в районе.

В то же время продолжал настаивать на «очищении» ученых института от ярлыка «невыездных». В конце концов контрразведка согласилась на своеобразный компромисс. Я, директор института, соглашаюсь на установление в институте должности «офицера по безопасности» в качестве моего административного помощника, а контрразведка знакомит меня с делами «о невыездных». В институт прислали полковника Кима Смирнова, доброжелательного человека, который многое сделал для того, чтобы избавить от разных наветов коллектив института. В итоге почти сотня докторов и кандидатов наук получили разрешения на поездки за рубеж. А запреты были часто по причинам, которые понять невозможно. Например, одному ученому закрыли зарубежные поездки только потому, что он не стал выступать на партсобрании, одобрившему ввод советских войск в Чехословакию. Человек сослался на недомогание, чему не поверили. Ах так? Шаг в сторону — сиди дома!

Пожалуй, стоит рассказать еще об одном случае из тех времен, когда по указанию Андропова на улицах, в магазинах, парикмахерских, даже в банях начали вылавливать тех, кто в момент отлова должен находиться на работе. Глупость несусветная, мера унизительная. Облавы не обошли даже научные институты. Ведь люмпен, пусть даже в генсековском обличии, уверен, что ученый тоже должен сидеть за канцелярским столом и подконтрольно заниматься научными открытиями.

Однажды прихожу в институт и вижу при входе каких-то неизвестных мне людей и наших растерянных старушек-вахтерш.

— Предъявите ваши документы, — сказал мне незнакомец.

Я малость ошалел и спрашиваю у вахтерши:

— Кто это такие?

— Говорят, комиссия из райкома.

— Какая комиссия? Кто разрешил им войти в институт?

— Ваш заместитель.

— Позовите его сюда.

Проверяющие сообразили, что обмишурились, попытались объяснить мне, что находятся здесь по решению райкома партии, что обязаны зафиксировать тех, кто опоздал или вообще не явился на работу. Подошел мой заместитель. Я спросил его, что это за люди и кто разрешил им проверку? Он начал что-то объяснять, а я попросил проверяющих покинуть институт и больше не приходить сюда без санкции прокурора. Весть об этом быстро разнеслась по научным учреждениям. Я даже получил поздравительные телефонные звонки. Проверяющие больше не приходили. Ожидал упрека свыше, но его не последовало.

В конце концов меня стали раздражать бесконечные придирки к институту. Хотел пойти к Горбачеву и рассказать обо всем, но побоялся, что все это будет расценено как дрязги. В этот момент меня пригласил на беседу Вадим Медведев — заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК. Перед Канадой он был моим заместителем по отделу пропаганды. Я рассказал ему о делах в институте, в том числе и о возне, связанной с фальсификацией дел на некоторых ученых института.

Выслушав меня, он сказал: «По-дружески не советовал бы связываться с Гришиным, никому это не нужно сейчас». Я воздержался от вопроса, от чьего имени — Горбачева или своего — он дал такой совет. Через какое-то время он предложил мне пост министра просвещения СССР, я отказался. Кстати, Горбачев поддержал меня. «Зачем тебе мелки считать да дрова возить. Ты уже был заведующим отделом школ и вузов в обкоме, знаешь, что это такое».

В целом мне работалось хорошо. Научный уровень коллектива был весьма высоким. Конечно, имелось немало бездельников, как и во всех советских учреждениях, но не они делали погоду. Я чувствовал поддержку в коллективе. Мне удалось ликвидировать «военный отдел». Да, был и такой отдел. Там, где он размещался, даже охрана была. Оказалось, Министерство обороны направляло туда пенсионеров, тех, которых было жалко оставлять без работы. После двух-трех бесед с руководителями этого отдела я понял, что занимаются они

делом бесполезным. Пришлось преодолевать упорное сопротивление Генштаба и работников ЦК, занимавшихся военными делами. Был образован отдел тихоокеанских исследований, чему я придавал особое значение с точки зрения перспектив мирового развития. Это решение оправдало себя.

Практически институт считался как бы научно-исследовательской базой ЦК, выполнял разные поручения, готовил десятки справок (например, работники международного отдела ЦК очень любили перекладывать собственную работу на институты). Институтские ученые часто привлекались к подготовке выступлений и докладов для высшего начальства, что считалось «большим доверием». А те, кому «доверяли», были людьми, как правило, с юмором. Когда начальство произносило «свой» текст, его авторы садились у телевизора и комментировали это театральное представление: «А вот этот кусок мой», «А вот эту чушь ты придумал», «А теперь меня читает». Смеялись. А на самом-то деле на глазах творился постыдный спектакль абсурда.

Случались и более серьезные вещи, чем составление разных речей. В начале 1984 года институт направил в ЦК записку о необходимости создания совместных предприятий с зарубежными фирмами. Предлагалось создать три типа предприятий: с западными странами, социалистическими и развивающимися. Наши предложения аргументировались назревшими задачами постепенного вхождения в мировое хозяйство. Меня пригласил к себе секретарь ЦК Николай Рыжков и, надо сказать, проявил интерес к этой проблеме, расспрашивал о деталях предложения, поддержал его общую направленность. К сожалению, эта идея в то время не получила развития.

Еще более примечательный случай произошел с документом, подготовленным по просьбе Госплана СССР. Тема — перспективы развития советской экономики. Была создана группа из ведущих ученых нескольких институтов. Координатором был наш институт. Работали долго, без конца обсуждали записку, понимая ее «шершавость» для восприятия властями. Наконец послали наши выводы в Госплан. Через несколько недель заместитель председателя Лев Воронин собрал специальное совещание по этому вопросу. Смущению его не было предела. Он уговаривал нас взять записку обратно, сказал, что не может послать подобного рода документ в ЦК, что записка льет воду на чужую мельницу и т. д.

Его возмутил вывод, что если советская экономика и дальше будет развиваться на тех же принципах, то где-то в последнее десятилетие XX века мы резко откатимся назад, примерно на 7-е место по ВНП, и окажемся в глубоком экономическом кризисе. Спорили долго. Записку назад мы не взяли. Куда она делась, не знаю. Видимо, затерялась в архивах Госплана. В институте ее нет, поскольку по правилам хранить документы под грифом «Сов. секретно» можно было только один год.

Особенно ладно шла работа с Горбачевым. Он постоянно звонил, иногда просто так — поговорить, чаще — по делу. Писали ему разные записки, включая познавательно-просветительские. По всему было видно, что он готовил себя к будущему, но тщательно это скрывал. Среди людей, которые первыми оказались в ближайшем окружении Горбачева, на разговоры об этом будущем было наложено табу.

В этих условиях Горбачев предпринял два сильных хода. Провел через Политбюро решения о созыве Всесоюзного совещания по идеологическим вопросам с его докладом и о своей поездке в Англию. То и другое состоялось в декабре 1984 года. Оба эти шага продемонстрировали партийному активу в стране, а через Тэтчер и всему миру, что в России есть лидер, который способен предложить нечто новое. Что конкретно, никто не знал, но смутные надежды приобретали шаг за шагом реальные очертания. Постепенно складывалась «горбачевская легенда».

Положение в правящей элите оставалось неопределенным. Управлял страной Черненко, неизлечимо больной человек. По моим наблюдениям, он и не стремился стать «первым лицом», публичная политика была не для него. Черненко жил в основном на даче. На «хозяйстве» был Горбачев, хотя действовать как хозяин не мог. Каждый его шаг фиксировался и часто в искаженном виде доводился до Черненко. К тому же у Михаила Сергеевича сложились плохие отношения с рабочим окружением Черненко, за исключением Лукьянова, который считался человеком Горбачева. Лукьянов был заместителем Боголюбова — заведующего общим отделом. Советники и помощники явно боялись прихода Горбачева к власти. Тугой узел интриг завязывался на моих глазах.

Уж коль речь зашла о Черненко, я расскажу о своих отношениях с ним. Когда Черненко стал генсеком, он начал приглашать меня на свои встречи с высокими зарубежными визитерами — как по государственной, так и по партийной линии. Заходить к нему время от времени советовал мне и Горбачев. Я рассказываю обо всем этом, чтобы подчеркнуть: Черненко, повторяю, как человек был незлобивым, компанейским, открытым. Как политик — полуграмотен, постоянно нуждался в опеке, ибо мало знал и еще меньше понимал.

Стандартный тип бумаготворца, случайно вытащенного наверх Брежневым как человека, даже на предательство не способного. О творчестве и говорить нечего.

Я помню тот день (еще до Канады), когда по отделу молниеносно разнесся слух, что «Костя» уходит к Брежневу заведовать канцелярией в Верховном Совете СССР, где Брежнев стал председателем. Так и началось его восхождение в высшую власть. Комично для страны, трагично для него.

Так вот, новая встреча со старым домом на Старой площади ошарашила меня. Прошло 10 лет, но жизнь как бы застыла. Кругом мертво. Ни писка, ни визга, ни птичьего пения, ни львиного рычания. Ни новых идей, ни новых людей. Стоячее болото, покрытое ряской. То же самое раздражало, как мне кажется, и Горбачева. Мы не скрывали друг от друга наши впечатления и мысли, открыто говорили все, что приходило на ум, даже самое сакраментальное.

Итак, совещание в декабре 1984 года, о котором я уже упомянул. Горбачев поручил отделу пропаганды ЦК подготовить проект доклада, заранее понимая, что из этого ничего путного не получится. Параллельно с той же целью он создал группу из четырех человек: Биккенин, Болдин, Медведев, Яковлев. Такова первая группа наиболее близких помощников Горбачева.

Михаил Сергеевич сказал нам, что хорошо понимает сложность своего положения. Доклад не должен быть обычной идеологической болтовней. Но надо избежать и прямого вызова Черненко. Нельзя не учитывать и замшелые настроения основной массы идеологических работников. Задача была почти непосильная. Горбачеву хотелось сказать что-то новенькое, но что и как, он и сам не знал. Мы тоже не знали. Будучи и сами еще слепыми, мы пытались выменять у глухих зеркало на балалайку.

Правда, надо заметить, что уже при подготовке предыдущих речей для Горбачева мы начали уходить от терминологической шелухи, надеясь преодолеть тупое наукообразие сталинского «вклада» в марксистскую теорию. Но делали это через «чистого» Ленина, выискивая у него соответствующие цитаты. И в этом докладе содержались попытки реанимировать некоторые путаные положения нэповских рассуждений Ленина и связанные с ними проблемы социалистического строительства, то есть мы старались осовременить некоторые ленинские высказывания в целях идеологического обоснования назревшей модернизации страны. Нашу работу облегчало то, что у Ленина можно найти противоположные высказывания по любому поводу.

Но все равно из этого ничего не получалось, да и не могло получиться. В том числе и потому, что политическая жизнь партии оказалась настолько задогматизированной, что даже некоторые фразы из Маркса и Ленина попадали под подозрение доморощенных фундаменталистов. Впрочем, марксистско-ленинская теория уже мало кого интересовала всерьез. Может быть, только верхушка аппарата, да небольшая группа людей в научных и учебных заведениях, зарабатывающая на марксизме-ленинизме хлеб для своих детишек, вынуждена была писать банальные статьи, соответственно готовиться к лекциям и семинарам. Мы же, хитроумничая и пытаясь отыскать черного кота в темной комнате, надеялись, что политические активисты поймут наши намеки, оценят их и задумаются. Мы оказались наивными, продолжая верить в эффективность эзопова языка.

Как я уже сказал, поначалу проект доклада был подготовлен в Агитпропе. Возглавлял его тогда Борис Стукалин. Мы были с ним в дружеских отношениях, вместе побывали в Чехословакии в 1968 году, на Всемирной выставке в Монреале. Предложенный отделом и завизированный секретарем ЦК Зимяниным текст доклада был стандартным, состоял из дежурных положений относительно гениальности марксистско-ленинского учения, мудрости политики партии, необходимости бескомпромиссной борьбы с ревизионистскими происками, посягающими на чистоту марксизма-ленинизма. На вопрос, что означает «чистота вечно развивающегося», никто ответить не мог.

Любопытный человек, Михаил Зимянин. Партизан. Комсомольский, а затем партийный секретарь в Белоруссии, посол во Вьетнаме, заместитель министра иностранных дел, главный редактор «Правды». Как раз в это время у меня сложились с ним достаточно открытые отношения. На Секретариатах ЦК он выступал довольно самостоятельно, не раз защищал печать, иногда спорил даже с Сусловым. Поддержал мою статью в «Литературке», позвонил мне и сказал о ней добрые слова. Я отправился в Канаду с этим образом Михаила Васильевича. В один из отпусков решил зайти к нему. В первые же минуты он соорудил изгородь. Я попытался что-то сказать, о чем-то спросить — стена из междометий. Я встал, попрощался, но тут он вдруг пошел провожать меня, вышел в коридор и, глядя на меня растерянными глазами, буркнул: «Ты извини, стены тоже имеют уши». Собеседник мой боялся, что я начну обсуждать что-нибудь политически непотребное, как бывало прежде.

Когда вернулся в Москву, он еще был секретарем ЦК. Однажды пригласил меня по делам института. Думаю, это было где-то в 1984 году. Во время разговора раздался звонок Андропова, Генерального секретаря. Зимянин сделал мне знак молчать. Все его ответы Андропову сводились к одному слову: «Есть». Я видел его перепуганное лицо. После разговора он облегченно вздохнул и сказал мне: «Ты никому не говори, что присутствовал при разговоре». Я ощутил дыхание момента истории, связанное с очередным политическим «завинчиванием гаек» под общим лозунгом «наведения порядка». Любимый лозунг деятелей спецслужб, когда они дорываются до власти. Определение удобное, в него можно вложить все — от уборки мусора до концлагеря.

Когда Стукалин приехал к нам на дачу в Серебряный бор с проектом доклада, я стал задавать всякого рода «неприличные» вопросы, пытаясь понять, что же в действительности стоит за набором всякого рода глупостей, от которых я уже отвык? В ответ Борис сказал мне:

— Ты, Александр Николаевич, долго жил за границей, естественно, пока еще не успел заметить, как далеко мы продвинулись вперед.

Говорил он доброжелательно, с улыбкой. Я думал, шутит. Впрочем, может быть, и шутил.

Политическую пошлость текста хорошо понимал и Михаил Сергеевич. Он долго кипел. Говорил, что пропагандисты хотят дурачком его представить. Текст текстом, но положение его было действительно двусмысленным, требующим осторожности. Все тогда понимали, что Черненко проживет недолго, что в самое ближайшее время предстоят серьезные изменения в руководстве страной. Придворные игры были в разгаре. Высшие чиновники суетились как тараканы на горячей сковороде. Каждый, и не только на самом верху, примерялся к своему воображаемому будущему, искал союзников и стремился утопить возможных соперников. Иными словами, многие готовились к бегу по карьерной лестнице, а потому тщательно проверяли прочность лестничных перил, которая как раз и состояла в демонстрации верности утвержденным свыше догматам.

Доклад подготовили. От агитпроповского варианта не осталось ни строчки. В то же время не могу сказать, что новый текст был полностью адекватен времени. Он и не мог быть таковым. Но там нашла свое место мысль о творческом подходе к решению общественно-экономических проблем и о том, что в центре этих процессов должен стоять человек, а не власть. Не ахти какие открытия, но они диссонировали по

духу с умонастроениями в номенклатуре, звучали как бы приглашением к дискуссии, которой аппаратчики опасались больше всего. Нам хотелось хоть немножко взбаламутить стоячее болото.

Еще в процессе подготовки доклада до нас, основных «писарей», из ЦК стали доходить разговоры о том, что задуманное совещание — затея ненужная, необходимости в нем нет, на местах к нему отношение прохладное, а если и надо его проводить, то только на уровне Генерального секретаря ЦК. Тут и была «зарыта собака». Слухи эти распускались окружением Черненко. Они подтвердились, когда, по заведенному порядку, проект доклада был разослан по Политбюро и Секретариату ЦК. Реакция была противоречивой, но в целом нейтрально-равнодушной. Члены Политбюро знали о настроениях Черненко, но ссориться с Горбачевым тоже не хотели. В окружении Черненко доклад вызвал явно отрицательную реакцию. По номенклатурным ушам пробежал слушок, что генеральному доклад не понравился — в нем слабо показана роль ЦК в идеологии, нечетко очерчены основные принципы марксизма-ленинизма.

Иными словами, была предпринята попытка, направленная на то, чтобы, воспользовавшись теоретической неграмотностью Черненко, настроить его против горбачевского «ревизионизма», вернуться к обычному идеологическому словоблудию, а точнее — к сталинистским формулам. Особый упор делался на то, что «слишком мало сказано» о достижениях в теории и практике партии, а вот задачи прозвучали «слишком масштабно», хотя последнее является прерогативой Генерального секретаря.

Так случилось, что я был в кабинете Горбачева, когда ему позвонил Черненко из-за города и начал делать замечания по докладу (шпаргалку для разговора о недостатках доклада ему подготовил Косолапов — тогдашний редактор журнала «Коммунист»). Михаил Сергеевич поначалу слушал внимательно, но заметно было, что потихоньку закипал. Затем взорвался и стал возражать Генсеку, причем в неожиданном для меня жестком тоне.

— Совещание откладывать нельзя, — говорил Горбачев. — В партии уже знают о нем. Отмена вызовет кривотолки, которые никому не нужны. Что же касается конкретных замечаний, то многие из них просто надуманы.

Разговор закончился, Горбачев был разъярен.

— Ох уж эти помощники, какой подлый народ, ведь сам-то Черненко ничего в этом не понимает. Говорит, что роль ЦК принижена, а на самом-то деле он себя имеет в виду.

— Слушай, — обратился он ко мне, — давай о нем что-нибудь напишем. Черт с ним! Конкретные замечания не принимаю. Пусть все остается как есть.

Так появилась пара хвалебных абзацев о Черненко в самом начале доклада. Но аппарат есть аппарат. Он коварен и мстителен. По средствам массовой информации пошло указание замолчать содержание доклада. То же самое и по партии. Горбачев переживал сложившуюся ситуацию очень остро. Возмущался, говорил о тупости партийных чиновников, рабской зависимости печати, что соответствовало действительности.

Еще одна деталь. Я не был приглашен на совещание, хотя все директора институтов Академии наук СССР там присутствовали. Понятно, что мне мелко мстили за мое активное участие в подготовке доклада. Конечно, меня это задело, но я решил промолчать и понаблюдать за дальнейшим ходом событий.

К вечеру позвонил Михаил Сергеевич и спросил:

— Ну как?

— Ничего не могу сказать. Я не был на совещании.

— Почему? Что случилось?

— Не пригласили. Пропуска не дали.

— Вот видишь, что делают! Стервецы!

На следующий день пропуск прислали. Поехал. С перепугу работники отдела пропаганды стали тащить меня в президиум, но я отказался. Речи выступающих отличались пустотой. Было заметно, что одни не поняли, что было сказано в докладе, другие делали вид, что не поняли, и мололи всякую чепуху из привычного набора банальностей. А по Москве был пущен слух, что доклад Горбачева слабый и не представляет научного и практического интереса. Вечером я позвонил Михаилу Сергеевичу и поделился своими впечатлениями. Он заметил, что «игра идет крупная».

Как я уже упомянул, в этом же месяце Горбачев поехал в Англию. Меня он включил в состав делегации. Этот визит был интересен во многих отношениях. Запад после его поездки в Канаду и оценок со стороны авторитетного Трюдо начал с особым вниманием приглядываться к Горбачеву, не без оснований считая, что с ним еще придется иметь дело в будущем. Горбачев оказался на политическом испытательном стенде, да еще под наблюдением такой проницательной политической тигрицы, как Маргарет Тэтчер. Это она потом поставила диагноз, заявив, что с этим человеком можно иметь дело.

Горбачев был принят на высшем уровне. Тэтчер вела себя предельно внимательно, но в переговорах, особенно по

проблемам разоружения, свои позиции отстаивала жестко. Я имел возможность наблюдать яркое представление, очень похожее на театральное по своим контрастным краскам и поведению актеров. В перерывах между официальными беседами Тэтчер — само очарование. Обаятельная, элегантная женщина, без всяких властвующих ноток в голосе, прекрасно ведущая светский разговор. Наблюдательна и остроумна. Но как только начинались разговоры по существу, Тэтчер преображалась. Суровость в голосе, искры в глазах, назидательные формулировки, подчеркивающие собственную правоту. Видимо, поэтому ее назвали «железной леди», хотя я ничего в ней железного не увидел. Потом встречался с ней неоднократно, в том числе и у нее дома.

Горбачев вел себя достаточно точно. Ни разу не впал в раздражение, вежливо улыбался, спокойно отстаивал свои позиции. Переговоры продолжали носить зондажный характер до тех пор, пока на одном из заседаний в узком составе (я присутствовал на нем) Михаил Сергеевич не вытащил из своей папки карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствующими о том, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании, показано, откуда могут быть эти удары, и все остальное. Тэтчер смотрела то на карту, то на Горбачева. По-моему, она не могла понять, разыгрывают ее или говорят всерьез. Пауза явно затягивалась.

— Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее.

— Да, — ответила несколько растерянная Тэтчер.

Из Лондона мы уехали раньше срока, поскольку нам сообщили, что умер Устинов — министр обороны.

Этими рассказами я хочу лишь напомнить о той реальной обстановке в высшем эшелоне аппарата партии, которая складывалась перед Перестройкой, перед Мартовско-апрельской демократической революцией, зерна которой уже начали прорастать. Совещание по идеологии и визит в Англию оказались, как я считаю, своеобразной прелюдией, пусть и робкой, к тем переменам, которых напряженно ждала страна.

А пока что жизнь шла своим чередом. С горечью хочу упомянуть о своем серьезном промахе в оценке людей. После моего возвращения из Канады резко изменил отношение ко мне Крючков. Он как бы забыл о времени, когда вместе с Андроповым после провала их операции в Оттаве начали вести против меня стрельбу «на поражение». Крючков напористо полез ко мне в друзья, а мне было интересно поглубже понять, что это за контора такая, которая на пару с ЦК дер-

жала страну за горло. По правде говоря, внешняя разведка меня мало интересовала, а вот, скажем, идеологическое управление КГБ — другое дело. Мне хотелось поглубже понять механизм подавления интеллигенции, средств массовой информации, религии.

А Крючков тем временем, уловив мой интерес, много и в негативном плане рассказывал мне об идеологическом управлении контрразведки. Он стал буквально подлизываться ко мне, постоянно звонил, зазывал в сауну, всячески изображал из себя реформатора. Однажды, когда я упомянул, что было бы хорошо на примере одной области, скажем Ярославской, где крестьян надо искать днем с огнем, проэкспериментировать возможности фермерства, он отвечал, что это надо делать по всей стране и нечего осторожничать. Когда я говорил о необходимости постепенного введения альтернативных выборов, начиная с партии, он высказывался за повсеместное введение таких выборов. Всячески ругал Виктора Чебрикова, председателя КГБ, за консерватизм, утверждал, что он человек профессионально слабый, а Филиппа Бобкова поносил последними словами и представлял человеком — душителем инакомыслящих, восстанавливающим интеллигенцию против партии. Просил предупредить об этом Горбачева, хотя тот еще и не был Генсеком. Он писал мне в то время:

«Находясь на ответственных постах, Вы содействуете успешному проведению внешней политики нашего государства. Своими высокими человеческими качествами — принципиальностью, чуткостью и отзывчивостью, Вы заслужили уважение всех, кто знает Вас. Вас всегда отличали творческая энергия, инициатива и большое трудолюбие».

В последующих письмах соплей было еще больше.

А пока что начинался процесс Мартовско-апрельской демократической революции. Процесс сложный, запутанный, со многими неизвестными и очевидными неопределенностями, страхами и надеждами, что, в конечном счете, и определило извилистую дорогу России к свободе.

Глава двенадцатая

ОМОВЕНИЕ СВОБОДОЙ

Я знаю, что острый интерес, как и неприятие, вызывает моя причастность к развитию гласности, свободы слова и творчества. Было бы самоуверенностью приписывать это себе, но коль посходившие с ума от потери власти «вечно вчерашние» старьевщики продолжают «облаву на волков», то скажу так: да, я активно способствовал тому, чтобы живительные вóды свободы утоляли жажду правды в закрепощенном обществе. И не жалею об этом.

Автор

А может быть, и не омовение, а холодный душ, от которого так холодно стало правящей номенклатуре. Она быстро сообразила, что гласность и свобода слова копают ей политическую могилу, и начала ожесточенную борьбу против независимой информации. И по сей день гласность, свобода слова являются главным препятствием для чиновничества, заменившего власть КПСС, чтобы вернуть себе всю полноту бюрократического произвола.

Началась горбачевская эпоха. О некоторых ее особенностях и чертах я расскажу в главе «Михаил Горбачев». В мартовские дни, связанные со смертью и похоронами Черненко, пришлось работать буквально круглосуточно. На меня и Валерия Болдина легла задача подготовить похоронную речь, которую Михаил Сергеевич должен был произнести с Мавзолея. Горбачев очень волновался. Он понимал, что от этой коротенькой речи ждут многого, что она будет тщательно анатомироваться. Речь приняли хорошо. Она звучала интереснее, чем обычно в таких случаях, но и не нарушала принятых стандартов — все-таки это были похороны, а не торжественное собрание.

В эти же дни мне позвонил Михаил Сергеевич и сказал, что надо готовиться к возможным событиям на международной арене, например к встрече с Рейганом, которую тот уже предложил. Михаил Сергеевич попросил изложить мои соображения на этот счет.

Поначалу у меня к Рейгану было отрицательное отношение. Мне не нравились его бряцание оружием, призывы к гонке вооружений, обидные слова в адрес Советского Союза. К этому времени я опубликовал книгу «От Трумэна до Рейгана» — резко критическую. Хотя в книге и содержалось немало ссылок на работы американских авторов, подтверждающих мои суждения, но в целом ее нельзя было назвать

научно объективной — хотя бы потому, что она была сверх меры идеологизированной. Еще не избавившись полностью от идеологических предвзятостей, я и начал сочинять записку, в то же время хорошо понимая, что публицистика — это публицистика, а реальная политика — совсем другое дело. Привожу текст записки полностью.

«О РЕЙГАНЕ. Исходные позиции — они неоднозначны.

1. Все говорит о том, что Рейган настойчиво стремится овладеть инициативой в международных делах, создать представление об Америке как стране, целеустремленно выступающей за улучшение отношений с Советским Союзом и оздоровление мирового политического климата. Он хотел бы решить ряд задач и в контексте мечты о «великом президенте-миротворце» и «великой Америке», хотя сейчас психологическая обстановка сложилась не в его пользу.

2. Рейган обозначил и частично выполнил планы милитаризации Америки, практически все дал военному бизнесу, что обещал, поэтому он может перейти к дипломатии на «высшем уровне», которая в любом случае является престижным делом, поднимает политические акции, в чем сейчас Рейган нуждается.

3. Его поджимает дефицит бюджета, который грозит экономическими неурядицами. Этот дефицит надо либо оправдывать внешней угрозой, либо сокращать.

4. При всей внешней относительной солидарности в НАТО и среди других союзников единства нет или оно не такое уж прочное. США стараются удержаться на гребне центростремительной тенденции и всячески помешать развитию центробежной тенденции.

В этом контексте, очевидно, следует оценить и приглашение к встрече. Здесь просматривается многое: стремление замкнуть наши отношения с Западом в советско-американском русле (за своими союзниками США следят настороженно); учет антимилитаристских настроений в конгрессе и вне конгресса; желание заново прощупать советскую позицию по ключевым международным вопросам. И несомненно, что эта акция, помимо ее политического назначения, несет значительную пропагандистскую нагрузку. Он ничего не теряет от отказа от встречи («видите, я хотел, но...»), равно как и от провала встречи («русские, как всегда, несговорчивы»).

Иными словами, с точки зрения Рейгана, его предложение продумано, рассчитано точно, не содержит политического риска.

Вывод. Встреча с Рейганом — в национальных интересах СССР. На нее идти надо, но не поспешая. Не следует создавать впечатление, что только Рейган нажимает на кнопки мировых событий.

Цель встречи: а) получить личное впечатление об американском лидере; б) подать ясный сигнал, что СССР действительно готов договариваться, но на основе строгой взаимности; в) довести до Рейгана в недвусмысленной форме, что СССР не даст манипулировать собой, не поступится своими национальными интересами; г) надо и дальше тонко показывать, что на США свет клином не сошелся, но в то же время не упускать реальных возможностей в деле улучшения отношений с США, ибо в ближайшую четверть века США останутся сильнейшей державой в мире.

Каких-либо неожиданных изменений в американской политике принципиального характера ожидать трудно. И дело не только в антикоммунистическом догматизме Рейгана; жесткий курс США диктуется характером длительного переходного периода от абсолютного господства в капиталистическом мире к доминирующему партнерству, а затем и к относительному равенству. Болезненность этого процесса, если даже прогнозировать традиционные геополитические замашки США, очевидна; она еще будет долго сказываться на внешней политике.

Именно этот переходный период диктует нам определенную переориентировку внешней политики в плане постепенного и планомерного развития отношений с Западной Европой, Японией, Китаем.

Но это не должно вести к снижению внимания к советско-американским отношениям по существу, а, наоборот, должно усилить это внимание.

Время. Возможно, после съезда. Лучше бы после каких-то экономических реформ, других практических намерений и достижений, демонстрирующих динамизм нашей страны. Практические действия убеждают американцев больше всего; они становятся сговорчивее.

Место. Не в США, где-то в Европе.

Альтернатива. Как уже сказано, нам нужно использовать все возможные факторы политического давления на США, в первую очередь заинтересованность европейцев в снижении напряженности, которая явственно ощущалась во время недавних бесед в Москве, утвердить нашу инициативную позицию.

Для этого требуется сильный контрход. Например, в связи с 10-летием Хельсинкского совещания (1 августа с.г.) с на-

шей стороны могло бы быть выдвинуто предложение провести в финской столице встречу глав государств и правительств тех стран, подписи которых поставлены под Заключительным актом. Выдвигая такую идею, мы могли бы заострить внимание на необходимости внести элементы доверия в международные отношения и возродить процесс разрядки как в политической, так и в военной сферах.

Первоначально об этой идее можно было бы упомянуть в личном послании Генерального секретаря ЦК в адрес президента США, отметив, что в Хельсинки можно было бы установить личный контакт и непосредственно обменяться мнениями о возможных сроках проведения и общих рамках советско-американской встречи в верхах.

Вне зависимости от американской реакции мы могли бы информировать о предпринятом шаге наших союзников, договориться с ними о проведении соответствующей работы с западноевропейскими странами. Политические усилия на этом направлении обогатили бы и работу предстоящего совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. А главное, мы не только весомо подтвердили бы наш активный подход к возрождению процесса разрядки, но и подвели бы свой фундамент под советско-американскую встречу на высшем уровне. (А. Яковлев. 12 марта 1985 года)».

Прошу читателя обратить внимание на тот факт, что записка легла на стол Горбачева на другой день после его избрания Генеральным секретарем. И без всякого роздыху началась подготовка к апрельскому пленуму ЦК. Не буду повторять содержание доклада Горбачева. Однако скажу, что работа над ним далась очень нелегко. Споров особых не было — Горбачев уже был хозяином. В группу, которая готовила доклад, постоянно шли инициативные предложения от отделов ЦК, которые явственно отражали состояние тяжелобольного режима. И с этим приходилось считаться. В результате родился двуликий Янус. Появилось заявление о необходимости *перестройки существующего бытия*, но тут же слова о строгой преемственности курса на социализм на основе *динамического ускорения*. Но в конечном счете апрельский доклад Михаила Горбачева стал одним из серьезнейших документов переходной эпохи. Он давал партийно-легитимную базу для перемен, создавал возможности для альтернативных решений, для творчества.

Из этого времени мне запомнилось первое столкновение с руководством КГБ по вопросу, который, как мне тогда казалось, давно перезрел. Столкновение, когда я был уже в качестве секретаря ЦК КПСС. Дело в том, что мой предыдущий опыт работы в Ярославском обкоме и в отделе школ ЦК воспитал во мне брезгливость ко всякого рода анонимкам. Предельный аморализм этого занятия очевиден. Но столь же безнравственной была практика советских правителей всячески поощрять доносительство в виде анонимок. Они использовались властями как мощный рычаг нагнетания страха и шантажа.

Я написал в ЦК записку по этому поводу, будучи уверенным, что мое предложение о запрещении официально рассматривать анонимки встретит понимание и поддержку. Ничего подобного. Предложение отклонили из-за возражений КГБ. Тогда я договорился с Болдиным вместе подписать вторую записку. Опять не поддержали. Меня это заело. Выждав определенное время, мы с Болдиным решили подключить отдел организационно-партийной работы. Кроме того, переговорили с Горбачевым. На этот раз Политбюро приняло решение о запрещении рассматривать анонимки во всех государственных, советских и партийных органах, хотя и на этот раз КГБ просил оставить прежнюю практику.

На эту пору пришлась еще одна очень странная история. Еще когда я работал в институте, я был свидетелем разговора между Горбачевым и Черненко о ходе шахматного матча между Карповым и Каспаровым. Карпов терпел поражение. Окружение Черненко настаивало на том, что нельзя допустить победы Каспарова. Начались разговоры об «усталости» обоих участников, о том, что Каспаров в случае победы покинет СССР, и т. д. Я тогда же сказал Михаилу Сергеевичу, что не стоило бы путать спорт с политикой. Летом 1985 года этот вопрос вновь обострился. Я написал короткую записку в ЦК, в которой повторил свою точку зрения — в спорте должен неукоснительно соблюдаться спортивный принцип. Если потерпел поражение — это значит потерпел поражение. На этот раз Секретариат ЦК поддержал эту очевидность.

В это время основные усилия были сосредоточены на подготовке XXVII съезда партии. На Политбюро было решено, чтобы я возглавил рабочую группу по подготовке политического доклада. Об этом я расскажу в главе «Последний съезд», равно как и о XIX партконференции, рабочую подготовку которой мне тоже пришлось возглавлять.

К сожалению, 1986 год оказался годом невезения. Прежде всего, Чернобыльская авария. Я не был членом чернобыльской комиссии, но участвовал в заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК, обсуждавших эту трагедию. Как это ни

странно, отдел пропаганды был отстранен от информации о Чернобыле. Видимо, были какие-то детали не для посторонних ушей. Информацией занимались военные в соответствующих отделах ЦК. У меня остались в памяти острые впечатления об общей растерянности, никто не знал, что делать. Люди, отвечающие за эту сферу — министр Славский, президент АН СССР Александров, — говорили что-то невнятное. Однажды на Политбюро между ними состоялся занятный разговор.

— Ты помнишь, Ефим (Славский), сколько рентген мы с тобой схватили на Новой Земле? И вот ничего, живы.

— Помню, конечно. Но мы тогда по литру водки оприходовали.

Обоим в то время было за 80.

На заседании Политбюро часто звучали исключающие друг друга предложения. Все оправдывались, боялись сказать лишнее. Поехали в Чернобыль Рыжков и Лигачев. Их впечатления были очень критические, особенно что касается бездеятельности государственного и партийного аппаратов Украины. По очереди туда ездили академики-атомщики Велихов и Легасов. Что касается информации, то уже на первом заседании Политбюро было решено регулярно информировать общественность о происходящем. Но государственное начальство и партийные чиновники из отраслевых отделов под разными предлогами всячески препятствовали поездкам журналистов в Чернобыль. Чиновники очень медленно привыкали к гласности, к новым правилам игры.

О Чернобыльской катастрофе написано много, созданы фильмы, опубликованы десятки книг. Ничего нового добавить почти невозможно, кроме, пожалуй, одного эпизода, о котором общественность не знает. Когда обнаружилась реальная угроза радиоактивного заражения реки Припять, то срочно начали сооружать ров на берегу реки, чтобы дождь не смывал зараженную землю в воду. В разговоре со мной министр обороны Язов проговорился, что вот пришлось направить туда подразделение солдат для земляных работ.

— А где же нашли спецкостюмы, их, как докладывают, нет? — спросил я.

— Так без костюмов.

— Как же так можно?

— Они же солдаты, обязаны выполнять свой долг.

Таков был ответ министра, отражающий обычную практику преступного отношения режима к человеку.

Регулярно выступая в Москве перед руководителями средств массовой информации, я постоянно настаивал на

том, что Перестройка, выступающая в качестве нового политического курса, обречена на провал, если не заработает в полную силу гласность и свобода творчества. Об этом же говорил в своих выступлениях в различных аудиториях: в Перми, Душанбе, Кишиневе, Ярославле, Калуге, Санкт-Петербурге, Риге, Вильнюсе, Таллине. Уже после 1991 года участвовал в различных научных симпозиумах в США, Канаде, Португалии, Англии, Японии, Испании, Южной Корее, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Голландии, Финляндии, Польше, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Кувейте, Иране, Израиле, Омане, Южной Африке, Египте, Австрии, Швеции, отстаивая эти же принципы. О содержании своих лекций и выступлений не буду здесь рассказывать. Они опубликованы в моих книгах «Реализм — земля Перестройки», «Предисловие, обвал, послесловие», «Муки прочтения бытия», «Крестосев», «Омут памяти». Содержащиеся в них соображения отражают состояние общества после 1985 года, как я его понимал. Они отражают и мои личные поиски того, какими путями продвигать идеи Перестройки. Несколько другой характер носит книга «Горькая чаша. Большевизм и Реформация России». Она является попыткой обобщить то, что произошло в стране, рассказать о невообразимо трудной дороге к свободе. О неожиданностях, крушениях надежд и личных разочарованиях, толкающих к новым и новым размышлениям.

Гласность и свобода творчества быстро завоевывали внимание и уважение общественного мнения. Правда о прошлом и реальностях настоящего, которая еще пропитана прошлым, подавала мощные сигналы свободы, что окрыляло людей надеждой. Горбачев выступал за гласность, он понимал ее силу. Но на первом этапе Перестройки он отдавал приоритет дозированному расширению информации. Михаил Сергеевич достаточно регулярно собирал руководителей средств массовой информации и лидеров интеллигенции, рассказывал о деятельности Политбюро и Секретариата, выражал, естественно, свое удовлетворение положительными статьями о Перестройке. Судя по его словам и действиям, он выстроил некую логическую цепочку поэтапных решений: информация — гласность — свобода слова. Был вынужден маневрировать, учитывая сопротивление аппарата партии.

Собирал подобные собрания, только в расширенном составе, и Егор Лигачев. Он говорил, что поддерживает гласность, но такую, которая служит укреплению социалистических идеалов. Нельзя допускать, чтобы гласность вредила партии и государству. Он резко осуждал тех, кто увлекается

критикой прошлого, не скрывал, что выступает за контролируемую гласность. На эти совещания я не ходил.

Довольно частыми были и мои встречи с руководителями средств массовой информации. Позиции, которые я защищал, сводились к нескольким положениям: пишите обо всем, но не врите; надо исходить из того, что гласность — не дар власти, а стержень демократии; перестаньте бегать за разрешениями, что публиковать, а что нет; берите ответственность на себя. Я больше говорил о свободе слова, чем о гласности. На совещания, созываемые мною, Лигачев тоже не ходил.

В результате в общественном сознании начало складываться представление о нескольких «политических курсах» в партии, о возможности альтернативных взглядов даже в высшем руководстве. Наступило время, когда каждый должен был определять личные позиции. С этой точки зрения фактические расхождения наверху власти по идеологическим проблемам имели положительное влияние на демократизацию жизни. Каждый из участников совещаний брал для себя те положения, которые ему больше нравились. Постепенно рушилось одномыслие. В газетах, журналах, на радио и телевидении нарождалась новая журналистика, новый стиль письма, на страницы изданий и в эфир все чаще прорывались критические материалы проблемного характера.

Свободу слова я считаю главным общественным прорывом того времени. «Четвертая власть» стала потихоньку становиться реальной властью, безбоязненно и всесторонне информировать людей и формировать на основе свободного выбора личное мнение человека, в том числе и альтернативное. Постепенно создавалась обстановка, когда и мне не надо было спрашивать у кого-то, как поступать в том или ином случае. Это было время особого душевного состояния, раскованности, свободы, приносящих радость творчества.

И все же время от времени приходилось вмешиваться в возникающие коллизии. Например, в конце марта 1986 года состоялся съезд композиторов СССР. В прессе освещался скупо. Не сразу была опубликована и речь председателя правления союза Родиона Щедрина. Почему? Да потому, что Щедрин с трибуны съезда остро и образно говорил о наболевших проблемах творчества, о конкретных чиновных людях, мешающих этому творчеству. Речь Щедрина активно пересказывали, она обрастала слухами и вымыслами.

Газета «Советская культура» опубликовала эту речь. Номер газеты в рознице разошелся мгновенно. И тут же последовал в редакцию звонок по «вертушке». Позвонил работник отдела пропаганды ЦК Севрук. Какая, мол, необходимость

выбирать для печати именно это выступление? Оно отличается односторонностью суждений, высказывания Щедрина о легкой и симфонической музыке, по меньшей мере, спорны, не надо их противопоставлять. Много крайностей в оценках. Когда я узнал об этом, пришлось утихомирить часового у ворот партийности прессы.

Другой пример. 1 ноября 1986 года газета «Советская культура» напечатала статью Юлиана Семенова на тему о личной заинтересованности человека в труде, расширении правового поля для развития инициативы и предприимчивости людей. Он сокрушался, что «мало разрешающих законов — сплошь запрещающие». Писатель выражал свое недоумение в связи с тем, что газета «Советская Россия» опубликовала статью «Властью сельского совета». В ней восторженно говорилось о том, как председатель одного сельсовета сел за руль трактора и снес частный дом, парники и теплицы одного крестьянина, так как они были построены «на захваченных государственных землях».

Семенов спрашивал: «Зачем же сносить теплицы? Зачем превращать их в бурьяны?.. Как можно писать, что приусадебные участки «используются для наживы»? Владельцы приусадебных участков не водку пьют, а трудятся в своих теплицах от зари до зари!» Писатель решительно возражал против пренебрежительного отношения к частнику. Напомню, что статья Юлиана была напечатана спустя восемь месяцев после XXVII съезда КПСС, на котором остро говорилось о необходимости «открыть простор для инициативы и самодеятельности каждого человека...».

В ответ Семенову «Советская Россия» печатает «обозрение» редакционной почты, в котором цитирует хвалебные отзывы читателей о действиях председателя сельсовета. Так им и надо, этим частникам! И далее следовало внушение газете «Советская культура», явно демагогическое. «Советская Россия» тоже сослалась на решение ЦК, но принятое до XXVII съезда. В нем говорилось: «Не оставлять без применения мер воздействия ни одного факта, связанного с извлечением нетрудовых доходов». А трудовых? Писатель — про Фому, а «Советская Россия» — про Ерему. Сама мысль, что кто-то своим трудом стремится «много заработать», приводила в ярость сторонников и блюстителей уравниловки. Писатель вел речь о том, что власть на местах должна блюсти закон, а не демонстрировать свое самодурство. Но как раз это и не устраивало номенклатурное сообщество.

Особенно доставалось флагманам гласности — газете «Московские новости» и журналу «Огонек». Эти два изда-

ния были постоянными «именинниками» на пленумах ЦК партии, разных собраниях, в организованных номенклатурой письмах «негодующих» трудящихся и судорожно державшихся за свои кресла «писательских вождей». Постоянно возникал и вопрос о снятии с работы главного редактора «Огонька» Виталия Коротича и главного редактора «Московских новостей» Егора Яковлева.

Демократическое поле завоевывалось по кусочкам, иногда с шумом, а порой и втихую, явочным порядком. Позвонил мне как-то главный редактор журнала «Дружба народов» Сергей Баруздин и сказал, что у него на столе лежит рукопись романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Он, Баруздин, не хотел бы меня втягивать в решение этого вопроса, однако нуждается в неофициальном совете. Просит прочитать роман, а затем в дружеском плане обсудить проблему публикации.

Книга произвела на меня большое впечатление своей политической и нравственной заостренностью. Особенно тем, что в романе четко выражена попытка провести безжалостную анатомию человеческих судеб, духовной стойкости и предательств, процесса вымывания совести в сталинские времена. Книга дышала правдой. Сам автор испытал многое: прошел и через лагеря, и через личный опыт беллетристики полуказенного характера. Я помню его пропагандистские книги «Екатерину Воронину» и «Водителей». В «Детях Арбата» Рыбаков рассказывал как бы о себе, но это была книга о духовном разломе общества.

Позвонил Баруздину. Сказал ему все, что думаю о книге. Причем не только комплиментарные слова. В частности, мне было трудно согласиться с эпизодами, в которых московская, еще школьная молодежь демонстративно подчеркивала свою, мягко говоря, сексуальную свободу. Я понимал, что Москва и моя деревня, в которой я жил, — разные миры, но все же хотелось думать лучше о нравственности моего поколения.

Сергей Баруздин попросил принять Рыбакова. Встреча состоялась через два дня. Длилась более трех часов. Она вышла за рамки обсуждения романа. Я чувствовал, что собеседник как бы прощупывает меня, он почти не скрывал своей неприязни к партийной власти. Он еще не мог знать, что я с ним согласен, хотя и не во всем. Но писатель «храбро бился с супостатом», защищая свободу своего «Я». На все мои осторожные замечания по книге он отвечал яростными возражениями, реагировал остро, с явным вызовом. В сущности, его волновали не мои замечания по существу, он отвергал

мое право как члена Политбюро делать какие-то там замечания писателю, хотя он сам попросился на беседу и, как сказал мне Баруздин, надеялся на нее. Меня забавляли эти психологические мизансцены.

Диалог продолжался до тех пор, пока я не сказал Рыбакову, что у меня нет ни малейших намерений подвергать книгу цензуре. Больше того, готов порекомендовать цензурной организации поставить разрешительную подпись, не читая. Отвечает за книгу он, Рыбаков, а не Яковлев или цензура, причем отвечает перед читателем, а не перед партийным чиновником. Я отчетливо помню удивление, заплясавшее на хмуром лице Рыбакова.

— А что вы скажете редактору журнала?

— Скажу, что вопрос о публикации решают два человека — автор и руководитель печатного органа. Цензура вмешиваться не будет.

В итоге мы остались, как я понял, довольными друг другом. Роман напечатали. Шуму было много, в том числе и в ЦК. Но защищать сталинские репрессии, о которых писал Рыбаков, в открытую никто не захотел. Михаил Сергеевич не сказал мне ни слова. Позднее Рыбаков в интервью газете сказал, что я возражал против обостренной критики Сталина. Видимо, его подвела память. Мне бы и в голову не пришла столь пошлая мысль. Впрочем, все это несущественно. Важнее другое: «Не было бы апреля 1985-го, не было бы у читателей и этого романа». Это сказал позднее сам Рыбаков.

В те же годы были напечатаны прекрасные книги (именно по этой причине запрещенные ранее): «Новое назначение» Александра Бека, «Белые одежды» Владимира Дудинцева, «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина. Прорыв состоялся. Журналы начали публиковать произведения не только советских, но и российских авторов, живущих за рубежом. Обрели на родине своего читателя Замятин, Гумилев, Алданов, Шмелев и многие другие.

Нечто похожее на рыбаковскую историю случилось с кинофильмом «Покаяние». Позвонил мне Эдуард Шеварднадзе и попросил принять Тенгиза Абуладзе — автора фильма. Эдуард рассуждал в том плане, что ему, как грузину, не очень ловко защищать грузинский фильм, тем более что он, Шеварднадзе, еще будучи в Грузии, помогал Тенгизу. Эдуард прислал мне видеокассету. В тот же вечер я посмотрел ее в семейном кругу. Фильм ошеломил меня и всех моих семейных. Умен, честен, необычен по стилистике. Беспощаден и убедителен. Кувалдой и с размаху бил по системе лжи, лицемерия и насилия.

Трудность ситуации состояла в том, что фильм посмотрел не только я, но и некоторые другие секретари ЦК. Одни помалкивали, а другие были против показа этого фильма. Во что бы то ни стало надо было сделать все возможное, чтобы выпустить его на экран. У меня возник лукавый вариант. Руководству доложить, что можно напечатать несколько пробных лент для демонстрации в 5—6 крупных городах. Аргументация простая — фильм сложный, его простые люди не поймут, поэтому опасаться нечего. А интеллигенция успокоится. С этим согласились. На самом же деле с председателем Комитета по кинематографии мы договорились напечатать гораздо больше копий фильма и начать его демонстрацию на всей периферии.

Я не мог всего этого объяснить Абуладзе. Боялся огласки, которая могла погубить задуманную операцию. Когда сказал ему о намерении напечатать несколько пробных копий, он откровенно выразил свое недовольство. Я просил Абуладзе поверить мне. А он не понимал, почему должен верить. На том и расстались.

Фильм пошел по стране. Встречен был по-разному. Во многих городах партийные боссы отнеслись к нему резко отрицательно, запрещали его демонстрировать, о чем и сообщали в ЦК. Михаил Сергеевич знал обо всем этом, но уклонялся от оценок. Потом, по прошествии какого-то времени, он говорил по поводу фильма лестные слова. Я-то уверен, что он посмотрел фильм сразу же, как только вокруг него началась возня, а может быть и раньше. С Тенгизом Абуладзе мы потом перезванивались, а иногда и встречались. Он скончался очень рано, в расцвете творческих планов.

Всего к тому времени на полках лежали десятки запрещенных фильмов. Когда стали разбираться, то оказалось, что каких-то официальных запрещающих решений на уровне ЦК и не было. А что было? А были телефонные звонки с дач «небожителей», устные советы, страх руководителей кинематографии, письма партийных вожаков из Украины, Ленинграда, Свердловска, Белоруссии, то есть из тех мест, где существовали киностудии. Мне пришлось просмотреть больше двух десятков лент. Утомительное дело. Смотрел и удивлялся, почему эти фильмы на полках? А погубили их чиновничьи интриги, да еще желание выслужиться по линии бдительности.

Как может убедиться читатель, каждый раз приходилось действовать осторожно, постепенно приучая общественность к нормальному восприятию нового, необычного, неординарного, не всегда совпадающего с казенной установкой.

Парадоксально, но за гласность надо было воевать порой тайно, прибегать к разным уловкам, иногда к примитивному вранью. Например, говорить, что тому или иному редактору сделано внушение, а на самом деле редактор даже не подозревал о том, что над его головой пронеслась гроза. Эту «науку» я проходил и раньше.

С некоторыми лидерами прессы у меня сложились доверительные отношения, действовали негласно установленные правила. Скажем, они загодя информировали меня о предстоящей острой статье, которая наверняка вызовет недовольство. Статью печатали, но на меня не ссылались. Я брал на себя функцию их «прикрытия», если разгорался скандал.

Как-то раз в санаторий на юге, где я отдыхал, позвонил Егор Яковлев и сказал, что работать стало совсем невмоготу — придирки, окрики, угрозы. Поэтому от просит меня войти в состав Совета учредителей «Московских новостей». Я согласился. Потом пришлось расплачиваться за эту опрометчивость. Почти на каждом заседании Политбюро возникали вопросы о тех или иных статьях в средствах массовой информации и конечно же в «Московских новостях». И каждый раз звучали упреки в мой адрес. Вот, мол, среди учредителей газеты — член Политбюро, а газета ведет антипартийную линию. Конечно, я и сам понимал легкомысленность своего поступка, отдав предпочтение одному изданию. Выражали мне свое непонимание и редактора других газет. Я пошел на этот шаг исключительно из интересов дела и уважения к мужеству Егора Яковлева.

Когда на Политбюро и пленумах ЦК происходили бурные вспышки нетерпимости в отношении демократической прессы, Михаил Сергеевич или нехотя соглашался, или отмалчивался. Он не требовал от меня каких-то кардинальных кадровых изменений. Не требовал, за исключением, может быть, эпизода с Владиславом Старковым. Владислав в газете «Аргументы и факты» опубликовал результаты опроса среди пассажиров поезда, согласно которому Михаил Сергеевич (по рейтингу) оказался не на первом месте. Он увидел в этом какой-то подвох. Я в это время уже не курировал идеологию. Ею занимался Вадим Медведев. По указанию сверху отдел пропаганды подготовил проект постановления об освобождении Старкова от работы. Медведев не хотел давать ему хода. Мы с Вадимом договорились потянуть время, хотя нажим был невероятно сильным. Но все же общими усилиями удалось «заволокитить» это решение.

Однако не все шло гладко и с Генсеком. Например, поступило в ЦК письмо о том, что в журнале «Наш современник»

постоянно пьянствуют, редактор Викулов и его ближние «не просыхают», а напившись, играют в коридоре в футбол мусорной корзиной. Я попросил заняться письмом, хотя в отделе пропаганды и до него знали, что в редакции творится нечто несусветное. Началась проверка.

Вдруг звонок от Горбачева:

— Ты зачем придираешься в Викулову?

Тон был агрессивный.

— Я не придираюсь. Проверяется письмо из самой редакции.

— Ты брось. Я тебя знаю. Мне известны твои предвзятости. Прекрати расследование.

Телефон замолк. Позднее я узнал, что в это время у него в кабинете сидел Воротников, тогдашний руководитель РСФСР. Журнал был российский, а не всесоюзный. Через какое-то время Викулову все-таки пришлось уйти из редакции. Но, к сожалению, нормального, уравновешенного, авторитетного человека туда назначить не удалось. Юрий Бондарев посетил Горбачева и настоял на назначении редактором Куняева, человека нетерпимого, превратившего журнал в один из антиперестроечных рупоров, оплотов социалистической реакции.

Упрек в предвзятости был не первым. Как только я оказался во главе отдела пропаганды, это было летом 1986 года, я поставил вопрос о смене главного редактора журнала «Огонек» Анатолия Софронова. Этот журнал на протяжении многих лет служил пристанищем всякой серости, травил тех писателей, композиторов, журналистов, взгляды и оценки которых не совпадали с огоньковскими. Журнал использовался партийным аппаратом в качестве идеологической дубины.

Моя первая попытка освободиться от Софронова окончилась неудачей. Михаил Сергеевич сказал, что я неправильно отношусь к Софронову. Ему, Горбачеву, известно, что у меня к этому человеку личная неприязнь и я хочу с ним расправиться. Софронова поддержали Лигачев, Кириленко и другие члены Политбюро. Но через некоторое время все-таки удалось сдвинуть его с насиженного места, но вовсе не по профессиональным причинам, а потому, что Софронов запутался в финансовых делах. Этот факт по большому счету кажется мелким, но я упоминаю о нем для того, чтобы показать, какова была реальная обстановка в начале Перестройки.

Еще пример. По какому-то поводу Горбачев проводил очередное совещание. Даже не помню, где это было (но не в Кремле). Я не участвовал в нем. Вдруг телефонный звонок,

велено прибыть к Горбачеву. Приехал. Собрание уже закончилось. Разъезжались. Горбачев ждал меня на крылечке. Пригласил в свою машину — там была и Раиса Максимовна.

— Тебе звонил Илья Глазунов?

— Звонил.

— Ты почему не разрешил продлить его выставку в Манеже?

— Во-первых, она идет уже месяц, как и запланировано, а во-вторых, продлевать или не продлевать — дело не мое, а Министерства культуры. Причина простая — там на очереди выставка другого художника, не менее известного и уважаемого.

— Глазунов — крупный художник, — продолжал Михаил Сергеевич. — Я знаю его лично. Народ его любит. Выставку надо продлить. А ты поправь свое поведение, иначе мы не сможем дальше понимать друг друга. Это была единственная прямая угроза за все время нашей совместной работы. Думаю, что он потом и сам пожалел о ней, ибо несколько дней подряд ежедневно звонил, чаще всего без всякого повода.

Достаточно плотно занимался я в это время и религией. Будет справедливым сказать, что в Политбюро возникло как бы молчаливое согласие в том, что дальнейшая борьба с религией и преследование священнослужителей аморальны и противоречат принципам демократической Реформации. Публично признавать варварство большевиков никто, конечно, не хотел, но и желающих защищать его не оказалось. КГБ со скрипом шел на некоторое ослабление своего прямого руководства этой сферой, начатого еще по инициативе Дзержинского.

Я горжусь тем, что, занимаясь в Политбюро культурой, информацией и наукой, принимал в начавшемся оздоровительном процессе активное участие, в том числе и в сфере религиозной деятельности. Сам себя к активным верующим не отношу, но крещен. Равно как и дети, внуки и правнуки. Мать ходила в церковь до конца своих дней. До сих пор в родительском доме висят иконы, они никогда не снимались. Так уж получилось, что за всю свою жизнь я не прочитал ни одной атеистической лекции или доклада, не провел ни одного совещания по атеистической пропаганде. А потому мне сегодня особенно неприятно видеть некоторых партийных «обновленцев», тех, кто еще вчера активно разоблачал «религиозное мракобесие», а сегодня неистово крестится, особенно тогда, когда телекамеры направлены на них, «нововерующих». Может быть, каются? Едва ли. Впрочем, Бог с ними.

Меня всегда приводили в смятение разрушенные церкви, склады и овчарни в храмах. По дороге из Москвы в родной Ярославль, по которой я проезжал сотни раз, стояли десятки порушенных памятников как немые свидетели преступлений режима. Однажды, году, наверное, в 1975-м, будучи в отпуске (работал в это время в Канаде), я поднял этот вопрос перед Андроповым. Он внимательно выслушал меня, согласившись, что подобные пейзажи производят плохое впечатление на иностранцев, ему уже докладывали об этом. В моем присутствии Андропов дал кому-то указание по телефону изучить вопрос, но все на этом и закончилось. Его интересовала не суть дела, а впечатления иностранных туристов.

В годы, когда я занимался идеологией, различным конфессиям было передано около четырех тысяч храмов, мечетей, синагог, молельных домов. Естественно, что особенно памятны мне случаи, в которых я принимал прямое участие. Никогда не забуду, как мы с женой ездили в Оптину Пустынь (Калужская область) и в Толгский монастырь (Ярославская область). Оптина Пустынь — святое место для России — предстала перед нами в полном смысле слова грудой камней. Всюду битый кирпич, ободранные стены, выбитые окна, полное запустение. Внутри храмов — инициативные сортиры атеистов. Сегодня это изумительный по красоте храм, величаво возвышающийся над речной долиной. Все собираюсь снова съездить туда, но заедает мирская суета.

В Толгском монастыре, что под Ярославлем, была колония для малолетних преступников. Набрел я на этот монастырь случайно. Искал подходящее помещение для организации школы реставраторов памятников старины. Мой выбор пал на родную мне Ярославщину. Здесь предложили посмотреть несколько зданий, в том числе и этот монастырь. Когда я приехал туда, то понял, что монастырь надо вернуть. Но возникли какие-то трудности в правительстве, там затягивали решение вопроса. Выручил случай. Как раз в те дни Михаил Сергеевич должен был принять членов Синода. Он попросил меня подготовить справку для беседы. Среди других я упомянул и Толгский монастырь как уже переданный церкви. Речь Генсека опубликовали. Трудности отпали. Я бываю иногда в Толгской обители. Ремонт там закончен. Монахини работают на огородах. Особенно великолепно это сказочное архитектурное сооружение, если любоваться им снизу, с Волги.

Высоко ценю орден Сергия Радонежского, которым наградил меня Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Настоятель храма в Крестах (Ярославль) подарил мне старинную икону за спасение этого храма. Я уже забыл об этом, но батюшка напомнил о тех временах, когда над церковью нависла реальная опасность разрушения. Обком партии аргументировал свою позицию тем, что церковь портит общую панораму въезда в Ярославль, ибо заслоняет «красоты» многоэтажных новостроек. Я настоял на том, чтобы храм продолжал действовать. Это было еще в начале 70-х годов. Церковь красуется до сих пор, облагораживая въезд в этот старинный русский город.

Я напомнил об этих фактах в том числе и для того, чтобы понятнее стали мои нынешние соображения на этот счет. Передачу конфессиональной собственности религиозным властям я считал не только своего рода общественным покаянием, но и связывал с этим надежду на возрождение нравственности, верил, что возвышенная духовность будет лечить прилипчивое материальное головокружение, сдерживать жадность и зависть, укреплять совестливые начала в жизни. Не скажу, что полностью, но многие мои надежды, к сожалению, дали трещину. С верующими очень часто говорят люди малограмотные, не знающие священных книг и христовых заповедей. Немало священников на местах оказались просто жуликами. Так произошло, например, с моей церковью в селе Веденском, где могилы моих предков.

Однажды мне пришлось быть в Веденье в качестве «крестного отца». На крестины поставили в очередь более десяти младенцев. Батюшка был зол, видимо, пришел, не опохмелившись. Заявил, что крестить станет только тех младенцев, крестные матери и отцы которых знают «Отче наш» наизусть. Подошла и наша очередь. Он спросил крестную мать, знает ли она «Отче наш». «Нет», — робко ответила она. Священник посмотрел полупьяными глазами на меня, в них я увидел смятение, тревогу. Он не решился обращаться ко мне как к крестному отцу и сказал: «Передайте ребенка матери!» Потом прочитал грубую нотацию, сказав о том, что не знающие «Отче наш» наизусть не имеют права переступать порог храма. Одним словом — большевик из членов достопамятного Союза безбожников. Больше того, кресты на колокольне он украсил фашистскими знаками. Я написал об этом Патриарху, но формального ответа не удостоился, хотя фашистского служителя с работы уволили.

К сожалению, некоторые церковные иерархи ни с того ни с сего начали прижиматься к власти, пробавляться ее милостью, без меры суетиться, исполнять непотребные обязанности государственного придатка. Многие иерархи не готовы к реформе церкви, хотя нужда в ней колоколами гудит над землей России.

Особенно циничными являются клятвы нынешних лидеров коммунистической партии в верности христианским заветам. Разрушив тысячи храмов и уничтожив тысячи священнослужителей, большевики сегодня изображают себя носителями религиозной терпимости. Трудно понять, почему почтенные иерархи нынешней церкви не предадут анафеме антипатриотическую и антихристианскую партию, объявившую религию злом, подлежащим искоренению? Общество ждет от религии проповеди, исцеляющей и возвышающей, сердобольной и правдивой, особенно желанной сегодня после тяжелых десятилетий безверия и безбожия. Я хорошо понимаю, что многих пастырей еще тяготит груз прошлого, того прошлого, когда всю религиозную деятельность контролировали спецслужбы. Они подбирали людей для учебы в религиозных учебных заведениях, вербовали их на службу в разведке и контрразведке. Многих двойников я знаю, помню даже их клички, но обещаю эти знания унести с собой.

Итак, началась поступательная, эволюционная и ненасильственная Реформация Советского Союза, определяющую роль в которой играла Россия. В процессе поиска исторической альтернативы было предложено несколько обобщающих определений, которые отражали бы интересы разных социальных групп. Среди них: совершенствование социализма, его обновление, эволюция в революции, перестройка. В конечном итоге в мировом политическом лексиконе утвердилось определение «Перестройка», которое, как казалось, наиболее точно отражает суть Реформации. А на самом деле по содержанию своему это была революция эволюционного характера.

Глава тринадцатая

ЧУЖИЕ ДУРАКИ — СМЕХ, СВОИ ДУРАКИ — СТЫД

События резво, может быть слишком резво, помчались вперед. Раскол партии и активного общественного мнения на реформаторское и реакционное крылья становился все зримее, заметнее, что повергло многих людей в растерянность, поскольку крутого поворота в массовом сознании еще не произошло. Общество еще только начинало признавать естественность и желательность многообразия в политике, экономике, культуре, животворящую силу многообразия. Эволюция перестроечных представлений уже начинала обретать определенную автономность от ее инициаторов, формировала собственную логику развития, логику революции особого типа.

Автор

Фундаменталистское большинство в руководстве партии, признавая в целом необходимость частичных перемен, видело их главную цель в дальнейшем укреплении моновласти, монособственности и моноидеологии. Ортодоксы вели речь, в сущности, об освобождении системы от очевидных и раздражающих деформаций. Эту линию начал еще Хрущев со своими послесталинскими компаньонами.

Существовало своего рода и центристское направление в его сугубо советском варианте. Ее адептам нравились идеи нэпа, некоторые соображения Бухарина по экономическим проблемам. Они выступали за частичное ослабление централизованного планирования, за развитие малого предпринимательства при государственном регулировании. Такую точку зрения поддерживали и многие видные экономисты.

Но постепенно формировалось и третье направление общественной мысли — некая смесь либеральных и социал-демократических взглядов, стоявших на позициях коренных реформ. Подобные настроения уже в зародыше подвергались преследованию. Да и само это направление, в силу специфики российской общественной психологии, было заражено революционаризмом, стремлением родить желаемое дитя как можно скорее, что и проявилось в решениях реформаторов в ельцинский период.

Жизнь, однако, бежала по своим правилам. Страх перед властью партии таял. Ее всемогущество становилось все более призрачным. Общество буквально заболело ожиданием перемен. В известном смысле переломным в ходе мартов-

ско-апрельской революции явился январский пленум ЦК 1987 года, когда встал вопрос о демократизации самой партии, об альтернативных выборах. Номенклатура почувствовала реальную угрозу своей власти, поняла, что на свободных выборах она потерпит поражение, как это произошло на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 года. Отношения внутри номенклатуры явно обострились.

С особой выпуклостью это проявлялось на пленумах ЦК. Критика становилась все более личностной. Появились «мальчики для битья» — Яковлев, позднее — Шеварднадзе. Постепенно подбирались и к Горбачеву. Кризис нарастал. Наиболее громкий выстрел прозвучал на октябрьском пленуме 1987 года, на котором выступил Борис Ельцин.

Начать с того, что выступление Ельцина оказалось неожиданным для многих, в том числе и для меня. Я участвовал в подготовке доклада Горбачева о 70-й годовщине Октября. В тексте содержались резкие оценки сталинизма, что было крайне необходимо в тех конкретных условиях, поскольку при Брежневе и Андропове о сталинских преступлениях как бы забыли. В докладе более четко, чем раньше, говорилось о необходимости новых шагов в демократическом развитии. Мне представлялось очень важным, чтобы новые определения, касающиеся сталинизма и демократии, вышли через пленум на суд общественного мнения.

И вот на трибуне человек, который обвинил Горбачева в медлительности, нерешительности в перестроечных делах, призвал смелее проводить преобразования. Упомянул оратор и Раису Горбачеву как человека, отрицательно влияющего на руководителя партии. Тут и началась «рубка дров». Причина ее состояла в том, что большинство членов ЦК на самом-то деле стояло на антиперестроечных позициях, а потому и обозлилось на Ельцина, который потребовал придать преобразованиям новую динамику. И защищали они вовсе не Горбачева, а Лигачева.

Я тоже критиковал Ельцина, но за «консерватизм». Это была своего рода наспех придуманная уловка, чтобы запутать суть вопроса. На самом деле я боялся, что радикализация Перестройки, предложенная Ельциным, настолько напугает членов ЦК, что они опрокинут и те идеи дальнейшей демократизации и десталинизации, которые были заложены в докладе. Свое выступление я использовал также для критики Лигачева за его руководство Секретариатом ЦК, поддержав тем самым Ельцина в этой части его выступления.

Мои страхи все же оказались напрасными. Обрушившаяся на Ельцина критика увела участников пленума от существа доклада. Горбачев был мрачен. Во время перерывов на него упорно нажимали в том плане, чтобы наказать Ельцина, вплоть до исключения его из членов ЦК. Столь же упорно он возражал против подобных предложений. Видимо, Горбачев решал для себя трудную задачу. У меня лично складывалось впечатление, что Михаил Сергеевич готовил для Ельцина более высокое положение в партии. Возможно, что это только впечатление. Но в высшем эшелоне власти поговаривали о подобном варианте. Новые «небожители» испугались антиноменклатурной линии московского секретаря.

Конечно, октябрьский эпизод не с неба свалился. В Политбюро и на Секретариате ЦК упорно формировалось «мнение», что Ельцин потакает демократам, что его надо «приструнить», что он слишком круто расправляется с московской городской элитой. Эта точка зрения отвечала настроениям и многих местных «вождей» Москвы, которые всеми силами пытались остаться у власти. Москва стала объектом постоянных придирок на Политбюро и на Секретариате, особенно со стороны Лигачева. Но поскольку характер Ельцина не отличается покладистостью, то, как говорится, нашла коса на камень.

Вся эта история практически отражала переход от скрытых расхождений в партии к открытым, публичным. Мне лично показалось, что этап нового крутого поворота еще не наступил, что еще не исчерпан потенциал «постепенности», что общество еще не готово к публичному слому сложившегося режима. Но как бы то ни было, выступление Ельцина прозвучало как открытое предупреждение правящей элите о том, что ей все равно придется политически определяться — с кем и куда идти. Тем более что замечание Ельцина о заторможенном характере, например, экономических реформ было справедливым.

Горбачев сказал мне как-то, что они с Ельциным договорились о встрече после ноябрьских торжеств 1987 года, чтобы обсудить вопрос о возможности отставки Ельцина, о чем последний попросил Горбачева еще в августе 1987 года. В этих условиях выступление Ельцина, с моей точки зрения, нарушало эту договоренность. Спустя четыре года, где-то осенью 1991-го, Борис Николаевич сказал мне, что такого разговора не было...

С чего же началась вся эта запутанная история? Откуда взялась идея об отставке?

В августе 1987 года, когда Горбачев был в отпуске, на одном из заседаний Политбюро обсуждалась записка Ельцина о порядке проведения митингов в Москве. Борис Никола-

евич предложил вариант, по которому все митинги проводились бы в Измайловском парке по типу Гайд-парка в Лондоне. Это предложение неожиданно вызвало острую критику. Ельцин пытался что-то объяснить, в частности сказал, что написал эту записку по поручению Политбюро. Но все сделали вид, что никакого поручения не было. Обвинения сыпались одно за другим. Ельцина обвинили в неспособности положить конец «дестабилизирующим» действиям «так называемых демократов» в Москве.

Честно говоря, я тоже растерялся, наивно полагая, что вопрос возник спонтанно. Выступая, я выразил недоумение по поводу характера обсуждения. Меня встревожило то, что мы в Политбюро скатываемся к практике старых «проработок». Я, конечно, не знал, что этот эпизод подтолкнет Ельцина к мысли об отставке. В целом же заседание оставило у меня горький осадок.

Подобные «разносы» отражали суть обостряющейся ситуации. Они случались, как правило, когда «на хозяйстве» оставался Лигачев, замещая Горбачева. Нечто похожее случилось и со мной. Я имею в виду проработку на закрытом заседании Политбюро в связи с публикацией в «Московских новостях» информации о кончине писателя Виктора Некрасова. С Егором Яковлевым мы договорились, что появится короткая заметка. Егор Лигачев запретил что-либо печатать по этому поводу. Но некролог был напечатан. Он и вызвал бурю возмущения у Лигачева, ибо авторы некролога осмелились скорбеть, по его словам, по «антисоветчику». На следующий день в Ореховой комнате, там, где собирались перед общим заседанием и предварительно решали все вопросы повестки дня только члены Политбюро, Лигачев обратился ко мне со словами:

— Товарищ Яковлев (обращение «товарищ», а не Александр Николаевич, как было принято, не предвещало ничего хорошего), как это получилось, что некролог о Некрасове появился в газете, несмотря на запрет? Редактор совсем распустился, потерял всякую меру. Пора его снимать с работы. Он постоянно противопоставляет себя ЦК, а вы ему потворствуете.

Ну и так далее. Его поддержали Рыжков, Воротников, кто-то еще, но, кроме Лигачева, никто особо не взъерошивался, поддерживали его как-то уныло, а многие просто промолчали.

— Ты знаешь, что Некрасов занимает откровенно антисоветские позиции? — спросил Лигачев.

— Слышал. Но за последние десять лет я не видел ни одной такого рода публикации, кроме критической статьи о Подгорном — бывшем члене Политбюро. Но статья была правильной.

Статьи этой, понятно, никто из членов Политбюро не читал, а потому никто и не возразил. Некрасов охарактеризовал Подгорного как человека грубого, прямолинейного и бесцветного.

— А вот КГБ располагает серьезными материалами о Некрасове. Ты веришь КГБ? Скажите, Виктор Михайлович, — обращаясь к Чебрикову, спросил Лигачев, — правильно я говорю?

— Правильно, — вяло, без всякой охоты ответил председатель КГБ.

— Вот видишь, — сказал Лигачев, теперь уже обращаясь ко мне.

— Вижу. Но помню и о том, что Некрасов написал одно из лучших произведений об Отечественной войне, а жил в Киеве в коммуналке и бедствовал. И никто в Украине не помог ему, никто не позаботился о нем в трудную минуту жизни, вот он и уехал за границу.

Пользуясь случаем, меня упрекали за то, что печать «распустилась». Постепенно спор затух, но оставил мрачное ощущение. Практически это было первое прилюдное столкновение двух членов Политбюро, причем в острой форме. Присутствовавшие не могли для себя решить, как вести себя — агрессивно или еще как. Ощущалась общая неловкость. Рушились традиции.

Тем же вечером с юга мне позвонил Михаил Сергеевич и спросил:

— Что у вас там произошло?

Я рассказал. Он внимательно выслушал, долго молчал, а затем буркнул, что получил несколько иную информацию.

Вернемся, однако, к октябрьскому пленуму 1987 года. Был ли прав Ельцин по сути? В определенной мере, да. Действительно, Перестройка начала спотыкаться, о чем и сказал кандидат в члены Политбюро. Был ли прав Ельцин по тактике? Думаю, нет. К выступлениям подобного характера надо тщательно готовиться. Видимо, все это почувствовал и Борис Николаевич, когда выступал с ответами на критику. Что-то отводил, но с чем-то и соглашался. Ельцин осудил свое выступление и позднее, на XIX партконференции, оценил как ошибочное и попросил своего рода реабилитации. Партконференция не отреагировала на его просьбу, в результате чего Ельцин получил как бы моральное право возглавить антигорбачевский оппозиционный фронт.

И последний вопрос. На этот раз самому себе. Выступил бы я сегодня на пленуме, как тогда? Отвечаю с позиции сегодняшнего разумения — нет, не выступил бы. С позиции того времени — да, ибо принципиальным вопросом для себя считал поддержку Горбачева.

Воодушевленное итогами октябрьского пленума и последующим освобождением Ельцина от работы антиреформаторское крыло в партии предприняло новую атаку на Перестройку. Многим памятна попытка аппаратного реванша, «малого мятежа», связанного с публикацией статьи Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами» в газете «Советская Россия» от 13 марта 1988 года.

Я был в это время в Монголии. Мне показали статью в то же утро. Прочитав, я был поражен. Первое впечатление: в Москве что-то происходит, но не мог представить себе, что именно. Особенно встревожило то, что и Горбачев находился за рубежом. Попросил помощника позвонить друзьям в Москву и узнать, что там делается. Из Первопрестольной ответили, что ничего, кроме того, что идет совещание руководителей средств массовой информации. Ведет Лигачев.

Когда вернулся в Москву, получил возможность понаблюдать, как взбодрился партийный аппарат. Даже лица посветлели. А вот печать притихла, что обескураживало и в то же время свидетельствовало о непрочности, казалось бы, уже завоеванной свободы слова. Аппарат ЦК дал указание о перепечатке статьи в местных газетах. Статью одобрили на узком совещании секретарей ЦК. Иными словами, еще раз было продемонстрировано, насколько политическая бездарность губительна для общества, но еще страшнее — большой спрос на эту бездарность, продолжающийся до сих пор.

Как потом выяснилось, статья родилась из письма, которое Андреева и ее муж Клюшин направили в ЦК. В Ленинград поехал заведующий отделом науки газеты «Советская Россия» с тем, чтобы вместе с авторами превратить письмо в статью. Никого не смутило, что Андреева и ее супруг исключались ранее из партии за анонимки и клевету. КПК при ЦК восстановил их в партии под нажимом КГБ. Статья вернулась в секретариат Лигачева, а затем, после доработки, была напечатана.

Горбачев возвратился из Югославии в те же дни, что и я. Он с ходу понял, что статья направлена против него, является провокацией и требует обсуждения. Политбюро по этому вопросу заседало два дня. Вступительное слово Горбачева было резким, он назвал статью «платформой антиперестройки». Горбачев настоятельно потребовал, чтобы каждый член ПБ определил свое отношение к статье.

Вводную информацию было поручено сделать мне. В своем выступлении я говорил о том, что в номенклатурной среде усиливается противодействие общественным преобразованиям. Особенно заметно ортодоксальное направление. Оно питается интересами и убеждениями тех, кто усматривает в Перестройке угрозу собственным интересам. Догматическая атака идет от инерции сознания и многолетних привычек. Особенно крикливо левое фразерство. Оно пропитано революционаризмом, национализмом и шовинизмом. Яростным нападкам подвергаются средства массовой информации. Идет ожесточенная борьба за то, чтобы руководить отсюда, из ЦК, каждой газетой, каждой программой телевидения и радио. Ожесточилась борьба в среде интеллигенции, в сфере науки и культуры. Нельзя создавать новое поколение диссидентов, тем более на пустом месте, исходя из одних только амбиций, симпатий или антипатий. В Политбюро должно восторжествовать хлеборобское терпение в выращивании урожая, а не практика браконьерских набегов за легкой добычей. В заключение своей информации сказал, что статья в «Советской России» является идеологической программой реванша. Но беда даже не в ней самой, а в том внимании, которое было искусственно приковано к этой статье. Приковано партийным аппаратом, в том числе аппаратом ЦК.

В прениях никто не возражал против оценок Горбачева и моих. Но поддерживали с разной степенью искренности. Резко против статьи выступили Рыжков, Медведев. Остальные говорили вяло, неохотно, иногда по схеме «с одной стороны, с другой стороны». Лигачев отделался несколькими малозначащими фразами, отрицал, что статья Андреевой готовилась в его секретариате. Занятной была перепалка между мной и Виктором Никоновым — членом Политбюро по селу. Статья в «Советской России» ему понравилась, однако он вынужден был сказать, что согласен с оценками других товарищей. Но тут же переключился на меня, заявив, что я «подраспустил» печать, а потому публикуются и более вредные статьи, чем статья Андреевой. «Вредными» он считал те материалы, в которых критикуется партийный аппарат и навязываются «чуждые социализму идеи». Он долго говорил на эту тему, повторяя всякие банальности того времени.

Я не выдержал и предложил ему поменяться сферами ответственности.

— Поскольку у тебя, Виктор Петрович, с сельским хозяйством все в порядке, полки магазинов завалены продуктами,

получаем большие доходы от экспорта хлеба, то давай займись идеологией и приведи ее в такой же образцовый порядок, как и сельское хозяйство. А я займусь уже налаженным тобой делом.

Спору не дал разгореться Горбачев:

— Хватит вам ерундой заниматься!

Но тут же спросил:

— А все-таки, товарищ Никонов, как вы относитесь к статье?

Никонов что-то пробурчал, но я уже не помню, что именно.

Вскоре после этого заседания была опубликована редакционная статья в «Правде» под заголовком «Принципы перестройки: революционность мышления и действий» (5 апреля 1988). Я возглавлял подготовку этой статьи. Перед публикацией послал статью Горбачеву. Генсек одобрил. Но уже после этого я вставил в статью абзац о национализме и шовинизме. Наутро позвонил Горбачев и сердитым тоном спросил:

— Откуда появился этот абзац, я его вчера не видел. Наверно, Черняев вписал. Я вижу, это его штучки.

Мне пришлось сказать, что Черняев тут ни при чем.

— Не надо было этого делать!

С Анатолием Черняевым в то время мы работали душа в душу. Умный, образованный человек. С ним можно было поделиться любыми сомнениями, предложениями. И найти понимание. Кроме всего прочего, нас объединяло единомыслие по многим принципиальным вопросам. Как-то я получил от него письмо, которое, честно говоря, растрогало меня. Вот оно:

«Я часто задумываюсь над феноменом Яковлева. Вчера и сегодня собирал мысли на этот счет. И вот к чему пришел.

Этот человек сделал сам себя — при самых неблагоприятных условиях на протяжении всей жизни. И стал не только значительным для своего времени, но и выработал в себе качества, которым предстоит стать типичными, если человечество хочет сохраниться. Именно поэтому он оказался в центре событий на переходе эпох от цивилизованного варварства к гуманизму.

Есть, конечно, люди, которым наплевать, что о них думают. Если они способные или, не дай Бог, случай возносит их — такие опасны. Если они посредственность — остаются в ничтожестве. Тот, кто растит себя для людей, не может быть безразличным к тому, как к нему относятся, даже если относятся плохо. В русском народе из глубины идет: «А что люди скажут!». Это, увы, источник уравнительской психологии, но одновременно и императив совести, по которому и «выстроила» свой крестный путь русская интеллигенция.

Под этим знаком ты и «делал» себя — для людей: облагораживал природный ум, набирал образованность (теперь, по нашим временам, редкую), огранивал цельность и нравственную дисциплину характера, обнажал нервы-рецепторы, чтоб раньше других и больше чувствовать, что происходит в народе и обществе. А обобщающим началом этих мучительных трудов над собой была и есть совесть.

Поэтому столь незауряден и обаятелен твой облик человека и политика, которого уважают (или вынуждены уважать) все и любят миллионы. 2 декабря 1991 года».

В одной из своих поздних книг Черняев пишет обо мне с раздражением, правда не только обо мне. Я так и не понял, что с ним случилось. Может быть, и я допустил какую-то неловкость. Впрочем, не буду гадать. Несмотря ни на что, продолжаю считать, что Анатолий Черняев — один из тех современников Реформации России, который внес неоценимый вклад в разработку важнейших международных и внутриполитических концепций перехода общества в новое качество.

Итак, публикацией статьи в «Правде» закончился «малый мятеж» против Перестройки. В этой атмосфере начала вырисовываться своеобразная идеология, которую я бы назвал «социалистическим атеизмом». Она уходила от марксистско-ленинской догматической *неорелигии*, как бы возвращаясь к социалистической идее в ее изначальном, первородном смысле. Идейно-политический багаж «социалистического атеизма» еще только начинал складываться. Подобный «атеизм» требовал знаний, профессионализма, эффективности управления, не отдавая при этом предпочтения априори ни авторитарным, ни демократическим его формам самим по себе. Он понимал неизбежность перехода к рынку, но был готов выслушивать и иные варианты, пытался поставить общественное сознание на рельсы реалистических оценок действительности. Иными словами, формировалась база для организационного оформления социал-демократического движения.

Наиболее существенной частью Перестройки, изменившей саму сущность общественной жизни, является переход к парламентаризму. Членов Политбюро, секретарей ЦК, местных секретарей особенно волновал вопрос, как лучше избираться в парламент, чтобы сохранить свое положение.

Большинство высказывалось за квоты для общественных организаций. Михаил Горбачев долго колебался. Однажды у меня состоялся с ним долгий ночной разговор на эту тему. Он вслух взвешивал аргументы в пользу различных вариантов. Я предлагал, чтобы все члены Политбюро пошли на альтернативные выборы по округам. Он сказал, что провал на выборах любого члена ПБ не будет заслуженным, ведь все они голосовали за Перестройку и публично поддержали ее.

— Пусть все привыкают отвечать за себя, пусть едут по округам, доказывают свою необходимость быть в парламенте — такова была моя точка зрения. В ходе разговора я предложил себя в качестве возможной «жертвы» свободных выборов. Пойти на выборы по какому-нибудь округу, чтобы проверить отношение к политике Реформации. Михаил Сергеевич отклонил и это предложение, сказав, что оно будет воспринято другими членами Политбюро как политический вызов.

На Пленуме ЦК КПСС 10 января 1989 года, когда выбирали «сотню» на первый съезд народных депутатов, я занял предпоследнее, 99-е место, получив 57 голосов «против». Последним был Егор Лигачев. Против него голосовали 76 человек. Эта была очевидная реакция на «два крыла» в партии. Результатами голосования я был удовлетворен. Учитывая высокий уровень реакционности пленума, я ожидал худшего итога. Неожиданностью для многих оказалось большое число голосов против Лигачева. Но следует, однако, сказать, что, будь в списке на два кандидата больше положенного, и Лигачев, и я оказались бы за бортом депутатского корпуса.

К другим членам Политбюро отнеслись терпимее. О них сейчас мало кто помнит. Это было первое в послевоенной истории КПСС голосование, пославшее в общество сигнал о «двух партиях в партии». Политических выводов из этого факта сделано не было.

В связи с сюжетом о выборных принципах хочу сказать, что не согласен с утверждениями, согласно которым выборы по квотам от общественных организаций помогли номенклатуре закрепиться во власти. Скорее, наоборот. Наиболее активная демократическая группа на съезде народных депутатов сформировалась как раз из представителей общественных организаций. Именно они создали своеобразную демократическую диаспору в парламенте.

Первый съезд народных депутатов СССР открылся 25 мая 1989 года и продолжался до 9 июня того же года. Это были великие недели в истории страны. Волнующее событие, положившее практическое начало парламентаризму в СССР и

в России. Думаю, полного понимания значимости этого факта нет и до сих пор.

Не буду здесь рассказывать о всех перипетиях первого съезда. Для меня особенно волнующим был эпизод, связанный с образованием и работой Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. На заседании 1 июня 1989 года депутат от Эстонии Липпмаа внес официальное предложение о создании комиссии и ее составе. Моей фамилии там не было, поскольку кинорежиссер Шенгелая еще раньше предложил назначить меня председателем комиссии по расследованию событий в Тбилиси 9 апреля 1989 года. Шенгелая сказал: «Это важно потому, что некоторое время тому назад, в феврале, тоже в трудное и напряженное время он был в Тбилиси и занял определенную позицию, выступал по телевидению. Его выступление было принято всеми формалами и неформалами, всем обществом очень хорошо. Поэтому было бы правильно, если бы он согласился возглавить эту комиссию».

Михаил Сергеевич поддержал предложение грузинского делегата. Сказать по правде, я вовсе не обрадовался такому повороту. У меня еще остались неприятные впечатления от ноябрьских событий 1988 года. Первый секретарь ЦК Грузии Патиашвили, будучи в Москве, зашел ко мне и рассказал о том, что в Тбилиси события принимают все более напряженный характер, митингуют студенты. Пора принимать жесткие меры, ввести комендантский час и держать наготове войска. Я сказал, что силовое решение должно быть исключено полностью, а ему, Патиашвили, надо лететь в Тбилиси и разговаривать с людьми. Кажется, договорились.

В тот вечер я работал допоздна. Где-то около 23 часов ко мне зашел мой помощник Кузнецов, а он хорошо знал Патиашвили, и сказал, что последний только что вышел от Лигачева. Тут я встревожился и позвонил Горбачеву на дачу. Он воспринял информацию гораздо серьезнее, чем я, тут же связался с Шеварднадзе и попросил его передать митингующим личное послание Горбачева. Уже ближе к утру Михаил Сергеевич позвонил мне и с облегчением сообщил, что в Тбилиси все пришло в норму.

Живет в памяти и другой эпизод. В феврале 1989 года я проводил в Грузии отпуск и был свободен как птица. Поехал в город Телави. И вдруг телефонный звонок Патиашвили. Он сказал, что на главной площади города собирается толпа, уже начались антиправительственные выступления, что он обдумывает вопрос о возможности применения крайних мер. Я посоветовал Джумберу, который, как я понял, склонен по

характеру к панике, пойти на площадь и поговорить с людьми. Позвонил в Тбилиси своему помощнику Валерию Кузнецову, а также гостившему в Грузии Евгению Примакову, рассказал им о разговоре с Патиашвили и попросил съездить на площадь и посмотреть, что там делается на самом деле. Минут через сорок они сообщили, что ничего не происходит. Воскресенье, ходят родители с детьми. Около памятника о чем-то спорят с десяток человек. Вот и все. Я позвонил Патиашвили, но его не оказалось на месте. Однако буквально через минуту министр внутренних дел с некоторой иронией сообщил мне, что произошло «информационное недоразумение», на площади все в порядке.

Мои сомнения относительно грузинской комиссии обострил Михаил Полторанин. Он подошел ко мне и сказал: «Мой дружеский совет: не лезь в это дело. Там много темного, концы с концами не сходятся». Вот с этими смутными настроениями я вечером позвонил Горбачеву на дачу. Сказал ему, что предпочел бы возглавить Комиссию по советско-германскому договору, поскольку я по специальности историк. Михаил Сергеевич долго колебался, но все же сказал: «Подумаем».

По предложению эстонца Липпмаа разгорелись горячие прения. Было ясно, что у значительной части депутатов нет ни малейшего желания обсуждать проблему Прибалтики. Основной упор оппоненты делали на то, что оригинал секретных протоколов отсутствует. Пришлось выступить и Горбачеву, который заявил, что они с Шеварднадзе пытались найти подлинники протоколов, но их нигде не оказалось. Оба, как потом выяснилось, лукавили. Хотя причины лукавства с точки зрения здравого смысла отыскать невозможно. Для меня это остается загадкой до сих пор.

В конце своего второго выступления Липпмаа предложил включить в состав комиссии меня в качестве председателя, что было встречено аплодисментами. Началась работа — нудная и тяжелая. Собрали сотни и сотни документов — прямых и косвенных. К работе подключили советские посольства в ФРГ, Англии, Франции, США. Проштудировали десятки книг, особенно на немецком языке. Все эти документы и материалы рассылались членам комиссии. Заседания проходили очень бурно. Рабочим координатором комиссии был Валентин Фалин — человек высокой эрудиции. Своей рассудительностью он помогал создавать рабочую обстановку. Активную роль играли Г. Арбатов, Ю. Афанасьев, В. Коротич, Алексий II, Ч. Айтматов, Л. Арутюнян, А. Казанник, И. Друцэ, В. Шинкарук. Вполне понятно, что представители Прибалтийских республик занимали остро радикальную позицию, но скорее по формулировкам документа, а не по существу.

Однажды я дал почитать Горбачеву проект моего доклада. Ему все это не понравилось. Но в процессе разговора возникла идея о предварительном интервью газете «Правда» с тем, чтобы подготовить общественное мнение по этому далеко не простому вопросу. Были подготовлены как вопросы, так и ответы. Горбачев отдыхал на юге. Через два-три дня мне позвонил Черняев и сказал, что интервью одобрено, можно печатать. Представители Прибалтики критически отнеслись к некоторым положениям интервью, считая, что они не полностью отражают суть проблемы, поскольку недостаточно радикальны.

В сущности, со многими замечаниями и требованиями прибалтов можно было согласиться, но я-то знал, что решения обвинительного характера в адрес СССР съезд все равно не примет. Споры были горячими. В интересах дела я вынужден был заявить на комиссии, что выйду на трибуну и скажу, что выражаю мнение только части комиссии. Попрошу создать новую комиссию без моего участия. Сказал также, что члены комиссии могут выступить со своими вариантами доклада и решения. Тут я поддержки не нашел, решили, что выступать надо мне и от имени всей комиссии.

Последний вариант своего доклада я никому не показывал — ни Горбачеву, ни членам Политбюро, ни членам комиссии. За день до выступления ко мне подошел Анатолий Ковалев — первый заместитель министра иностранных дел СССР. Большая умница и высокой порядочности человек. Он сказал, что нашел акт передачи текста секретных протоколов из одного подразделения МИД в другое. Я обрадовался и хотел сразу же вставить его в мой доклад. Но, поразмыслив, решил оставить этот «последний патрон» про запас.

Наступило 23 декабря 1989 года, предпоследний день работы Второго съезда народных депутатов СССР (12—24 декабря). С волнением пошел на трибуну. Во время подготовки доклада я упорно нащупывал его стилистику, тональность, меру компромиссных слов и положений. В конечном итоге принял решение представить строгий научно-исторический доклад. Разделил его на две части: сначала сделал упор на том, что сам договор был правомерным и отвечал интересам страны (что понравилось одной части аудитории), а затем уже говорил об аморальности «секретных протоколов», их правовой несостоятельности. Мне было понятно, что именно последняя часть и вызовет споры. Выступление продолжалось около сорока пяти минут. Закончилось аплодисментами.

Мне задали несколько вопросов. Они не были трудными. Зал только начал переваривать сказанное. После перерыва должны были начаться прения. Но перед ними председательствующий Лукьянов предпринял попытку не открывать их, что было тактически правильно. Он зачитал две записки.

«Учитывая глубокий, всесторонний и взвешенный характер доклада товарища Яковлева, а также неуместность попыток выхода за рамки поручения Первого съезда, считаем возможным прения не открывать, а ограничиться принятием постановления. Депутаты Владиславлев и Бурлацкий». «Предлагаю прения по докладу товарища Яковлева не открывать. Принять предложенный комиссией проект постановления. Депутат Кириллов».

От себя Лукьянов добавил: «Кроме того, несколько депутатов в перерыве сказали мне: посмотрите на проект, он подписан всеми членами комиссии, завизирован, за исключением одной маленькой оговорки. Поэтому депутаты предлагают не открывать прения. Но я должен с вами посоветоваться. Кто-нибудь настаивает на открытии прений?» С места крикнули: «Нет!»

Решили прений не открывать, а начать обсуждение проекта постановления. Вот тут все и началось. Первый же выступающий, поддержав содержание доклада, отверг текст постановления, объявив его чуть ли не оскорбительным для СССР, победившего фашизм. Другие предлагали принять к сведению только 1-й пункт постановления. Третьи хотели ограничиться докладом, приняв его к сведению. Противники постановления напирали на то, что нет подлинников секретных протоколов.

Но были убедительные выступления и в поддержку выводов комиссии, например речи Казанника, Вульфсона, Роя Медведева. Последний, в частности, сказал: «Я выступаю здесь как профессиональный историк и должен сказать, что за свою многолетнюю деятельность почти не встречал столь взвешенного, точного, ясного и совершенно справедливого документа».

В конечном счете, проект постановления, подготовленного комиссией, поставили на голосование. Проголосовало «за» — 1052 депутата, «против» — 678, «воздержалось» — 150. Предложение не прошло. Не хватило 70 голосов. По правде говоря, я ожидал такого исхода.

Далее Лукьянов сказал, что поступило второе предложение: принять только пункт 1-й постановления и приложить к нему доклад. Он зачитал этот пункт: «Съезд народных депутатов СССР принимает к сведению выводы комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года». И далее: «Доклад комиссии прилагается». Не прошло и это предложение. Тогда приняли решение перенести данный вопрос на следующий день, поскольку утро вечера мудренее.

Удрученная комиссия осталась в зале заседаний и долго горевала. Я в сердцах бросил моим друзьям-«радикалам»: «Говорил же вам об осторожности, взвешенности, а вы рвались на баррикады». Все молчали. Предложил, чтобы утром я вышел на трибуну и сказал, что комиссия подает в отставку, поскольку ничего нового добавить не может. Предложение не поддержали. Отправился писать доклад с дополнительной аргументацией, а Фалин пошел дорабатывать проект постановления. Утром снова пришлось идти на трибуну. Усталый, как собака, и злой, как черт. Не выспался. На этот раз я использовал справку, данную мне Ковалевым, о передаче архивных бумаг, в которых упоминались «секретные протоколы». Интуиция меня не подвела, эта бумага сработала.

Лукьянов практически настоял на том, чтобы снова уйти от прений. Он сказал: «Как видите, товарищи, значительная часть предложений, которые внесли депутаты, комиссия учла, дала целый ряд поправок и пояснений к тому тексту, который вами получен. Надо ли нам еще раз сейчас обсуждать или можно ставить на голосование проект с поправками, предложенными комиссией?»

Решили голосовать поименно. На сей раз результаты были другие: «за» — 1435, «против» — 251, «воздержалось» — 226. Число депутатов, проголосовавших «за», увеличилось почти на 400 человек. Я понимал, что принятое постановление является решающим этапом на пути Прибалтики к независимости. Оно практически привело к серьезным изменениям во всей европейской ситуации, и не только европейской.

Упомяну об одном грустном для меня моменте по проблеме, связанной с пактом Риббентропа — Молотова. Однажды мне позвонил Борис Ельцин (он был уже президентом, а я работал в Фонде Горбачева) и сказал, что «секретные протоколы», которые искали по всему свету, лежат в президентском архиве и что Горбачев об этом знал. Ельцин попросил меня провести пресс-конференцию, посвященную находке. Я сделал это, но был крайне удивлен, что средства массовой информации отреагировали на эту выходку вяло, видимо не понимая исторического значения события. Не могу сказать, что Михаил Сергеевич препятствовал работе комиссии, — не было такого. Но до сих пор не могу уловить логику его мысли и действий.

Нечто подобное произошло и с документами по Катыни. Мне было поручено поддерживать контакты с Ярузельским по этой проблеме. Я не один раз спрашивал в общем отделе ЦК, какие документы существуют в архиве Политбюро на этот счет. Ответ стандартный — ничего нет. Но однажды ко мне зашел Сергей Станкевич и сказал, что одним из научных работников Института всеобщей истории АН СССР обнаружены архивные материалы конвойных войск, где есть документы о расстрелах более двенадцати тысяч поляков. Я немедленно встретился с директором института, профессором Чубарьяном. Он принес мне эти бумаги. Зная нравы аппарата, сначала разослал копии документов в различные организации (всего 5 экземпляров), а потом позвонил в общий отдел Болдину. Последний заволновался и попросил немедленно прислать документы непосредственно ему. Но я направил их в канцелярию, где на документах поставили все необходимые печати. Тайна вышла из-под контроля. Суетное волнение Болдина еще раз убедило меня, что документы и материалы по Катыни находятся в архивах Политбюро.

И вот в декабре 1991 года Горбачев в моем присутствии передал Ельцину пакет со всеми документами по Катыни. Когда конверт был вскрыт, там оказались записки Шелепина, Серова и материалы о расстреле польских военнослужащих и гражданских лиц, особенно из интеллигенции (более 22 тысяч человек). Михаил Сергеевич сидел с каменным лицом, как будто ничего и никогда не говорилось по этому поводу.

Возвращаюсь к парламентским делам. Когда подоспели выборы президента, то снова возникла та же проблема, что и с выборами депутатов. Я склонялся к всенародным выборам, но не был столь настойчивым, как раньше, перед выборами в парламент. Приняли решение избирать президента на Съезде народных депутатов СССР. На заседании Верховного Совета 27 февраля 1990 года я по просьбе Михаила Сергеевича взял слово. Перед своим выступлением переговорил с Николаем Травкиным, Михаилом Ульяновым, Сергеем Залыгиным, Дмитрием Лихачевым, которые также высказались в пользу необходимости поста Президента СССР.

Вопросы, которые меня волновали тогда, я изложил в своем выступлении. Привожу его основные положения, чтобы избежать вольностей в пересказе.

«Да, мы стоим на историческом рубеже. На рубеже в том плане, что наша еще хрупкая демократия требует новых импульсов, новых принципиальных шагов. Думаю, три вопроса

имеют ключевое значение для определения нашего отношения к идее президентства...

Первый: нужен ли нам президент? Мое глубокое и искреннее убеждение — абсолютно необходим, притом не столько сегодня, сколько на перспективу, мы опаздываем с введением этого института.

Второй: не рискуем ли мы вновь, пусть и в ином обличье, возродить в стране режим личной власти, которая станет через какое-то время неограниченной и неуправляемой? Но это уже зависит от нас, от того, насколько продумаем мы всю систему президентской власти и как будем контролировать ее использование.

Третий: осмелимся ли мы наделить президента достаточными, необходимыми правами, дабы сделать его пост эффективным, а не символическим? И это тоже зависит от нас, от нашей веры в самих себя, в свою готовность выполнять гражданские и парламентские обязанности.

В идущих сейчас дискуссиях часто высказывается такая точка зрения: люди устали — устали от напряженности, неурядиц, неопределенностей, от падения уважения к закону и роста преступности, конфликтов, других негативных проявлений. В явной или неявной форме сторонники такой точки зрения видят в будущем президенте «сильную руку», «твердую власть», способную навести порядок. Такие ожидания распространены в обществе, в них есть немалый резон, и с ними нельзя не считаться.

Но полагаю, что, помимо крайне необходимого наведения порядка и законности в стране, новый подход к институту президентства стал бы еще и дополнительной преградой против попыток неконституционного стремления к власти...

Нужны новые органы власти и отработанная система взаимоотношений между ними. Новые кадры и люди, воспитанные в уважении к демократии и закону. Нужны сами законы и четкие, ясные процедуры их исполнения. По всем этим вопросам мы еще много будем спорить друг с другом. Не все сможем решить и сегодня.

Общество должно быть надежно защищено от беззакония, от попыток со стороны никого не представляющих безответственных или коррумпированных сил узурпировать власть. Общество должно быть излечено от правового нигилизма.

Надо выходить из медузообразного состояния власти и укрепить суть подлинной демократии, основанной на законе».

Как видно из текста, в установлении поста Президента я видел преграду попыткам «неконституционного стремления к власти», попыткам «коррумпированных сил узурпировать власть», а также необходимость «перегруппировки политических сил» и утверждения власти закона. Увы, я оказался прав в своих опасениях. «Неконституционное стремление» выявилось в форме мятежа 1991 года, а что касается коррумпированных элементов, то они прочно и, видимо, надолго обвенчались с властью.

Верховный Совет после острой дискуссии принял решение об учреждении поста Президента СССР. Голоса разложились следующим образом: «за» — 347, «против» — 24, «воздержалось» — 43.

Михаил Сергеевич попросил меня выступить и на съезде народных депутатов 12—15 марта 1990 года, избиравшем президента. Он явно побаивался за результаты. Обстановка на съезде оказалась более сложной, чем на заседании Верховного Совета. В перерывах между заседаниями я слышал упорные разговоры о том, что Горбачева не выберут, что его шансы нулевые, что надо искать новую кандидатуру. С одной стороны, говорили о том, что он недостаточно демократичен, а с другой — что слаб характером, а потому не сможет навести порядок. В кулуарах в качестве кандидатов на этот пост назывались имена Вадима Бакатина и Николая Рыжкова. Подходили и ко мне с предложением о президентстве.

Выступая, я гнул свое и на этот раз, уговаривая депутатов не менять лошадей на переправе. Пожалуй, стоит привести основные положения моей речи и на съезде. Вот они:

«В сущности, сегодня, в эти часы, в эти минуты мы решаем судьбу страны, вернее, определяем направление, по которому она может и должна развиваться дальше.

Сомнения, которые здесь прозвучали, и рассуждения о том, какую форму должно принять избрание президента, у меня лично создают ощущение, что колокола нашей судьбы могут дать трещину. Я очень боюсь, как бы расчеты не превратились в просчеты, которые могут очень дорого обойтись народу и государству.

Кажется, все мы убеждены в том, что встали на правильный путь преобразований, что решаем задачи стратегического характера, что страна и ее народ взялись за ломку тысячелетней российской парадигмы несвободы, решились на поворот к свободному развитию.

Идея всенародного голосования звучит очень привлекательно. Да она и верная, эта идея. Но мы — политики, законодатели — и потому обязаны отдать предпочтение конкретному состоянию, а не абстрактным размышлениям, промедление может отбросить нас назад...

Говорят о нежелательности совмещения должностей. Вопрос здесь есть. Но стоит ли нам сегодня вставать на путь противостояний, каких-то подозрений, особенно в условиях необходимости объединения здоровых сил общества в целях его перехода в новое качество? Кроме того, Генеральному секретарю партии надо отчитаться на предстоящем съезде о своей работе.

Далее. Не будем играть в прятки: сегодня идет речь об избрании президентом страны конкретного лидера — Михаила Сергеевича Горбачева. Кажется, с этим согласны почти все. Тогда по какой же шкале справедливости и нравственности мы сегодня сначала как бы примеряем эту тяжелейшую «шапку Мономаха», а потом хотим ее засунуть в пыльный чулан? Дважды умереть и дважды родиться нельзя».

Горбачева избрали. За него проголосовало 59,2 процента депутатов.

Встал вопрос об избрании Председателя Верховного Совета СССР. В перерыве, перед тем, как началось выдвижение кандидатов, мне сообщили, что будет выдвинута и моя кандидатура. Избрание гарантировали. Как мне сказали, меня поддержат межрегиональная группа и большинство депутатов из союзных республик. Я попросил не делать этого, поскольку Горбачев твердо стоит за Лукьянова.

Ох уж эта лояльность! Быть может, история пошла бы по другому руслу, если бы я не впал в этакое меланхолическое благородство. По крайней мере, мятежей, подобных августовскому, не было бы и в помине. Но тогда мне не хотелось влезать в эту кашу. В стране столкнулись тысячи интересов, и надо было иметь не нервы, а веревки, чтобы выдержать обжигающие волны эмоций, амбиций, демагогии, горлопанства. Я пошел к Горбачеву посоветоваться, рассказал ему о ситуации. Михаил Сергеевич посмотрел на меня подозрительно. Он как бы запамятовал, что мною было сделано для него во время президентских выборов. Я сказал Горбачеву, что сейчас уйду со съезда, сказавшись больным. Он одобрил такой шаг.

Не следовало мне этого делать. И все равно на заседании была выдвинута и моя кандидатура. Когда началось обсуждение, то председательствующий сообщил, что Яковлев приболел и попросил разрешения уйти со съезда. В это не поверили, поручили Примакову, председателю Совета Союза, свя-

заться со мной и выяснить мое настроение. Примаков позвонил мне и в полушутливой форме спросил:

— Значит, ты не хочешь быть Председателем Верховного Совета?

— Нет, не хочу.

— Правильно, я тоже отвел свою кандидатуру.

Председательствующий сообщил съезду о моем отказе баллотироваться на эту должность. Все это происходило 15 марта 1990 года. Председателем Верховного Совета СССР избрали Лукьянова. Как показало дальнейшее развитие, это было серьезным поражением демократических сил.

Пророков в стране не оказалось, а дураков — в избытке. К сожалению, в России очень много всесторонне недоразвитых личностей. Они-то и пошли на августовский мятеж 1991 года. Они и до сих пор время от времени заказывают музыку, а мы поем, очень часто не зная, о чем поем. Только потомки верят мыслителям, современники упиваются речами демагогов. Но меня особенно удивило то, что бывшие члены антигосударственного вооруженного мятежа пользуются финансовой опекой некоторых нынешних банкиров и промышленников. Ведь приди гэкачеписты к власти, эти капиталисты первыми бы угодили в тюрьму. Остается предположить только одно — еще с давних пор они были связаны со спецслужбами. Другого объяснения найти невозможно.

Итак, одни волнения кончились, начались другие. Впереди маячил XXVIII съезд. Настроение было ужасное. Появились признаки агонии и этой власти. Я почувствовал, что уже не нужен Горбачеву, а потому решил упростить ситуацию, написав ему следующую записку.

«Обдумывая наш последний разговор, я все больше утверждаюсь в мысли, что при Президенте СССР (с непосредственным выходом на группу советников) должен действовать современный научный центр гуманитарных исследований. Как я Вам уже говорил, такой центр крайне важен для проведения постоянной аналитической и прогностической работы, в необходимых случаях — строго конфиденциальной, в интересах института президентства...

Поэтому я прошу Вас рассмотреть вопрос об организации при президенте СССР Фонда (Центра) общественно-политических и гуманитарных исследований. В практическом плане это возможно сделать на базе Института общественных наук, который может быть выкуплен у КПСС.

Хотел бы еще раз подчеркнуть крайне важное значение такого проекта как с точки зрения текущих и долговременных потребностей президентской власти, ее укрепления и действенности, так и для развития отечественной науки в интересах обновления и демократизации нашего общества. 13 февраля 1991 года».

Сказал Горбачеву, что хотел бы поработать в таком Центре. Он ответил так: «Я не возражаю, но договорись с Дзасоховым, секретарем ЦК». Позвонил Дзасохову. Практически получил отказ, что меня обидело до глубины души. Поскольку Горбачев в этой связи пальцем не пошевелил, я понял, что отказ был согласован. Для меня все это прозвучало дополнительным сигналом, что Михаил Сергеевич хочет удалить меня из своего окружения. Удалить подальше. Видимо, не выдержал нажима со стороны нового Политбюро. Потом я узнал, что на базе Института общественных наук создан научный центр под руководством Шахназарова — помощника Горбачева.

Неожиданно в апреле 1991 года Горбачев включил меня в делегацию, отправляющуюся в Японию. Он знал мой интерес к этой стране. Делать там мне практически было нечего, обязанностей никаких. Я воспользовался свободным временем и решил официально обратиться к Михаилу Сергеевичу с запиской-предупреждением о том, что готовится государственный переворот. Я долго колебался, дело-то серьезное, а фактов у меня не было — только интуиция. Приведу эту записку с некоторыми сокращениями.

«Очень сожалею, что в японской суматохе не удалось отыскать время для совета. Наверное, в разговоре, когда глаза не обманывают, легче донести те размышления и муки, которые овладевают мною все сильнее. В сущности, речь идет об императиве, о котором я писал Вам еще в конце 1985 года, о формировании двухпартийной системы. Вопрос этот сейчас, при разгуле страстей и при низкой политической культуре, стал актуальнее, чем когда бы то ни было. Это судьба перестройки. Уже ясно, что в нынешних условиях две партии лучше, чем одна или сто. Общество может принять такой поворот.

Насколько я осведомлен, да и анализ диктует прогноз: ГОТОВИТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ СПРАВА (то есть коммунистический. — А. Я.). Образование партии «Союз» резко изменит обстановку. Наступит нечто, подобное неофашистскому режиму. Идеи 1985 года будут растоптаны. Вы да и Ваши соратники будут преданы анафеме. Последствия трагедии не поддаются даже воображению.

Выход один (в политическом плане): объединение всех здоровых демократических сил, образование партии или движения общественных реформ. Я берусь посвятить остаток своей жизни на это дело, то есть на создание прочной социальной базы перестройки, базы демократической и цивилизованной. Понимаю все трудности и неприятности для себя, но уверен: идти вперед будет легче — появится надежная опора для маневрирования, для уверенной политики без оглядки.

Конечно, все это должно остаться между нами, как и в 1985 году...

Хотелось бы надеяться, что я убедил Вас в своевременности и императивности этого дела. Я верю в создание на этом пути новой политической ситуации, благоприятной для преобразований. Уверен: здравый смысл способен стать стержнем политики. 18 апреля 1991 года, Токио».

К сожалению, понимания со стороны Горбачева это предупреждение не встретило. И на этот раз мне было трудно понять Михаила Сергеевича. К этому времени я фактически был отстранен от реальных дел. Я еще не знал тогда (хотя и чувствовал), что Крючков затеял против меня операцию провокационного характера, начал подслушивать телефонные разговоры, содержание которых направлялось в секретариат президента. Изоляция была весьма ощутимой, била по самолюбию. Меня выдавливали.

Я свято верил и продолжаю верить, что свобода — единственный путь спасения России от гибели. Это в идеале. А на практике улетучивались романтические иллюзии относительно политики и политиков. В те до боли памятные дни, дни горьких раздумий, тяжелых предчувствий, вынужденного полубезделья, в голову лезли разного рода воспоминания, запоздалые вопросы к самому себе и к Михаилу Сергеевичу. Они были малоприятными, но помогали более реалистично преоценивать факты из прошлого, те факты, которые раньше очень хотелось считать случайными. Факты и события, к которым я в свое время отнесся политически легковесно, подчиняясь сопливым эмоциям, а не интересам свободы страны. Я понимаю, что эти слова звучат слишком патетически, но это мои чувства и мои раздумья.

На практическую ногу встал вопрос об организации партии или движения, которое могло бы в это критическое время составить конкуренцию КПСС. В случае нормального хода событий подобная реформаторская организация, я уверен, сумела бы на выборах отодвинуть верхушку аппарата КПСС

в сторону от власти, сформировав правительство демократического большинства. Было подготовлено политическое заявление, которое подписали Гавриил Попов, Эдуард Шеварднадзе, Станислав Шаталин, Аркадий Вольский, Иван Силаев, Николай Петраков, Александр Руцкой и другие. Я тоже подписал это заявление. Мне же пришла в голову и мысль назвать эту организацию Движением демократических реформ. До сих пор считаю, что Движение имело будущее. Но мятеж 1991 года погубил и это общесоюзное движение.

Мне надоело находиться в подвешенном состоянии. В конце июля 1991 года я подал Горбачеву заявление об отставке. Состоялся обстоятельный разговор. Мне трудно было расставаться с человеком, с которым вместе прошагали целую эпоху. Я пытался еще раз доказать Горбачеву неизбежность надвигающегося мятежа. Он с этим не соглашался, возлагая все свои надежды на подписание Союзного договора. Уговаривал остаться, но меня до сих пор не покидает впечатление, что я стал ему обузой.

Заговорщики, в свою очередь, а они начали организационно группироваться еще в начале 1991 года, не хотели видеть меня рядом с Горбачевым в день «икс». Но как раз в суровые августовские дни 1991 года именно я оказался вместе с ним, хотя Михаил Сергеевич этого не понял и не оценил. Жаль, очень жаль.

Время с осени 1990 года вплоть до ввода танков в Москву в августе 1991 года отмечено крайней агрессивностью реваншистско-большевистских сил. Выразилось это в остервенелом наступлении на демократию, в организованной спецслужбами травле всех тех, кто выступал против опасности военно-бюрократической диктатуры в стране. Чтобы понять, как это делалось, приведу лишь один пример.

В марте 1991 года состоялся митинг демократических сил против политики союзного правительства и в поддержку Ельцина. В сущности, это был митинг перед выборами Президента России. Прошу обратить внимание на секретное сообщение начальника оперативного отдела московской милиции о действиях демонстрантов: *«Мешая восстановлению движения автотранспорта, они выходили группами на проезжую часть, умышленно подталкивая под движущийся транспорт детей и пожилых людей, останавливали автомашины, в том числе «скорой медицинской помощи»».*

Вот ведь какие они, демократы! Детей и стариков — под машины!

Особой ожесточенностью в борьбе с перестроечным курсом отличались армейские и флотские издания, которые пы-

тались отравить солдат и офицеров ненавистью к демократии. Их деятельность направлялась Главным политуправлением армии и флота. Нет нужды в цитатах и в перечислении авторов статей. Их можно найти в библиотеках. Со временем трубадуры ненависти будут названы, кликушествующие идеологи раскола общества, необольшевистские литературные холопы-оруженосцы — тоже. Стенограммы съездов и пленумов писателей, республиканских, краевых и областных партийных комитетов будут, я надеюсь, опубликованы. Вспомним, что всех, кто не был согласен с «партийной линией», стали именовать в партийной прессе «сбродом», «перевертышами», «негодяями», «предателями». В КПСС сформировалась антиреформаторская коалиция, в которой объединились парт- и госбюрократия, военная элита, верхушка военно-промышленного комплекса и спецслужб. К сожалению, Горбачев не смог точно оценить обстановку, чтобы принять необходимые меры.

Явно активизировался Крючков. Он вел дело к тому, чтобы повторить в Москве вильнюсские события. В связи с этой опасностью 1 февраля 1991 года Верховный Совет России принял постановление «О политическом положении в РСФСР». В нем, в частности, было написано: «Осудить случаи противоправного вовлечения воинских подразделений и военизированных формирований в политические конфликты... Установить, что введение на территории РСФСР мер, предусмотренных режимом чрезвычайного положения, без согласия Верховного Совета РСФСР, а в период между сессиями без согласия Президиума Верховного Совета РСФСР недопустимо».

В ответ на это Секретариат ЦК КПСС 5 февраля 1991 года принимает постановление, в котором говорится, что так называемые независимые средства массовой информации «ведут систематическую кампанию клеветы на партию, Вооруженные силы, органы и войска КГБ и МВД СССР, очернения отечественной истории. Отчетливо видно стремление псевдодемократов под прикрытием плюрализма мнений посеять недоверие народа к своей армии, вбить клин между командирами и подчиненными, младшими и старшими офицерами, унизить защитника Родины». Михаил Сергеевич продолжал в это время быть руководителем партии. Некоторые бывшие члены указанного Секретариата утверждают, что текст был согласован с Горбачевым. Трудно поверить, но трудно и предположить, что подобные провокационные решения принимались без ведома первого лица в партии.

На другой день, то есть 6 февраля, — новый скандал. В здании Верховного Совета РСФСР была обнаружена комната с подслушивающими устройствами, связанными с «жучками» в кабинете Ельцина. «Хозяевами» этой комнаты были сотрудники КГБ СССР. Подобная комната для прослушивания телефонных и других разговоров секретарей и членов Политбюро ЦК, не говоря уже о работниках более низкого ранга, была в свое время и в ЦК КПСС.

Напряжение нарастало. Крючков направляет Горбачеву пространное письмо «О политической обстановке в стране». Он упрекает президента, что «политика умиротворения агрессивного крыла «демократических движений»... позволяет псевдодемократам беспрепятственно реализовать свои замыслы по захвату власти и изменению природы общественного строя». Перечислив «ужасы», которые идут от демократов, Крючков предложил: *«Учитывая глубину кризиса и вероятность осложнения обстановки, нельзя исключать возможность образования в соответствующий момент временных структур в рамках осуществления чрезвычайных мер, предоставленных президенту Верховным Советом СССР».*

Практически это письмо являлось политической программой мятежников августа 1991 года, подготовкой к введению чрезвычайного положения, ко всему тому, что уже практически готовилось в КГБ. Будущие путчисты и большевистская печать под руководством группы Крючкова все громче и громче голосили о кознях империализма, деятельности ЦРУ, «агентах влияния» и т. д. Мне до сих пор представляется очень странным, что Горбачев никак не реагировал на подобные действия людей из его «команды». Видимо, он надеялся, что заключение Союзного договора положит конец антиреформаторской активности, уберет их вдохновителей с политической арены. Трагический просчет.

17 июня в Ново-Огареве завершал работу подготовительный комитет по подготовке проекта Союзного договора. В тот же день состоялось закрытое заседание Верховного Совета СССР. На нем выступили премьер-министр Павлов, министр обороны Язов, министр внутренних дел Пуго, председатель КГБ Крючков. Они уже знали о том, что не будут в составе нового правительства, поскольку Крючков подслушивал ход заседания президентов союзных республик в Ново-Огареве, на котором обсуждались и кадровые вопросы.

Я не пошел на это заседание Верховного Совета, поскольку ничего интересного не ожидал. Но ошибся. Кто-то из друзей позвонил мне и сообщил, что, судя по выступлениям, пахнет переворотом. Я тут же позвонил Горбачеву и расска-

зал ему о содержании выступлений. Горбачев ответил, что он дал санкцию на выступление только Павлову и удивлен, что оно сделано в таком духе. Добавил, что о выступлениях «силовиков» он слышит впервые.

Ораторы фактически обвинили президента в действиях, противоречащих интересам СССР. Язов сказал, что советские войска в результате политики Горбачева и Шеварднадзе выводятся из Германии, Венгрии, Польши «в чистое поле», что из-за намерения Горбачева сократить армию на 500 тысяч человек из Вооруженных сил уволено 100 тысяч офицеров, многие из которых не выслужили пенсию. Он заявил, что если дело пойдет так и дальше, то «Вооруженных сил у нас скоро не будет». Пуго сообщил депутатам о росте преступности, усилении межнациональных конфликтов, о том, что только за год — с 1 августа 1990 года — МВД изъяло свыше 50 тысяч единиц огнестрельного оружия, тонны взрывчатки. Ответственность за это Пуго возлагал на политическое руководство страны. О своей ответственности и ответственности руководства армии за разбазаривание оружия он даже не упомянул.

Крючков зачитал депутатам письмо Андропова, направленное в Политбюро еще 24 января 1977 года, которое называлось «О планах ЦРУ по приобретению агентуры среди советских граждан». В письме, в частности, говорилось:

«Американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой... Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи».

Известно, что Генеральная прокуратура в свое время официально запрашивала службу внешней разведки о том, какими данными она располагает об «агентах влияния». Эта служба ответила, что подобных фактов не обнаружено. Да и сочинители этого тезиса отлично знали, что они грубо блефуют. Им надо было внедрить в общественное сознание тезис, что российские преобразования — дело рук Запада, особенно его спецслужб. Сейчас этот тезис порядком износился, однако политические спекулянты продолжают облизывать его.

Будущих мятежников активно поддержала фракция «Союз». Таксист из Харькова кричал: «Долой Горбачева и мафиозную группу, которая его окружает». В эту группу, по его мнению, входили Яковлев, Шеварднадзе, Аганбегян. Сажи Умалатова потребовала лишить президента дополнительных полномочий и передать их правительству. У вице-президента Янаева спросили: знает ли о сути дискуссии Горбачев? Янаев заверил, что Горбачев «в курсе вопроса и не видит здесь никакого политического подтекста».

Михаил Сергеевич пришел на заседание только на следующий день. Выступил. Остановился на речи Павлова и сумел дезавуировать ее, но дальше не пошел, хотя у него была прекрасная возможность убрать еще до мятежа эту организованную группу заговорщиков, продемонстрировав тем самым, что в стране есть власть и дееспособный президент. Ничего подобного предпринято не было, что и вдохновило сталинократию на активную подготовку к захвату власти.

Глава четырнадцатая

ПОСЛЕДНИЙ СЪЕЗД КПСС

У XXVIII съезда была возможность решительно распрощаться со сталинизмом и сталинократией. Но и в новых условиях партии недостало ни здравого смысла, ни предвидения, чтобы влиться в русло реальной жизни. И, в сущности, не выглядит парадоксальным, что после съезда партийная элита явно поехала в еще более реакционную сторону. В процессе самопожирания и одновременно в борьбе за выживание партийная и чекистская номенклатура в 1991 году пошла на антигосударственный мятеж, что привело к хаотическому распаду страны и деформировало процесс эволюционного развития России по пути демократии.

Автор

Последний съезд КПСС уже забыт общественностью, как и многие остальные, кроме, пожалуй, XX съезда и доклада на нем Хрущева. А зря забыт — это был предсмертный съезд партии, многолетнее царствование которой привело к трагедии России, её отсталости. Нет смысла докучать читателю рассказом обо всех съездах, в которых я участвовал, в том числе и в их подготовке. Они в принципе похожи друг на друга. Стоит, пожалуй, упомянуть вкратце только о XXVII съезде и XIX партконференции.

XXVII съезд — первый времен Перестройки. Он работал с 25 февраля по 6 марта 1986 года. Не прошло и года после того, как состоялся апрельский (1985) Пленум ЦК КПСС, который был весенней ласточкой, возвестившей начало практических изменений в жизни страны. Но когда сегодня читаешь стенограмму XXVII съезда, складывается впечатление, что в стране ничего серьезного еще и не произошло, что по земле гулял лишь легкий ветерок надежд.

Этот упрек отношу и к себе. Дело в том, что именно я возглавлял рабочую группу по подготовке Отчетного доклада. Михаил Сергеевич решил на этот раз отдохнуть зимой в Пицунде, недалеко от Сочи, часто звонил мне, спрашивал, как идут дела с подготовкой доклада. Наконец пригласил к себе на юг. Погода там была прохладная, мы сидели в летней раздевалке на берегу моря, в домашних одеждах, укрытые пледами и... спорили, без конца спорили. Я с улыбкой вспоминаю те уникальные дни. Хмурая погода, по небу куда-то торопятся облака, на берегу плещутся сердитые волны, ветер порой забегает и к нам. И сидят в дощатой постройке люди и маются над каждым словом, каждой фразой, отстаивают

свои предложения. Доходило и до мелких ссор. Но все сходились в одном — докладу предстоят серьезные испытания. Надо было умудриться пройти по тонкой проволочке сложнейшего времени, причем без страховки.

Не могу не вспомнить две заключительные строчки из стихотворения Высоцкого «Мой Гамлет»:

...А мы все ставим каверзный ответ. И не находим нужного вопроса...

И вопрос, и ответ Перестройка все-таки нащупала в признании универсальности общечеловеческих ценностей, внеся огромный вклад в демократическую эволюционную революцию.

Свои короткие рассуждения о самом XXVII съезде я начну, пожалуй, с выступления Бориса Ельцина. Оно было похоже на все другие, но именно его хочу процитировать, чтобы показать образ мышления и настроения верхушки власти того времени.

Борис Николаевич начал свою речь со следующих слов: *«На одном из съездов партии, где были откровенные доклады и острые обсуждения, а затем делегаты выразили поддержку единства, Владимир Ильич Ленин наперекор скептикам с воодушевлением воскликнул: «Вот это я понимаю! Это жизнь!» Много лет минуло с тех пор. И с удовлетворением можно отметить: на нашем съезде снова атмосфера того большевистского духа, ленинского оптимизма, призыва к борьбе со старым, отжившим во имя нового. (Аплодисменты.) Апрельский Пленум ЦК КПСС, подготовка к XXVII съезду, его работа идут как бы по ленинским конспектам, с опорой на лучшие традиции партии. Съезд очень взыскательно анализирует прошлое, честно намечает задачи на 15 лет и дает далекий, но ясный взгляд в будущее».*

В таком же духе если не думала, то говорила партийная элита. Я цитирую Бориса Ельцина вовсе не для упрека, а только потому, что через некоторое время он оказался в эпицентре политических страстей и событий. Он-то сумел понять, куда бежит время, а вот многие другие руководящие номенклатурщики так и не проснулись.

На съезде, как и раньше, демонстрировалась подмена жизни привычным традиционным ритуалом. Хотя на самом-то деле за прошедший год произошло очень многое в настроениях людей. Все бурлило. Но слова-то в партийном обиходе остались старые, постановления и резолюции — тоже, методы работы как бы закостенели. Меня и самого охватило недоумение, когда я через многие годы после съезда прочи-

тал стенограмму речей. Психологическая аберрация, видимо, объяснима: жизнь потянулась к свету, а инерционное сознание номенклатуры продолжало тащиться по наезженной колее.

Это противоречие очевидным образом отразилось и на докладе Горбачева. Мы явно не хотели пугать раньше времени собравшуюся властную элиту, но и не могли не сказать о проблемах, которые нуждались в незамедлительных решениях. Доклад отражал реальные противоречия не только в самой жизни, но и в верхних эшелонах власти.

За десять лет жизни вне страны я малость отвык от конкретной и весьма колоритной политической практики, которая определяла психологию номенклатуры. На дачу в Волынское мы вызывали людей буквально пачками. И каждый хотел поговорить со мной лично, надеясь заручиться поддержкой в будущем. Они понимали, что коль заведующего отделом, а не секретаря ЦК, как это было раньше, назначили руководить подготовкой Политического доклада, то предстоит мое повышение по службе. Может быть, впервые в жизни я пожалел, что не обладаю даром литературно-художественного сочинительства, ибо психологического материала для произведений любого жанра — драмы, комедии, трагедии — было более чем достаточно.

Итак, уже в самом начале доклада было сказано: *«Пройденный страной путь, ее экономические, социальные и культурные достижения — убедительное подтверждение жизненности марксистско-ленинского учения, огромного потенциала, заложенного в социализме, воплощенного в прогрессе советского общества. Мы вправе гордиться всем свершенным за эти годы — годы напряженного труда и борьбы!»*

Аплодисменты! Аплодисменты политической трескотне. И каждый раз, когда звучала хвала партии и социализму, звучали дружные аплодисменты пяти тысяч человек — десять тысяч ладоней. Но в этом же докладе звучали острые фразы об инертности, застылости форм и методов управления, нарастании бюрократизма, о догматизме и начетничестве. Слова те же самые, что и раньше, но контекст, в котором они произносились, был другой, более живой и беспокойный, я бы сказал, более тревожный.

Прозвучали стандартные слова об империализме, о том, что основное содержание эпохи — это переход от капитализма к социализму и коммунизму, об общем кризисе капитализма. Однако замечу, что эти глупости были не только данью партийной инерции, но произносились и для того, чтобы замаскировать ключевую фразу доклада. Она звучит так: *«Трудно, в известной мере как бы на ощупь, складывается противоречивый, но взаимозависимый, во многом целостный мир».*

И вот, когда я пишу о лукавстве того времени как образе поведения перестройщиков, я имею в виду приемы, один из которых я только что продемонстрировал. Сладкую риторику проглотили с удовольствием, а вот значение слов *о целостном и взаимозависимом мире* не сразу дошло до сознания. А как раз они-то и носили принципиальный характер, означавший радикальный отход от марксизма, его установок на классовую борьбу и мировую революцию, ставили под сомнение неизбежность и необходимость борьбы двух систем. Практически это был первый сигнал об императивности глобализации основных мировых процессов, прозвучавший на высшем политическом уровне в условиях еще старой системы.

В экономической области упор был сделан на концепции *ускорения социально-экономического развития.* Механизм этого ускорения так и остался тайной. Мелькали старые-престарые штампы: поднять, углубить, повысить и много других общих слов, и ничего конкретного. Мелькали стереотипы об авангардной роли рабочего класса, совершенствовании социально-классовых отношений, о социалистическом самоуправлении, борьбе с религиозными предрассудками, нетрудовыми доходами и прочие, уже набившие оскомину фразы.

И снова выстрел — требование *о развитии гласности*. Значение этого положения, которое подложило мощнейшую мину под тоталитарный режим, партийная элита поняла позднее. Она-то имела в виду управляемую гласность, и не более того. Кстати, полустраничные рассуждения на эту тему трижды прерывались на съезде аплодисментами. Текст о гласности написал я. Особенно дорожил фразой: *«Нам надо сделать гласность безотказно действующей системой»*. Если бы знала номенклатура, чему она аплодирует, то бы... Нет, не поняла. Иными словами, сладко проглотили, да горько выплюнули.

Новая редакция Программы КПСС была под стать докладу. О результатах работы программной комиссии съезда было поручено доложить тоже мне. Подходило время моего выступления. Но надо же так случиться, что за день до этого я заболел тяжелым гриппом с температурой до 39,5°. Врачи пытались привести меня в рабочее состояние, но все равно на трибуну пришлось идти с температурой. Выдержал. Видимо, нервное напряжение помогло.

Чтобы представить себе те цепкие заблуждения, которыми была пропитана номенклатура, сошлюсь лишь на два утверждения Программы:

Первое: *«Социализм в нашей стране победил полностью и окончательно».* Второе: *«Третья программа КПСС в ее настоящей редакции — это программа планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны. Это программа борьбы за мир и социальный прогресс».*

Конечно, банальщина. Да и съезд был благочестивым, проходил по всем правилам партийной рутины. Слова, слова, одни слова. Приветствия, подарки, песенки пионеров. И года не прошло с тех пор, как осудили пустословие, а оно, это пустословие, снова полилось через край. Продолжали подсчитывать, сколько и кому посвящено строчек в докладе — молодежи, женщинам, ветеранам, рабочему классу и т. д.

Как же я и многие мои друзья чувствовали себя? Тоскливо, но и с надеждой. Вечерами, во время застолий, говорили противоположное тому, что писали. Горбачев призывал нас к «свежим мыслям», но сам-то он осознавал, что еще связан по рукам и ногам сложившимися правилами и заскорузлым политбюровским окружением. Отсюда наше лукавство. Кстати, оно доходило до того, что наиболее принципиальные положения, например такие, о которых сказано выше, в наших разговорах мы не выпячивали, чтобы не вспугнуть сторожей догматизма. Рассчитывали на невежество. Конечно, не очень-то хорошо людей дурачить, но что поделаешь.

Кстати, обсуждалась идея готовить доклад не по накатанной схеме, а по проблемам. Но осталось сие на уровне пожеланий, поскольку было ясно, что Политбюро с этим не согласится. Причем будут умерщвлять такой доклад не впрямую, а начнут вставлять какие-то убогие фразы из бездонного мешка стереотипов. От проблем мало что останется. Читаю материалы этого съезда и улыбаюсь. Как мог я тогда мириться с очевидной чепухой? Да, мог. И делал это чаще всего без особого внутреннего напряжения. Ибо это было тогда, а не сегодня. Не буду даже утверждать, что «сам-то не хотел, но вот обстоятельства»... Никто не заставлял, кроме времени и заскорузлости партийных порядков. Еще четко работали созданные Сталиным «правила игры». На съездах — одни правила, они неукоснительно соблюдались, а в жизни — другие. Это считалось вполне нормальным — и политически, и этически.

Наша нацеленность на постепенное создание платформы кардинальных изменений, на обновление жизни требовала крайней осторожности и тщательной обдуманности всех словесных формул, практических шагов и их последствий. С этой точки зрения моя записка Горбачеву в декабре 1985 года, которую я опубликовал в начале книги, была едва ли осуществимой в начале Перестройки. Впрочем, сегодня никто этого знать не может. В том, что писал тогда, был убежден. Теперь же, сочиняя доклады, я все время держал себя под прицелом собственной цензуры.

28 июня — 1 июля 1988 года состоялась XIX Всесоюзная партконференция. За два истекших после XXVII съезда года обстановка изменилась кардинально. Эффективно заработала гласность, значительно расширившая пропасть недоверия между правящим номенклатурным классом и подавляющей частью народа. Политически активная часть общества забурлила всевозможными инициативами. Создавались дискуссионные клубы, различные неформальные объединения, народные фронты, комитеты содействия Перестройке. Впервые публично заговорили о многопартийности, радикальной переналадке экономических отношений. Публикация «Тезисов ЦК КПСС» к этой конференции обнажила то, что было очевидно прежде лишь немногим: разномыслие в партии фактически привело ее к расколу на антиперестроечные и реформаторские силы. Если бы в то время фактический раскол в партии был оформлен организационно, то история страны пошла бы совсем по другому пути. Если бы...

Скажу так: итоги конференции в значительной мере разочаровали всех — и правых, и левых, и центристов. И это несмотря на достаточно содержательную дискуссию и прогрессивные для того времени резолюции.

Особенно мне дорога резолюция «О гласности». Я был председателем комиссии, избранной конференцией для выработки этой резолюции. Предлагать ее собравшимся пришлось тоже мне. В итоге появился документ, которым я горжусь. В нем утверждалось, что гласность — это форма «всенародного контроля за деятельностью всех социальных институтов, органов власти и управления», что гласность демонстрирует «открытость политической системы общества». Без гласности нет демократии. Практически резолюция о гласности — наиболее прогрессивный и демократический документ тех времен. А может быть, и единственный.

Осталось в памяти выступление Виталия Коротича. Дело в том, что в «Огоньке» была опубликована статья о коррупции в высших эшелонах власти, в частности в ЦК КПСС. Такого поворота номенклатура стерпеть не могла. На конференции потребовали объяснений, вытащили Коротича на трибуну. Виталий точно сориентировался в обстановке. Он не стал задираться, отвечать на выкрики, появление статьи объяснил

тем, что хотел помочь руководству партии в борьбе со взяточничеством и прочими безобразиями. А в конце выступления передал Михаилу Сергеевичу папки с документами. Это был эффектный ход — всех разбирало любопытство, что там, в этих бумагах. Уж не о них ли, родимых?

XIX партийная конференция своей открытостью, демократизмом ускорила процесс формирования новой политической культуры, вызвала цепную реакцию диалога, свободных дискуссий о будущем страны. Конечно, для многих подобное было неожиданностью, ведь страх — отец нетерпимости, слишком долго властвовал над людьми, сжигая совесть и деформируя сознание.

Предвыборная парламентская кампания, начавшаяся в конце этого же, 1988 года, привела к дальнейшей радикализации общества. Возникла необходимость уточнения первоначального плана Перестройки, более глубокой, чем предполагалось, вспашки сложившихся экономических и политических оснований жизни. Сам по себе факт, что каждый гражданин может выдвинуть себя кандидатом в депутаты, предложить свою программу развития, не совпадающую с планами правящей партии, — очевидное свидетельство перемен.

Незаурядным событием того времени явилась встреча Горбачева с высшими иерархами Православной церкви. К сожалению, наша общественность, пресса, часть интеллигенции не сумели по достоинству оценить глубину сдвига в политической истории СССР, вызванного этой встречей, а затем торжественными мероприятиями, связанными с тысячелетием Крещения Руси. Понятно, что я как непосредственный куратор идеологии (сектор по религии находился в моем ведении) принимал в этом прямое участие. В сущности, эти события означали легализацию дореволюционной религиозной культуры в истории России.

Восстановление оборванных со времен октябрьской контрреволюции связей с прошлым России шло одновременно по многим линиям. Первопроходческим событием можно считать и решение о переиздании классики русской философии. Когда я по своей инициативе внес это предложение, честно говоря, не надеялся, что оно будет принято. Но Михаил Сергеевич поддержал его. Меня к этому предложению привела идея, что появление в духовном обращении высших достижений общественной мысли России заметно расширит рамки социального мышления и духовности. Я верил, что этот шаг избавит вступающие в жизнь поколения обществоведов, социологов, историков от интеллектуальной зашоренности, позволит им понять внутреннюю логику развития русской философии и взглядов на мир. Когда обществовед чувствует за плечами мощные по своей нравственной силе умы Соловьева, Флоренского, Бердяева, Булгакова, Франка, Лосского, Ильина и др., он не может не думать и не жить душой.

Меня часто обвиняют в разных, мыслимых и немыслимых, грехах. Оправдываться считаю примитивным занятием. Однако проблемы духовной жизни (история культуры, религии, философия) выходят за рамки личных переживаний и размышлений. Поэтому и считаю необходимым напомнить эти факты всяким придуркам из стада фашиствующих большевиков, назойливо обвиняющих меня в русофобстве. Иными словами, большевики уничтожали религию, крестьянство, свободу, все партии, запрещали издавать великие произведения по философии и культуре, а их авторов изгоняли из страны, а я, вместе с другими «русофобами», активно восстанавливал духовное наследие страны.

Хотел бы также напомнить, что все начинания 1988 года, направленные на преодоление одномерной сталинской идеологии, сковавшей на десятилетия мысль и душу народа, выявили активное сопротивление идеологических противников нового социального мышления, плюрализма в духовной жизни. Эти люди всю жизнь видели свой долг, смысл работы в том, чтобы «бороться» и «разоблачать». В новых условиях у них не оказалось ни знаний, ни культуры, чтобы в открытом и честном споре отстаивать свои убеждения.

Особая партийная общественная «наука», получившая монополию на истину, не хотела и не смогла примириться с новой, невыносимой для нее ситуацией. Большинство из этих ученых привыкло получать деньги за удушение мысли, а потому они в силу своей «идеологической озверелости» оказались просто не в состоянии заниматься нормальным научным творчеством. С моей же точки зрения, только освобождение от государственной историографии и может восстановить правду о России, которая является единственно достойной платформой идеологии свободы. Я не скрывал этих взглядов, а потому и был обвинен в отступничестве от неких «истин», тех самых, которые всегда были бесстыдным предательством свободной общественной науки.

Решения XIX партийной конференции были просаботированы партийной номенклатурой. Раскол в партии приобретал все более глубокий характер, что и привело КПСС к тяжелейшему кризису в преддверии XXVIII съезда. Этот съезд состоялся через два года после XIX конференции, летом 1990 года. Он разительно отличался от других: был бурным, похожим

на пьяного мужика, заблудившегося на пути к дому. Падает, поднимается, снова ползет и все время матерится. Всех понесло к микрофонам и на трибуну. Активность невероятная, как если бы хотели отомстить самим себе за 70 лет страха и молчания. Конечно же было немало и здравых, умных выступлений, но они глушились топотом двуногих особей. Иными словами, активизировались оба крыла в партии — реакционное и демократическое.

XXVIII съезд по существу начался на пленуме ЦК, состоявшемся 5—7 февраля 1990 года, почти за полгода до самого съезда. Уже на нем обозначились линии раскола, искры будущих стычек, циничных схваток за власть, которые начисто заслонили заботу о будущем страны, конкретные проблемы, стоящие перед государством в сложный переходный период.

Доклад Горбачева на пленуме, который явился основой доклада и на XXVIII съезде, был посвящен Платформе партии к предстоящему съезду. Платформа называлась «К гуманному, демократическому социализму». Там остались многие рудименты псевдосоциалистических положений, больше похожих на ритуальные заклинания, чем на что-то существенное. Но если вчитаться в текст доклада и Платформы, то можно легко увидеть, что перечень постулатов, от которых партия должна отказаться, мало что оставлял от привычных принципов советского социализма. *Говорилось, в частности, что партия должна очиститься «от всего, что ее связывало с авторитарно-бюрократической системой».*

Задача огромной важности, но невероятно сложная. Она не решена до сих пор. Более того, рецедивы авторитаризма в путинские времена явно оживились. Почему? А все потому, что мышление правящей верхушки остается почти тем же самым. Ее заботило и заботит не судьба страны, а сохранение собственной власти. В докладе прозвучала очень важная фраза *о неизбежности перехода общества в новое качественное состояние*, но и это не привлекло внимания. Дискуссия на пленуме пошла по пути, как если бы никакого доклада и не было. Уже первое выступление секретаря Киевского горкома партии Корниенко началось с жалобы на то, что коммунистов на местах освистывают, есть призывы уничтожать коммунистов. И тут же обращение к Горбачеву: не пора ли ему и другим высшим руководителям задуматься «над судьбой честного трудового народа». Оратор заявил, что «речь идет уже о самом главном — о власти, о перспективах сохранения правящей партии». Тут он попал в точку. Именно об этом и шла речь.

Диссонансом в общей говорильне прозвучала речь Фесенко — шахтера из Донецка. Интересная речь, умная, от жизни. Он задал прямой вопрос: кому нужна 6-я статья Конституции о руководящей роли партии? Рядовым коммунистам? Да нет же. Эта статья для аппарата. «Не надо говорить о какой-то руководящей роли партии в целом, надо говорить о том, какую позицию сейчас занял партийный аппарат. В основном из-за его консервативной позиции Перестройка и не движется... Кто дискредитирует партию? Дискредитирует аппарат».

Никто этого шахтера не поддержал, если не считать выступление Ельцина, который обвинил ЦК в догматизме, в нерешительности, в нежелании партии перестраивать саму себя. Он заявил, что монополия на власть довела страну до крайнего состояния, а народ — до нищеты. И за это надо отвечать, сказал оратор. Платформу партии он оценил в целом положительно, но заметил, что ее «писали две руки: правая и левая». Кстати, так оно и было. Ельцин назвал 10 пунктов — предложений по «спасению партии». Конечно же они не были приняты пленумом. После этой речи верхний эшелон номенклатуры начал особенно активно плести интриги вокруг Ельцина. Тут же последовала речь посла в Польше Бровикова, старого партийного функционера, который изложил самую замшелую даже для того времени позицию. Он громил Перестройку, все законы и решения, принятые в последние годы.

Выступление Бровикова послужило еще и приглашением к персональной критике. Зазвучали фамилии членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК Рыжкова, Слюнькова, Медведева, Лигачева, Разумовского. Критическую атмосферу посыпал перцем Егор Лигачев, когда стал говорить о неких антисоциалистических силах в партии. Заявил также, что он «решительно против, чтобы проект Платформы ЦК к съезду в той или иной мере открывал даже щели для внедрения частной собственности».

Вспомнили о радикалах и консерваторах. Поскольку фамилии консерваторов уже прозвучали, надо было обозначить и радикалов. Легкий выстрел в мой адрес сделал второй секретарь ЦК Казахстана Ануфриев. Слова любопытные. «Говорят, — сказал он, — что конструктором, соратником является товарищ Яковлев. Его называют за рубежом именно таким конструктором. Я скажу, что товарищ Яковлев — наш великий молчальник. У него есть блестящее выступление по поводу юбилея Французской революции. Я преклоняюсь перед этим докладом. Но, товарищ Яковлев, объясните нам эти

процессы, ваши замыслы, ваши идеи. Может быть, мы поверим. Пока что тревога. Пока настоящая в народе боль за все эти процессы».

Честно говоря, мне хотелось ответить ему, сказать, что я думаю. Но решил все-таки потерпеть до съезда, однако ход дискуссии принудил меня к выступлению и на этом пленуме. Конечно же в известной мере я продолжал лукавить. Говорил об укреплении социализма, зная уже, что он обречен на умирание. Говорил об угрозе раскола партии, понимая, что в жизни он уже произошел. Призывал к единству, которого уже не могло быть по определению. Но, несмотря на эти и другие амортизаторы, необходимые на этой крутой и скользкой дороге, моя речь как бы приглашала к осмыслению противоположных взглядов, к дискуссии. Я говорил о свободе человека, свободе слова и творчества, о собственности и товарно-денежных отношениях, о рынке, новых производственных отношениях на селе и переустройстве деревни как приоритете политики, новом понимании роли партий в обществе, изменении структур власти, политическом плюрализме, проблемах самоуправления.

Выступил и Крючков из КГБ. Он сосредоточился на критике речи Фесенко, уловив, что шахтер попал в десятку, назвав аппарат главной опорой административно-тоталитарной системы. Глава политического сыска еще сильнее, чем раньше в своих же речах, закрутил идею катастрофичности. Это стало как бы командой для тех аппаратчиков, которые тесно сотрудничали с КГБ.

Тональность дискуссии прыгала как мячик — то вверх, то вниз. Первым, кто обратил внимание на искусственное нагнетание обстановки, был Сергей Алексеев. Он сказал: «Мне сдается, что мы уперлись в драматизирующие и пугающие других и нас самих фразы и слова — «кризис», «все хуже», «провал», «крах». Доводим подчас себя до истерического самоисступления». Сергей Сергеевич хорошо понимал, что вся эта паническая обстановка создавалась с умыслом, с надеждой, что она затормозит преобразования.

Выступающие все ближе переходили к персональным оценкам. С. Горюшкин — секретарь парткома Московского машиностроительного завода, начал со слов: «Не могу согласиться с безудержным оптимизмом концовки выступления товарища Лигачева», а закончил так: «И последнее — о выступлении товарища Ануфриева по поводу Александра Николаевича Яковлева и о позиции народа. Я думаю, позиция народа такова, что не Яковлев, а Лигачев должен подавать в отставку».

Это было своевременной поддержкой, поскольку я знал, что среди участников пленума активно дебатируется вопрос о каких-то дисциплинарных мерах против меня, но обстановка оказалась не столь простой, как она представлялась ортодоксальной группировке. Усиливались уколы и в адрес Лигачева. Например, Кораблев, партработник из Ленинграда, бросил такую фразу: «Товарищ Лигачев занимался сельским хозяйством, которое больше, чем в нем, нуждается сегодня в законе о земле». Как говорится, не в бровь, а в глаз.

Я ждал ответного удара по моему выступлению, но его (кроме отдельных пустых замечаний) не последовало. Развязка наступила, когда перешли к вопросу о положении в Компартии Литвы. После вступительного слова Горбачева на трибуну вышел Альгирдас Бразаускас — первый секретарь ЦК Компартии Литвы. Его речь была разумной, взвешенной, но пленум встретил ее враждебно. Началось судилище.

Что касается меня, то поначалу дело сводилось к отдельным упоминаниям: «был в Литве», «что-то сказал», «не обратил внимания». Но вот и гром грянул, давно ожидаемый мною. Секретарь ЦК Литвы на платформе КПСС, по фамилии Швед, тесно связанный с КГБ, заявил: «Нередко на самом высоком уровне благословляются процессы, отнюдь не перестроечные. Например, меня просили передать членам пленума, что в республике многие коммунисты связывают идейно-теоретическое обоснование процессов, приведших республику к сегодняшней ситуации, с визитом в Литву Александра Николаевича Яковлева в августе 1988 года, когда эта ситуация только складывалась».

В перерыве ко мне подошел Горбачев и сказал: «Ко мне подходили рабочие из Нижнего Новгорода и сообщили, что они собираются потребовать от тебя официальных разъяснений своей позиции». Он посоветовал выступить и добавил, что даст мне слово вне очереди — «с рабочим классом шутить нельзя». Поначалу я растерялся. Под суд, на демагогическое растерзание идти не хотелось. Примерно представлял, во что это выльется. Многие хотели крови и зрелищ.

В своем выступлении я пожурил литовцев за действия, ведущие не к подлинной независимости, а к сепаратизму. Но в целом говорил о своем принципиальном отношении к национализму. Не хочу пересказывать, лучше процитирую. *«Оправдываться всегда плохо, неудобно. Но все-таки я должен внести ясность, поскольку вот уже который раз на пленуме моя фамилия, так или иначе, фигурирует в связи с литовскими событиями.*

Что я думаю по этому поводу и что я говорил в Литве?.. ...Все мы знаем об особой опасности национализма. Но само явление возникает то тут, то там, как неукротимый Феникс из пепла. Значит, есть тому не только субъективные, но и объективные причины. Тут надо уходить от догм и штампов, и не только применительно к национализму, но и ко всем другим объективным факторам, питающим его, ибо национальный вопрос — это крайне деликатное, крайне тонкое дело».

Говорил о вкладе республики в общесоюзную культуру и науку, говорил о том, что память бережет славу, которую в 60-е годы снискали поэма Межелайтиса «Человек», монумент Йокубониса «Скорбящая мать», фильм Жалакявичюса «Никто не хотел умирать». В 70-е годы страна узнала честную и глубокую прозу Авижюса, философские поэмы и пьесы Марцинкявичюса, а Банионис стал популярнейшим актером. В 80-е годы общесоюзное признание получили Литовский камерный оркестр, взошла звезда молодого режиссера Некрошюса. Говорил о необходимости бережного отношения к национальному достоянию любого народа, к языку, культуре, архитектурным и иным памятникам; о противоречивом воздействии экономики на межнациональные отношения; о проблемах федерации, которые не обошли ни один народ, включая и такую республику, как Россия; о том, что по всем этим и иным вопросам межнациональных отношений требуется взвешенная и убедительная позиция...

«Такова моя точка зрения... Я излагал ее не раз и в других выступлениях. Она была, есть и будет такой. Я категорически против любого национализма, но я за то, чтобы развивалось все подлинно национальное по самому широкому фронту: язык, культура, добрые традиции, все то, что и характеризует Народ. И чем он малочисленнее, тем больше такта и внимания требует...»

В перерыве мы встретились с Бразаускасом.

— Не обидел я вас? — спросил я Альгирдаса.

— Ну что вы! Я все понимаю. Спасибо!

И чтобы подтвердить эту позицию, на трибуну литовцы делегировали Ю. Палецкиса, секретаря ЦК Компартии Литвы. Он сказал: «Тут уже не первый раз процессы в Литве связывают с приездом в августе 1988 года Александра Николаевича Яковлева. Я думаю, что это совершенно не так. Первые митинги, стотысячные митинги, прошли в Литве до этого приезда. Если так идти дальше назад, то многие скажут, что корень процессов в Литве — в апреле 1985 года. И действительно, если бы не Перестройка, то мы жили бы комфортабельно для функционеров и успешно шли бы на дно, я бы сказал, к румынской ситуации».

И тут же выступление секретаря параллельного ЦК Кардамавичюса. Заявив, что выступления Бровикова, Лигачева и Сайкина отражают мнение большинства коммунистов, он обрушился на Палецкиса и на меня. «Мы хотим еще раз товарищам передать, что пребывание товарища Яковлева в Литве действительно принесло ряд нехороших дел в нашей республике».

«Отступников» из Литвы осудили. Но на этом дело не закончилось. Я-то думал, что все позади, пора успокоиться. Ведь когда собственная фамилия била по ушам, сердце каждый раз подпрыгивало, как лягушонок. Ан, нет! Главное оказалось впереди. Берет слово Мальков — первый секретарь Читинского обкома КПСС, и вносит следующее предложение: *«Мы, Михаил Сергеевич, о членах Политбюро много на местах слышим разноречивых заявлений, рожденных, как я считал до сих пор, домыслами и слухами. И каждый раз пытаемся убеждать людей, что ничего подобного нет и мы этому свидетелями никогда не были. Я думаю, сегодня члены ЦК вправе поставить перед Политбюро вопрос так — к следующему пленуму, который у нас, очевидно, будет через месяц, нужно внести ясность. В конце концов, о товарище Лигачеве в течение двух лет идет разговор с одной стороны, а теперь есть еще и другая сторона. Давайте разберемся. Если товарищ Шеварднадзе не прав, надо ему разъяснение дать на пленуме, что так непотребно себя вести. Если товарищ Яковлев не прав, ему тоже это нужно сказать. Если товарищ Лигачев не прав — то ему. Но после сегодняшнего пленума мы в очередной раз уже разоружены, и нам нечего объяснить коммунистам».*

Я чувствовал: участникам пленума явно хотелось поучаствовать в будущем спектакле, но все же осторожность победила. А вообще-то, если говорить с позиций сегодняшнего дня, такое сопоставление точек зрения было бы, на мой взгляд, полезным. Возможно, оно и предопределило бы организационное размежевание. Горбачев в своем заключительном слове отверг предположение о расколе в Политбюро, объяснил происходящее нормальными дискуссиями, хотя и сам понимал, что это не так.

Платформу КПСС, которая по отдельным позициям приближалась к социал-демократической, пленум принял. На словах многие выступающие поддерживали Перестройку, но с показным гневом отводили даже мысль о том, что соци-

ализм уже мертв, а партия обанкротилась. Вот с этим багажом двоемыслия, с мышлением, построенным на иллюзиях, и направилась партия к последнему, XXVIII съезду.

В период между февралем и июнем — июлем 1990 года я мучительно обдумывал, как мне вести себя в дальнейшем. Эта тема преследовала меня, угнетала, не давала покоя. Надо было окончательно преодолеть самого себя, стряхнуть ложные надежды и многолетние привычки, открыто возвращаться к идеям, которые я обозначил в письме Горбачеву еще в декабре 1985 года.

Сегодня многим молодым «свободолюбцам» все это кажется простым делом. Перо в руки, язык на трибуну и пошел «творить» новую жизнь. Иногда сквозь треск слов новых политиков и политологов так и слышится желание отнести себя к более решительным и смелым людям. Нет, миленькие, нет, родненькие. Оглянитесь на сегодняшний день. Не хочу кого-то и в чем-то конкретно упрекать, но думаю, что жизнь, которая бывает очень жестокой, еще не раз будет учить уму-разуму политических наездников на резвых скакунах свободы, безумно жаждущих оставить хоть какие-то следы в книге истории. И еще раз оглянитесь. Нельзя же не видеть, что сгруппировались и такие руководящие деятели, которым ближе безумие Нерона, сжегшего Рим, а не здравый смысл и совесть.

После долгих раздумий я принял решение изложить свои позиции на предстоящем съезде и в любом случае ни в какие руководящие органы партии не входить. Это решение довел до конца, хотя оно и было половинчатым. Фактически я остановился на середине пути, о чем сегодня сожалею. Надо было просто покинуть съезд и попытаться создать партию подлинно демократического типа.

XXVIII съезд во многом представлял из себя некий слепок с февральского пленума ЦК. Доклад на сей раз готовился без меня. Но за три недели до съезда мне позвонил Горбачев и сказал, что подготовленным текстом не удовлетворен. Он попросил меня подготовить ему текст для начала доклада, который был бы в большей степени адекватен современным тенденциям развития. В ходе разговора прояснилось, что речь идет о социал-демократических мотивах. Я сделал это. Мои размышления на этот счет вошли в доклад.

Докладчик достаточно убедительно защищал Перестройку. Говорил о тяжелейшем наследии прошлого. Давайте вместе, говорил он, вспомним и порассуждаем. Запущенность сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, она что, возникла вчера, после 1985 года? Плачевное состояние наших лесов, рек, миллионы гектаров затопленных плодородных земель в результате прежней политики в области энергетики — это что, деяния последних лет? Тяжелая экологическая ситуация — более ста городов в зоне бедствия, свыше тысячи остановленных из-за этого предприятий; драмы Байкала, Арала, Ладоги, Азова; Чернобыль и другие аварии, катастрофы на железнодорожных дорогах и газопроводах — разве все это не последствия политики, проводившейся в последние десятилетия?! А разве структура экономики, в которой всего одна седьмая часть производственных фондов сосредоточена на выпуске товаров народного потребления, не сложилась еще в тридцатые годы? А все то, что выплеснулось сегодня в межнациональных отношениях, разве не уходит корнями в прошлое? Уже не говоря о милитаризации экономики, поглотившей колоссальные, причем лучшие материальные и интеллектуальные ресурсы, равно как и о невосполнимых человеческих потерях, связанных с войной в Афганистане...

Таким образом, продолжал Горбачев, сама логика Перестройки, острота социально-экономической ситуации в стране подвели нас вплотную к необходимости фундаментальных перемен в экономической системе. Речь идет о формировании новой модели экономики: многоукладной, с разнообразными формами собственности и хозяйствования. Достаточно определенно он высказался и по рыночным отношениям. Пытаясь убедить участников съезда в необходимости рынка, он говорил о тысячелетней эволюции — от стихийного обмена товарами до эффективного рыночного механизма. Мы рассматриваем рынок не как самоцель, а как средство повышения эффективности экономики, жизненного уровня людей. Он должен помочь решить задачу придания нашей экономике большей социальной направленности, разворота ее к интересам человека.

Многое сказанное в том докладе звучит, с моей точки зрения, и сегодня актуально. Горбачев ставил во главу угла социальные проблемы, которым должен быть подчинен рынок. Но, как и раньше, докладчик аргументировал свои рассуждения необходимостью укрепления социализма и ссылался при этом на Ленина. Однако костыли вероучителя не помогли. Многих делегатов доклад сразу же настроил на воинственный лад. К этому надо добавить, что уже в самом начале съезда, когда обсуждались оргвопросы, прозвучали предложения, которые очень не понравились ортодоксальному большинству.

Например, делегат из Ленинграда предложил рассмотреть вопросы о политической ответственности КПСС перед народом и о полной национализации партийного имущества. Шум в зале. Делегат из Свердловска потребовал заслушать содоклады от демократической, марксистской платформ и от Ленинградского инициативного съезда. Опять шум. И уж совсем размашистым прозвучало предложение делегата из Магадана, который предложил объявить отставку ЦК КПСС во главе с Политбюро и не избирать их в члены руководящих органов съезда, а также дать на съезде персональную оценку каждому секретарю ЦК и члену Политбюро.

После долгих препирательств было решено заслушать отчеты членов Политбюро и секретарей ЦК. Понятно, что готовилась политическая расправа. Главной мишенью фундаменталистская номенклатура избрала меня, о чем речь пойдет дальше. Хотя не жаловала и Горбачева. Первым тревожным звонком оказалось голосование об утверждении его председателем какой-то комиссии. Против проголосовали 1046 человек. Я видел, как он был удручен этим щелчком.

Я понимал, что слово для отчета получу одним из первых. Накануне до утра писал свое сочинение. У каждого жанра свои правила. Если говорить по большому счету, то в этом выступлении я пытался доказать, что партия еще может что-то сделать для страны, если одумается, реформируется и помолодеет. Но сегодня речь идет о жестокой схватке идеи народовластия и практики народоподавления. Предупредил о том, что движение к демократии неизбежно, оно пойдет — с партией или без нее.

Этот тезис вызвал особенно острую критику некоторых делегатов. Однако на практике так оно и случилось: преобразования пошли без партии, более того, в условиях бешеного сопротивления партийной, военной, кагэбистской и хозяйственной номенклатуры. Говорил о лицемерии, лжи, зашоренности сознания. «Люди устали от наших слов, споров и обвинений. Треск слов — еще не гул истории и не поступь времени».

Надо сказать, мое выступление произвело определенное впечатление. Меня провожали аплодисментами до тех пор, пока не вернулся на свое место в зале. Конечно, я не ждал похвал. Но в прениях, когда люди говорили о моей позиции, преобладала осторожная уважительность. Впрочем, всего было вдоволь. Например, первый секретарь Иркутского обкома Потапов, критикуя просчеты в идеологической работе, упомянул о том, что «в отчете уважаемого Александра Николаевича Яковлева даже вспомнилось об Иисусе Христе и

многом игривом другом». Но тут же поддержал мое предложение об обновлении партии, чтобы она не оказалась на обочине истории. Делегат Сергеев сказал: «Александр Николаевич Яковлев напомнил нам на съезде о том, как Христос изгнал из храма менял. Вот бы и сегодня повторить эту акцию! *(Аплодисменты, смех.)* А то открываю «Московский комсомолец» за 27 апреля этого года, а там написано: «Если бы кто-то показал: вот теневые деньги, нажитые нечестным трудом. Но откуда знать: где какие?.. Лучше подумать, как «связать» эти деньги, чтобы они нашли выход. Можно использовать акционерный капитал, продажу в частные руки маленьких магазинчиков и мастерских, сдачу земли в аренду...» Читаю и вижу, менял приглашают устроить «пир в храме». А автор приглашения — Александр Николаевич Яковлев».

Делегат Белоусов из Казахстана сказал, что «не совсем согласен с товарищем Яковлевым Александром Николаевичем в том, что сегодня классовый подход к оценке явлений надо заменить общечеловеческими ценностями. Класс рабочих, класс крестьян, класс интеллигенции, но у нас сейчас появился и класс подпольных миллионеров. Но я не хочу быть с ними в одном классе».

Перечислять все упреки не буду. Все говорили об одном и том же.

Из Секретариата съезда мне передали 250 вопросов. Подавляющая часть была изложена в острой форме и с обвинительным уклоном, другая — в доброжелательной. Не буду здесь излагать вопросы и мои ответы. Замечу лишь, что именно в этом выступлении я фактически заявил о своей отставке, сказав следующее: *«Одни записки требуют моей отставки, другие наоборот. Я для себя этот вопрос решил, поэтому кто поддерживает меня, спасибо; кто требует отставки, я удовлетворю эти запросы и прошу вас в дальнейшем, хотя никакого выдвижения еще не началось, прошу извинить (я просто отвечаю на записки) — не хочу затруднять никого моими самоотводами на этой трибуне».*

Ждал какой-то реакции от Горбачева на эти слова, но ее не последовало. Я все понял, но серьезных выводов не сделал. Наверное, меня подкупило то, что Михаил Сергеевич пригласил меня помочь сформировать список нового состава ЦК. Кого-то удалось включить в список, кого-то, наоборот, изъять. Себя я, конечно, исключил. Но это уже не имело ни малейшего значения. Составлялся список «мертвых душ».

Впрочем, это были своего рода цветочки, ягодки ожидали меня впереди. Оказывается, по рядам зала гуляла записка о

моей встрече с молодыми делегатами съезда, которая состоялась накануне. Блуждающую справку мне никто не показал, о ее существовании я узнал лишь тогда, когда пришла пора отвечать на вопросы делегатов съезда.

Делегат с Алтая Зеленьков обратился к Горбачеву с просьбой дать в заключительном слове оценку моей позиции. Как сказал оратор, эта позиция носит скрытый от партии и делегатов съезда характер. Ему, то есть Яковлеву, было задано более 20 вопросов относительно его отдельной встречи с делегатами, но почему-то он побоялся здесь их огласить. Возникает недоумение: легально ли он работал все время в ЦК и Политбюро или нелегально?

Я попросил дать мне эту справку. Бумажка произвела на меня оглушающее впечатление. Грубая, примитивная фальсификация, рассчитанная на идиотов. Я не знал, что делать, как поступить. Честно говоря, растерялся. Переговорил с председательствующим Рыжковым. Он сказал: «Не обращай внимания. Видишь, что происходит».

Но мир не без добрых людей. Слово взял Борис Резник — корреспондент «Известий» по Хабаровскому краю. Не могу удержаться, чтобы не процитировать его:

«Я был на встрече Александра Николаевича Яковлева с членами движения «Демократическое единство». На этой встрече присутствовали и секретари райкомов партии, и секретари парткомов, а не только неформалы. Встреча была откровенной, доброжелательной, наполненной обостренным чувством ответственности за судьбу партии. При этом утверждаю как участник и очевидец: Александр Николаевич во всех своих высказываниях проявлял осмотрительность, деликатность, осторожность, терпимость. Сказать об этом я просто обязан, потому как через пару дней в этом зале в великом множестве появились распечатанные на ксероксе справки о ходе встречи. Даже не передергивания — откровенная, наглая ложь содержится в каждом абзаце этого так называемого документа. Например, на вопрос: «Как Вы расцениваете овации на съезде Лигачеву?» — Александр Николаевич ответил: «У нас демократия, кто кому хочет, тот тому и аплодирует». В справке: «Кто хочет, тот пусть и хлопает. Но надо бы сделать все, чтобы он не был избран в руководящие органы». Чувствуете разницу? А фразы: «Сделаю все, чтобы членом Политбюро не стал министр обороны», «Я за акционерный капитал», «Горбачев озвучивает мои идеи» и так далее — вообще плод больного воображения автора справки. Ничего подобного Яковлев не говорил. У нас есть магнитофонная запись его выступления. Я вот думаю, сидел человек, накропавший справку в зале, где проходила встреча. Наверняка он делегат съезда (пускали только по мандатам). До какой степени безнравственности надо упасть, чтобы лгать так гнусно, беззастенчиво, называть фамилии, которые не упоминались, приписывать утверждения, которых не было?!

Я прошу съезд поручить Секретариату провести расследование, каким образом подобная ложь была размножена и распространена среди делегатов». (Аплодисменты.)

Рыжков: «Я должен доложить съезду, что в адрес Президиума поступил ряд записок по этому вопросу. И в перерыве товарищ Яковлев обратился в Президиум, в частности ко мне как к председательствующему, чтобы ему дали возможность сегодня до обеденного перерыва выступить здесь». Слово мне дали на другой день. Я был зол до предела. Ночью перед выступлением не раз приходила мысль уйти со съезда. Но посоветоваться было не с кем. Как-то так получилось, что никто в этот вечер не пришел ко мне с товарищеской поддержкой. Все были заняты своими делами. Я почувствовал себя одиноким и морально беззащитным, в состоянии, когда уходишь в себя и сооружаешь свой «железный занавес».

Выступил резко. Характеризуя настроения на съезде и около него, привел тексты некоторых листовок:

«Поставить и решить вопрос об ответственности нынешнего руководства КПСС во главе с М. С. Горбачевым и А. Н. Яковлевым за экономический и социальный кризис в стране, межнациональные конфликты, подрыв ее безопасности, развал Варшавского Договора и всей системы социализма, о соответствии деятельности М. С. Горбачева и А. Н. Яковлева занимаемым постам в партии и о пребывании их в ней».

От имени московского общества «Единство» распространялась бумажка, в которой было написано: *«Горбачев — паралич партии и государства»*, окончательное разрушение социализма *«по ревизионистским рецептам Яковлева»*. Распространялась статья из газетенки «Русский голос». В ней призывы: *«Нам нужен новый Гитлер, а не Горбачев. Нужен срочно военный переворот. В Сибири у нас еще много неосвоенных мест, ожидающих своих энтузиастов, проваливших дело перестройки».* Упоминалась и моя фамилия.

Заканчивая свое выступление, я сказал:

«Конечно, все это оставляет рубцы на сердце, но я хотел бы сказать организаторам этой скоординированной кампании, тем, кто стоит за этим: укоротить мою жизнь вы можете, но заставить замолчать — никогда!»

Относительно фальшивки о моей встрече с молодыми делегатами была образована комиссия. Я, конечно, знал, что авторов фальшивки никто искать всерьез не будет. Всем своим существом чувствовал, что надо уходить из этой политической организации, не способной на что-то полезное. Но не хватило решимости. Горько было и то, что Горбачев, как правило, уходил с моих выступлений и даже мизинцем не пошевелил, чтобы хоть как-то поддержать меня. Ну если не на съезде, так хотя бы в частном разговоре со мной.

Рассказывали мне, что заседания комиссии по моему вопросу были бурными. Самих авторов провокации никто и не искал. В кулуарах называли имена Родионова — будущего министра обороны, Рыжова — работника оргтодела ЦК и некоторых других. Но кто их знает? Не пойман — не вор. Следующие два дня я не был на съезде. Мне сообщили, что работа комиссии закончена, мошенники не обнаружены, провокацию осудили.

В ходе работы съезда было еще несколько эпизодов, касавшихся меня. Когда обсуждали состав комиссии по доработке платформы КПСС, делегат Никитин с Украины внес предложение «избрать руководителем этой комиссии товарища Яковлева Александра Николаевича, секретаря ЦК КПСС, который действительно, в нашем понимании, лучше видит те программные задачи, которые сейчас стоят перед партией».

Я вышел на трибуну и отказался.

Когда началось выдвижение кандидатов на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, делегат Ильин предложил «включить в список для избрания на пост Генерального секретаря Александра Николаевича Яковлева».

Я снова вышел на трибуну и отказался.

На совещании руководителей делегаций внесли предложение избрать меня заместителем председателя партии с тем, чтобы сохранить ее единство.

И снова пришлось идти на трибуну и отказываться.

После избрания руководящих органов были опубликованы результаты опроса, проведенного среди делегатов съезда до этих выборов. Опрос предсказал поражение Лигачева. По личному рейтингу все места между Горбачевым (лидер, рейтинг 54,4) и Лигачевым (8,1) заняли политики из команды Перестройки. Более того, в первую десятку возможных лидеров партии из ортодоксов попал только Лигачев. Но в ней оказались и пятеро из фактически выдвинутых потом на должность Генсека кандидатур, в том числе три имени, чей рейтинг оказался самым высоким: Горбачев, Яковлев, Бакатин.

Конечно, съезд не сводился к разговорам вокруг моей персоны. Но полагаю естественным, что я остановился на эпизодах, касающихся меня, ибо *это мои воспоминания и мои оценки.* А во-вторых, было очевидно, что наиболее яростные противники Перестройки, сосредоточив свою критику на мне, на самом-то деле речь вели о Перестройке в целом. Сцепились фактически две партии. Только жаль, что организационного размежевания не произошло. И в этом виноват в первую очередь я, если принять за исходную позицию тот расклад политических сил, который был летом 1990 года. На мой взгляд, тогда сложились благоприятные возможности для создания второй партии. Должен с горечью признаться, что проявил тогда личную слабость, не сумев оценить в полной мере историческую необходимость такого шага.

Вернемся к съезду. В общем-то, на нем преобладали выступления серые, безликие, бессодержательные. Что касается руководства партии, то наиболее замшелые отчеты предложили съезду члены Политбюро Лигачев и Крючков. Они клялись в вечной верности Перестройке и лично Горбачеву, но утверждали одновременно, что Перестройка должна носить социалистический характер, то есть предлагали новую химеру. Лигачев говорил, что он «поставлен в центр политической борьбы» за свою «неуступчивую позицию в отношении подлинного социализма». Он бросал камни в огород Горбачева, не называя его по имени, критиковал Перестройку за «безоглядный радикализм, импровизации, шараханья», которые мало что дали за последние пять лет Перестройки. Он, не колеблясь, включил общечеловеческие ценности в социалистические и тут же критиковал перестроечную политику за забвение классовых подходов. Все это было довольно скучно.

Конечно, были на съезде речи, идущие от разума, проникнутые заботой о стране, ее будущем. Солидно звучали выступления Бориса Ельцина, Давида Кугультинова, Леонида Абалкина, Геннадия Ягодина. Ельцин, кстати, сказал, что «на этом съезде стоит вопрос, прежде всего, о судьбе самой КПСС. Если говорить точнее, здесь решается вопрос о судьбе аппарата верхних эшелонов партии. Вопрос стоит исключительно остро. Найдет ли в себе силы аппарат КПСС ре-

шиться на перемены? Использует ли он тот последний шанс, который дает ему этот съезд? Или да, или нет».

Прекрасно прозвучало выступление Михаила Ульянова. Он открыто бросил упрек «вечно вчерашним». Обнажая мышление подобного сорта деятелей, Ульянов сказал: «Эх, хорошо бы вернуться назад, к железной руке, к единообразию и однообразию, к стройным рядам, где никто и пикнуть не смел! Нет уж, упаси нас Боже от еще одной железной руки! Ничего эта рука, кроме крови, репрессий, реакции, нам не принесет. ...Мы хотим жить по законам и здравому смыслу».

Итак, закончился последний съезд партии, правившей страной более 70 лет. Сегодня осталось только осмысливать то, что же произошло тогда, летом 1990 года, если посмотреть на события *с точки зрения исторической*. Начать с того, что от XXVIII съезда КПСС некоторые ожидали суда над Перестройкой. Однако ни судом, ни анализом ее он не стал. Существуют две крайние оценки съезда.

Первая: «ничего особенного не произошло...» Простите, как это? Первый за 60 с лишним лет съезд, на котором шла реальная, напряженная политическая борьба. Подобного съезда не было *никогда* на памяти советских людей. Одно это — уже особенность глубокого смысла. В тоталитарном режиме появилась глубокая трещина. Огромно его международное значение. Развалилась партийно-государственная организация, замышлявшая затащить через насильственные революции все человечество в лоно мирового коммунизма, то есть в царство насилия и одномыслия.

Другая: «съезд завершился, не дав ответа...» Оценка весьма распространенная и «справа», и «слева» (с разной, естественно, расшифровкой, на что же не ответил съезд). И во многом верная, но все же не до конца честная, означающая, на мой взгляд, только одно: интеллектуальное иждивенчество. Взыскующий ответа да предложит его! Да и по рогоже золотом не шьют.

Было два духовных полюса съезда. Один — дремучий, непробиваемый догматизм, немало представителей которого не владели даже партийным «волапюком», явно не понимали смысла многих произносимых на съезде формул, но, тем не менее (а возможно, именно поэтому), непоколебимо уверенных в своей, и только в своей правоте. Общеизвестно, что особенно громко гремят пустые бочки.

Другой полюс — нигилизм, преисполненный голым отрицанием всего и вся. От подобного радикализма за версту несло разбойным большевизмом и авантюризмом.

Очень уж бросалось в глаза практически полное отсутствие действительно методологически корректного анализа. Да что там, очевиден был острейший дефицит даже элементарного анализа, который нередко подменялся или бурными, даже буйными эмоциями, или нудными самоотчетами, территориальными или ведомственными жалобами. Заметно было и неприятие на съезде искренности, мысли, интеллекта. Один из многих парадоксов съезда: при голосованиях наибольшее количество «черных шаров» собирали наиболее известные и по-своему яркие люди. Конечно, легче голосовать за неизвестных. Вот так, «демократически» избираются дураки и демагоги, палачи и диктаторы. Мы до сих пор способны совершить подобное из-за нашей стадной неразборчивости. Потому и развивающаяся в стране демократия вполне может породить урода, то есть авторитаризм.

Под давлением общественности была изменена редакция 6-й статьи Конституции СССР. Монополии партии на абсолютную власть в стране был положен конец. Отныне КПСС могла действовать только в рамках Конституции и законодательства, наравне с другими партиями. И пусть соизмеримых соперников не оказалось, важен сам принцип. В юридическом и политическом отношениях КПСС совершила акт «отречения от престола».

В историко-концептуальном плане мартовско-апрельский выбор одержал победу. К сожалению, далеко не полную, поскольку организационно не породил силы, способной продолжить Реформацию на новом этапе и в новых условиях. В то же время верхушка номенклатуры точно определила свою тактическую линию, она объявила открытую войну преобразованиям, борьбу, не исключающую разжигания гражданской войны. Это в программных мечтах. А в жизни, если посмотреть на проблему стратегически, большевистская партия на XXVIII съезде умерла, хотя идеология большевизма еще жива, удобно устроившись в чиновничье-бюрократическом болоте государственного управления, который запузырился сегодня реставраторскими тенденциями.

Глава пятнадцатая

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

Сегодня-то можно смеяться над нашей наивностью, судить и рядить, поучать нас задним числом и поражаться нашей неумелости. Но, скажите на милость, где те пробирки или теплицы, в которых выращивают «подлинных реформаторов», все знающих и все умеющих, безошибочно прорицательных, и в то же время в какой еще стране мира практически произошел ненасильственный поворот от тысячелетнего самодержавия к свободе? Да и нас, реформаторов, система готовила к верной службе советскому социализму, а вовсе не к его ниспровержению. Вот почему новые дороги мы пытались вначале проложить по вязкому болоту социалистических иллюзий, которые принимали за твердый грунт.

Автор

Много различных сказок сложено о том, как Михаил Горбачев избирался на пост Генерального секретаря. Называют имена претендентов, которые якобы фигурировали на Политбюро, например Виктора Гришина, Григория Романова и других. Я расскажу только то, что знаю, как один из участников этого незаурядного момента истории.

Начну с того, что на заседании Политбюро, определявшего нового лидера, не было никакой разноголосицы, хотя ближайшее окружение усопшего Черненко уже готовило речи и политическую программу для другого человека — Виктора Гришина. Однако жизнь потекла по другому руслу. Кандидатуру Горбачева на Политбюро, а потом и на Пленуме 11 марта предложил Андрей Громыко. На заседании ПБ его тут же поддержал Гришин — он понял, что вопрос предрешен. Выступили все члены и кандидаты в члены Политбюро — и все за Горбачева.

Позднее в своих воспоминаниях Егор Лигачев выразил удивление, что первым предложение о Горбачеве внес Громыко. Он, Лигачев, этого не ожидал. Для меня тут ничего неожиданного не было. Почему? Дело в том, что в те смутные дни ко мне в ИМЭМО, где я был директором, приехал Евгений Примаков и, сославшись на просьбу Анатолия Громыко — сына старшего Громыко, спросил, нельзя ли провести зондажные, ни к чему пока не обязывающие переговоры между Громыко и Горбачевым. «Роль посредника, как просит Андрей Андреевич, падает на тебя», — сказал Евгений Максимович. Видимо, потому, что у меня были хорошие отношения с обоими фигурантами.

Я, разумеется, никак не мог отреагировать на эту идею без разговора с Горбачевым. Поехал на Старую площадь, где размещался ЦК КПСС. Горбачев после некоторых раздумий попросил продолжить переговоры, по крайней мере, не уклоняться от них, попытаться внести в них конкретное содержание, то есть выяснить, что за этим стоит конкретно.

Вернувшись в институт, тут же позвонил Анатолию Громыко. Он немедленно приехал ко мне. Сказал ему, что Горбачев отнесся к размышлениям на этот счет с вниманием. Но хотелось бы уточнить (здесь я говорил как бы от себя), что реально скрывается за этим моментом истории.

— Ни вам, Анатолий Андреевич, ни мне не хотелось бы оказаться закулисными придурками.

— Александр Николаевич, — сказал младший Громыко, — чтобы не наводить тень на плетень, я изложу то, что сам думаю по этому поводу. Если это покажется неприемлемым, то будем считать, что я говорил только от своего имени. Мой отец уверен, что возглавить партию в сложившихся условиях может только Горбачев. Он, Громыко, готов поддержать эту идею и сыграть инициативную роль на предстоящем заседании Политбюро. В то же время отцу надоело работать в МИДе, он хотел бы сменить обстановку. Речь идет о Верховном Совете СССР.

Я опять поехал в ЦК. Михаил Сергеевич долго ходил по кабинету, обдумывая, видимо, варианты ответа. Он задавал мне какие-то вопросы и тут же сам отвечал на них. Вел дискуссию с самим собой. Ясно было, что ему нравится это предложение. Оно шло от лидера оставшейся группы «стариков». Горбачев понял, что «старая гвардия» готова с ним работать, отдать свою судьбу в его руки. Это было главное. После двух неудач с больными старцами — с Андроповым и Черненко — надо было уходить от принципа иерархической наследственности.

Наконец Михаил Сергеевич сказал: «Передай, что мне всегда было приятно работать с Андреем Андреевичем. С удовольствием буду это делать и дальше, независимо от того, в каком качестве оба окажемся. Добавь также, что я умею выполнять свои обещания».

Ответ был осторожным, но ясным.

Анатолий Громыко, получив от меня это устное послание, отправился к отцу, а через некоторое время позвонил мне и сказал:

— Все в порядке. Все понято правильно. Как вы думаете, не пора ли им встретиться с глазу на глаз?

— Пожалуй, — ответил я.

Мне известно, что такая встреча состоялась. Судя по дальнейшим событиям, они обо всем договорились.

В часы заседания Политбюро, на котором решалась проблема будущего руководителя партии и страны, Крючков пригласил меня к себе, сославшись на то, что в приемной Политбюро у него «свой» человек, и мы, таким образом, будем в курсе всего происходящего. Острота момента и мое любопытство победили осторожность. Пристраиваясь к обстановке, Крючков навязчиво твердил мне, что Генсеком должен стать Горбачев. Он не был в курсе моих «челночных» операций: Громыко — Горбачев. Итак, мы потягивали виски, пили кофе и время от времени получали информацию из приемной Политбюро. Первая весточка была ободряющей: все идет нормально. А это означало, что предложена кандидатура Горбачева. И когда пришло сообщение от агента Крючкова, что Горбачева единогласно возвели на высокий партийный трон, Крючков воодушевился, поскольку именно с этим событием он связывал свою будущую карьеру.

Облегченно вздохнули, поздравили друг друга, выпили за здоровье нового Генсека. Крючков снова затеял разговор по внутренним проблемам КГБ. Он «плел лапти» в том плане, что Горбачеву нужна твердая опора, которую он может найти прежде всего в КГБ. Но при условии, что будут проведены серьезные кадровые изменения. Необходимо продолжить десталинизацию общества и государства, чего не в состоянии сделать старые руководители госбезопасности.

Замечу, что все это происходило до того, как началась политика кардинальных преобразований. Я только потом понял, что Крючков, хорошо зная о моих настроениях (в ИМЭМО работал большой отряд КГБ), пристраивался к ним из карьерных соображений. К стыду своему, я поспешил зачислить его в сторонники реформ, но и Крючков, надо признать, умело и вдохновенно морочил мне голову.

Конечно же переговоры с Громыко были, как я полагаю, не единственным каналом подготовки к избранию Горбачева. Знаю, например, что Егор Лигачев встречался с ведущими периферийными членами ЦК.

Открывалась новая страница в жизни государства, страница мартовско-апрельской революции. Она продолжалась с марта 1985-го до роспуска СССР в Беловежской пуще. Всего пять с половиной лет, а сколько событий и перемен вместилось в этот крохотный кусочек истории.

Все, что собираюсь написать о Михаиле Сергеевиче, — сугубо личные, но заинтересованные наблюдения и размышления. Это портрет человека, каким я его видел, знал, понимал или тешил себя иллюзией, что понимал и знал. Постараюсь, чтобы пережитые мной прозрения и разочарования, обиды и восторги, острые, иногда болезненные воспоминания о собственной сверхосторожности, дешево упущенных возможностях в демократической эволюции, мои сегодняшние политические взгляды и пристрастия минимально сказались на отношении лично к Горбачеву.

Не могу сказать определенно: то ли это было интуитивное озарение, то ли молодой карьерный задор, то ли неуемное тщеславие, пусть и по причинам, которые навсегда останутся загадкой, но Михаил Горбачев совершил личный и общественный поступок большого масштаба. Именно в контексте этой позиции я и рассматриваю все мои дальнейшие рассуждения об этой личности, в том числе и критические мотивы.

Мы встречались очень часто. А по телефону разговаривали почти каждый день и достаточно откровенно. Казалось бы, в этих условиях человека можно разглядеть насквозь, познать его вдоль и поперек, уметь предугадывать его действия и понимать причины бездействия. Но, увы, как только начинаешь думать о нем как о человеке и как лидере, пытаешься придать своим разноплановым впечатлениям какую-то логику, то ощущаешь нечто странное и таинственное — образ его как бы растворяется в тумане. И чем ближе пытаешься к нему подобраться, тем дальше он удаляется. Видишь его постоянно убегающим вдаль.

Еще неуловимее становится он, когда начинаешь что-то писать о нем. Только-только ухватишься за какую-то идею, событие, связанные с ним, начинаешь задавать ему вопросы, как собеседник ускользает, не хочет разговаривать, отделывается общими словами, оставляя шлейф недоговоренностей и двусмысленностей. Ты просишь его вернуться, объяснить тот или иной факт, понуждая к участию в разговоре, иногда уговаривая, а иногда пытаясь и приструнить грубоватой репликой. Про себя, конечно. И опять то же самое. После второй, третьей фразы обнаруживаешь, что собеседник снова улетучился, испарился.

Во всей этой «игре в прятки» высвечивается любопытнейшая черта горбачевского характера. Не хочу давать оценку этому свойству в целом, но скажу, что эта черта не раз помогала Михаилу Сергеевичу в политической жизни, особенно в международной. Он мог утопить в словах, грамотно их складывая, любой вопрос, если возникала подобная необходимость. И делал это виртуозно. Но после беседы вспомнить было нечего, а это особенно ценится в международных переговорах.

Да, грешил витиеватостями, разного рода словесными хитросплетениями без точек и запятых. Иногда становился рабом собственной логики, которая и диктовала ход и содержание разговора, а он становился всего лишь как бы свидетелем его. Но эта беда в значительной мере функциональна: он умело скрывал за словесной изгородью свои действительные мысли и намерения.

До души его добраться невозможно. Голова его — крепость неприступная. Мне порой казалось, что он и сам побаивается заглянуть в себя, откровенно поговорить с самим собой, опасаясь узнать нечто такое, чего и сам еще не знает или не хочет знать. Он играл не только с окружающими его людьми, но и с собой. Играл самозабвенно. Впрочем, как писал Гёте, «что бы люди ни делали, они все равно играют...»

Игра была его натурой. Будучи врожденным и талантливым артистом, он, как энергетический вампир, постоянно нуждался в отклике, похвале, поддержке, в сочувствии и понимании, что и служило топливом для его тщеславия, равно как и для созидательных поступков. И напрасно некоторые нынешние политологи и мемуаристы самонадеянно упрощают эту личность, без конца читая ему нотации, очень часто пошлые.

Когда я упомянул о словоохотливости Михаила Сергеевича, то тут же пришел на память один из самых первых эпизодов из времени его прыжка во власть. Когда мы с Болдиным — его помощником, отдали ему текст выступления на траурном митинге по случаю похорон Черненко, Горбачев сразу же обратил внимание на слово «пустословие». Это словечко вписал я. Моя брезгливость к пустословию была выпестована опытом многих десятилетий. В условиях, когда страна была придавлена карательной системой большевизма, пустословие стало не только рабочим диалектом партгосаппарата, но и собирательным явлением функционального характера. Я возненавидел эту практику бессмысленной болтовни. Тошнит от нее и сегодня.

Потоки слов, бесконечные упражнения в формулировках, спектакли, которые именовались дискуссиями, соревнования в любезностях начальству многие годы служили тому, чтобы скрыть сущностные стороны жизни и реальный ход событий, замазать обилием слов никчемность идей. Унифицированный до предела партгосязык стал своего рода социальным наркотиком. Общество устало от пустой говорильни, которая переросла в психическое заболевание системы.

Я думаю, чувствовал это и Горбачев. При обсуждении предстоящей речи он долго говорил о том, что болтовня губит партийную и государственную работу, подрывает авторитет КПСС, что словами прикрывается бездумье и безделье, — и все в том же духе. Мне импонировала эта тональность, она рождала надежды, а самое главное — доверие к человеку. Критика пустословия прозвучала выстрелом по эпохе слов и одновременно была как бы приглашением к реальным делам.

К каким? Об этом мало кто задумывался, но люди жили надеждой на перемены и радовались любому сигналу, пусть и словесному. Как же измучено было общество ложью — всепроникающей и всепожирающей, чтобы порадоваться даже одному слову, прозвучавшему как некое «откровение».

К чему я это пишу? А к тому, чтобы засвидетельствовать следующее: в первые два года, несмотря на то что любое выступление Горбачева, неважно, длинное или короткое, воспринималось с неподдельным интересом, проглатывалось без остатка, сам герой в те годы относился к своим словам бережно, не один раз говорил нам, чтобы «не растекались по древу», писали яснее и короче. Потом все пошло наперекосяк. Он начал грешить многословием. Порой казалось, что он и сам хотел бы сказать что-то покороче, но неведомая сила, над которой он терял управление, толкала его к новым и новым рассуждениям. Даже толковые мысли, будучи сваленными в одну кучу с банальностями, теряли свое реальное содержание.

В какой-то момент мы, группа, как теперь говорят, спичрайтеров, а раньше обзывались «писаками», решили поговорить с Михаилом Сергеевичем на эту тему. Это было зимой 1987 года на даче в Волынском. Разговор этот начал я, упирал на то, что обстановка изменилась, жизнь требует конкретики. Для вящей убедительности ссылался на Ленина, который часто выступал по какому-то одному вопросу. Ленин у него был в чести. Впрочем, он и сегодня продолжает иногда «советоваться» с ним.

Поначалу, слушая наши соображения, Горбачев хмурился, затем мы сумели как бы «завести» его. Он присоединился к обсуждению проблемы, добавил несколько слов в пользу «краткости и конкретности», то есть вернулся к аргументам марта — апреля 1985 года. Мы подготовили речь минут на пятнадцать, к сожалению, не помню, на какую тему. Через день-другой Михаил Сергеевич снова приехал. А мы гадали, пройдет или не пройдет идея нового стиля. Но не только. С моей точки зрения, это был бы серьезный сигнал обществу — наступает время конкретных дел.

Увы, по неулыбчивому лицу Горбачева мы поняли, что все останется по-прежнему. Сначала начались придирки: «речь

пустая, одни слова, ничего серьезного» и т. д. На другой день опять заглянул к нам, в Волынское, и сказал, что принял решение и на сей раз выступить, как обычно, с большой речью. Обстановка нелегкая, говорил он, народ ждет ответов на многие сложные вопросы. На том все и закончилось. Михаил Сергеевич еще верил, что «народ ждет», хотя народ «ждать» перестал. А КГБ продолжал кормить его дезинформацией, вводить в заблуждение относительно реальной обстановки. Вдохновляемый подхалимами, он начал говорить о себе в третьем лице: «Горбачев думает», «Горбачев сказал», «они хотят навязать Горбачеву» и без конца ссылаться на «мнение народа».

И потекли невысыхающим ручьем длинные речи — о том, о сем, пятом и десятом. Их начали слушать вполуха, а главное — перестали воспринимать всерьез. Я вижу в этой привязанности к многословию не только закостеневшую традицию, но и привычный способ скрыться от конкретных вопросов в густых, почти непроходимых зарослях слов.

Михаил Сергеевич постепенно пристрастился к изобретению разного рода формулировок, претендующих на статус теоретических положений. Он радовался каждой «свежей», на его взгляд, фразе, хотя они уже мало кого волновали, воспринимались как искусственные словосочетания. Жизнь-то быстро шла вперед, формировался новый политический язык, а лидер никак не мог вытащить вторую ногу из вязкой глины уходящей эпохи, совсем уйти от умирающей стилистики языка, которую сам же и начал разрушать.

Психологически эту тягу «к необычному» я объясняю тем, что он был поглощен (а это так) не только идеей общественного переустройства, которую ему хотелось объяснить как можно подробнее, но и стеснен особыми качествами, характерными для людей, которые окончили университеты, а вот с хорошим средним образованием отношения у них оставались несколько двусмысленными. Отсюда и «открытия» давно известных истин. Впрочем, это не такая уж большая беда.

Но и мы, «чернорабочие» в подготовке текстов, вовсю старались изобрести что-то «новенькое», дабы потрафить жаждущему такового. Наши старания были искренними, но и в какой-то мере приспособленческими, идущими от номенклатурных привычек, да еще от желания не вспугнуть начавшиеся реформы каким-то неловким движением, не затуманить красивый утренний восход — Перестройку.

Кроме того, мы знали, что Горбачев все равно передиктует наши тексты, навставляет туда всяких своих словечек,

чтобы потом на ближайшем заседании ПБ при обсуждении текста доклада или выступления заявить, что вот, пришлось плотно поработать самому, проект был слабенький и не содержал глубоких выводов. Он как бы взбирался на мнимую трибуну и начинал подробно рассказывать, как пришли к нему эти «новые мысли и предложения», как он позвонил Яковлеву, зная, что он тоже «сова», и т. д. Подобные мизансцены стали ритуальными. Кстати, я не вижу в них ничего плохого, больше того, они были полезными, ибо политбюровцы были и сообразительностью, и образованностью слабее Горбачева. Иногда после заседания он с ухмылкой спрашивал меня: «Видел реакцию этой публики?»

Мои наблюдения по поводу характера нашей работы над текстами для Горбачева относятся к человеку пишущему и думающему. У меня нет ни малейших «претензий» подобного рода к предыдущим «вождям», они чисты, как голуби после купания, ибо ничего сами не писали, если не считать полуграмотные резолюции. Михаил Сергеевич — первый постсталинский руководитель, который мог писать, умел диктовать, править, искать наиболее точные выражения, а главное, был способен альтернативно размышлять, без сожаления расставаться даже с собственными текстами. Он никогда не обижался, если мы вычеркивали «его вставки». К так называемым «обязательным» формулам из коммунистического наследия относился без того ритуального почтения, которое господствовало в практике сочинений речей для всех без исключения предшествующих «вождей». Все они говорили чужие речи. Он — свои.

Группа спичрайтеров то увеличивалась, то уменьшалась — в зависимости от того, на каком этапе шла работа. Начинали, как правило, большими группами, а заканчивали достаточно узким кругом. В первые годы возглавлять такие группы приходилось мне. «Рыбу» — так называли самые первоначальные тексты, готовили отделы аппарата ЦК КПСС, институты АН СССР. Конкретные, особенно цифровые, предложения исходили от правительства.

Я имел возможность судить по этим текстам о политических настроениях в тех или иных отделах ЦК. Группу спичрайтеров не любили, но и боялись. Так было всегда — и при Хрущеве, и при Брежневе. «Карьерные попрыгунчики» искали знакомства с «приближенными» к уху начальства, надеясь повысить свое должностное положение. Практически я оказался на своего рода наблюдательном пункте, с которого были видны интриги, предательства, подсиживания, доносительство — и все ради карьеры, ради власти. Порой охваты-

вало такое уныние, что хотелось все бросить к чертовой матери и найти себе более спокойное пристанище.

Тем временем Реформация все чаще натыкалась на неожиданные трудности, все глубже увязала в неопределенностях идей и практических задач. Политика вырвалась вперед, а экономика и государственное управление продолжали оставаться в замороженном состоянии. Горбачев не сумел найти в себе силы на жесткое продвижение конкретных реформ, которые диктовались новой обстановкой, особенно в экономике и системе власти. *В результате была допущена историческая ошибка, когда на основе советской системы, а в действительности на фундаменте государственного феодализма мы вознамерились строить демократический социализм на принципах гражданского общества.*

Из истории известно, что роль «первого лица» в формировании политической и нравственной атмосферы в государстве огромна, а потому упорное обнюхивание Горбачевым «социализма», идею которого Сталин превратил на практике в «тухлое яйцо», серьезно мешало формированию реформаторского мышления, продвижению его в массы, равно как и конкретным перестроечным делам. Михаил Сергеевич действительно верил в концепцию демократического социализма. Ему казалось, что если очистить социализм от агрессивной догматики, не мешать людям строить свою жизнь самим, то он станет привлекательным и дееспособным.

Должен в связи с этим бросить упрек и самому себе. Я видел, что номенклатура потеряла социальное чутье, но явно недооценил догматизм и силу инерционности аппарата, особенно ее руководящего звена. Обстановка требовала углубления реформ. Уже тогда я понимал необходимость публичного отказа от таких постулатов, как насилие, классовая борьба, диктатура пролетариата, а в практическом плане — введения свободной торговли, развития фермерства, многопартийности, то есть движения общества к новому качеству. Тут я был недостаточно настойчив, утешал себя благими разговорами.

Итак, начавшееся упоение Горбачева собственными речами снизило не только интерес к его личности, но и уровень их влияния на общество. В начальный период лидерства Горбачев как бы перегнал время, сумел перешагнуть через самого себя, а затем уткнулся во вновь изобретенные догмы, а время убежало от него, да и от нас тоже. Чем больше возникало новых проблем, тем меньше оставалось сомнений. Чем сильнее становился градопад конкретных дел, тем заметнее вырастал страх перед их решением. Чем очевиднее рушились старые догмы и привычки, тем привлекательнее выступало желание создать свои, доморощенные.

Возможно, все эти зигзаги лично я воспринимал болезненнее, чем надо было. Происходило подобное по той простой причине, что я продолжал дышать атмосферой романтического периода Реформации, когда первые глотки свободы туманили голову. Да и оснований для этого было достаточно. На смену страху приходила открытость, возможность говорить и писать все, что думаешь, творить свободно, не боясь доносов и лагерей. Наступила счастливая пора сделать что-то разумное. Работалось вдохновенно, а цель была великой. Команда, дерзнувшая пойти на Реформацию, работала на начальном этапе сплоченно и с уважением друг к другу. К сожалению, мы прохлопали тот момент, когда романтический период, — период вдохновения, восторга, свободы, — постепенно становился полем сладкой пищи для политических грызунов, соорудивших сегодня общество спекулятивной демократии, постепенно превратившейся в управляемую демократию.

Впрочем, снова по порядку. Что еще можно добавить, размышляя о Горбачеве? Пожалуй, Михаил Сергеевич «болел» той же болезнью, что и вся советская система, да и все мы, его приближенные. В своих рассуждениях он умел и любил сострадать народу, человечеству. Его искренне волновали глобальные проблемы, международные отношения с их ядерной начинкой. Но вот сострадать конкретным живым людям, особенно в острых политических ситуациях, не мог или не хотел. Защищать публично своих сторонников Горбачев избегал, руководствуясь при этом только ему известными соображениями. По крайней мере, я помню только одну защитную публичную речь — это когда он «проталкивал» Янаева в вице-президенты, которого с первого захода не избрали на эту должность. Это была его очередная кадровая ошибка.

В то же время ловлю себя на мысли, что лично я не могу пожаловаться на его отношение к себе, особенно в первые годы совместной работы. Но его доброжелательность, доверительность в личных разговорах продолжались лишь до тех пор, пока Крючков не испоганил наши отношения ложью. Я не склонен думать, что Горбачев верил доносам Крючкова о моих «несанкционированных связях» (читай: «не санкционированных госбезопасностью») с иностранцами, но на всякий случай начал меня остерегаться. На всякий случай! Ничего не поделаешь, старые советские привычки. А вдруг правда! Ввел ограничения на информацию. Если раньше мне приносили до 100—150 шифровок в сутки, то теперь 10—15.

В сущности, он отдал меня на съедение Крючкову и ему подобным прохвостам.

Если бы я знал об этих играх, затеянных за моей спиной Крючковым, то повел бы себя совершенно по-иному. Я сумел бы показать подобным придуркам свой характер. Трудно теперь сказать, к чему бы это привело. Но в любом случае я бы забросил в мусорную корзину все мои колебания, сомнения, переживания, исходящие из чувства лояльности к Горбачеву, и начал бы действовать без оглядки, соответственно тому, как я понимал обстановку и интересы Перестройки.

Чувствуя кожей, что происходит что-то странное, я в то же время настолько доверял Горбачеву, что и в мыслях не допускал даже возможности двойной игры. Я даже перестал смотреть ему в глаза, боясь увидеть там нечто похожее на лицемерие. Возможно, ему надоели упреки и со стороны местных партийных воевод, требовавших моего изгнания из Политбюро. Возможно, что я становился ему в тягость из-за моего радикализма. Ревниво смотрел он и на мои добрые отношения со многими руководителями средств массовой информации и лидерами интеллигенции.

Задним умом, которым, как известно, все крепки, я оцениваю ту давнюю ситуацию следующим образом. Михаил Сергеевич не мог швырнуть меня в мусорную яму, как изношенный ботинок, от которого одни неприятности, да и гвозди торчат. Но и не решался поручить мне что-то самостоятельное. А ему продолжали нашептывать, что Яковлев подводит тебя, убери его — и напряженность в партии и обществе спадет. В свою очередь он продолжал тешить себя компромиссами, которые, как ему казалось, верны в любых обстоятельствах и во все времена.

Продолжая рассуждать о Горбачеве и своих раздумьях, я постоянно опасаюсь причуд и капризов собственной памяти, которая всегда избирательна. Кроме того, любые оценки сугубо относительны. И все же неизбежна разница в восприятии, когда видишь людей издалека и когда наблюдаешь вблизи. Издалека поступки кажутся как бы обнаженными, они в какой-то мере самоочевидны. Вблизи же частности, которых всегда полно, заслоняют что-то более важное, существенное. Намерения, мотивы и даже действия человека, с которым работаешь в одной упряжке, видятся в основном логичными и плохо поддаются объективному анализу. А если и появляются какие-то сомнения, то острота их тобой же искусственно притупляется.

Есть и еще одна психологическая загвоздка. Уже многие годы Горбачев находится в положении «обвиняемого». Я по

себе знаю, что это такое. В подобной обстановке оценивать его деятельность и личные поступки особенно трудно. Возникает протест против несправедливых и поверхностных обвинений, против попыток некоторых «новых демократов» приписать себе все то крупномасштабное, что произошло еще до 1991 года. Не хочется также и оказаться в толпе тех, которые, освободившись от вечного страха, теперь хотят компенсировать свои старые холопские комплексы тем, чтобы щелкнуть по носу бывших президентов, при этом подпрыгивать от радости и, свободно сморкаясь, приговаривать: «Вот какой я храбрый, все, что хошь, могу».

Правда и то, что годы совместной работы неизбежно ведут к пристрастности в оценках, будь то положительных или иных. Особенно если эти годы вместили в себя романтические надежды, далеко идущие планы, личное вдохновение, напряженный труд, наверное, какие-то иллюзии и, что греха таить, разочарования, в том числе и личностного характера. А недомолвок оставлять не хочется, хотя и писать обо всех мелочах нет желания, дабы не оказаться в ряду собирателей «развесистой клюквы».

Признаюсь, в черновом наброске политико-психологического портрета Горбачева я был более резок, мои рассуждения были ближе к претензиям и обидам, чем к спокойному анализу. Сейчас я ловлю себя на желании скорректировать некоторые оценки. Да и новые разочарования нарастают, совсем не связанные с деятельностью Горбачева. Нам, реформаторам первой волны, и в голову не приходило, что во время реформ начнется чеченская война, что коррупция властных структур станет предельно наглой, что государство не будет платить за работу врачам, учителям, а пенсионеров переведет в категорию нищих, что чиновничья номенклатура захватит власть в стране. Но вину-то за все беды продолжают возлагать на нас, Горбачева и Перестройку в целом.

Взаимосвязь личности и объективных результатов ее деятельности — проблема из категории вечных. Особенно в истории и политике, где каждая крупная личность и каждая социальная эпоха по-своему уникальны и неповторимы. Начало Реформации в России уже принадлежит истории, изменить тут ничего нельзя, да и не нужно. Однако споры о самой Перестройке, о роли реформаторов тех лет в судьбе народа не утихают, они будут идти еще очень долго. Судя по нынешним временам, появятся богатые возможности и для сравнительного анализа.

Сразу же после XXVII съезда на заседании Политбюро 13 марта 1986 года Горбачев изложил свою программу Пере-

стройки. Согласно моим личным записям, достаточно реалистическую. Записи фрагментарны, но дают представление о том, какие проблемы особенно волновали лидера партии. Он говорил о том, что высшее руководство КПСС, начав демократические преобразования, продемонстрировало инициативу исторического масштаба. Но нам еще предстоит понять, что произошло. Хотя кредит доверия еще существует, однако не должно быть никакого упоения. Надо пресекать демагогию, но правдивая критика должна идти своим чередом. Создавать атмосферу общественной активности. У нас не хватает порядка, не хватает дисциплины. Закон один для всех, одна дисциплина для всех. Нам надо устремиться туда, где происходит стыковка с жизнью. А это значит — резко повернуться к социальной сфере. Главные направления — финансы, сельское хозяйство, легкая промышленность. Через неделю, на заседании ПБ 20 марта, Горбачев заявил: «Не надо пугаться того, что мы отходим от идеологических шор в сельском хозяйстве. Что хорошо для людей, то и социалистично».

Обращаю внимание читателя на то, что уже в то время, а это было начало 1986 года, Горбачев говорил о демократии, о законе и порядке, о равенстве всех перед законом, о приоритете социальной сферы, об идеологических шорах. Все это звучало тогда свежо и перспективно. В личных беседах со мной он и раньше говорил в подобном плане, но теперь эти проблемы поднимались на официальном уровне. Однако самые храбрые намерения не становились реальными делами, не подкреплялись столь же смелыми практическими решениями. Механизмы оставались старыми, проржавевшими, а вся машина ехала по колдобинам старых дорог.

Без конца рассуждая о правовом государстве, что звучало для людей абстрактно, мы, реформаторы, не сделали ничего серьезного, чтобы лозунги и практика, направленные на внедрение законов, объединились в единое целое, а воспитание законопослушничества стало бы приоритетной задачей, особенно после десятилетий беззакония. Немало было и разговоров о гражданском обществе, но в практике работы любые попытки создать какие-то реальные институты такого общества встречались партийными организациями в штыки. Аргументы банальны: любые неформальные организации изображались как посягательство на власть партии.

Чуть ли не еженедельно обсуждались проблемы сельского хозяйства и продовольствия. Но не было сделано ни одного практического шага, чтобы кардинально решить эту проблему. Для этого надо было постепенно распустить колхозы,

ввести частную собственность на землю, объявить свободу торговли, но замахнуться на подобное мы были не в состоянии — ни идеологически, ни политически. Догмы еще горланили победные песни.

Много слов было потрачено и на призывы к борьбе с преступностью, коррупцией, бюрократизмом, но переплавить призывы в практику мы так и не смогли. Я часто приставал к Михаилу Сергеевичу с этими вопросами, но он так и не оценил в полной мере уже складывающейся угрозы. Во время очередного разговора на эту тему Горбачев сказал: «Вот и займись этим». И настолько «расщедрился», что разрешил взять дополнительно в мой секретариат одного консультанта. Я собрал пару раз руководителей силовых и правоохранительных ведомств и убедился в их глубочайшем нежелании сотрудничать. Договорились «выработать», как всегда в этих случаях, конкретные меры. На том дело и закончилось. А Михаил Сергеевич вообще ни разу не вспомнил об этой координационной группе.

В обстоятельствах, что сложились к середине 80-х годов, любой лидер, если бы он захотел серьезных изменений, должен был пойти на «великое лукавство» — поставить для себя великую цель, но публично говорить далеко не все. И соратников подбирать по признаку относительно молчаливого взаимопонимания по ключевым вопросам преобразований. Аккуратно и точно дозировать информационную кислоту, которая бы разъедала догмы сложившейся карательной системы. Я отношу определение «карательной» ко всей системе, ибо все органы власти были карательными — спецслужбы, армия, партия, комсомол, профсоюзы, даже пионерские организации. В этих условиях лидер должен был соблюдать предельную осторожность, обладать качествами политического притворства, быть виртуозом этого искусства, мастером точно рассчитанного компромисса, иначе даже первые неосторожные действия могли привести к краху любые новаторские замыслы. Ведь речь-то шла о ненасильственной революции.

Готов ли был Михаил Сергеевич к этой исторической миссии?

В известной мере — да. Что же касается притворства, то к этому всем нам было не привыкать. Оно было стилем мышления и образом жизни. Горбачеву доставляло удовольствие играть в компромиссные игры. Я неоднократно наблюдал за этими забавами и восхищался его мастерством. И все было бы хорошо, если бы он смог увидеть конечную цель не в торжестве обновленной социалистической идеи, а в решитель-

ном сломе сложившейся системы и реальном строительстве гражданского общества в его конкретных составных частях.

Михаил Сергеевич пытался уговорить номенклатуру пойти за ним до конца. Но можно ли было превратить ястреба в синичку, заставить тиранию возлюбить демократию? Увы, сама система заржавела настолько, что все новое было для нее враждебно. Самообновиться она не могла. Субъективно Горбачев пытался удержать аппарат от авантюр. На это ушло очень много сил и времени. Он как-то сказал мне, что «этого монстра нельзя сразу отпускать на волю». В конечном-то счете он «списал» партию вместе с ее властью, но это случилось с большим запозданием. Верхушка партии жестоко отплатила ему, лишив его власти через антигосударственный мятеж. Не прояви Борис Ельцин решительности в подавлении мятежа, всем реформам пришел бы конец, реформаторам — тоже.

Горбачев принадлежит к тому поколению советских людей, в психологии которых поразительным образом соединились, даже сплавились, казалось бы, самые противоположные черты: идеализм и житейский прагматизм, официальный догматизм и практические сомнения, вера и безверие, а также пустивший мощные побеги здоровый цинизм, навязанный социумом, равно как и благоприобретенный. Идеализм шел от молодости, от учебы и воспитания, от естественной веры в свои будущие удачи, от ограниченности знаний — тоже по молодости, из-за малого опыта, из каких-то других источников.

Убеждение в верности советского выбора было подкреплено тяжелейшей из войн 1941—1945 годов, по сравнению с которой мирная жизнь — любая, самая бедная и скромная, но мирная, но жизнь. Время после самой кровавой войны в истории было тяжелое, но люди работали, ждали и надеялись. Невероятно много и напряженно работали. Без нытья. Они ждали справедливости. Бесконечно усталые, они надеялись, что в награду за пережитое их ждет спокойная и обеспеченная жизнь.

Я помню это время. Помню до деталей. Мы, студенты ярославских институтов, с громким и веселым энтузиазмом ежедневно с 4—5 часов утра работали на строительстве набережной, там, где моя родная река Которосль впадает в Волгу. Молодость бушевала, рвалась навстречу достойной жизни. Но такая жизнь не пришла. И впивались в душу новые и новые сомнения, словно комары неотвязные. Страх еще жил, но и раздражение набирало свои обороты. Да и солдат, вернувшийся с войны, был уже не тот забитый и доверчивый

рабочий и крестьянин, врач и учитель, инженер и ученый, что пошел на войну. Многое повидал, а еще больше прочувствовал. Грязь и жестокость войны, миллионы бессмысленных жертв, произвол военных карьеристов ломали привычные представления о справедливости.

Если говорить о развитии общественного сознания в целом, то былой идеализм и романтические надежды поджидали трудные испытания. К середине 80-х годов они подошли, едва волоча перебитые ноги. Мотор системы, то есть номенклатура, тоже начал барахлить и оказался в предынфарктном состоянии. Практицизм с годами становился все менее отличим от приспособленчества и прямого лихоимства, особенно со стороны чиновников, столь красочно воспетых русской классической литературой.

Поколение Горбачева с самого начала варилось в этом послевоенном котле. Когда закончилась война, ему было всего 14 лет. Не берусь судить о том, как складывалась личность Горбачева в юношеские годы. Разное говорят. В меру открыт и в меру коварен. Любопытен, но себе на уме. Общественник, но не лишен индивидуалистических замашек. Честолюбив без меры, но и трудолюбив. Цепкая память. Общителен, но настоящих друзей не было, точнее, он не видел в них особой нужды. Так говорят.

Но что бы ни говорили, я убежден, что человек, сумевший добраться до первого секретаря крайкома партии, а затем и секретаря ЦК, прошел нелегкую школу жизни, партийной дисциплины, паутину интриг, равно как и предельно обнаженных реальностей, — этот человек не может не обладать какими-то особыми качествами. Случайности случайностями, они бывали, но сама система партийной жизни действовала как бдительный и жесткий селекционный фильтр, закрепляя и развивая в человеке одни его качества, подавляя другие, атрофируя третьи. Все, кто вращался в политике того времени, упорно ползли по карьерной лестнице, приспосабливались, подлаживались, хитрили. Только степень лукавства была разная. Никто не просачивался во власть вопреки системе. Никто. И Горбачев тоже.

Но у него была особенность, отличавшая его от многих. Он хотел знать как можно больше, причем обо всем — полезном и бесполезном. Часто выглядел наивным, когда начинал говорить о вновь узнанном, полагая, что никто еще не знает об этом. Обычно радостная демонстрация знания в зрелом возрасте производит впечатление какой-то наигранности. И это не укор, а, скорее, похвала, ибо речь идет о потребности новых знаний, что всегда подкупает.

Специфика советской школы жизни, на мой взгляд, состоит и в том, что пребывание «в начальниках» — больших или не очень — формировала особый образ жизни. Ее условности, правила игры, интриги и многое другое не отпускают человека ни на минуту, держат в постоянном напряжении, они вытесняют собой все остальное, подчиняют себе общение, досуг, мелкие повседневные привычки. В условиях партийно-чекистской «железной клетки» редкий человек может остаться самим собой. И даже порядочный человек поддается деформации. Чем дольше он живет в коллективном зверинце, тем все меньше замечает происходящие перемены в самом себе, постепенно начинает считать официальные взгляды своими, личными. Альтернатива испаряется, а сам человек становится всего лишь попугаем. Когда рабство оказывается для человека собственным домом, человек перестает ощущать себя рабом.

Еще один урок этой школы: человек рано или поздно понимает, с какой мощнейшей и всеподавляющей организацией имеет дело и насколько ничтожны его личные возможности. Чугунный каток. Нет необходимости повторять, что в объединенной корпорации «Партия — Государство — Карающий меч» человек даже не песчинка, а просто возобновляемый ресурс — и не более того. Чтобы выжить в этой Системе, а затем добиться в ней каких-то перемен и сокрушить ее изнутри, надо очень хорошо знать эту Систему, все закоулки ее внутренних связей и отношений, ее догмы и штампы. Не только состояние экономики, нищенская жизнь, техническая отсталость довели Систему до абсурда, но и пропаганда, с утра и до вечера утверждающая, что «все советское — самое лучшее» и что нам везде сопутствуют «успехи». Именно на этой базе и формировался официальный кретинизм.

Как сейчас вижу на воротах лозунг: «Вперед к коммунизму», а за воротами мусорная свалка. Надо хорошо знать слабости Системы, чтобы выдавать их за достоинства, знать ее очевидные поражения, чтобы изображать их как победы, знать ее развалины, чтобы преподносить их как шедевры зодчества. В этих условиях и возникло уникальнейшее явление, широко распространившееся в литературе, журналистике, общественной науке. Я имею в виду междустрочное письмо, которым жило советское интеллектуальное сообщество, статьи-аллюзии — от них буквально «вскипали» партийные чиновники и цензура, когда их замечали. Да еще анекдоты. Советское время — это расцвет анекдотного остроумия и междустрочного письма. Что ни говори, а междустрочное письмо стало своего рода лукавым пристанищем для мыслящей интеллигенции и всей «внутренней эмиграции», оно было доведено до высочайшего мастерства.

Византийство как политическая культура, как способ даже не вершить политику, но просто выживать в номенклатуре — суть такой Системы. Одни открыто лицемерили, другие тихо посмеивались. Третьи ни в чем не сомневались, что и служило социально-психологической базой сталинизма. А кто был не в состоянии освоить науку византийства, отсеивался. Тот же, кто выживал, становился гроссмейстером византийства, выигрывая не одну олимпиаду аппаратных интриг. В систему византийства дозволено только вписываться, но ни в коем случае не предлагать какие-то действительно новые правила игры. И лишь потом, достигнув известных должностных высот, можно было добавить к этим правилам что-то свое, но не раздражающее других игроков. Повторяю, принципиальных изменений византийство принять, если бы даже захотело, не могло, не разрушая саму Систему.

Не стану утверждать, что мои наблюдения точные. Не скажу, что способность Горбачева к быстрой смене собственного образа и подходов к решениям всегда имела отрицательный смысл, нет. Я даже не знаю, управлял ли он полностью этой способностью или она составляла органическую часть его натуры. Иными словами, ему не откажешь в даре осваивать новые для себя роли, политические и жизненные ситуации, он наделен вкусом к переменам, которым располагает далеко не каждый. В способности менять взгляды на те или иные проблемы, даже на исторические события, тем более, оценки текущих дел нет ничего предосудительного, скорее, это говорит о творческом потенциале человека, его нормальном психическом и умственном состоянии. Тверды и постоянны в своих убеждениях только живые мертвецы.

К сожалению, охота за компромиссами не всегда приносила Михаилу Сергеевичу удачу. Во второй половине его деятельности уже в качестве президента он постепенно стал рабом компромиссов. Охватившая его после XXVIII съезда растерянность лишила дара точного политического расчета. Готовясь к очередному заседанию Съезда народных депутатов (а предыдущее провалило экономическую программу Шаталина — Явлинского — Петракова), Горбачев подготовил несколько пунктов «спасения» страны. Они были практически бессмысленными, по сути своей шагом назад. А потому и получил он «бурные аплодисменты» дремучего большинства на съезде.

Потом Горбачев говорил, что данная импровизация представляла из себя тактический маневр. А на самом деле он «сдал» экономическую программу «500 дней» под лицемерное «одобрям» большевистского лобби, «сдал» работающую демократическую структуру — Президентский Совет, но «сдал»-то он прежде всего самого себя. Он отбросил в сторону и меня. Я вообще оказался не у дел. Было обидно и за себя, и горько за лидера. Но главное состояло все-таки в том, что Горбачев, отстранив своих ближайших соратников от процесса Перестройки, именно в этот момент фактически потерял и свою власть. Формально это произошло в декабре 1991 года, а в жизни — на год раньше. Крючков и его подельники из высшего эшелона власти, в основном давние агенты и выдвиженцы спецслужб, по-своему оценив сложившуюся ситуацию, начали восстанавливать утраченные ими позиции. Раздев Горбачева догола в кадровом отношении, они приступили к подготовке мятежа.

После Фороса я вернулся к Горбачеву — так велела совесть. Но снова получил щелчки по носу. У меня есть способность становиться выше житейских интриг и политических мелочей. Но при каких-то общественных и личных обстоятельствах эта способность оборачивается и недоброй своей стороной — неоправданными метаниями, предоставляет возможность другим не считаться с тобой, пнуть в твое самолюбие и походя обидеть. Так получилось и со мной.

Михаил Сергеевич — человек образованный, что для его бывшего политбюровского окружения было далеко не нормой. Естественно, что после войны, когда страна испытывала сильнейший кадровый голод, двери наверх перед многими распахивались достаточно широко (я знаю это по себе). Привыкший работать, несомненно увлеченный открывавшимися перспективами, Горбачев, надо полагать, справлялся с теми задачами, которые ему приходилось решать на Ставрополье.

На всех этапах партийной карьеры ему сильно помог — и в продвижении вплоть до самого верха, и в обретении того образа, который закрепился за ним, — интенсивно нараставший интеллектуальный разрыв между высшей партийной номенклатурой и наиболее образованной частью общества. В верхних эшелонах партийного и государственного управления традиционно оставалась низкая мобильность «вождей» всех рангов, а со временем эта система совсем закостенела. Секретари обкомов и ЦК, министры и их заместители, а вслед за ними и многие руководители среднего звена сидели в одних и тех же креслах уже не годами, а десятилетиями, а то и пожизненно.

В чем тут беда? Это были не просто старые и больные люди, фактически не способные на каком-то этапе жизни работать в полную силу. Они, будучи руководителями наивысшего ранга, имели, за редким исключением, крайне скромное образование. Как правило, сельскохозяйственное или техническое, причем полученное очень давно, но не правовое, не экономическое, не гуманитарное. На фоне тогдашней верхушки Михаил Сергеевич действительно олицетворял собой энергию и образованность. И выиграл он соревнование не с подобными себе, а с людьми другого поколения. Это в значительной мере объясняет, почему так быстро и легко родилась в середине 1980-х годов «легенда Горбачева».

Что же касается событий на первом этапе Реформации, то они тоже весьма противоречивы, как и сам Горбачев. Одна линия — андроповская, то есть завинчивание гаек, укрепление дисциплины через разные запреты. Наиболее убежденными ее представителями, хотя и в разной степени, были Лигачев, Крючков, Никонов, Воротников, Соломенцев, Долгих. Уже в мае 1985 года вышло Постановление Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения». Оно привело к тяжелым экономическим потерям, росту наркомании и увеличению самогоноварения и пьянства. Первый практический сигнал обществу от новой власти оказался разочаровывающим.

Я знаю этот вопрос не понаслышке. В свое время, еще до канадского периода моей жизни, где-то в шестидесятых годах, я оказался руководителем рабочей группы ЦК по подготовке проекта постановления Политбюро по борьбе с алкоголизмом. Дискуссии по этому поводу были очень острыми. Наша группа предложила постепенно сокращать производство низких сортов водки, но одновременно увеличивать производство коньяков, вин высшего качества и безалкогольных напитков. Намечалось увеличение производства пива, для чего планировалась закупка оборудования за рубежом. Политбюро ЦК приняло эти предложения. И все бы пошло нормально, но на заседании Верховного Совета министр финансов заявил, что бюджет не будет выполнен, если постановление по алкоголизму останется в силе. В результате все заглохло. Министр финансов облегчил себе жизнь, а люди продолжали пить отраву.

Вернемся, однако, к постановлению от 1985 года. Что творилось на местах, трудно описать. Запрещалось не только торговать водкой, вином и пивом, но и пить, скажем, шампанское на свадьбах, юбилеях, днях рождения и на других праздниках. Почти на каждом Секретариате ЦК кто-нибудь

из государственных или партийных чиновников наказывался за недостаточное усердие в борьбе с пьянством и алкоголизмом. Уничтожались виноградники, импортное оборудование для пивоварения, хотя постановлением подобного не предусматривалось. Пойдя на поводу у блаженных придурков, подписал Михаил Сергеевич себе приговор. И пошел гулять по стране один из первых анекдотов о Горбачеве. Вьется по улицам очередь за водкой. Один с «красным носом» не выдержал и заявил: пойду в Кремль и убью Горбачева. Через какое-то время вернулся. «Ну?» — спрашивают. «Да, там очередь еще длиннее!» Теперь и сам Михаил Сергеевич рассказывает этот анекдот.

Весной 1986 года появилось постановление «О мерах борьбы с нетрудовыми доходами», согласно которому началось невообразимое преследование частной торговли овощами, картошкой, фруктами, цветами. Началась охота за огородниками, за владельцами тех крохотных ферм в четверть гектара, развитие которых определило бы всю дальнейшую судьбу Перестройки.

Оба эти постановления оттолкнули от Перестройки значительную часть людей.

О замшелости мышления того времени говорит и уровень обсуждения некоторых вопросов на Политбюро. Сегодня все это выглядит смешным, но тогда мы с умным видом рассуждали о том, можно ли строить на садовых участках домики в два этажа, с подвалом и верандой (оказалось, что нельзя), какой высоты должен быть конек на крыше садового домика. Сошлись на том, что небольшие (6 соток) садовые участки — дело допустимое, но землю надо давать только на бросовых и заболоченных местах.

Хочу особо подчеркнуть тот выразительный факт советской эпохи, когда при выполнении наиболее безрассудных решений весьма эффективно продолжала демонстрировать свою силу и мобильность «система запретов». Партийные организации, милиция, власть в целом охотно и свирепо выполняли любые запретные постановления. В то же время вяло, неохотно и без всякого интереса исполнялись решения разрешительного плана, а чаще всего — просто не выполнялись. Такова психология самой системы чиновничества, выращенного на карательных и запретительных принципах. Мы не сумели создать госаппарат нового качества. Он остался саботажным и продажным, бездельным и презирающим любые законы. Остается таковым и по сию пору.

Традиционных решений командно-административного характера в начале Перестройки было немало. Но вместе с

этим постепенно выстраивалась и другая линия — обновленческая, демократическая. Справедливо будет вспомнить, что именно в эти годы приняты постановления о кооперации, демократизации выборов, совместных с иностранцами предприятиях, правовом государстве, арендных отношениях, конституционном надзоре, об основных направлениях перехода к рыночной экономике и многие другие. Я привожу здесь практически официальные названия решений. Была возобновлена работа по десталинизации общества, в том числе деятельность Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, предпринято издание «Известий ЦК КПСС», содержавших архивные документы о репрессиях большевизма. Это издание стало действенным оружием идеологической перестройки. Горбачев постепенно отходил от андроповского наследия и его методов.

Но если продвижение политической демократии было достаточно быстрым и эффективным, то в экономике серьезно повернуться к реформам так и не удалось. Возьмем такой пример. На мой взгляд, экономически и политически определяющим вопросом Перестройки могло стать развитие малого и среднего бизнеса, особенно в малых и средних городах. И нельзя сказать, что в перестроечном Политбюро не было разговоров на эту тему. Еще на Политбюро 24 апреля 1986 года Михаил Сергеевич говорил о том, что «страна отстала во всем», «состояние экономики тяжелейшее», что упор надо сделать «на производстве товаров народного потребления» — это наиболее эффективный путь к экономическому выздоровлению. На Политбюро 17 октября 1987 года Горбачев заявил, что «недооценка перерабатывающей промышленности — ошибка всех последних десятилетий», что малые и средние предприятия — стержень экономической политики. Я тоже предлагал тогда разработать специальную программу развития малого бизнеса, назвав ее программой «первых этажей». Суть ее: отобрать в городах первые этажи у чиновников и организовать там частную торговлю, сферу обслуживания и т. д. Но к практическим делам так и не подошли. Да и сами принятые решения были формальными, в основном порученческими. Не удалось «переломить» отношение к экономическим реформам и со стороны корпуса «красных директоров».

Вернемся еще раз к мартовско-апрельским дням 1985 года. Среди всего прочего, именно в те дни закладывались кирпичи одиночества Горбачева — человеческого и политического. В ЦК и других организациях было немало людей образованных и свободомыслящих, которые сразу же потянулись

к Горбачеву. Но на своем политическом и должностном уровне у него было слишком мало тех, кто был бы готов и способен при необходимости сыграть роль интеллектуально жесткой, психологически дискомфортной, но стратегически союзной с ним оппозиции, заинтересованной в общем успехе. Даже не оппозиции, а просто людей, способных отстаивать свою точку зрения. К началу 1991 года он не только утратил веру в себя, но и растерял людей, верящих в него.

Несмотря на склонность к анализу, известную наблюдательность, Михаил Сергеевич плохо разбирался в человеческих характерах. Чутья на людей Горбачеву явно недоставало. Да и вообще в его кадровой политике — бесконечная череда ошибок. Поговорит с кем-то, тот поклянется в верности Перестройке, глядишь — новый начальник. А в жизни — пустельга и неумеха, а то и вертихвостка. И в целом надо честно сказать, что многие глупости, ошибки, порой грубые, объясняются киселеобразной кадровой политикой. Сильного кадрового корпуса, готового честно служить преобразованиям, не сложилось. Больше того, официальные кадровики в окружении Горбачева сами были против Перестройки и соответственно подбирали руководящие кадры, в основном из антиреформаторов.

На мой взгляд, Горбачев не смог понять, что кардинальный демократический поворот требовал людей с действительно новым мышлением, он продолжал повторять: «Не нужно ломать людей через колено». Людей-то ломать, конечно, не надо, тем более через колено, но освобождать их от функций, которые они не в состоянии или не хотят выполнять, — святая обязанность, если ты захотел повернуть Россию к новому образу жизни. Не в сломанных ребрах тут дело, а в головах. Вот их и надо было расставлять по пригодности. Он же следовал старой мудрости «византийца» — играть на людских противовесах и противоречиях. Эта практика и не могла увенчаться успехом. У носорога — рога, и у барана — рога, но повадки разные. Носороги выжили, построили общество для себя, а бараны продолжают бить в барабаны.

Разделение одних и тех же функций с Лигачевым я воспринимал как недоверие к себе. Может быть, в какой-то мере и поэтому вел себя порой гораздо задиристее, чем диктовалось обстановкой. Сегодня не могу утверждать вполне уверенно, но отвечай я один за идеологию, возможно, был бы в некоторых случаях осторожнее, сдержаннее, а в других — определеннее и решительнее. Впрочем, нет худа без добра. В двойственности моего положения содержался какой-то вызов, который подталкивал к дерзости. Кроме прочего, охранительные по многим идеологическим и политическим проблемам действия Лигачева служили своего рода ориентиром для действий наоборот.

Горбачев был жаден до информации. Я уже писал об этом. Но информация, поставляемая политику, обладает коварной особенностью: чем больше познает человек, тем протяженнее в его индивидуальном сознании оказывается линия соприкосновения с незнаемым, неизвестным. А следовательно, больше образуется простора и возможностей для сомнений, колебаний, нерешительности. И в то же время появляется опасность оказаться в плену у текущей информации, отдельных ее источников или поставщиков, подпасть под чье-то влияние (хорошо, если добронамеренное).

Желающих влиять на властвующего политика, тем более на лидера, появляется всегда больше, чем нужно. За такими людьми и группами стоят разные, но вполне конкретные интересы, а методы вползания в доверие отшлифованы веками. Наговоры, подхалимаж. Объективной и всесторонней информации политики высокого ранга практически не получают. Вот тут-то их и подстерегают спецслужбы со своей целенаправленной информацией. Вначале Горбачев умел отличать вымысел от правды, видел подхалимские пассажи, иногда вслух посмеивался над информационными трюками, с определенной долей брезгливости отмахивался от хитренького словоблудия. Но потом... Потом интуиция стала давать сбои, захотелось «сладкого слова», которое у политических интриганов может быть только лживым.

Особенность горбачевского характера — способность воодушевляться, загораться на новое дело. Это хорошие качества, от которых, казалось бы, «рукой подать» и до эмоций, выражающих сопереживание, сострадание. К сожалению, примеров последнего маловато, а вот демонстративного отсутствия такого сострадания хоть отбавляй. Когда ряженые патриоты, особенно из писателей, «достали» меня ложью, я не выдержал и унизился до письма к Михаилу Сергеевичу с просьбой унять эту шпану. Говорю «унизился», ибо Горбачев и сам бы мог дать всему этому потоку грязи политическую оценку, которая была бы весьма дальновидной, но он не сделал даже попытки утихомирить политическое быдло, которое потом развернуло злобную кампанию и против него самого.

На этот раз он сказал: «Ну, давай я позвоню Бондареву». Горбачев, особенно его супруга, обожали его. Я ответил, что этого делать не надо. Вопрос не только мой. Дело-то в постепенном расширении идеологической платформы реставра-

ции. Так потом и получилось. Подобная платформа была сформулирована и опубликована перед мятежом 1991 года под названием «Слово к народу».

Кстати, Бондарев, создав правдивые и талантливые книги о войне — «Горячий снег» и «Тишину», — занял впоследствии мракобесную позицию. Почему так случилось, что писатель гуманистического направления оказался в хвосте общественного развития? К сожалению, все очень просто. На съезде писателей в июне 1986 года, том самом, на котором решался вопрос о руководителе Союза писателей, столкнулось несколько мнений. Прежний глава Георгий Марков не хотел оставаться на этом посту, да и побаивался, что его заголосуют. Егор Лигачев поддерживал Маркова, хотя допускал возможность и другого варианта. Возникла фамилия Бондарева, но разговоры с писателями показали, что он тоже может не пройти. Да и я сильно сомневался в его способности стать объединяющей фигурой в коллективе единоличников — коллективе сложном, непредсказуемо изменчивом в настроениях, предельно субъективном в оценках. И очень падком на публичные признания, награды и звания.

Впрочем, эпоха повального орденопопрошательства продолжается и сегодня. Когда смотришь на нынешний парад «орденопросцев», то настроение падает до предела. Грабли те же самые. И слова благодарности «в ответ на заботу» почти те же. Никак не приходит понимание того факта, что ордена даются чаще всего не за заслуги, а за верность царю, президенту, за совпадение взглядов с властью. Орден дающий тоже доволен — может орден дать, а может и не дать. Кстати, мы пытались переломить эту давнюю традицию, показать какой-то пример. При Горбачеве никто из руководства не получил ни одного ордена. Так было решено на Политбюро. И вообще поток награждений резко сократился.

После долгих поисков остановились на кандидатуре Карпова, который в то время не примыкал ни к одной из группировок. Теперь примыкает — возносит Сталина. Он и был избран. С тех пор Бондарев затаил обиду. Кстати, у меня в библиотеке есть повесть Бондарева «Горячий снег» с его дарственной надписью и благодарностью за помощь в издании этой книги. Против ее издания выступало Главное политуправление армии и флота. Оно считало, что в «Горячем снеге» недооценивается роль старших командиров, особенно генералов, в боевых действиях. Видимо, в то время забыл Бондарев иронические строки Твардовского, что «города сдают солдаты, генералы их берут». И написал в книге так, как было.

Вспоминается мне и 5-й съезд кинематографистов. Шумный, острая сшибка между «аксакалами» кинематографии и молодежью. Иногда говорили по делу, чаще сводили счеты. Но одна особенность съезда преобладала над всеми другими — это стремление демократизировать обстановку в киноискусстве, освободиться от давления цензуры и всякого начальства. Я на том съезде представлял ЦК. Заранее договорились с Горбачевым, что выборы должны быть предельно демократичными.

— Итак, уважаемые делегаты, кого бы вы хотели избрать своим руководителем? — спросил я.

Молчание. Люди уже привыкли к тому, что имя «первого» произносит ЦК. Молчание затянулось. Тогда я сказал:

— А что, если Элема Климова? Или кого-то другого?

Я почувствовал, что в зале повисло удивление. Элема уважали. Молодой и смелый художник. Находился как бы в рядах духовной оппозиции. Предложение оказалось неожиданным. Решил помолчать, чтобы дать время подумать, преодолеть растерянность.

Наконец, Ролан Быков назвал имя Михаила Ульянова.

— Прекрасная кандидатура, — сказал я и попросил продолжить выдвижение кандидатур. Наконец люди поняли, что им предлагается действительно самим избрать себе руководителя. Встал Ульянов и отвел свою кандидатуру, сказав, что предложение о Климове является очень удачным. Элема избрали, насколько я помню, единодушно. Об этом съезде еще долго гудела общественность.

Возвращаюсь снова к реакции Горбачева на не свои переживания. Геннадий Зюганов публикует в «Советской России» 7 мая 1991 года статью «Архитектор у развалин», которая потом сделала ему карьеру в стане большевизма. Формально статья была обо мне, а на самом деле ее острие было нацелено на Перестройку. Михаил Сергеевич не произнес по этому поводу ни слова, видимо обидевшись, что слово «архитектор» было отнесено не к нему. Он так и не понял, что замысел этой статьи заключался еще и в том, чтобы столкнуть Горбачева со мной, что и было достигнуто.

Теперь Зюганов возглавляет компартию России, пытается перестроить ее, то есть по-мичурински вывести из огурца еловую шишку. С делом справляется хорошо, поскольку партия разваливается. Несмотря на странное молчание Горбачева, некоторые газеты критически откликнулись на статью Зюганова. Особенно резкой и развернутой была статья «Вперед-назад» Игоря Зараменского (тоже работника партаппарата), опубликованная в «Советской культуре» 3 августа

1991 года. Автор пишет, что «Г. Зюганов внес яркий вклад в кампанию «охоты за ведьмами» в КПСС. Его развязное, совершенно бездоказательное, достойное стыда и сожаления открытое письмо А.Н. Яковлеву под многозначительным названием «Архитектор у развалин» более всего подчеркнуло, насколько высока готовность консерваторов пожертвовать будущим партии ради своих целей».

Горбачев заметно тушевался перед нахрапистыми и горластыми, но в то же время понимал, кто есть кто. Мне это понятно. Я тоже теряюсь перед демагогией. Ответить хочется, но противно. Я помню один из новогодних вечеров у Горбачева на даче. Присутствовали только члены ПБ. Все было мило. Раиса Максимовна старалась создать раскованную обстановку, снять вполне понятное напряжение, особенно у жен членов Политбюро, многие были тут впервые. Оказывается, по давно заведенному порядку каждый должен был произнести тост. И сразу же потекли хвалебные всхлипы в адрес Горбачева. Одни слаще других, хотя были и сдержанные речи.

Но всех превзошел Крючков. Он испек такой сладкий пирог, что на нем уместились все мыслимые и немыслимые достоинства и геркулесовы усилия Михаила Сергеевича по строительству «образцового демократического государства». Кружева плел витиевато, смотрел на всех прищуренными вороватыми глазками и нисколечко не смущался. Подняв голову от стола, я наткнулся на глаза Горбачева, в которых плясала усмешка. После обеда Михаил Сергеевич подошел ко мне и сказал: «Не обращай внимания». Но прошло не так уж много времени, и подобострастие Крючкова легко перешло в крючковатый нож в спину Горбачева.

Много написано и сказано о нерешительности Горбачева — и как человека, и как лидера. Это стало как бы приговором, не подлежащим обжалованию. Я часто думал об этом, вспоминая острые ситуации и мысленно взвешивая альтернативы возможных решений. Порой действительно кажется, что в каких-то случаях можно было поступать решительнее, вести себя смелее. Михаил Сергеевич нередко медлил с принятием решений, дал запугать себя недовольством военных и силовых структур, пытался примирить непримиримое: компартию и демократию, централизованное планирование и рынок.

Но допустим, что Горбачев и в самом деле нерешителен, тогда как он мог отважиться на Перестройку и далеко идущие реформы? Может быть, не понимал, к каким последствиям могут привести перемены, с каким риском связаны попытки стронуть базальтовые стены с места, не говоря уже о военно-политических и экономических преградах еще только на пути к этим стенам? И вообще, спрашиваю себя: может ли нерешительный человек оказаться в той роли, какую начиная с 1985 года сыграл Горбачев?

Мой ответ: да, может. Более того, после десятилетий террора, а потом политического безвременья только подобный лидер и мог с наибольшей вероятностью успеха оказаться чемпионом в марафонском беге к вершине власти. Человека бескомпромиссного толка Система остановила бы еще на дальних подступах к властной высоте. Да еще спросим себя, а не сыты ли мы начальственной решительностью? Произвол, самодурство, всевозможные патологии и откровенно криминальные наклонности, вера в насилие неизменно рядились именно в одежды так называемой принципиальности, решительности, дабы твердо противостоять «внутреннему и иноземному врагу». Именно подобная установка и породила ленинско-сталинское государство, когда насилие подавляло все доброе и честное в человеке, когда, пользуясь легковерием оболваненных простаков, «вожди» целенаправленно уничтожали народы СССР — через репрессии, войны, голод.

И все же во многих случаях он напрасно боялся пересолить. Например, он любил ссылаться на поздние статьи Ленина, считал, что они дают ключ к экономической перестройке. Но не только не ввел свободную торговлю, а подписал решение Политбюро о борьбе с нетрудовыми доходами, то есть с зачатками свободной торговли. Или другой пример. Цена на хлеб была настолько низкой, что кормить скот хлебом стало гораздо выгоднее, чем заготавливать или покупать корма. Половина купленного хлеба в городах выбрасывалась на свалки. В то же время зерно закупалось за золото в США, Канаде, Европе. В своей речи в Целинограде еще в 1985 году Горбачев согласился поставить вопрос о повышении цен на хлеб. Мы с Болдиным подготовили аргументацию, выкладки, сослались на письма людей.

Но наутро он передумал. Кто-то внушил ему, что делать этого нельзя, ибо в памяти людей останется факт, что именно он повысил цены на хлеб. Я лично видел в повышении цен на хлеб сигнал к реформе ценообразования. Нельзя же было и дальше терпеть положение, когда трактор был дешевле металла, потраченного на его производство. Вот так и шло — крупные намерения и мелкие решения шагали вместе.

Он, бесспорно, человек эмоционально одаренный, во многом артистичный. У него своеобразное обаяние, особенно во

время бесед в узком кругу. Эту черту отмечали многие, и не только из лести. Умел, когда хотел, заинтересованно слушать собеседника. Способен без особых усилий поставить себя на место собеседника и даже, пожалуй, принять его точку зрения. Мог достаточно легко убеждать. Но это продолжалось лишь до тех пор, пока не появились склонность к бесконечному словоизвержению, а также глухота к советам и предложениям.

Об этой опасности говорит и то, с каким легкомыслием он отнесся к моей информации о возможности силовой авантюры со стороны большевиков. Возможно, такая невосприимчивость к моим сигналам объяснялась тем, что к этому времени Крючкову, начавшему мостить дорогу к захвату власти, удалось своими доносами настorожить Горбачева в отношении меня. Наиболее смехотворной являлась сплетня, что Яковлев является «Папой» демократического заговора интеллигенции Москвы и Ленинграда против Горбачева. Я допускаю, что Михаил Сергеевич не верил крючковскому вранью, однако мои телефонные разговоры стали прослушиваться более интенсивно. Было установлено наружное наблюдение.

Моя лояльность к Михаилу Сергеевичу не имела благоразумных рамок. Величие целей ослабляло мое зрение. Что-то порой тревожило меня, но я гнал от себя всякие сварливые мысли. Сдерживало меня и то, что Горбачев — человек обидчивый. И без того газеты писали, что он лишь озвучивает то, о чем говорит ему Яковлев. Я понимаю — ему было досадно читать такое. В конце концов, он настолько обиделся, что все реже и реже стал привлекать меня к конкретной работе. Обойдусь, мол, и без тебя.

Нельзя было не учитывать и другое качество его характера. Он подозрителен. У меня и моих друзей вызывало недоумение то обстоятельство, что Горбачев ни разу не оставил меня вместо себя, когда был в разъездах, ни разу не поручил вести Секретариат, ни разу не назначил официальным докладчиком на ленинских или ноябрьских собраниях. В подобных ролях побывали почти все, кроме меня, хотя я и ведал идеологией. Даже на двух всесоюзных совещаниях по общественным наукам и проблемам просвещения доклады делал Егор Лигачев. То ли Горбачев постоянно «ставил меня на место», поскольку ему внушали, что «Яковлев ведет собственную игру», то ли боялся, что я наговорю в докладах чего-то лишнего. Не знаю. Мне иногда хотелось напрямую спросить Горбачева, в чем тут дело? Но стеснялся поставить его в «неловкое положение».

Сегодня все это звучит смешно, даже вспоминать неловко, а тогда было очень неприятно. Скажу честно, в то время я каждый раз переживал, воспринимая эти решения Горбачева как недоверие ко мне. Впрочем, так оно и было. Я знал, что Болдин не один раз, когда подходило время торжественных собраний, вносил меня в список возможных докладчиков, но Горбачев, как сообщал мне тот же Болдин, всегда предпочитал других. Очень больно я воспринимал вопросы и моих друзей, и моих недругов: «Ты же учитель, а доклад по народному образованию делает инженер Лигачев». Или: «Ты же член Академии наук СССР, а доклад по общественным наукам делает снова инженер Лигачев. Что у вас там происходит?»

Стоит рассказать, пожалуй, об одном эпизоде, о котором сегодня вспоминаю с улыбкой. Однажды у кого-то возникла идея попытаться примирить Горбачева с демократами. Собрались в этих целях шесть человек (трое — от президента, трое — от демократов). Я узнал об этом через несколько недель. А теперь ко мне попала записка на имя Горбачева, которая, видимо, и была результатом переговоров. Приведу отрывок из нее.

«Но, пожалуй, самое неприятное в нынешней ситуации то, что обостренная полемика вокруг перехода к рынку сегодня подвела общественное мнение почти к единодушному негативному отношению к правительству. Практически не встретишь человека, который верил бы в то, что оно способно не то что создать эффективный рынок, но просто уберечь страну от голода. Настрой людей таков, что, даже если бы завтра правительство представило абсолютно идеальный план действий, его встретит разгромная критика. Это печально, но факт.

Конечно, могут быть найдены какие-то оправдания. Но, Михаил Сергеевич, нельзя, мне кажется, не видеть, что правительство действительно уже не в состоянии восстановить доверие парламента и страны. В этих условиях единственно правильным, по существу спасительным решением была бы его отставка и формирование в короткий срок нового правительства, возможно, с какими-то особыми полномочиями (переходное, чрезвычайное, на период стабилизации и т. д.).

Такая замена будет иметь смысл, как мне кажется, только в том случае, если будет решительно обновлен весь состав нынешнего Совета Министров с резким его омоложением. И самое главное — чтобы во главе его встал Ваш на-

дежный соратник, способный получить кредит доверия в различных слоях общества, особенно в тех, которые сейчас наиболее активны политически.

Думаю, что таким человеком может быть Александр Николаевич Яковлев. В пользу его кандидатуры ряд очевидных аргументов. В широких политических кругах, особенно после XXVIII съезда КПСС, его воспринимают как Вашу правую руку. У него достаточно прочный авторитет во всем леводемократическом лагере, и с этой стороны ему явно будет оказана поддержка. А это означает, по крайней мере, смягчение конфликтных ситуаций с Верховным Советом России, Советами Москвы, Ленинграда и т. д. Думаю, положительно воспримет это и основная масса интеллигенции, включая прессу. Немаловажно и то, что приход такого правительства позволит использовать более широко наметившиеся благоприятные возможности для притока иностранного капитала.

Конечно, Александр Николаевич не отвечает традиционным нашим представлениям о премьере как человеке, который обязательно должен разбираться в современной технике. Однако сейчас ведь как раз на этом посту должен быть не узкий технарь, а человек с широким политическим и экономическим кругозором, способный привлечь к себе лучшие интеллектуальные силы и смело пойти на назревшую реформу экономики.

Убежден, что такое решение внесло бы новый момент в развитие обстановки, позволило бы выиграть время, необходимое для перехода к рынку и подписания Союзного договора.

Независимо от того, каким будет Ваше решение по главе правительства, честно говоря, я просто не вижу никакого иного выхода, как самая безотлагательная смена кабинета. Для этого, кстати, есть и вполне резонные объяснения: правительство не сумело выполнить данное им обещание, подвергается критике и поэтому предпочитает уступить место другому.

Я с большим уважением отношусь к Николаю Ивановичу и думаю, что он по размышлении воспримет это с пониманием. Более того, думаю, что это отвечает и его интересам: лучше сейчас перейти на какую-то другую хорошую работу, чем довести до того, что правительство официально получит вотум недоверия.

Прошу прощения, что вторгаюсь в сферу высшей политики, но я ведь всегда говорил Вам то, что думаю, и что, по моему глубокому убеждению, отвечает интересам перестройки».

Я догадываюсь, кто автор этой записки, но это всего лишь догадка.

Я уже писал, что у меня с Михаилом Сергеевичем были частые и откровенные разговоры на самые разные темы. Иногда — многочасовые и в неформальной обстановке. О положении в стране, прошлом и будущем, планах и людях, об искусстве и литературе. Мало сказать, что беседы носили доверительный характер, они были душевными, товарищескими. Скажем, во время отпусков под южным голубым небом, где-то в горах вели мы неторопливые беседы, мечтая о том, какое в будущем должно быть государство. Мирное, но сильное своим богатством, освобожденное от засилья милитаризма и экологических уродств. Мы говорили о том, что человек должен быть свободен, духовно богат, сам определять свою судьбу. Мы ходили по земле, но одновременно витали в облаках. Горячие монологи были искренними и одухотворенными романтикой, выражающей все самое возвышенное, что творилось в душе. Наши жены — Раиса Максимовна и Нина Ивановна, прогуливались обычно отдельно и старались не мешать нашим сумбурным разговорам. Они говорили о своих делах и заботах, о детях и внуках.

Путаюсь в мыслях, когда вспоминаю об этих беседах в горах и на берегу Черного моря. И волнуюсь. Я верил в созидательную суть наших бесед, верил с восторгом в душе и постоянно тешил себя надеждой, что все в жизни так и будет. А когда действия моего собеседника в каких-то случаях оказывались иными, я, внутренне не соглашаясь с ними, стыдился прямо сказать об этом Горбачеву, ибо, как я думал, напоминания о доверительно сказанном могли показаться предательством нашей «черноморской раскованности».

Как правило, он замечал мою раздраженную реакцию на те или иные решения или особенно замшелые выступления других членов Политбюро. И при первом же случае старался объяснить свое молчание нежеланием ввязываться в спор по пустякам. Подобная доверительность, да и сам характер отношений в известной мере сковывали мою самостоятельность. Единственное, где я отводил душу, это в публичных выступлениях, в которых излагал свое видение Перестройки. Кстати, коллеги по ПБ не раз делали мне разные замечания, вежливые, разумеется, по поводу моих выступлений, скажем, в Перми, Душанбе, Калуге, Тбилиси, Риге, Вильнюсе и в Москве, но сам Михаил Сергеевич не сказал мне ни слова по этим выступлениям. Ни плохого, ни хорошего.

Если вернуться к общественным наукам, то уже упомянутый мною случай сильно поцарапал меня. На самом деле, без

моего участия готовится всесоюзное совещание обществоведов — преподавателей институтов. Организаторы, возглавлявшие его подготовку, а это было окружение Лигачева, не сочли нужным даже посоветоваться, узнать мое мнение. Ограничились пригласительным билетом. Мне бы скандал закатить, а я снова смолчал. Поборов раздражение, я пришел на это совещание задолго до его начала и увидел кривые улыбки тех, кто рьяно продолжал отстаивать «чистоту» марксизма-ленинизма, громил всякие посягательства на эту «чистоту». Вот видишь, не тебе поручили! Делай выводы! Смысл речей на совещании был достаточно однообразен: ревизионизм наступает, марксизм сдает позиции. ЦК потакает ревизионистам, которые повторяют враждебные песни из-за рубежа. Мне было ясно, что серьезного разговора получиться не может. Мозги у некоторых участников если и были, то давно усохли, а поэтому не оставалось ничего иного, как жевать воздух.

Посидев немного на совещании, я ушел. Бессмысленно молоть сгнившее зерно. Ни в коей мере не хочу преувеличивать свои возможности, но уверен, что, отстраняя меня от этого совещания, Горбачев упустил еще один шанс довести до огромной армии обществоведов, продолжающих влиять на сознание студенчества, концептуальное содержание Реформации. Одно из двух: или боялся, или не хотел.

Еще до этого совещания я выступил в Академии наук СССР с резкой критикой догматизма, что было расценено ортодоксами как посягательство на сам марксизм. В целом выступление на этой встрече, организованное Геннадием Ягодиным, министром образования, получило положительный резонанс. Хотя если посмотреть на это выступление с позиций последующих лет, то оно ничего нового из себя не представляло. Но в условиях, когда принцип развития был заменен борьбой «за чистоту», критика догматизма резала фундаменталистам уши.

Подобное же раздражение я испытал и в случае с общесоюзным совещанием работников народного образования. Но туда я просто не пошел.

Когда сегодня я рассказываю друзьям о всех этих эпизодах, они обычно говорят: «Не переживай! Не поручив тебе официальных докладов, Горбачев фактически уберег тебя от банальной болтовни о Ленине и революции, от похвал разным достижениям». Это верно. Мне действительно повезло в этом плане. Но тогда все это выглядело по-другому. Да и Горбачев меньше всего заботился о моей «политической девственности». Он еще и сам не знал, в чем таковая состоит. Тогда он просто играл, наслаждался маневрированием, полагая, что играет по-крупному.

А если уж совсем начистоту, то должен признаться, что ждал от него серьезных поручений, особенно в сфере общественных наук, ибо в то время у меня накопилось немало вопросов, касающихся общественной теории, в частности по проблемам революции, о соотношении объективного и субъективного в истории, о мифологизации исторического процесса, об истоках общественных деформаций, состоянии и развитии общественных наук на Западе и много других. Хочу, однако, повторить: несмотря ни на что, я всегда находил какие-то детские аргументы в оправдание решений Горбачева. Но, выгораживая его, я «убегал» от самого себя.

С нарастанием проблем, трудностей и противоречий в ходе Перестройки, кризисных тенденций в партии, государстве и обществе, на мой взгляд, достаточно заметно обнажались и психологические проблемы самого Горбачева. Проще сказать, он, конечно, ожидал, что впереди предстоят серьезные трудности, но гнал от себя мысль, не сумел до конца поверить, что военно-промышленный и аграрный комплексы, силовые структуры, а главное, аппарат партии по своей природе не будут его сторонниками в реформах. Более того, они встанут на путь скрытого или открытого саботажа. Вот здесь-то ему явно не хватало решительности, но решительности в преодолении самого себя.

Не берусь судить о первых годах его работы в ЦК, меня тогда не было в Москве. Но уже в начале 1980-х о Горбачеве пошла молва как о будущем лидере новой формации. Молву принимали всерьез, прежде всего те, кто по разным причинам симпатизировал Горбачеву и поддерживал его; но и те, кто видел в нем конкурента. Думаю, что в быстром формировании подобных предположений немалое значение имело то необычное, что было в поведении Горбачева, в стиле его общения с людьми. Но решающую роль сыграли и те ожидания перемен, которые находили выход в мечте о новом лидере, который мог бы повести страну в XXI век. Однако подавать сигналы из-за спины первого лица (а ими были в то время Андропов и Черненко) — одно дело, придя же к власти, лидер перестает быть «подающим надежды», который знает нечто особенное, недоступное другим.

В марте 1985 года Михаил Сергеевич был пересажен из класса «Легенда» в класс «Лидер». Тем самым миф обрел живую форму, переселился в простого смертного, на которого история возложила тяжелейшую из тяжелейших миссий. И здесь его подстерегали самые серьезные опасности. По

должности он поднялся почти до небес, дальше некуда. Это создавало иллюзию всемогущества, но только иллюзию. На самом деле все обстояло далеко не так. Горбачев оказался в окружении людей гораздо старше его, опытнее в закулисных играх и способных в любой момент сговориться и отодвинуть его в сторону, как это произошло, например, с Хрущевым.

Конечно, возможности руководителя партии и государства, особенно такого, каким был СССР, чрезвычайно велики. Но в то же время власть лидера жестко канонизирована: он лидер до тех пор, пока отвечает интересам наиболее могущественных в данное время элит и кланов. Как только эти интересы всерьез задеваются, власть руководителя, какими бы рангами и достоинствами он ни обладал, может резко и болезненно сузиться, упасть до нуля или привести к падению самого лидера. Горбачев, я думаю, отдавал себе отчет, что демократические реформы требуют смены политической и хозяйственной элиты. Не раз говорил об этом. Но освободиться от нее волевым путем он практически не мог. Политбюро на это не пошло бы, да и действующая когорта власти могла взбунтоваться на очередном пленуме ЦК. А опереться на людей, стоящих вне номенклатуры, он побоялся.

Сегодня многие задаются вопросом: почему Горбачева до сих пор встречают за рубежом тепло и с уважением, а вот у себя в стране продолжают критиковать за все постигшие людей тяготы, к которым он не имел никакого отношения или имел весьма отдаленное. Все это надо искать в том, что Горбачев тяжело наступил на интересы аппарата партии, силовых структур, хозяйственной мафии, военно-промышленного комплекса — номенклатуры в целом. Наступил, но не довел дело до конца в кадровом отношении. Вот они и отомстили ему, бросив огромные человеческие и финансовые возможности для его дискредитации. Он их как бы пожалел, а они его — в колодец.

Горбачев неплохо начал, если не считать решений по борьбе с пьянством и борьбе с нетрудовыми доходами. Основательный политический идеализм (в хорошем смысле этого слова), помноженный на его непривычную тогда открытость, на понимание необходимости перемен, помог придать Перестройке мощный стартовый заряд. В весьма специфической обстановке личные качества Горбачева, такие, как умение играть на полутонах, стараться до последнего сохранить открытыми как можно больше вариантов решений, — все это объективно работало на Перестройку, на поиск путей и средств обновления. Именно так я оценивал обстановку первых 2—2,5 лет. Ее специфику я тоже видел в спасительных компромиссах, учитывая психологию номенклатуры. Она знала, что в партии и стране всегда что-то реорганизовывается. Принимаются решения о совершенствовании тех или иных направлений работы: идеологической и организаторской, системы управления, работы с кадрами и т. д., но никогда, скажем, районные власти толком не понимали, чего от них хотят. Как начало очередной кампании они встретили и Перестройку. Пошумят наверху, заменят вывески, может быть, и новых руководителей поставят, а дальше жизнь пойдет своим чередом. Надо только переждать очередную суету, привычную толкотню в маленьких и больших коридорах власти.

Постепенно начала складываться прелюбопытная ситуация. Режим в основном сохранялся вроде бы прежний, особенно по внешним признакам и рутинным процедурам. Но грубые командные приемы руководства начали чахнуть. Страна замитинговала, ожили газеты, телевидение, радио. Общественное и личное сознание светлело на ветрах замелькавшей свободы. И с этим было очень трудно что-то поделать, даже тем, кто был накрепко прикован к системе диктатуры, верил в неприступность власти.

Новая обстановка находила отражение и в работе Политбюро ЦК. Члены Политбюро, секретари ЦК могли, если они того хотели, проявлять самостоятельность, не оглядываться на возможные упреки. Подобная атмосфера позволяла решать многие важнейшие вопросы явочным порядком, никого, в сущности, не спрашивая. Более того, в интересах дела и не надо было спрашивать. Прежде всего это коснулось идеологии, информации, культуры. Именно здесь и произошли кардинальные изменения.

Но не в экономике, за которую отвечали Николай Рыжков, Егор Лигачев, Виктор Никонов, Юрий Маслюков и другие. Обратите внимание, читатель: и тогда, и теперь критикуют за Перестройку только идеологов, в основном меня и конечно же Горбачева. Причина весьма немудрящая. Идеология была стальным обручем системы, все остальное старательно плясало под музыку идеологических частушек. К тому же люди, отвечавшие за экономический блок, и не хотели серьезных экономических перемен. И сегодня старые и новые номенклатурщики, объединившись в законодательных органах, насоздавали столько нелепых и противоречивых законов и инструкций, что России долго придется выбираться из помойной ямы бюрократизма. Когда на ногах еще гири, трудно вылезать из болота. А гири отменные, чугун-

ные, многопудовые, отлитые коллективными усилиями аппарата партии и государства.

Вот тут, повторяю, и возникают всякого рода «трудные вопросы». Возможно, мы, реформаторы первой волны, были недостаточно радикальны. Например, не сумели настоять, чтобы многопартийность превратилась в нормальную практику политической жизни. Не смогли сразу же узаконить свободу торговли и конечно же отдать землю фермерам или реальным кооператорам, запретив такую форму хозяйствования, как колхозы. Не сумели начать переход к частному жилью и негосударственной системе пенсионного обеспечения. Оказались не в состоянии решительно встать на путь последовательной демилитаризации и дебольшевизации страны.

Но все это верно в идеале, в сфере незамутненной мечты. А в жизни? На самом деле, как можно было в то время упразднить колхозы без соответствующей законодательной базы? А кто ее мог создать? Крестьянский союз Стародубцева? И главное! Что стали бы делать колхозники? Самочинно делить землю? Получилось бы второе издание ленинского «Декрета о земле». Интересы — вещь реальная. Номенклатурные фундаменталисты не могли оказаться в одном лагере с Перестройкой. Рассчитывать на то, чтобы наладить с ними нормальные рабочие отношения, умиротворить, ублажить, успокоить, умаслить, было, мягко говоря, заблуждением, поскольку за этой когортой стояли интересы власти, которую они терять не хотели.

Михаил Сергеевич пропустил исторический шанс переломить ход событий именно в 1988—1989 годах. Страна еще была оккупирована большевизмом, а действия демократии против него оставались партизанскими, огонь был хаотичным, малоприцельным, одним словом, предельно щадящим. Требовалась гражданская армия Реформации. Демократически организованная часть общества, особенно интеллигенция, еще продолжала видеть в Горбачеве лидера общественного обновления, еще связывала с ним свои надежды. Но ответа не дождалась, ибо все руководящие номенклатурщики оставались на своих местах. В результате сработало правило любых верхушечных поворотов: сама власть, испугавшись крутого подъема, начала суетиться, нервничать, метаться по сторонам в поисках опоры, дабы не свалиться в политическое ущелье.

И когда я утверждаю, что с осени 1990 года власть катастрофически быстро уходила из рук Горбачева, то начало этому откату положили события 1988—1989 годов, когда реакция, по выражению ее лидеров, «выползла из окопов», огляделась и, видя, что Горбачев растерян, начала атаку по всей линии дырявой обороны Перестройки, состоящей неизвестно из кого, из каких-то странных и разрозненных отрядов добровольцев. Я уверен: Горбачев не один раз раскладывал политический пасьянс, пытаясь определить, куда деться королю? Но так и не решился сделать ставку на складывающуюся демократию снизу, пусть еще бестолковую, крикливую, но устремленную на преобразования и настроенную антибольшевистски. Не обратился за поддержкой сам и не поддержал тех, кто просил у него такой поддержки.

Вместо этого он в 1988—1990 годах усилил в своих выступлениях патерналистский, назидательный тон в отношении «подданных», не замечая, что подобный тон начинает отталкивать здоровую часть общества и от него лично, и от политики, с которой он связал свою судьбу. Я утверждаю: в это время Михаилу Сергеевичу явно отказала способность к социальной фантазии. Политическое чутье притомилось, а притомившись, притупилось. Так получилось, что к концу 1990 года Горбачев уже ни при каких обстоятельствах — даже откажись он публично от Перестройки и даже выступив с покаянием по этому поводу — не был бы принят в стан реставраторов, там уже формировалась жгучая к нему неприязнь.

Но на этом рубеже, как мне кажется, у него еще оставалась возможность связать свое будущее, будущее страны с ясно обозначенной демократической альтернативой. Ему надо было пойти на всеобщие президентские выборы, помочь организации двух-трех демократических партий и покинуть большевистский корабль.

Парадокс: Горбачев знал истинную цену многим окружавшим его людям по партии и внутрипартийному фундаментализму. Она была копеечной. Но людям из демократической среды — новым, неизвестным, иными тогда они и быть не могли, — он доверял еще меньше, чем «проверенным» ортодоксам. О его вибрирующей позиции говорят многие факты. Некоторые мои друзья из межрегиональщиков просили меня приходить на их собрания, не требуя никаких обязательств. Они имели в виду установить через меня рабочий контакт с Горбачевым, надеясь, что об их заседаниях и решениях будет докладывать не КГБ, а близкий Горбачеву человек. Там было много достойных фигур: Андрей Сахаров, Борис Ельцин, Гавриил Попов, Анатолий Собчак. Кстати, можно представить себе ситуацию, если бы эти представители демократического крыла были бы в начале 1990 года включены в Президент-

ский совет. Многое бы пошло по-другому, чем случилось. Горбачев, когда я проинформировал его о ситуации, не разрешил мне посещать собрания межрегиональной депутатской группы.

Информационные доклады КГБ о работе МДГ были полны неприязни, запугиваний и ярлыков. Как-то Горбачев спросил меня с раздражением: что там, межрегиональщики затевают какой-то новый скандал? Что они, сдурели? Я спросил друзей, что случилось? Оказалось, ничего. Когда я сказал об этом Горбачеву, он отмахнулся, пробурчав: «Знаю, знаю». Он успел переговорить с Собчаком. А взъерошился, прочитав донос КГБ. Еще одна маленькая, но существенная деталь. Демократы из разных организаций, прежде всего из «Мемориала», привезли с Соловецких островов камень, чтобы положить его на Лубянской площади в память о зверствах сталинских репрессий. Пригласили меня на церемонию. Но Горбачев распорядился: «Нет! Пошли туда Юрия Осипьяна — члена Президентского совета».

Ох уж эти мелочи — дьявольские игрушки.

Горбачева постоянно пробовали на зуб, испытывая его прочность как руководителя. Наверное, многие помнят выступление в парламенте генерала Макашова, когда он с присущей ему наглостью советовал Верховному Главнокомандующему пройти хотя бы краткосрочные курсы военного дела. Все ждали реакции Горбачева, но ее так и не последовало. Хотя она была очень нужна в то время. Я говорил об этом с Михаилом Сергеевичем. Он при мне звонил министру обороны Язову. Тот обещал внести кадровое предложение о Макашове в течение трех дней. Речь шла об отправке его во Вьетнам. Но все быстро затихло. И что же? Впоследствии Макашов бегал около мэрии с пистолетом, матерщиной призывал людей к восстанию, а затем заседал в парламенте по списку КПРФ, громил Перестройку, разоблачал Горбачева и поносил евреев.

Я уже писал о том, при каких обстоятельствах главный редактор «Советской России», газеты компартии, Валентин Чикин напечатал статью Нины Андреевой против Перестройки. И что же? Чикин теперь — член парламента, продолжает редактировать одну из самых реакционных газет, а Михаил Сергеевич продолжает получать оплеухи от этой газеты.

Заместитель Михаила Сергеевича по Совету обороны Бакланов вместе с редактором газеты «День» (ныне газеты «Завтра») Прохановым публично и злобно критиковали политику разоружения, практически отвергая даже саму возможность соглашений с США о сокращении ядерных и

обычных вооружений, одобренную Политбюро. Михаил Сергеевич опять промолчал.

Я думаю, в России еще не забыли нашумевшее «Слово к народу», явившееся, по сути, идеологической программой августовских мятежников. Оно было опубликовано в той же «Советской России» 23 июля 1991 года. Письмо предельно демагогическое, представляет из себя набор злобных пассажей. По форме «Слово» — достаточно пошлое сочинение, но точно рассчитанное на возбуждение инстинктов толпы.

«Очнемся, опомнимся, встанем и стар, и млад за страну. Скажем «Нет!» губителям и захватчикам. Положим предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления. Мы начинаем всенародное движение, призывая в наши ряды тех, кто распознал страшную напасть, случившуюся со страной».

Коротка память во злобе у зовущих на баррикады. Уже забыто в горячке, что за такое «Слово» еще недавно авторов расстреляли бы к утру следующего дня. А они жалуются, что их «отлучают от прошлого». Какого прошлого? Расстрельного? Лагерного? Письмо подписали: Юрий Бондарев, Юрий Блохин, Валентин Варенников, Эдуард Володин, Борис Громов, Геннадий Зюганов, Людмила Зыкина, Вячеслав Клыков, Александр Проханов, Валентин Распутин, Василий Стародубцев, Александр Тизяков.

Надлежащей реакции президента страны не последовало. Как будто все это звучало не призывом к насилию и погромам, а было шуточным номером на капустнике.

Те, кто теперь обвиняет Горбачева в авантюризме, связанном с Перестройкой, ошибаются: чего-чего, а авантюризма в его характере не было ни грана. Это хорошо. Но, как это ни странно, человек, стоявший у начала исторического и личного риска, был совершенно не расположен рисковать в вопросах, куда менее сложных. Свалить дуб, то есть диктатуру, решился, а вот сучки обрубить испугался. Боязнь чего-то худшего даже тогда, когда для этого не было достаточно серьезных оснований, лишь усиливали у него постоянное стремление к перестраховке, желание «потянуть» с действиями и решениями, не раздражать лишний раз тех, от кого, как ему казалось, зависело сохранение порядка.

Характерный пример. Во время мартовского (1991) противостояния, когда демонстранты, требовавшие продолжения реформ, оказались лицом к лицу с солдатами, Горбачев волновался, как никогда, «сидел» на телефоне, собирая информацию. Мне он звонил в этот день несколько раз, невзирая

на возникшую (по его инициативе) прохладу в отношениях. Я чувствовал его растерянность. Во время одного из таких звонков он сказал: поступила информация, что демократы готовят захват Кремля и что для этого где-то изготавливаются крючья с веревками (ох уж эти крючковские штучки!). Можно было принять это за дурной розыгрыш, но Михаил Сергеевич был серьезен. Он попросил меня позвонить мэру Москвы Попову и сказать ему об этой информации. Попов рассмеялся: «Что там, у этих информаторов крыша поехала? Хоть бы адресок дали, где крючки делают, да и с веревками у нас дефицит». Я сообщил об этой реакции Горбачеву, а еще добавил, что лично боюсь прямого столкновения армейских подразделений с мирными демонстрантами. Кто-то может выстрелить и спровоцировать бойню.

— Этот кто-то и будет отвечать, — сказал Михаил Сергеевич.

— Согласен, но как потом хоронить будем? Вся Москва выйдет на улицы. И понятно, с какими лозунгами.

Михаил Сергеевич некоторое время молчал, а затем сказал: «Я сейчас позвоню Язову и Крючкову, напомню, что они понесут личную ответственность, если это противостояние окажется трагическим». Думаю, что это предупреждение все-таки сорвало запланированную провокацию.

Или взять вильнюсские события января 1991 года. О них я узнал из выступления Егора Яковлева в Доме кино, где отмечался юбилей «Московских новостей». Информация ошеломила людей. На другой день утром ко мне в кабинет в Кремле пришли Вадим Бакатин, Евгений Примаков, Виталий Игнатенко с вечным русским вопросом — что делать? Настроение было препоганое. Долго судили-рядили, пытаясь поточнее оценить ситуацию, найти выход из положения. Нервничали. Наконец, коллегия «заговорщиков» поручила мне пойти к Михаилу Сергеевичу и предложить ему вылететь в Вильнюс, дать острую оценку случившемуся и создать независимую комиссию по расследованию этой авантюры.

Горбачев выслушал меня, поразмышлял и... согласился, добавив, что вылетит завтра утром. Попросил связаться с литовским лидером Ландсбергисом и спросить его мнение. Я позвонил в Вильнюс, Ландсбергис поддержал идею. Договорились о том, где Горбачев будет выступать. За подготовку речей взялся Игнатенко. Он был в то время пресс-секретарем Горбачева. Однако утром ничего не произошло.

Мы снова собрались в том же составе. Идти к Горбачеву я отказался. Попросили Игнатенко взять эту миссию на себя, найти какой-то повод для встречи. С нетерпением ждали его

возвращения. Он вернулся с понурой головой и сообщил, что поездки не будет и пресс-конференции в Москве тоже не будет. Крючков уговорил Горбачева не ехать, заявив, что не может обеспечить безопасность президента в Вильнюсе. Само собой разумеется, что Крючков «не мог гарантировать», он-то лучше других знал, что на самом деле произошло и кто организовал эту провокацию.

Мы поохали-поахали и разошлись. Я от расстройства уехал в больницу, а перед этим дал интервью, в котором сказал, что случившееся в Вильнюсе — не только трагедия Литвы, но и всей страны. Добавил, что не верю в местное происхождение стрельбы. С тех пор и попал под особенно тяжелую лапу КГБ. В конце концов, Крючкову удалось отодвинуть меня от Горбачева. В откровенно наглом плане все началось с Вильнюса, до этого малость стеснялись. Авантюра в Литве провалилась, Крючков струхнул, он понимал, что Горбачев мог организовать настоящее расследование. Вот когда надо было с треском снять Крючкова и Язова с работы. Это было бы реальное сотворение истории. Горбачев на это не пошел, что и вдохновило всю эту свору на подготовку августовского мятежа.

Вскоре мне в больницу позвонил Примаков и сказал, что Михаил Сергеевич наконец-то принял решение о проведении пресс-конференции по Вильнюсу и просит меня приехать на нее, если смогу. Это было в двадцатых числах января. Евгений Максимович добавил, что он лично советует приехать, Горбачев выглядит растерянным и чувствует себя совершенно одиноким. Я поехал.

Содержание выступления было нормальным, но, как говорят, дорого яичко ко Христову дню. Слова Горбачева не убедили собравшихся, ибо запоздали. Общественное мнение было уже сформировано. Президент оказался в серьезном проигрыше. Так всегда бывает на крутых поворотах истории, когда поведению лидера недостает определенности. Михаил Сергеевич так и не смог понять, что ситуация после Вильнюса резко изменилась. Она требовала решительных действий по многим, если не по всем, направлениям.

События за окнами Кремля понеслись вскачь, а в действиях высшего эшелона власти не произошло принципиальных изменений. Появилась возможность пойти вперед широким шагом, а вместо этого — топтание на месте. Перестройка уперлась в бетонную стену партгосаппарата и силовых структур. Разрушение этой стены Горбачев все время откладывал, дождавшись того, что КГБ и его высокопоставленная агентура в партии пошли на мятеж и устранили Горбачева от власти.

В новой ситуации только кардинальные решения с открытой опорой на демократические силы могли спасти положение. Вместо этого Горбачев, будучи в Белоруссии, обрушился на демократов, повторив ярлык политических зубодеров: «так называемые демократы». Я до сих пор не знаю, кто готовил ему эту речь. Своим выступлением в Минске он проделал большую дырку в шлюпке Перестройки.

И тут все чаще и сильнее стали заявлять о себе иные, не лучшие черты характера Михаила Сергеевича. Прежде всего, отсутствие у него бойцовских качеств. Они ему особенно требовались в период с сентября 1990 года и до декабря 1991 года, когда, в сущности, решалась дальнейшая судьба страны. Так случилось, что после Вильнюса начался заметный откат наиболее талантливой интеллигенции от Горбачева. На смену, кривляясь и подхалимничая, потянулась всякая шелупонь, которая сейчас, что вполне логично, находится среди тех, кто вешает на Горбачева все мыслимые и немыслимые прегрешения. Вот так и бывает: ряженые друзья — первые предатели.

Но не только политическая качка, но и экономическая неопределенность «пожирала» судьбу главы государства. Речь шла о необходимости вбить последние гвозди в гроб «социалистической» системы через экономику конкурентного типа. Именно она задевала реальные интересы правящей элиты, разделила верхний эшелон власти на сторонников и противников Перестройки. Причем противников оказалось значительно больше.

К слову сказать, интересная это порода твердолобых большевиков, эшелонами приходивших к власти после регулярно расстреливаемых Сталиным начальников. Малограмотная политически, тупая теоретически, познавшая «справедливость» социализма только через привилегии и личное властное самодурство, абсолютно беспринципная, она так и не учуяла хотя бы носом, куда дует ветер времени.

Как же идет их трансформация сегодня? Феодально-социалистические фундаменталисты, как и раньше, надеются на возврат «светлого вчерашнего», но в то же время строят себе особняки, скупают, используя старые номенклатурные связи, недвижимость, воруют сильнее прежнего, только не властвуют открыто, но именно последнее вызывает у них злобный зуд ненависти. Как-то, будучи в Риме на научной конференции, я высказал опасение в связи с возможностью возвращения большевиков не только к корыту водки с хлебом, но и к власти.

— Этого не будет, — сказал мне один из иностранных участников семинара.

— Почему?

— Да потому, что почти все дети руководителей КПРФ и родственных с ней организаций втянуты в бизнес по самые уши, а западные спецслужбы помогают им, исходя из того, что сыновей отцы свергать не станут. Да и сами могильщики России активно вползли в предпринимательство.

Новое окружение Горбачева на правительственном уровне активно стимулировало его метания, неуверенность, что позволяло противникам реформ, тормозить преобразования, шаг за шагом дискредитировать самого президента. Могу ошибиться, но, по моим наблюдениям, новая ситуация изматывала Горбачева эмоционально, истощала психологически, лишая его былой энергии, душевного подъема. Для такого впечатлительного человека, как Горбачев, это имело серьезные, возможно, непоправимые последствия.

Наиболее тяжелые из них проявились, я так думаю, еще до Вильнюса и мартовского противостояния, еще до апреля 1991 года, когда на пленуме ЦК «стая претендентов в небожители» попыталась сбросить Горбачева с поста Генерального секретаря. Я не пошел на этот пленум. Противно было выслушивать в очередной раз одни и те же причитания, одни и те же кликушеские всхлипы. О готовящемся внутрипартийном заговоре мне рассказали по телефону с места событий Андрей Грачев и Аркадий Вольский. Сообщили также, что сами они собираются сделать специальное заявление. Так и поступили. «Заявление 72-х» временно отрезвило особо рьяных сталинистов, убоявшихся раскола, который был в партии зловещим пугалом.

После XXVIII съезда Горбачев решился на то, чтобы создать специальную программу развития экономики в переходный период. По соглашению Горбачев — Рыжков, с одной стороны, и Ельцин — Силаев — с другой, была создана рабочая группа во главе с Шаталиным, Явлинским и Петраковым. У меня с ними были самые добрые отношения, я читал даже промежуточные варианты их предложений. Несмотря на соглашение, Рыжков создал свою группу во главе с Леонидом Абалкиным, который, будучи порядочным человеком, попал в этой связи в очень неловкое положение.

Когда Михаил Сергеевич получил программу Шаталина — Явлинского — Петракова «500 дней», он позвонил мне и сказал, что пришлет этот документ (у меня он уже был). И добавил, что программа читается как фантастический роман. Чувствовалось, что он воодушевлен и снова обретает рабочее состояние. Наутро снова позвонил и спросил: «Ну как?» Я сказал все, что думаю, сделав упор на том, что вижу

в этой программе реальную возможность выхода из экономического кризиса. Особенно мне понравилась идея экономического союза. Для меня было ясно, что организация экономических связей на рыночных принципах неизбежно и позитивно скажется и на политических проблемах.

Но прошло совсем немного времени, и Горбачев потускнел, стал мрачно-задумчивым. На вопросы, что произошло, отмалчивался. Но все быстро прояснилось. Программа не получила поддержки в Совете Министров. Рыжков упорно отстаивал свой вариант, грозил отставкой. Один из таких разговоров происходил в моем присутствии. Михаил Сергеевич был растерян и расстроен. На Президентском совете программу «500 дней» также подвергли критике. Лукьянов шумел, что республики, заключив экономический союз, откажутся от союза политического. Против программы высказались Рыжков, Крючков, Маслюков и еще кто-то. На съезде голосами большевиков программу завалили. Была создана согласительная рабочая группа во главе с Абелом Аганбегяном, которая, конечно, ничего не смогла согласовать, поскольку многие позиции двух проектов были просто несовместимыми.

Я лично убежден, что Горбачев сломался именно осенью 1990 года. Он заметался, лихорадочно искал выход, но суматоха, как известно, рождает только ошибки. Кто-то за одну ночь сочинил ему достаточно беспомощную программу действий. В результате фактически померла горбачевская президентская власть, которую тут же стали прибирать к рукам лидеры союзных республик.

Оставшееся время до мятежа было временем безвластия, политической паники и укрепления необольшевизма. Для меня было особенно заметно, как заговорщики вздернули подбородки, начали свысока взирать, а не смотреть, цедить слова, а не говорить. Подхалимаж перед Горбачевым сменился подчеркнутым к нему равнодушием. Резко изменилось отношение и ко мне. В глазах этих придурков светился восторг от предвкушения реванша, но Горбачев как бы не замечал изменений в поведении высших бюрократов, собратьев по власти и руководителей силовых структур. Не замечал, вероятно, потому, что оказался в полном одиночестве, разогнав Президентский совет. Очутился во власти каких-то невероятных мистификаций, в окружении мрачных теней, подлых гробовщиков Перестройки.

Вот так вершилась история.

В любой стране должность № 1 делает человека одиноким. В такой относительно стабильной стране, как США, на

тему человеческого одиночества обитателей Белого дома написаны горы исследований. Что же тогда говорить о советской системе, фактически обрекавшей лидера страны на комфортабельную, но одиночную камеру в Кремле. Однако даже по этим меркам Горбачев под конец его пребывания у власти оказался уникально одиноким человеком. Его вниманием завладели люди вроде Крючкова с целенаправленно катастрофической идеологией. Горбачева пугали крахом задуманного и невозможностью преодолеть проблемы на путях демократии, шаг за шагом подталкивали Горбачева к мысли о неизбежности введения чрезвычайного положения и перехода к «просвещенной диктатуре».

Будущим «вождям» мятежа нужна была атмосфера постоянной тревоги, навязчивого беспокойства, всевозможных социальных и политических фобий, которые бы поражали волю, поощряли разброд в делах и мыслях. Одно из последствий такого положения при нараставшем одиночестве Горбачева — политическом и человеческом — заключается, как мне кажется, в том, что на протяжении 1990—1991 годов он уже не мог оставаться достаточно надолго один для того, чтобы просто собраться, успокоиться, навести порядок в собственных мыслях, восстановить душевное равновесие.

Апокалипсические сценарии, которыми его снабжали в изобилии, попадали на почву повышенной эмоциональности и тем самым создавали основу для новых, все более тревожных восприятий. Долгое пребывание в таком состоянии ни для кого не может пройти бесследно, особенно если такое состояние формируется в условиях шумных спектаклей (как справа, так и слева) на тему о крушении Перестройки, тех масштабных жизненных замыслов и ожиданий, которыми Михаил Сергеевич дорожил. Простить себе и другим такое крушение (действительное или мнимое — другой разговор) невозможно. Появляются искусственные обиды, которые затуманивают чувства и разум.

Коснусь еще одного вопроса. Горбачев большие надежды возлагал на парламент, ожидая, что этот инструмент демократии будет его активным помощником в преобразованиях. Мне тоже представлялось, что так оно и случится. Ошиблись. К сожалению, избрание депутатов оказалось в руках партийной номенклатуры на местах, которая была в массе своей не на стороне реформ. В результате на съездах верх стали брать горлопаны, демагоги из большевиков или люди, которые аккуратно и молча голосовали в соответствии с указаниями своих местных партийных вождей. Сложилось, как метко заметил Юрий Афанасьев, «агрессивно-послушное

большинство», которое тормозило решение почти всех прогрессивных начинаний, возникавших на съездах и в дальнейшей практической работе уже при Ельцине.

Я уже писал, что Михаил Сергеевич плохо разбирался в людях. Но полагаю, что он еще хуже разбирался в самом себе. По моим наблюдениям, он или вообще не пытался, или не смог в то острейшее время проанализировать собственное состояние — психологическое и деловое, — не задумывался над тем, как оно могло влиять на восприятие им важнейших политических событий, тенденций, явлений. Во всяком случае, в публичной его реакции, да и в той, которую наблюдали люди, непосредственно его окружавшие в период 1989—1991 годов, все заметнее становился нараставший отрыв от реальностей. Все чаще спонтанные эмоции вытесняли спокойный политический расчет. Все чаще основаниями для политических и практических акций становились иллюзии, основанные на целевых доносах, а не на строгом анализе. Да и в советах он перестал нуждаться.

Однажды на Президентском совете некоторые его члены не согласились с предложением Михаила Сергеевича по какому-то мелкому вопросу. Он раскраснелся и бросил фразу:

«Кто здесь президент? Вы всего лишь консультанты, не забывайте об этом!»

Это было крайней бестактностью. Да и по существу неверно. Зачем ему нужно было подобное вознесение над другими, понять невозможно.

Получилось так, что где-то с осени 1990 года ему пришлось катать штанги на политическом помосте практически в одиночку. И те из противников Горбачева, которые внимательно следили за его эволюцией, увидели, что ноги у лидера стали подгибаться. В конечном счете, он был предан своим ближайшим окружением, которое посадило его под домашний арест, намекнув устами Янаева, что у президента то ли с рассудком нелады, то ли он радикулитом мается.

Как ни странно, но в том, что тогда дело обстояло именно таким образом, меня больше всего убедили годы, когда Михаил Сергеевич, уже будучи частным лицом, так и не нашел ни сил, ни мужества, чтобы критически осмыслить пережитое, особенно на заключительном этапе пребывания у власти. Все его слова и дела после декабря 1991 года свидетельствуют о том, что он мучительно защищает себя, все время оправдывается, пытается «сохранить лицо». Он пытается играть Горбачева, а не быть им. Это типичнейшая реакция неосознанной защиты своего «Я» (как говорят психологи, своей «Я-концепции»), лишенная спокойного самоанализа. Позиция по-человечески понятная и вызывающая сочувствие, но и сожаление.

Я посмотрел его мемуары и с горечью обнаружил, что он еще не вышел из того психологического тупика, в который сам себя загнал, обидевшись на весь свет. Свои сегодняшние настроения и оценки он переносит на события и размышления прошлых лет, практически игнорируя тот факт, что события тех «серебряных лет» были куда интереснее, глубже и значимее сегодняшних. Удивляет избирательность в оценках. Она касается всего — событий, людей, позиций и многого другого.

И снова возвращаюсь к тому, с чего начал. К вопросу, в какой степени ход и исход Мартовско-апрельской демократической революции можно — и в хорошем, и в плохом — объяснить через личность ее лидера? Вопрос этот из категории неразрешимых. На любом месте человек вносит в свое дело самого себя, свои особенности, достоинства и недостатки, свой характер. Но в одиночку не пересилить конкретные общественные, социально-экономические твердыни. Тем более что советская система отвергала даже малейшие попытки изменить ее в сторону здравого смысла.

Можно ли было вести реформы как-то иначе? Теоретически, наверное, да. Можно ли было не начинать и не вести их вообще? Конечно, но румынский, да и югославский опыт перед глазами. Могли ли какие-то личные качества лидера смягчить удары, свалившиеся на страну, именно в этот переходный период? В конкретных условиях того времени — как объективного, так и субъективного характера — могли, но в незначительной степени.

Дело-то все в том, что Михаилу Сергеевичу не надо оправдываться.

И снова в голову лезут всякие несуразности. Меня поразило, каким вернулся Михаил Сергеевич после форосского заточения. Пережить ему и всем членам его семьи в те страшные дни августа 1991 года пришлось конечно же много. И держались они достойно. Но после Фороса Горбачев повел себя странно. Вместо конкретных, быстрых и решительных действий он продолжал лелеять свой «Союзный договор», который к тому времени «почил в бозе». Поезд ушел. А Михаил Сергеевич погнался за ним, как бы не заметив, что история побежала совсем в другую сторону. Местные лидеры безмерно радовались, став руководителями независимых государств. Как сказал мне один из будущих президентов республик, ставших независимыми, лучше быть головой у мухи, чем задницей у слона.

Возможно, кому-то покажется, что я слишком критично оцениваю некоторые действия или факты бездействия Михаила Сергеевича. Это не так. Я пишу о своей глубокой боли, которая исходит из многих несбывшихся надежд, что является общей бедой. Что же касается критики Горбачева или его «вины», то, повторяю, она может быть справедливой только при полном и честном признании того, что Михаил Сергеевич возглавил деяние, которое относится к крупнейшим в истории российского государства.

Так уж случилось, что я оказался свидетелем не только начала, но и конца вершинной карьеры Михаила Горбачева. Волею судьбы я присутствовал на встрече Горбачева и Ельцина в декабре 1991 года, на которой происходила передача власти. Не знаю до сих пор, почему они пригласили меня. Я был третьим. Беседа продолжалась более восьми часов. Была деловой, взаимоуважительной. Порой спорили, но без раздражения. Я очень пожалел, что они раньше не начали сотрудничать на таком уровне взаимопонимания. Думаю, сильно мешали «шептуны» с обеих сторон. Горбачев передал Ельцину разные секретные бумаги. Ельцин подписал распоряжение о создании Фонда Горбачева. Далее обсудили обстановку, связанную с прекращением производства бактериологического оружия. Горбачев утверждал, что все решения на этот счет приняты, а Ельцин говорил, что ученые из каких-то лабораторий в Свердловской области продолжают «что-то химичить». По просьбе Михаила Сергеевича Ельцин распорядился продать дачи по сходной цене Силаеву, Бирюковой, Шахназарову, еще кому-то. Борис Николаевич и мне предложил, но я отказался, о чем жалею до сих пор.

Когда Горбачев отлучился (вся процедура была в его кабинете), я сказал Борису Николаевичу, что его подстерегает опасность повторить ошибку Горбачева, когда околопрезидентское информационное поле захватил КГБ. Он согласился с этим и сказал, что намерен создать до 5—6 каналов информации. Как потом оказалось, из этого, как и при Михаиле Сергеевиче, ничего не вышло. Борис Николаевич спросил меня, зачем я иду работать с Горбачевым. «Он же не один раз предавал вас, — заметил Ельцин. — Как будто нет других дел и возможностей». Слова звучали как приглашение работать вместе. Я даже догадался, о чем идет речь. Ответил, что мне просто жаль Горбачева. Не приведи Господи оказаться в его положении. В это время я еще не знал, что мины, заложенные Крючковым (подслушивание телефонных разговоров, обвинения в моих связях со спецслужбами Запада), взорвутся и разведут наши судьбы на годы.

Ельцин упрекнул меня за то, что я публично, на съезде Движения демократических реформ, критиковал Беловежские соглашения. Я объяснил ему свою точку зрения и на этот счет, сказав, что решение в Беловежье является нелегитимным и торопливым. Был и еще занятный момент. За день-два до этой встречи мне кто-то шепнул, что Ельцин собирается освободить Примакова от работы во внешней разведке и поставить туда «своего» человека. Называли даже фамилию нового начальника. Я прямо спросил об этом Ельцина. Он ответил, что, по его сведениям, Примаков склонен к выпивке.

— Не больше, чем другие, — сказал я. — По крайней мере, за последние тридцать лет я ни разу не видел его пьяным. Может быть, вам съездить в Ясенево и самому ознакомиться с обстановкой.

Борис Николаевич посмотрел на меня несколько подозрительно и ничего не ответил. Позднее мне стало известно, что Ельцин встретился с коллективом внешней разведки. Примаков остался на своем посту, более того, позднее был назначен министром иностранных дел и премьером правительства.

Еще до этой встречи Ельцин дал понять, что не хочет сотрудничать с Виталием Игнатенко в качестве генерального директора ТАСС. Горбачев пытался отговорить его, но разговор по телефону достиг бурных, если не сказать, крикливых высот. Горбачев в сердцах сунул телефонную трубку мне, сказав: «Вот Яковлев хочет поговорить с тобой». Трубка оказалась у меня. Я сказал Ельцину, что Игнатенко заслуживает доверия, честен и профессионален. Поговорили еще минут пять. Ельцин постепенно утихал. Наконец, сказал:

— Ну хорошо, проверим, — ответил Ельцин.

Беседа втроем закончилась, пошли обедать. Вот тут Михаил Сергеевич начал сдавать, выпил пару рюмок и сказал, что чувствует себя неважно. И ушел — теперь уже в чужую комнату отдыха. Мы с Борисом Николаевичем посидели еще с часок, выпили, поговорили по душам. В порыве чувств он сказал мне, что издаст специальный указ о моем положении и материальном обеспечении, учитывая, как он выразился, мои особые заслуги перед демократическим движением. Я поблагодарил. Он, кстати, забыл о своем обещании. Я вышел вместе с ним в длинный коридор Кремля, смотрел, как он твердо, словно на плацу, шагает по паркету.

Шел победитель.

Вернулся к Горбачеву. Он лежал на кушетке, в глазах стояли слезы. «Вот видишь, Саш, вот так», — говорил человек, может быть, в самые тяжкие минуты своей жизни, как бы

жалуясь на судьбу и в то же время стесняясь своей слабости. Ничего, казалось бы, не значащие слова, но звучали как откровение, покаяние, бессильный крик души. Точно по Тютчеву: «И жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет, а не может».

Как мог, утешал его. Да и у меня сжималось горло. Мне до слез было жаль его. Душило чувство, что свершилось нечто несправедливое. Человек, еще вчера царь кардинальных перемен в мире и в своей стране, вершитель судеб миллиардов людей на Земле, сегодня бессильная жертва очередного каприза истории. Он попросил воды. Затем захотел остаться один.

Так закончились «серебряные годы» Реформации.

Без всяких колебаний утверждаю, что Михаил Сергеевич искренне хотел самого доброго для своей страны, но не сумел довести до конца задуманное, а главное, понять, что если уж поднял меч на такого монстра, как Система, то надо идти до конца. Но для этого требовалось преодоление не только идеологии и практики тоталитарного строя, но и самого себя, и не останавливаться на половине дороги.

Конечно, был возможен и другой ход событий, но связанный с силовым вариантом. Однако политический выбор Горбачева был иным — он был эволюционистом. В частных разговорах с Горбачевым мы даже близко не подходили к обсуждению вариантов силового плана. Мятежники августа 1991 года использовали насилие в антиперестроечных целях, что и привело к разрушению Советского Союза и хаосу на постсоветском пространстве. Лично я уверен, что силовой вариант в целях защиты Перестройки не смог бы привести к созидательным последствиям. Вот почему считаю, что в декабре 1991 года Михаил Сергеевич совершил достойный поступок. Он фактически сам отказался от власти, отбросил все другие возможные варианты. Не знаю, что здесь сработало: осознанное решение или же предельная человеческая усталость.

В сущности, учитывая сложившуюся ситуацию, Горбачев мог просто уехать домой, объявив, что он продолжает считать себя Президентом СССР, пока не будет иного решения Съезда народных депутатов, который избрал его президентом. Ядерная кнопка оставалась с ним. Он передаст ее только вновь избранному Президенту СССР, если он, Горбачев, будет законно отстранен от власти. Сложилась бы весьма выигрышная позиция, поскольку он бы не настаивал на сохранении именно своей власти, а просто требовал законных процедур.

Так могло быть! И можно представить себе ситуацию, которая сложилась бы в стране. Можно представить и положение правительств иностранных государств.

Горбачев ушел в историю. Хотелось ему ввести Россию в цивилизованное стойло, да больно брыкастая она, дуроломная, ломает и вершинных людей через колено. Ему выпало испытание: подняться на самую верхотуру и стремительно скатиться вниз; волею судеб оказаться у руля в тот момент, когда накопленные противоречия подошли к критической точке; положить начало тенденциям, окончательное суждение о которых придется выносить потомкам; познать сладость всемирной славы, но и горечь отвержения у себя на родине.

Тяжелейший удел, которому не позавидуешь. Воистину, место в Истории стоит дорого, очень дорого.

Остается добавить, что в моих размышлениях о Михаиле Сергеевиче, о его замыслах и действиях, конечно, много субъективного. Но я хотел разобраться не только в том, что мы делали вместе, переживали вместе, но и в самом себе, в своих реальных убеждениях и романтических иллюзиях, в своих надеждах и заблуждениях.

Не хочу быть ни обвинителем, ни адвокатом ни Горбачева, ни себя. Я просто рассказал, что было, а вернее, что знаю. Иногда с гордостью, а порой и с горечью. Но главным в моей жизни остаются не сомнения, обиды или неудовлетворенности в великой страде за свободу, а то, что мы, участники Мартовско-апрельской революции, пусть и спотыкаясь, шли к этой свободе, не задумываясь над тем, чем она закончится для нас — славой или проклятиями.

Глава шестнадцатая

ОСТАНОВИТЬ ЯКОВЛЕВА

Странный парадокс. Я же сам стремился к свободе, в том числе и к свободе слова, но не ожидал, что одна из сточных канав этой «свободы» потечет на меня бурным и грязным потоком. В конечном счете, я справился со своим недугом — слишком нервозным восприятием пошлятины. Сумел преодолеть самого себя и стал платить авторам статей и доносов молчаливым презрением.

Автор

Однажды, уже в этом столетии, ко мне на дачу привезли письмо, вернее, листовку, в которой содержались самые злобные характеристики политических деятелей демократического направления. Всячески поносились Чубайс, Гайдар, Степашин, Филатов, Явлинский и многие другие. Больше всего досталось мне. Оказывается, в 1943 году я дезертировал, не пробыв на фронте и трех дней. Для этого (по совету своего отца) совершил самострел через намоченную собственной мочой тряпочку, что и унюхала медсестра. А потом всю жизнь хвастался ранениями. Ну и так далее.

1 ноября 2001 года полубульварная газетенка «Советская Россия» напечатала статью, в которой обвиняет меня в том, что я «добиваю лежачую Россию», требуя выплаты компенсаций жертвам политических репрессий и их детям. Статья состоит из обвинений следующего свойства: «Сам Яковлев в квартире расстрелянных живет! Вы узнайте, кого расстреляли после 1917 года по ул. Грановского, д.3 в квартире Яковлева». Хоть стой, хоть падай! Жил и живу далеко от этого места. Впрочем, любопытствующий сможет зайти в квартиру, указанную главным редактором «Советской России» Чикиным, и проверить.

Политическая шпана не утихает.

Подобные листовки и статьи давно не являются для меня неожиданностью. С первых дней Перестройки, как только мои позиции, симпатии и антипатии стали предметом активных обсуждений в обществе, взбесившаяся властная номенклатура, спецслужбы, обслуживающая их журналистика и писательская знать из большевистского стада начали последовательную и целенаправленную работу по дискредитации моих взглядов и меня как личности.

В некоторых газетах нет-нет да и появлялись статьи о «русофобстве» и «масонстве», что связывали с моим именем. Поначалу я не обращал на это внимания. Но по мере ужесточения схватки за гласность, за реформы и парламентаризм подручные КГБ в средствах массовой информации и в организациях шовинистического толка как с цепи сорвались. Огонь «мести и ненависти», если повторить слова Дзержинского, сосредоточился на мне.

Приведу наиболее типичные листовки, так сказать, программного характера.

«ОСТАНОВИТЬ ЯКОВЛЕВА!

Июнь 1987 года может оказаться таким же роковым для судеб нашего Отечества, как и июнь 1941 года. Приближается очередной пленум ЦК КПСС. Буржуазные средства массовой информации заранее победоносно трубят, что на этом пленуме А. Н. Яковлев наконец-то оттеснит Е. К. Лигачева и станет «вторым человеком в государстве», и не скрывают своих восторгов по этому поводу. Чем же так угодил империализму А. Н. Яковлев? Кто он такой?

В 1972 году А. Н. Яковлев исполнял обязанности заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Именно тогда он печально прославился своей статьей в «Литературной газете» (15.11.1972), в которой он обрушился на ряд русских писателей-патриотов за мнимый «антиисторизм» их сочинений и воспользовался этим предлогом для того, чтобы облить грязью славное прошлое России. Эта статья вызвала возмущение патриотической общественности, видных советских писателей, в том числе М. А. Шолохова и Л. М. Леонова. Ситуация рассматривалась в Секретариате ЦК КПСС; А. Н. Яковлев был отстранен от идеологической работы и отправлен послом в Канаду.

Однако в последние годы он снова быстро зашагал по ступенькам партийной иерархии. В 1983 году он стал директором Института мировой экономики и международных отношений, в 1985 — заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС, в 1986 — секретарем ЦК КПСС, в 1987 — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. До вершины ему остался всего один шаг. Уже сегодня он является почти полновластным хозяином средств массовой информации, а завтра может полностью прибрать их к рукам. Что это будет означать?

Это будет означать односторонний характер демократизации, превращение ее в игру в одни ворота, в улицу с односторонним движением. Это будет означать полную свободу действий для космополитов и затыкание ртов патриотам. Это будет означать, что грязный поток музыкальной наркомании, порнографии и садизма, захлестывающий нас, резко усилится.

А. Н. Яковлев — главный вдохновитель политического курса, конечная цель которого — достижение разрядки за счет полной капитуляции перед империализмом.

А. Н. Яковлев оказывает сильнейший нажим на М. С. Горбачева, стремясь заставить его восстановить дипломатические отношения с Израилем, за что и превозносится до небес радиостанцией этого фашистского государства.

С благословения А. Н. Яковлева журналы начали наперебой печатать произведения сомнительного идейного содержания; ведется открытая пропаганда реабилитации Троцкого и других врагов партии и народа.

По указке А. Н. Яковлева парализуется борьба против сионизма и масонства, этих ударных отрядов мирового империализма, распространяются убаюкивающие сказки, будто никакого масонства вообще не существует, что все это выдумка, легенда. Именно А. Н. Яковлевым инспирирована злобная клеветническая кампания в печати против патриотического объединения «Память». С помощью А. Н. Яковлева рвутся на посты секретарей ЦК КПСС Арбатов и Примаков.

На проходившем в начале этого года совещании пропагандистов А. Н. Яковлев договорился до того, что призвал воспитывать в людях «равнодушие к своей национальной принадлежности». В. И. Ленин писал о «национальной гордости великороссов», идеал Яковлева — равнодушие; В. И. Ленин говорил о коммунистическом мировоззрении, Яковлев — о «демократическом миропонимании и мироощущении», оживляя лозунги пражской контрреволюции 1968 г.

У Г. Димитрова есть статья «Масонство — национальная опасность». Если бы этот замечательный пролетарский интернационалист изучил сегодняшнюю ситуацию в нашей стране, он бросил бы лозунг: «Яковлев — НАЦИОНАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ!».

В конце 1985 года все силы передовой советской общественности были направлены на то, чтобы предотвратить осуществление преступного плана переброса северных рек. Ту опасность удалось отвести, но сегодня нависла новая угроза. Сегодня перед нами еще более серьезная задача: ОСТАНОВИТЬ ЯКОВЛЕВА! Москва, июнь 1987 года».

Не могу удержаться, чтобы не привести текст еще одной из многих листовок, но на сей раз посвященной не только мне.

«Просионизированный аппарат государственный не в состоянии или не желает прекратить еврейские бесчинства на нашей Земле. Нужно вспомнить опыт партизанской войны, который гласит: в борьбе с оккупантами (именно так и ведут себя евреи) хороши и морально оправданы все средства. Предложения: всем патриотическим объединениям и афганцам создать отряды защиты от еврейских оккупантов. Объявить вне закона: Арбатова, Примакова, Кобыша и др. еврейских советников как зорины, вознесенские, коротичи, черкизовы, гутионтовы и пр. сволочь из числа ихних овчарок типа афанасьевых, разумовских, яковлевых, громыки, виновных в убийстве более 500 тысяч наших детей, ни в чем не повинных, в Афганистане. Смерть еврейским оккупантам и их овчаркам!»

Основные тезисы этих листовок тиражировались в сотнях вариантах — в статьях, магнитофонных записях, стенограммах разных заседаний, выступлений, в интервью. 8 декабря 1987 года руководство общества «Память» опубликовало специальное воззвание «К русскому народу, к патриотам всех стран и наций». В нем повторяется вся чертовщина тех, кто начал ожесточенную подрывную работу против Перестройки. Впрочем, они выражали готовность и поддержать Перестройку, если она будет направлена против сионизма. Обращает на себя внимание, что среди других фамилий под этим воззванием стоит и подпись Баркашова, нынешнего «вождя» РНЕ — организации нацистского типа.

Из меня начали лепить чудовище, «поднявшее руку на все самое святое в жизни страны», распускать всякого рода сплетни, рассчитанные на восприятие толпы. И все это почти каждый Божий день. Не буду изображать из себя бесчувственную мумию, стоящую каменным изваянием на развилке неких исторических дорог и безразличную ко всему — к жаре и холоду, к похвалам и ненависти, к уважению и клевете. Должен признаться, что в какое-то время я стал хуже управлять собой, меня все меньше интересовали дела, с напряжением ждал, что завтра напишут и скажут профессиональные грязноделы. Конечно, я бы мог не залезать в скорлупу отстраненности, если бы хоть раз почувствовал поддержку Горбачева и желание защитить меня, пусть даже не публично, а с глазу на глаз. Я, как наивный юнец, ждал этого. И не дождался.

В тяжкие минуты душевных разладов и сомнений, холодных ветров и политических метелей я каждый раз пытался найти успокоение в словах Достоевского: *«Если ты направился к цели и станешь дорогой останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели».*

Далеко не сразу, но, в конце концов, я понял, что от кастовой ненависти людей, ослепших и оглохших от потери власти, никуда не денешься. Больше того, она неизбежна. Хотя, разумеется, мне гораздо приятнее говорить и думать о том, что у меня много личных друзей и сторонников, почитателей и единомышленников. Они поддерживали меня в самые трудные минуты, не оставляли в одиночестве, благодарно относились к тому, что я практически сделал для первых ростков свободы, милосердно оценивали и промахи, когда что-то было упущено, недооценено и прозевано.

В обстановке злопыхательства особенно дороги поддержка, внимание и понимание. Вот почему я позволю себе опубликовать «Открытое письмо» моих друзей — виднейших деятелей культуры. Оно было направлено М. Горбачеву и в печать еще в марте 1990 года, за несколько месяцев до XXVIII съезда КПСС.

«События, происходящие в нашей стране, показали, что один из самых острых дефицитов, которые мы переживаем, это дефицит талантов, ярких личностей, широко мыслящих, уравновешенных общественных и политических деятелей. Размышляя над тем, каковы источники этого дефицита, нужно с горечью признать, что одна из самых печальных и древних традиций нашей общественной жизни — это пожирание собственных авторитетов.

В этой связи стоило бы упомянуть имя А. Твардовского. Время показало, что не только вожди застоя, но и их подручные, ныне здравствующие литвожди, набившие руку на ниспровержении всего и вся, сыграли свою роковую роль в трагедии великого русского поэта и его детища — журнала «Новый мир».

В этом же ряду — имя великого гражданина Отечества академика Сахарова. Те же люди, те же силы, теми же методами травили его. И только скоропостижная смерть академика Сахарова оборвала публикацию грязных статей в «Военно-историческом журнале».

Однако армия ниспровергателей не знает покоя. Теперь на очереди новое имя — А. Н. Яковлев. Определенная группа лиц сделала своей целью дискредитацию и поношение с любых трибун этого крупного государственного деятеля. Для этого используется ряд печатных органов, известных своей антиперестроечной направленностью. Пленумы Союза писателей РСФСР, сходки небезызвестного общества «Память», листовки явно фашистского толка — все скоординировано и подчинено единой цели: ниспровергнуть реальный авторитет для того, чтобы расчистить дорогу посредственности и серости, от которых десятилетиями страдала наша страна и пришла в то состояние, в котором она сейчас находится.

Авторитет А. Н. Яковлева складывался и утверждался на глазах всей страны и партии и не нуждается в особых аттестациях. Стоило бы, однако, отметить, что после многих десятилетий бесцветных руководителей, произносивших свои речи с чужого голоса и по бумажке, в лице А. Н. Яковлева мы имеем дело с ярко одаренной индивидуальностью, человеком, мыслящим оригинально, стоящим на принципиальных позициях, которым он никогда не изменял.

Невозможно не упомянуть его работу ученого-историка, возглавляющего Комиссию Политбюро по реабилитации жертв сталинизма. В общепризнанных успехах нашей внешней политики есть и его доля. И наконец, начиная строительство федеративного государства, следует особо иметь в виду, что авторитет А. Н. Яковлева одинаково высок и общепризнан как в самой России, так и во всех республиках, включая Прибалтийские. Да и во всем мире.

Можем ли мы в таких условиях позволить разнузданную травлю этого государственного деятеля и оставить ее без должной оценки и без ответа со стороны нашего народа, общественности и властей?

Наша цель — предупредить общественность, что в этот ответственнейший для страны период дискредитация уже сложившихся и признанных авторитетов крайне опасна, она ведет к непредсказуемым последствиям и хаосу.

Б. Окуджава, О. Ефремов, Д. Лихачев, С. Аверинцев, А. Адамович, Г. Бакланов, В. Раушенбах, Ю. Марцинкявичус, В. Быков, И. Друцэ, В. Гольданский, В. Кондратьев, Ф. Искандер, В. Кудрявцев, В. Дудинцев.

20 марта 1990 г.».

Письмо не было напечатано, хотя, как мне известно, Горбачев о нем знал. Надо полагать, он так и не понял, что речь тогда шла не обо мне только, а об организованной политико-идеологической кампании по ниспровержению курса на перестройку общественного бытия. Эта кампания велась без устали, но особенно усилилась в 1991 году, когда началась подготовка к путчу. «Комсомольская правда» 23 апреля 1991 года сообщает о съезде «Союза» — сталинистской организации из представителей военных, спецслужб, ВПК, фундаменталистов из партаппарата. Этот съезд потребовал введения чрезвычайного положения в стране, сформулировав его задачи следующим образом:

«Контроль за работой прессы и ходом приватизации, запрет на митинги и демонстрации, приостановление деятельности всех политических партий, перевод транспорта, связи и некоторых других отраслей на режим военного положения. Если существующее правительство не способно остановить надвигающийся кризис, то «Союз» как ведущая междепутатская группа совместно с поддерживающими его движениями готовы взять на себя всю полноту ответственности за реализацию мер чрезвычайного положения».

Судя по характеру обильно распространяемых на съезде изданий, «Союзу» была обеспечена твердая поддержка со стороны организаций откровенно шовинистического и антисемитского толка. Демократы же именовались не иначе, как «коричневые», «фашисты» и т. д. Сообщалось, что «старший советник президента Яковлев получает инструкции в американском посольстве».

Как видно, на политическом столе открыто появилась ясно сформулированная программа государственного переворота, введения чрезвычайного положения, которая и была осуществлена в августе 1991 года. Никакой реакции на эту программу со стороны высшей власти не последовало. В эти же дни я написал Горбачеву письмо о надвигающемся мятеже. Оно опубликовано в этой книге. И тоже было проигнорировано.

Приведу еще несколько примеров, прямо или косвенно относящихся к подготовке к мятежу.

«Средства массовой информации обрушивают на советского читателя поток инсинуаций о том, что сионизм — это безобидное стремление евреев собраться под одну крышу. Начало этой пропагандистской «утки» положил не кто иной, как бывший член Политбюро ЦК КПСС, член Президентского совета А. Н. Яковлев» (газета «Советский моряк», Ленинград, 1991, 2 февраля).

Известному мракобесному журналу «Наш современник» особенно ненавистно «новое мышление». Оно, дескать, придумано «пятой колонной» в СССР и является «политической декларацией о капитуляции нашей страны на американских условиях». Изрядно в журнале Куняева достается Горбачеву. Но Горбачев, по их мнению, «имя собирательное». Его политика — это труд «тайных советников вождя», которые, в свою очередь, «десятилетиями кормились интеллектуальными отходами западной, преимущественно американской кухни». Кого же журнал зачислил в лидеры «антинародной группы»? Это: «А. Яковлев, Ф. Бурлацкий, Г. Арбатов — имя им легион... По сути — это американские гауляйтеры».

Журнал цитирует некоего писателя Наумова, который, мол, с горечью восклицал: «Каким же фарисейством надо обладать, чтобы выдавать победы Соединенных Штатов над нами за наши победы? Чьи это — «наши»? Хмуроватого космополита Яковлева, лучезарного министра Шеварднадзе, горе-академика Арбатова и иже с ними? Если это так, то похоже на правду, поскольку все «иже с ними» — это разрушители нашего Отечества, это люди, которые стараются разоружить нас, разрушить нашу армию».

Известный «борец за всеобщую трезвость» профессор Углов заявил корреспонденту «Комсомольской правды» следующее: «Я всю жизнь боролся с пьянством, но мафия — наверху это Александр Яковлев, дающий народу указания пить, — извратила Указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом... Один Егор Кузьмич Лигачев остается принципиальным борцом с пьянством».

Когда Горбачев уничтожил Президентский совет, депутата Петрушенко спросили:

— Вас удовлетворяют изменения в окружении Горбачева?

Ответ: «Горбачев назначил в Совет безопасности Яковлева. Мы сделаем все, чтобы помешать этому кремлевскому молчуну входить туда. Все, что происходит сейчас в прессе, это его вина... А вы знаете, что «Московские новости» финансируются из фондов, связанных с американскими спецслужбами?»

В Совет безопасности я не назначался, однако не в этом дело. Все, вместе взятое, — и охлаждение отношений с Горбачевым, и продолжающаяся травля, и наступившее безделье, когда работу себе придумываешь сам, и бесконечные вопросы моих друзей — что случилось? — все это подталкивало меня к мысли об уходе в отставку.

Но перед этим я все же решил написать письмо Горбачеву и изложить все, что я думаю об обстановке и о кампании в отношении меня, которая нисколько не утихла даже после моего ухода из руководства КПСС. Одним словом, «меня достали», и в этом надо признаться честно. Письмо мое — скорее исповедь, а не жалоба, а точнее — и то и другое. Оно было написано в мае 1991 года. В нем я писал о своих чувствах, привел в этом контексте многочисленные документальные свидетельства. Говорил о том, что в стране складывается политическая и идеологическая платформа реванша, причем не только по реставрации прежних порядков, но содержащая и меры по расправе с новыми «врагами народа». Откровенно написал и о том, что преобразования зашли в тупик, чем и пользуются реставраторы, обратил внимание на то, что

конфликт между президентом и демократическими силами остается роковым для судьбы страны. Излагая свои аргументы, я еще раз предупредил Горбачева, что если власть не проснется и трезво не оценит реальную обстановку, «то где-то осенью 1991 года вопрос о той или иной форме реставрации может перейти в практическую плоскость».

Приведу выдержки из этого письма.

«Опасная, начисто оторванная от жизни ностальгия по сталинизму в той или иной его разновидности грозит столкнуть страну в новый водоворот испытаний, которые могут закончиться кровопролитием. Считаю, что обновленческие преобразования, а с ними и вся страна, судьбы десятков миллионов человек оказались на минном поле.

...Лично я вижу два наиболее вероятных сценария развития.

Первый — попытка неосталинистской реставрации. Несомненно, это вариант, которого более всего хочет ультраправое крыло. Осуществить этот вариант можно, только спровоцировав предварительно еще более глубокое погружение страны в экономический и межнациональный кризисы. Для этой роли парт-ультра годятся, и здесь их многие поддержат и используют. Но, думаю, потом выбросят. Как предателей истинного марксизма-большевизма.

Второй возможный сценарий при таком ходе событий — попытка диктатуры без коммунистов. С прямой или косвенной опорой на военный аппарат, на базе терпимого (а-ля Франко) или нетерпимого (а-ля Гитлер) отношения к коммунистам, на базе национал-патриотического комплекса идей.

Думаю, если события будут развиваться так, как они развиваются с весны прошлого года, «точка возврата» окажется для Перестройки пройденной где-то в начале нынешнего лета, а выбор между двумя названными вариантами встанет в практической плоскости уже осенью[1].

Сегодня, судя по характеру развивающихся событий, наступает час истины для каждого человека, час честного выбора судьбы страны и судьбы личной. Нелегкий час, горький час! Но смирение с попытками вернуть прошлое губительно, ибо совесть перестает быть нравственным властелином человека.

В сложившихся условиях постоянной травли я не вижу возможности продолжать свою деятельность по кардинальному демократическому преобразованию общества в рамках

[1] Так оно и произошло 19—21 августа 1991 года.

КПСС и заявляю о своем выходе из ее рядов. Общественные интересы выше партийных[1]*...*

Я думаю, для меня наступило время сказать с полной откровенностью следующее. Играть унизительную роль «козла отпущения» не хочу, поищите кого-нибудь другого. Не хочу быть пешкой в игре политиканов в партии и Верховном Совете СССР. Не хочу потому, что верю в правильность взятого курса на Перестройку и не собираюсь кричать «караул!» на середине реки.

Если будем продолжать работать вместе, то давайте договоримся играть в одном оркестре и двигаться в одном направлении, как бы это ни было трудно.

До сих пор только общее великое дело, личное доверие и лояльность к Вам удерживали меня на позициях выдержки. Эскалация кампании унижения снимает с меня морально-этические обязательства — нет, не перед Вами, а перед теми, кто окружает Вас. Эта эскалация бьет по личному достоинству, что для меня непереносимо. Я должен быть честен перед страной, перед народом, перед самим собой. Вот почему я буду искать достойные формы борьбы с нарождающимся новым фашизмом и партреакцией, борьбы за демократические преобразования нашего общества. У меня осталось не так уж много времени».

Это было мое официальное предупреждение о том, что страна движется к роковой черте контрреволюционного мятежа.

Ответа не дождался. Может быть, Горбачеву и не показали мое письмо. На душе стало еще тревожнее. До меня дошли разговоры, что генералы в Генштабе стали подозрительно часто собираться, что ведут себя как-то странно, что в разговорах высших чиновников появились нотки пугливого ожидания чего-то необычного, которое вот-вот должно случиться.

Поскольку мои сигналы и предупреждения явно игнорировались, я расценил подобную реакцию как сигнал, что мне надо уходить из команды. Видимо, мои предупреждения кому-то показались слишком навязчивыми и толковались как действия человека, обиженного фактическим отстранением от власти, или еще по каким-то причинам, о которых можно только догадываться.

После моей отставки Горбачев сразу же отправился в отпуск, наплевав на мои предупреждения о возможности мяте-

[1] Из партии я был исключен в начале августа.

жа. К тому времени я, вероятно, уже ходил в «шпионах», а Крючков — в «преданных помощниках». Через несколько дней зашел к Янаеву — он остался за президента. Сидели долго. Крепко выпили. Он жаловался, что Горбачев запер его в «золотую клетку», ничего не поручает и ни о чем не спрашивает. У меня осталось впечатление, что Янаев в то время ничего не знал о готовящемся заговоре. Он все время рассуждал о том, что он мог бы делать в качестве вице-президента, что он предан Горбачеву и будет ему помогать изо всех сил.

Через несколько дней по радио передали, что я исключен из партии. Как все это было организовано, рассказывать скучно. Решение ЦКК КПСС, подписанное неким Маховым, базировалось на официальном письме трех председателей районных контрольных комиссий Москвы: Бауманского, Первомайского и Сокольнического. В постановлении сказано: *«за действия, противоречащие Уставу КПСС и направленные на раскол партии, считать невозможным дальнейшее пребывание А. Н. Яковлева в рядах КПСС».*

В своем ответном заявлении о выходе из партии я еще раз написал, что *«хотел бы предупредить общество о том, что в руководящем ядре партии сложилась влиятельная сталинистская группировка, выступающая против политического курса 1985 года... Речь, в сущности, идет о том, что партийное руководство освобождается от демократического крыла в партии, ведет подготовку к социальному реваншу, к партийному и государственному перевороту».*

Свое письмо направил Горбачеву и в прессу. Это было уже четвертым предупреждением о мятеже. К сожалению, мои предупреждения оправдались, и не моя вина в том, что кому-то они казались беспредметными.

Так закончилась моя партийная карьера. Закончилась по совести. Если в страшные военные дни для моего Отечества я искренне вступил в партию, то в 1991 году я осознанно покинул ее. Я был честен в вере и столь же честен в отрицании ее. Возненавидел Ленина и Сталина — этих чудовищ, жестоко обманувших мой народ и растоптавших мой романтический мир надежд. Я давно понял, что общественное устройство, основанное на крови, должно быть убрано с исторической арены, ибо оно, это устройство, исповедовало дьявольскую религию Зла. Вот почему я и посвятил себя поиску путей ликвидации античеловеческой системы — надо было только не ошибиться в новом выборе. Конечно, это были только мечты, а не действия, но в одном я был твердо уверен уже тогда, когда Перестройка еще зрела в мечтах: этот

путь должен быть исключительно ненасильственным и привести к свободе человека.

День, когда меня исключили из партии, совпал с завершением работы над «Открытым письмом коммунистам», в котором я писал об опасности реваншизма. Первый вариант этого письма я закончил еще 9 мая 1991 года. Долго дорабатывал, сразу же дать ему ход не решался. Создание Движения демократических реформ поставило это обращение на практические рельсы. 18 августа 1991 года я обсуждал его с Анатолием Собчаком у меня дома. Но письмо не могло быть напечатано, поскольку на следующий день в Москву вошли танки.

Кстати, до сих пор никак не могу поверить, что вся эта операция с исключением из партии произошла без ведома Генерального секретаря ЦК. Если без него, то логично предположить, что к этому времени была предрешена и судьба самого Горбачева. Если же он благословил эту акцию, то становится более понятным его равнодушие к моим многочисленным предупреждениям о надвигающемся перевороте. Ведь такие предупреждения делались не уличными гадалками, а человеком, стоявшим рядом с ним все эти драматические годы.

Наивность неисчерпаема. Я еще не хотел верить, что кампания против меня организуется определенными силами и людьми в КГБ. Но постепенно, день за днем, для меня все более очевидным становился факт, что люди этого ведомства решают определенную задачу — отодвинуть меня от Горбачева, что им и удалось. Как-то Виктор Чебриков (мы оба уже были в отставке) сказал мне: «Давай встретимся. Я расскажу тебе такое, что тебе и в страшном сне не привидится». Речь шла о нем, Чебрикове, Крючкове, Горбачеве и обо мне. Не успели мы встретиться. Умер Виктор Михайлович.

Татьяна Иванова в журнале «Новое время» пишет: «Не надо раскрывать архивы КГБ, но немножко полистать — можно. Найти там, например, кто нес на демонстрации плакат с мишенью, где в центре был портрет Александра Яковлева, в которого стреляет солдат. А текст был энергичен и краток: «На этот раз промаха не будет!». Найти, кто нес, кто писал, кто сочинял текст, кто вдохновил создание текста. И назвать эти светлые имена». Для справки скажу: обращался я в прокуратуру с просьбой отыскать моральных террористов, которые несли этот плакат. В рекордный трехдневный срок мне ответили, что найти не удалось. Вот и все.

Татьяне Ивановой косвенно ответил генерал КГБ О. Калугин: «Когда проходили в Москве демонстрации в поддержку

компартии и социализма, там демонстранты несли плакаты: «Яковлев — агент мирового сионизма», «Яковлев — агент ЦРУ». Все эти документы были изготовлены в КГБ. На печатных станках КГБ» (Вечерняя Москва, 1992, 30 января).

В сентябрьском 2000 года номере журнала «Диалог» рассказывалось об одном «диссиденте» по кличке Михалыч, который работал на КГБ. История занятная. Его посадили, завербовали и выпустили. По заданию спецслужб сблизился с «почвенниками» — Сорокиным, Куняевым, Лобановым, Семановым, Прохановым. Уже в годы Перестройки в Москве появилась листовка о Яковлеве, который был в это время секретарем ЦК КПСС. Листовка «яркая, сочная, язвительная».

На поиски автора бросили «внушительные силы: сличали шрифты, копии от ксероксов, ставились задачи агентам». Наконец показали листовку куратору Михалыча по КГБ, который и доложил, что листовка написана Михалычем. Бобков наложил резолюцию о принятии каких-то мер. Но более высокие начальники решили «не выдавать» своего стукача. Михалыч, сообщает журнал, уже на пенсии, но, выполняя поручения спецслужб, продолжает консультировать разные фонды, партии, комитеты.

Я уже упоминал, что Крючков, еще работая в разведке, несколько раз буквально умолял меня познакомить его с Валерием Болдиным, заведующим общим отделом ЦК. Он объяснял свою просьбу тем, что иногда появляются документы, которые можно показать только Горбачеву, в обход председателя КГБ Чебрикова. К назойливой просьбе Крючкова я отнесся с настороженностью. Понимал, что этот проныра искал политические щели, чтобы проникнуть наверх — к первому лицу. К сожалению, я не устоял и переговорил с Валерием. Он отнесся к этой просьбе еще подозрительнее, чем я, длительное время уклонялся от неофициальных встреч. Но под натиском «улыбок вечной преданности», с которыми Крючков смотрел на Болдина на официальных совещаниях, тоже сдался. С этого момента Крючков ко мне интерес потерял, переключился на Болдина. Более того, начал за мной настоящую охоту, особенно после того, как я внес предложение о разделении КГБ на контрразведку, внешнюю разведку, президентскую охрану, службу связи и пограничную службу. Позднее это предложение было реализовано.

Конечно же, поддерживая выдвижение Крючкова на пост председателя КГБ, я не ждал от него благодарности, но все же... Особое омерзение вызывает то, что буквально через две-три недели после своего назначения Крючков показал свое подлинное лицо, открыто став в ряды противников Перестройки, заговорив снова о «врагах», «агентах влияния». Иными словами, активно начал подготовку государственного переворота, компрометируя одних, шантажируя других, вербуя третьих. Должен с горечью признаться, что я попался на удочку холуйских заискиваний и кошачьих повадок. Это была непростительная кадровая ошибка периода Перестройки, за которую я несу свою часть ответственности. Первый сигнал об этой грубой ошибке прозвучал на том пленуме ЦК, который избирал Крючкова в Политбюро. Когда Горбачев назвал его фамилию, раздались дружные аплодисменты. Били в ладоши выдвиженцы КГБ — секретари партийных комитетов разных уровней и рядовые члены ЦК.

Перед своим уходом на пенсию Виктор Чебриков сказал мне, как всегда, в очень спокойном тоне:

— Я знаю, что ты поддержал Крючкова, но запомни — это плохой человек, ты увидишь это. — Затем добавил слово из разряда характеризующих, что-то близкое к негодяю. Уже после путча на выходе из Кремлевского дворца съездов Чебриков догнал меня, тронул за плечо и сказал:

— Ты помнишь, что я тебе говорил о Крючкове?

— Помню, Виктор Михайлович. Помню...

Мне было горько.

Кажется, я уже писал о дезинформации, которую Крючков в изобилии поставлял Горбачеву. На ее основе была проведена операция по удалению меня из горбачевского окружения. Затем начались многоходовые махинации, нацеленные на то, чтобы столкнуть президента с демократической общественностью и прогрессивными журналистами. В сознание президента упорно заталкивалась мысль о том, что именно в демократической среде создаются штабы по отрешению его от власти. Вкрадчивому подхалиму удалось обмануть Горбачева. Впрочем, как и меня. Для давления на президента была активно использована агентура КГБ в писательской среде, особенно в ее национал-патриотическом крыле. Да и вся эта кампания по сплочению особых патриотических сил профессионального характера была частью работы КГБ, направленной на то, чтобы демагогически отделить патриотизм от демократии, разделить общество на патриотов и непатриотов, добиться нового раскола, чтобы облегчить «охоту на ведьм».

Методы Крючкова были предельно примитивными, взятыми из старого сундука КГБ времен 1937—1938 годов. Однажды в воскресенье я вместе с детьми и внуками поехал за грибами в заповедник «Барсуки», что в Калужской области. Вдруг звонок в машину. Горбачев раздраженно спрашивает:

— Вы что там делаете?

— Грибы собираем.

— А что делают там вместе с тобой Бакатин (министр внутренних дел) и Моисеев (начальник Генштаба)?

— Я их вообще не видел.

— Не хитри! Мне доложили, что они с тобой. Что там происходит?

Тут наступила моя очередь рассердиться.

— Михаил Сергеевич, я не понимаю разговора. Вам очень легко проверить, кто и где находится. А вашему информатору надо, вероятно, одно место надрать, а вам подумать, почему он провоцирует вас.

Я тут же позвонил Бакатину. Вадим Викторович оказался дома. Рассказал ему о разговоре с Горбачевым. «Ай-ай-ай», — прокомментировал Вадим, что вмещало в себя и удивление, и раздражение. Поражал сам факт. Подозрительность, которую намеренно внедрял Крючков, коршуном вцепилась в Михаила Сергеевича. Все мы знаем, к чему приводит эта дьявольская игра на уровне высшего руководства.

Через некоторое время мне перезвонил Бакатин и сказал, что он связался по телефону с Горбачевым.

— Вы меня разыскивали? — спросил Бакатин.

— Ладно, завтра поговорим, — ответил Михаил Сергеевич.

Мы с Бакатиным начали рассуждать о том, почему так повел себя Горбачев. Мои добрые отношения с Бакатиным не были для него секретом. Если бы даже мы вместе собирали грибы, то, естественно, данный факт означал бы только собирание грибов. Что касается генерала Моисеева, то с ним никаких личных контактов вообще не было, кроме как на заседаниях комиссии Политбюро по разоружению. Более того, наши взгляды были полярно противоположными, особенно когда речь заходила о гонке вооружений.

Как я себе представляю, уже в это время Крючков начал плести интриги, дабы создать впечатление, что в ближайшем окружении президента возможен некий сговор. Цель очевидна: замаскировать формирование своей преступной группы, замышлявшей государственный переворот. Как только Горбачев ослабил меня политически, Крючков сочинил донос Горбачеву о моих «подозрительных» и «несанкционированных» встречах с иностранцами, попросив санкции на «оперативную разработку». По словам Михаила Сергеевича, он не дал на это согласие. Тем не менее такая разработка началась, поскольку Крючков уже начал подготовку к захвату власти.

В своих мемуарах Болдин пишет, что Горбачев якобы порекомендовал Крючкову переговорить со мной на эту тему, что последний якобы и выполнил. Я просто поражаюсь нелепости этой выдумки. Во-первых, хоть убей, но не поверю, что Горбачев дал такое поручение. А во-вторых, не могу представить даже в дурном сне, чтобы Крючков пришел ко мне с подобным разговором. Трусоват он, чтобы пойти на это. Он-то знал, что лжет.

Я сразу же почувствовал слежку и подслушивание. Однажды моя жена, Нина, с большим волнением сообщила мне, что она, закончив телефонный разговор с невесткой, стала, не положив трубку, расправлять шнур и вдруг голос в трубке. К своему ужасу, она услышала часть своего разговора. Я проинформировал об этом Михаила Сергеевича. Он посоветовал переговорить с Крючковым, что я и сделал. Крючков напрягся, засуетился физиономией, но быстро взял себя в руки и сказал:

— Ну что вы, Александр Николаевич, этого быть не может. Нет, нет и нет!

Он лгал. От моих друзей мне стало известно, что Крючков дал команду начальнику Управления «РТ» организовать контроль не только за моими телефонными разговорами, но и установить технику подслушивания в моем служебном кабинете.

— Позвони Нине Ивановне, ты ее знаешь, она врать не будет, — продолжал я.

— Хорошо, — ответил Крючков, но не позвонил.

Один из генералов КГБ, довольно информированный, сообщил мне, что соответствующее подразделение КГБ готовит в отношении меня «дорожно-транспортное происшествие». Генерал добавил, что информирует меня, поскольку разделяет мои взгляды. Я снова обратился к Горбачеву, и снова он отослал меня к Крючкову. Как-то при встрече перед очередным совещанием я рассказал Крючкову об этой информации и добавил, что ее запись находится у трех моих друзей. Разговор шел как бы на шутливой ноте, но Крючков изобразил из себя обиженного, стал клясться, что ничего подобного и быть не может.

— Хорошо, — сказал я, — но, может быть, все это готовится без твоего ведома.

Поговорили еще немного и достаточно холодно расстались. Позднее, когда Крючков оказался в Лефортове, он подал на меня в суд за попытку «оклеветать» его в связи с дорожно-транспортной историей. Меня позвали в прокуратуру, очень вежливо допросили, отпустили с миром, добавив,

что Крючков трясется от страха и ищет любые поводы, чтобы затянуть следствие.

Пожалуй, наиболее нагло я был атакован через провокацию в отношении моего помощника Валерия Кузнецова. Он сын бывшего секретаря ЦК Алексея Кузнецова, расстрелянного в связи с «ленинградским делом». В свое время Микоян попросил меня взять Валерия на работу в отдел пропаганды, что я и сделал. Кстати, Кузнецова долго не утверждали. Только после вмешательства Суслова, к которому я, ссылаясь на мнение Микояна, обратился с этой просьбой, вопрос был решен.

Все это происходило еще до моей поездки в Канаду, то есть до 1973 года. Вернувшись в 1985 году в отдел пропаганды, а затем став в 1986 году секретарем ЦК, я предложил Валерию поработать моим помощником. Он согласился. Будучи добрым по характеру, хорошо знающим обстановку в среде интеллигенции, он активно помогал мне.

Так вот, в один несчастный день мне позвонил Горбачев и спросил:

— У тебя есть такой Кузнецов?

— Да, мой помощник.

— Убирай его, и немедленно.

— Почему?

— Пока не могу сказать, но потом нам обоим будет стыдно.

Все мои доводы жестко отводились.

— Где он раньше, до ЦК, работал? — спросил Михаил Сергеевич.

— Где-то в цензуре.

— Пусть идет обратно туда же.

Я хорошо знал Валерия. По характеру — душа нараспашку, что в аппарате не поощрялось. Согласиться с его увольнением я никак не мог. Решил потянуть. На всякий случай пригласил Валерия к себе, рассказал ему о ситуации. Он наотрез отказался возвращаться в цензуру, был предельно растерян и расстроен.

— В чем дело? Не могу понять!

Как мог, успокаивал его. Но Горбачев проявил несвойственную ему настойчивость, чем меня изрядно удивил. Тогда я рассказал об этой истории Примакову. Он тоже хорошо знал Валерия. Общими усилиями нам удалось уговорить Михаила Сергеевича направить Кузнецова заместителем председателя Агентства печати «Новости».

Позднее, когда бури подзатихли, а Горбачев перестал быть президентом, я спросил его, что случилось тогда с Кузнецовым. Он очень неохотно и достаточно невнятно ответил,

что получил записку из КГБ о том, что Кузнецов хорошо знаком с какими-то людьми из Азербайджана, связь с которыми могла бы скомпрометировать ЦК. Вскоре подоспела публикация в «Огоньке» текстов подслушивания моих телефонных разговоров, в том числе и с Кузнецовым. Кстати, тексты подслушивания были изъяты из канцелярии Горбачева. В них Валерий упоминал несколько фамилий, в том числе одного человека из Азербайджана. Вот и вся «порочная связь». Так что история с Кузнецовым была элементарной провокацией, направленной против меня. К сожалению, Михаил Сергеевич не захотел отреагировать на нее должным образом. Вот такие детали и делают силуэты времени более выразительными.

Насколько мелкотравчатой стала эта контора под руководством Крючкова, бывшего клерка из секретариата Андропова, говорят и такие факты. Я еще в начале 1991 года начал строить дачу в поселке Академии наук СССР. Однажды один строитель сказал мне, что накануне на въезде в поселок его остановил капитан в милицейской форме и стал проверять документы, долго выспрашивал, как долго строится дача, кто строит, как производится оплата и т. д. Все документы оказались в порядке. Иначе и быть не могло. Я же догадывался, что нахожусь под грязным зонтиком Крючкова.

Через неделю снова проверка, проводил ее уже новый человек, но тоже в милицейской форме. Надо же так случиться, что я в это время возвращался домой. Подошел к офицеру и спросил:

— Что происходит? Что вы ищете? Кто вас послал?

Офицер посмотрел на меня растерянными глазами и, немного поколебавшись, попросил отойти в сторону и сказал буквально следующее:

— Александр Николаевич, я ваш единомышленник. Не выдавайте меня. Вас проверяют, и не только здесь, проверяют по указанию с самого верха. Извините меня, но будьте осторожны.

Рассказывая о Крючкове, не могу не вспомнить об одном эпизоде, когда Горбачев пытался наладить мои отношения с Чебриковым — предшественником Крючкова. Отношения у меня с ним были сложные. В личном плане — уважительные, но в характеристике диссидентского движения, его мотивов и действий мы расходились. Были столкновения и по оценкам поведения некоторых представителей демократического движения. Конечно, Чебриков много знал о них, в том числе и из доносов, но не только. Теперь, оглядываясь назад, могу сказать так: в ряде случаев у Чебрикова доминировала пред-

взятость, питаемая его обязанностями, у меня же — романтическая доверчивость, навеянная праздником перемен.

Однажды Горбачев посоветовал нам встретиться в неформальной обстановке, что мы и сделали. Беседа за плотным ужином на конспиративной квартире КГБ продолжалась до четырех часов утра. Разговаривали мы очень откровенно, бояться было нечего и некого. Я говорил о том, что без прекращения политических преследований ни о каких демократических преобразованиях и речи быть не может. Он во многом соглашался, но в то же время из его рассуждений я уловил, хотя Виктор Михайлович и не называл фамилий, что немало людей из агентуры КГБ внедрено в демократическое движение. Впрочем, я и сам догадывался об этом. Когда я называл некоторые яркие имена, он умолкал и не поддерживал разговор на эту тему. Иногда охлаждал мой пыл двумя словами: «Ты ошибаешься». Единственное, что я узнал в конкретном плане, так это историю создания общества «Память» в Московском авиационном институте, если я верно запомнил, и о задачах, которые ставились перед этим обществом, и что из этого получилось. Для меня лично это была полезная информация, я перестал остро реагировать на разного рода инсинуации, исходившие из этого детища сыскной системы.

Стопок и чашек мы с Чебриковым не били, но и согласия не достигли. Выразив по этому поводу сожаление, разошлись. Хотя понимать мотивы и действия друг друга стали лучше. Наутро мне позвонил Горбачев и спросил: «Ну что? Не смогли договориться? Ну ладно». Я так и не понял из этого «ну ладно», одобрил он результаты беседы или нет. Тем не менее я глубоко сожалею о том, что поддержал замену председателя КГБ. Но я действительно тогда считал, что Крючков является подходящей фигурой для этой роли. Почему? Теперь мне трудно объяснить этот свой поступок. Как говорят, был уже не молод, а опыта московских интриг еще не набрался. «Не бывать калине малиной, а плешивому — кудрявым» — гласит русская пословица. Моя деревенская доверчивость не один раз подводила меня. Чутье изменило и на этот раз.

Уже после мятежа Крючков не нашел ничего более умного, как опубликовать статью в «Советской России» под названием «Посол беды». Это обо мне. Статья длинная и глупая. В ней содержались стандартные обвинения по моему адресу: развалил то, развалил это... Но в ней было и одно серьезное обвинение. В том, что Яковлев связан с западными спецслужбами, видимо с американскими. Конечно, фактов никаких.

Группа сторонников Крючкова обратилась в Генеральную прокуратуру с просьбой расследовать это дело и привлечь меня к ответственности. Я тоже потребовал расследования. Раскопки архивов шли долго. Опросили всех, кто мог знать хоть что-то. Дали свои показания Горбачев, Бакатин, Чебриков, работники внешней разведки, занимавшиеся агентурными делами. Все они отвергли утверждения Крючкова как лживые. Крючков отказался дать свои показания следователю, заявив, что результаты расследования ему известны заранее. Тут он прав — знал, что врет. Прокуратура пришла к заключению, что Крючков лжет. Генеральный прокурор Степанков, отвечая на мой вопрос, сказал, что теперь у меня есть все основания подать в суд. И добавил, что за клевету, согласно закону, Крючков получит от трех до пяти лет.

Я нашел адвоката. Началась работа. Но потом мне расхотелось связываться с этим мошенником. Пусть на свежем воздухе гуляет и в своей душонке ковыряется. Кроме того, мое раздражение утихомирили статьи в мою защиту, они высмеяли Крючкова по всем статьям. Однако сегодня я понимаю, что ошибся в своем милосердии. Клевреты Крючкова и сегодня пытаются «достать» меня через некоторых бывших работников КГБ.

Откликнулись поэты и писатели. На сей раз их письмо было опубликовано.

«Наше письмо в «Известия» продиктовано чувством тревоги и негодования. Тревоги за наше независимое, демократическое будущее. И негодования, вызванного публикацией в газетах «Правда», «Советская Россия», в других прокоммунистических изданиях пасквилей, оскорбляющих честь и достоинство всеми уважаемого Александра Николаевича Яковлева, солдата-фронтовика, известного ученого, писателя, авторитетного общественного и политического деятеля.

Сочинители лживых, оскорбительных «писем в редакцию», не называющие при этом своих фамилий, выливают ушаты грязи, вплоть до обвинений в сотрудничестве с КГБ и ЦРУ на достойного, мужественного человека, которому мы, россияне, обязаны своим нынешним знанием трагической правды о масштабах репрессий тоталитарного режима против собственного народа, о неоплатной цене нашей Победы в Великой Отечественной войне, о «закрытых» протоколах, вскрывающих преступную суть сговора Сталина и Гитлера.

Напомним, что именно А. Н. Яковлев был автором знаменитой статьи «Против антиисторизма», ставшей первым сигналом об опасности, которая очевидна всем здравомысля-

щим людям, — об опасности зарождения и наступления русского фашизма.

В кампании клеветы и травли, направленной не только против А. Н. Яковлева, проявляется памятный всем нам стиль коммунистов, закрепляющих свою победу на выборах в Государственную Думу. Налицо явные попытки национал-большевистских сил организовать новую охоту на «врагов народа» в духе 1937 года. Этими «врагами народа» уже побывали многие из наших коллег...

Д. Гранин, Б. Васильев, А. Иванов, Т. Кузовлева,
А. Нуйкин, Б. Окуджава, В. Оскоцкий, А. Приставкин,
Л. Разгон, В. Савельев, Ю. Черниченко».

В ельцинский период национал-большевики, ободренные решением Конституционного суда, и бывшие работники спецслужб — ветераны террора, ушедшие от ответственности за беззакония, творимые в период Хрущева — Брежнева — Андропова, продолжали свою деятельность по дискредитации демократии и людей, приверженных идее свободы человека и России. Сегодня они еще ближе к власти. Бесноватость фашиствующих групп и организаций доходила до очевидной уголовщины. Одно из интервью с А. Зиновьевым, бывшим антикоммунистом, а теперь большевиком, настолько меня обеспокоило, что я принял, после некоторых раздумий, решение написать об этом президенту Ельцину.

«...Считаю нужным обратить Ваше внимание на публикацию в №№ 15 и 16 газеты «Завтра» материала под заголовком «Мировое негодяйство»...

Вот некоторые выдержки:

«Сейчас Россия оккупирована. У власти — предатели и коллаборационисты, делающие все, чтобы удержаться и помогать Западу грабить страну».

«...Нужна священная война... Что бы вы ни делали, сегодня демократического выхода для России нет. Если в Вашингтоне решат, что нужно удержать Ельцина, а Ельцин как морально и интеллектуально разложившееся ничтожество уйдет со сцены, они все равно подберут человека, который будет продолжать делать то же самое».

«Россия захвачена. Хотите свободы — выход — война, любыми доступными средствами война. А на войне — действовать только военными методами против предателей».

«Предатели — все эти Горбачевы, Яковлевы, Шеварднадзе, потом пошли Ельцины, Гайдары, Шумейки... по законам военного времени предателей убивают».

Таким образом газета «Завтра», опубликовав на своих страницах материал «Мировое негодяйство», грубо нарушила основополагающие положения Конституции Российской Федерации, а также статью 4 Закона Российской Федерации о средствах массовой информации, где говорится о недопустимости использования средств массовой информации для призыва к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства, разжиганию национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны...» А. Яковлев. 10 мая 1994 года».

Ни ответа, ни практических мер не последовало. Борис Ельцин и его окружение не смогли понять, что политически легкомысленное отношение к подобного рода призывам к насилию вдохновляли большевистско-фашистские силы на более скоординированную кампанию против выздоровления России.

Я понимал, что подобная деятельность фашистских и антисемитских группировок приведет к новой беде, ибо все это ложилось на психологическое наследие сталинского фашизма. Нельзя сказать, что не предпринималось попыток поставить хоть какой-то заслон этим губительным действиям. Несколько лет назад была собрана инициативная группа по проведению антифашистского конгресса в России. Меня избрали председателем оргкомитета. Денег нет. Я разослал письма «денежным мешкам», которым демократия дала возможность разбогатеть. Увы, отклика никакого. Удивительная близорукость. Сегодня фашистские группировки растут и переходят к прямому насилию, но правоохранительные чиновники считают гитлеровских поклонников всего лишь «юными неформалами».

В новых условиях, когда Ельцин покинул президентское кресло, чекистские ветераны открыто признают, что их представители проникли во все уровни власти. На их деньги издается большое количество газет и журналов, которым в известной мере удалось повернуть общественное мнение от преступлений большевизма к ошибкам демократов. И снова политический маятник зачастил, подгоняя события то в одну, то в другую сторону. Закончилось тем, что демократических фракций в новой Думе не оказалось.

Еще раз прочитав эту главу, я должен согласиться, что время — действительно великий целитель. У меня даже раздражение умолкает против конкретных людей, которые подличали и продолжают подличать. Мое отношение ко всем

этим провокациям, в том числе и к тем, о которых рассказано в других главах, как бы изменило свой характер и направление. Что я имею в виду? Теперь думаю о том, сколько же человеческой грязи вобрала в себя идеология насилия, готовая на все — на убийства, грабежи, клевету, провокации, на любые подлости.

Сегодня я не в силах понять, как мог я вынести все эти помои. Я не надеялся на благодарное признание, но, сказать по правде, когда оказался в одиночестве, малость приуныл. И все таки, несмотря на многие огорчения, я рад, что жизнь прожита не напрасно, не впустую. А политические крысы, увы, — твари вечные.

Глава семнадцатая

ДИКТАТУРА ДВОЕВЛАСТИЯ

Лесные и степные пожары нередко гасят встречным палом: на пути огня поджигают лес, траву или хлеб, два смерча, сцепившись, гасят друг друга. Два смерча, пожирая друг друга, бушевали и в советской стране: партия коммунистов и партия чекистов. Была такая партия — чекистская, хотя каждый чекист формально был коммунистом. Одновременно руководство карателей последовательно и упорно добивалось того, чтобы каждый коммунист был осведомителем. Ленин идею одобрил. Обе ветви власти намертво держались друг за друга. Это был вопрос выживания системы.

Автор

Многое Перестройка сделала для России, но одно, весьма существенное, не успела или побоялась. Мы, реформаторы первой волны, не подумав о последствиях, не сумели придать системе спецслужб сугубо служебный характер, оставили ее в положении, когда она *прямо* влияла на политические решения. Иными словами, двоевластие сохранилось.

Ленин не ввел Дзержинского в клан «вождей», то есть в Политбюро. Сталин позволил главному чекисту дорасти до кандидата в вожди. Ни Менжинского, ни Ягоду, ни Ежова Сталин в «Пэбэ» не пустил. Там, правда, оказался Берия, но личные осведомители вождя, а их было немало, завели досье и на Берию. Чекисты тоже не дремали. Они держали под своим колпаком всю верхушку власти. Ягода подслушивал даже Сталина, о последующих «вождях» и говорить нечего.

К началу 50-х годов дни Берии были практически сочтены. Помню конец 1952 года. Я работал тогда в Ярославском обкоме КПСС. Однажды утром собрал нас первый секретарь Лукьянов и сказал, что получил «Закрытое письмо ЦК КПСС» (тогда часто практиковалась такая форма политической мобилизации). Письмо было посвящено так называемому мингрельскому делу. Не все сразу поняли, что за этим стоит. Но как-то с уха на ухо дошло, что «главным мингрелом» является Берия. Пришел и его черед. Но у диктатора времени оставалось меньше, чем у карателя.

«Утром пятого (марта) у Сталина появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление упало, — вспоминал доктор Мясников. — И это явление нас несколько озадачило — как это объяснить? Врачи же почему-то не удосужились взять рвоту на исследование». До сих

пор исследователи не пришли к более или менее обоснованному выводу — сам Сталин умер или его отравили соратники.

Много, очень много тайн «застрелил» генерал Батицкий, пустивший пулю в Берию. Приговоренному к смерти в последнем слове отказали. Международный Фонд «Демократия» издал полную стенограмму пленума ЦК по Берии и другие связанные с этим делом документы, кроме обвинительного заключения, которое держится до сих пор в секрете. Видимо потому, что оно состоит из вранья. Этот пленум подвел один из промежуточных итогов двоевластия: партия на сей раз оказалась наверху власти.

До этого царствовало двоевластие. Джугашвили-Сталин, будучи абсолютным диктатором, одной рукой держал за горло партию, другой — чекистов. Микоян, выступая с докладом на 20-летнем юбилее ВЧК—ОГПУ—НКВД, заявил: «Каждый гражданин СССР — сотрудник НКВД». В то время чекисты душили партию. А когда уничтожили большевиков «ленинского призыва», Сталин, убрав Ежова, руками Берии разгромил и старую гвардию чекистов.

Шла непрерывная «нанайская борьба». То партгосработников арестуют и расстреляют тысяч так сорок — пятьдесят. То работников спецслужб в том же примерно количестве поставят к стенке. Вослед этому быстренько соорудят какой-нибудь антисоветский блок из гражданских «врагов народа». Его мифических «участников» тоже расстреляют. Но сразу же уничтожат очередного главу охранки. И так десятилетиями.

К чему я все это говорю? Моя длительная работа председателем Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Горбачеве, Ельцине и Путине, изучение тысяч документов, анализ действий тех или иных политических сил в той или иной конкретной обстановке привели меня к выводу, что Ленин, придав организованной им ЧК активные политические функции, создал *особый вид управления государством — я называю его диктатурой двоевластия.*

Надо признать, это было хитроумное решение, оно позволило удерживать власть более 70 лет. Промыванием мозгов занималась партия, а непосредственным орудием насилия была охранка. Сталин внимательно наблюдал за этим трагическим спектаклем, эффективно, через насилие им управлял.

Сама партия уже не была ни марксистской, ни коммунистической. Из партии идеи, пусть и утопической, она превратилась в партию власти, а в конечном итоге выродилась в бюрократическую структуру по обеспечению диктатуры «вождя». Что касается чекистов, то они не уставали клясться в верности Сталину и Политбюро, а на самом деле являлись обособленной частью партии, куда вход был наглухо закрыт. Корпоративность и дисциплина в спецслужбах формировались годами. Многие работавшие там люди были далеко не дураками, может быть в основе своей даже толковее и образованнее, чем чиновники в других аппаратах. Но и гораздо циничнее, изворотливее, беспощаднее. А главное — они были отравлены спецификой своей работы, формировавшей психологию подозрительности и нетерпимости.

Кроме того, обществу постоянно внушалось, что в карательных органах работают люди особые, неописуемой честности, надежности и человечности. Почти не пьют, почти не курят, целуются только с женами, всех смертных видят насквозь, знают, о чем эти смертные думают и какие им снятся сны. Каста ясновидящих и морально стерильных.

Несколько огрубляя ситуацию, причем не очень сильно, скажу так: мы, в партийном аппарате, надували щеки и делали вид, что решаем наиболее серьезные вопросы жизни, возвышаемся над всеми другими аппаратами. Проводили разные съезды, другие политические парады, заседания партийных бюро сверху донизу, а в действительности без КГБ ни одной важной проблемы не решалось. В партийный и государственный аппарат можно было взять людей только после проверки в КГБ. Для поездок за границу — то же самое. Я знаю, что продвижение на самый верх, вплоть до Политбюро, шло при самом внимательном наблюдении со стороны КГБ и при его определяющей рекомендации. Загородные дачи членов Политбюро принадлежали КГБ, обслуживающий персонал, включая водителей, поваров, уборщиц, — штатные сотрудники спецслужб. Военные разработки ученых проходили экспертизу в институтах КГБ. Не говоря уже о регулярном подслушивании верхушки партии и государства, вплоть до Генерального секретаря ЦК и Президента СССР. По мнению наблюдателей, практика подслушивания продолжается и сегодня.

Да и саму верхушку ломали нещадно, если была на то воля «вождя». Тайная полиция использовала любой случай, чтобы «приручить» того или иного «небожителя». Арестовали жен Калинина и Молотова, посадили брата Кагановича. На других «сподвижников» хранились объемистые досье, которые можно было пустить в ход в любой момент. Когда, скажем, Брежнева избрали Первым секретарем ЦК, Аристов — другой секретарь, курировавший силовые структуры, принес ему объемистое досье на него, Брежнева. Они сожгли его в камине.

Сын Хрущева, Леонид, дважды проштрафился. О нем разное рассказывают. Молотов говорил буквально следующее: «Хрущев в душе был противником Сталина... Озлоблен на Сталина за то, что его сын попал в такое положение, что его расстреляли... Сталин его сына не хотел помиловать. После такого озлобления он на все идет, только бы запачкать имя Сталина».

На мой взгляд, ближе к истине другая версия. Офицеры пили (обычное дело). Было известно, что Леонид искусный стрелок. Один из участников пьянки пристал к Леониду, чтобы тот сбил бутылку с его головы. Леонид выстрелил и отбил горлышко бутылки. «Подумаешь, горлышко, ты саму бутылку разбей». Леонид выстрелил и попал собутыльнику в лоб. Такова чисто гусарская история. Вокруг гибели Леонида было много наверчено. И что он сдался в плен, и даже служил у Власова. И что его самолет во время воздушного боя вдруг вошел в штопор. А вот что рассказывает Рада Аджубей (Хрущева):

— Пили в госпитале, и брат, пьяный, застрелил человека, попал под трибунал. Его послали на передовую.

Так приручали Хрущева.

А завязывал все эти узелочки Сталин. Любопытны ему были люди: одни, умирая от пыток, харкали кровью в морду палачам, а другие, особенно те, кто был ему особенно близок, распадались, как гнилые орехи, молили о пощаде.

После смерти «вождя» партия закачалась, ее власть начала оседать. И в то же время набирали силу карательные службы во главе с Берией. Снова коромысло власти начало съезжать в одну сторону. «Небожители» струхнули. Они еще не забыли, как совсем недавно диктатор начал расчищать пространство для новой генерации «вождей». Судьба таких «зубров», как Молотов, Микоян, Берия, уже была предрешена. В 1949 году Сталин снова обострил войну в элитных слоях общества. Сначала ленинградское дело. Расстрелы. Затем дело врачей. Тюрьмы. Космополитизм. Расстрелы. Перед самой смертью — мингрельское дело во главе с Берией. Иными словами, пройдясь косой смерти по партаппарату, по интеллигенции, по евреям, Сталин в соответствии со сложившейся очередностью снова повернул глаза к карательным службам. Но припозднился, умер или убили. Вот тут-то главные наследники Сталина и решили как бы исполнить волю ушедшего «вождя» и малость отодвинуть спецслужбы от власти. Они расстреляли Берию, возложив на него все преступления, в том числе и свои собственные.

Похоронив «хозяина» и убрав Берию, высшая номенклатура заключила как бы негласный договор, что «ныне и присно» партийцев из номенклатуры не будут стрелять в чекистских застенках. Хрущев при активной поддержке Суслова в какой-то мере убрал партаппарат из-под постоянного колпака спецслужб, хотя чекистские проверки при поступлении на работу в партаппарат и перед поездками за рубеж продолжались. Досье беременели, но роды проходили только по приказу нового «вождя». «Священный договор» о неприкосновенности высшей элиты долго не нарушался. Только после августа 1991 года несколько высших номенклатурщиков из КПСС и КГБ поселились на нарах — и то временно, а остальные как были, так и остались в несокрушимых рядах бюрократической элиты. Большевистская Дума вскоре амнистировала путчистов. Сработал инстинкт неувядающей социальной памяти. Нынче все из бывшей номенклатурной знати на хлебных местах: кто в Думе, кто в губернаторах, кто в банках, фирмах и т. д. А кто оказался не в состоянии делать что-то конкретное, требующее профессионализма, устроены советниками при «новых русских» — бывших номенклатурщиках.

Несмотря на некоторое снижение влияния спецслужб в первые годы Хрущева, они, разумеется, не сидели сложа руки. Хорошо понимали, что политическое руководство все равно без них не обойдется. Так оно и произошло. Испугавшись «оттепели» 1956 года, руководство страной вернулось к репрессиям. Карательные органы воспряли духом. В некоторых случаях они сами провоцировали волнения и конфликтные ситуации, чтобы доказать собственную нужность. Так было при Хрущеве в Новочеркасске и других городах, когда применялась вооруженная сила. Так было в Алма-Ате, Фергане, Сумгаите, Вильнюсе, Риге уже во время Перестройки.

Небольшие щелочки в «железном занавесе», открытые Хрущевым, положили начало «долларизации страны». Вместо делового и здравого отношения к этому факту спецслужбы увидели возможность для активизации своей деятельности. Во что бы то ни стало надо было знать, откуда появился у советского человека доллар. Шпион, поди! Один за другим посыпались законы, инициированные КГБ, — «Об уголовной ответственности за незаконные валютные операции»; «Об ответственности за мелкие валютные операции»; «О повышении ответственности за незаконное хранение валюты». Все они сводились к запрещению иметь на руках иностранную валюту. При любых обысках обнаруженная валюта возводила ее владельца в ранг преступника. Простой обыватель, получивший, скажем, от какого-нибудь родственника 10 долларов в письме и рискнувший сунуться с этими деньгами в спецмагазин для иностранцев «Березка», тут же нарывался

на угрожающие вопросы. Деньги отнимались, о «криминальном» факте сообщалось на работу бедолаги, а сам он, если его в итоге отпускали домой, искренне радовался, что дешево отделался. Работал со мной в ЦК инструктор по фамилии Бабин. Сидели с ним в одной комнате. Поехал лечиться в Карловы Вары. КГБ сообщил, что он пытался провезти за границу то ли 13, то ли 16 долларов. Долго его «мутузили», а потом выгнали из аппарата ЦК, поскольку «скомпрометировал моральные устои партии».

При Брежневе по инициативе Лубянки был принят преступный по своей сути закон «О борьбе с тунеядцами». Этот закон — вершина бесправия. Он давал в руки чекистской номенклатуры «легальные» возможности расправы со всеми неугодными и инакомыслящими. Не согласился человек стать стукачом или, скажем, брякнул что-то невпопад, его выгоняют с работы, потом объявляют тунеядцем, а там и до тюрьмы два лаптя. Достаточно вспомнить, что одним из первых под каток этого закона попал поэт Иосиф Бродский — будущий лауреат Нобелевской премии по литературе. Подобная участь постигла и многих священнослужителей.

Эпоха Брежнева — золотые годы «Номенклатурии». Это был серьезный этап к захвату полной власти военно-промышленным комплексом и установлению военно-чекистской диктатуры. Именно застой в экономике и обстановка всеобщей безответственности создавали плодородную почву для перехода власти к силовым структурам. Руководители КГБ делали все возможное, чтобы вернуть себе свою половину власти, окончательно избавиться от хрущевского наследия, связанного с XX съездом КПСС. Наиболее эффективный путь к этому — напугать нового «вождя» растущим инакомыслием. Показательно в этом отношении письмо председателя КГБ В. Семичастного от 11 декабря 1965 года № 237-с., когда Брежнев еще только привыкал к верховной власти. Приведу некоторые выдержки из этого письма — практической инструкции для Брежнева.

«Докладываю, что на протяжении 1964—1965 годов органами государственной безопасности был раскрыт ряд антисоветских групп, в той или иной форме проводивших подрывную работу против советского социалистического строя, политики КПСС, участники некоторых групп пытались даже пропагандировать идеи реставрации капитализма в нашей стране.

...Раскрытая антисоветская группа в Ленинграде, состоящая из молодых научных работников, изготовила программный документ, на базе которого ее участники, наряду с антисоветской пропагандой, пытались привлекать себе сообщников. Документ этот получил достаточно широкое распространение: с его содержанием в различных городах страны знакомилось свыше 150 человек.

В сентябре с.г. в Москве были арестованы авторы литературных антисоветских произведений Синявский и Даниэль, которые на протяжении ряда лет по нелегальному каналу переправляли свои «труды» за границу, где они издавались и активно использовались в антикоммунистической пропаганде, в компрометации в глазах общественности советской действительности.

Следует отметить также, что в течение последних месяцев 1965 года зафиксирован целый ряд антисоветских проявлений в форме распространения листовок, различного рода надписей враждебного содержания, открытых политически вредных выступлений. Дело иногда доходит до того, как это было, например, в Москве, когда некоторые лица из числа молодежи прибегают к распространению так называемых «гражданских обращений» и группами выходят с демагогическими лозунгами на площади.

...Нельзя сказать, что конкретные антисоветские и политически вредные проявления свидетельствуют о росте в стране недовольства существующим строем или о серьезных намерениях создания организованного антисоветского подполья. Об этом не может быть и речи. Однако анализ этих проявлений и причин некоторого оживления антисоветской деятельности отдельных лиц указывает на то, что, наряду с влиянием буржуазной идеологии на политически неустойчивых лиц, систематическим подогреванием националистических настроений со стороны китайских раскольников, мы нередко сталкиваемся с потерей политической бдительности, революционной боевитости, классового чутья, а то и просто политической распущенности среди некоторой части интеллигенции, и прежде всего творческой.

Представляется, что это последнее обстоятельство заслуживает самого пристального внимания, так как принимает достаточно распространенный характер и вовлекает, сбивая с правильного пути, в нигилизм, фрондерство, атмосферу аполитичности, значительную часть интеллигенции и вузовской молодежи, особенно в крупных городах страны. У некоторой части молодежи появилось равнодушие, безразличное отношение к социальным и политическим проблемам, к революционному прошлому нашего народа.

Критиканство под флагом борьбы с культом личности, опорочивание основ социалистического строя, огульное высмеивание наших недостатков является по существу основной тематикой многих произведений литературы и искусства. Складывается впечатление, что для публикации или постановки произведений в некоторых издательствах, театрах и студиях в настоящее время обязательным условием является наличие в них выпадов против нашей действительности. Не случайно поэтому в репертуарах театров и киностудий часто стали появляться пьесы и картины, которые вызывают ажиотаж обывателей, всегда спешащих увидеть «скандальный» спектакль или фильм, в которых представители государственного аппарата, да и сам аппарат изображаются как мрачная стена, стоящая на пути всего нового, передового. Такие спектакли и кинокартины серьезно влияют на подрыв авторитета власти.

В московском Театре драмы и комедии на Таганке, где художественным руководителем является член КПСС Любимов, накануне 48-й годовщины Октября вышла премьера «Павшие и живые», посвященная творчеству советских поэтов, павших на фронтах Великой Отечественной войны, и в известной мере советской фронтовой поэзии вообще. Спектакль этот готовился около года, имел несколько просмотров, после которых его постановщики вносили бесконечные поправки. Они сводились вначале к тому, что, наряду с еврейскими поэтами-фронтовиками, были показаны и русские участники войны, затем возникал вопрос о смягчении некоторых сцен в политическом плане, в частности сцены, рассказывающей о поэте Багрицком — сыне Эдуарда Багрицкого. Этот эпизод, с одной стороны, показывал Багрицкого на фронте, с другой — его мать в лагерях. Подтекст сцены невольно ставил вопрос, что защищает Багрицкий на фронте?

Подобными изъянами грешат и некоторые другие сцены спектакля. Вызывает удивление появление в этом спектакле имени поэта Пастернака. Как известно, он не пал на фронте и не относится к числу оставшихся в живых поэтов-фронтовиков. Однако в спектакле долго старались сохранить сцену, сделанную весьма помпезно, и уход его со сцены пытались сопроводить символикой вечного огня.

Следует заметить, что в течение года, пока этот спектакль был выпущен, с ним в ходе так называемых «предварительных просмотров» ознакомилось большое количество зрителей.

В Театре имени Ленинского комсомола идет спектакль драматурга Радзинского «Снимается кино». Это двусмысленная вещь, полная намеков и иносказаний о том, с какими трудностями сталкивается творческий работник в наших условиях и по существу смыкается с идеями, охотно пропагандируемыми на Западе, об отсутствии творческих свобод в Советском Союзе, о необходимости борьбы за них. При этом отсутствие якобы «свободы» увязывается с требованием партийности в искусстве.

В некоторых современных произведениях протаскивается мысль о том, что партийность является оковами для советских творческих работников, что тезис о социалистическом реализме должен быть снят с повестки дня. Об этом по существу говорится открыто. Достаточно вспомнить хотя бы выступление поэта Евтушенко в Колонном зале на вечере, посвященном памяти Есенина.

Ряд пьес, идущих на сценах московских театров, таких, как пьеса Зорина «Дион» в Театре им. Вахтангова, «Голый король» Шварца в Театре «Современник», «Трехгрошовая опера» Брехта в Театре им. Моссовета и некоторые другие ставят своей целью перенести события прошлого на нашу современность и в аллегорической форме высмеять советскую действительность.

Опасность этих произведений состоит не только в том, что они иронизируют по поводу советской действительности, но и в том, что они делают это через аллегорию, как бы доказывая невозможность сказать правду или критиковать недостатки открыто.

Аналогичное положение наблюдается и в кино. На студии «Мосфильм», например, недавно сделан фильм «33». Это не что иное, как изображение советского «города Глупова». По существу, и в этом фильме высмеивается местная советская администрация, рисуется патриархальный уклад жизни, фарс, присущий всем руководящим сферам — от района до столицы, ложь, в которую все верят. Налицо попытка по существу опорочить все, вплоть до полета космонавтов. И вообще трудно представить после просмотра этого фильма, что же сделано в Советском Союзе за годы советской власти, кроме показной мишуры и блеска столицы.

«Ленфильмом» сделан фильм «Друзья и годы». Он охватывает этап в жизни нашей страны с 1934 по 1960 год. На протяжении 26 лет изображается привольная, обеспеченная жизнь карьеристов, проходимцев и жуликов, мучения честных советских граждан. На этой же студии снят фильм «Иду на грозу», в принципе не вызывающий больших сомнений, но опять-таки порочно изображающий отдельные стороны нашей жизни.

Моральная неустойчивость отдельных советских людей стала весьма желательной темой некоторых работников кино и театров. Фильм «Иду на грозу» этому отвечает, хотя бы одной стороной: все женщины, изображаемые в фильме, распущенные люди, стоящие на грани проституции. Театр им. Ленинского комсомола, призванный воспитывать здоровое начало в своем молодом современнике, решил почему-то заняться детальным изучением причин и следствий неудачно сложившихся судеб, разбитой любви, разрушающихся семей. За первым спектаклем «До свидания, мальчики!» появились в том же плане «104 страницы про любовь», «Мой бедный Марат», «В день свадьбы», «Снимается кино». Из спектакля в спектакль, из сцены в сцену начали кочевать инфантильные мальчики и девочки, плюющие через губу на все происходящее вокруг них, зато не по возрасту пристально изучающие проблему взаимоотношения полов. Герои и героини указанных спектаклей соблазнительны внешне, но бедны духовно и интеллектуально и насквозь пропитаны мещанским духом.

С известными изъянами вышли на экран и фильмы «Лебедев против Лебедева», «Обыкновенный фашизм».

Вызывает серьезные возражения разноречивое изображение на экране и в театре образа В. И. Ленина. В фильме «На одной планете», где роль Ленина исполняет артист Смоктуновский, Ленин выглядит весьма необычно: здесь нет Ленина-революционера, есть усталый интеллигент, с трудом решающий и проводящий линию заключения Брестского мира. Фильм заканчивается весьма странной фразой Ленина о том, что он мечтает о времени, когда будут говорить агрономы и инженеры и молчать политики. В фильме «Залп «Авроры», как отмечают многие советские граждане, в Ленине, которого исполняет артист Кузнецов, много клоунских черт.

В свое время на одном из диспутов Маяковский говорил, что он первым будет бросать тухлые яйца в экран, где будут играть Ленина, так как он считал, что Ленина нельзя играть, ибо нельзя передать гениальность и революционный пафос вождя революции. После игры Щукина и Штрауха казалось, что Ленина можно играть. Но, безусловно, этим нельзя злоупотреблять. Сегодня Ленина играют от кружка самодеятельности до ведущих артистов. Причем артисты, исполняющие образ Ленина, играют и другие роли. Сегодня они играют Ленина, завтра купца, послезавтра пьяницу. Вместе с тем, о том, как изображается Ленин, надо серьезно задуматься, так как по этим фильмам о Ленине будут судить потомки, которые не только его не видели, но и не смогут услышать о нем из уст очевидцев.

После опубликования романа Солженицына «Один день Ивана Денисовича», когда был брошен официальный призыв к критическому изображению периода культа личности в литературе, вышло немало произведений на эту тему, в которых с разных сторон подвергались критике те или иные явления в жизни советского общества. Помимо признанных партией вредных последствий культа Сталина в вопросах попрания основ социалистической законности, некоторые литераторы даже коллективизацию, индустриализацию страны пытаются отнести к ошибочным действиям партии, критикуют роль партии в руководстве всеми отраслями хозяйства в послевоенный период, равно как и в период Великой Отечественной войны, огульно чернят завоевания нашего народа последних лет. Не случайно в ответ на призывы работать над юбилейной тематикой эти писатели не видят, что, собственно, можно показать положительного, когда отдельными мазками недобросовестных художников перечеркнута почти сорокалетняя история нашего народа.

Не говоря уже о литературных произведениях на лагерную тематику, таких, как «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, «Барельеф на скале» Алдан-Семенова, «Из пережитого» Дьякова, «Люди остаются людьми» Пиляра и других, много кривотолков среди читателей вносит различного рода мемуарная литература. Вряд ли могут иметь воспитательное значение распри, затеянные советскими военачальниками на страницах печати.

Нельзя умолчать о фактах, когда в отдельных литературных объединениях и клубах нашли себе прибежище антиобщественные элементы, занимающиеся изготовлением идейно порочных или прямо антисоветских произведений, которые с вражеским умыслом по нелегальным каналам передаются за границу. Никогда еще, пожалуй, после белой эмиграции в столь широком масштабе за рубежом не печаталась антисоветская макулатура, причем ее значительную часть составляют «труды», чьи авторы проживают на территории СССР. Некоторые из них превратились по сути дела во внутренних эмигрантов, стали агентами наших идеологических противников.

Недостатки и просчеты в печати, литературе, произведениях искусства широко используются против нас нашими идеологическими противниками. Некоторые представители антисоветских центров за рубежом говорят, что в идеологическом плане они работают против СССР на советском материале, на переводах и компиляциях из литературных ис-

точников и произведений искусства, создаваемых внутри страны.

Во всей этой обстановке нетерпимым является равнодушие к подобным явлениям со стороны некоторых руководителей ведомств и учреждений, органов печати, отдельных звеньев партийного аппарата на местах. Примиренчество, нежелание портить отношения или вызывать недоброжелательность со стороны политически заблуждающихся людей, стремление хорошо выглядеть в любых ситуациях приводят к тому, что мы делаем в области идеологии неоправданные уступки, затушевываем явления и процессы, с которыми надо бороться, дабы не вызвать необходимости применения административных мер и нежелательных последствий.

Трудно найти оправдание тому, что мы терпим по сути дела политически вредную линию журнала «Новый мир». Вместе с тем наша реакция на действия редакции «Нового мира» не только притупляет политическую остроту, но и дезориентирует многих творческих работников. Критика журнала «Юность» по существу никем не учитывается и никто не делает из этого необходимых выводов. Журнал из номера в номер продолжает публиковать сомнительную продукцию, выдавая ее за достижения литературного процесса. Кстати, также не проявляют должной реакции и коммунисты, работающие в театрах, редакциях и в иных идеологических учреждениях, где порой рождаются идейно порочные произведения. Многие произведения советских писателей печатаются в реакционных буржуазных издательствах за рубежом. Однако писатели, среди которых есть и коммунисты, на это никак не реагируют.

...Сложившаяся обстановка требует, прежде всего, неуклонного повышения идейного и воспитательного уровня произведений литературы и искусства; принципиальной, прямой и открытой критики идейно невыдержанных, политически вредных произведений, проявлений очернительства; всемерной поддержки творческих работников, которые действительно хотят пропагандировать коммунистические идеалы и работать над идейным укреплением нашего общества».

Не правда ли, очень интересное письмо. Рогатое и мохнатое. Прямая установка для всего номенклатурного класса, в том числе и сегодняшнего, тоскующего о прошлом. Оно поражает всеохватностью затронутых проблем, что является недвусмысленным напоминанием о принципе двоевластия. Эта записка диктует новому «вождю» программу его действий в политической сфере. Дальнейшие события, о которых

я уже частично писал, пропитаны духом этой политической линии, выработанной спецслужбами. Соответствующим отделам ЦК оставалось только выполнять эти указания КГБ.

Представляет большой интерес, с том числе и для исследователей, проблема совпадения интересов и действий ВПК и спецслужб США и СССР в области гонки вооружений. Некоторые политики на Западе, с интересом наблюдая за событиями в СССР, за хаосом в экономике, всячески способствовали тому, чтобы еще в годы, предшествующие Перестройке, экономически истощить Советский Союз гонкой вооружений. В свою очередь советский ВПК, не обремененный заботой о судьбе страны, старательно выколачивал из бюджета деньги на оружие.

Доклады ЦРУ подтверждали, что СССР шаг за шагом идет к катастрофе, становится, по словам Тэтчер, «Верхней Вольтой с ракетами». Гражданские отрасли государственного хозяйства, прежде всего аграрный сектор, постепенно умирали. Быстро устаревал технологический парк. Еще два-три витка в гонке вооружений, и большевистская империя рухнет под непомерной тяжестью военного металлолома. СССР прозевал, проспал и пропил две технологические революции. Этому в решающей степени способствовал еще Сталин, объявивший кибернетику «чуждой марксизму лженаукой». Тем самым он обрек страну на длительное технологическое отставание.

Юрий Андропов, всесильный шеф КГБ в течение пятнадцати лет, конечно, обладал информацией о реальной обстановке, но был не в состоянии встать на позиции здравого смысла. Верил в большевизм, в командные методы управления. Он презирал окружавших его соратников, ибо знал мерзопакостную подноготную их жизни, равно как и свою. Приход Андропова на пост Генерального секретаря я встретил, мягко говоря, без восторга. Скорее всего, из-за давней и взаимной человеческой и мировоззренческой несовместимости. После Хрущева и Брежнева у Андропова не было другого пути для сохранения «Номенклатурии», как вернуться к какой-то форме неосталинизма. Наступило золотое время политической полиции. Вот почему спецслужбы до сих пор используют любую возможность, чтобы удержать его имя в «золотой рамке». Даже специальную премию имени Андропова и памятник установили. Оживившиеся ныне генералы спецслужб активно ищут или готовы соорудить нового Андропова.

План Андропова по спасению социализма, если судить по его высказываниям, состоял в следующем: в стране вводится

железная дисциплина сверху донизу; идет разгром инакомыслия; ожесточается борьба с коррупцией и заевшейся номенклатурой; под строгим контролем происходит умеренное перераспределение благ сверху вниз; проводится партийная чистка. Убираются из номенклатуры все, кто неугоден. Усиливается информационная война с Западом. «Холодная война» должна вестись на грани горячей.

Существует легенда, что Брежнев был добрее и снисходительнее к инакомыслию, чем его соратники. Это сущая неправда. Он полностью поддерживал Андропова. При поддержке Брежнева последний активно проводил разного рода карательные акции против Солженицына, Ростроповича, Любимова, Чалидзе, Максимова, Красина, Литвинова, Буковского, Синявского, Даниэля. С его подачи был выслан из Москвы Сахаров, многие другие истинные патриоты страны, нашедшие в себе мужество выражать точку зрения, не совпадающую с официальной, оказались за рубежом.

По меткому выражению Дмитрия Волкогонова, при Андропове началась активная «кагэбизация общества». Кроме многочисленных предложений о конкретных людях, подлежащих преследованию, Андропов часто вносил на рассмотрение Политбюро разного рода вопросы, отражающие его позицию по «завинчиванию гаек». Меня, например, поразили его предложения «О лицах, представляющих особую опасность для государства в условиях военного времени». Андропов заранее готовил списки для арестов и лагерей. Ему принадлежит записка «О дополнении в перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну», что означало усиление давления на общество. Объяснялось это и общим политическим курсом, и тем, что Андропов выполнял волю ВПК, который был заинтересован в засекречивании всего и вся. Курсу на «завинчивание гаек» аплодировала номенклатура, привыкшая обделывать свои карьерные делишки в темноте.

Документы свидетельствуют, что Андропов активизировал деятельность по поддержке разного рода зарубежных террористических организаций, которые получали оружие, проходили подготовку в нашей стране и получали право на жительство в СССР после провалов терактов за рубежом. Вместе с руководством Минобороны он постоянно настаивал на увеличении поставок так называемого специмущества некоторым компартиям и родственным им организациям.

Советская система — уникальнейшая модель управления. Дело доходило просто до смешного. Приведу только один пример. Во времена Брежнева—Андропова на Политбюро

утверждались даже нормы кормления штатных животных органов МВД (собак, лошадей и т. д.). Рассматривались вопросы и такого характера: «О техническом обслуживании легковых автомобилей», «О поршнях танковых дизелей». Политбюро и КГБ вместе регулировали, кого награждать, кого поощрить, кого приблизить, кого нейтрализовать и запугать, кого просто купить.

Андропову приписывают какие-то элементы либерализма, стихи, мол, писал, любил авангардную живопись. Ну, и стихи писал, и, возможно, какую-то живопись не такую любил. Истории известны сентиментальные палачи, полные нежности к детям. Будучи образцовым продуктом сталинской системы, он просто лицемерил. В одном из своих докладов Андропов говорил, что Западу хочется, чтобы в СССР существовала хоть какая-то организованная оппозиция. И утверждал: «Советские люди никогда этого не допустят и сумеют оградить себя от ренегатов и их западных защитников». Вот так! Любую оппозицию, любое инакомыслие Андропов считал ренегатством. Впрочем, сталинско-андроповские ученики живы и сегодня, обретают «новое дыхание», явно повеселели.

Это при Андропове была резко расширена специальная структура (Пятое управление), следящая за настроениями среди интеллигенции, структура, которая предлагала время от времени очищать ряды советского народа от злых духов инакомыслия, структура, которая культивировала страх. Она, правда, иногда и обласкивала, но чаще била по голове.

Андропов твердо стоял на позициях сталинизма. Вся его жизнь — тому пример. Приведу только один случай из моей практики. Когда премьер-министр Канады Трюдо обратился к нему с просьбой о снисхождении к Щаранскому, Андропов ответил очень жестко, ответил человеку, который был хорошо настроен к нашей стране. В письме было сказано, что «нам нет необходимости доказывать свою гуманность, господин премьер-министр. Она заключена в самой природе нашего общества». Вот Андропов — он весь тут. Гуманность, оказывается, «заключена в самой природе нашего общества». Вроде не дурак, а нес околесицу.

— А мне говорили, что Андропов — гибкий политик, — заметил Трюдо в беседе со мной после получения этого ответа.

О положении в стране Андропов знал больше других. На всех номенклатурных уровнях — воровство, коррупция, пьянство, безделье, непрофессионализм. Все это распространялось со скоростью лесного пожара. Но системный анализ происходящего был ему не по плечу. Кажется, он понимал, что факт первичен, а принцип — вторичен, что нет и не мо-

жет быть науки о том, чего нет. И все же как большевик-догматик он верил в утопию «рая земного». «Комиссары в пыльных шлемах» были для него идеалом, а Ленин — иконой. Андропов нацелился на ЦК, на кабинет Генсека, но там сидел Брежнев, кумир номенклатуры и ставленник ВПК. Даже если бы Брежнева парализовало, члены ПБ лично и бережно носили бы его на руках из машины в генсековское кресло и обратно.

Когда я работал в Канаде, мне приходилось много читать и слушать о том, что происходит у нас в стране. Американская и канадская пресса в ярких красках расписывала деградацию общества и государства. Особенно всякие темные делишки то Щелокова, то похождения брежневской дочери Галины, то пьянство сына — Юрия, которого по прибытии, допустим, в Финляндию, выносили из вагона, а при отбытии — вносили. Выносом-вносом командовала смазливая деваха, перед которой стелилась вся начальственная часть советской общины в Хельсинки. По канадскому и американскому телевидению нескончаемо показывали грязь, пьянство, убожество в Москве и провинциях. Смаковался маразм вождей-геронтократов, особенно Брежнева, Пельше, Кириленко. Зная наши нравы и принципы дезинформации, уверен, что какая-то часть этих сведений инициировалась ведомством Андропова.

Брежнев не строил иллюзий насчет своих коллег и, как опытный слесарь-наладчик партийного аппарата, постоянно отлаживал систему противовесов. Противовесом Андропову он сделал Суслова, зная о неприязни их друг к другу. Когда наказывали инакомыслящих, Суслов одобрительно молчал, но когда затрагивалась партноменклатура, «серый кардинал» сразу же начинал говорить об особой ценности партийных кадров и социалистической законности, которую «никто не смеет нарушать».

Брежнев демонстрировал доверие Андропову. Но оно было слишком показным. Я это помню по разговорам в Завидове, когда мы готовили для Брежнева разные речи. Начисто игнорируя замечания по этим речам многих своих коллег, особенно Подгорного, Шелеста, Кириленко, Демичева, Капитонова, Русакова, да и других, он в то же время без обсуждения принимал практически все поправки Андропова (кстати, как и Суслова). И тем не менее заместителями Андропова Брежнев назначил преданных ему людей — Цинева и Цвигуна.

В то время в аппарате ЦК широко ходили рассказы о борьбе Андропова со Щелоковым. Андропов пишет Брежневу записку о неблагополучии в МВД, о воровстве и коррупции, упомянув и о том, что обстановка в этом ведомстве компрометирует, пусть и косвенно, некоторых членов семьи Брежнева. Кроме того, Андропов боялся, что Брежнев на его место поставит Щелокова. По крайней мере, в аппарате ЦК об этом говорили в открытую. В этих условиях Брежнев подкрепил своего дружка Щелокова, министра МВД, своим зятем Чурбановым, назначив его первым заместителем министра. Чурбанов в то время оказался Андропову не по зубам. Но и Андропов был нужен Брежневу. Вся номенклатура знала, что Андропов докладывает о ней «всякую всячину» непосредственно Брежневу.

Щелоков, надо сказать, знал свой шесток. МВД без передыху шерстило бедных бабок, пытающихся продать у метро пучок редиски или лука, мелких теневиков, мелкое начальство. Но особенно торгашей. Каждый советский торгаш был сформирован властью для воровства. Обсчет, обвес, усушка, утруска, пересортица, списание товаров, стеклобой, левый товар и вечный дефицит на все. Даже то, что было в избытке, советские торгаши наловчились делать дефицитом. Вообще, советская торговля — явление уникальное. «Передовой» общественный строй породил огромную прослойку, в которой почти все были ворами. Любого торгаша можно было сажать, но поскольку он политикой не интересовался, на выборы и разные собрания ходил аккуратно, то им занималась милиция, а не чекисты. Отбивались торгаши, как и сегодня, взятками. При Щелокове милиция стала уголовно-вымогательной: в одном месте дадут на бутылку, в другом — поставят выпивку с закуской, в третьем — наложат сумку продуктов, в четвертом — одарят дефицитом. Впрочем, в основе своей она остается таковой и до сих пор, только размеры взяток возросли многократно.

Надо сказать, что Андропова беспокоила дисциплина и в самом КГБ. О том, как он реагировал на проступки своих работников за рубежом, я знаю из своего опыта работы в Канаде. Однажды работник КГБ напился и по дороге в Монреаль врезался в ограду фермерского дома. Фермер вызвал полицию. Кагэбиста отправили в тюрьму. Там он начал протестовать, ссылаясь на дипломатическую неприкосновенность, которой не обладал, а затем, совсем одурев, дал концерт русской песни. Орал на всю тюрьму. Канадские власти попросили меня отправить «солиста» домой, чтобы избавить обе стороны от публичного скандала. Резидент советской разведки всячески настаивал на том, чтобы кагэбист остался, утверждая, что все произошедшее — провокация канадских властей, что они хотят расправиться с советской разведкой

советскими же руками и т. д. Но я как посол не мог допустить официального расследования этого случая канадскими властями. Поэтому я поручил офицеру по безопасности отправить незадачливого вокалиста домой и сообщил об этом в Москву. К моему удовлетворению, Андропов наложил на телеграмме строгую резолюцию в адрес соответствующих служб и поддержал мое решение.

Бесспорно, наши разведчики за рубежом немало сделали полезного для страны. Но какая-то часть из них, проводя большую часть времени на Западе под прикрытием дипломатических паспортов или под крышей разных ведомств, привыкала к обеспеченной материальной жизни. Стараясь подольше продержаться за рубежом, некоторые из них нередко занимались сочинением откровенной «туфты», в том числе и на основе статей из местных газет. В Москву шли потоки дезинформации. Сложилась, как рассказывали мне бывшие работники посольства из «ближней» и «дальней» разведок, система информационного хаоса.

Этот короткий рассказ о некоторых сторонах деятельности КГБ я сделал с одной целью: показать, что в этом ведомстве была такая же ситуация, как и во всей стране. Коррупция, обман, дезинформация. Поэтому надежды Андропова на то, что спецслужбы могут стать его опорой в осуществлении идеи «нового порядка» в России, были, по меньшей мере, иллюзиями.

Лично Андропов, как я полагаю, не был втянут в коррупцию. Но он много знал о коррупции при Брежневе вообще и вокруг Брежнева в частности. Кумовство, взяточничество, казнокрадство в той или иной мере поразило почти всю номенклатуру. Пример подавала Москва, ее хозяин Гришин. При нем горком стал своего рода пунктом приема взяток и всяческих подношений. Ельцин, сменивший Гришина, пришел, по его словам, в ужас от царивших там порядков. Видел это и Андропов. Но последнему порой напоминали, что главной задачей КГБ является охрана номенклатуры, а не надзор за ее нравственностью.

Номенклатурный фокус состоял в том, что Гришин, будучи членом ПБ, да еще с жестким характером, взял московское городское и областное управление КГБ под свое крыло. Понятно, что подобная конфигурация подчиненности не нравилась Комитету госбезопасности, и он не пропускал случая «поймать за хвост» городские власти. Горбачев был не в ладах с Гришиным. И как только последний отъехал в отпуск, Горбачев, будучи практически вторым человеком в партии при Черненко, поручил соответствующим органам изучить

дачные дела работников городской номенклатуры, что и было сделано. Гришин всполошился. Я был у Горбачева в кабинете, когда позвонил Гришин, у них состоялся очень долгий и нервный разговор.

— Что вы заволновались, Виктор Васильевич? Если там все в порядке, то и отдыхайте спокойно.

— Почему начали проверку без меня? Это я расцениваю как недоверие.

Разговор был каким-то нелепым и напряженным. Горбачев настаивал на проверке, Гришин требовал отменить ее. Закончилось тем, что оба решили доложить свое мнение Черненко. Горбачев настоял на своем. Стало ясно, что мира между этими людьми уже не будет никогда.

В 1976 году Брежнев перенес тяжелейший инсульт. Полезла наружу мания величия — отсюда орденодождь, звезды Героя Советского Союза и Героя соцтруда, орден «Победы», золотое оружие, Ленинская премия по литературе. Номенклатура торжествовала. Она просто мечтала именно о таком, впавшем в детство генеральном секретаре. Андропов объективно оказался близок к своей мечте. Поговаривали о сделке: за Брежневым остается номинальный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а пост Генерального секретаря переходит к Андропову. Председателем Совета Министров становится Кулаков. Я помню, как в западных газетах замелькало имя Федора Давыдовича.

Удар был внезапен: в ночь на 17 марта 1978 года Кулакова не стало. Якобы он вскрыл вены, по другим слухам — застрелился. Горбачев в своих мемуарах написал, что в 1968 году Кулакову удалили часть желудка, что здоровье уже не выдерживало его образа жизни и связанных с ним нагрузок... «Он умер неожиданно, остановилось сердце, — пишет Горбачев. — Мне рассказывали, что в последний день в семье произошел крупный скандал. Ночью с ним никого не было. Факт смерти обнаружили утром».

У меня нет сомнения, что Горбачев пишет то, что знает. Да и злоупотребление выпивкой за Кулаковым действительно числилось. Но я слышал и иное... В частности о том, что Кулакова в обход Андропова убрали люди Щелокова. Щелоков, кстати, ненавидел и Горбачева за его близость к Андропову. Когда Андропова не стало, а Черненко более всего волновало как бы дыхнуть еще раз, МВД возглавил Федорчук. Он заявил в кругу свиты, что Горбачева надо убрать. Против Горбачева было организовано несколько провокаций с целью притормозить его движение во власть. Думаю, что этим занималось черненковское окружение.

С большим интересом я узнал, что Андропов четко делил партию на большевиков и коммунистов. По свидетельству Александрова — помощника Андропова, Юрий Владимирович говорил, например, что Арбатов — коммунист, но не большевик. Своими он считал несгибаемых большевиков-фундаменталистов, а коммунисты, по его мнению, постоянно хворали то ревизионизмом, то оппортунизмом, то соглашательством. Он был знаком с опытом некоторых европейских компартий, вынужденных считаться с жизнью и приспосабливаться. Он критиковал их, как только мог.

Я лично думаю, что, поживи еще пару лет Суслов, Андропова бы отодвинули от политики. И Брежнев его опасался, поэтому сразу же после смерти Суслова он убрал Андропова из КГБ и взял под присмотр поближе к себе. А в КГБ назначили преданного Брежневу Федорчука. Поболтался он там совсем немного, и его задвинули в МВД вместо Щелокова, а потом он вообще исчез. Маху дал Леонид Ильич: КГБ как был, так и остался под Андроповым. А теперь и весь аппарат ЦК под ним оказался: ему поручили вести Секретариат. Он стал вторым человеком в партии и государстве, а фактически, как до него Суслов, — первым.

Еще раньше, придя в ЦК после венгерской авантюры, Андропов сблизился с Устиновым. Кровь в Будапеште — на их руках. Их дружба окрепла, когда Андропов оказался руководителем КГБ, а Устинов — министром обороны. Обоим эта дружба была выгодна.

Об Устинове надо сказать поподробнее, ибо он был равновеликой Андропову фигурой. Яркий представитель военно-промышленного комплекса. Авторитетен в этих кругах. Сначала сталинский министр по вооружениям, потом секретарь ЦК по тем же делам, затем — министр обороны и член Политбюро. По всем позициям был тесно связан с КГБ, к тому же имел и свою разведку — Главное разведуправление. Минобороны и КГБ не ладили между собой, но когда во главе этих ведомств оказались Андропов и Устинов, все пошло по-другому. Они фактически решали все важнейшие государственные дела.

Устинов был очень противоречив. Однажды на Секретариате ЦК он поднял вопрос о репродукции в журнале «Журналист» картины Герасимова. Там была изображена обнаженная женщина. И сколько Устинову не пытались втолковать, что это не фотография, а репродукция картины из художественной классики, что она экспонируется в Третьяковке, ничего не помогло. «Это порнография, а журнал массовый», — говорил он. Устинов настоял на освобождении

главного редактора журнала Егора Яковлева от работы. Я не был на этом секретариате. Отдыхал где-то. Когда вернулся, ко мне зашел Егор, уже безработный. Так случилось, что во время нашего с ним разговора мне позвонил Суслов, кажется по поводу юбилея Маркса. Выслушав его, я сказал Суслову, что у меня сейчас Егор Яковлев, ему надо работать, есть такое предложение назначить его спецкором «Известий».

— Вы хорошо его знаете? — спросил Михаил Андреевич.

— Да.

— Ну что ж, давайте.

Об Устинове много можно рассказать, причем разного, но ограничусь еще парой примеров. Обсуждался вопрос о неблагоприятной обстановке в Туле. Жители города жаловались на то, что городской транспорт работает из рук вон плохо, ребятишек в детские сады не берут, снабжение в городе отвратительное, в магазинах ничего нет, бывают перебои даже с хлебом. КГБ докладывал, что там дело идет к открытым волнениям.

Секретари ЦК начали в своих выступлениях резко критиковать руководство области, которое, оправдываясь, утверждало, что денег у них нет, лимиты на продовольствие очень низкие, автобусный парк устарел. Вдруг секретарь ЦК Кириленко — полуграмотный человек бульдозерного типа — начал поворачивать вопрос в сторону пропагандистской мифологии, очень часто служившей сточной канавой, по которой удобно было спускать любые реальные, но трудноразрешимые дела. Кириленко повел речь о том, что все дело в плохой работе агитаторов. Они оторвались от людей, не объясняют им причины возникших трудностей.

— При чем тут агитаторы? — взорвался Устинов. — За хлебом и молоком очереди, а агитаторы должны говорить людям, что это нормально? Рабочие, чтобы добраться до завода и вернуться домой, тратят по пять часов в день, а пропагандисты должны уверять людей, что тульский автобусный парк — лучший в мире? Давайте не уходить от проблемы и решать ее конкретно и по существу.

И еще один эпизод. Я уже работал послом в Канаде, а Устинов был министром обороны. Как-то один из наших дипломатов познакомился на хоккее с человеком, назвавшимся Сапрыкиным. Он рассказал о себе следующее. Отечественная война. В одном из боев он был тяжело ранен и оказался в плену. Госпиталь был расположен в западной части Германии. Так получилось, что Сапрыкину попалась наша газета, в которой говорилось о его героическом подвиге, о том, что он погиб, ему присвоено звание Героя Советского Союза, его

именем названа школа в его родном селе. Сапрыкин побоялся возвращаться, до него доходили разговоры о преследовании военнопленных. Испугался и за родственников. Подумывал о встрече с кем-то из посольства. На хоккее услышал русскую речь и решился подойти к нашему сотруднику.

Конечно, мимо этой информации пройти было нельзя. Побывали у Сапрыкина в гостях, увидели, что он собирает литературу о войне, покупает мемуары, воспоминания. Да, числится погибшим. Кто-то из участников боя видел его бездыханным. Я направил телеграмму в Москву. Предложил организовать вручение Золотой Звезды Героя в Торонто, сделать из этого факта серьезное политическое и нравственное событие. МИД и КГБ согласились. Доложили Устинову.

— Среди пленных героев не бывает. Ответьте, что Сапрыкин попал в списки награжденных ошибочно, — заявил Устинов.

Вот так, в привычном советском стиле и оскорбили человека. Сапрыкину мы не сказали, что его лишили звания Героя. Так и умер человек, не дождавшись с Родины благодарной весточки.

Андропов и Устинов были основной опорой власти Брежнева, хотя затаенные мечты были разными. Все они, да еще Суслов, пестовали Горбачева, поддерживая его на разных ступенях карьерной лестницы. У них были на то достаточно веские основания. Молод, образован, энергичен.

Сам Горбачев утверждает иное.

«Особенно много невероятного придумано в попытках объяснить, как удалось человеку из народа возглавить государство, пройти все ступени иерархии, — пишет он в своих воспоминаниях. — Тут фантазия некоторых авторов не знает удержу. Разрабатывая тему «покровителей», утверждают, якобы наша семья по линии Раисы Максимовны связана родственными узами с Громыко, Сусловым, знатными учеными и т. д. Все это досужие выдумки. Мы сами сотворили свою судьбу, стали теми, кем стали, сполна воспользовавшись возможностями, открытыми страной перед гражданами».

Ох уж этот штамп «человек из народа». Что сие означает? Народ — это кто? Пушкин, величайший из россиян, — не из народа? А вот Сталин, Брежнев, Хрущев откель взялись? Сами сотворили свою судьбу?

В сентябре 1978 года, направляясь в Баку, Брежнев, сопровождаемый Черненко, сделал остановку на железнодорожной станции Минеральные Воды. Их встречали Андропов и Горбачев. Это была историческая встреча. На северокавказской железнодорожной станции сошлись четыре

генсека — действующий и все будущие. Вопрос о переводе Горбачева в Москву был практически предрешен. В своих мемуарах Михаил Сергеевич лирически описывает эту встречу — и горы, и звезды, и теплую звездную ночь и прочее.

«Об этой встрече много потом писали, и вокруг нее изрядно нагромождено всяких домыслов... Пленум ЦК КПСС открылся в 10 часов... Начали с организационных вопросов. Первым Брежнев предложил избрать секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Назвал мою фамилию, сказал обо мне несколько слов. Я встал. Вопросов не было. Проголосовали единогласно, спокойно, без эмоций... Когда пленум завершил работу, вернулся в гостиницу. Меня ждали: «В вашем распоряжении ЗИЛ, телефон ВЧ уже поставлен в номер. У вас будет дежурить офицер — все поручения через него...» Я воочию убедился в том, как четко работают службы КГБ и Управление делами ЦК КПСС».

Да, службы КГБ работали четко и для «человека из народа», и с самим народом. Знаю это по себе. Как только меня избрали в ПБ, домой меня увезла уже другая машина вместе с охраной, но как только Горбачев принял мою отставку, машину отобрали сразу же, а освободить дачу велели к 11 часам утра следующего дня.

Размышляя о фигуре Андропова, хочу затронуть и проблему, которая особенно болезненна для меня, проблему национализма. Время от времени мы, в отделе пропаганды, собирали письма о местном национализме и направляли их руководству партии. Равно как и сигналы о шовинистических действиях и высокомерном поведении русских чиновников в национальных республиках. У меня сложилось впечатление, что Андропов видел опасность великодержавного шовинизма и местного национализма. В то же время проблема национализма ловко использовалась КГБ на международной арене. Например, в афганской авантюре. Андропов пугал Политбюро тем, что США намерены перебазироваться из Ирана в Афганистан. В этом случае перевооруженная афганская армия тут же начнет провокации на наших границах, используя националистические настроения и мусульманский фактор в южных регионах Советского Союза. «Последствия такого поворота трудно себе представить», — писал Андропов. Республики Средней Азии и Азербайджан удержать в составе СССР будет невозможно. Андропов утверждал, что необходимо срочное противодействие американским планам проникновения в Афганистан. Срочно распространили версию, что Амин — агент ЦРУ, завербованный путем шантажа

из-за своих гомосексуальных наклонностей. Постоянным куратором афганской авантюры оказался Крючков. Он регулярно ездил туда, включая и горбачевское время, всячески затягивал агонию войны, докладывая руководству страны «об успехах» кабульских марионеток в борьбе с американскими «наймитами».

Война в Афганистане позволила Андропову начать новый виток политических преследований. Андрея Сахарова насильственно высылают в закрытый для иностранцев Горький. Прокатилась волна арестов, таинственных убийств. Закрутилось дело «семьи Брежнева», прежде всего связанное с дочерью Галиной. Нет нужды объяснять, чей приказ выполняли чекисты. А еще совсем недавно Андропов распространял другую версию. Однажды, еще будучи послом в Канаде, я во время отпуска попросился на прием к нему — согласовать смену его работников. Кадровые вопросы были решены быстро. Вдруг он вспомнил мою статью «Против антиисторизма», из-за которой я был отправлен в Канаду. Юрий Владимирович сообщил, что КГБ арестовал одного из журналистов, проповедующего шовинизм и антисемитизм. Я критиковал его в своей статье. Напоминание о статье звучало как ее поддержка. В свою очередь я затронул проблему общественных наук, творческое начало которых задавлено догматизмом. Упомянул, что наиболее активным охранителем воинствующего догматизма является Сергей Трапезников — заведующий отделом науки ЦК. Андропов слушал меня сочувственно, имя этого чиновника было у всех на слуху, но промолчал. Трапезников был близок к Брежневу. Саму тему об общественных науках я затронул по подсказке моих друзей — академиков Арбатова и Иноземцева, учитывал также, что в то время Андропов числился «прогрессистом».

Затем в беседе Андропов произнес озадачившую меня тираду: «Что-то уж слишком разговорился служивый люд. Болтают много. Например, распространяют сплетни о семье Леонида Ильича, особенно о дочери Галине. Говорят о взятках, коррупции, пьянстве сына Юрия. Все это ложь». Конечно, Андропов лукавил, но я терялся в догадках, зачем этот разговор он затеял именно со мной. То ли на что-то намекал, то ли хотел испытать меня на реакцию, то ли еще что-то. Только потом понял, откуда прилетела эта сорока. Дело в том, что во время завтрака с Олегом Табаковым, посетившим Канаду, я услышал от него историю о бриллиантах, связанную с брежневской семьей. Беседа была с глазу на глаз, но состоялась в помещении нашего консульства в Монреале. Контроль за служивым людом и всеми остальными был тотальным, а при Андропове еще больше ужесточился. Подслушали и доложили.

Вскоре случилось непереносимое для Брежнева: умер Суслов. Де-факто главный человек в партии. С его смертью равноценного противовеса Андропову не оказалось. Партноменклатура потеряла самого могучего своего защитника. Но для Андропова наступил звездный час. Он медленно, но неуклонно идет к своей цели. В считанные недели становится фактическим хозяином в Политбюро. Рядом с ним — Горбачев. Мощный тандем. Нет сомнения, что Андропов и Горбачев были на голову выше остальных старцев. И с полуслова понимая друг друга, начали готовиться к чистке номенклатуры на всех уровнях. Но осторожность сдерживала — Брежнев был еще жив, хотя вся власть была в руках Андропова: большевики и чекисты как бы слились в одном порыве. Чекистское ЦК и большевистское ЧК откровенно ликовали, что наконец-то к ним переходит полный контроль над страной. Сбывается и мечта Ленина: каждый чекист — коммунист, а каждый коммунист — чекист.

По канадскому телевидению показали, и не один раз, трибуну Мавзолея в день 7 ноября 1982 года. Там стояли старцы, а среди них совсем немощный человек. Его упорно показывали крупным планом — безжизненный и бессмысленный взгляд беспредельно уставшего человека. Тяжело дышит, еле поднимает руку, еле стоит. Было видно, что дни его сочтены. Комментаторы ехидничали, а мне было жаль этого человека. Так и хотелось крикнуть окружавшим его вершителям судеб страны: «Ну что же вы его мучаете? Отпустите, ради Бога, на покой».

Молва гласит, что с трибуны его уводил Андропов. Через три дня Брежнева не стало. О его смерти я узнал вовсе не из телеграммы МИДа, как это принято в нормальных государствах, в которых посол — во всех отношениях посол. Сижу вечером в сауне. Стук в дверь. Входит офицер по безопасности Балашов в зимнем пальто и шапке, извиняется за вторжение, но говорит, что дело срочное. Ну, думаю, опять кто-то сбежал или кого-то высылают за шпионаж. Посетитель был взволнован, лицо бледное. Наклонился к моему уху и шепчет:

— Брежнев умер.

— Но почему же вы шепотом говорите, ведь он же умер?

— Страшно как-то.

— Почему? Ведь сейчас к власти придет ваш начальник.

Он посмотрел на меня удивленно, повеселел и откланялся. Посольство получило телеграмму о смерти Брежнева только утром, когда об этом уже говорили по всем международным

каналам телевидения и радио. И снова вопрос — у кого была реальная власть? Сообщения о всех важнейших событиях в стране первыми получали работники КГБ, а потом уже чиновники МИДа. Иногда в телеграммах «соседям», как называли разведчиков, стояли унизительные слова: «ознакомьте посла».

Новым Генеральным секретарем ЦК единогласно назначили Андропова. Итак, Андропов осуществил давнюю мечту чекистов порулить самим. Раньше не получалось: после Ленина на пути чекистов встал «вождь» номенклатуры Сталин, на пути Берии — «вождь и друг» партаппарата Хрущев. На пути же Андропова стоял лишь один Черненко, но перешагнуть его было делом пустяковым.

О захвате Старой площади на моей памяти мечтал еще «железный Шурик» — Александр Шелепин. Он сумел скинуть Хрущева и поставить на его место Брежнева. Но засуетился. Пошел в атаку на Суслова, чем и насторожил Брежнева. Ну как тут не вспомнить слова легендарного Хрущева, сказанные на одном широком собрании в Кремле: «Государство вести — не мудями трясти!» Весь зал смеялся до слез.

С чего начал Андропов, помнит большинство ныне живущих. Я уже писал об этом. С отлова женщин в парикмахерских, мужчин — в пивных, с проверок прихода и ухода на работу. Чиновники затряслись: у каждого должностишка, может быть, и так себе, но не пыльная и с властью связанная. Начали арестовывать и расстреливать крупных воров: «сочинское дело», «икорное дело», «торговое (трегубовское) дело» в Москве, «хлопковое дело» с самоубийством Рашидова, «милицейское» дело с самострелом супругов Щелоковых. Дело Георгадзе, который секретарствовал в Президиуме Верховного Совета еще при Сталине. На очереди были Гришин, Промыслов, Кунаев, чуть ли не половина работников ЦК и Совмина.

Один из работников военной разведки рассказывал мне, что генералы, униженные Афганистаном, вынашивали идею ввести во всех странах Варшавского Договора, включая и СССР, военное положение по образцу Польши. Но после кончины Андропова надо было заметать следы намечаемой авантюры.

2 декабря 1984 года в результате «острой сердечной недостаточности» скончался член Политбюро ЦК СЕПГ, министр национальной обороны ГДР генерал армии Гофман.

15 декабря. На 59-м году жизни в результате «сердечной недостаточности» скоропостижно скончался член ЦК ВСРП, министр обороны ВНР генерал армии Олах.

16 декабря. На 66-м году жизни в результате «сердечной недостаточности» скоропостижно скончался министр национальной обороны ЧССР, член ЦК КПЧ, генерал армии Дзур.

20 декабря скончался член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Устинов.

Подобно Сталину, Андропов болезненно переносил разные анекдоты и слухи о себе. Ему приписывали убийства Кулакова и Машерова, само собой — смерть Цвигуна и Брежнева, покушение на папу римского, убийство болгарина Маркова, покушение на Рейгана и многое другое. Доказательств не было, но слухи прилипчивы.

Но что бы там ни было, он достиг своей цели. В известной мере на какое-то время с двоевластием было покончено. Впервые с 1917 года власть в стране захватил шеф тайной полиции. Этого побаивался Ленин, косо поглядывая на Феликса. Этого боялся и Сталин, считая за благо не мудрить особо, а время от времени расстреливать шефов тайной полиции вместе с их многочисленным аппаратом. О высшей власти мечтал и Берия, заплатив за свое тщеславие жизнью.

А вот Андропова можно назвать «состоявшимся Берией». Последний хотя и был изворотливее своих коллег по Политбюро, но не уберег свою голову. Андропов сделал разумные выводы из уроков Берии, до поры до времени сильно не высовывался. Он до сих пор в чести у власти и какой-то части простых обывателей. Бил по людям, но не по Системе, то есть по-сталински. А людям с улицы вообще нравится, когда начальство лупят. Андропов, как и Сталин, не мог понять, что хоть половину населения посади в тюрьму или сошли в лагеря, все равно коррупция, воровство, казнокрадство останутся. Да и казарму размером в целую страну соорудить было уже невозможно. Поэтому его усилия были, по меньшей мере, тщетными и бесплодными.

Время Черненко прошло бесцветно. Следа не оставило. Шла подковерная перегруппировка сил. Ни одна из сторон не предпринимала каких-либо активных действий на поражение, хотя КГБ по заведенному порядку продолжал держать в своих руках кадровые нити управления. К этому надо добавить, что Виктор Чебриков — новый председатель КГБ, не являлся сторонником перехода власти к полиции. Его вполне устраивало сложившееся двоевластие.

Другое дело Крючков. Он по-собачьи был предан Андропову. И как ни притворялся после смерти Андропова прогрессистом, все равно, в конце концов, истинная натура вылезла наружу — натура злая и лживая. Решил слазить наверх, причем сразу в «вожди», но угодил в тюрьму. Кстати,

будь он деятелем помасштабнее и поумнее, неизвестно, чем бы все закончилось в августе 1991 года. Может быть, и андроповским вариантом санитарной чистки номенклатуры, хотя всего вероятнее — заменой Старой площади на Лубянку.

Впервые о Крючкове я услышал в период работы Андропова на посту секретаря ЦК и одновременно заведующего отделом по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Он был помощником Андропова. Там же работали консультантами Георгий Арбатов, Александр Бовин, Олег Богомолов, Николай Шишлин и немало других незаурядных людей. В результате многочисленных реплик и дачной болтовни, а мы часто работали вместе в партийных особняках за городом, уже тогда у меня создалось впечатление, что Крючков является «серой мышкой» аппарата, служкой без особых претензий. Со всеми вежлив, пишет коряво, вкрадчив и сер, как осенние сумерки. А серые люди склонны принимать себя всерьез, а оттого и комичны, но и опасны. Крючков даже лавры, которые натягивали на его голову, принимал всерьез, не соизмеряя их с размерами собственной головы.

Остатки «вечно вчерашних» сил, группировавшихся вокруг Крючкова и кучки военных и партийных фундаменталистов, лихорадочно пытались приостановить крах большевизма, чтобы сохранить власть. Кое-что получалось, но далеко не все. Еще до мятежа 1991 года РКП, выделившаяся из КПСС при прямой поддержке КГБ, стала быстро плодиться. В метрике о рождении Либерально-демократической партии говорилось:

«Управление делами ЦК КП РСФСР, действующее на основании положения о производственной и финансово-хозяйственной деятельности, в лице управляющего делами ЦК т. Головкова, с одной стороны, и фирма «Завидия» в лице президента фирмы т. Завидия, именуемая в дальнейшем «Фирма», с другой стороны, заключили договор о нижеследующем: Управление предоставляет «Фирме» временно свободные средства (беспроцентный кредит) в сумме 3 (три) миллиона рублей».

Жириновский выдвинул себя кандидатом в Президенты России, а вице-президентом назвал Завидия, именуемого в договоре «Фирма». Я помню, как во время перерыва между заседаниями какого-то очередного собрания члены ПБ сели пообедать. Михаил Сергеевич был хмур, молча ел борщ. Поднялся Крючков и сказал примерно следующее: «Михаил Сергеевич, выполняя ваше поручение, мы начали формировать партию, назовем ее по-современному. Подобрали несколько кандидатур на руководство». Конкретных фамилий Крючков не назвал. Горбачев промолчал. Он как бы и не слышал, а может быть, и действительно ушел в себя.

А вот что рассказывает по этому поводу Филипп Бобков («Диалог», № 10, 2000): «В русле идей Зубатова ЦК КПСС предложил создать псевдопартию, подконтрольную КГБ, через которую направить интересы и настроения некоторых социальных групп. Я был категорически против, это была чистая провокация». Тогда за это взялся сам ЦК. Один из секретарей партии занимался этим. Так они «родили» известную либеральную демократическую партию и ее лидера, который стал весьма колоритной фигурой на политическом небосклоне». Лукавит Филипп Денисович. Партию создавали совместными усилиями ЦК и КГБ. Да и название, по моим догадкам, придумал Бобков. Удачное, кстати сказать, название.

К этому времени страну уже душила талонная система. Фактически на многие виды продуктов были введены карточки, как в годы войны. Обстановка сложилась благоприятной для КГБ. Чекисты были свободны в своих действиях. Крючков пытался придумать новый ярлык, чтобы заменить скомпрометированное понятие «враг народа». Да так, чтобы его можно было налепить на кого угодно: от уборщицы до академика и даже члена Политбюро. И наконец, вытащил из кагэбистского запасника древний ярлык — «агент влияния». Данное словосочетание собирался внедрить в общественное сознание еще Андропов, но не успел. Крючков же, видя, как почти вся страна превращалась в гигантского «агента влияния», попытался насытить его конкретикой, но все закончилось очередным конфузом. На самой Лубянке развелось «агентов влияния» больше, чем где бы то ни было.

Коснусь еще одного вопроса. Когда начиналась Перестройка, я лично возлагал определенные надежды на то, что Запад найдет возможным облегчить тяжелый переход России от тоталитаризма к демократии. Конечно, я не ожидал «манны небесной», но надеялся на здравый смысл западных политиков. Но этого не произошло. Не исключаю, что западные спецслужбы располагали информацией, что КГБ и его фундаменталистская опора в КПСС планируют вернуть свою власть. Эта надежда вылилась в мятеж, о котором американцы предупредили Горбачева заранее. Все это тоже сдерживало Запад, когда речь заходила о возможной экономической помощи СССР и России. Кроме того, военные промышленники в США были вовсе не против усилий военно-промышленных кругов в СССР и их родных братьев — спецслужб,

направленных на сохранение гонки вооружений. Впрочем, в частном порядке было немало энтузиастов, желающих помочь нам.

Последние годы горбачевского правления были временем постоянных кризисов: то табачного, то мыльного, то еще какого-нибудь. Я уверен, что эти кризисы не были случайными. Они создавались теми, кто выступал против Перестройки. Особенно мне запомнилась история с мылом и стиральным порошком. Вдруг в стране не оказалось этих товаров. Шум, гам, статьи в газетах. Горбачев выносит вопрос на Политбюро. Идет обсуждение, принимается какое-то решение, Горбачева заверяют, что все будет в порядке. Однако положение остается прежним. Снова Политбюро. Повторяется все с самого начала. Горбачев в бешенстве. Опять Политбюро. Михаил Сергеевич ужесточает свои высказывания. Спрашивает, в чем же дело? Может кто-нибудь сказать, что же происходит?

И тут Александра Бирюкова, секретарь ЦК по легкой и пищевой промышленности, с наивным удивлением ответила:

— Так, Михаил Сергеевич, мы же десятки заводов, производящих эту продукцию, закрыли.

— Как закрыли? — с не меньшим удивлением и даже с растерянностью спросил Горбачев.

— Из экологических соображений. Протесты жителей.

Михаил Сергеевич был буквально подавлен. Но вывода, что за этим стоит не простое разгильдяйство, а политические махинации, не сделал и на этот раз. Хотя, по моим данным, митинги с требованием закрытия подобных предприятий проходили под «благожелательным контролем» местных КГБ.

Длинную историю имеет проблема конверсии. Она не один раз обсуждалась на Политбюро и на Президентском совете — и все без толку. ВПК вертелся как на шиле, но все же устоял, поскольку кукловодом ВПК были спецслужбы. Расходы на вооружения продолжали расти почти теми же темпами, что и раньше. Аргумент был один — конверсия дороже расходов на производство оружия. Я убежден: бездействие в области эволюционной демилитаризации нанесло огромный ущерб демократическим преобразованиям. Это сейчас признает и Михаил Сергеевич.

Однажды я внес предложение о том, чтобы самолеты Аэрофлота, обслуживающие эмигрантов-евреев, летали прямыми рейсами в Тель-Авив, а не через Вену. Договорился с министром гражданской авиации. Но мое предложение было отклонено. Во всех этих случаях с Израилем не обошлось без вмешательства КГБ, который упорно отвергал любые попытки улучшения отношений с этой страной, ссылаясь на политические интересы СССР. Влияние КГБ в подобных случаях было сильнее, чем мнение аппарата ЦК.

Не буду перечислять другие факты. Повторю лишь, что КГБ оставался достаточно мощной организацией, чтобы тормозить реформы. Централизованное управление умирало на глазах. Но его верные адепты продолжали поддерживать уже потухший огонь, старались всеми силами удержать позиции экономической власти — все планировать и все распределять. Система сопротивлялась всеми силами и на всех уровнях, а ее основной пружиной на фоне слабеющей партии становились спецслужбы, чем и объясняется, что они оказались во главе мятежа в августе 1991 года.

Видимо, мы, реформируя Систему, не учли одного решающего обстоятельства, я бы сказал, специфического для системы двоевластия. Ослабляя власть партийного аппарата, надо было одновременно снижать силу открытого и тайного влияния аппарата КГБ на политические решения. Руководители КГБ ловко использовали этот просчет. Они начали активно окружать Горбачева своими людьми и компрометировать тех, кто им мешал. Активно собирались досье на наиболее известных деятелей демократического крыла в обществе — Г. Попова, А. Собчака, С. Станкевича, В. Коротича, Е. Яковлева и многих других. Спецслужбам удалось спровоцировать ряд антиперестроечных провокаций: в Сумгаите, Фергане, Алма-Ате, Вильнюсе, Риге, Тбилиси. Были проведены спецоперации в армии по формированию там антиправительственных настроений. У руководства Перестройкой, таким образом, была одна линия, а у КГБ — противоположная.

О том, что КГБ удавалось удерживать систему двоевластия еще и при Горбачеве, свидетельствует такой пример, причем далеко не единственный. Где-то в конце апреля — начале мая 1988 года возник вопрос о возвращении в СССР знаменитого режиссера Театра на Таганке Юрия Любимова. Я позвонил в КГБ, поскольку возражения шли с той стороны. Там категорически возражали. Сейчас я уже не помню их аргументы. И все это происходило в обстановке, когда все слова о демократии и свободе были уже сказаны. Я позвонил Шеварднадзе. Договорились не тратить времени на уговоры, а написать в Политбюро официальную записку. Так и сделали. Записку послали 4 мая 1988 года за двумя подписями. Согласие на выдачу визы было получено 7 мая. Вопрос был решен вопреки возражениям спецслужб.

Повторяю, на дворе шел 1988 год, но двоевластие продолжалось, что и было решающим тормозом реформ. КГБ к то-

му же явно усилил работу по внедрению в демократическое движение своих людей. В психологии номенклатуры мало что менялось. Подспудное, тайное влияние КГБ доминировало, мало того, оно ложилось на удобренную почву — на страхи и прямые связи спецслужб с номенклатурой. «Бойцы невидимого фронта» и сегодня весьма заметны в Думе, правительстве, всюду.

«Кротовая тактика» КГБ часто одерживала верх. Горбачева сумели напугать демократической волной. Он начал пятиться, ища спасение во временном откате от реформ, считая это тактикой. Крючков тем временем все делал, чтобы постоянно подогревать веру Горбачева в то, что он может положиться на КГБ на любых поворотах событий. Не знаю, клевал на эту приманку Михаил Сергеевич или нет. Думаю, однако, что опасения у него в отношении главы КГБ постепенно укреплялись — таково мое ощущение. Так это или не так, но в любом случае Горбачев продолжал находиться под усиленным прессом спецслужб. Да и деваться ему было некуда, поскольку с демократическими силами он многие связи уже потерял, а вокруг него сложилась преступная группа заговорщиков, которая, не моргнув глазом, предала его, ибо состояла из лиц, тесно сотрудничавших с КГБ, или его прямых агентов.

Будучи в Политбюро, я внимательно присматривался к деятельности спецслужб, прежде всего КГБ. Вовсе не хочу всех работников, особенно разведчиков, мерить одной меркой. Там немало достойных людей. Пишу в этой главе о другом, а именно: о карательной системе, которая вместе с КПСС была основой большевистской диктатуры.

Я не располагаю достаточной конкретикой, касающейся деятельности КГБ, — она будет еще долго покрыта тайной. Просто хочу пригласить исследователей к изучению подлинной природы и механизма взаимодействия партии и карательных служб, сферы, которая содержит еще очень много неразгаданного и скрытого от общества.

В России появилось очень много политически смелых людей. Речи, статьи, митинги, проклятия властям, восторги прошлым, безудержные обвинения в адрес реформаторов. Нетерпимость, как леденящая пурга, заметает дороги к разуму. Печально, что в стране подверглись нравственной коррозии совесть, душа, человеческое в человеке. А что смелых миллионы — это прекрасно! Но, увы, рабов пока больше.

Автор

Глава восемнадцатая

САМООЧИЩЕНИЕ

Любая кардинальная Реформация с самого начала должна исходить из того, что ее предварительные замыслы будут во многом опрокинуты. Жизнь-хозяйка без колебаний диктует свой темп и свою логику, свою последовательность событий, обнаруживает свои капризы, высвечивает трагиков и комиков, мучеников и слюнтяев, героев и могильщиков. Так оно случилось и в России. Особенно ярко это высветилось в первые годы нового столетия.

Автор

Прежде чем поделиться в следующей главе своими впечатлениями о событиях, начавшими свой бег после провала военно-большевистского мятежа в августе 1991 года, я попытаюсь подвести некоторые внутриполитические и внешнеполитические итоги Мартовско-апрельской революции 1985 года и первых лет Перестройки, как я их понимаю.

На рубеже 90-х годов раскладка сил и соперничество интересов все заметнее осложнялись разрушением былого политического баланса. Идеологическая монополия оказалась сметенной, постепенно углублялось понимание той истины, что во многом наши беды, кризисы, пороки и предрассудки были следствием принудительного мировоззрения, которое перекрывало пути научному анализу и ответственным решениям. Политические реформы пришлось осуществлять по ходу Перестройки, причем общественному сознанию еще предстояло переварить по-настоящему ее основные принципы, такие, как свобода слова и творчества, многопартийность, разделение властей, частная собственность, рыночные отношения, и многие другие.

1

Перестройка — это объективно вызревшая в недрах общества попытка излечить безумие октябрьской контрреволюции 1917 года, покончить с уголовщиной и безнравственностью власти. К слову сказать, через аналогичные процессы мучительного «самоисправления» проходили все крупные социальные повороты и в других странах. Ни один из них не был и не мог быть свободным от преступного элемента. Когда уголовщину удавалось оттеснить, общественное развитие шло дальше по восходящей. Революция Кромвеля, французская 1789—1793 годов, буржуазно-демократическая

в США — все они проходили через периоды нравственного самоочищения, но периоды эти наступали, когда у власти оказывалось третье-четвертое поколение. Почему именно в эти сроки — тема особого разговора. Наверное, есть ответы, но не у меня.

Перестройка 1985—1991 годов взорвала былое устройство бытия, пытаясь отбросить не только уголовное начало, но и все, что его объективно оправдывало и защищало, на нем паразитировало: беспробудный догматизм, хозяйственную систему грабежа и коллективной безответственности, организационные и административные структуры бесправия. Понятно, что вполне реальные угрозы большевизму не могли не вызвать встречной угрозы, вплоть до крайних средств — например, тех же самых попыток государственного переворота в 1991 и 1993 годах, носивших уголовный характер, как и их предшественница — октябрьская контрреволюция.

Угроза со стороны «сталинократии» стала приобретать явные очертания после того, как Перестройка постепенно переходила к этапу Реформации. Думаю, что мы проморгали этот момент, увязнув в текущих проблемах. Мы не расслышали призывов колокола времени. Но и в этом историческом контексте Перестройка на практике оказалась намного шире и глубже «обновления» и «совершенствования». Больше того, она несла в себе, на мой взгляд, социально-смысловую избыточность. Именно здесь были заложены наиболее серьезные основания рассчитывать на ее успех. Любое развитие всегда движется вперед избыточностью начального материала, накопленных противоречий, доступных альтернатив и требующих решения задач. Но избыточность этих образующих факторов не должна была перейти в то давящее изобилие нерешенных проблем, производными от которого могут стать почти безысходный кризис ожиданий, жесточайшие разочарования.

Почему в 1990 году Перестройка начала прихрамывать? Прежде всего потому, что антиреформаторские силы, почувствовав растущие разочарования в общественных настроениях, повели мощную атаку на реформы, а президент, у которого еще оставалась реальная власть, никак не решался с одной ступеньки лестницы перемен, которая называлась Перестройкой, переступить на следующую, именуемую Реформацией, то есть к более глубокой реформе власти и экономики.

Нечто подобное, хотя и в другом качестве, произошло и с правительством Ельцина в 1996—1999 годах, когда сторонникам свергнутого строя удалось, паразитируя на процедурах демократии, затащить правительство в вязкое болото бес-

смысленных перепалок и через эту тактику затормозить реформы, что является практическим воплощением ставки большевиков на ползучую реставрацию.

И сегодня мы все еще продолжаем споры XX века, хотя видим, что мир своим развитием оставил эти споры позади. Проходит время, а мы еще во многом остаемся во власти той гигантской деформации общественного сознания, что была вызвана к жизни октябрьской контрреволюцией 1917 года и последующими десятилетиями господства большевиков. Инерция былых схваток, старых идейных и политических раздоров, представлений и противоречий держит наш разум в плену. Насквозь военизированная психология все еще удерживает нас на баррикадах, мы еще хотим кому-то сдачи дать, только не знаем, кому.

Во всяком обществе естественен спектр политико-психологических состояний и настроений — от крайне левого до крайне правого. Где-то между ними располагается трудноуловимая «норма». И сколь бы подвижными ни были границы этих норм, их наличие подтверждается крайностями, которые позволяют обществу узнавать и определять, что именно является гранью на том или ином этапе исторического развития.

С контрреволюцией 1917 года победила одна из таких крайностей. Это была крайность не только политических воззрений, но и общественно-психологического состояния. Насилие стало нормой жизни, под него подгонялись политика и экономика, литература и искусство, отношения межличностные и общественные — все подряд. Подгонялись террором, интеллектуальной изоляцией, разрывом нормальных связей с внешним миром, отсутствием системы обратных связей.

Общество не в состоянии жить так десятилетиями и оставаться уравновешенным. Либо от ультралевой и ультраправой истерии оно впадает в коллективные формы шизофрении и недееспособности, либо так или иначе должна быть восстановлена психологическая норма. Отсюда трудные, мучительные размышления о нашем реальном месте под солнцем.

Размышления, неизбежные не только из-за объективной сложности положения, в которое мы попали, но прежде всего из-за того, что диктуют их не знающие «остановки» рационалистическое мышление и логика сознания конца XX — начала XXI века. И Перестройка нащупала ее в общечеловеческих ценностях, внеся тем самым огромный вклад в нравственную культуру России.

Перестройка — это, кроме всего прочего, и отражение приоритета рационального в нашем сознании. Что ни говори, а ранние формы социалистической идеи возникали от веры, но вовсе не на основе науки. И шло это, на мой взгляд, прежде всего от исторически обусловленной структуры сознания — общественного и индивидуального, в котором мощно доминировали еще религиозные связи, привычки и навыки мышления. Кстати, последние еще дышали воздухом времен инквизиции, крестовых походов, религиозных войн и деспотий.

Если перенести эти оценки на Россию, то следует согласиться с мудрым Ф. Тютчевым, что «русская история до Петра Великого — одна панихида, а после Петра Великого — одно уголовное дело». Федор Иванович еще не знал, что впереди случится умопомрачение нации, сотворенное Лениным и Сталиным на базе психологии социального дна.

XX век и особенно периоды научно-технических революций во многом потеснили ортодоксальное сознание в пользу рационалистического, хотя абсолютные масштабы религиозного не сузились, даже, пожалуй, возросли. Но их относительная роль была существенно уменьшена приращением знаний, распространением научно-прагматического мышления, технократических оценок. Изгоняя большевистскую веру и утверждая этику неэгоистического, совестливого прагматизма, идущего от разума, Перестройка как раз и отразила происходящие в общественном сознании перемены. Характерный пример — современный взгляд на капитализм, «порочность» которого раньше почти не требовала доказательств. Многие десятилетия немыслим был вопрос, который задается ныне открыто и повсеместно: чем конкретно и в чем советский социализм лучше капитализма?

Ответ можно получить, поставив житейский вопрос: что реально сделал социализм ленинско-сталинского типа для конкретного человека, а не для ГУЛАГа, не для военно-промышленного комплекса или партаппарата? Почему все, что облегчает и очеловечивает повседневный быт, приходит с Запада? Почему мы оказались в одной компании с зарубежными политиками, возглавляющими отсталость, а не прогресс? Почему страны, у которых нет ни природных богатств, ни плодородной земли, живут намного лучше нас, имеющих все это? С каким миром приходится и придется нам конкурировать?

Бездна вопросов.

В сущности, Перестройка в изначальном ее смысле завершилась. Она и не могла не завершиться, ибо уже в 1987—

1988 годах практически встал вопрос о смене общественного уклада. Именно по этой причине быстро нарастала конфронтация в обществе, когда морально изношенные, но еще правящие структуры увидели реальную угрозу потери власти. Августовские события 1991 года ускорили развязку, а разгром мятежников предотвратил, как я полагаю, гражданскую войну. В специфической форме в октябре 1993 года все это повторилось снова. Но старые подходы во многом продолжают жить — и в практике, и в сознании, и в чиновничестве, и в большевиках, и в фашистах, и в националистах, в амбициях и политиканстве, в командных подходах и методах, в реставрационных потугах власти.

Конечно же события после 1991 года приобрели иной характер. Изменились представления о масштабах и пределах, средствах и методах преобразований. Изменились связанные с переменами ожидания — пространственные и временны́е, поскольку Россия еще до мятежа объявила о своем суверенитете.

На старте, в 1985 году, в руководящем звене партии идея социализма не подвергалась сомнению. Тревогу вызывала практика. Именно в этой атмосфере и родилась Перестройка, обретшая на первоначальном этапе форму социально-экономического «обновления». Пожалуй, что-то иное просто не могло родиться в тех конкретных условиях. Это была неизбежная ступень в развитии общественного сознания.

В то время мы сами еще многого не понимали, а если что-то и понимали, то говорить об этом вслух было просто наказуемой глупостью. Да и выглядело бы все это фальшивой смелостью, неким великовозрастным мальчишеством. Скажи, например, тогда на высшем политическом уровне о гибельной милитаристской направленности индустриализации, об уродливой коллективизации, о разрушительной идеологии, о террористическом характере государства и партии. И что бы из этого получилось? Ничего путного, кроме очередного спектакля по «разоблачению» авторов подобных высказываний. Мы заблуждались, полагая само собой разумеющимся, что строили социализм, но кое в чем ошиблись, а потому надо кое-что скорректировать, чтобы выйти на правильную дорогу. Это заблуждение было спасительным в тех условиях, но оно же и приводило очень часто к невразумительным решениям.

Решающее звено в эволюции перестроечных представлений — гласность. Она оказалась объектом самых ожесточенных атак со стороны партийно-государственного аппарата, который не хотел ни объективной информации, ни общест-

венного контроля. Общими усилиями выдающихся деятелей средств массовой информации — Егора Яковлева, Виталия Коротича, Олега Попцова, Владислава Старкова, Виталия Игнатенко, Ивана Лаптева, Григория Бакланова, Отто Лациса, Александра Пумпянского, Альберта Беляева, Владислава Фронина, Павла Гусева, Сергея Баруздина, Михаила Комиссара и многих других, гласность буквально продиралась сквозь нагромождения лжи и всякого рода спекуляций. Их деятельность сорвала ржавые запоры большевизма, выпустив правду из железной клетки на свободу.

Первоначально гласность задумывалась, по крайней мере, в моем представлении, не только в плане свободы печати, но и как ключ, открывающий двери для контроля деятельности государственных, партийных и общественных организаций. Я лично придавал этому особое значение. Осуществление такой задачи неизбежно взрывало систему бюрократической скрытности, которая выступала в качестве важнейшего устоя режима. Гласность далеко продвинула идею демократии. В сознании людей постепенно выкристаллизовывалось понимание, что радикальных реформ требуют все стороны бытия.

Особым завоеванием Перестройки была свобода творчества. Раскрепощение таланта тоже шло с трудом, пробиваясь через бетонные завалы тупости и невежества чиновничества, через мракобесие государственной идеологии, через глубокий духовный разлом, равно как и через групповщину в среде интеллигенции.

Теперь-то все смелые, а особенно храбрые говорят, что они всегда были свободными, писали и издавали, что хотели. Я же им отвечаю, что они и сейчас рабы, поскольку их «храбрость на лестнице» питается комплексом обиды на собственную трусость в прошлом. К сожалению, нас еще не озарило понимание, что беспамятство — верная дорога к повторению духовного рабства. Продолжающиеся наскоки чиновничества, в том числе и высших столоначальников, на свободу слова и творчества тревожно сигналят о том, что свобода еще не стала безусловным стержнем нашего бытия.

Вернемся к противоречивому времени после XX съезда, которое во многом определило атмосферу Перестройки, равно как и сегодняшнюю жизнь. Экономисты давно вели разговор о том, что сверхцентрализованное планирование и управление обанкротились. Затрагивались, хотя и осторожно, проблемы товарно-денежных отношений с точки зрения конкурентного рынка. У политологов наработки шли в собственный стол. Идеологи продолжали привычную охранительную практику, хотя споры вокруг проблемы десталинизации постепенно взламывали стены идеологической мифологии.

Сталинизм выстроил своеобразную пирамиду власти. На вершине ее — вождь и его непосредственное окружение. На стыке с обществом — триумвират из партаппарата, хозаппарата и военно-промышленного комплекса с силовыми структурами. После смерти Сталина именно триумвират с его уже достаточно развитыми внутренними отношениями предотвратил приход к власти нового диктатора. На властном пьедестале оказались четыре равновеликие фигуры — Маленков, Хрущев, Молотов, Берия. Был момент, когда первую скрипку играл председатель правительства Маленков. Но мощному партаппарату это явно не понравилось, он занервничал. Доминирующие позиции снова и очень быстро отошли, в соответствии со сталинской доктриной власти, к партаппарату. Верх одержал Хрущев.

Но время неумолимо. В 70-х годах всевластие КПСС резко пошло вниз, хотя внешний «декорум» и ритуалы продолжали соблюдаться. Но ритуал — это лишь видимость веры, а вот ясно очерченная полярность слов и дел приобрела особенно опасный характер. Контроль партаппарата быстро слабел, он все заметнее трансформировался в контроль ведомственных и местных интересов над самой партией, пошла в рост отраслевая и региональная мафиозность.

Перед Перестройкой и во время Перестройки все четче обозначались три течения и в самой КПСС: реформаторское, консервативно-модернизаторское и национал-большевистское.

Преступную роль в судьбе России играет национал-большевизм, способный в кризисных условиях дать региональным триумвиратам, там, где они возрождаются, и новое одеяние, и новую легитимацию, и новую ширму для прикрытия агрессивного эгоизма интересов, унавоживая почву для национал-социализма.

Консервативный модернизм включал в себя сторонников малых преобразований эволюционного типа. Таких преобразований, которые бы опирались скорее на прежние структуры и механизмы, нежели на новые. Иными словами, сторонники этого направления были не против журавля в небе и даже не против того, чтобы его поймать. Но выпустить синицу из рук не хотели, боялись. Объективно такая позиция всего точнее отвечала политическим нуждам центрального хозяйственного и административного аппарата, а также правящих сил тех регионов, положение в которых не характеризовалось крайностями любого рода.

Умеренный конформизм — это первоначальная Перестройка. По традиционным политическим меркам — это социал-демократическое направление, хотя и не согласное считать себя таковым. Оставаясь в КПСС, оно обрекло себя на трудные испытания. Оказавшись в тисках противоречия между формой и содержанием, это направление все время рисковало разделить судьбу КПСС в целом.

Честно говоря, я тоже не был сторонником безрассудных баррикад, предпочитая накапливать критическую массу инакомыслия, способную убедить общество в необходимости преобразований. По складу характера я романтик. Для меня особенно мучительна была эволюция «феномена ожиданий». Как психологическое явление они не тождественны интересам человека, не мотивируют его прямо и непосредственно. Роль их иная: ожидания выполняют функцию некоей внутренней «системы координат», которая позволяет выстраивать определенную схему приоритетов — и в сознании, и в поступках. В период Перестройки новые ожидания психологически базировались на завышенной оценке потенциальных возможностей социализма. Ожидания постоянно сопровождал прежний нормативно-фаталистический подход, исходящий из того, что, если нечто представляется разумным и полезным, оно должно всенепременно состояться. Я был болен этой схемой или мне казалось, что болен.

Но в таком подходе, как минимум, два существенных изъяна.

Во-первых, он не задается самокритичным вопросом: почему, собственно, нечто кажется наиболее разумным и рациональным? Что убедило многих людей в правильности Перестройки с самого начала? Какие из исходных посылок могли со временем обнаружить свою недостаточную прочность? Какое место в этой схеме занимают капризы инерционного сознания?

Во-вторых, нормативный подход фактически отождествляет выгоду и пользу для всего общества одновременно с выгодой и пользой для конкретного человека. Но это далеко не так, а в жизни часто бывает связано и обратной зависимостью: завтрашняя выгода общества требует сегодняшних жертв от человека.

Общество в немалой его части хотело перемен и проявило готовность что-то ради них предпринять. Но что именно? Говорилось, конечно, что суть изменений — в непременном пробуждении инициативы людей, но под идею инициативы в то время не было подведено ни экономической, ни политической основы. Такой основы нет и до сих пор, если иметь в

виду массовость инициативы. Вот почему реформы шли в рваном темпе. Только гласность продолжала свою очищающую работу, да внешняя политика кардинально изменила свой характер.

О жестокой стычке ожиданий с реальностью я буду писать еще не раз. Но сейчас я хочу сказать об упущенных возможностях, фактическая реализация которых могла бы помочь романтическим ожиданиям. Я напоминаю о таких возможностях не в упрек кому-то, а только для того, чтобы понять просчеты в демократическом строительстве. Ход событий последних лет очевидным образом подтверждает, что в любом общественном процессе крупного масштаба, рассчитанном на многие годы, неизбежны спады и взлеты, какая-то цикличность. За приливом реформизма возможен отлив в той или иной форме, что, собственно, и происходит сегодня. Учитывая подобный поворот, демократия была просто обязана готовить себе «второй эшелон». Надо было позаботиться о том, чтобы сделать политический спектр Реформации как можно более широким.

Здесь я чувствую и свою вину. Не хватило характера и последовательности, а где-то и политической воли. Не было принято энергичных мер к наращиванию теоретического знания на базе свободы мысли и отрицания схоластики. Теоретическая мысль продолжала вращаться в пределах тех идей и концепций, что были высказаны уже в 60-х годах. Да и далеко не все ученые были готовы к кардинальному повороту в теоретической сфере. К тому же альтернативная мысль еще не имела прочных корней, поскольку раньше жестоко преследовалась. Если не страх, то робость еще угнетала.

Счет нереализованного Перестройкой в экономической и социальной областях выглядит внушительно. Слишком часто откладывалось решение тех вопросов, которые необходимо было решать в любом случае: со свободным рынком или без него, в рамках широких реформ или помимо них, в контексте программы преобразований или вне всякой связи с такой программой. Например, провести глубокую дебюрократизацию социально-экономического комплекса. Необходимо и понимание того, что Перестройка постоянно наталкивалась на сопротивление глубоко эшелонированной структуры старорежимных интересов.

Лично у меня не было сомнений, что Советский Союз как государственное образование обречен на кардинальное обновление. Вопрос был в том, какой путь развития окажется наиболее вероятным и приемлемым. Наиболее рациональ-

ным лично для меня представлялся эволюционный мирный путь образования добровольной конфедерации независимых государств. Путь неторопливый, взвешенный и продуманный во всех деталях. Но «Россия, — как писал Ф. Достоевский, — есть игра природы, а не ума». Мы, в России, всегда предпочитали нестись галопом через кусты и канавы, а не ходить пешком по ровной дороге. И на сей раз случилось так, как случилось. Захлестнула националистическая жажда власти. национальные интересы обернулись националистической демагогией. В результате вместо социального мира — конфликты, стремление кого-то бить, за что-то мстить. Сепаратизм способен завести любое общество в тупики конфликтов всех со всеми. Это не путь национальной свободы, а путь глубокого раскола и противостояния.

На одном из собраний в Кремле выступил писатель Валентин Распутин. Достаточно резко он критиковал национализм на уровне республик. Но вывод сделал довольно неожиданный. Он бросил в зал риторический вопрос: а что, если Россия выйдет из состава СССР? (Потом все произошло по Распутину. Россия первая объявила о своем суверенитете.) Одни зашумели, другие зааплодировали. Губительный русский национализм упорно продолжал свою линию на раскол страны, о чем я писал еще в ноябре 1972 года в статье «Против антиисторизма». Сегодня национализм разделся до вызывающей наготы. Теперь он называет себя патриотизмом, замешанном на национал-социализме, то есть нацизме.

Несомненно и то, что нами не были оценены в полной мере ни степень, ни глубина общественной зашоренности идеологическим фундаментализмом. Лишь для немногих людей он был интеллектуальной пустышкой, но в политическом отношении — инструкцией для нищих. Для значительной части людей он был завязан на вере в лучшую судьбу — свою и детей своих.

По существу, в сфере хозяйствования, отношений собственности, товарно-денежных отношений был необходим кардинальный поворот. Но Перестройка не сумела создать систему поддержки и защиты всех тех, кто готов был идти ее путем. И фермер, и ремесленник, и предприниматель, и арендатор — все они до сих пор в положении, когда приходится преодолевать неимоверные трудности, создаваемые чиновничеством, тоскующим по старым временам. Государственно-монополистическая милитаризованная система сопротивлялась реформам каждой своей клеткой.

Почему так получилось? Да потому, что высшие структуры управления оставались старыми и видели проблемы по-старому. Частичные реформы не в состоянии были изменить природу и характер строя в целом, изменить структуры, созданные для воплощения произвольных социально-экономических схем. И то, что воспринимается сегодня как просчеты (а это так и было), во многом предопределялось внутренней противоречивостью реформаторства, ставившего своей целью изменить к лучшему органически порочное. За мятежами и саботажем последних лет стоят не только кадровые ошибки. За ними — бунт бесчеловечной системы, восставшей против попыток ее очеловечивания.

Именно в это время сформировалась достаточно двусмысленная обстановка. Общий курс — на реформацию; практические дела аппаратов — на реставрацию. Это привело к *«экономическому мятежу»* осенью 1990 года, когда усилиями старых структур была загублена программа «500 дней», дававшая реальную возможность выхода из тупика. Прошлое одержало победу, что окончательно подвигло руководство КПСС, силовые структуры к мятежу в августе 1991 года, но теперь уже политическому.

Тактические просчеты очевидны, но были и объективные причины, о которых я уже упоминал. Десятилетиями чугун, уголь, сталь, нефть имели приоритет перед питанием, жильем, больницами, школами, сферой услуг. Утверждение, что «так нужно было», — ложь. Цена индустриализации вкупе с рефеодальным управлением была катастрофически высокой, потери — и людские, и материальные — огромными. Страна получала сотни миллиардов долларов от продажи нефти. Импортом товаров и продовольствия на эти суммы было куплено право элиты работать спустя рукава. Покупалось за рубежом все подряд, от канцелярских скрепок до заводского оборудования, значительная часть которого гнила на заводских свалках.

Сейчас, наверное, и не подсчитать, сколько средств за полвека вложено в бессмысленную милитаризацию страны. Атомная, космическая, горнодобывающая, да и некоторые другие отрасли, прямо или косвенно связанные с гонкой вооружений, создавались в значительной мере трудом каторжан. Военные структуры до сих пор сопротивляются до последнего, не желая отказываться от своих «завоеваний». И добиваются своего. При Путине военные бюджеты снова растут и снова за счет жизненного уровня населения. Не в интересах генералитета и окончание войны в Чечне.

Десятки миллиардов ушли на мелиорацию, не дав никакого приращения сельскохозяйственного производства, но загубив миллионы гектаров земель, например в Поволжье. Сколько понапрасну осушенных болот в Нечерноземной зоне. Болота осушались, а покинутых плодородных земель становилось все больше и больше.

Я уже писал о том, что в системе импорта зерна сложилась взаимозависимая и хорошо организованная государственно-мафиозная структура. Десятой доли золота, потраченного на закупку зерна, хватило бы на создание эффективной инфраструктуры сельского хозяйства, что привело бы к резкому сокращению потерь при уборке, перевозке, хранении и переработке сельхозпродуктов. Но, увы, агрокомплекс остается без эффективной инфраструктуры до сих пор — без дорог, без современных перерабатывающих предприятий, без добротных хранилищ, без специальной техники.

Или взять капитальное строительство, в котором нарастала в огромных объемах «незавершенка» — эта зацементированная, воплощенная в мертвом железобетоне инфляция, загубленное народное благосостояние.

А разве не народные деньги тратились на военные авантюры и военную помощь тем правителям за рубежом, которые объявляли себя «социалистически ориентированными». Никто пока не знает, сколько стоили в материальном выражении военные вмешательства во внутренние дела Венгрии, Чехословакии, Афганистана, поставки оружия в десятки стран Азии, Африки, Латинской Америки. Сколько стоит чеченская война.

Немало средств ухлопано на борьбу с инакомыслием, на разработку и оплату связанной с этим техники, на содержание осведомителей, иными словами на тайную войну с собственным народом.

Вот они, бездонные дыры, которые поглотили сотни тысяч километров дорог, тысячи и тысячи жилых домов, детских учреждений, театров, библиотек, спортивных сооружений и многое другое. Труд и гений человека, богатства природы, материальные ресурсы расходовались неподконтрольно — ни по целям, ни по объемам, ни по эффективности. Бесхозяйственность прямо проистекала из ничейной собственности, из обезличенного и обесцененного труда.

Когда собственность ничья, а те, кто распоряжается ею, практически бесконтрольны, рождается уникальная преступная структура, в которой мафия сращивается с государством. Точнее, само государство чем дальше, тем больше превращается в мафию — и по методам деятельности, и по отношению к человеку, и даже по своей психологии.

Опыт развития России после 1917 года наглядно показал, что программа преодоления рынка и рыночных отношений оказалась на деле программой уничтожения исходных оснований экономической цивилизации. Страна неуклонно шла к экономическому и политическому краху. Он был неминуем, и только кардинальные перемены могли предотвратить катастрофу. Общественное мнение, особенно после XX съезда КПСС, жило ожиданиями смены абсурдной эпохи.

Вспомним исповедальную деревенскую прозу. Вспомним горячие всплески протеста в стихах поэтов и песнях бардов. Вспомним расхожие анекдоты, беседы за полночь на кухне и многое другое. И как ошеломляюще действовало на нас осознание убожества бытия, чувство собственного бессилия, идущее от липкого унизительного страха перед властью, равно как и от нашей лени — физической и душевной, от неумения и нежелания победить самих себя, от неуважения к самим себе, острого дефицита личного достоинства.

Но спрашиваю себя, а не было ли в этих условиях изначального упрощения в переходе к рынку, то есть к иной социально-экономической системе? Знаю, с каким трудом пробивала себе дорогу эта идея на практике. Сколько гневных тирад обрушилось на головы тех, кто предлагал решительнее идти к нормальной экономике. И все же не покидает ощущение, что переход к рынку представлялся многим из нас как некое быстрое мероприятие: рынок «с 1 января Икс года». Но такое невозможно. С моей точки зрения, введение рыночных отношений надо было начинать с торговли и сельского хозяйства, дав полную инициативу купцу и крестьянину. То, что не был осуществлен кардинальный поворот к потребительскому рынку, предопределило дальнейшие беды, включая финансовые. Правительство не сумело спрогнозировать последствия резкого сокращения товарных запасов, равно как и не смогло отреагировать быстро и эффективно на этот процесс, когда он обрел катастрофические размеры.

Антиперестроечные силы в государственном и партийном аппаратах предпринимали целенаправленные усилия к тому, чтобы не допустить смягчения товарного голода в стране. Смысл подобных усилий был сугубо политическим: не дать Реформации записать в свой актив хотя бы одно реально благое для народа дело. Делалось и делается все возможное, чтобы настроить людей против политики преобразований, объявить реформы и реформаторов виновными за все переживаемые людьми невзгоды. Однако оговорюсь: одни это де-

лали умышленно, а другие по природной безголовости, по другому не могли.

Нас, реформаторов, частенько ругают. Иногда поделом, а порой — просто так, по инерции. Оправдываться бессмысленно, да и нужды не вижу. Скажу только, что мы, как и многие другие, и сами были типичными советскими людьми, жертвами киселеобразной, но и беспощадной «коллективизированной совести». Брежнев был прав, когда говорил, что появилась новая общность людей — советский народ, иначе выражаясь, народ с коллективизированной совестью. Ибо многим из нас ничего не стоило аплодировать расстрелам, требовать смерти вчерашним закадычным друзьям и собутыльникам, травить Пастернака и Бродского, чьих книг и в глаза не видели, объявлять Солженицына «предателем», топтать Сахарова и творить прочие мерзости.

Хорошо известно, что «созидание нового человека» — *Homo soveticus* — шло через моноидеологию, которая рассматривала его как «совокупность общественных отношений». Террор физический, выделывание (по Бухарину) нового человека из «капиталистического материала» имели своей задачей формирование послушного винтика или одноразового шприца. Ленин — Бухарин — Сталин — Жданов — Суслов — наиболее видные «коллективизаторы совести». Им померещилось, что в марксовом коллективном стаде, обществе-фабрике, ленинско-сталинском обществе-казарме с карцерным ГУЛАГом и рабоче-крестьянской гауптвахтой можно и должно строить «рай земной», забыв о духе человеческом, о том, что сотворен человек из праха и в прахе Вечности дотла сгорают гордыня и прочие грехи и пороки его.

Совесть коллективизировалась в процессе неустанной и постоянной борьбы, которая и сформировала человека баррикадного типа. Борьбы с чем угодно, с кем угодно, за что угодно, но борьбы. С буржуазной идеологией и за высокий урожай, с пережитками прошлого и за коммунистический труд, с кибернетикой и генетикой, с узкими штанами и декадентской поэзией, с абстрактной музыкой и живописью. Сегодня правящая элита начинает бороться с «предвзятым» отношением к истории, то есть с правдой. Нельзя же, на самом деле, гордиться террором, лагерями, пытками, каторгой. А гордиться хочется.

Преодолеть твердыню коллективизированной совести невообразимо трудно. Даже самые мужественные не верили, что сталинский строй можно сдвинуть с места. Подобные мысли казались маниловщиной. Впрочем, так оно и было на практике.

Почему?

Да потому, что до сих пор больше всего мешаем Реформации мы сами, ибо сами во многом остаемся людьми старой системы, старых привычек и представлений. Традиционная российская мечтательная маниловщина оказалась абсолютно беспомощной при обострении социальной обстановки, не говоря уже о разгуле социальной стихии. Так произошло и с нами, реформаторами, когда мы попытались всерьез запустить механизм реальной законодательной деятельности в области экономики.

Система засасывала всех, даже самых порядочных и честных. Интеллектуалы писали порой смелые строки, но оставались весьма податливыми к ласкам власти. По-советски грызлись между собой, по-советски доносили, по-советски гордились своим якобы историческим предназначением. Повторяю, все были советскими, других у ЦК КПСС и КГБ на учете не состояло.

Мы жили в тисках противоречия между Сущим и Должным, которое мы не поняли до сих пор. Как писал академик И. Павлов: *«Русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует. Мы занимаемся коллекционированием слов, а не изучением жизни. Мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, умственную силу нации, то обесценено... И все это, конечно, обречено на гибель как слепое отрицание действительности»*.

Метания между реальным и виртуальным, между Сущим и Должным продолжаются до сих пор. Окаянный российский вопрос — что делать? — столетиями звучит трубным призывом к Должному — сказочному, прекрасному, солнечному — и одновременно служит театральным занавесом или изгородью от Сущего.

Пока нам не приходит в голову *спросить самих себя: а чего не надо делать?* Отсюда и вечные российские грабли, которые больно бьют нас, ибо все время наступаем на них в темноте незнания самих себя, живем без покаяния, боясь, что не будет прощения, и все время лелеем призрачное завтра. В этом надрывном беге мы оставляем позади себя миллионы бессмысленных смертей, реки безутешных слез, несостоявшуюся молодость и любовь. Нас тысячу лет учат ненавидеть, и мы находим в этом некое дьявольское удовлетворение, что и привело к глубокому духовному кризису нации. Мы сами, и никто другой, содеяли свою судьбу, уничтожив миллионы людей в войнах и междоусобицах, организованных большевиками — ненавистниками России, уничтожив крестьянство и интеллигенцию, порушив животворящие основы народной жизни.

Раболепие и нищета взяли верх над свободой и богатством, а общественно-созидательное начало заметно потеснено люмпен-распределительным. Отвела ли нам история лучшую долю? Не знаю. Возвысим ли мы Сущее? Тоже не знаю.

Вот по этим запутанным и обледенелым тропам и зашагала новая революция и снова натолкнулась на гранитную стену Должного, не разобравшись еще в Сущем. Воля пришла, а свободы человека как не было, так и нет. Она, оказывается, мешает строить Должное.

Горбачев и Ельцин тоже были в поисках Должного. Система продолжала держать их в своих цепких лапах. Конечно, я включаю сюда и себя. Демонстрация того, что ты знаешь о своей преданности будущему, то есть коммунизму, жертвуя настоящим, была для всех строго обязательна. На каждой карьерной ступеньке все номенклатурщики должны были хорошенько постучать хвостиком, портретирируя свою лояльность и преданность идеям прекрасного будущего. Искренность каждого стука оценивалась КГБ при очередном назначении. Оставалась только родная кухня, но и там свобода слова нередко давала сбои, если говорили вслух и не в одиночку.

Говорят, что между маниловщиной и безответственностью и нет особой разницы, когда этакие милые идеалисты попадают на решающие государственные посты. Но все-таки маниловы, а не унтер-пришибеевы оказались в нашей стране людьми, обретшими власть во время Перестройки. Они просто не сразу поняли, что с ней делать. 70 лет околоточные отшибали центры в мозгу, которые руководят принятием решений. А потому и появились попытки сооружать хитроумные приспособления, чтобы приспосабливать демократию к советской системе, что, в сущности, означало оживлять рыбок в горячей кастрюле с ухой.

Сталинская идея о винтиках была реализована безупречно. Стандартные винтики подходили и для ракет, и для унитазов, и для разгрома любых ревизионистов. Я и сам хорошо помню, как начальники — министры и первые секретари — охотно отзывались на любую просьбу «большого ЦК» выступить на любом собрании, но только просили сказать, кого разорвать в клочья и за что. О каких-то там взглядах и речи не шло. Российская правящая элита давно уже стала в массе своей безвзглядной. Она верила только в карьерную практику. Наука о креслологии, а не марксизм, формировала убеждения номенклатуры.

Тому же, кто был отягощен собственным мнением, жилось непросто, такой человек производил странное впечатление своей молчаливостью, погруженностью в себя. «Что-то он странно ведет себя, все время молчит. О чем он молчит? Хотелось бы знать». Подобных людей мучила совесть, но они видели бессмысленность публичной протестной бравады.

Горбачев не относился к числу молчаливых, но и к идеологическим зубодерам не принадлежал. Его, скорее, можно было отнести к категории всеядных, то есть к большинству. Прогуливаясь, скажем, с одним важным человеком, он мог вполне искренне согласиться с самыми либеральными мыслями, тем более что они упаковывались в надежный мировоззренческий короб: «улучшить социализм», «больше Ленина» и т. п. Беседуя с другим, он мог не очень охотно, но поддакнуть ему, что надо бы покруче взять этот народ за морды, поскольку он совсем подраспустился.

Я уверен, если бы андроповские почки были здоровы и страна прожила бы несколько лет под Андроповым, Горбачев в качестве наследника вписался бы в жесткие схемы генсека, хотя, возможно, и с некоторыми поправками на собственные взгляды. Именно Горбачев был нужен Андропову в Москве. Горбачев, а не кто-то другой. Повторяю, по-настоящему твердых убеждений у Горбачева не сложилось, да и не могло сложиться. Было демократическое направление мысли, но, как говорится, без подробностей. Такое направление было в те времена достаточно модным, им иногда бравировали, оно служило как бы нравственным пропуском в элитные круги интеллигенции. Вообще говоря, мы часто путаем раскованность с либерализмом. Набоков очень точно написал о политическом советском анекдоте, которым мы все гордились как формой политического протеста: «Это похоже на болтовню дворни о барине. Соберутся на конюшне и чешут языки. А позовет барин — тут же бегом и готовы к услужению...»

Мы готовы к услужению и сегодня. В этом-то и состоит вся загвоздка в нашей жизни.

Спросят: а возможно ли было все задуманное реализовать за тот короткий срок, который был отведен нам, реформаторам? Что-то, наверное, можно было, но далеко не все. Всякое явление и действие, в том числе и поведение лидеров, можно более или менее точно оценить только в контексте времени. Общество по многим вопросам было не готово к кардинальным переменам. Общество, в котором властвовала могущественная партия, насквозь пропитанная догмами и жесткой дисциплиной, скорее похожей на страх.

Теперь-то все смелые, а сколько их было тогда?

2

Поистине великий вклад внесла Перестройка в оздоровление мировой обстановки. Начиная с 1985 года мы твердо встали на путь умиротворения, но афганская война еще продолжалась, лозунги об империализме, классовой борьбе и борьбе с буржуазной идеологией еще хрипели на митингах, иноземные компартии продолжали просить валюту на борьбу с капитализмом. Но шаг за шагом создавался образ новой страны, готовой к искреннему сотрудничеству по широкому фронту. Мы заявили о нашем новом миропонимании — о целостном и взаимозависимом мире.

На Западе некоторые политики хотят присвоить себе победу в «холодной войне». Странным в этом плане является утверждение бывшего президента США Буша-старшего о том, что именно США одержали такую победу. Кого же победили, хотелось бы уразуметь? Если собственную политику «холодной войны» и свой военно-промышленный комплекс, то в этом контексте можно поразмышлять, припомнив разные аспекты событий времен ядерной конфронтации. К тому же не следовало бы забывать, что первоначальные инициативы об окончании «холодной войны» исходили после 1985 года от Советского Союза, новое руководство которого поняло, что непомерный груз гонки вооружений неизбежно приведет мир к еще более острой форме ракетного противостояния, равно как и экономическому краху многих стран.

Это вовсе не предположения. Я участвовал в выработке новых подходов к международным делам. Хорошо помню первую встречу с Рейганом и Шульцем в Женеве. Американцы не скрывали, что не верят в крутые повороты в советской политике, более того, были уверены, что перед ними разыгрывается очередной коммунистический спектакль обмана. А Рейган вообще вел себя подчеркнуто холодно, он еще не только не отошел от своей формулы, что СССР — это «империя зла», но и продолжал соответственно строить свою политику. Не буду рассказывать о деталях переговоров — они достаточно подробно описаны и в мемуарах Горбачева, и в обширной литературе, посвященной окончанию «холодной войны». Ограничусь лишь несколькими памятными случаями.

Михаил Сергеевич очень волновался перед пресс-конференцией в Женеве. Это и понятно. Первая встреча с американским президентом. Мировая печать гудела. Объективные репортажи перемежались с разными выдумками, предположениями. Фантазия лилась через край. Наша пресс-группа готовила варианты заявлений Горбачева. Однажды, уже за полночь, я пошел в его резиденцию согласовать какие-то позиции. Он еще не спал, был в халате, сидел за столом и что-то писал. На следующий день, после замечаний Михаила Сергеевича по тексту, я вносил поправки, приложив бумагу к стене невзрачного коридорчика около сцены. Люди сновали за моей спиной, о чем-то спрашивали, но я ничего не слышал и не видел. Кажется, мелочи, но и детали истории...

В нашей делегации не было единства в оценках. Некоторые видные представители МИДа считали, что надо быть потверже, позубастее, в их аргументах звучали ноты личного и державного высокомерия. Я видел, как все это начинало надоедать Горбачеву. Он ждал момента, чтобы поточнее обозначить, кто есть кто в делегации. Когда начали обсуждать конкретные вопросы двусторонних отношений, возникла тема об интересах Аэрофлота. И тут Михаил Сергеевич рассердился. В жестком тоне сказал: «Я приехал сюда не представителем Аэрофлота, а государства».

Заметными результатами встреча в Женеве не была отмечена. Два президента приглядывались друг к другу, были вежливы, предупредительны — и не более того. Меня этот прохладный ветерок настораживал больше всего. Однажды я пошел проводить госсекретаря Шульца до раздевалки (переговоры шли в нашем представительстве) и напрямую спросил его, в чем дело? Он был спокоен, улыбнулся и сказал:

— Не торопитесь, все будет в порядке.

Особенно памятной и результативной была встреча в Рейкьявике. Там начал таять лед, там появились ростки взаимного доверия. Мы прибыли в Исландию на корабле, там и жили. В нашей делегации посмеивались над тем, что американцы, мистифицированные «эффективностью» советского шпионажа, привезли с собой какую-то металлическую кабину наподобие лифта, в которой время от времени обсуждали свои «секреты».

В процессе переговоров Горбачев внес предложение о полном ядерном разоружении. Американцы отклонили его. Долго и нудно обсуждалась проблема СОИ, которую называли программой «звездных войн». Американцы не шли здесь ни на какие уступки, пообещав, правда, что в будущем данная программа станет общей с СССР. Американский президент говорил о том, что надо создать своеобразную оборонительную ракетную дугу США—СССР, которая служила бы гарантией от любой ядерной авантюры. Уже тогда он связывал эту идею с опасностью исламского фундаментализма.

Мы втроем — Горбачев, Шеварднадзе и я, долго обсуждали эту проблему. Ясно было, что осуществление американского замысла приведет к новой гонке вооружений, к сниже-

нию уровня мировой безопасности, к новым и колоссальным материальным расходам в Советском Союзе, что могло затормозить или даже остановить задуманные преобразования. Михаил Сергеевич упорно пытался убедить Рейгана в бессмысленности этой затеи. Оба лидера посвятили проблеме разоружения много сил и внимания. Договорились о дополнительной встрече с глазу на глаз. Она продолжалась не менее двух часов. Обе делегации ждали в коридоре. Шутили, рассказывали анекдоты... и волновались. Все понимали, что за закрытыми дверями решается проблема общечеловеческого масштаба. Наконец Горбачев и Рейган вышли в коридор с натянутыми улыбками. Михаил Сергеевич, проходя мимо меня, шепнул: «Ничего не вышло».

На всех встречах с американскими президентами с обеих сторон присутствовали военные. Нашу сторону представлял, как правило, маршал Ахромеев. С американской в Рейкьявике был Пол Нитце. У всех гражданских участников переговоров вызывали улыбку ситуации, когда военные подстраховывали лидеров государств. Как только переговоры по каким-то конкретным вопросам разоружения заходили в тупик, Горбачев и Рейган приглашали военных и просили их «утрясти» разногласия. Как правило, военные возвращались через 20—30 минут и с гордым видом сообщали, что формулировки согласованы.

Хочу добавить, что Рейган приехал в Рейкьявик совсем другим, чем в Женеву. Был оживлен, раскован, рассказывал анекдоты, все время улыбался. Держался более независимо от своих помощников, чем прежде. К Горбачеву демонстрировал дружелюбие.

Поскольку я написал, будучи еще директором ИМЭМО, книгу «От Трумэна до Рейгана», достаточно критическую, мне было особенно интересно наблюдать за этим человеком. На моих глазах он заметно менялся, эволюция была потрясающей. На каждую новую встречу в верхах приезжал новый Рейган. Видно было, что он «зажегся» идеей кардинального поворота в советско-американских отношениях.

Что касается его наследника — Джорджа Буша-старшего, то меня все время угнетала мысль, может быть, и несправедливая, что он частенько бывал неискренен, одним словом, темнил. Видимо, сказывалась служба в разведке. Возможно, я и ошибаюсь, поскольку все политики темнят, всегда бродят около правды. По поручению Михаила Сергеевича, уже после августовского мятежа 1991 года, я летал на встречу с ним. Вручил Бушу письмо от Президента СССР. Моя задача сводилась к тому, чтобы довести до американца наши озабоченности относительно политики США в условиях «парада суверенитетов» в Советском Союзе. Я сказал Бушу, что всплеск сепаратизма на территории СССР может привести к хаосу, к непредсказуемым последствиям, если не ввести события в эволюционное, цивилизованное русло. Буш просил передать Горбачеву, что США выступают за целостность (кроме Прибалтики) нашей страны и не предпримут ничего, что могло бы повредить процессу демократизации.

Честно говоря, композиция разговора со стороны президента строилась таким образом, что я засомневался в искренности этих заверений. С тем и вернулся в Москву. Подозрение оказалось справедливым. США и их союзники с лихорадочной поспешностью признавали независимость вновь образовавшихся государств. Была проигнорирована возможность переговорного процесса. Горбачев был забыт и отодвинут в сторону.

Сегодня модно говорить о личной дружбе политиков. Я в это не верю. Помню заверения о дружбе, которые Буш давал Горбачеву во время переговоров на Мальте, я присутствовал на них. Из-за разыгравшегося шторма переговоры проходили на нашем корабле «Максим Горький». Американский корабль оказался менее устойчивым. Все заверения американского президента оказались за бортом корабля.

Впрочем, я не собираюсь взваливать какую-то вину за хаотический характер событий в СССР на кого бы то ни было. Дело — в нас самих. Выход России из СССР и появление новых государств на территории Союза были неизбежными. Вопрос был в другом: как это должно произойти — нормально, то есть через переговоры, или хаотично. Антигосударственный мятеж 1991 года породил анархию. Коммунистические оппоненты Горбачева время от времени разыгрывают тезис, что на Мальте произошел некий тайный сговор между Горбачевым и Бушем относительно будущего СССР. Все это выдумки. Никакого сговора не было. СССР развалили гэкачеписты.

Итак, на Мальте переговоры проходили на нашей территории, то есть на нашем корабле. Нечто подобное произошло и в Китае. Наш визит в Пекин совпал с известными событиями на площади Тяньаньмэнь. По этой причине переговоры и представительские мероприятия происходили в советском посольстве. Переговоры в Китае я считаю весьма успешными. Во взаимных отношениях начался заметный поворот к лучшему, что имело долгосрочное стратегическое значение.

Очень интересной была встреча с Дэн Сяопином. Встретились мудрая старость и молодой задор. Дэн Сяопин дер-

жался подчеркнуто доброжелательно, но был немногословен, многие слова и фразы еще подлежали расшифровке. Горбачев держался достойно, говорил подчеркнуто уважительно. Я внимательно наблюдал за тем, как ведет себя Дэн Сяопин. Пытался ответить, хотя бы себе, на вопрос, почему китайское руководство, имея маоцзэдуновскую закваску, сделало своим духовным наставником именно Дэн Сяопина, склонного к реформам, но не имеющего официальной власти? Я и до сих пор не могу ответить на этот вопрос. Но одна мысль все-таки засела в голове. Дэн Сяопин — эволюционист, он сумел убедить руководство Китая, что постепенные преобразования — это единственно верный путь развития страны. Опыт «культурной революции» продемонстрировал, что «революционные скачки» вперед оборачиваются прыжками назад. Характеризуя стратегию развития своей страны, Дэн Сяопин сказал: «Социализм с китайской спецификой, но специфики больше...» Вот и вся программа.

Запомнилась мне реакция итальянцев на визит Горбачева. Это была демонстрация восхищения огромного накала, на который способны, я думаю, только итальянцы. Это было искреннее признание того, что именно наша страна, вступив на путь демократических преобразований, освободила мир от страха перед ядерной катастрофой. Сотни тысяч улыбающихся и кричащих людей размахивали руками, над площадью гремело мощное «Горби!» В Риме особенно интересной была встреча с папой. Умный, проницательный человек, он открыто и в ясных выражениях поддержал Перестройку, сказал, что теперь дорога ко всеобщему миру стала более широкой и обнадеживающей. Иногда говорил по-русски.

Помню, правда, и одно неприятное ощущение, когда перед закрывающимися железными воротами в резиденцию президента Италии меня чуть не задавила толпа. Наши и итальянские охранники оторвали меня от асфальта и протащили через ворота на руках.

Особо хочу сказать о Японии. Я там был 11 раз: два официальных визита и девять — лекции, конференции. И каждый раз эта страна не переставала удивлять меня. Одни камни, ни грамма природных ископаемых. Ничего! А живут по-людски. Отказались от милитаризма как принципа государственной жизни, начали работать. Твердо встали на путь демократии и рыночной экономики. Берут в мире все лучшее, глубоко убеждены, что только разум и труд создают богатство и приносят славу народу, делают его великим. Часто бывая в этой стране, я каждый раз пытался убедить своих собеседников, что оптимальный путь российско-японских

отношений — это «третий путь». Что я имею в виду? Не отчужденность от России из-за Курильских островов, не сведение взаимных отношений к этим островам, а всестороннее развитие экономических связей, особенно в Дальневосточном регионе. Они должны быть настолько глубокими и обширными, что вопрос об островах станет мелкой проблемой. Впрочем, и вопрос об островах требует своего решения.

Не буду рассказывать о других встречах «на высшем уровне». Все они были чрезвычайно важными и интересными. Были у меня и собственные поездки во главе делегаций. Особенно запомнился визит в Испанию. Во время подготовки к этому визиту мне говорили, что в Испании тепло встречают делегации из Советского Союза, но то, что я испытал на себе, оказалось выше всяких ожиданий. Даже сугубо формальные встречи не были формальными — они всегда были согреты человеческим теплом. Беседа с королем Испании Хуаном Карлосом продолжалась больше часа вместо запланированных 20 минут. Встреча в парламенте вылилась в доброжелательную дискуссию. Перестройка только брала разбег, а парламентарии требовали от меня ясных ответов относительно того, что мы собираемся делать дальше. А мы и дома-то еще не обо всем договорились, а о том, о чем договорились, помалкивали.

Кто бывал в Испании, знает, насколько богаты ее музеи, картинные галереи, художественные выставки. Они ошеломляют своей вечностью. Когда ходишь по этим залам, невольно тебя охватывает ощущение, что перед тобой раскрывается вся история человечества в его художественных образах. Сердце замирает от мысли, что искусство, ошеломляя своим величием, делает тебя то песчинкой, то великаном, гордо несет свою миссию, олицетворяя бессмертие человечества. Потрясла меня и встреча с великим художником Сальвадором Дали. Он уже не вставал с постели, разговаривал я с ним не более трех минут, подарил он мне альбом своих творений с дарственной надписью, который я храню как реликвию. Его дом — тоже музей. Там его жизнь. Буквально все — и в доме, и во дворике — дышит неохватным гением художника.

Наверное, визит в Испанию был и психологически особым. Ходишь по испанской земле, и тебя неотступно сопровождают воспоминания тех далеких лет, когда мы, мальчишки, жили испанскими событиями, носили испанские пилотки, пели испанские песни, мечтали увидеть Гренаду и Гвадалахару.

Однажды Горбачев послал меня в Бонн к канцлеру ФРГ Гельмуту Колю, чтобы в доверительном порядке обсудить

вопрос о возможной координации усилий Запада в области экономического сотрудничества с Советским Союзом. Мы поехали вдвоем с Григорием Явлинским. Во время этой поездки я еще раз убедился в его профессионализме. Вынашивалась идея, в чем-то похожая на «план Маршалла». Беседа была продолжительной и в конечном итоге — многообещающей. У меня осталось убеждение, что Коль искренне заинтересован в широком сотрудничестве с СССР.

Конкретных договоренностей не состоялось. На Западе, как и у нас, оставалось, в том числе и у власти, еще много твердолобых политиков и военных, для которых «холодная война» определяла их образ жизни, держала у власти. Убежден, что, подойди Запад к новой России с новыми мерками, сегодня мир был бы совсем иным. Обстановка была уникальной и очень богатой по своим возможностям.

В конце разговора, соорудив серьезное лицо, я сказал канцлеру:

— Господин Коль, все это хорошо. И беседа у нас сегодня была конструктивной, но мне не дает покоя одно обстоятельство. Оно постоянно гложет меня.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду то, что Германия до сих пор не заплатила репарации нашей стране.

— Какие репарации? Мы все заплатили.

— Нет, господин Коль. Немецкие политологи сочинили теорию построения самого лучшего общества на земле. Сами немцы почему-то не захотели строить свое счастье по Марксу и Энгельсу и подсунули эту программу нам. Россия клюнула на приманку, приняв социальную диверсию за добродетель. В результате мы обнищали и отстали. И вот теперь обращаемся к вашей помощи.

Гельмут Коль долго смеялся.

Перед встречей с германским канцлером я как бы прокручивал в голове отдельные эпизоды моего опыта свиданий с этой загадочной и в то же время открытой страной. Как-то мне пришлось выступать в Бонне — в институте международных отношений. Было это еще до Перестройки, я работал директором Института мировой экономики и международных отношений. Среди других вопрос был и такой:

— Что вы думаете о возможностях объединения Германии?

— Это дело самих немцев.

Вернулся в Москву. Вызывают меня в отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями. Первый заместитель заведующего отделом Елизар Кусков спрашивает:

— Что ты там наговорил в ФРГ?

— Да ничего такого.

— А вот Хонеккер телеграмму прислал, что ты вводишь в заблуждение общественное мнение, поскольку игнорируешь тот факт, что существуют два самостоятельных немецких государства и два разных народа.

Мой собеседник улыбался. Я тоже. Елизар, царство ему небесное, был реальным политиком. И не мог знать Хонеккер, как и никто другой, что мне лично пришлось вместе с послом Кочемасовым решать вопрос о переезде Хонеккера из Германии в Свердловск, а затем в Чили. Сегодня в немецких и российских информационных средствах распространяются разные версии обстоятельств отъезда Хоннеккера из ГДР. Увы, срабатывает у некоторых политиков и журналистов древняя «психологическая чесотка» — приобщить себя к событиям, к которым не имеют ни малейшего отношения.

Я помню ночные разговоры с Эгоном Кренцем, наследником Хонеккера, как раз в те очень не простые времена, когда поток беженцев хлынул на Запад через Чехословакию и Венгрию, а затем разрушение Берлинской стены. Заботы Кренца сводились к тому, чтобы все это проходило по возможности без конфликтов, без провокаций с той или другой стороны. Лично у меня сложилось впечатление, что мой собеседник понимает неизбежность объединения Германии. Именно в этом контексте и на этой волне и шли наши разговоры. Кстати, я считаю крайне несправедливым отношение западно-германских властей к лидерам ГДР, стремление осудить, посадить в тюрьму и т. д. Запахло принципом: «Кто сильнее, тот и прав».

Скажу еще, что для меня всегда оставалось загадкой, почему Россия и Германия, а вернее, правители не смогли найти другого пути в отношениях, кроме вражды и войн. Мне всегда казалось подобное исторически алогичным и противоестественным. Невообразимо представить себе экономическую мощь двух государств и богатство народов, если бы строили они свои отношения на базе сотрудничества. Не потеряна такая возможность и в наше время. Только надо решительно отбросить в сторону обветшалые догматы и поработать как следует над новой, глубоко проникающей в будущее программой отношений.

Близко наблюдая Михаила Сергеевича на встречах с главами других государств, министрами иностранных дел, как за рубежом, так и дома, должен сказать, что Горбачев показал себя деятелем достойного класса. У него были оппоненты, прошедшие в политике огонь и воду, такие, как Митте-

ран, Тэтчер, Коль, Накасоне, Рейган, Шмидт, Дэн Сяопин, Гонсалес, Андреотти — всех не перечислить. Десятки лидеров побывали в Москве.

Как правило, в поездках за рубеж нас сопровождали видные писатели, художники, журналисты. Вечерами, после переговоров и приемов, обязательно собирались вместе. Каждый делился своими впечатлениями. Нередко спорили. Горбачев вел себя по-товарищески, никакой чванливости. Раиса Горбачева была заботлива. Если ее что-то беспокоило, она, бывало, обращалась ко мне и всегда в очень корректном тоне.

— Александр Николаевич, а не кажется ли вам, что некоторые писатели начинают фамильярничать с президентом, не понимая, что он все-таки президент?

— Что вы, Раиса Максимовна! Во-первых, какой-то вызывающей наглости я не видел. А во-вторых, интеллигенция — это особый мир. И чем проще и раскованнее они разговаривают с Михаилом Сергеевичем, тем ближе они к нему становятся. А что касается случающегося пижонства, то это от комплексов, свойственных творческим людям. Я рад, что у Михаила Сергеевича устанавливаются доверительные отношения с интеллигенцией.

Однажды в Москве:

— Александр Николаевич, вчера по телевидению показали, как я поправляла чулок, когда шла по Кремлю. Нашли, что показывать!

Я сказал, что это как раз хорошо. Первая леди в стране поправляет чулок, значит, нормальная женщина.

— Да? А мне показалось...

Наверное, в области внешней политики что-то можно было сделать поточнее. Наверное. Но свершилось главное: страна наша перестала быть пугалом. Новая внешняя политика благодатно влияла на оздоровление и внутри страны. Впервые за многие десятилетия люди увидели (по крайней мере на подсознательном уровне почувствовали), что здравый смысл при наличии доброй воли может победить. В этом отношении решения о выводе наших войск из Афганистана, объединение Германии, ядерное разоружение имели фундаментальное значение. Другой разговор, что не все в мире оказались готовыми к этому. Слишком много накопилось инерции, догматизма, опыта упрощенных и вульгарных решений, диктуемых мышлением времен «холодной войны». Надо отдать должное Путину, во внешней политике он определился достаточно точно — на основе здравого смысла и интересов России.

Особый вопрос, намертво связанный с «холодной войной», это образование после мировой войны на восточно-европейском пространстве «социалистического содружества», возглавляемого Советским Союзом. Сегодня является очевидным, что политика оккупации восточно-европейских стран противоречила интересам СССР и была глубоко ошибочной. Об этом уже написаны сотни книг и статей. Останься эти страны свободными и независимыми, можно себе представить ту степень доверия и дружеских чувств к нашей стране, созданных победой над германским фашизмом. Увы, теперь мы дышим горьким воздухом неприязни, причем расплачиваться за агрессивно-воинственную позицию Сталина приходится рядовым гражданам, новому поколению, которое не имеет к старой политике ни малейшего отношения.

Неестественность формирования так называемого социалистического содружества да еще острые противоречия внутри самого содружества наложили отпечаток сумбура на нашу перестроечную политику. Она сводилась к формуле: «Не до них, своих дел хватает». Иными словами, четко проработанной политики в отношении восточно-европейских стран не было, что говорит о нашем недомыслии, хотя общий стратегический принцип был достаточно ясен, а именно: свобода социального выбора для всех.

Я участвовал в некоторых заседаниях Политического консультативного совета стран бывшего социалистического содружества и должен сказать, что на этих собраниях предельно четко обозначались политические позиции правящих сил. Если руководители Венгрии, Польши, Чехословакии с теми или иными нюансами поддерживали идеи обновления общественной жизни, то руководители ГДР, Румынии, Болгарии упорно отстаивали догматические подходы, требуя решительных мер по дальнейшему укреплению социализма и содружества, обвиняли Горбачева в том, что он ослабил внимание к проблемам социалистического строительства, особенно в идеологической сфере. Подобный же расклад настроений в более острой и выпуклой форме выявился и на совещании идеологических секретарей коммунистических партий, проходившем в Монголии. На этом совещании мне пришлось возглавлять делегацию КПСС. Там ортодоксия лилась через край.

Кризис в руководстве государств содружества нарастал, он обострялся не только в отношениях между лидерами, но и внутри руководящих органов тех или иных государств. Мы постоянно получали информацию о событиях и процессах в правящих партиях. Информационный поток вызывал все но-

вые и новые противоречия и в Политбюро ЦК КПСС. У нас тоже были свои хранители пепла от «революционного огня» в зарубежных странах.

Мы с Михаилом Сергеевичем не один раз разговаривали на эти темы. Где-то в 1989 году он попросил меня съездить в ГДР, Чехословакию, Болгарию и Венгрию, обстоятельно переговорить с партийными лидерами этих стран. Вполне успешной эту поездку я бы не назвал. Если в Венгрии и Чехословакии я встретил понимание, то в ГДР и Болгарии — ни малейшего. С поляками переговоры состоялись в Москве, достаточно успешные.

Тодор Живков рассуждал в том плане, что раз уж мы начали строить социализм, то надо продолжать, хотя в то же время и говорил, что все неудачи на этом пути происходят из-за того, что социалистический эксперимент, вопреки учению Маркса, предпринят в экономически слаборазвитых странах. С Живковым мы беседовали дважды, и оба раза по 3—4 часа.

Эрик Хонеккер пытался убедить меня, что у них, в ГДР, Перестройка прошла еще в 1956 году и они теперь находятся на более высокой ступени развития. На мой вопрос, на какой именно ступени они находятся и по каким показателям, Хонеккер так и не ответил, но упрекнул все же советское руководство в том, что оно мало помогает Восточной Германии в ее конкурентной борьбе с Западной Германией.

Вдвоем с Горбачевым мы в Москве долго беседовали с Николаем Чаушеску и его супругой, но так ни о чем и не договорились. Кстати, Горбачев, объясняя обстановку в СССР перед Перестройкой, сказал, что ход событий мог закончиться и социальным взрывом.

— У нас этого не случится, — заявил Чаушеску. — Мы полностью владеем обстановкой.

Что потом произошло в Румынии, известно всем.

Когда внутрипартийные противоречия в некоторых странах достигали особой остроты, мне приходилось беседовать и с теми лидерами, которые приходили на смену уходящим. У новых лидеров явно обнаружилась тенденция переложить решение кадровых проблем на Москву. Я помню ночной звонок мне из Болгарии, когда болгары просили пригласить их Политбюро в Москву и решить проблему нового руководства. Нечто похожее было и в случае с ГДР. В Москве, однако, была твердая позиция невмешательства. Мы убеждали своих коллег, что только они сами, и только они, отвечают за судьбу своих народов.

В последние годы модно утверждать, что такая позиция объяснялась растерянностью, нерешительностью Москвы, сложностью положения в самом СССР. Нечто подобное, конечно, присутствовало. Но не в этом главное. Главное состояло в общем принципе, который был заложен в сердцевину Перестройки, — свобода социального выбора каждой страной, каждым народом. Этот принцип прозвучал еще в 1985 году в речи Горбачева на апрельском пленуме. Об этом я уже писал. Что же касается характера и значения освободительного процесса в странах Восточной Европы с точки зрения исхода «холодной войны», то надо признать явную недооценку этого процесса советской внешней политикой. Он развивался как бы вне интересов нашей страны. Запад оказался здесь гораздо проворнее.

К сожалению, на Западе, и прежде всего в США, некоторые политики усмотрели в событиях в СССР и странах Восточной Европы только кризис, открывший возможность ослабить главного оппонента, нанести весомый удар по «мировому коммунизму». Практически государственный Запад остался в стороне от процесса демократизации нашей страны, оставив нас, молодую демократию, один на один в борьбе с мощнейшей машиной XX века — большевистским тоталитаризмом. При этом стали банальными ссылки на необходимость подождать, пока в СССР не стабилизируется обстановка, на то, что бизнес не может рисковать. Это больше, чем недальновидность. Хотя в определенной мере виноваты мы сами с нашими мятежами и откатами, которые демонстрировали и демонстрируют до сих пор возможность поворота вспять.

Хочу быть правильно понятым. Я не выдвигаю никаких политических или моральных обвинений в адрес кого бы то ни было, просто констатирую факт. Или то, что лично мне представляется фактом. Никоим образом не отрицаю того, что советская система действительно переживала глубокий и потенциально опасный кризис. Собственно, об этом в годы Перестройки не раз публично и откровенно говорили и Горбачев, и я сам, и некоторые другие представители советского руководства. Никто, разумеется, не мог гарантировать того, что Перестройка или иные реформаторские усилия непременно принесут те желанные результаты, на которые рассчитывали ее инициаторы. И в этих обстоятельствах взятый Западом в целом курс на минимизацию собственного риска, на всестороннюю подстраховку собственных интересов и позиций был прагматичен, именно прагматичен, но только на данный момент, а не на перспективу. Прогностической мо-

щи Западу не хватило. В результате прекращение «холодной войны» не стало или, скажу осторожнее, пока не стало разрывом с силовой психологией в политике в пользу интеллектуальной и нравственной детерминанты.

В итоге утвердилась позиция, исходившая из того, что в СССР назревает «крах коммунизма», а не предпосылки для поворота к новой и перспективной модели развития. Точно так же и в новом политическом мышлении увидели лишь вынужденный зигзаг, а не нечто принципиально новое в подходах к международным делам. Была взята линия только на завершение «краха коммунизма» — по возможности без неприемлемых потрясений.

Если говорить о Советском Союзе, то речь идет не просто о распаде империи, а о тяготении отдельных ее частей к различным «полюсам притяжения», о перекройке карты мира. Пока что существует опасность формирования новой конфигурации той же по сути конфронтационной модели, от которой мы с таким трудом отказались. Возникновение новых азимутов конфронтации в известной мере обусловлено положением постсоветских стран на стыке разновекторных политических сил: на Западе — интегрирующейся Европы; на Востоке — Японии и стремительно выходящих на мировую авансцену стран АТР, а главное — такого важнейшего фактора, как Китай; на Юге — огромного массива развивающихся стран с растущими националистическими устремлениями и агрессивной идеологией фундаментализма. Оттесняемая на Восток и Север, Россия, если подобное будет продолжаться, неизбежно усилит свою активность на Дальнем Востоке. В принципе для этого есть благоприятные предпосылки.

Под видом конфессиональной экспансии в южные государства бывшего СССР и Европы исламский фундаментализм создает основы для того, чтобы в перспективе бросить геополитический вызов странам развитого Севера. Первые попытки он уже сделал — через терроризм. Эта тенденция особенно опасна в свете нарушения демографического баланса между Севером и Югом. В этих условиях принципиальной ошибкой являются попытки силовых решений возникающих проблем. Я не исключаю возможность применения силы, например, против террористов Но в стратегическом плане срочно необходим долговременный, терпеливый, взаимоуважительный диалог цивилизаций. Необходимо создать под эгидой ООН специальный механизм долговременного и многопланового всепланетного диалога.

Все послевоенные годы человечество ждало своего конца. Это было ужасное время. Теперь появилась новая боязнь — боязнь перед неожиданным геополитическим раскладом разновекторных сил, теми кардинальными изменениями, которые неизбежно приведут к последствиям, о которых мы еще не знаем. Появились новые системно-образующие факторы мирового развития. Прекратил свое существование двухполюсный мир, образовался монополизм, что само по себе опасно, ибо опасен любой монополизм. Как это парадоксально ни прозвучит, но то, что сейчас США остались единственной сверхдержавой, не улучшило их общее положение, равно как и безопасность. В геополитическом смысле они тоже перестали быть сверхдержавой, их влияние будет падать, причем не за счет уменьшения их силы, а за счет усиления других государств и объединений. Содержание мировой политики изменилось коренным образом, а технология политики осталась старой, инерционной. На мой взгляд, только многополюсный мир нового реализма в состоянии сформировать эффективный сдерживающий потенциал антинасилия. Наметившаяся тенденция к сближению России с США и Западом в целом обнадеживает, но ее развитие требует скорейшего создания практического механизма взаимодействия, такого механизма, который бы уберег мировое сообщество от возможных новых провокаций в это переходное для всего человечества время.

Глава девятнадцатая

СТРАНА ЗЫБУЧИХ ПЕСКОВ

Я долго не мог решить, писать или не писать главу о времени после мятежа 1991 года. Мнения моих друзей тоже были разными. Даже советовали поставить после заголовка знак вопроса на всю страницу. В этом, между прочим, есть смысл, ибо пробежавшие галопом события плохо поддаются анализу на историческом уровне. Это естественно. Однако после того, как президентская власть сменилась, необходимость в такой главе явно обострилась. Четко высветилось, что в России еще ничто не закончилось, все движется, припадая то на правую, то на левую ногу. Отсюда и болотистая вязкость политических событий, усталость народа и катастрофичность сознания, что и сохраняет ситуацию нестабильности.

Автор

Итак, бурное лето 1991 года. В стране быстро нарастало напряжение. Во второй половине июля зашел ко мне перед отпуском профессор В. Наумов — консультант по делам реабилитации жертв политических репрессий. Я рассказал ему о своих опасениях относительно возможности государственного переворота и предупреждениях в связи с этим, направленных мною Горбачеву. Поговорили о том, о сем. Я спросил его: «А кто, по-твоему, станет во главе возможной авантюры?» Наумов пожал плечами. Когда он уходил, я бросил вслед: «Думаю, что Шенин». Я действительно считал, что именно Шенин возглавит реваншистский демарш: как-никак секретарь ЦК, амбициозен, крут, с вареными мозгами на сталинском бульоне. Я ошибся. Главарем оказался Крючков.

После моего заявления об отставке в июле меня уже в августе 1991 года исключают из КПСС. В ответ я пишу заявление о выходе из партии, в котором, в частности, снова предупреждаю, что партийная верхушка *«ведет подготовку к социальному реваншу, к партийному и государственному перевороту».* Это мое четвертое по счету предупреждение было сделано 16 августа 1991 года, за два дня до путча.

В этот же день собирается политсовет Движения демократических реформ. Единодушно констатируем, что в стране создалась предгрозовая обстановка, пахнущая переворотом. Договорились встретиться через неделю и подготовить на эту тему обращение к народу. Опоздали.

О начавшемся мятеже я узнал рано утром 19 августа. Рассказал жене. Начал успокаивать ее, но оказалось, что успокаивать надо меня. Нина собрала нервы в кулак и говорила только о том, что надо делать. Такой спокойной я ее никогда не видел. Девятилетний внук Сергей, почувствовавший детским сердечком, что происходит что-то неладное, начал привязывать к ручкам входных дверей разные склянки-банки.

— Как только кто-нибудь начнет дверь открывать, мы услышим, — объяснял он свой «хитрющий» замысел.

Прибежали дочь Наташа с мужем Борисом. Созвонился с сыном. Вскоре все они ушли к Белому дому. Пока было ясно лишь одно — начиналась новая полоса в жизни страны и в моей тоже. Партийно-военная номенклатура пошла на мятеж. В Москву введены войска. На телевидении — музыка Чайковского из «Лебединого озера». Где Борис Ельцин и что с ним? Только слухи, в том числе и панические.

К дому пришли журналисты — иностранные и советские. Один из них — старый знакомый — зашел в квартиру и сказал, что с обеих сторон дома стоят машины КГБ. Он предложил отвезти меня и мою семью к своим друзьям на загородную дачу, иначе арестуют. А там, в лесу, не найдут. Я отказался.

Принесли мне статейку из «Правды», в которой говорилось, что вот Яковлев все пугает нас заговорами, переворотами и т. д. Газетка осудила меня за нагнетание напряженности. А танки уже гуляли по Москве. Правдисты опять опростоволосились.

Надо было что-то делать. Позвонил в Белый дом Ельцину. У телефона оказался академик Юрий Рыжов. Борис Николаевич еще был в Архангельском, на даче. Попросил Юрия Алексеевича связать меня с президентом. Через несколько минут позвонил Ельцин. Спросил его, как он оценивает ситуацию, предложил ему любую помощь. Рассказал о машинах КГБ. Он дал соответствующее указание Баранникову, министру МВД. Вскоре пришла машина спецназа, ее пассажиры выглядели весьма грозно и надежно. Обе машины КГБ сразу же исчезли.

А я поехал по улицам Москвы. Остановка у танка. Командир — это был лейтенант — узнал меня. Спрашиваю:

— Будете стрелять?

— Нет, не будем, да и снарядов нет.

С восхищением наблюдал, как женщины буквально оккупировали танки. Они кормили молоденьких солдат, уговаривали не брать грех на душу — не стрелять. Великое российское явление — домашние столовые на танках. Зрелище, трогающее до слез. Московские героини спасали народ России от новой катастрофы. Вокруг здания одного из родиль-

ных домов ходили студенты с лозунгом «Не рожайте коммунистов».

Я поехал в Моссовет, где недели за две до этого начал работать в качестве председателя городского общественного собрания. Меня уже ждали мои помощники — Николай Косолапов, Валерий Кузнецов, Татьяна Платонова. Приходили друзья. Геннадий Писаревский принес на всякий случай продукты и пиво. Пришел Владимир Федоровский, журналист. Потом Александр Аладко, Александр Смирнов — один был моим врачом, другой — начальником охраны в политбюровское время. Зашел Отто Лацис. Десятки друзей.

В эти дни я был на трибунах демократических митингов — у Моссовета, на Лубянке, у Белого дома. Выступал. Непрерывно давал интервью. Написал несколько листовок. На митинге 20 августа у здания Моссовета на Тверской я, в частности, говорил, что цель контрреволюционного переворота

«вернуть нас в туннель смерти сталинизма, снова надеть ярмо несвободы...

От нас зависит, избавимся ли мы, наконец, от дворцовых интриг и переворотов.

От нас зависит, отторгнем ли мы, наконец, волчьи законы существующей власти.

От нас зависит, обретет ли народ власть, которой его сегодня лишили, и покончим ли мы с угнетающим нас страхом, трусостью и приспособленчеством.

От нас зависит наше будущее и детей наших.

Сегодня мы спрашиваем, где Президент? Мы требуем дать возможность ему выступить перед народом, и тогда все будет ясно, кто есть кто.

Позор случившегося неописуем, стыд беспределен».

В эти дни не один раз разговаривал с Ельциным, отвечал на тревожные звонки из США, Англии, Германии. Знакомые и незнакомые люди как-то добирались до меня по телефону. Как мог, успокаивал их. В разговоре с Геншером спросил его, почему он не позвонит в МИД? «Мы хотим знать правду», — ответил Геншер.

Напряжение достигло предела. Москва оккупирована танками. Объявлено чрезвычайное положение. Заговорщики провозгласили себя руководством страны. Запрещены демократические газеты. Страна оказалась перед реальной угрозой гражданской войны. Приведу выдержку из одного из моих воззваний: *«Организация и ход переворота доказывают: за ним не только военно-промышленный комплекс и государственно-бюрократические кланы старого Союза. За ним — крайняя реакция в КПСС, все еще живущая в психологическом поле перманентной войны против собственного народа, ненавидящая демократию».*

21 августа мне позвонил Борис Николаевич и сказал, что Крючков предлагает ему, Ельцину, вместе полететь в Форос за Горбачевым.

— Тут какая-то провокация. Я прошу вас, — продолжал Ельцин, — полететь в Форос, хотя думаю, что Крючков с вами лететь откажется. Как поступим?

Я сказал, что у меня тоже нет желания лететь в Форос с Крючковым, тем более я жду телефонных звонков от Геншера, Бейкера, Брандта и Мейджера, о чем мне уже сообщили по телефону. Моя реакция Борису Николаевичу не понравилась. В конце разговора он буркнул:

— Ну, тогда пошлите кого-нибудь.

Позвонил Иван Силаев и, сославшись на Ельцина, спросил, кого включить в группу для поездки в Форос. Я назвал Бакатина и Примакова. Потом направили туда еще и Руцкого.

Крючков же в своих воспоминаниях дает другую версию событий, совершенно противоположную. Он утверждает, что ему позвонил Ельцин и предложил полететь в Форос за Горбачевым вместе с ним, Ельциным. Он, Крючков, отказался, поскольку заподозрил провокацию, имеющую цель его арест. Лжет, конечно, Крючков.

Возвращение Михаила Сергеевича из Фороса я видел по телевидению. На лице усталая улыбка. В легкой куртке. Увы, он с ходу сделал серьезную ошибку. В это время шло заседание Верховного Совета РСФСР, где его ждали. Ехать туда надо было сразу же, в том же одеянии, в котором сошел с трапа самолета. Я уверен, его бы встретили со всеми почестями, которые положены Президенту СССР, да еще заложнику предателей. Но Михаил Сергеевич приехал на заседание через день, настроение уже было не в его пользу. Это было жалкое зрелище. Завязался какой-то бессмысленный спор. Ельцин вел себя как победитель. Горбачев же произнес речь, которую мог бы произнести и до мятежа. Ничего конкретного, обтекаемые фразы, ни оценок, ни эмоций. Не знаю, кто ему помогал в подготовке этой речи, возможно, он и сам ее сочинял, но она была вялой и сумбурной. А люди ждали жестких оценок, политической воли в намерениях и благодарности за мужество, проявленное москвичами. Ни одной фразы о собственных ошибках, хотя бы кадровых, а самокритичность в создавшихся условиях была бы очень уместной. К нему еще не пришло осознание, что в августовские дни 1991 года испарились многие идеологические галлюцина-

ции. Он не смог уловить, что прилетел уже в другую страну, где произошли события исторического масштаба.

Когда он собрался уходить со сцены, его спросили из зала, как он собирается строить отношения с Шеварднадзе и Яковлевым. Он ответил, что с Яковлевым пуд соли вместе съеден, а поэтому дверь ему всегда открыта. Ничего себе! Сначала расстался без сожаления (несмотря на обиду, я на всех митингах шумел, требуя возврата Горбачева в Москву), а теперь, видите ли, дверь открыта... Ведь пуд-то соли действительно вместе ели. О Шеварднадзе не сказал ни слова. И все же я вернулся к нему. Он попросил меня зайти в Кремль. Не хотелось бросать его в тяжкие минуты крушения многих его, да и моих надежд.

За день до неприятной перепалки Горбачева и Ельцина я тоже попросил слово на заседании Верховного Совета России. Руслан Хасбулатов дал его немедленно. Я вышел на трибуну и сказал: главная беда состоит в том, что Горбачев окружил себя *политической шпаной*. Дай Бог, чтобы эту ошибку не повторил Ельцин. И ушел с трибуны. Речь моя продолжалась меньше минуты. Аплодисменты были шумные, гораздо длиннее речи. Эта фраза обошла все газеты, была передана по телевидению.

Наступило странное время. Ельцин куда-то исчез, хотя первые недели после провала мятежа требовали активнейших действий. Тем временем компартия, запрещенная Ельциным, подала жалобу в Конституционный суд. Его итоги известны. Я там тоже выступал в качестве свидетеля. В своей речи говорил о партии, об ответственности всей ее верхушки перед народом, о преступлениях Ленина и Сталина. Выступление длилось около часа, слушали внимательно. В частности, я сказал:

«Не стану вдаваться в детали советской истории, кроме того, что я уже сказал. В ней многое запутано, переплетено, закручено — Зло и Добро, преступления и самоотверженность, злодеи и жертвы, испепеляющая ненависть и не убитое до конца милосердие. Проще всего сказать: повинны Ягода, Ежов, Берия и их подручные, повинен Сталин с его маниакальным властолюбием, жестокостью, презрением к человеческой личности. Повинен Ленин, исповедовавший насилие как «повивальную бабку истории». Но это еще не ответ, а половина его. Один, пять, девять, сто «сверхчеловеков» не способны так изуродовать судьбу страны и судьбы людей. Вот почему я хочу говорить об идеологии, о заблуждениях, о слепой вере, об идеалах, которым мы поклонялись».

И дальше:

«Другой вопрос — можно ли считать социально приемлемым, безопасным для общества оставлять у власти и тем признавать за ней право на высшую и абсолютную власть организацию, которая на протяжении трех четвертей века упорствует в очевиднейших собственных заблуждениях, всерьез считает, публично утверждает, что только она и никто другой знает скрытые пружины общественной жизни, объективные законы истории, рецепты счастливого будущего и тайные тропы к нему?

Организацию, которая неизменно и последовательно обрушивалась на всех, кто пытался из лучших побуждений придать ее действиям хотя бы какую-то рациональность, изгоняя их из своих рядов, травя, преследуя, шельмуя и уничтожая физически?

Организацию, которая смотрит на страну и народ как на глину в своих руках, глину, из которой она вправе лепить что угодно, больная самонадеянностью, освобожденная от всякой ответственности, кроме абстрактно исторической, подкрепленной всей мощью и властью сверхцентрализованного и супермилитаризованного государства, которое она для себя же и создала? Нетерпимость, доведенная до умопомешательства».

Начались, как положено, выступления и вопросы сторон. В сущности, люди, представлявшие коммунистическую сторону, делали все для того, чтобы весь разговор превратить в судилище надо мной, они всячески уходили от существа дела, играли на моих нервах, задавая всякие провокационные вопросы. Председатель суда В. Зорькин порой вынужден был прерывать их выступления, отводить вопросы, лишать слова.

К сожалению, решение суда оказалось практически победой большевиков, послужило возобновлению их разрушительной деятельности. Они сохранили свои основные структуры. И до сих пор являются ведущей силой российского раскола, стоящей поперек реформ.

Повторяю, первые месяцы после подавления мятежа прошли вяло. Участники событий у Белого дома спрашивали друг друга, а что там делают руководители страны? Нужна платформа действий в новых условиях. Но одни говорили, что Борис Николаевич заболел, другие — что формирует правительственную команду. Все обстояло гораздо проще. Ельцин и все те, кто окружал его в тот момент, просто не знали, что делать дальше. Они не были готовы к такому повороту событий. И это можно понять. Как рассказывали мне

его сподвижники, российские демократы готовились взять власть на основе свободных выборов через год-полтора. А тут она свалилась, как льдина с крыши, да прямо на голову. Наступил период политических импровизаций. Грянули Беловежские соглашения. Конечно, Советский Союз был нежизнеспособен в том виде, в котором он существовал, но обращаться с ним так просто — собраться где-то в лесу и распустить, — шаг не из самых прозорливых.

Здесь самое время еще раз вернуться к вопросу, связанному с обвинениями в адрес Горбачева в развале Союза. В этом же обвиняют и меня. Начать с того, что как раз ортодоксальное крыло в КПСС настаивало на образовании особого отряда КПСС — Российской компартии, что явилось первым сигналом к распаду СССР. Я открыто выступал против этого. Далее — объявление независимости России. От кого? От какого государства? Кстати, решающее слово в отделении России от других союзных республик сыграла коммунистическая фракция, располагавшая большинством в Верховном Совете России. Военно-большевистский путч 1991 года окончательно добил Союз. А Беловежские соглашения практически зафиксировали уже сложившееся положение вещей. Вот так поэтапно коммунистическая элита и развалила Союз.

К сожалению, Горбачев слишком долго и упрямо настаивал на идее федерации, хотя ситуация складывалась в пользу конфедеративного или какого-то подобного устройства, вроде того, которое предлагалось в программе «500 дней». После августа 1991 года все свое время, внимание и силы, я бы сказал, и нервы он тратил на поиск путей спасения Союза, уговаривая лидеров республик, особенно Украины, сохранить Федерацию. Но поезд уже ушел.

Если говорить об обвинениях в мой адрес, то никто и нигде не найдет ни одного моего слова в поддержку горячечного «парада суверенитетов». Я выступал за конфедерацию на добровольной основе. Но вовсе не считаю, что сегодня для России будет продуктивным какое-то новое союзное объединение. России надо самой твердо встать на ноги, влиться в общемировой процесс развития, как можно быстрее стряхнуть с себя ошметки большевистской и шовинистической психологии. Да и вообще в эпоху глобализации всякие новые государственные объединения становятся бессмысленными, а в дальнейшем станут и вовсе анахронизмом. Другой разговор, если суверенные государства создают единое экономическое пространство, выгодное для всех. Заслуживает поддержки, скажем, идея глубокой интеграции экономик Белоруссии, Казахстана, России и Украины.

Я вернулся к Горбачеву в качестве советника по особым поручениям. Был создан консультативный политический совет, в который вошли не только люди из ближайшего окружения Горбачева, но и лидеры нового демократического движения — Собчак, Попов, которые явно не хотели хаотического распада страны. В консультативном политическом совете возникло немало очень интересных проектов.

Назову основные: «Об акционерном капитале»; «О передаче убыточных предприятий в аренду и распродаже предприятий по бытовому обслуживанию»; «О земельной реформе и фермерстве»; «О местном самоуправлении»; «О свободе предпринимательства»; «О свободе торговли»; «О коррупции»; «О преступности»; «О грозящей опасности национализма и шовинизма»; «О правах человека»; «О разгосударствлении и децентрализации собственности»; «О разграничении функций Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик в области ценообразования в условиях регулируемой рыночной экономики»; «Об основных мерах по социальной защите населения в условиях рыночного ценообразования»; «О порядке образования и использования фонда регионального развития»; «О нормативах распределения общегосударственных доходов между союзным бюджетом и бюджетами союзных республик на 1991—1995 годы»; «О банковской деятельности»; «Об антимонопольных мерах и развитии конкуренции на рынке товаров»; «О государственной поддержке развития малых предприятий»; «Об изменении порядка исчисления и уплаты налога с оборота в условиях рыночного ценообразования»; «О создании в СССР службы занятости»; «Об экономической и правовой защите образования, науки и культуры в СССР в условиях рыночной экономики»; «Об инвестиционной деятельности»; «О ценных бумагах и фондовой бирже»; «О таможенном кодексе»; «О защите прав потребителей»; «О социальном обеспечении».

Подготовку этих проектов координировал академик Николай Петраков. Это была полновесная программа нового этапа демократической Реформации, который наступил после августовского мятежа. Все, однако, ушло в песок. Но сегодня без конца ахать и охать по этому поводу тоже нет смысла. Теперь самое разумное — ответственно и профессионально строить жизнь в России. И пусть другие бывшие советские республики живут так, как они того хотят. Только вот швыряться камнями через границы не надо. Пошлое это занятие.

Я уже рассказывал, как оказался в Фонде Горбачева. Пришел на работу в здание, которое просил в свое время у Гор-

бачева для организации Центра исследований. Но не получил. Михаил Сергеевич начал путешествовать по миру с докладами, лекциями, на разные симпозиумы и конференции. Я в качестве вице-президента рассматривал планы исследовательских работ, семинаров, «круглых столов». И все бы ничего, но однажды я прочел в «Огоньке» материалы подслушивания моих телефонных разговоров, обнаруженных в бывшей канцелярии Горбачева. Мучительно было даже думать об этом. Сразу же ожили и другие обиды, о которых я стал уже забывать. Пошел к Михаилу Сергеевичу, спросил у него, в чем тут дело? Он смутился и сказал: «Может, и меня подслушивали!»

Конечно, подслушивали. Как показало следствие по делу антигосударственного заговора в августе 1991 года, подслушивался весь высший эшелон власти. Материалы подслушивания хранились в «кремлевской кладовке», как называли особо секретные сейфы в общем отделе ЦК КПСС. В материалах говорится, что подавляющую часть коллекции секретов составляли материалы технического контроля, то есть записи подслушанных разговоров. От любопытствующего уха Большого Брата (КГБ) нельзя было отгородиться ничем.

Следователи В. Степанков и Е. Лисов рассказывают, что сфера интересов Крючкова *«была поистине безгранична. Слухачи из госбезопасности тщательно записывали разговоры Ельцина, Шеварднадзе, Александра Яковлева, Бакатина, Примакова и многих других союзных и российских руководителей, представителей демократически настроенной интеллигенции, активистов «Мемориала», «Московской трибуны» и прочих движений оппозиционного толка, народных депутатов, журналистов, в том числе и западных. Фиксировались не только беседы о политике. Крючкову было интересно все: кто кого любит или не любит, с кем и как предпочитает проводить свободное время, в какой стране хранит, если смог заработать, валюту, какую еду считает самой вкусной... Ну и мало ли о чем еще можно узнать из разговоров людей, которые вполне доверяют друг другу. Руководитель президентского аппарата тщательно сберегал даже конверты, не говоря уже об автографах вроде предуведомления Крючкова: «Уважаемый Михаил Сергеевич! Это выдержка из материалов технического контроля», или резолюции Горбачева: «Вл. Ал.! Надо бы сориентировать т. Прокофьева (без ссылки на источник)». Болдин прекрасно понимал, какое грозное оружие шантажа представляет собой содержимое его сейфа, неопровержимо доказывающее, что Президент был в курсе антизаконной деятельности шефа госбезопасности».*

После этого случая я не счел возможным работать дальше в Фонде Горбачева. Возникла идея восстановить работу Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, теперь уже в России. Президент Ельцин согласился и назначил меня ее председателем. Я об этом уже писал. Должность общественная, бесплатная. Кроме того, начал создавать собственный фонд. Борис Николаевич поддержал и эту идею. Создал, живу им. Фонд окреп, издает сейчас ранее закрытые документы советской и российской истории XX века. Уже изданы сборники о восстании в Кронштадте, трагедии в Катыни, о Берии, Жукове, двухтомник «Сибирская Вандея», «ГУЛАГ», «Власть и художественная интеллигенция», «Дети ГУЛАГа». Чрезвычайно информативны пятитомник «Как ломали НЭП», двухтомник «1941 год», «Государственный антисемитизм», «Сталинские депортации», «Лубянка». Всего планирую издать до 50—55 томов документов.

Я настроился на работу в фонде и в Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Тем более что работа этих двух организаций легко совместима по своему содержанию. Стал потихоньку отходить от непосредственной политики. Что-то в деятельности новой власти нравилось, что-то нет. Но всегда находил объяснения и оправдания — дело новое, люди молодые, еще не битые. Но успокаиваться, как оказалось, было рано. Снова задергалась кардиограмма еще больного реваншем общества. Большевики повели дело к устранению от власти Ельцина. Появились всякого рода компроматы, предложения об импичменте. Шум, гам, демагогия.

В это время (июнь 1993) Борис Николаевич обратился ко мне с просьбой подготовить ему проект речи, с которой он собирался выступить перед общественностью. Я решил воспользоваться этим предложением, чтобы изложить в довольно откровенной форме наиболее острые проблемы, причем значительную часть тезисов выступления посвятить президентской самокритике. Тезисы я разбил на разделы, например: почему нельзя возвращаться назад? Что мы строим? Что мешает нам больше всего? О саботажной роли чиновничества. О преступности, подчеркнув, что в этом явлении — «подлинная угроза историческому будущему России». Я писал также о частной собственности, фермерстве, самоуправлении и других перезревших проблемах. Отклика мои «всхлипы» не получили.

Спустя месяц президент снова попросил меня помочь ему подготовить речь на заключительном заседании Конституционного совещания. Я снова решил изложить свои тревоги от-

носительно обстановки в стране, писал, что новая Конституция должна стать основополагающим правовым актом *гражданского общества*, что человек в правовом отношении должен стоять над государством и его чиновничеством.

Процитирую отдельные положения, которые я предлагал включить в речь президента.

«По моему глубокому убеждению, на карту поставлена судьба России, ее демократическое развитие. Кризисное состояние общества достигло такой отметки, когда капризный маятник истории может качнуться в любую сторону. Работа над Конституцией, выражающей новый общественный уклад России, пришлась на самый острый и противоречивый момент переходного периода. Экономика, политика, нравственность сплелись в один узел. Жернова истории беспощадны к нам, но и нам, в свою очередь, жаловаться не на кого, кроме как на самих себя...

Меня больше всего удручает в современной российской обстановке то, что общество больно нетерпимостью, пронизано непомерным противостоянием, чаще всего искусственным...

Разве у нас не действует еще прежнее чиновничество, вернее, его психология равнодушия к человеку, его неуемное властолюбие, его неистребимое чванство. Вот они-то и продолжают питать всякого рода автократические извращения, позорящие демократию. Они дискредитируют предпринимаемые шаги и меры по демократизации общественного устройства, деморализуют людей, рождают у них апатию и отчаяние. Люди правы, когда говорят, что все осталось как при большевиках...

Разве у нас уже создана демократическая судебная система, свободная от идеологической пелены? Да нет же! Эта система еще номенклатурная. Она обучена не правосудию, а политической конъюнктуре. Смотрите, сколько выносится оправдательных приговоров неофашистам, открыто призывающим к насилию.

Иными словами, структура права, созданная в свое время для нужд и целей большевистского строя, а не общества и экономики, основанных на принципах прав и свобод личности и признания суверенитета частной собственности, остается неизменной. Главная особенность этого права в том, что государство и все органы, институты, организации стоят — и по закону, и на деле — выше личности...»

Не нашла отклика и эта мольба. Думаю, что свою тормозящую роль сыграл здесь президентский аппарат. Интуиция

шепчет мне, что Борису Николаевичу просто не показали мои соображения.

А тем временем в мутных водах государственной заводи большевистское лобби в законодательной и исполнительной властях все делало для того, чтобы повторить силовой мятеж, как это случилось в августе 1991 года. Только политические слепцы не хотели замечать этого сползания страны в пропасть. Моя тревога вылилась в новое письмо Ельцину, в котором я в острой форме говорил о сложившейся ситуации, призывал президента сделать кардинальные шаги на пути к демократии. Предложил издать некоторые указы, в частности о земле, судах, частной собственности, конверсии, гарантиях иностранным инвесторам, для чего стряхнуть с плеч реакционную, антиреформистскую силу в виде Советов и назначить новые выборы. В письме я особо подчеркивал, что все эти меры должны быть тщательно обеспечены информационно, а также полностью исключать насилие и кровь.

Эти письма имели своей целью обратить внимание на тот факт, что объединенная номенклатура быстро формирует коррумпированную систему власти, в результате чего и сам президент не один раз оказывался в политической ловушке. В сущности, я считал эти предложения моей программой развития демократии на новом этапе, но она, эта программа, опять оказалась выскочившей из времени. Я не раз вспоминал горькие слова из своей же книги «Предисловие. Обвал. Послесловие» о том, что Россия, возможно, не выдержит испытания свободой, хотя отчаиваться не хотелось.

Мои опасения очевидным образом были подтверждены октябрьскими событиями 1993 года. Я хорошо помню эти дни. В ночь с 3 на 4 октября 1993 года я был за городом. Смотрел новости. Они были нервозными. Чувствовалось: вот-вот произойдет что-то страшное, несуразное. Но что? Никто толком понять не мог. Беснующиеся «трудовики», повышенная агрессивность полупьяной толпы говорили о многом. Мы с сыном Анатолием немедленно поехали в город. Он вел машину. Город был пуст. Ни милиции, ни прохожих. Москва затаилась. Только семафоры «управляли» городом. Позвонил на радиостанцию «Эхо Москвы», дал интервью, сказав, что по городу марширует фашизм во всей его мерзости. Дальнейшие события — атака на «Останкино» и мэрию, подстрекательские речи, зовущие к крови. Особенно пугало бездействие властей. Всякое приходило в голову.

Сейчас немало споров об октябрьских событиях 1993 года. Некоторые «караси-идеалисты» из демократического лагеря считают, что обстрел здания парламента — грязное

дело. Конечно, мерзкое. Конечно, надо было искать выход из создавшегося положения без насилия. Все это так. Ну а фашиствующие молодчики, пытавшиеся захватить мэрию, «Останкино» силою оружия, речи и призывы к насильственному свержению власти, кровь невинных людей? Как тут быть? И что должен делать президент в этих условиях? Сочинять трактат о «чистой демократии», целоваться с макашовцами и анпиловцами или защищать еще очень хрупкий конституционный строй в стране?

Эти события привели к определенному зигзагу и в моей жизни. В один из вечеров по домашнему телефону мне позвонил Борис Николаевич и предложил поработать председателем телерадиокомпании «Останкино» и одновременно председателем федеральной службы телерадиовещания в правительстве России на правах министра. «Будете работать, сколько захотите: год, два, три, четыре...» Это произошло 23 декабря 1993 года, после того, как демократы на выборах в Думу потерпели частичное поражение. Я попросил Ельцина дать мне время подумать, а затем зашел к нему и после продолжительного разговора согласился.

Честно говоря, мне не хотелось возвращаться в политику, совать голову в челюсти этой акулы. Но меня снова охватила романтическая надежда, что через телевидение и радио можно будет разбудить задремавшую демократию, запутавшуюся в собственных противоречиях.

Началась, наверное, самая странная полоса в моей жизни. Дело в том, что именно в период работы в «Останкино» я начал понимать и как бы кожей ощущать, что в российской жизни нарождается что-то неладное, совсем иное, чем задумывалось в начале Перестройки. Мои розовые сны померкли, когда я окунулся в телевизионный водоворот. Склоки по поводу того, кому больше заплатили за ту или иную передачу, фальшь в поведении. Скажем, передача стоит (по тем деньгам) 40 миллионов, платим за нее 80, ибо сметы составлялись ложные, но прикрытые «коммерческой тайной». Постоянные свары между государственными редакциями и частными компаниями.

Через два-три месяца хотел подать в отставку, но было как-то неудобно. Хотя уже понял, что у меня всего два пути: либо смириться, плыть по течению и стать богатым человеком, либо ломать сложившуюся систему. Добиться каких-то кардинальных изменений стоило бы огромных трудов, а соратников для такой работы не оказалось. Стоило мне тронуть какую-нибудь передачу, передвинуть ее на другое время или вообще снять, как тут же начинались звонки от

доброхотов высокого ранга, от номенклатурных родственников, от знакомых других знакомых. Кроме того, я сделал грубые кадровые ошибки. Мне надо было создать новую команду управления и сменить руководителей студий и редакций, а я опять со своей гнилой мягкотелостью понадеялся на совесть людей, за что и поплатился. Каждый клан отстаивал свои интересы. Я чувствовал, что моя нервная система не приспособлена для руководства организацией, находящейся в состоянии беспощадной борьбы за деньги.

И все же кое-что удалось сделать. Первое, на что я обратил внимание, это бартерные сделки по принципу: зарубежные фильмы в обмен на рекламное время. Заинтересовался подобной практикой в связи с тем, что на экране шли дрянные фильмы, приобретенные, наверное, где-нибудь на складах в американских провинциях. Таких низкопробных фильмов в США я ни разу не видел. Спросил, сколько за них заплачено? Мне ответили, что оплата идет рекламным временем. Я запретил бартер. И получил, естественно, головную боль. Тут же начались анонимки, письма, звонки по телефону с угрозами, потом стали распространяться разговоры, что я ничего не смыслю в экономике, мешаю притоку выгодных программ и все такое. Но самое любопытное, я начал получать массу писем через правительственный аппарат, но уже с политическими обвинениями. Набор обычный, до смешного знакомый. Ответа на них никто не требовал, но роль раздражающих уколов эти письма играли отменно. Я почувствовал очевидную связь между коррумпированными элементами в компании и чиновниками в правительстве.

Когда возник вопрос о рекламе, то узнал, что рекламное время находится в распоряжении производителей программ. Принял решение организовать единую рекламную службу. Это вызвало бурю негодования. Побежали слухи, что рекламный холдинг создан для воровства. На самом же деле после начала работы этого холдинга мы стали получать почти в пять раз больше денег от рекламы.

Те, кто не хотел менять порядки, буквально саботировали мои распоряжения. Например, однажды председатель правительства Черномырдин попросил меня снять с экрана рекламу «МММ». Я сказал ему, что придется платить неустойку в крупных размерах. Заплатим, пообещал премьер. Я отдал соответствующие указания, но реклама оставалась на экране еще сутки. Чья-то заинтересованность оказалась выше распоряжения руководителя правительства. Узнать, кто это сделал, так и не удалось. Все отнекивались: я — не я, и лошадь не моя.

Вся эта возня отнимала у меня много сил. За время моей работы пришлось уволить более 900 человек, но это занятие, как известно, достаточно противное. К тому же доводили меня до белого каления бесконечные ходоки, которые заваливали меня проектами своих программ, разными «гениальными» предложениями. Приходилось отказывать, что тоже было достаточно неприятно.

Вместо творческой работы уйму времени пришлось тратить на переговоры с Минсвязью, с Минфином, ходить к председателю правительства, и все по одному и тому же вопросу — финансированию. Позиция чиновников была абсурдная — денег нет, но телевидение должно работать. Квадратура круга. Передо мной открывался какой-то фантастический мир с его некомпетентностью. Понять его было задачей непосильной, принять невозможно. Вот так, день за днем, и формировалось тягостное чувство неудовлетворенности, а заодно — и желание бросить все это к чертовой матери.

Помню начало чеченских событий. В день перед началом войны меня срочно вызвал Черномырдин. У него уже сидели Сергей Шахрай, Виталий Игнатенко и Олег Попцов. Черномырдин сказал, что принято решение навести порядок в Чечне. Грозный будет окружен двумя или тремя кольцами наших вооруженных сил. Когда он обо всем этом рассказал, первым вспылил Попцов. Какие три кольца? О чем вы говорите? Это же война! Черномырдину ответить было нечего, да он и не пытался отвечать. Повторил, что решение принято.

— Мы просим средства массовой информации помочь руководству страны.

— Но как помочь? — спрашивал Попцов. — Что мы можем тут сделать? Мы обязаны давать объективную информацию о том, что там будет происходить.

Короче говоря, расстались мы, ни о чем не договорившись. Я задержался у Черномырдина. Спросил его:

— Виктор Степанович, что происходит? Вы все там взвесили?

— Откуда я знаю. Я сам об этом узнал три дня назад.

На том наш разговор и закончился. На второй или третий день после начала войны на нашем канале появился резкий комментарий Генриха Боровика, в котором говорилось о бессмысленности этой войны и неизбежности тяжелых последствий. Утром раздался звонок из администрации президента, выразили резкое недовольство этой передачей. Где-то вечером позвонил Черномырдин, был весьма суров в оценках и упреках по этому же поводу. Через несколько дней он снова позвонил по домашнему телефону и в раздраженном тоне

возмущался одной из вечерних передач о войне в Чечне. Передача была и на самом деле тенденциозной, обвиняла в военных провалах правительство, а не военных. Тут Виктор Степанович был прав. Как потом оказалось, эта передача появилась при «финансовой помощи» Минобороны.

Новый режим увязал в интригах, слухах, нашептываниях и подсиживаниях, которые по своим объемам и бессовестности превосходили все мыслимые границы. Хочу определенно сказать, что в составе перестроечного Политбюро подобного и представить было невозможно. Дворцовые интриги, конечно, существовали и тогда, но они не носили характера личных склок.

В середине 1994 года меня пригласил к себе Ельцин. Встретил сурово. Попросил рассказать, как идут дела. Я откровенно поведал ему о своих тяготах и переживаниях. Пожаловался на то, что в коллективе еще немало людей, не желающих создавать добротные передачи о реформах. Я думал, что Ельцин хмур из-за Чечни. Однако об этом не было сказано ни слова. И вообще, к чести Ельцина должен сказать, что за время моей работы на телевидении он ни разу не выразил ни одной претензии к передачам, хотя поводов для этого было достаточно. Лишь однажды он попросил повнимательнее относиться к освещению отношений между ингушами и осетинами. Говорил о взрывоопасности этой темы. К концу беседы оттаял, вынул из папки страничку текста и передал мне.

— Почитайте!

В записке говорилось, что первый канал телевидения занял антиреформаторские позиции, очень часто появляются антиельцинские программы. Бумажка беспредельно глупая и лживая, без подписи, но явно готовилась кем-то из президентской администрации. Я даже не мог сразу сообразить, как прокомментировать эту демагогию. Молча смотрел на президента. Борис Николаевич улыбнулся и сказал:

— Смотрите, будьте осторожны, вас не только друзья окружают.

На том мы и расстались. Потом я спросил у руководителя администрации Сергея Филатова и пресс-секретаря Вячеслава Костикова, откуда ветер дует?

— Кому-то хочется поставить на телевидение своего человека, — ответил Сергей Александрович.

Ни тот ни другой о записке ничего не знали, но тоже считали, что она рождена в президентских спецслужбах.

Работа на первом канале телевидения давала мне возможность наблюдать, сравнивать, анализировать настроения в разных слоях правящей элиты. Но почувствовать и то, что

для многих представителей старой бюрократии я был лицом явно нежелательным. Не обнаружил и поддержки со стороны демократов. Когда председатель Думы Иван Рыбкин пригласил меня отчитаться перед депутатами, там собрались только представители коммунистов и элдэпээровцев. Из демократов, кроме Ирины Хакамады, я никого там не увидел. Коммунисты воспользовались случаем, чтобы устроить мне очередную политическую проработку. Само телевидение их мало интересовало.

В телевизионный этап моей жизни я встречался с Президентом Ельциным несколько раз. Расскажу об одной из таких встреч. Где-то осенью 1994 года я изложил ему свое видение обстановки в стране. Сказал, что практически идет к концу второй этап демократического развития, начавшийся в августе 1991 года, но теперь уже не в СССР, а в России. Он требует политического обозначения. Необходима, как никогда, консолидация демократических сил. Президенту нужна социальная опора, ядром которой может стать партия социал-демократического направления. Необходимо скорректировать экономическую политику в сторону социальности. Сказал, что в этих целях будет разумным создать *социал-демократическую партию* или *партию социальной демократии*. Изложил ее основные принципы. Кроме того, было бы целесообразно созвать общероссийский демократический конгресс с докладом президента, в котором обозначить основные цели и параметры дальнейшего развития.

Заинтересованность Ельцина была очевидной. Он что-то записывал. Спросил, что я имею в виду, когда говорю о социальности. Сказал ему, что в рыночной экономике неизбежно социальное расслоение, но в этот переходный период надо позаботиться не только о том, чтобы появились богатые люди, но и поставить барьер нищенству. Реформы должны служить людям, а не реформам. Кажется, убедил его. Он поддержал идею о создании партии и созыве демократического конгресса. Попросил зайти к его помощнику, рассказать ему о разговоре и подготовить предложения.

Сказал Борису Николаевичу еще о том, что перепалка между ним и Горбачевым производит крайне негативное впечатление на общественное мнение. И вообще, надо менять отношение к предшественникам. Борис Николаевич долго молчал. А потом сказал:

— Вы, пожалуй, правы. Я обещаю больше не упоминать публично его имя. Он выполнил свое обещание.

Затем неожиданно спросил:

— А что это у вас за ночная передача под руководством Егора Яковлева?

Я объяснил ему, что никаких федеральных денег на эти ночные передачи не тратится, что передачи рассчитаны на полуночников, демонстрируются фильмы. Борис Николаевич слушал внимательно. Трудно было понять, верит он или не верит моим объяснениям, одобряет или нет. Продолжал молчать. И вдруг после затянувшейся паузы ошеломил меня вопросом:

— Скажите, а Егор Яковлев порядочный человек?

— Безусловно.

И опять долгая пауза, а затем реплика:

— Да, пожалуй.

На том мы и расстались. Для меня стало еще очевиднее, что есть люди, которые внимательно следят за каждым моим шагом. Честно говоря, надоело быть под колпаком — будь то при тоталитарном режиме, будь то при демократическом, будь то при путинском.

Итак, я начал создавать партию. Саму идею многие встретили с энтузиазмом. Провели съезд. Получили приветствие от президента. Но тут кому-то в окружении Ельцина прискакала в голову гибельная идея создать две верхушечные партии, организуемые властью. Одну — во главе с председателем правительства Черномырдиным, другую — во главе с председателем Думы Рыбкиным. Не могу с уверенностью сказать, было ли это предложение злонамеренной провокацией, но объективно реализация этого замысла привела к подрыву и расколу демократических сил. Удар по демократии был нанесен серьезный. Резко сузились возможности и моей партии. Надо было начинать все сначала.

В конечном счете, обе верхушечные партии на выборах 1999 года сошли с политической арены, как это и прогнозировалось в моих выступлениях в самом начале их образования. Я вообще не верю в жизнеспособность верхушечных партий. В этих условиях продолжал настаивать на том, что другого пути спасения демократической ориентации России, кроме объединения всех демократических сил в единую партию демократического содержания, нет.

24 ноября 2001 года состоялся Учредительный съезд объединенной социал-демократической партии России. В мае 2002 года партия была официально зарегистрирована. Я ушел из руководства партией, оставшись членом Политсовета, хотя основной костяк новой партии составили члены Партии социальной демократии, лидером которой я был.

Обстановка на телевидении усложнялась. Финансирование снижалось. На одном из совещаний у Черномырдина выяснилось, что денег на следующий, то есть 1995 год будет выделено всего на четыре часа вещания. Я не мог согласиться с

этим безумием. Не для того пришел в компанию, чтобы довести вещание до четырех часов в сутки. Подобная акция объективно была направлена против Ельцина, поскольку вела к сужению демократического влияния на общественное мнение через телевидение.

Вот почему в начале марта 1994 года я обратился к Борису Николаевичу с предложением об акционировании «Останкино», аргументируя свое предложение тем, что телевидение нуждается в качественном рывке, но при нынешнем финансовом обеспечении такого рывка достигнуть невозможно. Кроме того, техническое оборудование изношено до предела. Молодые и талантливые журналисты не хотят работать на первом канале из-за нищенской зарплаты. Я писал также, что финансовый капитал склоняется к идее акционирования канала и готов участвовать в этом.

Записка была встречена с осторожностью, особенно верхушкой правительства. Но предложение зажило своей жизнью, идея закрутилась и требовала того или иного решения. Кстати, в самой компании уже лежало несколько проектов образования на базе «Останкино» акционерной компании с контрольным пакетом акций у государства, разработанных еще до моего прихода на телевидение. «Останкино» стали навещать бизнесмены, банкиры с предложениями о реконструкции компании, о возможных изменениях в схеме ее финансирования. Подобные сигналы получил я и от работников администрации президента. Из предпринимателей особенно активен был Борис Березовский. Он принес мне список возможных акционеров — руководителей крупнейших банков. Разработка нового проекта шла долго и тяжело. Трижды по этому поводу я ходил к Черномырдину, дважды — к Ельцину. В правящем эшелоне в идее акционирования сомневались все, но денег на содержание государственной компании все равно давать никто не хотел. На одной из встреч я сказал Черномырдину:

— Профинансируйте хотя бы четырнадцать часов в сутки, и я прекращу разговоры об акционировании.

Но все мои увещевания и призывы разбивались о глухую стену, даже тоненьким писком не отзывались. Только однажды, когда я был особенно настойчив и политически обострил оценку ситуации, Черномырдин схватил телефонную трубку и сказал министру финансов Дубинину:

— Ты сможешь выделить дополнительные деньги на содержание первого канала?

— Нет, не могу.

— Почему?

— Денег нет.

— Но это политически необходимо.

— Тогда разрешите напечатать деньги.

— Я тебе напечатаю, — пригрозил премьер и положил трубку.

— Да тут еще чеченская война, — добавил он, обращаясь ко мне.

На том и расстались.

Без решения правительства я образовал самостоятельную радиостанцию «Голос России» и назначил ее председателем Армена Оганесяна. У правительства были другие планы на этот счет. Очередной мой «проступок» состоял в том, что я выдал лицензию на вещание телевизионной компании НТВ, которая работала без юридических прав, поэтому ее можно было закрыть в любую минуту. Я знал, что в правительстве готовится проект о преобразовании или даже закрытии НТВ. Острые передачи НТВ вызывали гнев аппаратных структур. Понимал, что наступил момент как-то спасать компанию. В известной мере это был вопрос и о судьбе демократии. В эти тревожные дни ко мне буквально прибежал руководитель НТВ Игорь Малашенко. Мы долго обсуждали все аспекты сложившейся обстановки. Настроение Игоря было препоганым. Он попросил срочно подписать официальное разрешение на вещание. Я сделал это. Новость побежала по улицам и переулкам, по канцелярским кабинетам. Тем же вечером мне позвонил Черномырдин и сказал:

— Ты допустил оплошность. Я и представить себе не мог, что все будет сделано в обход правительства! — А в конце разговора сказал, чтобы я нашел какую-нибудь зацепку, чтобы отозвать лицензию обратно. Я сказал, что юридических зацепок нет, все сделано по правилам. Хотя знал, что лицензию отозвать могу, да она еще и не была полностью оформлена.

— Ты сделал ошибку, ты ее и исправляй — таков был вердикт премьера.

Своего решения я не изменил, а время и события погасили и эту проблему. Но в начале нового века она снова вернулась в общественную жизнь и опять стала мерилом российской демократии и политической культуры. Демократия потерпела поражение — телевидение стало, как и в советское время, государственным.

Тем временем вновь вернулся к идее акционирования. Походил по разным кабинетам, а потом пошел к Ельцину и попросил его подписать указ по этому вопросу. Конкретные разработки были подготовлены. Поколебавшись, посомне-

вавшись, задав несколько вопросов, он все же поставил свою подпись. При этом президент сказал мне:

— Я прошу вас не отпускать вожжи управления. Подпишу документ о назначении вас председателем Совета директоров с широкими правами. Там соберутся люди с разными интересами, но руководство должно осуществляться представителем государства.

Я ушел в отпуск и не проследил за подготовкой тех документов, на основе которых формировались функции, компетенция, права и обязанности, иерархия подчиненности в сфере руководства компанией. В результате позиции председателя правления, то есть мои, остались сугубо номинальными, до предела урезанными. От борьбы я уже устал в прошлые времена, да и цели достойной не видел. К Ельцину не пошел, да и он не проявил особого интереса к происходящему. Не до того было.

К тому же большевики из КПРФ продолжали травить первый канал. Они организовали против меня выступления внутри компании. Бушевали бездельники. После серии митингов, на которых обвиняли меня в том, что через акционирование я разрушил «национальную святыню» и хочу превратить российское телевидение в космополитическое, я заявил о своей отставке, в том числе и с поста руководителя государственной службы телевидения и радиовещания. Это была уже четвертая добровольная отставка в перестроечное время.

Пожалуй, в заключение телевизионной эпопеи стоит упомянуть еще о двух памятных событиях, случившихся в то время. Первое — приезд в «Останкино» Билла Клинтона в 1994 году. Он захотел выступить перед народом России в прямом эфире. В последние дни перед его приездом ко мне зачастили американцы — как из посольства, так и из команды, приехавшей готовить визит. Все нервничали. Я как мог успокаивал американцев и своих доморощенных паникеров. Когда Клинтон приехал в «Останкино», я встретил его и Хиллари в самой студии. Они отдохнули несколько минут, привели себя в порядок, и действо началось. Я представил президента и сказал несколько приветственных слов от имени компании.

Клинтон был в ударе. Он с воодушевлением говорил о своей поддержке демократии в России. Ему задали несколько благожелательных вопросов, он ответил. На том все и закончилось. Мне сообщили потом, что президент США был доволен, прислал мне благодарственное письмо. Но из окружения российского президента на тоненьких ножках прибежал слушок, что Клинтона встретили слишком хорошо, предоставив ему трибуну для разговора со всем российским народом. Раздражало чиновников и то, что телезрители, судя по информации с мест, встретили выступление Клинтона теплее, чем ожидалось. Но это были всего лишь разговоры. Сам Ельцин оценил акцию положительно.

В период акционирования в «Останкино» случилась беда. Убили Влада Листьева — талантливого журналиста, только что назначенного генеральным директором новой компании, названной ОРТ. Событие произвело на общественность ошеломляющее впечатление. Многие каналы телевидения прекратили передачи. С утра до вечера на экране — портрет Листьева. В эти нервные дни я особенно остро почувствовал свои ошибки в кадровой политике. Некоторые начальники на телевидении при поддержке извне всячески накаляли обстановку. К эфиру в тайне от меня подготовили передачу, полную истерики, в которой подчеркивалась прежде всего вина президента в смерти Листьева. Об этой передаче я узнал в последний момент перед эфиром. Успел переговорить с ведущим Сергеем Доренко и попросить его смягчить по возможности запланированную истерию. Надо сказать, он сделал все возможное, чтобы утихомирить базар. Создавалось впечатление, что кому-то было выгодно отвести общественное внимание в сторону от действительных виновников трагедии.

В этой до предела взвинченной обстановке приехал в «Останкино» президент страны. Я воспользовался случаем и спросил Ельцина, почему до сих пор не подписан указ о борьбе с фашизмом. Он повернулся к своему помощнику Илюшину и спросил его, в чем тут дело. Тот ответил, что до сих пор Академия наук не дала научное определение фашизма. Вскоре указ был подписан, но правоохранительные органы откровенным образом просаботировали его.

Ельцин был явно не в духе. Когда вышел к микрофону, видно было, что говорить ему стоило большого напряжения. Аудитория тоже заняла неоправданно агрессивные позиции. Контакта с аудиторией не получилось. Предвзятость журналистов была очевидной, я полагаю, заранее организованной. Ельцин на глазах у присутствующих, а значит, и всей страны, подписал указы о снятии с работы двух руководителей правоохранительных органов Москвы, что не успокоило аудиторию.

Меня, как руководителя «Останкино», обвинили в том, что я не проявил необходимой чуткости, поскольку отказался прервать телевизионные передачи в знак протеста против убийства. Однако до сих пор я уверен, что убийство Листье-

ва не было связано с его журналистской деятельностью. Меня встревожило и то, что некоторые телевизионные и околотелевизионные работники явно торопились с выдвижением разных версий, искусственно привязанных к телевидению, скажем, рекламной версии, как бы блокируя другие варианты причин убийства. Впрочем, следствие до сих пор не закончено.

Эти суматошные годы были связаны не только с телевидением и радио. Я был членом Конституционного собрания, которое работало над проектом новой Конституции России. Чрезвычайно интересная работа и в личном плане, особенно учитывая то обстоятельство, что я руководил рабочей группой по подготовке Конституции еще при Брежневе. В новой обстановке наслушался столь разных, часто противоположных точек зрения, что голова шла кругом. Особенно полярными оказались мнения о том, какой должна быть Россия — парламентской или президентской республикой. Я выступал за парламентский путь. Однако опыт последующих лет показал, что я ошибался. Составы государственных дум оказались такими, что, будь они решающей инстанцией власти, мы бы уже по многим параметрам вернулись во вчерашний день, который большевики переименовали бы в «завтрашний».

Именно в этой связи хотел бы выделить главное, что сумел достичь Борис Ельцин, — это принятие Конституции России, конституции подлинно демократической, вобравшей в себя лучший опыт международного конституционного права. Не приходится удивляться, что разные оппозиционные силы не раз пытались под разными предлогами пересмотреть Конституцию, чтобы изменить ее характер. На мой взгляд, нам надо сначала научиться неуклонно исполнять действующие конституционные правила, а уж потом думать о дополнениях (но не изменениях) к ней.

Полагаю нужным упомянуть еще об одном весьма существенном моменте в жизни страны, особенно важном с точки зрения нынешнего кризиса отношений власти с бизнесом. Группа из тринадцати ведущих банкиров, пригрозив кошельком, обратилась с призывом к главным противоборствующим силам, то есть к власти и коммунистам, «объединить усилия для поиска политического компромисса». В сущности, эта была заявка на власть, ибо все обращение было построено так, что есть «третья сила», которая может «поставить на место» противоборствующие стороны. Радетели «нового порядка» договорились до того, что «растаптывания советского периода истории России должны быть отвергнуты и прекращены». Ошеломляющее заявление! Они, банкиры, видите ли, «понимают коммунистов». Эти и некоторые другие пассажи, видимо, служили в качестве мостика к «обиженным большевикам», если последние победят на президентских выборах.

В «Обращении» банкиров далее утверждалось, что в случае победы любой из сторон произойдут всякие страшные вещи, а в итоге победит ни чья-то правда, а дух насилия и смуты, а это может привести к гражданской войне и распаду России. К таким рассуждениям и приклеивался призыв объединить усилия в поиске стратегического компромисса, способного предотвратить острые конфликты, угрожающие российской государственности. Полный бред, опасный бред!

Обращение ошеломило меня. Я понимал, что наш бизнес еще политически младенческий, он сам полез под топор, поэтому видел срочную необходимость предостеречь его от самой мысли прыгнуть во власть. В моем письме, опубликованном в газете «Известия» 22 мая 1996 года под заголовком «Банкиры и большевики», я достаточно резко оценил этот шаг, увидев в нем опаснейшую позицию замены власти демократии властью плутократии, что в конечном счете привело бы и к поражению не только демократии, но и бизнеса.

Власть как бы не заметила этой попытки братания «новых русских» с большевиками. Но вот коммунисты не промолчали, они преподнесли новым политическим игрокам элементарные уроки политграмоты. Первым откликнулся руководитель партии, именующей себя «коммунистической». 30 апреля в газете «Советская Россия» было опубликовано открытое письмо Г. Зюганова к авторам «Обращения 13-ти». В нем содержится мягкое согласие на компромисс, но, естественно, на большевистских условиях, то есть на условиях прекращения реформ. В тот же день, 30 апреля, в передовой статье «Правды» расшифровывается понятие компромисса по-большевистски. Газета пишет: *«...Не может патриот не противостоять компрадору, этому классовому супостату рабочего, крестьянина и специалиста, оседлавшему пиявкой эксплуататоров своих вчерашних товарищей и коллег... Окаянная жизнь выводит нас под алые знамена уже тем, что Отечество разделено на старых и новых русских. И режим стал на защиту вроде бы новых, якобы русских, потому что им безразлично все, кроме их кошелька».*

В своем письме я обратил внимание банкиров, что, вероятно, в целях «компромисса» вам, «классовым супостатам», присваивается звание *«якобы русских»*. Всего-навсего тухлый антисемитский «пустячок». Я искренне сожалею, что мои предостережения оправдались. Избыточная самоуверенность денег не сработала. Список из «13-ти» постепенно тает.

Кстати, однажды на встрече с одним из «олигархов» я пытался убедить его, что попытки форсировать влияние на власть могут привести к беде. Власть легко может расправиться с богатыми, причем опираясь на широкую поддержку людей. Дворцы могут «сгореть», а хижины как были, так и останутся.

— Что Вы, Александр Николаевич, мы же регулярно оплачиваем соответствующую работу на нас большинства депутатов и министров.

Сказал собеседнику, что первыми в политике предают те, кому платят. Так говорит опыт прошлого.

Я не смог убедить собеседника. А жаль.

Повторяю, письмо «13-ти» серьезно встревожило меня. Ведь перед контрреволюцией 1917 года российские банкиры в поисках компромисса тоже не жалели денег большевикам. Почувствовав неладное, я в августе 1996 года обратился к российской и мировой общественности, к Президенту России, Конституционному суду, Правительству, Генеральной прокуратуре, Федеральному собранию с призывом возбудить преследование фашистско-большевистской идеологии и ее носителей. Я писал:

«Большевизм не должен уйти от ответственности:

за насильственный и незаконный государственный переворот в 1917 году и начавшуюся вслед за ним политику «красного террора»;

за развязывание братоубийственной гражданской войны;

за уничтожение российского крестьянства;

за уничтожение христианских храмов, буддийских монастырей, мусульманских мечетей, иудейских синагог, молельных домов, за расстрелы священнослужителей, за гонения на верующих, за преступления против совести, покрывшие страну позором;

за уничтожение традиционных сословий российского общества — офицерства, дворянства, купечества, корневой интеллигенции, казачества, банкиров и промышленников;

за практику неслыханных фальсификаций, ложных обвинений, внесудебных приговоров, за расстрелы без суда и следствия, за истязания и пытки, за организацию концлагерей, в том числе для детей-заложников, за применение отравляющих газов против мирных жителей. В мясорубке ленинско-сталинских репрессий погибло более 20 миллионов человек;

за уничтожение всех партий и движений, в том числе и партий демократической и социалистической ориентации;

за бездарное ведение войны с гитлеровским фашизмом, особенно на ее первоначальном этапе, когда почти вся регулярная армия, находившаяся в западных районах страны, была пленена или уничтожена. И только стена из 30 миллионов погибших заслонила страну от иноземного порабощения;

за преступления против бывших советских военнопленных, которых из немецких концлагерей перегнали, как скот, в советские тюрьмы и лагеря;

за зверское изгнание из родных мест в необжитые районы страны немцев, татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, корейцев, балкарцев, калмыков, турок-месхетинцев, армян, греков, гагаузов, поляков, эстонцев, латышей, литовцев, молдаван, западных украинцев;

за организацию травли ученых, литераторов, мастеров искусств, инженеров и врачей, за колоссальный урон, нанесенный отечественной науке и культуре;

за организацию расистских процессов (против Еврейского антифашистского комитета, «космополитов-антипатриотов», «врачей-убийц»), направленных на разжигание межнациональной розни, на возбуждение низменных инстинктов и предрассудков;

за организацию преступных кампаний против любого инакомыслия;

за сплошную и всеохватывающую милитаризацию страны, в результате чего народ вконец обнищал, а развитие общества катастрофически затормозилось;

за установление диктатуры, направленной против человека, его чести и достоинства, его свободы.

В результате преступных действий большевистской власти в войнах, от голода и репрессий погублено более 60 миллионов человек, разрушена Россия. Большевизм, будучи разновидностью фашизма, проявил себя главной антипатриотической силой, вставшей на путь уничтожения собственного народа. Эта сила нанесла немыслимый ущерб генофонду народа, его физическому и духовному здоровью.

Во имя спасения страны и всего мира необходима последовательная и решительная дебольшевизация государства и общества».

На свои пенсионные деньги напечатал тысячным тиражом брошюру с текстом обращения и разослал ее по всем главным политическим адресам. Странно, но демократы промолчали. Только коммунисты откликнулись. Они направили в Генеральную прокуратуру требование привлечь меня к уголовной ответственности за нарушение конституционного

права на свободу слова. Это лицемерие даже комментировать не хочется. Кстати, зарубежные средства массовой информации тоже не заметили этого воззвания.

Драма России, истоки которой лежат в большевистском прошлом, продолжается до сих пор. И пока нет оснований для вывода, что Россию императивно ждет нормальное демократическое будущее. Ельцин довольно громко начал реформы, но не смог завершить их. Он, осознанно или нет, в данном случае это не так уж и важно, ничего не сделал, чтобы объединить отдельные ручейки демократических настроений в мощный поток объединенной демократии.

Пожалуй, для меня Борис Ельцин при всей его кажущейся простоватости является в какой-то мере загадочной политической фигурой. И по образованию, и по воспитанию он из той же колоды, что и большинство членов высшего эшелона партийной власти последних десятилетий, да и сам он не изображал из себя утонченного деятеля. Поражало, как он решал кадровые проблемы — неожиданно, смело, но тем не менее в правительстве нередко появлялись и безликие фигуры, не способные ни делать что-то серьезное, ни соображать адекватно времени. Немало и жулья поднабралось. А то и увольнял людей достойных, преданных демократическим идеалам. Как это случилось, например, с Сергеем Филатовым — руководителем администрации президента. Слишком легко президент расстался с Егором Гайдаром, который, не думая о последствиях для себя лично, пошел на такой рискованный шаг, как либерализация цен. Лично я не разделяю рубки сплеча, для меня ближе эволюционные принципы развития, но в результате гайдаровских мер наше общество пришло к пониманию, что деньги надо зарабатывать, а не только получать. Большевики развернули против него кампанию дискредитации, превратив его имя в символ «антинародности». Они хорошо понимали, что рынок бьет по ногам и голове большевизма.

Пришедший ему на смену Виктор Черномырдин поначалу пытался, по моим наблюдениям, найти точки соприкосновения со старой номенклатурой, но из этого ничего не вышло. Его просчетом оказалась финансовая политика, направленная на создание крупных коммерческих банков за счет бюджетных средств. Они должны были стать локомотивами экономического развития, но этого не произошло. Деньги потекли за рубеж, началась массовая коррупция в системе государственного управления. Бездумной оказалась налоговая система, которая задушила даже хилые росточки малого бизнеса и фермерство. Правительство Черномырдина так и

не смогло осилить простую истину: чем ниже налоги, тем богаче человек и общество, тем сильнее государство.

Та же судьба, что и Егора Гайдара, постигла и Анатолия Чубайса. Возможно, что приватизацию можно было осуществить точнее, осторожнее, сопровождая ее активной работой с общественностью. Но как бы то ни было, приватизация открыла путь к частной собственности, что, в сущности, и вызывало злобную реакцию «вечно вчерашних», равно как и всех, кто продолжает исповедовать иждивенчество.

О времени Ельцина написаны десятки книг и сотни статей. В них много всякого и разного — предвзятостей, обид, обвинений, но и объективных оценок. Он был удобен для критических упражнений, очень часто подставлялся, в том числе и без всякой нужды, из-за размашистости характера и природной склонности, я бы сказал, к простецкому самовыражению. В его характере немало лишнего. Он бывал слишком доверчив и слишком недоверчив, слишком смел и слишком осторожен, слишком открыт, но всегда был готов временно уползти в раковину. Азартен и напорист. Игрок, одним словом, но преимущественно в экстремальных ситуациях.

Ельцин оказался непомерно стойким к разухабистой критике со стороны ошалевших от своеволия и безответственности некоторых парламентариев и журналистов, хотя я знаю, что он тяжело переживал несправедливые упреки и грязноватые наветы. Его терпимость к критике такого рода переходила все разумные пределы. Можно вкривь и вкось, так и сяк ругать Бориса Николаевича, но, к его чести, он свято верил в созидательную силу свободы слова. Никого не одернул, хотя бы порой и стоило. В этом смысле вел себя точь-в-точь как Николай II. Что только не писалось, не говорилось, не карикатурилось свободной прессой царской России о последнем императоре! Терпел, не обращал внимания. Дотерпелся... Впрочем, правильно поступал Ельцин. Ветер носит, караван идет. Шел Борис Николаевич одышисто, похрапывая, но шел вперед, а не назад.

Лично я всегда относился к Борису Ельцину сочувственно, по принципу — не позавидуешь. Только с его характером и можно было забраться на танк, на котором приехали большевики оккупировать Москву, и с этого танка призвать народ России к борьбе с реваншистскими силами. Я согласен и с его решением о разгоне Думы в 1993 году, иначе пришла бы снова на нашу землю гражданская война. Тем самым Ельцин практически спас страну от нового национального позора.

Но есть у Ельцина большой грех — чеченская война. Говорят, что кто-то подвел его, а некто обманул. Возможно, и

так. Но ответственность за содеянное лежит на президенте — и по должности, и по совести. Президент признал свою ошибку — это разумно. Однако в любом случае, рассуждая о Горбачеве и Ельцине, необходимо помнить о том, какие завалы прошлого — в экономике, политике, психологии — приходилось им преодолевать.

Прерву ход своих рассуждений словами из того же Гоголя. Они удивительно уместны.

«Но оставим теперь в стороне, кто кого больше виноват. Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнее всякого законного... И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставлением в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народов, вооружался против [врагов], так должен восстать против неправды. Как русский, как связанный с вами единокровным родством, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь к вам. Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятье какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва...»

На этом рукопись 2-го тома «Мертвых душ» обрывается. Гоголь знал Русь на генетическом уровне, и потому все его типы и типажи не только хрестоматийны, но и вечно живые. Но беда, вечная беда России — царь царствует, чиновничество правит. Царь хочет, а бояре могут. Не было у Ельцина четкого понимания глубинных причин кризиса в России. Понимания не было, но чутье спасало. Порой слова выпадали безотчетно, но порой и в саму правду врезались. Употребил однажды правильные слова «сталинский фашизм», да и запамятовал вскорости. А определение-то нужное, политически верное. Впрочем, может, ему и помогли запамятовать.

В постсоветской России в основном говорят об экономике. Треск барабанов и гул стенаний шел в годы Ельцина по всей Руси, до хрипоты кричали вожди большевиков: «Импичмент президенту», а им в угоду требовали рельсовики: «В отставку президента», «Сменить курс реформ» и т. д. и т. п.

И вот здесь Ельцину явно недостало решительности: видел, что «вечно вчерашние» всячески тормозят реформы, а приструнить их не смог, хотя и пытался.

Впав в какой-то момент в растерянность, Борис Николаевич начал поиск формулы, способной объединить Россию. Я не могу, например, понять ход его мыслей, когда он, обуреваемый мыслью о сотворении общенациональной идеи, заявил примерно следующее: «Вот раньше была стройная идеология. Не будем говорить, какая она была, но была. А у нас, демократов, ее нет». Ему и невдомек, что любая идея, если она одна на всех, неизбежно ведет к тоталитарному образу мышления. И вот чиновники, согласно высокому повелению, начали упоенно искать «национальную идею». Как будто она, эта проклятущая идея, в щелях, как таракан, прячется.

Если же внимательно всмотреться в историю, то окажется прозрачным, что истинную идею России власть всегда подвергала остракизму, хотя она тысячу лет лежала на поверхности и продолжает лежать невостребованной глыбой на извилистой дороге российской жизни. Что я имею в виду?

Вечными язвами России были и остаются нищета и бесправие. Нищета — из-за отсутствия священной и неприкосновенной частной собственности, бесправие — из-за гипертрофированной запредельной значимости государства в жизни общества.

Нищета и бесправие — две стороны одной и той же медали. Эту медаль носили все народы, но русский — особенно броско, с веселым скоморошеством и веригами на ногах.

Поскольку Бог любит Троицу, а русское мышление триадно, национальная идея по форме и содержанию должна, на мой взгляд, быть трехсловной, как у Уварова.

«Свобода. Достаток. Законность».

Разве идея Свободы не может стать подлинной идеологией общества? Нет ничего более прекрасного и великого, чем свобода человека — духовная, экономическая, политическая. Что же касается «стройности идеологии» прошлого, на которую сослался Ельцин, это заблуждение. Оно, это заблуждение, еще прочно сидит в головах многих людей. В ленинско-сталинской жизни господствовало насилие — духовное и физическое, а в этом случае нет места для какой-то идеологии, кроме благословляющей ложь и топор.

Я опешил, когда услышал, что на уровне государства принято решение (в конце 1996) считать 7 ноября, то есть день октябрьского контрреволюционного переворота 1917 года,

Днем согласия и примирения. Более антидемократической идеи трудно придумать. Я тоже за согласие, но на основе гуманизма и правды, то есть за то, чтобы объявить этот день — Днем Скорби и Покаяния. Кажется, этот «праздник» уходит из нашей жизни. Слава Богу! И совсем обескуражили меня приветствия Ельцина и Путина съездам большевиков. Это все равно что послать приветствие коменданту Освенцима или начальнику ГУЛАГа. Ох, как долго еще нам всем прозревать, отвоевывая шаг за шагом деформированные поля в нашем сознании.

Горбачев и Ельцин при всех их ошибках, промахах, иногда серьезных, все-таки сумели удержать страну на демократических рельсах. История забудет их взаимную неприязнь, но оставит в памяти их деяния. Оба ушли от власти добровольно, продемонстрировав тем самым и личное мужество, и историческую прозорливость.

К сожалению, они не смогли создать политическую опору реформ. Получилось, что такой «опорой» стало многомиллионное чиновничество, которому практически удалось ускользнуть от контроля со стороны общества. Местный бюрократ крепчает, наглеет, власть его беспредельна. Уже и местное телевидение, и местные газеты, впрочем, не только местные, о своих начальниках начали говорить так, как о Брежневе. «Указал, поздравил, отметил, выдвинул задачу, объяснил» — из словаря подхалимствующей своры подданных. Выборы превратились в клоунаду: кто больше набрешет и больше обольет грязью соперника, кто круче тряхнет мошной, тот и в «народных избранниках» оказывается.

Не удалось Борису Ельцину преодолеть сопротивление большевистской Думы и по земельной реформе. Режим до сих пор не создал настоящего Крестьянского банка и не покрыл его филиалами всю страну. В деревне все еще колхозом воняет. Не дотации колхозам надо давать, а кредиты фермерам. Да еще самогонку пить надо в два раза меньше и в два раза работать больше — и пойдет-поедет. Госпожа Природа все предусмотрела, кроме пьяного труда. Нет его в природе. Многое образуется, если на стакан самогона придется хотя бы капелюшка пота.

Деревенская общественность, неизменно голосующая за возвращение к «строительству коммунизма», редко бывает трезвой, но, протрезвев, люто ненавидит «оккупационный режим» демократов, поскольку нет денег на опохмелку. А еще за то, что в России появились более или менее состоятельные люди. Речь идет не о ворах. Речь идет о трудягах, вкалывателях. О тех, кто держит на своем подворье две-три

коровы и кормит полдюжины, а то и дюжину поросят. Купил автомобиль, чаще всего подержанный, перестраивает свой образ жизни, значит — ату его! Кто сначала потный, а потом уже пьяный, но потеет больше, чем пьет, навеки проклят большевиками.

Однажды я спросил молодого предпринимателя из Краснодарского края, почему жители Кубани столь безрассудно держатся за колхозы и коммунистов. Ведь с казачеством большевики расправились столь жестоко, что никакая фантазия не в состоянии вообразить тот террор, который был развязан на Дону и на Кубани.

— Все очень просто, — ответил мой собеседник. — Работящий казак уничтожен. Осталась голытьба да деды Щукари, жаждущие получить портфель начальника. Колхозы для них были и есть — источники материального благополучия через разворовывание так называемых коллективных хозяйств и через дележ государственных дотаций. Вкалывателей опять раскулачивают. Уравниловкой. Я знаю фермера, который владел 48 гектарами земли и, мудро распорядившись кредитом, выбился в люди. Когда колхоз перевели на паи, якобы приватизировали, пай фермера составил 11 гектаров, а 37 гектаров отобрали, отдали алкашным «красным пахарям». Земля заросла сорняком, оцелинилась, но «справедливость» по-большевистски восторжествовала.

Эта же самая «справедливость» долгое время торжествовала и в топтании около земельной реформы, без которой никак не отмыть тысячелетнюю грязь феодальной Руси, спекшуюся кровь ленинских комбедов и продразверсточников, сжигавших «дворянские гнезда» и пустивших по миру столыпинских кулаков; сталинской коллективизации, вырубившей под корень трудовое крестьянство. Омертвили народ.

И все же что мы имеем сегодня? Совсем иное государство. Плотнеет строй людей вкалывающих, надеющихся только на свое трудолюбие, на свой горький опыт, на свой ум и ловкость. Да, приходится предпринимателям ловчить везде и всегда: стая чиновников всегда вокруг вьется. Постоянно надо отбиваться: иногда палкой, но чаще — взяткой. Бросил кусок мяса — два-три месяца собака по другим дворам бегает.

Никогда российскому чиновничеству не жилось так хорошо, как сейчас. Чиновничество кратно богаче еще хилого сословия предпринимателей. Взятка стала столь же необходимой, как рукопожатие при встрече. Любой бизнес можно начинать только в доле с чиновником. Путь к богатству в России всегда лежал преимущественно через властное каз-

нокрадство. Сегодня это достигло немыслимых масштабов. Чиновник решает все, ни за что не отвечая. Ни перед Богом, ни перед обществом, ни перед судом.

Но стая взяточников — это все же не стая карателей-убийц. У Бродского: «Но ворюга мне милей, чем кровопийца...» Ловок чиновник, но еще ловчее русский деловой человек: вертеться приучен. Мелкий бизнес, как таракан, в любую щель пролезет, в любом месте свой товар высунет — на земле, на одеяльной подстилке, на раскладушке, на рыночном столике, по дворам и квартирам пройдет. Наиболее хваткие часто переходят в средние слои, и все своим горбом и ловкостью.

Иное дело олигархи. Многим из них еще недостает исторической ответственности, а некоторые — слишком суетливы и беспамятны. Морозовы и Мамонтовы свои состояния десятилетиями сколачивали. А ведь это гении, трудоголики, звездные люди. Зворыкин и Сикорский, без штанов сбежавшие от красной чумы, умерли богатейшими людьми. Телевидение изобрели, лучшие в мире самолеты строили. Самолично. В своих лабораториях и конструкторских бюро. Дай Бог, чтобы в России было как можно больше богатых людей — Богровых, Бахрушиных и Третьяковых. И зворыкинистских миллиардеров.

Время меняется. Россия стонет от чудовищной поляризации «верхов» и «низов». Я серьезно обеспокоен тем, что критическая масса может зашкалить и привести к социальному взрыву. И снова, как и в дни октябрьского переворота 1917 года, будут в первую очередь уничтожать олигархов, полуолигархов, четвертьолигархов, равно как и их политических благодетелей, жечь их новые дворцы. Наблюдая все это, я никак не могу понять, почему некоторые богачи и сверхбогачи ведут себя политически близоруко и безнравственно, демонстративно выплескивают в глаза людям свою наглость и бескультурье. Ох, как полезно зарубить себе на носу: не так уж трудно выбраться в люди, а вот человеком остаться гораздо труднее. Будучи как-то на конференции в одном из южных городков Франции, я сам наблюдал отвратительнейшие спектакли молодых российских нуворишей, точнее — воров, орущих песни в ресторанах и на улицах, и подвизгивающих им многочисленных молодых шлюх.

— Конечно, противно, — сказал мне мэр города, — но мы терпим их. Деньги привозят хорошие и швыряют их направо и налево.

Мне было бесконечно стыдно за этих «русских», которые позорят Россию и ее народы. Если против жулья не заработают законы, то беды, повторяю, не избежать. Смягчает мое раздражение то, что в «низах» уже начали действовать талантливые ученые и изобретатели, инженерные головастики. А вот врачи и учителя продолжают бедствовать. Без них нет страны, но никто, кроме бизнесвкалывателей, не обеспечит им пристойное место под солнцем.

Там, где взялась за дело наиболее способная и работающая часть российского общества, налаживается прибыльное производство, в основном пищевое. Предприниматели вытворили в стране изобилие продуктов. Все ближе к практическим делам поворачиваются первоклассные строители, механики, пекари, пивовары, трудовые деревенские мужики, которые на своих подворьях держат все больше живности.

Эти люди — самое серьезное завоевание рыночных реформ. В океане люмпенства их пока еще мало, но их число растет. Для более динамичного развития им нужны законность, частная собственность на землю, нормальные налоги и здравая умом власть.

Время Ельцина прошло стремительно. Позади события бурные и сумбурные. Штормовая болтанка все время норовила корабль реформ швырнуть на камни. Ельцину удалось как-то договориться с судьбой. Большевистской катастрофы не произошло. Порой говорят, что Ельцин не всегда отдавал себе отчет в том, что делает, — Добро или Зло. Я не согласен с этим. «Верхнее чутье» не обмануло его. Он добровольно, руководствуясь здравым смыслом, освободил пространство для нового поколения. Далеко не прост, ох как не прост, оказался Борис Ельцин, оставив свою деятельность не политикам — на растерзание, а историкам — для анализа.

Глава двадцатая

БУДУЩЕЕ УЖЕ БЫЛО, ПРОШЛОЕ ЕЩЕ ТОЛЬКО БУДЕТ

Тысячелетиями люди утешают самих себя, что свобода дается человеку природно. А в жизни? А в жизни дорога к громкозвучной правде смердит ложью, а потому часто оказывается дорогой к рабству. Человек мечтает быть и безгранично свободным, и одновременно рвется к власти над другими людьми, превращая их то в рабов, то в крепостных, то в наемных рабочих. Одним словом — в послушное стадо. Каждый раб хочет быть рабовладельцем. У каждого — своя ложь и своя правда.

Автор

Над Россией нависла туча чиновного произвола. Догоняя будущее, мы заскользили в прошлое. Как пишет Михаил Жванецкий: «Пройдя путь эволюционного развития по спирали вниз, мы вернулись туда, откуда вышли». Понятно, что сказано слишком круто. Но за хвост схвачена тенденция, заболевшая чесоткой вернуться на ту землю, где тиранствовал Страх, где миллионы живых — мудрецов и простаков — стояли на коленях перед убийцами и каменными истуканами, продолжающими свой дьявольский промысел до сих пор, хотя и в других формах.

Конечно, данная картинка может показаться слишком черной, а значит, и не совсем справедливой. Новая Россия за очень короткое время шагнула в новую эпоху. Подобного сжатия событий история, на мой взгляд, еще не знала. Опрокинута система ленинско-сталинского фашизма, положено начало построению гражданского общества социального либерализма. Но только начало. Социалистическая номенклатура, дождавшись своего часа, снова пытается вернуть общество в стадо с его привычной рабской психологией.

Почему это происходит? На мой взгляд, верховные жрецы последних лет не знают, или не хотят знать, что и как было на тернистом пути к свободе, сколько это стоило сил и нервов народу, равно как и тем, кто связал свою жизнь с реформаторством. Самопожертвование и предательство, клеветы и восторги, надежды и разочарования, удачи и ошибки, грязь прошлого и вера в будущее — все это сгустилось в душевных страданиях, но и раздумьях о том, какие еще капризы ждут Россию на тернистом пути к свободе. Капризы охлократии и плутократии.

Начну, однако, с другого конца. Меня донимали и до сих пор донимают вопросами, когда точно, в какой именно момент я изменил свои взгляды. Раньше отвечал, как мог, всячески выискивая аргументы и даже оправдания, но все время чувствовал, что у тех, кто задает вопросы, остается неудовлетворенность ответами, да и меня самого не оставляла какая-то двусмысленность. Иначе и быть не могло, ведь те, кто спрашивал, как бы накладывали мои ответы на свой личный опыт, который был другим, просто другим. Всех метало из стороны в сторону ветром перемен. Все искали свою правду.

Я долго копался в самом себе, искал по закоулкам памяти эти взгляды, вспоминал многочисленные сомнения и разочарования, пока меня самого не ошарашил мой же вопрос, а были ли у меня какие-то взгляды в их осмысленном виде? Именно мои, а не чужие. И пришел к ясному ответу — у меня таких взглядов не было. Вместо них в сознании удобно устроился миф, что такие взгляды есть. На самом же деле эти «взгляды» носили виртуальный характер, они пришли из мира обмана и питались властвующими химерами и охранялись страхом. Но постепенно, по каким-то неизведанным причудам мистики, эта виртуальность превращалась в странную реальность надежды и веры, которыми все мы жили. И вовсе не о смене взглядов идет речь, а о психологически сложном процессе возвращения на грешную землю реальности, которая, увы, далеко не столь сладка, как мифология.

Теперь многие стали забывать, каким было общество до Перестройки и какими были мы сами. Забыли ту затхлую атмосферу, которая убивала все живое, даже маленькие росточки чего-то нового. И как нам, сторонникам реформ, только шаг за шагом, по мере овладения новой информацией, новыми знаниями, становилось очевидным (в данном случае я говорю и о себе), что марксизм-ленинизм бесплоден, отражает интересы той части общества, которая ищет «свое счастье» в чужом кармане, а еще охотнее — в грабежах и разрушениях. Она, эта часть, до сих пор ненавидит успех других и не свое благополучие.

Уже забывается, что советский человек был лишен власти и собственности, дабы оставался насекомым, в лучшем случае — мелким грызуном. Уже забывается жизнь в «стране радости»: купил бутылку водки — радость, кусок колбасы — еще радостней. Уже забывается, что без очередей за тухлым мясом и гнилой картошкой жить не могли. Равно как и без родных стукачей и дебатов на парткомах-профкомах относительно того, с чьей женой, что и как вытворял отдельно взятый «аморал». Маршалу Жукову и режиссеру Товстоногову

«жучков» и в спальню понаставили. Впрочем, членов Политбюро тоже подслушивали, равно как и генеральных секретарей и президентов. Любознательные были руководители параллельной партии — партии чекистов, жадные до знаний.

Новые национал-патриоты делают вид, что не было предательства страны в 1917 году, когда кучка террористов поставила на колени Россию, не было кровавого месива репрессий и геноцида народов, не было детей заложников, тысяч разрушенных храмов и расстрелянных священников. Ничего не было, кроме «добрейшей и мудрейшей власти», допустившей некоторые перегибы — с кем не бывает.

Надо сказать, что и в начале Перестройки еще не сложилось объемного и ясного понимания, что природный запас жизнеспособности — духовной и физической — впустую растрачен настолько, что само выживание народа стало вполне реальной проблемой. Предрекал же великий русский философ Н. Бердяев еще столетие тому назад, что «в русском народе и его интеллигенции скрыты начала самоистребления». Не хочу соглашаться с этой мыслью, но постоянно возвращаюсь к ней. Возвращаюсь потому, что понимаю: Россия сошла с магистрального пути развития и отстала на столетие. Ленинско-сталинский марксизм породил русофобскую идеологию, видевшую Россию только в качестве материала для мировой революции. Интеллект умерщвлялся упорно и безжалостно. Большевизм, вооруженный чужеродной для России концепцией общественного развития, не только разрушил страну экономически, но и многое сделал для коллективизации души, растворения ее в кровавом месиве убийств и предательств. Животворящая совесть ушла в подполье или постепенно усыхала. Умирающая совесть и есть умирающая нация.

Нам еще только предстояло понять, что компромисс с большевистским укладом жизни невозможен, более того, противоречит цели преобразований — построению свободного общества. Политическая обстановка изменилась, но больше по намерениям, чем по практическим делам. Партийный аппарат не сдавал своих цензурных и распорядительных позиций. Крутилось, как и раньше, колесо проверок, наказаний, угроз. Вокруг экономики танцевала болтовня, оторванная от реальной жизни. Догма о государственной собственности как самой эффективной продолжала господствовать. Частная собственность относилась к категории диверсий.

По причинам, которые порой трудно выловить в потоке собственных переживаний, связанных с нелегкой задачей перевести свои еще не оформившиеся по ряду проблем

взгляды в практическое русло действий, я в качестве железного правила занял следующую позицию: осторожность, осторожность и еще раз осторожность. Но осторожность особого рода — осторожность в отношениях с нашим специфическим социумом, который готов сначала вознести кого-то до небес, а потом разорвать его на куски. Случалось и обратное: сначала разорвать, а потом вознести.

И все же к определению «осторожности» я и сам относился с некоторым недоверием. Сюда вкладывал простую формулу: смело идти на практические дела демократического характера и одновременно утверждать, что делается это ради укрепления социализма.

Иногда спрашивают, а не противно ли было притворяться и разыгрывать из себя дурачка? Да, противно. Но, может быть, кто-то знает более эффективный путь с точки зрения конечного результата в условиях деспотии и казенного одномыслия? Утверждаю, не было такого пути в тех конкретных условиях, если стоять на позициях эволюционных преобразований, а не революционной истерии.

Меня особенно умиляют утверждения некоторых нынешних «бесстрашных» политиков и политологов, неописуемых храбрецов, обличающих нерешительность реформаторов волны 1985 года, в результате чего им в 1991 году досталась тяжелая ноша исправлять ошибки предыдущих лет и творить подлинную историю демократии. Когда те из демократов, которые считают себя таковыми по признаку власти, пытаются отбросить в сторону события, происходившие до 1991 года, забыть о таких «несущественных мелочах», как гласность и свобода слова, парламентаризм и окончание «холодной войны», десталинизация и прекращение политических репрессий, которые решительно вошли в жизнь в те самые «нерешительные времена» Реформации, они совершают не только фактическую ошибку, но и нравственную оплошность. Они пытаются как бы удалить из памяти тот факт, что мятеж 1991 года, возглавляемый верхушкой КГБ, генералитета и КПСС, был направлен именно против политики Перестройки, против реформ, а не против новой российской власти, хотя, конечно, ельцинская власть была столь же ненавистна мятежникам, как и горбачевская.

В голове бушевала метель. В этой вьюге разных противоречивых размышлений у меня постепенно брали верх собственные оценки тех или иных явлений, фактов. Они создавали базу для сравнений, внутренних диалогов, помогали разрушать разного рода стереотипы, воспитывали отвращение к догмам любого вида, включая прежде всего господствую-

щие — марксистско-ленинские. Поражали агрессивность и нетерпимость этих догм, рассчитанных не на творчество и разум, а на слепое подчинение и поклонение.

В результате я пришел к собственному догмату, имя ему — *сомнение*. Нет, не отрицание, а именно сомнение, постепенно раскрепостившее меня. Знаю, что в этом нет ничего нового — ни философски, ни исторически, ни практически. Но все дело в том, что *мое сомнение — это мое сомнение*, а не навязанное извне. Я сам его выстрадал. Истину может уловить только сомнение, равно как и отторгнуть догму. Сам человек делает из доступной ему истины или надежду, ласкающую разум и душу, или чудовище по своему подобию, наряжая истину в лживые демагогические одежды. Созидающее сомнение бесконечно в своих проявлениях. Так случилось и со мной. У меня появилась тьма вопросов, нудных, острых, но чаще всего — по существу жизни и конкретных событий. А вот ответы (для меня самого, конечно) и формировали мое, подчеркиваю, *мое мировоззрение*, иными словами, логику здравого смысла, как я ее понимал.

Я с горечью начал задавать себе трудные, мучительные вопросы. Почему в моей стране массами овладели утопии, почему история не захотела найти альтернативу насилию? Почему столь грубо, цинично растоптаны идеи свободы? Почему оказались общественно приемлемыми уничтожение крестьянства, кровавые репрессии против интеллигенции, экологическое варварство, разрушение материальных и духовных символов прошлого? Почему сформировалась особая каста партийно-государственных управителей, которая паразитировала на вечных надеждах человека на лучшую жизнь в будущем? Почему человек столь слаб и беспомощен? И можно ли было избежать всего, что произошло? Почему многие из нас аплодировали бандитизму властей, верили, что, только уничтожив «врагов народа», их детей и внуков, можно обрести счастье? Почему наша страна так безнадежно отстала?

Убежден: было бы очень полезно для будущего страны, если бы нынешние правители России почаще задавали себе подобные вопросы.

Экскурсию в прошлое я сделал, повторяю, по той простой причине, чтобы объяснить мою позицию, когда я вижу, как легко и бесхозяйственно растрачивается накопленный опыт, разрушается с трудом добытая демократическая система координат, обрезаются еще хилые побеги новых ценностей, как радуются «новому курсу» старые и новые противники демократии. Надо признать, что курс на «ползучую реставрацию» ложится на удобренную почву. Удобренную главным

образом большевистским прошлым. Но не только. Ошибками демократов — тоже.

В 1985 году страна двинулась к свободе. Отбросила в сторону уголовные статьи из кодекса советской жизни — о насилии, классовой борьбе, революциях, диктатуре пролетариата. Крушение тоталитарной системы создало условия для строительства демократического, правового, либерального общества и государства. Со свободными выборами, парламентаризмом, свободой слова и творчества, с нормальным рынком, без страха перед ядерным противостоянием. Только работай, богатей и радуйся. Соберись с духом — и все пойдет как надо.

Ан нет. Нам совсем и не надо, как надо. Мы не знаем, как надо. Нам не хочется слезать с баррикад, ох, как не хочется. И снова жажда авторитаризма, тяга к революционным скачкам, рождающим авантюризм, а вместе с ним — безродного, бездушного чиновника, захватившего, как и в прошлом большевики с карателями, власть в стране. Почему?

А все потому, что Россия находится в состоянии давнего противоборства двух основных тенденций — либерализма и авторитаризма. Причем авторитаризм в той или иной форме постоянно берет верх и держит Россию в нищете и рабстве, а либерализм всегда был преследуем властью. Авторитаризм, по сути своей, объективно, исполнял роль «пятой колонны», саботирующей и тормозящей естественный ход исторических событий.

К сожалению, российский либерализм в практической политике всегда отличался непоследовательностью. Например, в начале и середине XIX века либералы (Сперанский, Чичерин и др.) поддерживали доброго царя, как только в его действиях появлялся хотя бы намек на возможность реформ. И уходили в тень, если монарх от таковых отворачивался. Но в принципе взгляды не менялись: сохранить самодержавие в форме конституционной монархии, отменить крепостное право и распустить крестьянскую общину как зародыш социализма, расширить права всех сословий, снизить налоговое бремя.

Социальные либералы конца XIX и начала XX века (Новгородцев, Кистяковский, Таганцев, Муромовцев, Ковалевский и др.) основательно поработали над теорией государства и социальной проблематикой. Внесли неоценимый вклад в создание нового права в России (свобода предпринимательства, частная инициатива, гражданские права и свободы личности, светский характер государства и т. д.). Кстати, они яв-

ляются и авторами концепции «социального государства» в его российском варианте. Российские либералы отвергали революционный путь модернизации. Они не были организованной силой, не искали социальной опоры. Власть не понимала и не принимала либеральные идеи, не востребовало их в надлежащей степени и общество, в том числе и его образованная часть. Россия была еще не готова принять либерализм, тем более социальный либерализм, а российская трагедия XX столетия поставила крест на его серьезном развитии.

Практика политической Реформации после 1985 года получилась многослойной. По своему содержанию она была и социал-демократической, и либеральной, и нэповско-социалистической. От этого винегрета шли разные запахи. В экономической политике принципы социальной демократии не нашли своего места, что и привело к забеганию вперед, к опережению реальных возможностей страны. Надо честно признать, мы не сумели справиться с экономическими преобразованиями. Больше того, они были поначалу чисто советскими. Я об этом уже писал. В результате социально-экономическая база реформ оказалась дырявой, что и определило затянувшийся период дестабилизации.

Демократы не сумели создать прочную социальную базу, прежде всего в малом бизнесе, среди врачей и учителей, не смогли до конца решить проблему частной собственности. Ничего не было сделано для того, чтобы остановить властный произвол чиновничества. Бесконечные расколы в рядах демократов тоже сыграли свою губительную роль. Демократы в исполнительной власти и в парламенте проморгали или не захотели увидеть процесс перерождения демократии в бюрократическую диктатуру, особенно на местах. Демократические процедуры формально действовали, но они все заметнее имитировали политическую жизнь, а сама жизнь поехала по коррупционному пути, который и определил реальное содержание политики.

Некоторые либеральные экономические реформы после 1991 года проводились столь круто, что привели страну на грань общественного шока. Они служили далекой стратегии, но проводились без учета специфики российской жизни, замусоренной психологией иждивенчества, воровства и разгильдяйства. В сущности, реформаторами была проигнорирована инерция традиционной российской «левизны» в общественных настроениях.

Правительство (центральное и местное) своей политикой принуждало граждан к обману, воровству и махинациям. Радиация чиновного бумаготворчества умертвляла и продолжа-

ет умертвлять живую жизнь. Практически власть начисто забыла о своей главной функции — не мешать людям честно работать. Опасно непродуманной оказалась и политика искусственного сколачивания верхушки сверхбогачей. Она создала взрывную обстановку раскола в стране и значительно расширила возможности для бюрократии вернуться к авторитарным методам правления.

Современный либерализм в России остро чувствует вызовы будущего, прислушивается к скрежету задыхающегося паровоза под названием «постсоветское общество». И нельзя сказать, что он забыл о дыхании грешной земли. Нет. Но неожиданно оказался склонным к экономическому прыжку, опасно рискуя при этом возможностью социальных конфликтов. И на этом пути он наделал, повторяю, немало ошибок, по сущности своей не свойственных либерализму.

Основополагающей их них, не поддающейся разумному объяснению, является *небрежение к образованию и науке, к социальной сфере в целом*. Эта ошибка резко снизила доверие к демократическому управлению, породила «новое нищенство» — теперь уже ученых, учителей, врачей, пенсионеров, равно как и создала благодатное поле для социальной демагогии. Впрочем, не только для демагогии, но и для справедливого возмущения. Образование и наука — основа цивилизации. Непонимание этой простой истины — большой грех и чудовищный удар по качеству жизни, которое является основой основ социального либерализма.

И при Горбачеве, и при Ельцине *проблемы собственности*, а значит, и эффективно работающего рыночного механизма оказались до конца нерешенными, что и держит Россию в полосе нестабильности. И пока не будет решена судьба ничейной (государственной) собственности, настоящая, то есть созидательная, экономическая и политическая стабильность в России не настанет. Повторяю, нормальные экономические отношения могут быть построены только с появлением массового собственника. Пока же продолжаются псевдоотношения, экономически фиктивные, на деле должностные. Они основываются не на владении собственностью и даже не на распоряжении ею, а на тех фактических правах и возможностях, что приходят с чиновничьей должностью. Главный чиновник, то есть государство, попирая законы или своевольно толкуя их, продолжает вмешиваться в дела частного бизнеса, сохраняя тем самым архаические советские нормы и порядки. Ответ на подобное — воровство, коррупция, всякого рода аферы и махинации — вполне логичен.

Давно убежден, что многие беды в России идут от нерешенного *земельного вопроса.* Я всегда считал его роковой проблемой. Только Столыпин решился покончить с паскудством общины. И уже тогда все деревенские горлопаны завопили о незыблемости общинных порядков на земле. Доорались до Ленина со Сталиным, до нового крепостничества. Реки крови пролиты за эту землю, но, видимо, в России настолько устали ждать коренных земельных перемен, что нынешний закон, принятый по этому поводу, игнорируется. На самом деле он заслуживает высоких оценок. Речь идет о коренных изменениях в общественном укладе России. Но пока что нельзя исключать, что сталинократия похоронит и эту реформу или извратит ее.

Одним из стратегических направлений развития России, к которому правительство остается глухим, является, на мой взгляд, *развитие малых городов России и малого бизнеса* на основе новых технологий информационной эпохи. Малые города могли бы стать и опорой фермерских хозяйств, сельскохозяйственных фирм, перерабатывающей промышленности. Мегаполисы обречены на умирание. Кризис урбанизации очевиден, а мы пока все ресурсы бросаем на развитие крупных городов, особенно Москвы. Спасение от удушающей урбанизации — в малых городах и поселках, связанных с малым бизнесом и сельским хозяйством. Уже сегодня необходима разработка принципиальных основ нового жизнепорядка, связанного с малыми и средними поселениями. Глобализация мировых процессов и интернетизация жизни обеспечат равный доступ к культуре, равно как и к информации о всех сторонах и сферах жизнеобеспечения. А это, в свою очередь, укрепит практику местного самоуправления, основанного на понятных законах гражданского общества. Там же, в малых городах, и основной источник социальной стабильности, и благосостояния людей, их инициативы.

Грандиозен вопрос, связанный с Сибирью и Дальним Востоком. Кажется, почти все поняли, что судьба России — в этих краях. Надо двигаться туда, пока не поздно. Может быть, пригласить на пустующие земли беженцев, вынужденных переселенцев в качестве фермеров, отдав им бесплатно землю и предоставив долгосрочные кредиты на обустройство. Как это было при Столыпине. Проблема не только экономическая, но и политическая, а скорее — стратегическая. Власти пугают нас распадом России. Нет причин для такого исхода, кроме пренебрежительного отношения государства к Сибири и Дальнему Востоку. В силу своей самоуверенности

власти никак не уразумеют, что Западная Россия Дальнему Востоку и Сибири не нужна.

Не удалось демократам создать честную и ответственную *законодательную власть.* Особенно огорчительно превращение ее в чисто лоббистские организации на всех уровнях. В свое время, еще в начале Перестройки, я упорно выступал за учреждение многопартийного парламента, видя в этом спасение от многих бед. Мне казалось, что свободные и альтернативные выборы приведут в законодательную власть людей честных, умных, совестливых и компетентных. Исчезнет душная атмосфера страха и двуличия. И снова розовые сны. В думы — центральную и местные — полез демагог, которому интересы дела и в пьяной горячке не снились. Демагогическое воронье взлетело еще в советские времена, когда проходили съезды народных депутатов. Но мало кто воспринимал подобное всерьез. Подшучивали, посмеивались. И не думали, что демагогия станет основным способом борьбы за власть.

До сих пор продолжаю терзать себя вопросом, неужели ты сам, отстаивая свободу выбора при формировании власти, махнув при этом на собственную карьеру, на свое здоровье и спокойствие семьи, на материальное положение, не мог сообразить, что во власть полезет шпана, причем действовать будет по правилам, уже давно отработанным в уголовном мире. Нет, к сожалению, не смог, хотя и можно было понять, что после десятилетий измывательств над народом, уничтожения его наиболее здоровых начал в генофонде ослабевшие позиции здравого смысла займут в значительном числе демагоги, психически деформированные люди, селекционированные революциями, классовой борьбой, репрессиями, государственной идеологией нетерпимости, а главное — своей жадностью и завистью.

На мой взгляд, надо изменить избирательный закон, изменить коренным образом. Кандидату в депутаты в предвыборное время можно оплатить дорожные расходы в его округе и расходы на листовку с его биографией. Все остальное — вне закона. За малейшее отклонение от него кандидат снимается с выборной дистанции навсегда. Пусть человек, желающий служить людям через законодательную деятельность, встречается с избирателями и убеждает их в обоснованности своих претензий. Надо очистить выборы от коррупционной грязи.

Непростительным просчетом демократов является взрыв *коррупции*. Прибежищем коррупции стала исполнительная власть, многомиллионное чиновничество, значительная часть которого занята сочинением инструкций, возбуждающих в обществе недоверие, а то и ненависть к власти. Меняются об-

щественные уклады, приходят и уходят с политической сцены президенты, правительства и министры. Но остается власть, олицетворяемая чиновником. Для человека она — главная власть, непосредственно над ним висящая. Наш чиновник — еще тот чиновник, для которого власть — суть его жизни, психологии, благоденствия. Он ненасытен на халявность, на взяточное прокормление, на вечный поиск того, что плохо лежит, на барственность и авторитарность на подвластной территории или на отраслевом участке этой территории.

Какое-то время после начала Перестройки чиновник оказался как бы в осаде. Струхнул малость, но сегодня, оглядевшись, так рявкнул на подданных, что демократия еле просматривается в вечерних сумерках. Иными словами, пользуясь обстановкой, чиновник приватизировал государство, он является мощной силой большевизма в его сущностном проявлении, обеспечивающей политическую и экономическую стагнацию. Чиновник, презирая законы, взял всю полноту власти в свои руки, правит бессовестно и бездарно, достаточно успешно подгрызая оставшиеся корешки сохнущего деревца, называемого свободой. Чиновнику нужны совсем другие свободы — свобода воровать, свобода унижать людей, свобода от всякой ответственности. Чиновничество — наша погибель, оно бесконтрольно, чванливо, прожорливо, постоянно наращивает моральный и экономический террор. Права человека для него — пустой звук. В России все режимы чахли от «обжорства властью». И от дураков напыщенных, да еще хамов, наглых от безнаказанности, простофильных даже в самых мелких делах. Чиновничество возвращается к своей ведущей функции советского периода — лжи.

Мы, реформаторы первой волны, практически проморгали неизбежность выхода на сцену жизни в условиях пробуждающихся демократических процедур экономических игроков преступного характера. Уголовщина засвистела над обществом, как метель в холодную зимнюю ночь, заметая дороги к былым надеждам. Тому много причин — и недооценка воровских традиций в российской экономике, и массовое нищенство, толкавшее на грабежи, и практика государственного социалистического мародерства. Все это и воспитывало психологию «отними и раздели, а еще лучше — укради». Все это и породило массовую практику коррупции в период угасающего страха. Чудовищно, но коррупция стала нормой жизни, предельно уродливой, но нормой. В последний десяток лет эта практика характеризуется государственным рэкетом, сращиванием государственных структур с преступным миром, что и создает питательную почву для фашизма.

Если перевести слово «коррупция» на русский язык, оно означает «порчу». Петр Столыпин говорил о «коренном неустройстве» России, сегодня справедливо говорить о «государственной порче». Недаром в России говорят: «порченый человек», то есть человек с тяжелым недугом.

Что все это означает?

Казнокрадство, взяточничество, подлог, сговор, круговая порука, продажность общественных и политических деятелей, шантаж, использование средств массовой информации для фальшивых «компроматов» в качестве психологического террора, заказные убийства, аренда чиновников, то есть продажа их услуг экономическим спрутам, подзаконные акты, дающие мафиозным структурам возможность «законно» воровать. Еще Фома Аквинский писал, что «несправедливый закон вообще не закон, а скорее форма насилия».

Социальный взрыв может стать неизбежным, если диктатуру бюрократии, ее практику беззакония и причины, его порождающие, не пресечь неотложными кардинальными мерами. Сюда я отношу решение проблемы собственности, резкое сокращение функций государственной власти, сокращение минимум наполовину чиновничества и ликвидацию созданных чиновничеством посреднических организаций, которые жиреют на взвинчивании цен, упрощение неописуемого бумажного водоворота, служащего только вымогательству. Раньше человек стоял в очередях за хлебом и мануфактурой, а теперь — за разными бумажками. Надо срочно ввести реальную ответственность за бюрократизм. Установить штраф за каждую минуту, сверх пяти, бессмысленного стояния в очереди за справкой, выдуманной чиновником. Пусть чиновник идет к человеку, а не человек к чиновнику. Если мы претендуем на звание демократического государства, значит, надо избавить человека от унизительного положения перед чиновником. Вот тогда и будет расти доверие к власти.

Конечно, Россия изменилась, конечно, она другая. Но дорога к свободе и благоденствию оказалась в глубоких колдобинах. Экономика убога, социальность дикая. Многое без нужды утеряно, другое без нужды появилось. Правящая номенклатура кинулась в тотальную монетаризацию души и тела.

Пришедший к власти Владимир Путин сделал немало внятных заявлений о необходимости продолжения реформ и развития гражданского общества. Напомню некоторые тезисы из ежегодных посланий президента Федеральному собранию, а вернее, российскому народу. Экономическая свобода, первоочередность социальных программ, низкие налоги, дебюрократизация экономики, развитие малого и среднего

бизнеса, борьба с произволом чиновничества, реформирование армии, независимые суды, незыблемость прав человека, защита частной собственности — все эти положения наполнены *социальным либерализмом.*

Активное и профессиональное проведение названных реформ могло бы стать хорошей основой процесса возрождения страны. И снова старые-престарые грабли, столь любимые российскими политиками. Власть продолжает называть себя демократической, хотя ползет к советской. Страна нервничает, пьет беспробудно, как бы торопится допить последнюю бутылку до погружения во тьму. Снова повылезали из кустов «громкоговорители», вдохновенно вещающие «об успехах во всех областях» и «мудрости правителей». Холодно как-то стало и боязно, тревожный колокольчик в затылке. Активизируются фашисты, не скрывая своих намерений по уничтожению свободы и демократии. В целях мобилизации охлократии разные фашиствующие группы рядятся, как и большевики, в одежды патриотов, нещадно спекулируя на этом естественном человеческом чувстве.

Выборы 7 декабря 2003 года закончились существенным поражением демократии. Парламент стал одноногим. Альтернативность исчезла, а вместе с ней и реальный парламентаризм, поскольку демократии без оппозиции не бывает. Без оппозиции не в состоянии вырасти и новые лидеры с новыми идеями, если, конечно, смена власти останется демократической. Правящая партия чиновников празднует победу. Радуются и национал-социалисты. Значит, снова придет «светлое прошлое». История забавляется фарсами. Я с грустью вспоминаю старую частушку: «Если вы утопнете и ко дну прилипнете, две недели полежите, а потом привыкнете». И верно, прилипнем и привыкнем, нам не впервой. Самое опасное в складывающейся обстановке состоит с том, что дирижерская палочка, управляющая реставрационными конвульсиями, находится в верхах власти.

И все же ситуация кажется мне достаточно противоречивой. Не хочется верить, что В. Путин лично задумал нечто такое, чтобы двинуть страну вспять. Уж очень опасная это игра, в том числе и для президента. Трудно представить, чтобы он сам решил бить по своей голове кувалдой. С другой стороны, можно и помилосердствовать. Если бы, скажем, существовал какой-то измеритель, способный показать, кто самый несчастный человек в России, в опасной мере окруженный новой политической элитой с беспредельной жаждой наживы, то наверняка такой прибор вычислил бы фамилию Путина. Бурный поток коррупционной грязи может унести в

пропасть и более искушенных в политической трясине, чем Путин.

Можно предположить, что именно в этих условиях ему или кому-то другому и пришла мысль, показавшаяся спасительной. Она предположительно состоит в следующем. Экономические реформы остановить нельзя, прежняя, социалистическая, обанкротилась вчистую. Но поскольку разрушение последней через приватизацию проходило хаотически, а порой и хищнически, то первой в голову и прискакала идея навести тут некий «порядок». Причем «порядок» не через демократические законы, а через силовые структуры, которые, как известно, авторитарны по определению. К тому же других союзников в борьбе с финансово-экономическим кризисом и массовой коррупцией как бы не обнаружилось. Да и эти «союзники» коррумпированы нисколько не меньше, чем предполагаемые «противники». Всех поразило коррупционное загнивание, к тому же в условиях исконного российского разгильдяйства, пьянства и лени. И вот тут и появилось знакомое до судорог простое решение: *экономика либеральная, политика авторитарная*.

На мой взгляд, это ошибочная концепция. Без свободы слова, без оппозиции, без массовой инициативы в экономике, без гражданского общества мы еще больше усилим примат государства над человеком, то есть вернемся к тупиковому варианту развития. Достаточно хорошо известно, что общественное развитие идет успешнее и быстрее там, где влияние государства на жизнь человека, на его миропонимание, на его инициативы ограничено защитой интересов законопослушного гражданина. Самореализация личности — основа прогресса.

Конечно же и сталинократия, и головокружение демократов, и близорукость олигархов, и безответственность местных князей, — все это внесло свою лепту в пугающую реставрацию общества при радостных восклицаниях политиканствующих большевиков и национал-социалистов. Но авторитаризм может быть только временно успешным, но губительным стратегически, поскольку он от рождения отравлен бациллами разложения.

Но почему же все-таки сделан такой выбор? Повторяю, он вырос как результат извечной борьбы между либерализмом и авторитаризмом, при том, что авторитаризм во всех его ипостасях — самодержавие, большевизм, фашизм — глубоко укоренился в жизни и сознании, а либерализм только прорастает, да еще в атмосфере, зараженной тоталитаризмом. Авторитаризм слаще, ума особого не надо, им болеет Россия

уже сотни лет. У нас меньше боятся войн, террора или голода, чем свободы, потому как мы пока не знаем, что это такое. Недаром же в обществе загуляла во время Перестройки присказка: свобода — не масло, на хлеб не намажешь. Иными словами, авторитаризм нам до боли и крови знаком. В общедержавной казарме мы уже жили. И все же, уж коль он снова подобран на кладбище России, стоит сказать о его опасности поподробнее.

В силу многолетних традиций авторитарность в нашей стране перенасыщена психологией нетерпимости и догматизмом, не приемлющими перемен. Отсюда и тоска по Ленину, Сталину, Андропову, и возврат к старому гимну, и новая цензура, и активность льстецов, и предложение восстановить памятник Дзержинскому, и обманчивые надежды на военных, способных якобы «навести порядок». Видимо, у новой правящей элиты явно не хватает времени заглянуть в реальную историю страны.

В России до сей поры господствуют феодально-социалистическое мышление, феодально-социалистическое поведение, феодально-социалистические привычки. Вечен поиск «пятого угла», который, кстати, всегда отыскивается. Разве нормальные люди могут пять раз менять название своей страны? Миллионы родились подданными Российской империи, несколько месяцев побыли гражданами Российской республики, затем стали советскими, сначала в РСФСР, потом — в СССР, умирают — в несоветской и несоциалистической, например, самостийной Украине. Пять раз менялся гимн: «Боже, царя храни...», «Марсельеза», «Интернационал», «Союз нерушимый», мелодия Глинки — без слов. Теперь снова вернулись к музыке большевистского гимна.

Москву до сих пор «украшают» памятники Ленину, Марксу, Энгельсу, Тельману, Димитрову. Лепят памятники Дзержинскому и Андропову. Улицы: Большая и Малая Коммунистические, Марксистская, проспект Ленина, площадь Ильича, станции метро: Бауманская, Октябрьская. Во всех крупных городах — то же самое. А посмотрите на имена институтов, заводов, колхозов, школ. Города Ульяновск, Дзержинск, Комсомольск и т.д. Вся страна замусорена памятниками и надписями с именами уголовников. Терпимое отношение к большевистской символике в рамки здравого смысла никак не умещается. Давайте подумаем: жить на улице имени уголовника. Учиться в институте имени террориста. Работать на заводе имени убийцы. Нет, не умещается.

Зададимся вопросом, какими же механизмами сознания и социальной практики ковалась в прошлом устойчивость авторитарной тенденции?

Прежде всего, паразитированием на тезисе об идеальной грядущей жизни. Если эту мечту постоянно сопрягать с мерзостью бытия, то складывается особый тип сознания. В основе его — люмпенская психология, которая падка на утопии. Да и сознание просто обездоленных людей легко поддается очарованию розовых снов. В самом деле, как жить человеку, который нищ, невежествен, беззащитен, бессилен? Впереди ничего нет, кроме борьбы за каждодневное существование. Детей его ждет та же участь.

Судя по всему, мир не скоро избавится от социальных утопий, если это вообще когда-нибудь произойдет. Питательная почва утопий — практическая и духовная — остается. Вероятно, сохранится и когнитивная почва: утопия играет роль социальной макрогипотезы и тем самым несет свою ношу в процессе познания. Но страшны не утопии сами по себе, а попытки втиснуть их в практику социального устройства. Конечно, человек вправе делать свой выбор, в том числе и тот, бессмысленность которого очевидна. Равно как и общество имеет право на заблуждения, но только в том случае, когда это его выбор, а не нечто навязанное — или силой оружия, или через манипулирование массами. Утопическое сознание в России и сегодня весьма влиятельно. Снова актуальна проблема его бунта против рационализма. В известной мере он продемонстрирован итогами парламентских выборов в декабре 2003 года. Нищенство неизбежно оказывается на поле иррационализма.

Политико-психологический феномен сначала самодержавия, а затем большевизма нельзя осмыслить, не упомянув еще о некоторых особенностях авторитаризма, органично вытекающих из утопической концепции. В том числе неспособность разобраться в подлинном смысле событий, их действительных причинах; доминанта радикального хирургического вмешательства в общественное развитие при острейшем дефиците социального знания и особенно практического инструментария созидания; борьба с видимым и с тем, что кажется таковым, при полном или почти полном невежестве относительно всего или почти всего невидимого, внутреннего, содержательного; слабое понимание механизма веры, которая уже привела нас в никуда.

Понятно, что надежда, питаемая верой, удалена на неопределенное расстояние во времени. Райские кущи, равно как и чистилище, не имеют координат во времени и пространстве. Идеал коммунистического общества тоже никогда не располагал четкими временными (и качественными) параметрами, которые позволяли бы хоть как-то определить, когда же

и при каких условиях такое общество будет построено. Но именно отстраненная во времени спроецированность миропонимания на безоблачное будущее и делает благородную цель не просто привлекательной, но и великой.

Вообще заблуждения всякого рода — не просто ошибки, через которые продираются цивилизация, культура. И не только способ познания. Но, видимо, — постоянный спутник развития цивилизации, ее духовной сферы, исторически неизбежная часть прогресса сознания — и по содержанию, и по механизмам проявлений. Великая цель, отстраненная от реальностей, легко расставляет нравственные ловушки человеку и обществу. Она порождает иллюзию, будто ради достижения задуманного возможны и допустимы любые средства. Открывается обширнейшее поле для спекулятивной политики. Подобная идеология и становилась практикой всех насильственных революций.

Беда в том, что если авторитаризм порождается напряженностью условий существования, то, появившись на свет, он уже сам оказывается заинтересованным в консервации этих условий, дабы сохранить свое господство. Постепенно в обществе складывается и авторитарная форма сознания, склонность к простым решениям, стремление переложить ответственность на других, особенно на власть, тяга к легкодоступной вере, а не к знаниям, потребность подчинения. В эту ловушку попадали все, кто оказывался в плену искусственных надежд. Когда человек из иллюзий строит жизнь, он творит чудовище.

Мы во многом остаемся рабами утопий. Вплоть до середины 50-х годов прошлого столетия еще действовала завороженность заявленной целью. Было еще далеко до понимания ее утопического характера. Человек еще карабкался по каменистым уступам к новому знанию, раздирая руки в кровь. Его еще удерживал в своем плену фанатизм веры в завтра, диктующий свою логику поведения. Отсюда вытекал и характер власти — власти произвола. Советские правители в силу своего невежества и самоуверенности были убеждены, что именно они дают указания ветру, в какую сторону ему дуть, грому — когда греметь, молнии — когда сверкать. А вот сомнения инакомыслящих полагались предательством.

В российской действительности догматизм, как идеологическая основа тоталитаризма и авторитаризма, веками культивировался в качестве нормы мышления и идеала одновременно. Культивировался не только властями и церковью, что понятно, но и светской, и клерикальной оппозицией, ересью, а в позднейшее время во многом и интеллигенцией. Пожалуй, никто не подпадал под влияние авторитарных идей с такой субъективной готовностью, как интеллигенция. Она была не просто крайне малочисленна для столь обширной державы, но в значительной ее части оказалась маргинальным сословием. Разночинцы — вот кто составлял к концу XIX века ее ядро. Люди небогатые, с трудом получившие образование, практически лишенные по царской сословной системе тех гражданских и личных прав, которые бы соответствовали их интеллектуальному и образовательному уровню, их кругозору и социальным притязаниям. Люди очень часто с тяжелейшей личной судьбой. Сами, нахлебавшись унижений, они хорошо понимали и положение простого люда. Но террористический характер действий, которые взяла на вооружение радикальная интеллигенция, чтобы изменить ход российской истории, был ошибочным, бессмысленным.

Вспомним еще раз такие заметные явления российской истории, как нечаевщина, ткачевщина, народничество, анархизм. Их лидеры звали к топору, террору, к борьбе с властями любыми средствами. Взращивалась губительная нетерпимость. На эту почву и пал марксизм в России. Марксизм, который был пропитан революционаризмом, идеологией насилия, рецептами прямолинейных решений, завораживающих утопий, что и делало его особенно близким тем настроениям, которые доминировали в России. Из этой смеси вылупился большевизм, который сполна использовал российское наследие, доведя общество до кровавых судорог. Причем при «громких аплодисментах» толпы. Впрочем, еще Достоевский говорил, что бунтовщики не могут вынести своей свободы и ищут, перед кем преклониться. И в этом идолопоклонстве перестают быть людьми и становятся пресмыкающимися.

Конечно, сыграло свою роль и то, что народ России, измученный тысячелетней нищетой, бесконечными унижениями, был настолько одурманен и сбит с толку обещаниями скорого земного рая, что оказался глухим к собственным сомнениям, поверил в ложь — ему безмерно хотелось достичь лучшей жизни во что бы то ни стало. На этом и сыграла марксистско-ленинская люмпенская идеология насилия, сыграла беспредельно подло.

И до эпохи большевизма народу не было сладко. В XVI веке Россия воевала 43 года, в XVII — 48, в XVIII — 56, в XIX веке — более 30. В XX веке редкий год был мирным. И до сих пор воюем. Эта трагедия России не могла не оставить своего тяжелейшего следа в психологии народа, в его генетическом фонде, в самом сознании людей, привыкших к рабству и свыкшихся с постоянной и разрушительной военизацией сознания.

Авторитарное сознание — болезнь опасная. Не настиг бы нас снова страх, который держал общество в своих когтях многие годы. Мы, русскоазиаты, привыкли радоваться бесконечному великодушию власти: не посадили в тюрьму — радуемся, не выгнали из квартиры — бьем поклоны, выдали заработанные тобой же деньги — снова восторгаемся, не избили в милиции — восхищаемся. Приказали снова петь гимн партии большевиков, опять же радуемся — все же не похоронный марш. Впрочем, по истокам своим — похоронный. Быстро привыкаем к унижениям человеческого достоинства и нарушениям прав личности, привыкаем к хамскому поведению чиновников. И радуемся, что не тебя, а других оскорбили и облили навозной жижей.

Такова психологическая инерция затянувшегося духовного рабства. Подобная психология — питательная почва для продолжения гражданской войны, порожденной контрреволюцией 1917 года. Хотя на рубеже веков она обрела другие формы — бюрократического произвола, компроматного доносительства, грабежа народа чиновничеством, роста фашистского экстремизма.

Сегодня локомотивом авторитарной тенденции является номенклатурно-чиновничий класс, заменивший КПСС. Номенклатура, вышедшая в основном из рядов социалистической реакции, упорно стремится к «легитимному авторитаризму». Она удобно пристроилась к демократическим процедурам. Является вдохновителем постоянного реакционного наката на завоеванные свободы.

Как я уже писал, властной номенклатуре свобода человека и гражданское общество враждебны по определению. Во всем мире так, но в странах развитых демократий законы укоренились в такой мере, что бюрократический аппарат вынужден считаться с ними. У нас в законах тьма лазеек для тех, кто творит беззакония. Обратите внимание, читатель, что почти все вновь принимаемые законы как бы нанизаны на чиновника, без него — ни шагу. Конституция постепенно перестает быть высшим законом прямого действия, ими становятся инструкции ведомств, противоречащие Конституции.

Планомерную и целенаправленную работу ведет чиновничество против независимости *средств массовой информации*. В свое время мне лично, причем задолго до Перестройки, стало ясно, что самым эффективным лекарством против общественных деформаций может быть свобода слова, с чего и начала свой путь Реформация. Убежден, что только на основе свободной и правдивой информации общество в состоянии разобраться: где жизнь, а где иллюзии; где реальные проблемы, а где праздное жонглирование словами или циничная демагогия; где компетентная работа ума, а где разгильдяйство и безответственность; где творческое развитие науки и культуры, а где приспособленческие и пустые упражнения без воздуха и света; где честное стремление служить народу, а где грязная драка за власть.

В серебряные годы Перестройки демократическая печать начала дышать животворящим воздухом свободы, активно расчищала выгребные ямы режима деспотии. Прекрасное время, смелые и честные журналисты, результаты исторической ценности.

Многое сломалось, когда пришел дикий рынок. Журналистика попала в условия, когда ею снова помыкают, а мастеров пера и слова покупают. Появились журналисты, готовые перестраиваться хоть каждый день. Они приобщились к практике компроматов — доносов образца 1937 года, заказных статей и передач. Добро и Зло, Правда и Ложь, Свобода и Бесправие стали, как и при большевиках, предельно диалектичными. Они легко переходят одно в другое. Очень неловко смотреть на прижатые хвосты некоторых бывших демократов, в свое время размахивавших томагавками над головами тех, кто казался им недостаточно радикальным. Предав сегодня великое дело свободы слова, они же потом начнут громко стенать, изображая вселенское горе, которое сами же сотворили. Но плаксивое нытье по поводу угасающей свободы слова — всего лишь повизгивание угасающей совести.

Пишу обо всем этом, а у самого сердце болит, поскольку считаю гласность и своим детищем. И потому наблюдать откровенный цинизм и беспамятность некоторых элитных представителей журналистики выше моих сил. Конечно же я выражаю свое раздражение в отношении далеко не всех из журналистского цеха. Со многими редакторами и серьезными журналистами из демократического лагеря я продолжаю дружить, они хорошо помнят, откуда и что вышло и почему забурлило кругом свободное слово. Понимая свою ответственность перед судьбой России, они мужественно продолжают отстаивать свободу слова и сегодня.

Свободное и правдивое слово — отец успеха, без современных демократических средств массовой информации гражданского общества не создать. Исчезни они хотя бы на пару месяцев, как тут же чиновная армада еще быстрее поплывет в авторитарную сторону, чиновник устроит непре-

рывный «фестиваль песни и пляски». Пока что оставшиеся независимые средства массовой информации — практически единственный действенный институт гражданского общества.

Не устает чиновничество и в борьбе с основными принципами демократии: *открытость общества, прозрачность в деятельности государства, исправно действующая обратная связь.* Но пока у нас правят люди, а не законы, этим принципам не суждено стать образом общественной жизни, неотъемлемой частью свободы человека. Открытость — врач и судья государства. Если бы люди России знали, сколько в прошлом ухлопано материальных средств на гражданскую войну и другие малые и большие войны, какой ущерб нанесен стране репрессиями и умерщвлением крестьянства, сколько затрачено средств на безумную милитаризацию, на содержание шестимиллионной армии в мирное время, на бессмысленную мелиорацию, на оккупацию восточно-европейских стран, на войну в Афганистане и Чечне — и все это по прихоти высшей власти и во вред народу, то наверняка они по-иному относились бы к бездарным властям. Не будь этих преступлений, наш народ был бы самым богатым в мире.

Особенно удручает меня история с гимном. Я уже не говорю, что при решении этого вопроса отсутствовало хотя бы чувство юмора, причем даже у автора, в третий раз тасующего дежурные слова на любой вкус. Дело гораздо серьезнее. Напоминать каждый день и в разных вариантах, что мы еще живем музыкой большевизма, кощунственно. И не только в отношении памяти миллионов жертв режима, но и в отношении любого совестливого человека. Нет, не имеет морального права этот гимн быть символом демократической России. И не станет им.

Эта история понуждает меня вернуться к вечной проблеме демократии — к вопросу об обратной связи. Против возвращения к старому гимну высказались Мстислав Ростропович, Александр Солженицын, Никита Богословский, Владимир Войнович, Даниил Гранин, Олег Басилашвили, Борис Васильев, Галина Волчек, Кирилл Лавров, Андрей Петров, Геннадий Рождественский, Михаил Чулаки, Родион Щедрин, Майя Плисецкая и сотни других выдающихся людей России. К ним присоединились студенты, священники, ученые, редакторы газет и журналов. Но все напрасно. Власть проигнорировала мнение интеллектуальной России, проявив к ней открытое неуважение. Авторитаризм в обнаженном виде.

Не могут не вызывать беспокойства и не утихающие *«игры в секреты».* Строго говоря, секретов в мире, особенно в

нынешней информационной обстановке, не существует, если не считать личную жизнь человека. Секретность придумана чиновниками для себя, но под предлогом защиты государственных интересов, неважно, реальных или изобретенных. Времена племенных войн, а потом войн религиозных, династических, колониальных требовали каких-то секретов. Но сегодня? Сугубо с формальной точки зрения и следуя букве разных положений о секретности, я лично являюсь носителем каких-то секретов. Но сколько ни стараюсь, не могу вспомнить ничего такого, что было бы действительно секретом. Так, чепуха какая-то.

Твердо убежден, что секретность — это дитя войн и конфликтов, репрессивное орудие власти и кормилица многих тысяч и тысяч бездельников, занимающихся бессмысленным ремеслом. Я убежден, что чем меньше будет в мире официально существующих секретов, тем лучше и свободнее станет жизнь людей, тем честнее будут отношения между народами и государствами, тем быстрее мы подойдем к системе общепланетного содружества и прозрачности в действиях управленческих структур и бизнеса.

Рассуждая об этом, я, разумеется, понимаю, что, например, борьба с терроризмом требует каких-то секретов оперативного характера. Сюда же можно отнести и коммерческие тайны, связанные с конкуренцией. Я-то имею в виду другое, то есть те сферы секретности, которые служат целям подавления личности и управления ею со стороны государства, а также секреты, служащие только карьерным интересам чиновника.

В связи с этим упомяну о проблеме, которая ближе к моей нынешней деятельности, — обнародованию архивных документов СССР — так когда-то называлась Россия. Казалось бы, речь идет о документах, свидетельствующих о преступлениях свергнутой большевистской хунты. И вдруг нынешнее чиновничество занялось противозаконной деятельностью — сокрытием документов ленинско-сталинской эпохи.

Во времена Бориса Ельцина была создана общественная комиссия по рассекречиванию документов, созданных КПСС, своего рода структурная составляющая гражданского общества. Она выполняла очень важную научную и нравственную функцию, помогала создавать атмосферу открытости и доверия к власти. Не знаю, кто надоумил, но Президент Путин Указом № 627 упразднил вышеназванную комиссию, а ее функции передал межведомственной комиссии по защите государственной тайны, то есть чиновникам. Итак, преступления Ленина и Сталина стали государственной тайной, под-

лежащей защите. В результате все покатилось по советским рельсам. Сроки рассекречивания некоторых документов о репрессиях и реабилитации продлены еще на годы, в том числе и тех, которые были уже рассекречены и опубликованы.

Некоторые политики милосердно заявляют: не надо будоражить народ. Что называется, ехали-ехали и приехали! Выходит, ложь умиротворяет, а правда будоражит. Лично для меня ясно одно: *если вернемся ко лжи, то ложью и закончим.* Как писал Твардовский: «Кто прячет прошлое ревниво, // Тот вряд ли с будущим в ладу».

Форсированная бюрократизация демократии может привести к ее падению без всяких мятежей и бунтов. И решающую роль в переходе к масштабному авторитаризму сыграет чиновничья номенклатура. Если народы России хотят быть свободными гражданами и хозяевами, они должны начать настоящую освободительную борьбу против диктатуры чиновничества и воровского бизнеса, которые намертво связаны между собой.

Начало века в России связано с именем Президента Путина. Суждений много. Разных и противоречивых. Одни считают, что все его обещания повисли в воздухе. Другие им восторгаются, надеясь, что он наведет порядок, который, кстати, каждый понимает по-своему. Третьи утверждают, что он «кот в мешке». Последнее, пожалуй, ближе к истине. Все политики — «коты в мешке». Во всех странах каждое новое поколение политиков поет собственные песни власти — о свободе и рабстве, демократии и авторитаризме, о прошлом и будущем. Новое поколение политиков в России имеет возможность подняться на ступеньку выше в оценке сложившейся ситуации и перспектив развития страны. Но только возможность, которая пока что не затронута чем-то новым и вдохновляющим. Скорее, наоборот.

Меня, конечно, подмывает желание обозначить психологические контуры Президента Путина. Однако не могу найти более или менее точных определений. Да и знаю я его понаслышке. С «клюквой» дело иметь тоже не хочется. Язвить попусту — тоже. Кроме того, он еще не закончил свою президентскую страду. К сожалению, в его действиях пока не просматривается главный замысел, какую же историческую веху он хочет обозначить своим правлением. Есть о чем подумать. Однако эта неясность не может оправдать мое молчание, если что-то в деятельности высшей власти представляется мне странным или ошибочным.

В свое время я достаточно определенно критиковал и Михаила Горбачева, и Бориса Ельцина. Но это не остановило их

прислать мне письма к моему 80-летию. То же самое сделал и Владимир Путин. В них много добрых слов, поднявших их авторов выше обид. Приведу отрывки из упомянутых приветствий.

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ: ...И часто, даже уже на первоначальном этапе, он оказывался под огнем критики тех, кто не принимал перестройки, кто не понимал ее значения для страны и людей. Александр Николаевич Яковлев до конца оказался верным утверждению принципов свободы, демократии, открытости, плюрализма и в экономике, и в политике. Он внес значительный вклад в разработку идей, которые были положены в основу апрельского пленума ЦК КПСС 1985 года, XXVII съезда партии, в подготовку и проведение крупных мероприятий в рамках нового мышления по оздоровлению международных отношений...

Хотелось бы отметить большую работу возглавляемой Яковлевым Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Александр Николаевич сменил на этом посту М. С. Соломенцева. Был возобновлен прерванный в брежневские времена процесс реабилитации невинно осужденных людей, восстановления справедливости и исторической правды. Комиссия провела огромную работу, опубликовав массу аналитических документов и выпустив множество публикаций по различным периодам советской истории. И в этом, конечно, большая заслуга принадлежит Александру Николаевичу как руководителю комиссии...

Подводя итог, хочу сказать, что судьба подарила Александру Николаевичу уникальную возможность быть не только свидетелем, но и активным участником тех сложных, неоднозначных, а порой и драматических событий на переломном этапе истории нашей страны. По-моему, это счастливый шанс. И, находясь в гуще тех событий, Александр Яковлев всегда оставался среди тех, кто не просто поддерживал, а отстаивал политику перестройки и был верен ей до конца.

БОРИС ЕЛЬЦИН: ...Александр Николаевич Яковлев — один из тех редких людей, кто своими действиями, мыслями, словами сумел в какой-то мере изменить ход истории. Но в отличие от других политиков эпохи перестройки Яковлев запомнился не яркими речами с трибун, не участием в митингах и шествиях, не эффектными заявлениями. Он вообще никогда в полной мере не был тем, кого сейчас принято

называть — «публичный политик». Не очень любил свет юпитеров и гул больших залов. У Александра Николаевича в жизни была другая, как мне кажется, гораздо более важная миссия. Он готовил перемены, приводил в действие реформы прежде всего своим интеллектом и своей душой. Своей всегда очень ясной и сильной позицией, которая заставляла кремлевских «обитателей» на каком-нибудь очередном заседании Политбюро вдруг понять: кажется, это уже другая эпоха, в ней говорят на другом языке и думают по-другому. Действительно, начиналась эпоха, в которой можно было и действовать, и поступать по-другому, не так, как положено и предписано. Не так, как раньше...

Так уж случилось, к добру или не к добру, что эта «реформация», сыгравшая огромную роль в истории нашей страны, шла все-таки сверху (хотя, конечно, и снизу все это объективно назревало). Шла из Кремля. А когда реформы идут «сверху», то самое важное: их удержать, не сорваться, не шарахаться. Тут-то и пригодились мужественный характер Александра Николаевича, его четкая позиция. После октябрьского пленума 1987 года, когда меня вывели из состава Политбюро, Яковлев оставался в этом высшем партийном органе последним, кто твердо знал, к какой цели должна идти страна. Кто подталкивал Горбачева вперед, на путь реформ. Все это проявлялось в каждодневной, даже будничной аппаратной работе.

Я не знаю, можно ли какому-то одному человеку присвоить титул архитектора перестройки (а именно так в 90-е годы называли Александра Николаевича журналисты и политологи всех мастей, причем как в положительном, так и в отрицательном смысле). Но то, что Яковлев был камертоном перемен в высшем руководстве страны, — это уж совершенно точно. Совестливый человек всегда беспощаден к себе. Во всех книгах А. Н. Яковлева поражает нравственный самосуд личности, которая строго расставляет себе оценки: здесь я был не прав, тут можно было бы сделать по-другому, сказать острее — и позы в этом никакой нет. К такому «самокопанию» подталкивает опыт, какое-то прозрение, которое всегда настигает человека, много пережившего. Это я знаю по себе...

Он долгие годы был единственным в горбачевском руководстве открытым борцом за мировые общечеловеческие ценности, умеющим не скрывать своих взглядов: свобода слова, свобода вероисповедания, свобода передвижения, свобода

СМИ. За это его так ненавидело руководство КГБ, называя «агентом влияния». Оно предпринимало недюжинные усилия по дискредитации Яковлева, подтасовывало факты, посылало генсеку фальшивые секретные шифровки о прозападных контактах Яковлева. А исторический факт состоит в том, что именно взгляды Александра Николаевича во многом определили вектор движения страны к мировым ценностям...

...У Александра Николаевича много планов. Он продолжает публикацию уникальной многотомной серии секретных партийных архивов, и все меньше и меньше белых пятен остается в нашей истории. Он проделал гигантскую работу, возглавляя Комиссию по реабилитации жертв сталинских репрессий, возвращая людям их честные имена. Он один сделал и продолжает делать столько, сколько хватило бы на десяток общественных и политических деятелей. Он доказал труднодоказуемую вещь, что настоящий политик может быть честным и нравственным. Я люблю его крепко, по-уральски, по-настоящему. Я, как и прежде, восхищаюсь этим мудрым, тонким, блестящим Человеком.

ВЛАДИМИР ПУТИН: ...Становление сегодняшней России — демократической, свободной и открытой — было бы немыслимо без плеяды ярких личностей, незаурядных людей, любящих свою родину. И Вы являетесь одним из тех, кто стоял у истоков коренного преобразования нашего общества и государства.

В решающие моменты новейшей российской истории Вы всегда вставали на защиту демократии, проявляя твердость и принципиальность в отстаивании своей гражданской позиции. Особое уважение заслуживает Ваша благородная работа, которая помогает вернуть доброе имя жертвам политических репрессий. Желаю Вам, уважаемый Александр Николаевич, и Вашим близким счастья, благополучия и всего самого доброго.

Как я понимаю, читатель может подумать, что эти высказывания я привожу для какой-то похвальбы самого себя. Боже меня упаси! За свою жизнь я столько начитался и наслушался хулы и хвалы, что накопил в себе некий иммунитет и к тому, и к другому. Не то чтобы окаменел, но восприятие окружающего шума нормализовалось. Дело в том, что каждый раз, когда в этой книге я обращался к анализу деятельности М. Горбачева и Б. Ельцина, к их личностным характеристикам, меня, повторяю, тревожил только один вопрос, а

справедливы ли будут мои критические эскапады в адрес этих людей, сыгравших огромную роль в судьбе моей страны, в ее преобразовании? И не рановато ли давать обоснованные оценки? И каждый раз я приходил к выводу, что мои колебания не имеют нравственного смысла.

Исторические личности, как правило, умеют или должны уметь владеть эмоциями, обидами, огорчениями и восторгами. Поэтому когда я размышляю о мере критики с точки зрения ее справедливости, характера и лексики, касающейся В. Путина, то не вижу никаких причин изменять своему принципу. Кроме того, я критикую не личность, а качество исполнения столь высокой должности, степень влияния этого качества на судьбу России, за что я тоже несу свою долю ответственности.

Прежде всего, я вижу перед собой спрятавшегося в самом себе человека. Возможно, с умыслом, а возможно, эта черта идет от характера. Он воздвиг некую невидимую стену, тщательно укрывая свои замыслы, сомнения, нерешительность, а порой и растерянность. Привержен собственным догмам, полагая их истинами. К власти привык, хотя и устал. Опасно, если усталость перерастет в пофигизм. Недоверчив и обидчив. Отсюда и упрямство, равно как и непомерная вера в правоту собственных решений. Стратегическое мышление или его отсутствие как бы укрыто туманом загадочности, а нарастающая неуверенность выплескивается наигранной самоуверенностью, которая, как известно, родная сестра равнодушия.

Его политика носит многослойный характер. Он постоянно делает странные движения навстречу традиционной российской «левизне» в общественном сознании. Но в то же время, как я уже писал, представил свою экономическую программу, достаточно либеральную. К сожалению, не обнаруживается понимания, что дорога к успеху только одна — продолжение комплексных либеральных реформ: свобода слова, независимый суд, гражданское общество, развитие людской инициативы через малый бизнес, обуздание чиновничьего произвола, беспощадная борьба с коррупцией. Хотя, возможно, виртуальное понимание и существует, но, видимо, не хватает сил переломить сопротивление сталинократии, да и преодолеть самого себя.

Когда я пытаюсь найти более или менее корректные определения характера и деятельности Путина, я все время натыкаюсь на слова Анатолия Собчака. Они как-то смущают меня. Мы дружили с Анатолием и доверяли друг другу. Недели за две до своей гибели он позвонил мне и сказал, что вскоре приедет в Москву. Надо поговорить, сказал он. Я задал ему

только один вопрос — вопрос о Путине. Анатолий ответил, что подробно поговорим об этом, когда приеду. А сейчас скажу только, что он не способен на предательство. Что это означает, осталось без ответа. Анатолия не стало.

Коренной вопрос России сегодня — восстановление доверия к власти, хотя бы минимального и относительного. Однажды у меня состоялась беседа с Путиным. В основном она касалась хода реабилитации жертв политических репрессий, но обсуждались и другие вопросы. Среди них — проблема доверия к власти. Она беспокоит президента. Но опять же боюсь, что многоопытный российский чиновник идею укрепления элементарной дисциплины в сфере управления использует в целях усиления своего произвола, удушения свободы, а вовсе не для развития инициативы людей, что и мостило бы дорогу к доверию. Пока что расщелина между властью и народом расширяется.

Лично я не верю в особую судьбу России, ее исключительность, в некий «третий путь». Мы обречены на ту же логику исторического развития, что и все народы мира, мы, если говорить об идеале, исповедуем те же ценности, что и все человечество. Но все это вовсе не отрицает того, что в развитии нашей страны есть свои особенности, сформировавшие своеобразие культуры, характера, психологии народа. Об этом рассказывают тысячи страниц, написанных историками, философами, экономистами, теологами. Здесь я хочу обратить внимание лишь на одну сторону характера моего народа. Его особенность становится чрезвычайно выразительной, когда на наши головы обрушивается свобода.

Так было после обнародования практически первой Конституции — Манифеста 17 октября 1905 года, объявившей политические свободы. Россия растерялась и пошла в разнос: анархия, смуты, убийства, поджоги. Громко запела свои песни преступность. Справиться со свободой Россия не смогла.

Так случилось и во времена Февральской демократической революции 1917 года, провозгласившей принципы свободы и демократии. Россия вновь растерялась и снова поехала в разнос: демагогия, анархия, нетерпимость, развал хозяйства, горлопанство вместо ответственности. И вновь Россия не сумела овладеть свободой. Результат: кровавая диктатура большевизма — одни нищенствовали, но вдохновенно песни пели, а другие — в лагерях и могилах гнили. Преступность стала государственной.

Бархатная мартовско-апрельская революция 1985 года вновь принесла свободы, но вновь Россия раскрыла глаза от удивления и растерялась. Повторились те же самые сю-

жеты — опять преступность, коррупция, воровство, чиновничий произвол.

Особенно тревожно, что Россия впадает в растерянность не перед угрозой войны, не перед террором, не перед голодом, а перед свободой. Даже не считает ее высшим достоянием и национальной идеей. Вот тут-то и поставлена ловушка президенту. Она завернута в надежду, что торможение свобод ускорит ход экономических реформ. Едва ли! Возникает вопрос: дадут ли чиновники в этих условиях осуществить и экономическую программу? Номенклатурный крокодил обожает проглатывать любые разумные идеи. У номенклатуры — свои интересы и надежды, далекие от народных. Дебюрократизация в управлении ей не нужна. Носы у номенклатуры — совершеннейшие биокомпьютеры, они точно угадывают время для своих действий и направлений ветра времени.

Ни Горбачев, ни Ельцин не смогли преодолеть чиновничий саботаж. Номенклатура втянула их в бессмысленные политические дрязги. Номенклатурное большинство на съезде народных депутатов осенью 1990 года загубило программу «500 дней», пустив тем самым реформы под откос. Фракция КПРФ сумела обеспечить бездействие Думы во время президентского правления Ельцина, добившись того, что демократия вообще оказалась в обороне, хотя основные позиции удерживала. Путинское чиновничество кричит: ура, стабилизация, что означает на самом деле тот факт, что коррумпированная бюрократия удобно и прочно обустроилась в государственном хозяйстве.

Сторонники реставрации активизировали, по моим наблюдениям, мобилизацию сил реванша, чтобы «одернуть хулителей светлого прошлого». Думается мне, что не так далеко время, когда повыскакивают из кустов и подворотен «автоматчики» из отрядов политических проституток и начнут палить по тем, кто якобы предвзято изображает историю сталинского фашистского прошлого, то есть критикует его. Эти люди, в том числе и во властных кругах, продолжают грезить о другом прошлом, таком, которое было бы сплошь героическим, чтобы из него день и ночь летели петарды патриотизма, восславляющие государство, то есть власть, а вовсе не Родину. Налицо явные потуги вернуться к историографии, служащей не истине, а интересам власти, ей выгоднее судить о событиях не по фактам, а по понятиям, как это делали большевики.

Когда власть пытается взять под контроль прошлое страны, то о какой же демократии может идти речь? История получает свою «вертикаль», пишется под власть. Только вот сразу уши торчат: взгляды сталинократов. Опять память подводит. Суда истории не избежать тем, кто так падок на шоколадки от власти, в том числе и самой власти, столь демонстративно обнажающей свое невежество. Говорят, надо воспитывать людей на позитивных моментах советской истории. А как же быть с правдой, с фактами? Опять в спецхран ее, бедолагу? Даже не смешно.

Иными словами, сегодня наше прошлое, а вернее — отношение властей к нему, начинает воровать по кусочкам возможность свободного будущего.

Мне порой кажется, что Президент Путин под тяжелым грузом ответственности, который свалился на его не очень опытные политические плечи, страдает недооценкой последствий преступлений, совершенных большевистским фашизмом. Не хочется верить в заранее обдуманный план движения назад. Да и нет такого плана. Но бросается в глаза странная и жесткая последовательность. Гимн, однопартийная система, послушный парламент, примат государственности над человеком, вождизм, сращивание государственных структур с бизнесом, особенно с криминальным, приручение средств массовой информации, возвращение к государственной историографии, то есть приспособление истории к интересам власти, отсутствие подлинно независимых судов, расширение сферы деятельности и влияния на политику специальных служб — все это тревожные сигналы, способствующие возвращению столь привычного для нас липкого страха, явная работа на охлократию — опору любой диктатуры.

Что еще меня реально тревожит? Как и при всех прошлых правителях, вновь загрохотали подхалимствующие барабаны. Сочиняют пошлые книжки о президенте. В другом месте льют чугунные и медные изваяния. Захлебнувшиеся «чувством любви» призывают: «Сомкнемся вокруг любимого президента, сплотимся!» Появилась даже молодежная организация под названием «Идущие вместе». Я бы назвал ее — «Заблудившиеся во тьме». Они тоже восхваляют начальство. Ну и так далее, чего мы уже нахлебались досыта еще в прошлом столетии.

Не думаю, что восстановление на здании ФСБ барельефа Андропова, установка ему памятника, поток воспевающих его мудрость статей и передач делаются честными руками. Того самого Андропова, который активнейшим образом участвовал в подавлении народного восстания в Венгрии, «пражской весны». Того самого деятеля, который отправлял инакомыслящих в психушки, лагеря, тюрьмы, выгонял за рубеж Л. Богораз, П. Григоренко, А. Синявского, Ю. Даниэля,

Ю. Любимова, И. Бродского, лишил гражданства В. Войновича, Л. Копелева, В. Аксенова, Г. Владимова и многих других. Из документов Политбюро известно, какую травлю он развернул против Александра Солженицына, Андрея Сахарова, Мстислава Ростроповича.

Если подобные шаги по воспитанию гордости за свою страну носят политический характер, то они грозят не только заморозками, но и обледенением. К тому же нельзя всерьез верить, что участившиеся всхлипы о прошлом и любовное облизывание сапог Ленина и Сталина носят случайный характер. Не стесняются же заявлять некоторые представители художественной интеллигенции, жаждущие стать побыстрее придворными, что надо «очеловечить» Сталина. А что, если попытаться «очеловечить» самих себя, тогда, может быть, отсохнет и первое желание? Пора освобождать мозги и любимые седалища от сгнивших червей минувших эпох. Тогда, глядишь, и у совести глаза откроются.

Видится мне, что номенклатурная челядь, будучи еще советской по характеру, полагает, что восторги толпы по поводу некоторых действий властей — это и есть поддержка линии на установление «порядка». Давно же известно, что восторги у нас легко переходят в улюлюканье.

Древний Помпей, уже растерявший к концу правления восторги толпы, продолжал пестовать свою самоуверенность, утверждая: «Топну ногой в землю, и из земли вырастут легионы». Увы, опыт истории противоположен. Никто не обнаружился для защиты Николая II, не выросли легионы и для защиты Керенского и демократии, а попытка вернуть большевизм через мятеж 1991 года закончилась конфузом: вместо легионов — кучка авантюристов.

И все же я верю, что удушить полностью демократию чиновничий класс пока не в силах, а вот использовать обстановку в целях ползучей реставрации — в состоянии. Мелкими шажочками все ближе продвигается он к заветной цели — снова превратить человека в пугливого зайца, но зато живущего якобы в великой державе нескончаемого успеха, пронизанной всеобщим патриотизмом за прошлое, настоящее и будущее.

Итак, проблемы, стоящие перед Россией, очевидны. Они безмерно усложнились после почти столетнего уродливого состояния общества, оказавшегося на обочине мирового развития. Усложнились еще и потому, что демократические преобразования в России совпали со всепланетной сменой эпох. Мир быстро глобализуется. Целостность и взаимозависимость мира, о которых мы, реформаторы, заявили еще в самом начале Перестройки, находят сегодня свое практическое воплощение.

Но спросим себя, а готова ли Россия, да и все земляне к наступлению глобального мира, к новой информационной эпохе, начало которой положила интернетизация? Вопрос не праздный, ибо уровень и глубина общечеловеческого и индивидуального сотрудничества будет складываться, как я надеюсь, в новой среде обитания, которая будет формироваться в условиях гигантских научных открытий. Но мы, человеки, по-прежнему находимся в плену атавизмов в своих представлениях, например, о бесконечности ресурсов Земли. XX век в результате обезумевшей индустриализации встроил в жизнь огромный искусственный орган — мировое хозяйство, которое медленно, но неумолимо отравляет нас.

Важнейший ресурс природы — способность самоочищаться — почти исчерпан, человек перешел роковую грань. Путь экологического невежества на Земле трагичен. Природе нельзя бесконечно лгать. Необходим переход в масштабах всей планеты к принципиально новому этапу материального и духовного прогресса цивилизации. Я его называю Экоразвитием.

Принципы Экоразвития должны быть заложены в основу общей стратегии мирового развития — как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу, в том числе и в принципы общепланетарного сотрудничества. Иначе все наши диспуты о судьбе человека, красоте и радости жизни, о вечных ценностях культуры окажутся бесплодными.

Шаг за шагом будет затухать индустриализация в том виде, в котором она громоздится сегодня. Будут стираться границы между государствами, исчезнет нужда в визах и таможнях и прочих «клондайках» для чиновников. Канет в Лету милитаризация. Предположительно еще в первой половине XXI столетия биотехнология введет нас в эру оптимизации, базирующейся на точных методах определения и удовлетворения потребностей и желаний как отдельного человека, так и всего мирового сообщества.

Возможно, произойдет историческое примирение социального идеализма с жестким прагматизмом рынка. Станет более объемным понимание феномена духовности, которая во все возрастающей степени будет определяться психогенетикой. Роль плутократии в экономической и политической жизни и роль охлократии в смутах и революциях будут постепенно ослабевать. Автономность личности станет настолько высокой, что начнется на этой основе переход к естест-

венному обществу. Насилие, которое пожирает человечество многие тысячи лет, будет постепенно терять свою разрушающую власть.

Но сомнения, вечные сомнения, ибо все это звучит слишком сказочно, романтично в эпоху варварства, в которой еще пребывает человечество.

Я задаю себе вопрос: а не приведет ли развитие информационных средств в XXI веке к тому, что человек будет богатеть информационно, но хиреть духовно. Не лишены смысла опасения, согласно которым возможна постепенная универсализация жизни и ее ценностей, не глобализация, что правомерно, а именно универсализация. А что станет с культурой в самом широком смысле этого слова? Будет ли она продолжать свою миссию хранительницы общечеловеческих идеалов и ценностей, носителя бессмертия, или возьмет верх сугубо техническая цивилизация, способная вынуть из человека живую душу. Не потускнеют ли в этой информационной среде национальные культуры?

Мир многообразен и красочен. Нельзя допустить, чтобы восторжествовала унифицированная для всех землян культура. Была и пребудет культура, слагаемая из тысяч этнических культур. Единство в многообразии — самое прочное единство. Поэтому чрезвычайно важно, демифологизируя агрессивно-националистические аспекты пограничных культур, проявлять особую заботу и бережность к самобытному вкладу каждой национальной культуры в общемировую копилку цивилизации.

Человек постепенно будет становиться *патриотом планеты Земля*. Каждый начнет в той или иной степени воспринимать себя не только русским, японцем, китайцем, американцем, французом, итальянцем, немцем, нигерийцем, испанцем, индусом, но и землянином, ибо биосфера на всех одна — и Земля, и мировой океан, и атмосфера.

Общепланетному сообществу еще предстоит понять, что процесс глобализации будет идти в условиях острых противоречий и кризисов — урбанизации, индустриализации, среды обитания, власти, государственных и политических институтов, в условиях живучего экстремизма в человеческих отношениях. Необходимо разорвать путы метафизических и догматических взглядов на современную жизнь. Господство деформированной технологической цивилизации, подрывающей условия естественной жизни, становится все более угрожающим. Но об этой опасности мы пока что звоним в колокольчики, а не в планетарные колокола. Близорукость часто приводила человечество к трагическим бедам.

В конечном счете необходим переход к гуманизму нового качества. Необходима гуманизация всей жизни и всех действий человека и человечества, граждан и властей, технологии и управления.

Но все это, как говорится, в идеале. В жизни может повториться трагедия XX столетия. Как это ни печально, в старохристианском мире в прошлом столетии произошли три гражданские войны — две мировые и одна «холодная». Последняя продолжается, но по другим и не менее опасным направлениям. Это самоедство подорвало и продолжает подрывать дальше материальные и духовные возможности землян. Кроме того, эти войны породили социальные катастрофы, в частности в Германии и России. У духовных лидеров государств христианского мира не оказалось ни житейской проницательности, ни стратегического мышления. Главные проблемы были передоверены политикам, оружием которых является популистская демагогия, но не здравый смысл. В этой сфере жизни необходимы кардинальные изменения.

В принципе в любой момент нас может поджидать кризис смены цикла. Каждое явление жизни кардинального смысла может стать сигналом начинающейся противофазы. Опыт истории свидетельствует, что в обществах, в которых процесс исторического выбора запущен как бы в обратную сторону, на протяжении поколений верх одерживали нравственно ущербные силы и тенденции. Было бы наивным полагать, что эти процессы уже прекратили свое действие. Вот почему еще возможен мир, построенный на очередных догмах, и тогда не столь существенно, будут ли люди молиться капитализму или социализму, жить с рынком или без него, ибо мир, основанный на фанатизме и экстремизме, видит в человеке всего лишь возобновляемый ресурс, но никак не высшее творение.

В этой связи хочу подчеркнуть еще и еще раз, что очевидна реальная угроза вымывания основополагающих ценностей цивилизации, если не будут предприняты мощные усилия по активизации всех форм диалога культур, диалога цивилизаций. Борьба с терроризмом чрезвычайно важна, но это лишь одно из проявлений нового всепланетного противоречия.

Вот в этих условиях и придется России определять себя в мире, куда более сложном, чем сегодня. Современники крутых общественных переломов не в состоянии понять в полном объеме их подлинный исторический смысл. Стержневое содержание событий как бы ускользает в суетной повседнев-

ности, подменяется очень часто пошлостью политиканства, людской корыстью и нетерпимостью, амбициозностью «вождей» и безумием толпы. Верх берут эмоции, а не разум.

В России пока только формируются, хотя и с нарастающими трудностями, определяющие системообразующие факторы — экономическая свобода, частная собственность, независимый суд. Торможение этих процессов чиновником создает барьеры на пути духовного, психологического, политического освобождения человека, очищения его от раболепия. Лично я опасаюсь даже маленьких откатов назад. Прежде всего потому, что мы в России привыкли к смертоносным качелям. Мы обычно ленимся карабкаться вверх, но зато обожаем лететь кувырком вниз. Сегодня каждый шаг назад власть изображает как шаг к стабильности, коим он не может быть по определению.

А теперь немножко личного, хотя и не совсем. Конечно же для меня далеко не безразличны экономические и политические действия власти, поскольку в свое время я был причастен к осмыслению общих принципов на пути к выздоровлению моей страны. Задолго до Перестройки и во время ее моей мечтой было возвращение государства в нормальное человеческое бытие, то есть построение гражданского общества, которое бы возвышалось на фундаменте свободы человека и его ответственности перед законом, богатело и развивалось на принципах частной собственности, социального и экономического либерализма, свободного слова и творчества, ограниченных только законом и этикой, развитого самоуправления, децентрализации власти и свободных выборов. Я был убежден тогда и еще больше — сегодня, что только свобода и достаток человека создадут достойное общество и уважаемое государство.

Увы! Мечты, мечты, где ваша сладость. Конечно, сегодняшнее состояние общества не сравнить с временами ленинско-сталинского террора, но сумеречная обстановка явно затянулась, в затылок обществу дышит авторитаризм, самодовольное ржание чиновников становится все слышнее.

В контексте этих рассуждений я все время ловлю себя на мысли, что свои, теперь уже давние, предложения (отсылаю читателя хотя бы к моему письму М. Горбачеву от декабря 1985 года или к письмам Б. Ельцину) я неотвязно сравниваю с тем, что предлагается обществу сегодня. В то время я писал и говорил о неизбежности рыночной экономики, о ее дебюрократизации (как и государства в целом), низких налогах как пути оздоровления экономики, частной собственности, создании независимой судебной системы, верховенстве закона, многопартийности и многом другом, что напрямую увязывал с либеральной социальной политикой.

Еще в первые годы Перестройки я настаивал на решительном обновлении правящей верхушки в государстве — в центре и на местах. Предупреждал, что мощная колонна «вождей», выращенная Сталиным, Хрущевым, Брежневым и Андроповым, предаст Перестройку. Мне отвечали: нельзя ломать людей через колено. Последствия известны.

Еще в 1985 году предлагал уходить от однопартийной системы, ибо монополия на власть уже привела Россию в тупик. Сказали: рано. А тем временем в 2003 году однопартийность вернулась.

В том же 1985 году говорил о целесообразности перехода на фермерские принципы в сельском хозяйстве. Но мы продолжаем держаться за общинное хозяйство в форме колхозов.

В своем выступлении в Перми говорил о необходимости перехода к смешанной экономике и частной собственности. Сказали: торопиться не следует.

К 1988 году обострилась обстановка с преступностью, она приобрела угрожающий характер. Начал ныть и по этому поводу. Чтобы отвязаться, дали в мой секретариат дополнительно одного человека. На том дело и кончилось, а преступность достигла сегодня катастрофических размеров.

В течение 1991 года четыре раза предупреждал о надвигающемся военно-партийном мятеже. Сказали: не преувеличивай и не сей панику.

На съезде Движения демократических реформ в 1991 году обратил внимание на начавшееся перерождение демократии в чиновничью демократуру и предлагал конкретную программу действий против этой угрозы. Услышан не был.

Давным-давно начал говорить на каждом углу, что пренебрежение к социальной сфере угробит демократию и приведет к реставрации прошлого. Чтобы как-то поправить ситуацию, организовал Партию социальной демократии. Понимания со стороны властей и общества не последовало. Как показало время, именно дикая социальность и топчет доверие к демократии.

Без конца, начиная с 1986 года, говорю о необходимости возрождения малых городов и малого бизнеса, поскольку здесь будущее России. В ответ — равнодушие.

В 1994 году я обратился к российской и мировой общественности с просьбой поддержать идею международного суда над большевизмом. Дружное молчание.

Вот и сегодня заявляю, что фактическая власть в стране захвачена чиновничеством — жадным, коррумпированным и бессовестным, толкающим Россию в бездну. Услышат ли?

К чему я веду свои рассуждения? А вот к чему, причем оговариваюсь, что пишу только о своих ощущениях. За мои предложения я был оклеветан, причислен к шпионам, получил десятки гнусных ярлыков, не один раз вызывался в прокуратуру, привлекался к суду и подвергался расследованиям, получал похоронные венки и угрозы покончить со мной физически.

Сегодня некоторые позиции, которые я высказывал 10—20 лет назад, становятся нормой жизни. Скажут: обижается старик. Это я о себе. Конечно, и это есть, что там говорить. И все же подобные чувства — ничтожнейшая часть моих настроений. К счастью, в этом вихре реальных борений и фальшивых страстей мне еще достает чувства юмора.

Капризы и причуды истории! Вот она, российская «справедливость и логика»! Пьем беспробудно, но пьяниц не любим. Воруем вот уже тысячу лет, но воров не уважаем. Лжем непрестанно, но лжецов презираем. Богатых ненавидим, но сами работать не хотим и обожаем жить за чужой счет. Мечтаем об изменениях, но отвергаем реформаторов. Наша мечта: изменить все, ничего не меняя, изменить все, но не себя.

Скажут: чего теперь ворчать-то? Громче говорить надо было! Это верно. И дело сейчас, повторяю, не в каких-то обидах, я не угнетаю себя подобными бессмысленностями. Могут подумать — вот, мол, он все знал и все предвидел, хвастается. Увы, знал я далеко не все, часто ошибался, страдал политической романтикой, что едва ли недопустимо в обстановке общественного перелома и взбудораженных страстей. Но, в общем-то, я какими-то уголочками сознания, скорее, интуитивно, догадывался, что, безоглядно ринувшись в пучину крутых перемен, я сам себя толкнул в ряды политических самоубийц. К тому же как-то запамятовал, что правители, варившиеся в тоталитарном котле, умеют слушать только самих себя, поскольку, по их убеждению, должность — это и есть ум и талант. Сегодня — те же грабли.

Можно изменить страну, даже весь мир, но как изменить самих себя? В каждом из нас живут не менее трех человек — человек «счастливого прошлого», человек «неприглядного настоящего» и человек «спасительного будущего». Абракадабра, но в этом есть какая-то загадка, свившая себе гнездышко там, где человек оказался не в состоянии разобраться в истинных ценностях жизни, а в то же время захвачен созданием смертельных антиценностей, от чего, если не остановиться, человечество зачахнет.

Нет, не научились мы еще уважать ближнего своего, ибо не уважаем самих себя. Вот и едим друг друга, радостно причмокивая. Да и вся наша страна — страна Самопожирания. И все же хочется верить вслед за Пастернаком, что *«...придет пора, силу подлости и злобы одолеет дух добра».*

Итак, пора заканчивать.

Пессимизм, как известно, — палач сознания. Он не бросает людей на плаху с топором, но вымывает из человека душу. Каждый пустяк выглядит драмой, от чего чернеет все вокруг. С подобными драмами оптимист справляется легко, он превращает их в комедии.

А как же быть с трагедиями?

На самом деле, Россия все прошедшее тысячелетие воевала, междоусобничала. Друзей нет, одни враги да вассалы. Хвалятся, что в России никогда не было рабства, что она сразу шагнула в феодализм. Помилуйте, никуда Россия не шагнула. Все попытки реформации общественного устройства сгорали в рабской психологии, столь удобной для чиновничье-феодального государства.

Мы веками лелеем надежду на лучшую жизнь. Ложимся спать с надеждой и просыпаемся с нею же. Ждем и от наступившего столетия чего-то неожиданного, быстренько забыв, что было с нами раньше. Задумал Александр II отойти от рабовладельческого феодализма — убили. Того же самого захотел Столыпин — убили. Протрубил о приходе всеобщего счастья Ленин — обманул, оставив после себя только бронзовые истуканы с протянутой рукой, да еще нищую и разрушенную страну. Уничтожая Россию и ее народы, Сталин тоже утверждал, что всеобщее счастье — за ближайшим поворотом. Во время Реформации после 1985 года был опрокинут тоталитарный режим, но не до конца. Страна «Номенклатурия» продолжает жить, и достаточно сытно.

Вот и продолжаем мы сидеть в сумерках на пенечке ожиданий — словно безногие, безрукие и безголовые. Работать умеем, но не хочется, да и чиновник не дает. Пенек пока держит нашу голую задницу, но и он подгнивает.

Исторически совсем недавно мы вознамерились догнать время. Но, увы, оно снова убегает от нас. Ему, надо полагать, надоело биться с мертвыми тенями в наших мозгах. Страшно подумать, что нам уготована судьба печенегов, скифов, половцев, инков, ацтеков и многих других, загадочно исчезнувших народов. Если не проведем объявленные реформы, то исчезнем и мы, но в отличие от древних совсем без загадок. Потому как мы еще рабы, но с претензиями, которые в третьем тысячелетии просто смешны. Потому как больны гордыней без достоинства. Занимаемся демагогией, а не построением дороги в человечество.

Что это? Предназначение? Божий промысел? Помутнение разума? Не знаю.

Реформация не дала ответов на многие вопросы, предельно остро вставшие перед страной. Возможно, не смогла, а возможно, и не успела. Во многих случаях она лишь подошла к ним, причем настолько открыто и честно, насколько реформаторам хватило ума и мужества. Не буду спорить, время откровений и точных оценок еще не пришло. Улягутся страсти, закончится всероссийская ярмарка тщеславий, ослабнет мутный поток всякого рода большевизма-фашизма, тогда белое станет белым, черное — черным, тогда все цвета радуги станут естественными.

Пока же для меня ясно одно — на вызов истории наша страна в принципиальном плане дала правильный ответ. В любом случае народу, чтобы выжить, надо было выбираться из пропасти, в которой он оказался в результате бесконечных войн, октябрьской контрреволюции, гражданской войны, ленинско-сталинского террористического режима, войны 1941—1945 годов, безумной милитаризации экономики. Очередное заболевание авторитаризмом в начале нынешнего века тоже пройдет.

Вот уже 20 лет Реформация бьется лбом о видимые и невидимые стены, ее держит в своих объятиях замешательство, она мечется в поисках дороги к свободе и процветанию. Бежим к свету, а попадаем в темноту. В чем же дело?

На мой взгляд, без решительной дебольшевизации всех сторон российской жизни эффективные демократические реформы невозможны, а формирование гражданского общества обречено на мучительные передряги. Утверждал, утверждаю и буду утверждать, что пора нам перевернуть парадигму власти. Не Государство — Общество — Человек, а Человек — Общество — Государство. Вот тогда все и встанет на свои места, восторжествует подлинная справедливость.

Заканчивая свои во многом исповедальные размышления, я хочу сказать следующее. Несмотря на всю невнятицу общественной жизни, я горжусь тем, что участвовал в тяжелой, ухабистой, но и светлой борьбе за свободу человека в моей стране. Но пока что сумерки, утренние или вечерние — не знаю, но я продолжаю надеяться, что утренние. Жадно хочется верить словам Короленко: «На святой Руси петухи кричат, // Скоро будет свет на святой Руси!».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александр Николаевич Яковлев

СУМЕРКИ

Редактор *О. Кулагина*
Корректор *Г. Страхова*
Художник *Б. Ушацкий*

Оригинал-макет подготовлен
ООО «БЕТА-Фрейм»

ЛР № 061660 от 06.01.97 г.

Подписано к печати 28.01.2005.
Формат 60×90 $^1/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Балтика.
Печ. л. 42. Тираж 5000 экз.

ООО «Издательская фирма «Материк».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 24, стр. 3.
Тел./факс 925-02-62
E-mail: materik@awax.ru
http://www.materik.info